

фантастическая
история

Константин Костинов

Сектант

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Константин Костинов Сектант

Аннотация

1925 год. Ни войн, ни катаклизмов, ни революций – годы созидания, надо строить, а не воевать.

Справится ли с этой задачей житель двадцать первого столетия Сергей Вышинский, сумеет ли обрести себя? Поймет ли он, где очутился? Ведь до того, как провалиться в прошлое, он был самым обычным, не обремененным историческими знаниями менеджером по продажам, участником ролевки, случайно активировавшим найденный в сельском музее магический артефакт.

Содержание

ПРОЛОГ	3
Часть первая ДЕРЕВНЯ	31
Часть вторая ГОРОД	197
Часть третья МОСКВА	488
ЭПИЛОГ	500

Константин Костинов Сектант

*Все действующие лица
произведения (за исключением
исторических персонажей) являются
вымышленными, так же как и город
Песков, клуб исторической
реконструкции «Вьюга лезвий» и
Институт истоков фольклора.*

Пролог

Вжжии-иих...

Клинок, сверкнув кровавым отблеском, пронесся над головой противника. Неудача...

Красное закатное солнце смотрело сквозь ели на поляну, которую взрывали калигами двое бойцов. Уже поползли по земле длинные тени, тянуло сыростью от ближайшего ручья, только сражающимся было жарко...

Вышата принял на щит удар топора, взмахнул мечом, надеясь достать до ноги, однако Ингвар был слишком опытен, отпрыгнул в сторону и попытался еще раз поразить недруга. Ух... Еле успел отбить щитом. Все-таки Вышата умелым бойцом не был. Опытным — да, уже семь лет как взял в руки меч, отчаянным — да, но вот умения ему всегда доставало.

Махнул мечом, отскочил. Снова попробовал полоснуть острым железом врага. Не попал — уклонился... Дело даже не в умении, наверняка здесь, как и в любом ремесле, нужен талант, который дается Богом, и если уж его нет... То быть тебе вечным середняком. Как и всегда. Как и во всем.

Нет никаких сомнений — бой проигран, дальше сражаться — только оружие тупить. Зрителям, окружившим место турнира, уже стало скучно. Вот и Конунг наконец поднял длинный меч:

— Бой выигран Ингваром!

Бойцы опустили оружие. При других обстоятельствах славянская группа загудела бы, что Конунг подсуживает викингам. Только сейчас преимущество Ингвара было ясно видно всем. Да и солнце уже почти село. Хватит, в самом деле. Если бы и вправду

сошлись в смертельной битве захватчик-викинг и доблестный славянин, тогда Вышата (в миру — Сергей Вышинский, менеджер мелкой фирмочки) не сдался бы так легко... Впрочем, будь это настоящий бой, Вышата уже лежал бы с раскроенным черепом. Все-таки правила турниров клубов исторической реконструкции не позволяли оттачивать клинки до боевой остроты. Иначе так и без участников можно остаться. Кто тогда на следующий турнир поедет?

Сергей опустился на чурбан. Меч воткнулся в землю рядом, вода, громко булькая, полилась из фляжки в пересохшее горло. Дернул завязку, удерживавшую волосы в хвосте. Передохнуть, перекусить (от костра пахло пшенной кашей с тушенкой, блюдо не средневековое, однако сытное) — и в палатку... ан нет. Знакомый из соседнего поселка, работающий в местном музее, пригласил на позднюю эксклюзивную экскурсию для ознакомления с сокровищами местного края. Зачем только согласился? Теперь из чистой вежливости придется тащиться несколько километров в эти Загорки, смотреть на ржавые плуги и гильзы, откопанные деревенскими энтузиастами.

— Держи!

На колени плюхнулась глиняная миска, полная желтой ароматной каши, курящейся паром. Сергей вытащил из-за голенища собственноручно вырезанную когда-то чуть кривоватую ложку и начал сноровисто забрасывать пищу в рот, стараясь не размазать ее по длинной бороде.

Выскребя посудину и облизав ложку, он поднял глаза. Энергия поднималась из приятно тяжелого желудка... А что это все так уставились?

— Вышата, — медленно проговорил Гюрята, здоровенный увалень, в реале — Гриша, автослесарь, где-то в Мытищах, — как тебе кашка-то?

— А что?

— Вку-сная? — запнулась повариха отряда Любава (Люба, студентка четвертого курса).

— Ну вы же знаете, мне — лишь бы съедобно, а смолотить я могу все. Что случилось-то? — Сергей рассмотрел, что, кроме него, кашу не ел никто, миски стояли полные.

— Да просто наша хозяйшка, — при этих словах Гюряты Любава вспыхнула и затеребила край фартука, — бухнула в котел полную пачку соли.

То-то каша показалась солоноватой. Была у Сергея особенность почти не различать вкуса еды, частенько пугающая непривычных людей. Вот как сейчас.

— Да расслабьтесь, задумался, не обратил внимания...

Народ немного успокоился, перестал глазеть, как на чудо морское, и поразбрелся по своим делам. Сергей хихикнул, вспомнив, как в свое время, студентом, пожарил и съел сосиски, летом неделю пролежавшие в тумбочке и пахшие весьма неприятно. Ничего, не умер же...

— Ну что, солеед, — хлопнул его по плечу Ингвар, — пойдем в деревню?

Ах да, музей... Сергей с тоской глянул в сторону палатки, тихо посетовал на свою доброту и неумение отказать и поднялся. Будь прокляты все музеи, и деревенские в первую очередь!

— Вышата, стой!

Сзади подошел Конунг, на турнире — грозный и авторитетный вождь, в Москве — глава клуба исторической реконструкции «Вьюга лезвий», в который семь лет назад занесло скучающего студента Серегу. Конунг держал меч в ножнах.

— Вышата, можно попросить тебя? — Будь Сергей в группе викингов, Конунг бы просто приказал, однако последнее время славяне обособлялись и, возможно, в скором времени выделятся в отдельный клуб. Поэтому глава не давил на них. — Завтра у нас показательные выступления.

Ну да, ну да... Жонглирование ножами, метание в цель, стрельба из лука и тому подобное. На фестивалях такими трюками развлекают публику, а на турнирах, где собираются разные клубы, — меряются понтами и хвастаются бойцами...

— Хаук, — мотнул головой в темноту, прятавшую палатки, Конунг, — сегодня повредил руку...

Правильно, Хаук (Серега Соколов, омоновец из Питера) на двобое неудачно подставил руку, и мечом ему перебило два пальца. Хорошо еще, что турнирные мечи затуплены, а то остался бы инвалидом.

— ...а завтра он должен был рубить капусту и метать ножи...

— Хочешь меня попросить? — перебил Вышата.

Конунг поморщился. Он не любил суетливости.

— Да. Остальные ребята либо заняты в других выступлениях, либо недостаточно обучены мастерству. А ты более-

менее...

Вот именно. Более-менее. Вечный середняк. Даже в умении метать ножи, которым Сергей втайне гордился, он не был первым во «Вьюге лезвий».

— Ладно, согласен. Давай.

Конунг протянул меч, в отличие от турнирного отточенный на совесть, хлопнул по плечу и ушел.

Отнести в палатку на другой стороне лагеря или взять с собой? В борьбе разума и лени победила лень. Сергей закинул ножны с мечом за спину и направился к нетерпеливо притоптывающему Ингвару (Игорь Гарин, преподаватель вуза).

Соль можно не почувствовать, но организм не обманешь, и все время, пока они шли вчетвером (Сергей, Ингвар-Игорь и две девчонки, то ли Катя и Люда, то ли Лена и Клава) по темной лесной дороге до музея, пить хотелось, как верблюду после недельного перехода. Такое ощущение, как будто вся соль выступила на языке и покрыла его толстой шершавой коркой. Да и меч, в наказание за лень, тяжелой гирей оттягивал плечо и периодически бил по спине. Да где этот...

А вот и обещанный музей... Ух ты! Огромный домина, изогнутый буквой «П», темнел за яблонями сада на окраине Загорок. Да он же как минимум двухэтажный! Под одинокой лампочкой на крыльце в торце одной из ножек буквы скучал Денис — местный учитель истории, давно знакомый с половиной участников турнира и проводивший новичкам экскурсии по музею. Говорили, интересно...

Ночной экскурсовод (черт его возьми, не мог днем собрать) скоренько пожал руки Сергею и Ингвару, чмокнул девчонок и загремел ключами.

— На первый этаж мы не пойдем, — говорил он через плечо, — вам навряд ли будут интересны кадки, сохи и прочие маслобойки. Сразу на второй...

Дверь бесшумно распахнулась.

— Велком ту зе пати, — сделал приглашающий жест рукой Денис.

Где ты видел настоящие пати...

— На первом этаже у нас повседневная жизнь села. — Денис повел их внутрь по темному коридору, одновременно начиная экскурсию. — Вот здесь у нас...

Одна из девчонок пискнула в темноте и шлепнулась, как

кошка со шкафа.

— ...ступеньки. Потом — налево и по лестнице.

Отряд потянулся по скрипучей темной лестнице. Сергей плелся следом, цепляясь мечом за перила и размышляя над загадкой: почему чертов гид не включает свет или хотя бы фонарик? Или экспонаты будем рассматривать в темноте?

Версия оказалась ошибочной. Защелкали выключатели, и ослепительные после ночного мрака лампочки осветили широкий коридор. А в нем... Висело на стенах, проглядывало в застекленных стеллажах и витринах... Что? Да все что угодно. Оружие, холодное и огнестрельное, тщательно очищенное, в идеальном состоянии. Россыпи разнообразных монет, от светло-серых до кислотно-зеленых. Наборы касок, от советских до вермахтовских. И многое-многое-многое... Или все это богатство копилось не один десяток лет, или же все местные жители с утра до позднего вечера промышляют в роли «черных копателей». Прямо напротив проема, в котором замерли от удивления экскурсанты, стояла непонятная металлическая конструкция, больше всего напоминавшая мини-танк, с пулеметом в квадратной неповоротной башенке и на санных полозьях вместо гусениц. Взгляд, ошалело блуждающий по коридору, выхватывал отдельные мелочи: офицерский планшет, клинковый штык от автоматической винтовки системы Симонова, английский пистолет-пулемет «Стэн» (если верить табличке), красноармейские петлицы и немецкие погоны. А также множество гильз от патронов и снарядов. И вот такое сокровище в каком-то замшелом деревенском музее?! Во рту бы пересохло, если бы там и так не обосновалась пустыня Сахара. Сразу захотелось курить.

— Наш музей был основан при загорской школе в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, — профессиональным голосом завел Денис, — когда учениками было принято решение о создании комнаты памяти Гражданской войны...

«Ага, — съязвил Сергей, размышляя, можно ли здесь курить, — знаем мы, как ученики принимают такие решения: учителя сказали, несчастные детки и решили...»

— А что это за броневик? — Катя и Лена обошли странную фиговину, присели сзади. — Дверцы...

— Это, — с готовностью переключился Денис, — так называемая бронированная огневая точка — БОТ, нечто вроде маленького передвижного дота...

Если останавливаться возле каждой железяки, то они

застрянут надолго...

Сергей машинально похлопал себя по бокам (наличие карманов в средневековой одежде не предусматривалось), вздохнул и шагнул к Денису:

— Слушай, у тебя закурить есть?

Денис, оторвавшись от рассказа о том, как именно металлического выкидыша танка таскали на позиции, охлопал себя и протянул початую пачку.

— Я покурю на крыльце. — Сергей утащил сигаретку.

— О'кей, — согласился Денис, — только недолго, а то пропустишь много интересного.

Ага, из какого болота вы все это натягали? В какой-то деревне и музей?! Есть чем гордиться, подумаешь...

Сергей курил, выпуская дым в свежесть уже летнего вечернего воздуха. За деревьями сада проглядывали огоньки деревни: уличные фонари, свет окон. Музей, как он успел расслышать, разместился в здании старой школы, после того как где-то в конце восьмидесятых построили новую. Нормальные люди продали бы все мало-мальски ценное, а они волокли сюда. Может, предложить Денису?..

Сергей загасил окурок, прицелившись, кинул его в железное ведро, стоящее в двух метрах. Попал, конечно. Ладно, попробую...

Голос Дениса доносился со стороны одной из комнат (бывших классов, надо полагать). Сергей проскочил туда, мимоходом пытаясь подсчитать стоимость того, что находится здесь... хотя бы части... Да хоть чего-нибудь! Никогда не интересуясь ничем таким (даже историю в школе и институте сдал на тройки), он затруднялся определить, редкость ли перед ним или какая-нибудь банальщина, которую любой понимающий антиквар высмеет, стоит только развернуть сверток (в мыслях он почему-то приносил трофей в магазинчик завернутым в брезент, старый и выгоревший). Вот, например, снаряд от катюши... Блин, здоровенная дура! Нет, для примера надо что-то попроще и поменьше. Вот пистолет на стене висит... Если верить табличке... Ага, «Тульский-Токарев», а так это «ТТ», любимое оружие киллеров... Нет, тоже не подходит, торговля оружием — это как-то не то, о чем Сергей мечтал ночами. Заметут, и закончится бизнес где-нибудь в лесах знойной Колымы. Нет, Сергей, конечно, хотел бы пойти по стопам олигарха, но не Ходорковского же! Нет, так, с бухты-барахты, антикварным королем не станешь. Сначала с

Денисом поговорить, намекнуть на возможность сотрудничества, а потом, может, вместе сообразим...

Из комнаты донеслись восхищенные взвизги девчонок и крикание Ингвара. Чего они там делают? Сергей заглянул в проем.

Ингвар с напряженным лицом стоял посередине комнаты, почти не двигаясь, окруженный стальным облаком, вокруг него свистела и металась шашка, которую он крутил, перебрасывая из руки в руку.

— Оп! — Тяжело дыша, Ингвар остановил жуткую вьюгу (воистину вьюгу лезвий) и опустил руку с зажатым в ней оружием.

Очарованные девчонки зааплодировали. Даже Денис хоть и улыбался скептически, однако покачал головой с явным уважением. Сергею стало завидно. Почему он так не умеет? Пробовал, конечно, и даже немного научился, вот только дальше требовались тренировки, а времени как-то не находилось... Так и не осилил он это умение...

— Вот это оружие! — Ингвар в чувствах поцеловал клинок. — Настоящая, казачья! У меня дед такой немцев рубил. Откуда она у вас?

— Подарили, — гордо ухмыльнулся Денис. — Старик-ветеран приезжал, воевал у нас. Посмотрел и сказал, что детки не сберегут, а у нас хоть память о нем останется. Сказал, видит, что у нас историю хранят...

— Да уж, — начал приводить в действие свой план Сергей, — такую коллекцию хоть в Москву, а то здесь ее практически и не видит никто, кроме коров...

— Да ты что, — Денис обиделся, — у нас же постоянно туристы! Я потому ночью вас и вожу: днем здесь не протолкнешься. К нам со всей России приезжают и из-за границы: немцы, финны, норвежцы...

Дальше Сергей слушать рекламу Загорского музея не стал. Диагноз ясен: Денис — ярый патриот своей деревни. Убедить такого продать хоть один экспонат из музея... Да легче уговорить гаишника на дороге отпустить тебя без последствий и оплаты, когда он поймал тебя пьяного и без документов на встречной полосе!

Черт! Такая возможность начать свой собственный бизнес накрылась. Сергей уже давно мечтал о том, чтобы прекратить работать на чужого дядю и начать свое дело. Правда, всегда что-то мешало: то отсутствие денег, то недостаток знаний. Короче, до сих

пор все мечтания таковыми и оставались. А тут такая возможность и на тебе: на пути встал деревенский учитель со своим замшелым патриотизмом. Может...

Обдумав вкравшуюся в голову мысль, Сергей отверг ее как неприемлемую: кража привлекала его еще меньше торговли оружием. Одно дело — сесть за продажу раритетного пистолета, какого-нибудь «манлихера», можно сказать благородная статья, и другое дело — если тебя поймали за руку при попытке утащить из деревенского музея ржавый плуг, на котором еще в тыща девятьсот каком-то году подписали указ о создании колхоза «Сорок лет без урожая»... Да к черту! Садиться Сергей не собирался по любой статье.

— Денис, — не пришел он к окончательному выводу, — можно я прогуляюсь сам, просто посмотрю...

— Да можно, конечно, — отмахнулся тот.

Ингвар снял со стены уже две шашки и медленно раскачивал их, явно собираясь показать класс. Девчонки заняли свои позиции у стенки и перешептывались, не обращая ни на Дениса, ни на Сергея никакого внимания. Ну почему ни одна из девушек не смотрит так на него, Сергея?! Чем он хуже Ингвара?! Не умеет крутить мечи, сабли, шашки и прочий холодняк? Непрестижная работа? Что не так?!

Сергей вылетел в коридор, горя жаждой устроить что-нибудь такое... такое... Ну чтобы все ахнули! Ага! Не нужен мне чистоплюй Денис! Воровать плохо? ХА! Все состояния нажиты воровством! Закон жизни!

«И пока ты сидишь за воровство, твое состояние прогуливают наследники. Закон Фостерс», — съязвило не вовремя проснувшееся подсознание, склонное у Сергея к циничным шуткам.

Ну уж нет! Не такой я дурак, чтобы попадаться. Сегодня только высмотрю что-нибудь ценное (если, конечно, смогу отличить ценное от бесценного... тьфу, неценного... малоценного... дешевки, короче!). А потом, может, через годик приеду еще разок и упру! Продам, разбогатею, открою собственное дело, куплю квартиру, машину... Вот тогда посмотрим, девочки, на кого вы будете глядеть: на меня, всего такого крутого-продвинутого, или на Ингвара, у которого из мебели только кафедра в институте.

Сергей остановился посредине коридора. Медленно огляделся, как алкоголик, попавший на винный склад: все твое,

поэтому некуда торопиться, можно посмаковать сам момент выбора и только потом уже насладиться вкусом вина, а поскольку внимательно он пока не присматривался, то ценным казалось все. Сергею раньше не приходило в голову заниматься антиквариатом, а поэтому он и не знал, что будет поценнее. Может быть, какие-нибудь фашистские регалии? Вдруг на этом деревенском складе рухляди отыщутся секретные бумаги, подписанные Гитлером или там Сталиным? Они ценнее всего остального будут. Или, скажем, медальон обер-лейтенанта Отто Ларинголога, пропавшего без вести еще в сорок первом в этих краях. Сентиментальные немцы неплохо платят за такое. Ладно, хорош мечтать, пора выбирать...

Ближе всего находилась крашенная белой масляной краской филенчатая дверь. На ней красовалась деревянная резная табличка: «Уголок суеверий». Сергей повернул ручку, тусклую, латунную. Дверь открылась бесшумно, щелкнул выключатель. Уголок оказался небольшой комнаткой, в которой во времена школы наверняка располагался не класс, а какое-нибудь подсобное помещение. Застекленные стенды на стенах, несколько витрин. Все. Ценного тут, похоже, немного... Ну, надо же с чего-то начинать.

Видимо, при создании музея в довоенные времена суеверием считалось православие. По крайней мере, только с той поры могли сохраниться вон те небольшие иконки, деревянные, картонные. Даже бумажные... Было еще несколько медных, покрытых толстым слоем зеленой окиси. Раньше здесь почтительные прихожане, может быть, прятали от большевиков большие иконы из какой-нибудь разрушенной церквушки. Но сейчас остались только эти, представляющие чисто исторический интерес.

На другом стенде на темном выгоревшем бархате красовалась россыпь нателных крестиков, среди которых Сергей увидел даже алюминиевый, точно такой же, с которым крестили его самого. Каждый экспонат был снабжен маленькой табличкой, пояснявшей, откуда он взялся. Под одним крестиком, тоже алюминиевым, только грубой работы, с неровными краями и чуть-чуть кривоватым, табличка гласила, что раньше он принадлежал лейтенанту (фамилия неразборчиво) и был сделан им самостоятельно из дюрала его же самолета, сбитого немцами... Дальше выгорело окончательно.

Висел в углу здоровенный булыжник с дыркой посередине, рядом прилагалась табличка: «Куриный бог».

В одной из витрин стояли стеклянные баночки с сушеной травой и любопытными табличками: «одолень-трава», «плакун-трава».

Во второй витрине находились еще более занимательные вещи. Темный комок с табличкой: «Сорокадневный ладан». Непонятная «Рябиновая свеча». «Осиновая зола» в баночке из-под майонеза... А это что?

В витрине у правого края лежала темная, судя по цвету медная, пластинка, величиной с книгу средних размеров и толщиной примерно такая же. «Артефакт неизвестного назначения» — вот что было написано на табличке. Оно и понятно: уяснить, для каких надобностей можно использовать эту фиговину, было практически невозможно. Сергей наклонился пониже.

В центре пластины находилось углубленное изображение ладони в натуральную величину, окруженное стертым растительным орнаментом. Такой же (а может, и несколько другой, растения все похожи) узор вился и по краю. Все пространство вокруг было испещрено буквами, по виду — старославянскими, мелкими и тоже основательно потертыми.

Сергей не был силен в славянских культах, несмотря на свое увлечение реконструкцией. Хватит с него и того, что он знает, как владеть мечом, и носит одежду, сделанную по старинным технологиям (на турнирах, конечно). Не хватало еще насиловать собственный мозг язычеством и прочей лабудой.

Но вот что это за хрень? Сергей о таком никогда не слышал. А что это означает? Что вещь эта очень редкая. А редкие вещи что? Правильно, студент Вышинский, очень дорого стоят. На церковную принадлежность не похожа, а значит, может оказаться, что сделали ее еще до крещения Руси, отсюда следует, что ей лет под тысячу. Понятно, деревенские «историки» определить это не смогли и добавили вещицу к своему хламу...

На табличке под названием мелкими буквами была напечатана история нахождения: «Обнаружен в 1940 году в ходе земляных работ в лесу у с. Загорки местным жителем колхозником С. С. Донцовым». Колхозником, ну конечно...

Мысленно Сергей уже аккуратно укладывал в дорогой кожаный дипломат пачечки новеньких оранжевых купюр, которые ему протягивал некий смутный коллекционер, искавший эту фиговину всю свою жизнь. Впрочем, если пока неизвестному собирателю только сказать, где лежит артефакт, то вместо кучи

бабок получишь только пламенное спасибо. Не-ет, нужно принести, положить на стол и только тогда... А значит, нужно...

В глубине души Сергей, конечно, понимал, что ни воспитание, ни характер не позволяют ему действительно украсть артефакт и все ограничиться сладкими мечтами. Сама мысль об этом была рождена обидой на Ингвара и особенно на девчонок, которые не обращали на него, славянского воина Вышату, никакого внимания (причем не только эти и уже давным-давно...). Но так приятно воображать себя крутым грабителем музеев, вроде мужского варианта Лары Крофт! И ведь так просто: открыл витрину, достал, спрятал за пазуху... Тут скептицизм взял верх: пластина была величиной с книгу и, возникло подозрение, весила столько, что из-за пазухи провалится прямо в... штаны (нижнего белья Средневековье также не знало). Это подсознательно мозг считает, что предметы одного размера одинаково и весят. В реале же плотность никто не отменял.

Как можно установить вес артефакта? Ответ: опытным путем. Та-ак...

Крышка витрины долго сопротивлялась, как будто... блин, да не как будто, она действительно надежно приколочена гвоздями! Но как-то же они стирают пыль и тому подобное! Сергей присел... Ага! В витрине было сделано выдвижное дно, вроде как в ювелирных магазинах. Попробовал вытащить, но только чуть не сломал ноготь. Хитрые музейщики, предвидя возможность приезда излишне любопытных, вывинтили ручки, оставив от них только круглые дырки. Но дно явно не закрыто на замок и не заколочено: если понажимать его пальцем, оно явственно качается. Чем бы таким острым поддеть?.. Ничего под рукой... Вот болван! За спиной висит целый меч, а он: «Ничего острого, ничего острого!» Выругав себя за недогадливость, Сергей вытянул меч. Чувствуешь себя героем квеста: чтобы достать артефакт, нужно применить меч. Направил кончик клинка... Так, теперь поправим...

Блин!

Забыл, что меч не его, а всученный Конунгом для завтрашней показухи с рубкой капусты! А значит... блин... острый как бритва! Палец распорол в мгновение, хлынула кровь. Вышата Кровавая Рука, блин! Больно!

Другой бы уже плюнул на проклятую штуковину и занялся самоврачеванием, но Сергея препятствия только злили и включали упорство, больше похожее на тупое упрямство. Обмотав

раненый палец полый рубахи (один черт стирать), он все-таки подцепил мечом ящик с экспонатами и со скрипом вытащил его из витрины. Закинул меч в ножны. Артефакт теперь можно было рассмотреть поближе... Черт! Да он весит килограммов восемь! Сергей машинально подхватил его второй рукой и этим разбередел рану. Не упустившая момент кровища хлынула по новой, заляпав весь треклятый артефакт. Сергей мысленно плюнул, зажал палец в ладони, надеясь хоть так приостановить кровотечение, и поднял пластину.

Сверху прямо над углублением в виде ладони (левой) в растительный орнамент было вплетено слово «Туда». Остальная надпись была основательно потерта плюс выведена такими заковыристыми древними буквами, что можно было разобрать только отдельные слова: «руда», «сталь», «ночь» и, пожалуй, «судьба». Остальные буквы либо совершенно не распознавались, либо складывались во что-то неудобочитаемое: «Гдь», например. Или «рць».

— Ну и что это должно означать? — спросил Сергей в пространство.

Никто не ответил.

Он поставил пластину на ребро и заглянул с обратной стороны. Там находилось то же самое, только ладонь впечатана была правая и сверху написано: «Обратно».

— Туда и обратно, или Приключения хоббита, — перефразировал с усмешкой Сергей.

Опустил пластину на ящик, она глухо бумкнула.

Блин, она же вся залита кровью! Сергей потерял ее ладонью, полый рубахи, но добился только того, что кровь, исчезнув с выпуклостей узора и букв, притаилась в углублениях. Ну и фиг с тобой. Все равно незаметно.

Кровь удалось убрать только из углубления, неожиданно тускло заблестевшего в свете лампочки.

Сергей усмехнулся: больше всего пластина походила на кодовый замок, сканирующий отпечаток ладони. Он представил, как какой-нибудь колдун (сказалось давнишнее увлечение фэнтези, занимайся он историей, и представил бы рыцаря, викинга или короля) подходит к двери в своем черном, страшном замке, прикладывает руку к бронзовой пластине на двери, и огромные ворота с шипением раздвигаются в стороны, пропуская хозяина.

Он вытащил меч из ножен, принял картинную позу и

торжественно возложил левую руку на пластину, как раз в углубление.

В комнате негромко хлопнул воздух, устремляясь в пустоту. Так, как это происходит, когда внезапно, оставляя после себя только вакуум, исчезает какой-нибудь предмет.

Например, человек.

* * *

Вжи-и-их...

Сергей Вышинский лежал.

Ревнителю чистоты русского языка и учителя грамматики могут придаться к этим словам: мол, предложение не закончено, непременно нужно уточнить, на чем лежал Сергей. Согласимся. Эта фраза, действительно, неточна. Однако сообщить, где он лежал, мы тем не менее не можем. Потому что под ним (а также над ним и вообще вокруг него) находилось ничто. А сказать, что он лежал на нигде, нам не позволят те же самые ревнителю.

Почему же мы отметили, что фраза неточна? Дело в том, что мы сказали: «лежал». А Сергей не лежал, он «начал лежать». Конечно, в таком виде наше утверждение и вовсе доведет любого учителя до припадка: уж больно оно походит на «упала вилка на пол и начала валяться». Но, к нашему глубочайшему сожалению, и здесь мы сказать иначе не можем. Как же тогда изобразить словами состояние, когда человек, только что не лежавший, начинает лежать? «Он лег»? Неверно. Так можно сказать в том случае, если упомянутый нами человек перешел в лежащее состояние из какого-то другого. Ну, например, сначала он стоял или сидел, а потом лег. А наша ситуация несколько иная: Сергей появился в нашем «нигде» уже лежащим, а до этого его здесь не было вовсе. Значит, что? Значит, он именно начал лежать. Так что мы правы. Более того, несмотря на то, что Сергей лежал неподвижно, он при этом двигался. Куда? Скоро мы вам расскажем.

Говорят, когда человек умирает, перед его глазами проносится вся его жизнь. Увы, с Сергеем такого не наблюдалось. Наверное, потому что он не умер.

Правда, если бы жизнь действительно решила пронестись перед ним, то просмотр много времени бы не занял.

Уж так получилось, что жизнь Сергея была очень скучной. Большая доля вины за это лежала конечно же на нем самом.

Согласитесь, трудно обнаружить что-либо интересное в жизни человека, не прилагавшего никогда никаких усилий.

Родился он в 1985 году, чем родители очень гордились, они называли его ровесником перестройки. До того самого времени, пока перестройка не сдохла вместе с Советским Союзом.

Когда он учился в школе, его звали Сережей (отец), Сереженькой (мама), Серым (друзья) и Вышинским (учителя, когда он не мог ответить урок, то есть практически постоянно). Несмотря на то что его родители были людьми воспитанными и где-то даже интеллигентными, сынок их учился очень плохо. Может быть, потому, что его школьные годы пришлось на заливхватские девяностые, когда быть умным казалось чем-то неприличным, самыми богатыми и уважаемыми людьми стали бандиты, бизнесмены (то есть те же бандиты, только старавшиеся выглядеть респектабельно), проститутки и модели (между которыми тоже особой разницы не наблюдалось). По этой причине вместо того, чтобы получать знания, Сергей предавался мечтаниям о том, как он вырастет и разбогатеет, после чего станет покупать все, что захочет, и ездить на шикарной иномарке, за которой длинным шлейфом будут бежать все те девчонки, что не обращали на него внимания, умоляя простить. Правда, в мечтах момент получения богатства почему-то подробно не просматривался, поэтому Сергей был уверен, что он как-то разбогатеет сразу после выпускного.

Примерно классе в восьмом к сказочным планам разбогатеть (путем обнаружения клада или как-то так) добавилось острое желание завести подружку. Но подружки вели себя совершенно как старый «запорожец», то есть не заводились. Вероятно (как был уверен Сергей), потому что у него не было денег, одежды и самоуверенности, или (как думали девчонки) потому, что он был хорошим и симпатичным мальчиком, который почему-то не проявляет абсолютно никакой инициативы. Наконец одна из одноклассниц, может, и не самая красивая, зато достаточно активная, пригласила его поиграть в компьютер, вечером, когда ее родители уехали на дачу. Так у Сергея появилась подружка. Подружка была слегка повернута на магии, каковая зараза перекинулась и на Сергея. Правда, развилось у них это в разных направлениях: если подружка после школы открывала магический салон и сейчас ездила на той самой машине, которую в мечтах видел Сергей, то сам он пристрастился к чтению фэнтези, поглощаемой им в невероятных количествах, и ездил на метро. Это

привело к двум следствиям: мечты трансформировались из нахождения клада в обретение некоего магического прибамбаса, позволяющего исполнить все желания (или конкретные, в зависимости от того, чего Сергею на момент мечтания остро не хватало). Вторым следствием стало вступление его во «Вьюгу лезвий». Историческая реконструкция его разочаровала, так как ни в фехтовании, ни в стрельбе из лука, ни в других боевых умениях (кроме разве что метания ножей, на что у Сергея, видимо, был врожденный талант) достичь мало-мальски заметных результатов не удалось. Может, из-за отсутствия старания или из-за желания достичь всего и сразу...

От армии его отмазали родители. Больше, правда, старалась мама, чем папа. Отец, в свое время отдавший долг Родине в мотострелках, ругался матом (интеллигенты тоже способны на это) и кричал, что не позволит. В конце концов, мама его уломала, и «несчастливого сыночка» пропихнули в экономическую академию, открытую неизвестно кем и закрывшуюся аккурат через год после того, как Сергей успел получить диплом. Даже с учетом либеральности тамошних преподавателей диплом был полон троек, как щука икрой, что объяснялось вольностью студенческой жизни, дешевизной алкоголя и травки и нежеланием напрягаться, если за экзамен можно и заплатить.

После академии пришлось искать работу, потому что родители (за время его учебы успевшие родить ему маленького братика) предоставили ему полное право решать свою судьбу самому. Работа нашлась в маленькой фирмочке, которая торговала всем: от белорусского сахара, крайне похожего на тростниковый (хотя, казалось бы, откуда там сахарный тростник?), до спичек. Работа менеджера по продажам, с одной стороны, не приносила большого дохода, с другой — позволяла бездельничать, шарить в Инете, играть в игрушки на компьютере и клеиться (безуспешно) к девчонкам-коллегам. Впрочем, первое было прямым следствием второго. Квартира была берлогой старого холостяка, мысль о женитьбе и тем более о детях приводила в ужас, постоянной подружки не было. Не было даже друзей. Нет, конечно, имелись хорошие знакомые обоего пола, но даже очень хорошие знакомые еще не друзья.

Стараться, чтобы изменить свою жизнь и приблизить ее к мечтам, Сергею не хотелось. Мысленно он называл себя человеком ненужным. Согласимся с ним, именно таким он и был. Не в том

смысле, что он кому-то мешал или вредил.

Просто он никому не был нужен.

Кому нужен человек, не делающий ничего и всю жизнь плывущий по течению? И еще...

Что он будет делать, если попадет в водоворот?

* * *

Нас могут спросить о том, что же за таинственный предмет нашел Сергей и почему он заставил его исчезнуть, хотя, несомненно, до него артефакт крутил и рассматривал не один десяток человек.

Вопрос резонный. Но ответить мы на него не можем.

Мы ответим на другой вопрос, который пришел бы в голову не каждому: только ли Сергею предназначено было воспользоваться артефактом и исчезнуть или же такая участь постигла бы любого? Не избран ли он судьбой, пророчеством или же чем-то подобным? Мы выразимся иносказательно: по старому, гнилому мосту могут пройти сто человек, а сто первый упадет в пропасть. Не потому, что он — избранный. А потому, что не повезло. Не надо ходить по гнилым мостам. Точно так же, как не надо трогать предметы, чье предназначение вам неизвестно.

Могут еще спросить, где находится таинственное «нигде», в котором оказался Сергей. Ответ на этот вопрос крайне прост: нигде.

Остается еще один вопрос, ответа на который вы не получите: кто такие «мы», рассказывающие эту историю?

* * *

Вжи-их.

Сергей очнулся.

В живот ему тут же отчаянно впилося что-то огромное и зверски острое.

Он открыл глаза. Прямо перед носом находилась залитая ярким светом светло-серая каменная стена. Замуровали, демоны, вяло подумал он и, кряхтя, как столетний дед, начал подниматься.

Никто его, конечно, не замуровывал. Сергей лежал на земле, лицом к нехилых размеров каменюке. В живот, как выяснилось, упирался маленький несчастный сучок. Ну и где это он?

Сергей сел, опершись спиной о камень. Вокруг камня находился лес. Сосны, пригорки, мох, хвоя. И все.

Зашибись. Это как же я вчера нажрался. — Голова болела так, что хотелось ее ампутировать. — И ведь не собирался. Думал чинно, благородно сходить в музей... Блин, до музея все помню, в музее, помню, хотел какую-то штуку спереть. Потом — как отрезало. И где я? Как меня в лес занесло?

Как ни хотелось прилечь обратно, а надо все же идти искать своих. А то второпях уедут, и как добираться до Москвы? Ни денег в карманах, ни мобильного, ни кредитки. Ни даже самих карманов... Один меч. Кстати, почему он в руке? Может, убил кого-нибудь? Усмехнувшись, Сергей осмотрел меч. Холодок пробежал по спине. Кровь на лезвии... Неужели... Тьфу ты, вспомнил! Сам же вчера себе руку в музее разрезал, вон, до сих пор палец болит, ранка еле затянулась. Меч скользнул в ножны. Блин, нужно трогаться...

Охнув от боли, прострелившей голову от виска к виску, Сергей поднялся с земли. Для того чтобы присесть на камень. Для начала нужно сориентироваться. Так как вокруг лес, нужно определить направление, чтобы прийти к населенному пункту или хотя бы к дороге. А то забуришься в болото или такую лесную глухомань, где тебя найдут только археологи двадцать пятого века. И то случайно. Вот приколом будет: человек с мечом из двадцатого века. Сенсация! Сколько, интересно, версий придумают?

Из области ориентирования помнилось только то, что вбили в голову на уроках природоведения: мох на деревьях всегда растет на южной стороне. Только как это может помочь в данной ситуации? Разве что идти все время на юг, юг, юг... И рано или поздно выйдешь к Черному морю. Шутки шутками, а что делать? Ладно бы какие-нибудь следы на хвое были видны, сообразил бы, откуда пришел (или откуда тащили). А то абсолютно ничего. Можно подумать, инопланетяне на летающей тарелке привезли и сбросили!

Черт, так ведь можно по лесу неделю плутать, пока к людям выберешься. Ладно... Будем рассуждать логически. Я, Сергей Вышинский, не в Сибири, где на пятьсот километров ни одной живой души. Я — в районе села Загорки. То бишь в относительно густонаселенной местности, здесь на каждые десять километров по две деревни и десять хуторов. Вполне возможно, до ближайшего села не так далеко, и если прислушаться, можно различить звуки.

Собачий лай, к примеру.

Сергей старательно напряг слух. Сначала до него доносились только типичные звуки леса: шум ветра, щебет птиц, скрип деревьев. Потом начали выделяться шумы, похожие на деревенские: стуки, скрежет, гудки... Еще через несколько минут усиленного внимания что-то напомнило отдаленные голоса. Сергей понял, что еще немного — и он отчетливо расслышит голос мамы, зовущей его домой, поест супчику. На фиг, только звуки леса, а все остальное — слуховые галлюцинации и выдача желаемого за действительное. Еще варианты?

В итоге Сергей пришел к старому военному решению: «Что тут думать, трясти надо». В смысле изобретать способы ориентирования можно и в движении, а перемещаясь, больше шансов наткнуться на деревню, дорогу или случайных грибников.

Проклиная алкоголь (или курнули какой-нибудь необычной травы?), Сергей поднялся с земли, с сожалением оторвавшись от удобного камня. С трудом затолкал назад рванувшийся на волю желудок. На всякий случай запомнил внешний вид валуна. Если, как говорят, начнет ходить кругами и выйдет обратно, так, по крайней мере, точно скажет, что здесь уже был.

По счастью, камень был необычный: больше всего он походил на огромное светло-серое яйцо, наполовину закопанное в землю под углом. Плюс какой-то былинный богатырь огромным мечом-кладенцом отсек у яйца верхушку, оставив ровную плоскую площадку.

Продолжив придумывать проклятья изобретателю спирта (Менделееву, если склероз не изменяет), Сергей брел по лесу по прямой. По крайней мере, он надеялся, что по прямой, а не кругами. Изменений в ландшафте не наблюдалось: сосны, пригорки, хвоя, мох. Грибы и ягоды не попадались. Следы человека тоже. И тут...

— Вот болван, — самокритично охарактеризовал себя Сергей, глядя на огромную березу, торчавшую на самой верхушке холма.

Действительно, почему сразу не сообразил? Влез на дерево — и все окрестности как на ладони. Тем более береза явно выше всех остальных деревьев. Вот только...

Интересно, задумался Сергей, а смогу ли я вскарабкаться на эту громадину? Ведь опыт древолазанья у меня такой маленький, что в принципе можно признать его нулевым. В детстве лазил. Кажется. Вроде бы. То есть сейчас я даже не вспомню, как это

делается.

Карабканье осложнялось тем, что береза примерно метров на пять от земли не имела ни одного сучка. Повезло, по крайней мере, что это не сосна, на тех сучья начинались на уровне метров десяти. Ну и как на нее взбираться? Вспомнить школьные уроки физкультуры и лазанье по канату? Извините, береза — не канат, она толще раз в ...дцать. Вот лестницу бы... «Ага, лифт», — съязвил внутренний голос. Сергей оглянулся. Нет, никто лестницу ему в подмогу не забыл. Зато...

Через минуту Сергей, надрываясь, волок на холм к березе валявшийся неподалеку сосновый ствол, достаточно тонкий, чтобы тащить одному, и достаточно толстый, чтобы послужить импровизированной лестницей. Где-то на середине пути он понял, что переоценил либо толщину ствола, либо расстояние. Силы кончились, и тащить пришлось на одном упрямстве.

Уф! Шваркнув проклятую лесину, Сергей хлопал себя по бокам и вспомнил, что, во-первых, в средневековой одежде, в которую он облачен, карманов как не было, так и нет, а, во-вторых, табак появился в Европе только после открытия Америки, то есть после окончания Средневековья. Следовательно... Сигарет нет!! Блин!

Сразу резко захотелось курить. Посидев немного на притащенном бревне, Сергей налился злостью до такой степени, что забыл про усталость и головную боль. С нечленораздельным рычанием он поднял макушку сосны до уровня нижних сучков березы. И рухнул на землю...

А-а! Долго лежать не пришлось: у муравьев было свое мнение о том, что нужно делать с теми, кто перегораживает их законные трассы. Сергей поднялся, пообещал кусачим букашкам найти и разворошить их муравейник. Вяло пожалел, что нет курева. Ладно, вот тебе мотивация: чем быстрее залезешь на дерево, тем быстрее найдешь деревню, где наверняка можно стрельнуть сигаретку.

Вздохнув, Сергей начал карабкаться.

Вот и нижний сук. Добраться до него оказалось не так-то легко: сосна все же не лестница и так и норовила прокрутиться и сбросить оседлавшего ее человечка. Дальше пошло легче, береза таких склонностей не имела. Главное, не ухватиться за гнилой или сухой сук...

Через несколько минут игры в обезьяну Сергей поднялся по

стволу выше уровня леса и мог оглядеться. Здорово! Правда, следов человека не видно, но все равно красиво: огромное зеленое море колыхнется под ногами. Сергей глянул вниз. Ух ты! Верно, метров двадцать: лесина, прислоненная к стволу, кажется спичкой. Всегда ему нравилась высота. На первом курсе знакомые уговорили Сергея взлететь на воздушном шаре. Вот это был класс! Почти как сейчас.

Впрочем, хватит воспоминаний. Красота красотой, но отсюда ни черта не видно, нужно лезть выше. Сергей поднялся еще метров на пять, пока сучья не стали слишком тонкими, чтобы доверить им свою драгоценную персону. Ну что? Смотрим внимательно, не отвлекаясь на романтику. Что видим?

В общем-то лес.

Нет, конечно, вдалеке видны то ли поля, то ли луга, ну, какое-то пространство без деревьев. Но это далеко. А на каком расстоянии? Может, там все двадцать — тридцать километров. Это по трассе на машине не расстояние. А на своих двоих да по лесу... Не хочешь? Смотри внимательнее!

Ну-ка, ну-ка...

А точно! Вон там левее виднеется в зеленой каше этакая проплешинка. И кажется, несколько тоненьких дымков... Нет, точно. Над проплешиной поднимались маленькими хвостиками клубы дыма. А дым — это что? Правильно, студент Вышинский, это огонь, то есть люди. К тому же если присмотреться внимательнее, то справа налево по направлению к тому самому месту в лесу наблюдается некая морщинка, складка... Слишком прямая, чтобы быть случайной тропинкой или даже рекой. Скорее всего, дорога. Значит, нам туда. Потому что до проплешинки далеко, пока будешь идти, того и гляди промахнешься, а другой такой удобной деревины можно и не найти. А вот миновать дорогу будет потруднее. Плюс до деревни несколько километров, а дорога проходит метров... ну, максимум в двухстах. Так, определим направление... Солнце светит в затылок. Значит, так и пойдем. И побыстрее: слева на небе наблюдается нехорошая тучка, синяя, почти черная.

Вниз, вниз, вниз... А-а...

Подлая сосна все-таки дождалась момента, когда он утратил бдительность, и резко крутанулась. Каким-то чудом (нет, не тем, что Штирлиц из анекдота) Сергей смог удержаться, повиснув на руках метрах в трех над землей. Поборов желание прыгнуть (все-таки не асфальт, попадешь на гнилой сук или острую ветку,

повредишь ногу и каюк) и противный холодок в животе, Сергей, цепляясь всеми конечностями за дерево, сполз вниз. Черт...

Нет, скорей, скорей к дороге, к людям, а затем в Москву, в Москву. Ну ее, к лешему, эту природу, дайте мне город, с пробками и загазованностью, зато с мобильниками, такси и круглосуточными магазинами, где продаются СИГАРЕТЫ! Так, солнце в затылок... Ага, наш путь — туда...

— Туда нам надо! — прохрипел Сергей, изобразив Тугарина из мультика, и тронулся.

Правда, через минуту пришлось стукнуть себя по лбу и бежать назад, за мечом, благополучно забытым под деревом. Закинув его за спину, Сергей ломанулся через лес, предвкушая встречу с людьми и табаком. Может, даже повезет и подберет попутка с курящим и нежадным водителем...

* * *

Нет, не повезло...

Желанная дорога оказалась какой-то лесной колеей, которая еле протискивалась между деревьев. Судя по глубоким колеям, ездили по ней часто, а судя по следам — в основном на лошадях. Блин, пейзаже... Не могли нормальную дорогу проложить и ездить на машинах!

Ладно, попутки тут явно не дождешься. Значит, придется пешкодралом... Вон туда. Уж телефон, по крайней мере, на здешнем хуторе должен быть. На месте сориентируюсь. Идем? Идем! Вот только... Что с мечом делать?

В Москве можно было бы пройти с мечом за спиной по улице. До первого милиционера, конечно, но зато всем прохожим было бы плевать. В Москве и не такие придурки живут. А вот здесь, в сельской местности... Как-то не хочется неадекватных реакций. Одежда еще ладно: кожаные калоши, холщовые штаны с рубахой, узкий кожаный ремешок... В принципе ничего такого уж необычного. В конце концов, может, я бомж? Или хиппи, или сектант.

Наконец Сергей решил, снял рубаху (оставшись только в нижней, белой) и аккуратно замотал в нее ножны с мечом, обвязал ремешком и сделал нечто вроде ручки, чтоб удобнее было нести. Меч превратился в неопознаваемый сверток, которым трудно напугать прохожего. Но на всякий случай рукоять меча Сергей не

замотал, а просто накрыл подолом рубахи... Мало ли что... От волков до маньяков. Как-то сразу вспоминается «Техасская резня бензопилой».

Малодушная мысль бросить меч в лесу, чтоб не тащить лишнюю тяжесть, была откинута именно по этой причине. А также потому, что «настоящие воины оружие не теряют». Именно так скажет Конунг, прежде чем прибить его за потерю.

Дальше Сергею повезло. Не прошло и десяти минут, как за спиной послышались тяжелые шаги, и из-за поворота выползла вальяжно заплетавшая ноги лошадка, везущая хворосту воз.

На самом деле везла она не воз и не хворост. Темно-рыжая (интересно, лошадь именно такого цвета называется гнедой или как-то по-другому?) кобыла тащила поскрипывающую телегу, на которой лежала охапка сена и восседал первый местный житель, встреченный Сергеем за сегодня. Радоваться как родному Сергей не стал, все-таки не успел соскучиться по обществу до такой степени. Да и мужичок как-то не вызывал желания брататься. Какой-то он был потертый и потасканный.

Впрочем, может, все дело в предвзятости Сергея, который ожидал увидеть машину с нормальным водителем, а не этого кобыльего шофера, от которого можно получить разве что самокрутку с махоркой вместо нормальных сигарет. Так уж мужичок выглядел... Светло-русые волосы, спутанные колтунами, редкая бородка с сединой. Штаны, немногим лучше тех, что на Сергее, разве что крашенные в синий цвет. Когда-то. Сейчас штаны от пыли и грязи были прямо-таки сизые. Темно-серая рубаха, и такого цвета, скорее всего, не от производителя, а от той же пыли и грязи. Больше всего поражали ноги, свисавшие с телеги: босые и черные. Да... Деревня спивается...

Сергей махнул рукой, мужичок дернул вожжами, лениво прикрикнул: «Тпру, скотина», лошадь с готовностью остановилась. Рука извозчика что-то нашарила под сеном. Похоже, верой в доброту человечества он не отличался.

— Отец... — Ничего себе, выхлоп от папани — самогон с луком как минимум, да еще процеженный через портянки. — До Загорок далеко?

— До Загорок? — Дед задумался, как будто умножал в уме тридцать семь на сорок три. — Да верст с дюженок будя, — махнул он рукой вперед.

Вот черт! Как же меня так далеко отнесло-то? Прогулялся...

Была у Сергея привычка «прогуляться» после чрезмерно большого количества выпитого. И занести во время такой прогулки его могло черт знает куда... Нет, но десять километров!

— Бать, а ты, часом, не в Загорки едешь?

— Я? — Дед опять задумался. — Не, я не туды, я домой еду.

И замолчал.

— А где дом-то? — надоело ждать продолжения Сергею.

— А тама. — Дед опять вяло махнул вперед рукой.

И снова замолчал... Сергей пожалел, что не выбросил меч. Он как никогда оказался близок к смертоубийству.

— Там — это где? — терпеливо переспросил он.

— В Козьей Горе.

Это чего, название деревни?! Хорошо, подумал Сергей, что я там не живу. Представляю, спрашивают меня, вы: мол, откуда, а я — из Козьей Горы. Козий горец, так сказать. Финиш!

— А далеко до нее? До Горы вашей?

— Версты две.

Ага, и три аршина.

— Подвези хоть до деревни, дальше я до Загорок своим ходом доберусь.

— Сидай, — не стал ломаться дед.

Сергей, хрустя сеном, запрыгнул в телегу.

— Выпили мы вчера с друзьями многовато, — сразу предупредил он возможные расспросы: кто ты, мил-человек, да откуда, да чего это в таком виде странном по лесам шастаешь? — Они уехали, а меня забыли. Вот и добираюсь.

— А цего ж, бывае, — не стал ни спорить, ни развивать тему дедок. Видимо, он сам страдал после вчерашнего, продолженного сегодняшним...

Повозка тронулась. Сергей сидел, болтая ногами. Настроение улучшилось, по крайней мере, он сориентировался в пространстве. Сейчас доедем до Козьей Горы (ну и название!), а там либо какого-нибудь тракториста запряжем, либо позвоним ребятам, пусть подскочат, либо (если уж совсем глушь и ни тракторов, ни телефонов) часика за три доберусь до Загорок пешочком. Отъезжаем все равно только поздно вечером, а сейчас... Сергей глянул на солнце. Судя по нему, где-то часов одиннадцать утра. Ну, максимум час дня... Успеет.

Лошадка мирно трюхала, телега поскрипывала. Дед, похоже, задремал. Кстати, не такой уж и дед, на вид ему лет пятьдесят, не

больше. Просто борода, потертая и даже немного пожеванная одежда и общая неухоженность старили его лет на двадцать...

С чего же я так набрался? Сергей перешел к самоанализу, пытаясь изгнать из головы проснувшуюся боль. Вроде уже не студент, чтобы отмечать первую пятницу на этой неделе. Вернее, понедельник. Сегодня же понедельник? Ну да, четырнадцатое число, понедельник... Вроде никаких дней рождения, свадеб, похорон и прочих торжеств не планировалось. Разве что сегодняшнее отбытие по домам с турнира... Ой, мама...

Сергея пронзил острый холод. А сегодня ли сегодня!? В смысле, может, уже завтра! Может быть, сегодня не понедельник, четырнадцатое июня, а вторник, пятнадцатое? Ведь в памяти нечего из вчерашнего дня не осталось! Что, если события развивались так: вернулся он в лагерь из музея (музей — последнее воспоминание), а там уже гудят в честь окончания турнира (кто-то празднует победу, кто-то заливает горечь поражения), он, естественно, присоединяется. Где-то ближе к утру, основательно нагрузившись, господин Вышата по своей милой привычке отправляется прогуляться по лесу, забредает в глушь и засыпает у какого-то валуна, где благополучно и проводит весь понедельник, пропускает отправку и остается один, без денег, документов и мобильного! Или это все — напрасные тревоги? И сейчас он приедет в Загорки, сядет в автобус и вернется к цивилизации. Где не ездят на конях, не пьют самогон и повсюду люди. Или все-таки вторник?

— Отец... — Сергей понял, что еще немного — и его начнет колотить. — А какой сегодня день?

— Воскресенье, — дал точную справку мужик, похоже, даже не открывая глаз.

Так. То есть как это воскресенье? Воскресенье вчера было! А сегодня понедельник! Или вторник.

— Точно воскресенье? — задал не самый умный вопрос Сергей.

— Куды уж точнее, — хмыкнул дед. — Воскресенье, Иванов день. У племяша моего именины.

По-видимому, дед так основательно принял на именинах, что проспал день. И сегодня понедельник. Или два. Тогда вторник... Один источник информации, и тот заблудился во времени хуже самого Сергея! Оп-па... Авария...

Жуткая катастрофа, по местным меркам: на обочине дороги стояла накренившись еще одна телега, почти с такой же лениво

отмахивающейся хвостом от мух лошадьё. Вокруг суетились два мужичка, один примерно возраста нашего возницы, второй — чуть помоложе. Издалека они казались одного возраста из-за того, что у обоих были бороды. По одежде пострадавшие не очень отличались от деда. И тоже босые.

Неужели сектанты? — с беспокойством подумал Сергей, нащупывая рукоять меча. Хотя чем-то отмахаться... Конечно, может, это обычные деревенские жители... Вот только чего они тогда одеты одинаково в домотканину и при бородах? Куда меня занесло?

— Тпру, — тормознул у аварии дед. Спрыгнул и пошел к одному из бородачей.

Сразу завязался разговор, в котором второй участия не принимал. Сергей тоже слез размять ноги. Ну и там помочь, если что... Второй оживился и подошел к нему. Сергей на всякий случай от меча далеко отходить не стал.

— Здорово, — сразу взял быка за рога мужчина с всклокоченной бородой. — Закурить няма?

— Не-а, — вздохнул с сожалением Сергей, — сам с утра страдаю.

— Куды это ты с Кузьмичом?

Точно, вылитый Кузьмич из «Особенностей национальной охоты». Пьяный и ничего внятного ответить не может.

— В Загорки. Чего там у вас случилось?

— Да... Цеку потяряли.

— Понятно, — глубокомысленно покачал головой Сергей (что еще за цека?), — бывает.

— Ага, — потерял интерес к разговору второй и собрался уходить.

Подошел путаник Кузьмич, порылся в сене, достал какую-то железяку и двинулся обратно. Кстати...

— Погоди, — успел остановить повернувшегося спиной второго Сергей. Сейчас мы тебя, алкаш старый, разоблачим... — Слушай, а какой сегодня день?

Второй удивленно выкатил глаза:

— Воскресенье. Иванов день...

Приехали...

— Точно? — побил рекорды тугоумия Сергей.

— Конечно. Вон, у Кузьмичова плямянника именины сягодня. Кузьмич, с утра уехав, сйчас возвращается...

Вот это да! Как это воскресенье? Не может этого быть! С другой стороны, не могли же эти двое сговориться пошутить над случайным прохожим. Но и целую неделю проваляться в лесу Сергей никак не мог! Что, черт побери, происходит?

— Эй... — робко подозвал Сергей второго.

— Ну чего? — Того уже явно раздражал надоедливый незнакомец.

— Я тут с друзьями того... Перепили. Немного.

— С энтим к батюшке, ён усе грехи отпустит.

— Да я спросить хотел... А какое сегодня число?

— Так я же говорю, Иванов день!

Собеседник запнулся, что-то подсчитал на пальцах:

— Сядьмое! Хорошо вы пяребрали! — развернулся и ушел.

— Да уж... — пробормотал раздавленный новостью Сергей.

Седьмое?! Это не неделя, это больше трех недель! Как это... Невозможно... Сергей со злостью стукнул кулаком по борту телеги и взвыл от боли. Еще и палец разрезанный! Палец... Ха! А вот я вас и поймал, шутники доморощенные! Палец-то вот он! Разрезал я его вчера мечом в музее. И рана до сих пор свежая, уж никак не трехнедельная! Так что не надо ля-ля! Седьмое!..

Кузьмич запрыгнул в телегу, шлепнул кобылу вожжами, телега двинулась дальше. Мимо проплыли кряхтевший под увечной телегой мужичок, понурая кобылка, кусты... Ага! Сергей смотрел внимательно, после разговора с ним второй не подходил к Кузьмичу. Он вообще поперся куда-то в лес, что-то посмотреть или отлить. Значит, сговориться по поводу даты шутники не могли. Правда, пока неясно, как объяснить воскресенье...

— Кузьмич, — окликнул Сергей опять опустившего нос на грудь возницу.

— Ась? — очнулся тот.

— Какое сегодня число?

— Я же говорил, Иванов день...

— Число какое? — закрипел зубами Сергей.

— Так сядьмое. Я же говорю, Иванов день...

Дался им этот Иван! Так, нужно обдумать новую информацию. Черт, голова разламывается... Собраться! Два человека, независимо друг от друга сказали, что сегодня седьмое число. И какой отсюда следует вывод? Или они решили устроить какой-то глобальный розыгрыш, или... Или сейчас действительно седьмое число. А значит, для него прошел день (вернее, ночь), а для

всех — три недели. Дурдом какой-то... Это невозможно! Хотя...

Если отбросить версию розыгрыша, то что у нас остается? Один из тех случаев, о которых частенько рассказывал товарищ, с которым в свое время жили в комнате в общежитии. Товарищ был основательно повернут на всякой чертовщине и аномальщине, о чем любил потрещаться. В общей массе историй о барабашках, инопланетянах, ведьмах, бесах и прочем были и такие истории. Якобы есть (и даже в России) такие особые места: заходит туда человек, попадает в какой-то туман (или даже просто гуляет по лесу), выходит обратно через полчаса и с изумлением узнает, что товарищи его уже трое суток разыскивают с собаками. А для него прошло полчаса. И по часам так. Как-то эти аномальные зоны называются, но не суть. Что, если в здешнем лесу такая же зона? И он, пока шатался пьяный, ненароком в нее забрел? И заснул? Неужели правда?

Прикольно, конечно, будет что рассказать... Погодите...

Зря он вспомнил про аномальщину... Ой, зря...

Сергея потихоньку охватывал страх, сильный, леденящий.

А три ли недели прошло? Какой сейчас месяц? Июль ли?

— Отец... — Как там его? — Кузьмич!

— А? — вскинулся тот.

— А какой месяц сейчас?!

— Ня пей больше, сынок... — вздохнул тот. — Июнь сячас.

Вспомнил?

— В... Вс... Вспомнил...

ИЮНЬ? Седьмое июня? Сколько же времени прошло? Год? Или больше?

Нет, спрашивать, какой год я не буду, решил Сергей, иначе Кузьмич окончательно примет меня за психа. Может, все-таки розыгрыш?

Версия насчет розыгрыша, устроенного неизвестным шутником, была очень уж шаткой: какова вероятность того, что, очнувшись, он пойдет именно в сторону дороги, что начнет спрашивать насчет даты (мог ведь и просто подремать всю дорогу)... Разве что у здешних деревенских такая традиция: пугать похмельных прохожих, называя им неправильные даты. Как можно определить месяц, никого не спрашивая? По приметам? По каким?

Тут, как будто ответив на его немой вопрос, проплыла мимо телеги, прямо у носа, такая примета. Калиновый куст. На ветке, повисшей над дорогой, еле завязавшиеся бутоны. А ведь в начале

июля она уже должна цвести полным ходом. Сергей это помнил точно: у него во дворе дома рос огромный старый куст. Значит, все-таки июнь? Или в этом году калина цветет позже? Нет, в деревне, мимо которой они проезжали на турнир, точно помнится, калина цвела всю. Может, этот куст просто нетипичный, поздноцветущий? Слабо верится... Но лучше уж верить в поздноцветущую калину и деревенских шутников, чем в то, что он провалился в будущий год. Если не на пару лет... Сейчас приедешь в Загорки, а там — 2012 год. Или 2015... И президентом опять Путин. Или вообще у власти фашисты.

Ладно, хлопнул себя по коленям Сергей, примем как рабочую версию, что сейчас действительно седьмое июня: слишком много говорит за это. А вот как теперь определить год?

В нос шибануло ядреным, прямо-таки ядовитым дымом: Кузьмич свернул себе самокрутку и теперь дымил, как пароход. Постой-ка... Глядя, как медленно пропадают у тлеющего кончика буквы газетного обрывка, из которого возница соорудил свою кошмарную сигару, Сергей понял, как можно определить год. Газеты!

— Отец, — вот привязалось! — а у тебя свежей газетки не найдется?

— А тебе для чего? — пыхнул тот. — Поцитать? Али для каких других нужд?

Шутник, блин... А правда, как объяснить?

— Да так, посмотреть, буквы знакомые вспомнить.

— А-а... — понимающе протянул Кузьмич, порылся в сене. Из появившейся на свет холщовой сумки извлек газету.

— Дяржи, — вручил прессу Кузьмич, — свежая, только вчяра из городу в Загорки привязли. Плямышу возил, ён грамотный, да как-то... это... запамятовал отдать...

Сергею было не до склероза Кузьмича. Руки немного подрагивали. Первым делом он увидел заголовок: «Песковский набат», в голове еще успела промелькнуть мысль, что заголовок остался с советских времен. В следующую секунду Сергей увидел дату...

Шестое июня.

Тысяча девятьсот двадцать пятого года!

Сергей задрал голову. Это что же получается? Не будущее, а прошлое? Большевики? Сталин? Репрессии? Господи, сделай так, чтобы это был розыгрыш!

Часть первая Деревня

Розыгрыши бывают разные. Банальные и свежие, глупые и умные, простенькие и хитрые, многоходовые. Ничего не требующие, кроме чувства юмора, как знаменитое: «У вас вся спина белая». И сложные, затратные, вроде тех, что показывают в своей программе Валдис Пельш и его грудастая спутница. На телевидении вообще любят передачи с подставами ничего не подозревающих людей. Что, если в светлую голову какого-нибудь телеумника пришла именно такая идея: взять человека и сделать так, чтобы он подумал, что попал в прошлое?

От телевизионщиков всего можно ожидать.

Однако по зрелом размышлении такая заманчивая версия (ну как же: не в прошлом, в родном времени, да еще и по телику покажут) проигрывала. Во-первых, как упоминалось ранее, слишком много случайностей — он, Сергей, мог пойти в любом направлении и выйти из поля зрения замаскированных телекамер. Не повесили же они по камере на каждое дерево? Во-вторых, он мог и не спросить ни у кого сегодняшнее число. Упал бы на сено и дрых до самых Загорок. Неинтересная бы получилась передача. В-третьих, что-то шутка затянулась. Уже второй час ничего не происходит. Зачем так затягивать, если потом все равно вырезать при монтаже? Да и мелкие признаки настораживают...

Например, калина. Откуда таинственные телевизионщики могут знать, что он обратит на нее внимание? А если калина не подставная, почему она не цветет? Плюс самолеты. Они проводили турнир недалеко от Пескова, над которым скрещиваются воздушные трассы из Москвы в Европу и из Питера на юг. Все дни, пока проходил турнир, не было момента, чтобы над головой не пролетала серебряная искорка авиалайнера или не таяли бы два-три инверсионных следа. Сейчас — ничего.

Но и верить в то, что ты оказался в далеком прошлом, тоже не хотелось. ОЧЕНЬ не хотелось...

Двадцать пятый год... Кто из нормальных людей помнит, что происходило в этом году? У власти в стране большевики. Советский Союз. Революция была недавно... Дедушка Ленин, который хороший вождь... кажется, уже умер... Значит, на смену

ему пришел Сталин, который устроит раскулачивание, репрессии и расстрелы. Тридцать седьмой год, точно. Еще впереди война с немцами... Ну, до нее еще шестнадцать лет. Что еще? Блин, надо было историю учить! Ну кто ж знал, что вся эта ерунда про большевиков когда-нибудь не просто пригодится — станет жизненно необходимой. Ага, еще вспомнил! Этот... который на площади стоял... Дзержинский! Кажется, основатель ЧК — что-то вроде тогдашнего («Для тебя — нынешнего», — капнул на рану внутренний голос) ФСБ. Еще из уроков смутно вспоминается товарищ с забавной фамилией Бухарин, но кто он такой и чем славен, скрывается в тумане забвения...

Телега заскрипела и наклонилась вперед — дорога спускалась в глубокий овраг. Густой кустарник, росший до сих пор в некотором отдалении, сейчас незаметно подкрался вплотную и норовил задеть ветками лицо. Сергей насторожился. Кузьмич, до сих пор вроде бы спокойно дремавший, как-то заерзал. Правая рука потянула из-под сена коричневую рукоятку топора.

— Шалят тут... — зашептал Кузьмич. — Говорят, уркаганы какие-то. Грабят проезжих. На днях...

Что там произошло на днях, Сергей не узнал.

— Стой! — раздался из кустов противный голос с лентой.

От такого голоса сразу похолодело в животе. Уж больно он походил на голоса гопников, отбирающих мобильники...

Из зарослей выскочило непонятное существо и ухватило лошадь под уздцы. Существо было мелким, замурзанным, в каком-то тряпье и настолько лохматым, как будто последние несколько недель подрабатывало трубочистом. Пол существа не определялся.

— Стой, караси! Руки вверх! — опять раздался ленивый голос. Затрещали ветки, выползли еще два... хм, человека.

Подростки. Оба лишь чуть-чуть почище того, что вцепился, как клещ, в уздечку кобылы. По крайней мере, можно понять, что это мальчишки. Первый, повыше, щеголял надетым на голое тощее тело добротным темно-серым пиджаком, слегка испачканным на рукаве смолой. Второй отличался отчаянной рыжиной, просвечивающей сквозь слой грязи, а еще болотно-зеленой вязаной кофтой, явно женской.

Кузьмич обреченно выпустил топор (чего вообще хватался?) и мешком сполз с телеги. Сергей полез следом. В животе бродил противный холодок страха. Малолетки, как известно, могут быть очень жестокими и, как грабители, гораздо страшнее взрослых. Те

просто ограбят, а пацанам может захотеться самоутвердиться...

— Чего хорошего имеем при себе? Денюшки, табачок? — хрипло поинтересовался Рыжий.

Кузьмич и Сергей молчали, находясь в ступоре жертв.

Почему очень часто человек, которого грабят вот такие волчата, не сопротивляется? Страх? Но от страха люди иногда творят такие вещи: наткнувшись в лесу на медведя, в секунду влезают на дерево, вытаскивают из пожара неподъемные сундуки и рояли, выпрыгивают из окопа в атаку на немцев... Почему же жертва ограбления не кричит от страха, не пытается убежать, наконец, вступить в драку? Просто стоит, пока шустрые малолетки выворачивают ее карманы. Почему? Все дело в ступоре, вызванном отсутствием опыта нахождения в таких обстоятельствах. Разум человека, ранее не попадавшего в экстремальные условия (то есть практически девяносто процентов населения), просто не может в первые секунды сообразить, как вести себя. Ситуация-то незнакома, опыт ничего не подсказывает. А для грабителей ситуация как раз прекрасно знакома, опыт выработан десятками подобных случаев, что делать — известно. Стоит жертва — грабь, пытается рыпаться — припугни, достает пистолет — беги. Поэтому жертва и нападающий изначально в неравных условиях.

Рыжий уже приближался к телеге, высокий стоял на холмике в позе Наполеона, Чумазый болтался на уздечке — лошади не нравился запах, и она мотала мордой. Еще минуту — и напавшие, очистив телегу от более-менее ценного и вывернув карманы Кузьмича и Сергея (хотя у Сергея их и не было), скрылись бы в лесной чаще. Но, видимо, Сергей показался им потенциально опасным. И грабители совершили первую ошибку.

Они достали оружие.

Из кармана Рыжего появилась черная полукилограммовая гирька на засаленном шнуре, высокий вынул из-за пояса здоровенный, тускло блестящий тесак (штык от австрийской винтовки, но Сергей этого не знал).

Этим они перевели ситуацию в совершенно понятную и стопроцентно знакомую Сергею! Противник с кинжалом, противник с кистенем. Да бой с ними не раз проводился в клубе! Сразу стало ясно, что делать. Сергей резко крутанулся, отбросил подол рубахи со свертка, меч со свистом покинул ножны и, блеснув на солнце, уставился острием на грабителей. Вот тут зависли нападающие. Ситуация стала незнакомой им, опыт не подсказывал

ничего. Проявился порок рефлексов: при резкой трансформации ситуации любой человек обычно продолжает выполнять ранее начатую программу, не пытаясь приспособиться к изменениям. Поэтому гопники повели себя так, как привыкли поступать при сопротивлении жертвы: бросились на Сергея. Это была последняя ошибка.

— Арцы! — крикнул Длинный.

Рыжий привычно, но неграмотно махнул самодельным кистенем снизу вверх. Свистнул меч, Рыжий едва успел отпрянуть, перерубленный ремень щелкнул его по плечу, гирька взмыла вверх по крутой параболе и с треском упала за спиной Сергея. Полуоборот, меч лязгнул, парируя удар ножом в живот, и с размаха ударил в шею Длинного. В тренировочном бою или на турнире Длинный заработал бы серьезный синяк, если бы не успел увернуться. Он не успел. Отточенный до остроты меч рассек шею до середины и остановился на позвоночнике. Кровь плеснула широким веером. Длинный захрипел и, хватаясь за рану, рухнул в траву. Рыжий наконец осознал, что ситуация вышла из-под контроля, и замер в том самом ступоре, в какой привык вгонять жертв. Не помогло. Сергей, выплескивая адреналин, выполнил упражнение до конца. Прыгнул вперед, Рыжий шарахнулся, искривив лицо, и рухнул на спину. Сергей вонзил клинок в грудь...

— А-а!

Сзади подлетал Чумазий, отчаянно визжа и выставив вперед острия зажатых в обеих руках шил. Прыгнул на Сергея... И удивленно захрипел, наткнувшись на выставленное вперед лезвие клинка. Упал на колени, сжался в комок и затрясся. Потом затих. Из-под него потекла черная кровь.

Тяжело дыша, Сергей остановил свое смертоносное движение и оглянулся. На холмике лежал на спине Длинный с разрубленной шеей. Мертвый. Рядом распластался Рыжий. Мертвый. У ног скорчился Чумазик. Мертвый.

Сознание начало медленно абстрагироваться от реальности...

— Парень...

Подойди Кузьмич немного раньше, когда Сергей был еще в запале схватки, одним покойником стало бы больше.

— Парень, а ты кто?

— Кузьмич... давай я тебе потом объясню...

Ноги наполнились ватой, Сергей стал опускаться на

землю...

— Эй, погоди-погоди, — подхватил его Кузьмич, — сначала давай-ка энтих поглыбже затащим. Потом мужицков с дярвни кликну, похороним по-целовечески, чтоб звярь не обьело...

...Сергей отпустил воротник пиджака Длинного, и голова того с глухим стуком упала на землю. Рядом Кузьмич уронил Рыжего. Чумазик уже лежал здесь. Все три неудачливых налетчика были стащены в яму за кустами. Черта с два кто найдет. А потом еще и закопают...

Я убил. Трех человек. Подростков. Судя по написанному в книгах, меня должно тошнить и трясти от ужаса содеянного. А вместо этого я чувствую вялое любопытство. Мол, будут ли меня судить или все обойдется? Судя по спокойствию Кузьмича, ничего не всплывет. Черт его знает, двадцать пятый год... Как тут к человеческой жизни относились? И все-таки почему я такой спокойный? Может, все дело в том, что люди нашего времени слишком привыкли к крови и убийствам благодаря ужастикам, боевикам и компьютерным играм? Моральная очерствелость, что ли...

— Не... — неправильно понял его размышления над телами Кузьмич. — Что с них взять-то? Шпана. Ницего путного с собой нет, нябось пропивали все... Разве цто нож... Так я яго уже подобрал...

— Ага, — протянул Сергей и наклонился, привлеченный странным предметом.

Из одежды Длинного торчал уголок светлой кожи, Сергею показалось, книга. Но нет, здоровенный кошелек из новенькой желто-песочной кожи. Щелкнул кнопочкой. Ого!

Внутри были деньги. Много денег. «Удивительно! — съязвил внутренний голос. — В кошельке — и деньги! Кто бы мог подумать!»

Похоже, совсем недавно ребята сорвали солидный куш. Или Длинный, явно вожак, не доверял сотоварищам и всю казну таскал с собой.

Толстая пачка странных бумажек: судя по гербу — совдеповских, вот только герб не очень похож на советский (земного шара нет, и колосья редковаты) и вместо рублей на купюрах ясно напечатано: один червонец, пять червонцев... Странно... Больше всего купюры походили на деньги из магазина приколов — штука бабок... Разберемся потом. В карманчике

звенела мелочь: серебряная и медная. А в потайном отсеке... Да, повезло... Там, аккуратно обернутые в полупрозрачную бумагу, лежали золотые монеты. Семь штук.

Можно жить. Вот только как?

* * *

Поставьте себя на место Сергея. Вы провалились в прошлое. Знаний о нем у вас так мало, что практически, можно сказать, их нет. Вам нужно общаться с людьми. Кем вы представитесь? Задумались? То-то.

Героям книг легко: либо их засылают в прошлое с надежным комплектом документов и легендой, либо им почему-то верят на слово, когда они представляются графами и прочими дворянами. Самые везучие оказываются в теле жителя того времени, что снимает все проблемы с натурализацией. А что делать тому, у кого надежных (да хоть бы и липовых) документов нет, легенды нет... Врать? На слово-то, может, и поверят... А потом? Легенду ведь придется подтверждать. А кем можно назваться, если ни на одного из местных жителей ты элементарно не похож и знаний о здешней жизни не имеешь?

Кто я? Крестьянин? Достаточно на руки посмотреть и понятно, что трудился ты только на компьютере, от которого мозоли не появляются. Рабочий? То же самое. Военный? Где воевал и с кем? А из всех полководцев Гражданской в голове, как назло, только Колчак. А нет, вспоминаются Котовский и Чапаев. Спасибо кинематографу. Вот только трудно назваться военным, если не знаешь, с какой стороны садиться на коня, как правильно перезаряжать винтовку (и какие винтовки тут вообще есть) и тем более где воевали товарищи Котовский с Чапаевым. Да, и Буденный. О, не так уж и мало я помню. Но все равно, военным не прикинешься. Чиновник? Чиновник чего? Ни одного названия местных ведомств я не знаю, гусиными перьями писать не умею. Попы, дворяне не рассматриваются: тогда («Сейчас», — вьедливо уточнил внутренний голос) у власти были большевики, а они ни тех ни других не любили. Представлять, как ты попал в прошлое и поимел кучу приключений, — легко. А вот попади сам... И придумывать надо быстрее. Деревня уже близко...

Сергей трясся в телеге, ведомой рыжей (вернее, все-таки гнедой, как выяснилось по кличке Гнедко) кобылой (то есть

мерином — все же некоторые элементарные вещи были неизвестны нашему герою). Кузьмич сидел на прежнем месте, неудобно повернувшись боком. Как сначала показалось Сергею — чтобы следить за кустами. Когда же в ответ на резкое движение Сергея Кузьмич дернулся, как ужаленный, и ухватился за топор, стало ясно, что он просто боится повернуться к непонятному попутчику спиной. Срочно нужно придумывать легенду, пока в деревне осмелевший Кузьмич вместе с соседями не скрутил и не сдал властям. Или не закопал в лесу...

Хорошо, обратимся за опытом к коллегам-попаданцам. В истории таковые неизвестны, значит, вспомним все книги с таким или похожим сюжетом. Должна же быть польза от всей той прочитанной макулатуры с мечами и магией!

Сразу отбросим те книги, где герой попадает в другое тело. К сожалению (или к счастью), мое тело при мне. Не надо мучительно привыкать, что тебя отныне зовут каким-нибудь Жирятой или Зуркарнароном. Можно также вычеркнуть те произведения, где героя отправляют в прошлое из института времени или чего-то подобного, а также те, где в прошлом оказываются во исполнение некоего пророчества и за попаданца сразу берутся учителя и помощники. Что у нас в сухом остатке? Немного. Герои всего остального всплывшего в памяти массива книг появляются в другом мире в неких экстремальных ситуациях. Либо идет война и всем все равно, откуда взялся непонятный тип — бери винтовку (или меч) и в бой. Либо несчастный сразу попадет в тюрьму, как бродяга, откуда умудряется сбежать, как бы легализовавшись. Не надо такого счастья: не повезет, и будешь сидеть десять лет. Либо (последний вариант) находится кто-то добрый, как правило, старик, который помогает бедолаге найти свое место в мире. Так, уже хорошо. Старик есть. Остается только объяснить ему, почему я ничего не знаю об окружающей действительности, и уговорить стать моим сенсеем... Погодите-ка.

А зачем притворяться кем-то, кого легко могут разоблачить «сослуживцы»? Надо найти роль человека, который и не может знать ничего из происходящего вокруг. Подумаем. Самый простой вариант — амнезия. Мм... Не подходит. Не похож я на потерявшего память — ни следов травм, ничего. Да и память придется «возвращать», иначе запрут в дурку. А какие здесь психушки, бог его знает. Может, хуже тюрьмы. Еще вариант — иностранец. Опять мимо. Большевики всех иностранцев считали

шпионами. И опять-таки наткнешься на земляка, а ведь из всех иностранных языков знаю один английский, и тот на уровне «Ландон из зэ кэпитэл оф Грэйт Бритн». Так, что еще? Кто не может знать ничего из происходящего вокруг? Ну кроме пришельца из будущего? Ха, пришелец с другой планеты! Нет, тоже не вариант. Инопланетяне еще не в моде, и, значит, снова дурка. Тогда кто? Тот, кто просидел всю жизнь взаперти? Зэк? А где тюрьма находилась, какие порядки в здешних тюрьмах? Мимо. Отшельник? Всю жизнь в келье... Опять, где келья, какие знаешь молитвы? Мимо. Плюс еще нужна личина, вроде бы всем известная, чтобы не возникало вопроса: «А это кто?» Иначе представишься престижджитатором и замучаешься объяснять, чем ты занимался. Плюс (желательно) образ должен вызывать жалость, но не презрение. Русские люди (крестьяне в особенности) хорошо относятся к несчастным и убогим и с удовольствием помогут. Так, что мы имеем с гуся в остатке?

Человек, всю жизнь проведенный взаперти не по своей воле (чтобы жалче было), понятия не имеющий, где находилось место заточения... Кто это? Зэк с амнезией. Уже было. Не подходит. Так, думаем... Человек провел всю жизнь взаперти... Значит, с самого детства... Значит, не по своей воле... Похищенный ребенок! Так-так-так... уже что-то вырисовывается... Похищенный кем? Цыгане? Не пойдет, они все время кочуют, что я, до двадцати пяти лет с ними тусовался? Тогда кем? Кто еще крадет детей? Извращенцы? НЕТ! Жертвой извращенцев я даже представлять себя не хочу! Ну кто, кто еще? И не просто похитили, воспитали в своем духе, с мечом научили обращаться... Кто же это такие? Стоп-стоп-стоп... Ух ты, придумал! Секта!

Идеально! Все секты никто не знает, тем более они скрываются. Значит, можно придумать какую-то новую, совсем уже тайную, никто и не заподозрит неладное. Держат своих членов в секретном месте, значит, где оно находилось, сказать не могу. Так, держали взаперти — ничего из происходящего не знаю. Так, учили обращаться с мечом, молитвам не учили... Ну вот такая странная секта. Так, украли в детстве... нет, продали родители (так жалостнее)... никуда не выпускали, поили наркотиками... Жалость хлещет через край, все плачут! Идеально!

Так Сергей из менеджера по продажам и члена «Вьюги лезвий» превратился в жертву неизвестных сектантов.

* * *

Дорога за время, пока Сергей рассказывал свою историю ошалевшему Кузьмичу, раздвоилась, и теперь колеса телеги мешали грязь в узком коридоре из кустов, смыкавшихся над головой. Сергей, сначала мучительно подбиравший слова, в конце концов разошелся (уж в чем в чем, а в умении плести всякую чушь люди XXI века равных себе в истории не знают), да так, что приходилось иногда притормаживать самого себя.

Секта, в которую его продали родители, бедные крестьяне (Сергей четко помнил, что рано или поздно придется столкнуться с большевиками и крестьянская родословная будет лучше, чем графская в иных фантоманах), называлась Белое братство и возглавлялась великой и ужасной Марией Дэви Христос (Сергей подумал, что лучше не придумывать свое, а взять уже известное). Купленных детей держали в непонятном здании в глухом лесу (здание и окружающая природа были взяты из воспоминаний о детском лагере), учили сражаться на мечах и называли Последней армией Бога (название всплыло из глубоко забытого фэнтезийного романа). Где находилась сектантская база, Сергей сказать не мог, так как их никогда не выпускали и периодически поили зельем, от которого шумело в голове и хотелось смеяться (симптомы наркотического опьянения известны в наше время любому студенту по личному опыту). Несколько дней назад их собрали, сказали, что время Последней битвы наступило, после чего угостили ударной дозой вышеупомянутого пойла. Очнувшись в темном фургоне, Сергей явственно осознал, что участвовать в битве с нехорошим названием он не хочет, выкатился из телеги, заполз в кусты и потерял сознание. Что произошло после прихода в себя, Кузьмич уже видел, рассказывать это было лишним. Тем более что дорога наконец-то выползла из сырых зарослей, обогнула огромный куст, который, похоже, всем было лень вырубить, чтобы спрямить путь, и вот она деревня Козья Гора во всей своей красе.

Гора действительно была козья. Сразу за кустом дорога так резко рванула вверх, что стала похожей на стену. Как на нее лошади взбираются? На этом косогоре и начиналась деревня. Мерин шустро поднялся по откосу. На верхушке холма дорога круто переломилась и не менее отвесно рухнула вниз. Только для того, чтобы опять лихо взмыть к небу. Вот на этих буераках и жили люди.

Деревушка была не из больших, на пять изб. Одна под горой, остальные разбросаны по обе стороны улочки на косогорах. Впрочем, особой косины там, где стояли избы, не наблюдалось. Дома были выстроены на один манер: три окна обращены к улице, вокруг выстроен забор, за которым виднеются постройки. Очевидно, свиарник, коровник... Что там еще? Курятник? Тут и там — квадраты огородов, обнесенных хлипкими заборами из двух параллельных жердин. Между всем этим — пустыри с привязанной скотиной, кусты, деревья... Стены некрашенные, различные оттенки черного и темно-серого, сразу видно, что дома не один год стоят под солнцем и дождем. Крыши крыты, судя по всему, бурой прошлогодней соломой. Разве что вон та изба, стоящая на дальнем краю у леса, получила серую крышу из оцинкованного железа... Да... Нищета...

Сначала Козья Гора показалась Сергею, привыкшему к многолюдству и толчее, вымершей. Даже собаки не лаяли...

Стоило только подумать — и тут же из первого дома выкатился меховой шарик и голосисто залаял.

— Ну, Тимка, ня балуй! — прикрикнул Кузьмич добродушно.

Тимка, отработав положенную программу оповещения хозяев, резиновым мячиком запрыгал вокруг.

Телега свернула вправо и остановилась у дощатой калитки небольшой избушки, казалось выросшей в землю.

— Хозяйку поищу, — сполз с телеги Кузьмич, — поесть соберет...

Сергей, по дороге выпросивший табачку (курить хотелось, аж уши пухли), неловко свернул самокрутку и чиркнул спичкой... Мама! Яд... кха... ядреный табачок... Клубы дыма повалили изо рта, как у Змея Горыныча. Но лучше уж эта отравка, чем совсем без курева. Самокрутка дотлела наполовину, но хозяин с хозяйкой как сквозь землю провалились. И Тимка убежал.

— А обещали покормить...

— Дядя, а ты кто? — слышалось сзади.

Сергей обернулся. Неподалеку от него стоял малец лет семи, одетый в замызганную рубашку и черные штаны.

— Прохожий. Шел мимо, дай, думаю, зайду к Кузьмичу в гости.

— Бреешь, — резонно заметил пацан, — ты с Кузьмичом приехал.

— А ты живешь здесь? — сменил тему разговора Сергей. Можно предположить, что рассказ о том, кто он такой и откуда взялся, и так сегодня придется повторить не один раз. Незачем впустую натирать язык.

— Ага, — широко кивнул мальчонка. — Вона мамка моя.

По улице действительно прошла женщина. На вид лет сорока, в темной юбке, кофте, с цветастым, хотя и блеклым платком на плечах. Она усиленно делала вид, что незнакомцы в бродяжьей одежде по деревне ходят прямо-таки отрядами и ей ну совершенно неинтересны. Казалось, она даже спиной ухитряется рассматривать Сергея.

— А любопытно, где пропал Кузьмич?

— Сяргей, — выглянул из-за калитки Кузьмич, — проходи, цего сядишь?

Сергей мимоходом потрепал по макушке мальчишку и пошел к входу. Навстречу ему выскочила и устремилась куда-то по улице невысокая старушка. Надо полагать, жена Кузьмича. Тоже усиленно делавшая вид, что Сергей ей надоел так же, как вон тот столб.

Вот, блин, обреченно подумал Сергей, она же побежала народ собирать. Ладно, если просто рассказать придется, кто я такой... И то страшно: мало ли какие нестыковки могут всплыть. А еще хуже, если здесь просто не любят чужаков и интервью берут с помощью паяльника... ну или с учетом специфики — раскаленной кочерги. Может, бечь, пока не поздно?

— Идем, идем, — поторопил Кузьмич.

Сергей покорно шел следом, рассуждая о том, что будут пытать или нет, неизвестно, а вот если он сейчас сдернет, то, догнав, его затопчут просто из спортивного интереса.

Прошли калитку, вот двор с бегающими курами, низкие сараюшки с карликовыми входами: чтобы туда войти, нужно не то что наклониться, а просто пролезать, как в окно. Все это проплыло перед глазами Сергея, как в тумане. В животе нехорошо холодело...

Скрипнули серые доски крыльца, взвизгнула дверь (да что здесь, про смазку не слышали?). Прихожая (или как там она называется в избе?) была завалена разными очень нужными вещами, там имелись: бочка деревянная, длинные палки, видимо, черенки для вил, лопат, грабель, в общем, крестьянский инвентарь, еще покосившийся буфет. На противоположной стене вырезано

маленькое окошко величиной с портсигар и прибито множество полок, заставленных посудой: горшками, тарелками...

— Сюда, сюда...

Слева открылась дверь, низкая, но широченная, практически квадратная. Терзаемый нехорошими предчувствиями, Сергей с провожатым, наклонившись, вошли в жилище...

Почему, интересно, так места мало? Вроде бы строй не хочу...

Избушка, действительно, не удовлетворила бы даже измученного хрущевкой горожанина. Метраж где-то квадратов двадцать вместе с кухней. Еще четверть пространства съедала огромная печь, разинувшая пасть справа. Потолок сразу за дверью был крайне низкий, прямо тер макушку не такому уж и высокому Сергею. К счастью, немного погодя поднимался до приемлемого уровня. Хотя рукой до него можно было достать без проблем. Антресоль? Как здесь вообще живут?

Было довольно чисто.

— Проходи, присаживайся... — В голосе Кузьмича ничего настораживающего, но Сергею сейчас везде мерещилась засада. А куда тут присесть можно?

Наискось от печи под полочкой с иконами стоял массивный стол из гладких некрашенных досок. От двери до угла и оттуда вдоль окон протянулась врезанная в стену широченная лавка из толстых досок.

Сергей присел на лавку на углу стола, прямо рядом с раскрытым окном, низким — подоконник на уровне колена — и маленьким, где-то в четверть нормального пластикового окна. Кузьмич тут же исчез за дверью, чем только усугубил нехорошие подозрения. Но не убегать же в самом-то деле? Сергей стал осматриваться.

Печь со своей полукруглой пастью походила на неизвестное прожорливое чудовище, по бокам у нее были проделаны небольшие квадратные ниши, похожие на глаза. Рядом стояли огромная кочерга на деревянной палке (как она не обгорает, интересно?), несколько рогулек, которыми, как знал Сергей, достают горшки из печи. Вот только как эти фиговины называются, он не знал. Еще возле печи на полках, на скамейках и просто на полу стояли разнокалиберные горшки и чугунки. Низкий потолок над дверью действительно оказался чем-то вроде антресоли: настил, с которого свисают то ли тряпки, то ли шубы... Интересно, блохи здесь не

живут?

Пол был чистый, даже вроде бы струганый. В запечном углу виднелся люк — очевидно, подвал. Еще за печью стояла бочка... А может, и не бочка, те с выпуклыми боками, а непонятная емкость напоминала усеченный конус и служила, похоже, рукомойником: над ней свисал на веревках с потолка глиняный пузатый чайник. На стене висели многоярусные полки из некрашенных (краски вокруг вообще не было ни капли) досок, на которых размещалась посуда: тарелки, миски, кружки...

— Привет, — раздалось из окна. В нем, как кукушка в старых ходиках, торчал встреченный раньше мальчишка, сын любопытной мамы. Уродился он, судя по всему, в нее.

— Привет, — не стал перекладывать на невиноватого парнишку свои черные мысли Сергей. — Как дела?

— Хорошо. А ты кто? — Мальчишка прямо-таки извивался от нетерпения.

В окно Сергей увидел, что за спиной любопытного из приоткрытой калитки выглядывают еще несколько круглых рожц. Мальчонка, уже имевший опыт общения с загадочным незнакомцем, выступал разведчиком.

— А ты кто?

— Я? Мишка.

— А я Сергей.

— А...

Мальчонка исчез. За окном прошли ноги в сапогах. И еще пара. И еще...

* * *

Кузьмич с молчаливой супругой сначала жаловались: мол, в доме шаром покати, на стол нечего поставить. Однако поискали в своей кладовой, часть притащили соседи, и само собой организовалось неплохое пиршество. Посередине стола дымился чугунок тушеной с мясом картошки, одурительно пахли ломти свежееиспеченного хлеба на огромном блюде, а вокруг стояли тарелки с салом, солеными огурцами, квашеной капустой, мочеными яблоками... В миске рядом с Сергеем лежали соленые грибы, неизвестные по виду: рыжие, круглые, пахнущие укропом и немного елкой. Наконец, посередине стола утвердилась здоровенная, литров на пять, бутылка мутного самогона, заткнутая оструганной

деревяшкой.

В небольшой и тесной, казалось бы, избенке собралось, без преувеличения, население всей деревни. Кроме детей, чьи мордочки торчали в окнах. Притом что в деревне насчитывалось ровно пять домов, народу собралось человек пятнадцать: шесть мужиков, считая дедушку Афиногена, и то ли восемь, то ли десять женщин, постоянно перемещавшихся туда-сюда и по этой причине не поддающихся точному подсчету.

— Что, Ленька, — шумел слегка захмелевший дедушка Афиноген — местный аксакал, которого привели за руки почтительные дочери, две бабенки с усталыми лицами, — как же ты оборол паразитов?

Сперва, когда в избу Кузьмича повалил народ, Сергей с некоторым испугом решил, что весь сыр-бор начался из-за него. Мол, чтобы познакомиться с новым человеком. Однако потом выяснилось, что затеял это все Кузьмич, празднуя свое чудесное избавление от гибели, в качестве которой выступали три беспризорника, по рассказам не такие уж и безобидные детишки. Так, недавно они зарезали мужика из Загорок вместе с женой, а на днях — непонятного Сергею «заготовителя»... А вот роль чудесного избавителя пришлось играть Сергею. Рассказ о своей нелегкой сектантской судьбине он повторил аж три раза: один раз на бис для запоздавших и еще разок — для проспавшего первые два дедушки Афиногена. Меч рассмотрели все, уважительно цокая языками. Еще внимания удостоились калиги (оказавшиеся для двадцать пятого года слишком уж средневековыми). Большинство мужиков пришло в сапогах, явно надетых в честь общего собрания, да дедушка Афиноген в валенках. В лаптях не было никого.

— Богатый стол по ныняшним временам, — повернулся к Сергею Анисим Никитич.

Крепкий мужик в черном пиджаке был хозяином того самого дома под железной крышей, стоящего у леса, и одним из двух, кого все звали по отчеству. Кузьмич был дальним родственником всем и каждому, да, кроме того, отличным печником, а Анисим Никитич оказался пасечником, держащим почти сотню ульев и заколачивавшим неплохие деньги. Его жена, тоже молчунья, быстро скооперировалась с Кузьмичевой, и сейчас они общались у печи шепотом и чуть ли не жестами.

Сидел Анисим Никитич вместе с Кузьмичем в самом углу, под иконами. Сергею казалось, что место довольно неудобное,

однако из слов он уяснил, что это «красный угол» — самое почетное место. Сам он поместился по левую руку от Кузьмича, вроде как спаситель... Около пасечника опять задремал дедушка Афиноген, клонясь на Прохора, своего сына, нестарого мужика, обладателя роскошной бороды, блестящей и аккуратной. За ним поместились еще двое: совершенно седой Матвей, лет сорока, с не менее седой бородой, фасоном немного похожей на ту, что носил Дамблдор, — длинный узкий клин, и Андрюха — парень лет тридцати с красным шрамом через лицо. Тихо расспросив Кузьмича, Сергей узнал, что шрам тот получил в боях. Вот только в каких именно, он уточнять не стал.

С другой стороны стола расположились женщины, периодически отбегавшие, а то и выбегавшие из избы по своим делам. Из-за этого мельтешения Сергей не только имен не запомнил, но и не очень ориентировался, кто из них кем кому приходится. Присутствовали две старушки, к которым уважительно относились все, так что Сергей так и не разобрался, чья они родня. Может быть, и всех, как Кузьмич. Две усталые женщины, дочери дедушки Афиногена, были сестрами Прохора. Куда делась жена последнего, опять-таки никто не уточнял. То ли две, то ли три сестры, одна из которых была женой Матвея, крутились, как юркие змейки, вокруг стола, иногда присаживаясь и тут же вскакивая. Все три (или две), темноволосые, стройные, действительно напоминали змеек. Особенно Сергею приглянулась одна, самая юная и гибкая... Одна молодая девушка была женой Андрюхи. Ее взгляд откровенно настораживал, какой-то он был потухший и безжизненный. Впрочем, сам Андрюха тоже живостью не отличался. Хотя что можно было ожидать от обитателей мест, где всего пять лет назад прокатилась война?

Единственное, что не нравилось Сергею, — это женская одежда. Если мужчины были одеты примерно так, как и можно было ожидать от деревенских, — сапоги, пиджаки, подпоясанные рубахи разных цветов, кепки немного странные, с околышем, то вид женщин прямо-таки вызывал сочувствие. Особенно на взгляд москвича ХХІ века.

Длинные темные юбки, глухие кофты, шерстяные (это летом-то!), у всех на головах платки. Из всего тела видны только лицо и руки. Даже молодые женщины были одеты так же, хотя Сергею казалось, что деревенские девушки должны носить платья. Такие легкие (ситцевые, во!) с цветочками, до колена... Фиг. Глухо

до самого пола.

Самогон — штука небезобидная, поэтому через некоторое время в голове, и без того больной, зашумело. Игривые мысли толкались в мозгу. Захотелось представить здешних молодок в современной одежде. Для эксперимента Сергей мысленно раздел одну, жену Андрюхи, и последовательно одел в бикини, мини-юбку, деловой костюм... В итоге пришел к выводу, что лучше всего она смотрелась бы в обтягивающих джинсах и коротеньком топики. Можно даже полупрозрачном.

Занятый модельерными идеями, он не сразу заметил окончание празднования: народ постепенно вылезал из-за стола, прощался с хозяевами. Интересно, а куда ему теперь деваться? Навряд ли его пустят на постой и будут кормить бесплатно. Сейчас подойдет Кузьмич, скажет: «Ну, что, гостенек, пора и честь знать. Душ куды хошь». И что? Куда пойдешь? Пешком до Загорок? А там его тоже не ждут, подпрыгивая от нетерпения...

— Сяргей, — присел рядом на лавку Анисим Никитич, — ты куда собяраешься податься?

— Ага, — включился задремавший было Кузьмич, — где родня-то твоя жила хоть помнишь?

— Не помню, — с горечью протянул Сергей, — ничего не помню. Один остался.

— Ня грусти, — обнял его за плечи Кузьмич, — ня пропадешь. Такой парень, как ты, да штоб пропал? Как ты их, мазуриков — вжик, вжик...

...Ага, уноси готовенького. Тут вспомнились убиенные, и все съеденное и выпитое чуть не оказалось на полу.

— Кузьмич, — глухо, как через вату, послышался голос Никитича, — ты цего? Парень молодой, в боях не бывал, можа, энто у няго и вовсе первые...

«Первые покойники», — договорил неделикатный внутренний голос, и Сергея все же стошнило на пол. Вернее, на землю, потому что Кузьмич с Николаичем... тьфу, Никитичем... успели вывести его на улицу. Стало полегче. Правда, вернулась заглушенная было самогонкой головная боль.

— Ты, Сяргей, не унывай, — усадил его на лавку под стеной Кузьмич, — цем смогу — помогу. Хошь — до Загорок довязу, хошь — до Пяскова, если ты свою родню вспомнишь. А хошь — у нас в Козьей Горе оставайся...

...Сергей Вышинский — козий горец. Пошутил тогда над

названием...

— ...девку тебе найдем, парень ты здоровый, завядете хозяйство. Да вон хоть...

— Погодь, Ляонтий, — тормознул его Никитич, — человек еще в себя не пришел, а ты его уже женить хочешь. Не видишь, больной он...

Голоса куда-то уплыли, затем вернулись.

— ...у мяня. Слышишь, Сяргей, — потряс за плечо Кузьмич, — говорю, у меня перяноцуешь сягодня. А потом...

Голос опять уплыл.

— Что... потом... — И язык тоже отказывается служить... Нет... Это не самогон... Наверное, и вправду заболел... Ночь отлежать в лесу на сырой земле — это тебе не хухры-мухры...

— Сяргей, Сяргей. — Теперь за плечо тряс Николаич... Никитич... — Ты у нас в дярвне остаться не думаешь?

— Можно. — Язык вернулся в подчинение. — Только кому я тут нужен?

Кому ты вообще ЗДЕСЬ нужен?

А ТАМ ты кому нужен-то был?

— Пахать я не умею. Ничего не умею...

— За это не пряреживай, — хлопнул по плечу Никитич, — я же говорил, надумаешь — научу.

— Чему?

— Как цему? Ты што, не слышал? Я же говорил, помощник мне нужен. Я-то староват уже становлюсь. А батрака нанять по ныняшним временам...

Батрак — это вроде бы наемный сельхозработчий...

Никитич замолчал.

— Да, — покивал Кузьмич, — по ныняшним временам это...

— В батраки, значит, зовете?

Славная карьера — от менеджера по продажам в деревенские чернорабочие. Репу выращивать до старости.

— Да не в батраки, беспонятливый!

А чего тут не понять. По факту — батрак, а по документам — нет. Зарплату в конвертиках платить будешь, Никитич?

— Не в батраки, в помощники. Што наработаем — по-цестному. Я думал, сын помогать будет, а он...

Понятное дело. В город, за лучшей жизнью.

— Уехал?

— Ага, уехал, — неожиданно зло стукнул кулаком по колену Никитич, — в Могилевскую губернию.

Почему в Могилевскую?

— Казаки Булак-Балаховича его порубали. Еще в девятнадцатом.

— Так ты меня в сыновья взять хочешь?

— Счас! Сын у меня один... Был. Походишь в плямняниках. Двоюродных.

* * *

— Арте...

БАМ!

— ...факт! Блин! Блин-блин-блин!

Как голова болит! Мало того что болела весь день, так теперь резко подскочивший Сергей с размаху въехал в низкий потолок.

— Что? — ухнул с печи проснувшийся Кузьмич.

К вечеру полил дождь, похолодало, гостеприимный хозяин закряхтел, пожаловался на боль в суставах и устроился спать на теплой лежанке.

— Сергей, што случилось?

— Ничего. Сон плохой приснился.

— А-а... — протянул Кузьмич и заворочался, засыпая.

Сергей заснуть не смог. Он лежал на выделенном ему спальном месте — тех самых антресолях над дверью, называемых полатами, укрытый толстой овчинной шубой — тулупом (такое чувство, как будто не в России, столько слов новых и непонятных). Прямо над головой нависал потолок. От тулупа густо пахло кожей и шерстью. Но спать мешало другое. Артефакт!

Сергей наконец-то вспомнил, что предшествовало его пробуждению в лесу. Он был в музее, затем попытка спереть медную пластину, меч, разрезавший руку, кровь, залившая узоры... Затем он кладет руку в углубление. И все. Дальше он приходит в себя в лесу. Значит, виной всему именно тот медный артефакт. Получается, он забросил Сергея в прошлое (если это все же не розыгрыш). Видимо, артефакт, обнаруженный в музее, где лежали колдовские прикамбасы, действительно оказался магическим. Ни о чем подобном, в смысле о предметах, магически перебрасывающих в прошлое, Сергей не слышал, но это не значит, что таких

предметов не существует. Многолетнее увлечение фэнтези не то чтобы заставило верить в существование магии, но сделало ее чем-то вполне возможным.

Сергей лег поудобнее и начал размышлять. Ситуация, в которой он оказался, имела по крайней мере четыре объяснения. А значит, его дальнейшие действия могут иметь четыре направления.

Первое, самое простое: он спит и ему снится сон. Выпил, покурил, вот и мерещится ему, что он в прошлом. А на самом деле лежит, тихонько похрапывая, у костра, и, чтобы вернуться в настоящее, достаточно проснуться. Однако при тщательном анализе предположение пришлось отбросить — Сергей посчитал, что если человек во сне поймет, что он спит, то проснуться для него — плевое дело. Однако вот что-то не получалось.

Второе, неприятное: он не спит, он просто сошел с ума. Версия, похожая на «сонную», но объясняющая, почему он не может проснуться. Психи из собственного бреда так легко не выныривают. Значит, все окружающее — его собственная галлюцинация, а он сам — в дурдоме, в палате с мягкими стенами. К счастью, против подобного (Сергей, как и любой нормальный человек, панически боялся сойти с ума) было три обстоятельства. Во-первых, как помнилось, сумасшедший никогда не считает себя сумасшедшим. А раз он считает себя сумасшедшим, значит, он не сумасшедший. Правда, с другой стороны, может быть, он как раз сумасшедший, который считает себя нормальным на том основании, что он думает, что он сумасшедший... Хватит! А то и правда заплеть себе извилины в морской узел. Вторая причина не быть психом: реальность окружающего. Мозг человека не может сочинить подробную картину мира. А все вокруг слишком реально: от пахучего тулупа до лягушачьего концерта, доносящегося с пруда. Наконец в-третьих, человек обычно сходит с ума на том, чем увлекается. Вот если бы он попал в фэнтезийно-магический мир, тогда версия сумасшествия была бы основной. Но большевиками Сергей никогда не увлекался и не видит причин, с чего бы его перемкнуло именно на двадцать пятом году. Значит (фу-ух!), он не псих.

Третье, чуть менее неприятное: все-таки розыгрыш. Может быть, какой-то безумный миллионер именно таким образом развлекается: построил деревеньку (правда, видок у нее довольно старый, но, может быть, он давно забавляется) и периодически заманивает в нее несчастных прохожих, чтобы следить за их

потугами выбраться из прошлого. Так, подумаем... Его вырубил сразу после прикосновения к артефакту. Как это можно объяснить в рамках версии с розыгрышем? Ну, скажем, Денис работает на того самого миллионера и заманивает жертв в музей. В артефакте спрятана тоненькая игла со снотворным — дотронулся и отключился. Невозможность предугадать, куда он пойдет? Скажем, ловко упрятанный жучок-маячок. Следили за ним на экране пеленгатора и, как только он вышел на дорогу, выпустили Кузьмича. Уж больно вовремя тот появился. Агент Кузьмич запудрил мозги жертве и притащил ее сюда, в Козью Гору, деревню, населенную сплошными актерами и наверняка напичканную видеокамерами. Как в этом фильме с Джимом Керри, как там его... А, «Шоу Трумана»! Реальная версия? Ну... Если честно, то очень сильно притянута за уши. В ее рамках невозможно объяснить смерть беспризорников (если допустить, что они тоже актеры). Вернее, не столько смерть, сколько реакцию Кузьмича. А именно ее отсутствие.

Ну и наконец, четвертое: он действительно в прошлом, в двадцать пятом году, и с этим нужно как-то жить. А вот как?

Сергей ничего не знал о крестьянской жизни, кроме того, что была она очень тяжелой и беспросветной. В принципе этого достаточно. Прожить остаток жизни батраком хитрого Никитича? С утра до вечера пахать землю? Не-эт, не о такой судьбе он мечтал всю жизнь. А с другой стороны, что делать?

Сравнивая свою судьбу с книжными историями про провалившихся во времени, Сергей пришел к выводу, что ему крайне не повезло. В какое-то зверски неинтересное время его перенесло. Обычно попаданцы либо оказывались в прошлом где-то незадолго до Роковой даты, то есть двадцать второго июня сорок первого года, и успевали прорваться к Сталину. После чего русские выигрывали войну с меньшими потерями, герои становились ближайшими советниками и чуть ли не лучшими друзьями всех известных исторических личностей. Либо попадали в совсем уже дикие времена, где моментально варили порох из подручных средств, строили заводы, фабрики, мануфактуры, ковали в деревенской кузнице радио и запускали спутники в космос. И опять-таки становились либо вождями, королями, адмиралами, либо людьми, глубоко уважаемыми всем окрестным народом за мудрость, храбрость, изобретательность и прочее. Это герои книг. А он?

До войны еще добрых шестнадцать лет. Правда, Сталин уже пришел к власти, но все равно слишком уж большой промежуток. Просто не поверит. Все равно что где-нибудь в восемьдесят четвертом году подойти к молодому разведчику Володе Путину и сказать, что через шестнадцать лет он станет президентом России. Пристрелит, как провокатора. Это Путин. А уж у Сталина тем более не заржавеет...

Учить по примеру многочисленных книжных последователей местных жителей уму-разуму? А чему, собственно, он, Сергей Вышинский, менеджер-недотепа и реконструктор-неудачник может их научить? Как землю пахать? Ха-ха. Как мечом махать? Два ха-ха. Сразу вспоминается эпизод из Индианы Джонса. Ну, тот, где перед Индианой машет саблей одетый в черное выпендрожник, после чего следует выстрел, мечемашец падает мертвым, а Индиана прячет пистолет и идет по своим делам. Ну, что еще ты знаешь полезного? Как впарить покупателю партию сахара? Как играть в «Дум»? Как ползать по Интернету? Ха-ха, ха-ха, ха-ха... Ни черта ты, любезный друг, полезного для здешних жителей не знаешь. Даже из истории не вспомнишь ничего путного, потому что и в школе, и в академии историю ненавидел (как и все остальные предметы). Даже неизвестно, что здесь уже изобретено, а что еще нет. Вот телевизор. Изобретен? А впрочем, даже если и нет, что можно рассказать о его устройстве? То, что у него есть экран и кнопки?

Сергей подумал, потормошил свою большую голову, но не смог вспомнить устройство ни одного более-менее значимого предмета. Кроме степлера. И то только потому, что один раз от скуки разобрал его на части. Навряд ли местных крестьян заинтересует степлер. Или хоть кого-нибудь.

Как бы отвечая на мысли, на печи крякнул и заворочался Кузьмич. Неграмотный, кстати. Нет, не заинтересует...

Даже напряги Сергей извилины и вспомни что-нибудь техническое, и что? Кому ты будешь предлагать устройство автомата Калашникова? Кузьмичу? Никитичу? Или будешь ходить по улицам и орать: «А вот чертежи автомата! Недорого! Кому-у?!»

Никакой от тебя пользы, Сергей Аркадьевич. Будешь ты пахать и пахать, причем в буквальном смысле этого слова. А не так, как ты привык «пахать» в офисе с кондиционером и компьютером...

С такими трагическими мыслями Сергей заснул.

Попытался заснуть.

Как только приходил сон, вместе с ним появлялись беспризорники. Стоял на пригорке Длинный с наполовину перерубленной шеей. Кривлялся Рыжий в залитой кровью кофте. Чумазик с отчаянным визгом опять мчался на него, выставив блестящие шилья. И добегал. В тот момент, когда острия вонзались ему в живот, Сергей выныривал из огромного тулупа, орал и врезался головой в потолок. На третьей побудке Кузьмич начал материться уже во весь голос.

* * *

— Ну, как там мой новый плямянничек? — Никитич выглядел до отвращения бодро. По крайней мере, для Кузьмича, чувствовавшего все свои пятьдесят лет. И даже еще пару десятков лишних.

— Шальной какой-то. — Кузьмич сидел на крыльце. — Всю ночь орал и головой о потолок стучался. Спать не давал.

— Ну орал... Положи трех, да яще первый раз — не так заорешь. А сейчас где? Спит?

Солнце уже встало, так что для деревенских продолжать спать — признак крайнего лентяя.

— Да не. Всю ночь не спал и поднялся ни свет ни заря. Вон, в туалете страдает.

— Так ён же сяктант. Нябось не то что самогона, вообще спиртного не пил.

— Не скажи. Сяктант не сяктант, а самогон вчера глотал, как воду. Да и вообще...

— Што? — насторожился Никитич. Получить зависимого работника, да еще почти бесплатного (за еду и ночлег) — чертовская удача, и не хотелось бы омрачать ее.

Может быть, думал он и не совсем такими же словами (как-никак крестьянин двадцатых годов), но все дело в том, что точно передать человеческие мысли сложно (а часто и невозможно), так какая разница — перескажем мы их с соблюдением крестьянской лексики или так, чтобы понятнее было...

— Да посмотрел, как ён ест.

— Ну?

— Да никак.

— Не ест, што ли? Я же видел, ел он вцера.

— Ест он странно. Как будто солому жуе. Никакого выражения на лице.

Никитич подумал:

— Да и бог с ним. Привяредничать не буде.

— Тосций он какой-то. — Кузьмич прислонился головой к столбу крыльца. Не то, ох не то уже здоровье... Сначала именины, потом встреча с странным парнем, беспризорники, опять самогон... Ох...

— Ницего. — Никитич уже решил, что работник ему достался хороший. А что сектант... Да хоть иллюзионист! Деваться ему все равно некуда — ни родни, ни знакомых. — Тощий, да жилистый. Лишь бы работал. Сейчас работы много... Потихоньку обучится, а потом... Потом и к торговле подключится...

— Ну да, ну да... — страдальчески поморщился Кузмич.

Из распахнувшейся двери туалета показался сектант Сергей. Бледный, почти зеленый, пошатывающийся.

«Одежку ему сменить надо, — хозяйским глазом прикинул Никитич, — а то выглядит как... Как сектант. И подстричь. Со своими патлами и бороденкой больше на попа похож, чем на нормального человека».

Сергей подбрел поближе и рухнул на завалинку (этого слова он еще не знал и считал, что сидит на фундаменте).

— Доброе утро, — прохрипел Сергей и забился в выворачивающем внутренности кашле.

«И подлечить. На тиф вроде бы не похоже. Простыл, может...»

* * *

Все-таки в своих расчетах ушлый Никитич малость промахнулся. Не успев добрести до его дома (да и то с поддержкой), Сергей свалился с непонятной болезнью. Его колотило, как неисправный миксер, тошнило не то что от еды — от любого запаха. Про понос и говорить нечего.

Вот и сейчас, вернувшись из туалета, он дополз до лавки и трясся, накрытый огромным тулупом.

Никитич и его жена собрали консилиум на кухне.

— Можа, тиф? Или холера? — Пасечник уже начинал сомневаться в полезности своего неожиданного приобретения. Пока что толку мало, а возни много.

— Нет, — в третий раз отрезала жена. — Не похоже.

— Можа, сглазил кто? Можа, к Алене отвязти? — Никитич не столько спрашивал жену, сколько размышлял вслух.

— Нет, — опять прошелестела та. — Не похоже.

— Тогда што это с ним? Третий день несе, как с худого вядра — со всех концов.

— Зелье, — промолвила жена.

— Зелье? Какое? Зелье...

А ведь верно! Молодец жена. Сергей же говорил, что их поили какой-то дрянью. А перед тем, как повезти на какую-то сектантскую битву, еще и накачали сонной отравой. Вот она из него и выходит. Видать, сильная штука.

— Так и што делать?

— Што и делаю. Поить. Пока не очистится от отравы.

Сергей период болезни вообще не запомнил. Он даже не смог бы сказать, сколько дней прошло. Они все слились в краткие промежутки нездорового сна между приступами тошноты и посещениями туалета, каждое из которых было маленьким подвигом. Его поили горькими отварами трав, от которых вязало во рту, пичкали тягучим медом с почерневшей деревянной ложки. Еще из глиняной кружки, крынки, Сергей пил литрами простоквашу, по крайней мере, так назвала напиток тихая старушка — жена Никитича, его нового начальника («Хозяина», — даже очнувшийся внутренний голос язвил как-то тускло). Простокваша, которую он покупал иногда в магазине, была густая и однородная, нисколько не похожая на те кислые студенистые комочки, которые пришлось пить здесь.

Но все в этом мире заканчивается, в том числе и болезни (иногда, правда, смертью, но Сергею повезло). Где-то через неделю, проснувшись ранним тусклым утром, он с некоторым удивлением обнаружил, что организм не хочет ни в туалет, ни к тазу (который здесь заменяла плоская деревянная тара, похожая на разрезанную пополам бочку, — лохань). Не трясет, не колбасит, не ломает. Хочется встать.

Сергей сел на лавке. Помещение внезапно побежало каруселью, и что-то сильно ударило в затылок. Второй раз Сергей приподнимался уже более осторожно, тихонечко. Все-таки неделя болезни чувствовалась — тряслись руки и ноги. В итоге Сергей опять рухнул на лавку. Плюнул и осмотрел помещение, в котором ему довелось провести уже неделю.

Первое впечатление — чисто. Гораздо чище, чем, скажем, у того же Кузьмича.

Закончив рекогносцировку, Сергей сделал еще одну попытку подняться. О чудо! Получилось! Сел! И не упал!

Ноги, конечно, немного подкашивались, но не было той выматывающей дурноты и ощущения, что в твоём животе поселились лягушки, скользкие и непоседливые.

За стенкой-загородкой скрипнула кровать, и между занавесками просунулась слегка сонная физиономия Никитича, одетого в белые кальсоны и рубаху. Блин, чем плохо быть крестьянином — просыпаешься уже на работе, и начальство всегда рядом...

— О, плямнянник! Никак выздоровел? Ну тогда поедим, да и за работу. Сенокос!

Блин... Хорошо иметь домик в деревне...

За занавеской зашуршала и выскочила на свет уже полностью одетая жена Никитича, немедленно метнувшаяся на кухню. А нет, ошибся. Женщина (как ее зовут-то?) уже вернулась и опустила на лавку около Сергея сверток с одеждой. Без обуви. Кстати, а как ходить? Это у здешних туземцев, как успел рассмотреть Сергей, ступни как подошва. А он-то — житель городской, босиком ходить непривычный. Ладно, может, Никитич чего придумает.

Так, что здесь за мода?.. Сергей только что рассмотрел, что сидит в коротких просторных портках, явно не его. Кто, интересно, переодевал?

Итак, штаны... Черно-серые, местами заплатки, но аккуратные, практически незаметные.

Сергей хихикнул, вспомнив, как его знакомому добрая мама пришила заплатку. Аккуратную, круглую, красную. На ярко-голубые джинсы. На ягодицу. Парень был без комплексов, поэтому преспокойно ходил в них, не обращая внимания на прозвище «В зад раненый»...

А вот карманов почему-то нет. Кстати, нужно поинтересоваться у хозяина, где трофейный кошелек с денежкой? Или, не дай бог, здесь имущество батрака переходит во владение хозяина?

Дальше шла рубашка-косоворотка с потертой вышивкой по краю ворота. Тоже без карманов. К ней прилагался аккуратный пояс, плетенный из веревки.

Натянув на себя предложенное, Сергей стал выглядеть... Ну, примерно так же, как и в реконструкторской одежке. Вот страна, за тысячу лет одежда не изменилась!

Пошевелил пальцами босых ног. Что все-таки обувать? Сапоги? Или эти... лапти?

— Пойдем. — Никитич хлопнул по плечу задумавшегося Сергея. — Жена поесть поставила.

Парень увидел перед собой чугунок (хоть что-то он знал по наименованию), полный мелкой картошки, варенной в мундире. Тарелки не предполагались. Осторожно присев на лавку (стульев здесь не имелось, похоже, нигде), Сергей понаблюдал за Никитичем.

— Ешь, ешь, — махнул тот рукой.

Сергей осторожно вытащил картофелину, очистил и проглотил. Потом вторую. Третью.

— Сярежа... — Никитич чуть не подавился.

— Что... Анисим Никитич? — Лучше побыть вежливым.

— Вкусно? — Хозяин выглядел несколько обалдевшим.

— Ну да. Уже идем?

— Ты ешь, ешь...

«Вот это да, — подумал Никитич, — работник достался. Голую картошку без масла и соли ест и вкусной называет. И ведь не врет. Правда Кузьмич сказал, «как солому жует»...»

— Сярежа, — осторожно спросил он, — а ты вообще вкус понимаешь?

Ну и как ему объяснить?

— Вкус понимаю. А вот вкусно или нет — понять не могу. Ем и ем. И чувства голода у меня нет.

«Хороший работник, — решил Никитич, — ест все. Посмотрим, как работает».

— Ну, — хлопнул он себя по коленям, — пойдем!

На дворе (кстати, тоже более чистом и просторном, чем Кузьмичевый) Никитич вручил Сергею обувь. Что бы вы думали? Конечно же лапти! Хотя сам Никитич назвал их броднями. Потом они с Сергеем полчаса учились наматывать портянки — онучи. Сергею все больше казалось, что он вообще попал не в Россию, а в неизвестную страну, где язык на первый взгляд похож на русский, а на второй — просто черт знает что!

Обутому в бродни Сергею хозяин вручил косу, которая, как ни странно, косой и называлась, прилагаемый инвентарь, и парочка

— хозяин и батрак — отправилась на сенокос.

* * *

Покос был неблизко.

Два косаря опустили косы.

— Ну вот, Сярежа, наш покос.

Зашибись. Огромный луг, конца которого не видно. В тумане терялся. Да его косить месяц!

Никитич, нисколько не пугаясь размеров рабочего места, ловко выхватил из висящей на поясе берестяной кобуры узенькую дощечку, облитую черной липкой массой и обсыпанную песком. Упер косу концом в землю, вскинул лезвие над головой... Стал немного похож на Смерть — раньше косу Сергей только в руках Смерти в разнообразных фильмах и видел.

— Смотри, упираешь косовище... — Блин, еще одно незнакомое слово. Да я за раз столько новых слов даже на уроках английского не слышал. — Косу держишь аккуратненько, вот так... и песчанкой, раз-раз-раз-раз...

Никитич быстро застучал песчанкой (еще одно!) по косе, затачивая ее.

Сергей достал свою дощечку, покрутил в пальцах, вздохнул (Никитич стучал уже у самого острия, значит, сейчас закончит, а его терпение не безгранично). Провел с противным скрипом по лезвию с одной стороны, с другой. Принцип ясен. Примерно, как точить кухонный нож оселком, стоя на голове. Правда, так быстро, как у, кхм, хозяина, не получится — поотхватываешь пальцы. Так... Раз, раз, раз... Хм, получается. Раз-раз-раз-раз. Коса звонко запела, вдоль лезвия пополза блестящая серебристая полоска отточенной остроты. Получается! Раз-раз-раз-раз!

Закончил точку, провел пальцем по бритвенно-острому лезвию. Получилось! Правда, все удовольствие испортил критикан Никитич, придирчиво осмотревший результат трудов. Проворчал, что так можно и загубить «струмент» и хорошо, что дал старую, и вообще.

— Ну што, Сярежа, давай нацнем косьбу.

Сергей даже теоретически не представлял, как нужно держать косу, не говоря уж о том, как косить. Первая же попытка закончилась вогнанной в землю по самую пятку косой и тяжким вздохом Никитича.

— Вот, смотри, Сярежа, здесь держишь левой, здесь — правой... — Левая рука Сергея легла на заостренный конец косовища, правой он ухватился за развилку в середине косовища (у косы Смерти такого наворота не было). — Вот так становишься, пятку упираешь в зямлю, носок чуть приподнимаешь...

Сергей принял позу косца.

— ...отводишь назад, и полукругом... Быстрее!

Шшшуух!

— Да-а-а... — протянул Никитич. — Ты зачем так много травы сразу косой ухватил?

Вышинский молчал. А что скажешь?

— Немного, вот та-ак.

Шшшуухх.

А, вот в чем косяк. Коса скользит по самому краю прокоса, снимая буквально несколько сантиметров травы.

— Дай-ка еще разок попробую.

Шшшуухх.

— Вот, уже лучше.

Шшшуухх.

— Плохо.

Да, блин, сенсей, что плохо-то?

— Ты зачем косу в конце приподнимаешь? Видишь?

Ну да, косу надо все время держать прижатой к земле, иначе прокос выглядит, как вырезанный в траве желоб.

Шшуухх. Шшуух.

— Плохо.

Сам вижу. Неаккуратно махнул, поторопился, между двумя чистыми прокошенными полукругами осталась узенькая полоска торчащих травинок.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

— Ну и ладно, — подытожил Никитич, — давай за мной. Только не торопись.

Началась косьба. Никитич, мерно взмахивающий косой, отдалялся от Сергея все дальше и дальше, приближаясь к кустам, выглядывавшим из тумана. Как ни старался Сергей, но косить с такой скоростью не получалось. Тут же появлялись огрехи, которые приходилось смахивать косой. Наконец Вышинский понял, что не сможет соревноваться со старым гуру косьбы (в этом новоявленный хозяин напоминал приснопамятного Конунга — с тем тоже трудно было сравниться во владении мечом), и принялся размеренно

косить, поймав ритм.

Косьба — занятие утомительное, особенно для непривычного человека. Не увлекайся Сергей мечемашеством — наверняка выбился бы из сил сразу же. А так усталость только-только начала подкрадываться. Здорово помогали мозоли, натертые рукояткой меча, иначе стер бы руки до кровавых пузырей. Как в начале увлечения реконструкцией. Так что, если бы не меч, ему пришлось бы туговато. Да и при встрече с беспризорниками (по спине пробежал холодок — он вспомнил о снах). С другой стороны, если бы не меч, сиречь не увлечение проклятой реконструкцией, не поехал бы на турнир, не поперся бы ночью в треклятый музей, не схватил четырежды клятый артефакт и не оказался бы ЗДЕСЬ! А значит, не пришлось бы убивать беспризорников, махать сейчас неудобной железякой и пытаться понять, что же теперь делать!

Мозги, не занятые во время косьбы, отреагировали на поставленную задачу.

Итак. Что же делать?

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Ситуация была не просто сложной — безвыходной. Дело даже не в самом факте провала во времени — сознание воспринимало произошедшее как вполне вероятное. Спасибо горе прочитанной макулатуры. Проблема не в психологическом шоке — в шоке интеллектуальном.

Практически из любого места на Земле можно, пусть и приложив значительные усилия, оказаться у себя дома. Даже из Антарктиды, если сразу не крякнешь от мороза, можно выбраться, выйдя к побережью и найдя станцию полярников. Даже из Алькатраса — американской тюрьмы на острове из фильма «Скала» и то бежали. Даже с другой стороны планеты, то есть из Южной Америки, можно добраться до Москвы. Просто, как бы далеко ты ни оказался, всегда знаешь дорогу (или можешь узнать). Она может быть сложной и извилистой, но она есть. Сейчас дороги не было.

Провалившийся в прошлое в определенном смысле сравним с человеком, оказавшимся на другой планете, — ты знаешь, где находишься, знаешь, куда тебе надо, но преодолеть промежуток между «где» и «куда» невозможно. Не в человеческих силах.

Ситуация безвыходная. Безвыходная? Дудки! Выход из безвыходного положения там же, где и вход!

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Кстати, а где у нас вход? Через какую дыру мы попали сюда,

Сергей Аркадьевич? А через одну медную шутовину, которую мы неосторожно облапили в музее. Это был вход? Ага. Значит, это же и выход. То есть все очень просто — найти артефакт и вернуться.

Просто-то просто, да где ж его найдешь? Стой-ка. Там на табличке в музее было написано, что артефакт откопал (откопал!) какой-то крестьянин в 1940 году. Да, да, да, точно, за год до войны! Значит? Дрянь сейчас закопана где-то в районе Загорок. Правда, найти ее... Перекопать все здешние поля и леса? Как раз к войне и закончишь. Если раньше в дурку не увезут.

Второй вариант: подождать пятнадцать лет, поймать за грудки товарища Донцова (точно-точно, однофамильца знаменитой писательницы, может, даже дедушку) и отобрать так необходимый артефакт. Минусы: пятнадцать лет косить траву, пасти коров и пахать «зямлю»?! Без телефона и Интернета? Да он сдохнет! Да к тому же как соотносится время его пребывания здесь и время отсутствия там? Что, если, найдя через пятнадцать лет артефакт, он окажется в 2025 году? Старым, замшелым крестьянином, ничего не знающим об окружающем мире? Впрочем, оказаться старым, замшелым крестьянином в 2010 году тоже не фонтан. Это если слегка повезет и артефакт возвратит его в ту временную точку, из которой он попал сюда. Идеальный вариант, конечно, это вернуться в ту же точку и оказаться опять молодым, двадцатипятилетним. Такое частенько случается в фантастике. Но стоит ли рассчитывать на такое везение? Ой, боюсь, это не наш случай...

Выходит... Ничего не выходит. Не сможет он вернуться назад в ближайшее время.

Невозможно.

Шшшуухх. Шшшуухх... Блин, огрех. Шух. Шшшуухх.

План «Б»: остаться здесь и попытаться, так сказать, натурализоваться. Вот оно то приключение, о котором мечтает каждый читатель фантастики! Ключевое слово — «мечтает». Всерьез оказаться в прошлом и стать крестьянином не хочет никто! И Сергею не хотелось! А вот пришлось!

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Вспомним-ка славных предшественников из многочисленного потока фантастики. Чем они занимались, попав в прошлое?

Отбросим сразу тех, кто отправлялся в путешествие «навстречу течению» во исполнение приказа или некоего задания. Они — люди подготовленные, вооруженные знаниями,

справочниками и компьютерами с любой необходимой информацией. Сергей же не подумал активировать пластинку артефакта, держа ноутбук под мышкой. Еще и потому, что ноутбук в стандартное оснащение средневекового воина входил не всегда.

Случайные же попаданцы, по крайней мере, те, кого смог вспомнить Сергей, от подготовленных практически не отличались. Они почему-то всегда помнили ход всех сражений Великой Отечественной, фамилии более-менее известных людей — от Жукова до сержанта Васильева, даты солнечных затмений, имена лошадей, выигравших на скачках сто лет назад, устройство автомата Калашникова и состав пенициллина. Еще они всегда очаровывали окружающих людей (несмотря на то что частенько были неприкрытыми хамами), легко могли войти в контакт с правителями Руси-России-СССР — от Рюрика до Сталина, благодаря чему становились если не теми самими правителями, то, по крайней мере, советниками, которым глупые цари смотрят в рот, слушая их мудрые речи...

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Так, собрались, вытряхнули мусор из головы и начали думать!

Путь первый: по примеру предшественников найти правителя (то есть Сталина. Он уже год как захватил власть после смерти Ленина), рассказать ему все, что известно о будущем (ну, то есть для Сергея — о прошлом) и... И что? Предшественники становились министрами и канцлерами, а он? Насколько он будет интересен Сталину после того, как выложит все о будущем? Вот то-то и оно... Навряд ли его заинтересуют мысли, родившиеся в голове Сергея. Тем более задарма кормить и снабжать деньгами, просто по доброте душевной, его никто не будет. Так что, скорее всего... Коридорчик-стенка-бах! Неприятная перспективка.

Впрочем, добраться до Сталина еще надо суметь. Вот прямо сейчас сказать Никитичу: мол, прости, хозяин, отправляюсь я в столицу лучшей доли искать. Иди, скажет тот. И что? Переть в Москву?

Без денег?

Те странные червонцы, которые он нашел в кошельке беспризорника, конечно, деньги. Вот только неясно, большая это сумма или нет, не старые ли это купюры, обесценившиеся после какой-нибудь деноминации, и можно ли ими вообще расплачиваться. Может, это только для расчетов между банками.

Или вообще фальшивки.

Без документов?

Паспорт наверняка просто так никто не даст.

Не зная ничего об окружающем мире?

Сболтнешь, где-нибудь, что видел Колчака, и все. Будешь потом в ЧК доказывать, что имел в виду фильм «Адмиралъ», а не живого адмирала. Да и вообще: как тут продаются билеты на поезд, во что обычно одеваются, как берут такси и есть ли они сейчас, где жить и как питаться — миллион вопросов. Добраться до Москвы опять-таки не означает сразу встретить Сталина на улице. Наверняка ведь не ходит он по улицам, болтая с прохожими и жуя пирожки с капустой, купленные у торговки. Судя по тому, что о Сталине известно, сидит он в кабинете с бронированными стеклами, окруженный охраной. Непонятого сектанта, называющего себя пришельцем из будущего, не пустят дальше входной двери. Возле нее и застрелят.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Коса затупилась, не резала траву, рвала и мяла, оставляя клочки. Сергей достал песчанку.

Дзинь-дзинь-дзинь!

Никитич оглянулся и одобрительно кивнул.

Дзин! Сергей попробовал пальцем лезвие. Бритва! Можно продолжать.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Есть вариант, следуя за предшественниками, кинуться спасти человечество (или хотя бы Россию), изменяя историю. Отправиться в Германию и убить Гитлера. Или поехать чуть поближе и убить Сталина. Если же что-нибудь менее кроважидное, то можно кого-нибудь известного спасти. Например, Пушкина. Правда, тот уже сто лет как умер... Ну другого поэта, современного. Например...

Поразмыслив немного, Сергей пришел к выводу, что не помнит ни одного погибшего в двадцать пятом (или хотя бы чуть позже) поэта. Очевидно, в двадцатых годах жизнь поэтов была достаточно безоблачной. Впрочем, были ли тогда поэты, Сергей тоже не помнил. На ум приходил один Маяковский, но тот-то умер своей смертью. Спился, кажется... Вообще ни один более-менее известный человек, которому нужно было бы помочь, не вспоминался. Да и попытки спасти мир упирались в отсутствие средств, знаний об окружающем мире и необходимых навыков. Как

говорил Хаук, без навыка даже мышь не убьешь. Не то что живого человека...

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Так, что еще можно сделать?

По примеру опять-таки фантастических предшественников можно сделать карьеру во времени пребывания, не раскрывая секрета о путешествии во времени. Вариантов, как помнится, два. Стать великим (условно говоря) воином или же, используя неизвестные здесь секреты технологии, прослыть великим (условно говоря) изобретателем и разбогатеть на продаже патентов (или найти компаньона, открыть вместе с ним компанию по производству всяких хитрых штучек и огрести кучу бабла). Есть и более экзотические пути: вспомнить выигрышные номера лотерей или победителя в чемпионате и в одночасье стать миллионером (отпадает по простой причине: Сергей не помнил ничего подходящего), вспомнить написанные великими писателями книги или стихи, выдать их за свои и получить баснословные гонорары (отпадает по той же причине: никаких книг он наизусть не помнил, а из стихов — только тексты современной попсы, за которые здесь навряд ли дадут что-нибудь, кроме гнилого помидора), спасти от какой-нибудь беды дочку миллионера или здешнего короля, за что благодарный папа опять-таки отсыплет денежку (отпадает: такие дочери крайне редко попадают в беду, и шансов, что Сергей при этом окажется рядом, немного).

Значит, или воин, или изобретатель.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Воин... По здравом размышлении — однозначно нет. Не то что великим, даже просто воином стать не очень получится. Сейчас в ходу все больше пистолеты да винтовки, из которых надо уметь стрелять. Некоторые шансы еще были, попади он в Средневековье, где в ходу меч. Да и то... Даже в клубе бойцом он был очень средненьким. А уж среди тех, кто меч в руке держал с рождения, его умения по шкале Кельвина тянули градуса на два. Плюс чтобы сделать карьеру воина, нужна (кроме желания, которого тоже нет) хоть какая-нибудь война. А сейчас мир: Гражданская закончилась, а Отечественная еще очень нескоро. Так что этот вид карьеры отпадает.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Изобретатель... Этот путь в книгах выбирается чаще в том же Средневековье, когда придумал колесо или там порох — и ты

гений. В более-менее современности изобретателями обычно становились люди, имевшие доступ к информации: либо тот же ноутбук под мышкой, либо возможность иногда возвращаться в настоящее. Ну или с памятью, как у слона. Не пойдет.

Это что же получается?! Ему весь остаток жизни быть крестьянином?! Нет! Нет!! Нет!!!

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

«Покричал?» — прорезался внутренний голос. Молодец, что хоть мысленно. А теперь скажи-ка, Сергей Аркадьевич, не обманывая хотя бы самого себя: а чего ты ожидал? Никаких особо ценных умений у тебя нет. Если уж в настоящем, где тебе известно все о жизни, пик твоей карьеры — старший помощник младшего менеджера по влажной уборке, то почему ты решил, что здесь, в прошлом, где ты не знаешь ничего, ты сможешь подняться выше. Здесь что, люди глупее? Вон Никитич быстренько тебя приватизировал в батраки, и оглянуться не успел. Так что здесь, где стартовые условия у тебя еще ниже, твоя карьера закончится на должности старшего батрака. И то лет через ...надцать. Скажи, неправ?

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Прав. Просто... Не хочу.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

А придется, голуба. Придется учиться и траву косить, и лен жать, и самогон гнать. Жрать-то хочется каждый день. А дармоедов не терпят нигде. А уж при большевиках-то... Кем сказано: «Кто не работает, тот не ест»? А? То-то же.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Ладно, смирился Сергей, поживу пока тихонечко у Никитича, поработаю. Авось нагрянет какой-нибудь случай поудачнее, смогу придумать что-нибудь, ну или как-нибудь все само собой образуется.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Закончивший прокос Никитич оглянулся и увидел, что его работничек, глядя под ноги стеклянными глазами и мерно взмахивая косой, движется поперек луга по сложной траектории, оставляя извилистую полосу скошенной травы.

«Да... — сдвинул кепку на затылок Никитич, — видать, рановато я Сярежу на работы выпустил. Он еще в сябя не пришел...»

* * *

Позвольте нам немного вмешаться в нить повествования ради небольшого уточнения. Как стало известно из произведения «Азазель» гениального, не побоимся этого слова, автора, у каждого человека есть определенный талант. Важно только вовремя его раскрыть и взрастить, и тогда человек удивит окружающих своими успехами. Автор умолчал, что талант человека очень часто не ограничивается чем-то одним. Вот и в нашем герое дремали две искры, вовремя не раздутые. Как стало понятно после его вступления в клуб, он имел прирожденный талант к метанию ножей, который при должном его развитии мог сделать из него одаренного жонглера. Может быть, даже великого. Чего, к прискорбию, не произошло, поэтому Сергей и посчитал себя бесталанным. А ведь в нем спит, пожалуй, даже более значительный, чем дар жонглера, талант... Но тсс! Обо всем в свое время.

* * *

Блямс! Сергей отлетел. Щека опухала, рот наполнялся кровью. Командир остался стоять, наблюдая, как Хриплый и Андрюха приближаются к жертве.

— Ребята, погодите...

Блямс! Искры из заплывающего глаза!

Хэк! Кулак воткнулся в живот, Сергей скрючился...

Бух! Сапог Хриплого ожидаемо ударил в грудь, отбросив к стене. Сергей сполз вниз, закрывая голову руками. Спина прижата к доскам стены, колени подгибаются к груди.

Почки, почки беречь!

Бац! Сапог ударил по ребрам, попал по голени.

Бац! Бац! К Хриплому присоединился Андрюха.

Бац! Бац! Бац! Руки, ноги, ноги, руки.

Бац! Бац! Бац! Бац! Больно, больно...

Не получилось тихонько пожить...

* * *

Началось все хорошо. Никитич оказался хозяином невредным, не орал, не ругался, терпеливо принимал полное незнание

«батраком» крестьянской работы. Сергей никогда и не подозревал такое разнообразие навыков, казалось бы, в простом труде. Тут тебе и косьба и резьба. Была, правда, у пасечника, некая странность: пару раз он пропадал куда-то на всю ночь, возвращался довольный, как кот. По молодкам он ходит, что ли? Или браконьерит тихонечко? Не будешь же спрашивать...

Сильно портил понимание выговор Никитича, да и всех односельчан. Эти бесконечные яканья и цоканья да плюс еще куча незнакомых слов. Иногда казалось, что ты не в России, а где-то в Чехии. К тому же знакомые слова иногда ясности не добавляли. Вот что значит выражение: «Привести пестерок губ»? Оказывается: «Принести корзину грибов»! А «шум в избе пашет»? «Мусор в избе метет»? Это что русский язык?! Почему они не могут нормально говорить?

Но тут, хочешь не хочешь, а придется понимать: пока ничего не подворачивалось, что помогло бы избавиться от деревенской трясины и добиться чего-то более существенного. Временами Сергей ловил себя на том, что ему вся эта тягомотная, скучная и тяжелая жизнь начинает нравиться. Совсем немного. Чуть-чуть.

Сейчас они с Никитичем возвращались из лесу, куда хозяин возил ульи, поближе, так сказать, к местам медосбора. Сергей покачивался в телеге и размышлял о своем.

— Анисим Никитич, а кто у власти в стране сейчас?

Должен же он как-то замотивировать свое знание того, что у власти сейчас Сталин.

— Известно кто. Большевики...

Логично.

— А кто у них там самый главный будет?

Никитич почесал затылок:

— Да ня помню я яго, беса. Раньше Уладимир Ильич был, а сейчас этот... как яго... еще водку его именем называют...

Жириновский, что ли? А Сталин где?

— Не грузин?

— Кто?

— Ну этот, в честь которого водку называют?

— Да не. Какой грузин? Русский он.

Интересно... Сталин уже год как у власти, должны были начаться расстрелы, а Никитич о нем даже не слышал. Наверное, новости сюда доходят долго. Оно и правильно: радио нет, телефона

нет, телевизора и Интернета тем более.

Кстати, а куда так скачет хозяин? Сергей обратил внимание, что обычно флегматично сидевший на носу телеги Никитич сейчас нервно ерзает и периодически хлопает вожжами, подгоняя недовольно фыркавшего мерина.

— Анисим Никитич, а куда торопимся?

— Да в байню бы успеть попасть.

— А-а...

Стоп. В смысле? Баня-то не общественная с графиком работы «с часу до трех». Чай, своя, собственная.

— Анисим Никитич, так что с баней-то случится? Не убежит...

— Так тьмнеет уже. Скоро и полночь.

— Свечку возьмем да и помоемся...

Никитич даже развернулся:

— Ты што? Или с луны свалился? А-а, да ты же сяктант. У вас и байнь поди не было. Нельзя в бане после полуночи мыться. Там же нина!

Нина? Что еще за Нина после полуночи припрется мыться в нашу баню? Не было в Козьей Горе никаких Нин.

— Какая Нина?

— Ну, нина... — Никитич опасливо взглянул на краснеющий над верхушками ольхи закат. — Церт банный.

Никитич быстро перекрестился.

Церт? В смысле, черт? Правда, что ли?

— Какой... — Да, к ночи всякую нечисть лучше не поминать. Не то что страшно приманить, а вот хозяин точно обозлится. — Какой он, этот нина?

— У-у, нина... Нина он такой... В бане живет...

В голове Сергея пробежал домовенок Кузя с криком: «Нафаня-а-а!»

— Домовой, что ли?

— Какой домовый? Говорю же тебе, в бане он живет, не в дому! Сам голый...

Выглядит неизвестный нина, как небольшой голый старичок, весь облепленный листьями от банных веников.

Симпатичный товарищ. Вспомнил. В некоторых романах (точно Сергей не знал, не любитель славянской фэнтези) встречалось такое описание. Правда, там именовалась нечисть не «нина», а «банник», но хрен редьки не слаще.

— А где же она... в смысле он прячется?

— А за печкой. Или под полом. Ночью доску поднимает и выходит мыться. А если кого застанет, то запарит насмерть. Или угара пустит да головой в каменку засунет...

Блин, ни фиги себе ужастик. И такая чертовня живет в бане? Теперь туда и днем-то страшно зайти будет... Погоди, Серега. Ладно, Никитич — человек темный, деревенский, но ты-то в чертей не веришь. Нет там на самом деле никакого нины! Или... Или есть?

Никитич, может, в Интернете порыться и не сумеет (и то не факт), но на тупого не похож. Умный он, гад, и хитрый, так неужели в сказки верить будет?

А что, если нина не сказка?

Существование различной нечисти автоматически подразумевает наличие магии, колдовства и чародейства. Что тянет за собой возможность заклинаний, волшебных предметов и магических артефактов.

И наоборот.

Ведь он попал сюда с помощью как раз магического артефакта! Ну, если принять за аксиому, что это не розыгрыш. Значит, по крайней мере один такой здесь есть! А где один артефакт, там и целая куча. Навряд ли его подкинули инопланетяне. Судя по надписям на старославянском, его сделали здесь, в России, и, значит, одним не ограничились. Раз есть артефакты, существуют и те, кто их сделал, то бишь колдуны и маги. А раз есть они... То и нина вполне может жить под банным полом. Вот чер... в смысле, вот блин...

Появилось желание схватить вожжи и поддать как следует ленивому мерину. Как-то сразу расхотелось проводить эксперименты с мытьем после полуночи. Благо, Никитич продолжал поторапливать лихого скакуна.

Тут Сергея зацепило что-то в собственных рассуждениях. Так, так, так... Нина?

Сергей вздрогнул и перекрестился. На глухой дороге, в темнеющем ольшанике, это смешным не казалось.

Колдуны? Маги? Инопланетяне? Артефакт? Нет! Блин! Артефакты!

Сергей с размаху ударил себя кулаками в лоб. Бом!

— Цего ты, Сярежа? — оглянулся Никитич.

Бом! Еще раз.

— Мысль одна в голову пришла...

— Так это ина́че ле́цится, — хихикнул Никитич, — бляжишь в лясок, бляешь стяжок... говорят, из бляезы хорошо помогают... и с размаху по башке. Пока не пришибешь мысль. Как прибьешь, бляри яё за хвост...

— Ну тебя.

— Так цего? Пойдешь ле́циться? Или разбежались мыслишки?

— Разбежались...

Мысль наконец-то ясно сформировалась.

Кто сказал, что артефакт путешествий во времени только один?

Ведь их может быть и несколько, а значит, можно не искать этот, закопанный невесть где. Нужно найти тех, кто знает, где находятся другие артефакты!

Сложно? Конечно! Выполнимо? Вполне!

Кто может знать об артефактах путешествий (надо же их как-то называть)? Для начала те, кто ими пользуется. Во-вторых, те, кто их сделал. В-третьих, те, кто их хранит. Каким словом можно назвать все три группы?

МАГИ.

Конечно, они надежно законспирировались, но если начать поиски, то найти их можно. Для начала нужно выйти на тех, кто знает, где эти самые маги могут прятаться. А кто это может знать? Близкие им по духу, то есть колдуны, ведьмаки и прочие экстрасенсы. Девяносто девять процентов из них ничего не знают о магах, но ведь есть еще один процент! А уж их-то найти гораздо проще: у нас объявления типа: «Снимаю порчу» завалены все газеты. Блин, это в двухтысячных! А сейчас, при большевиках? Наверняка разогнаны в рамках борьбы с суевериями. По крайней мере, объявлений точно не дают. И как их искать?

«Как-как... — очнулся внутренний голос. — Путем опроса местных жителей. Спрашиваешь, где: мол, у вас колдуны или там ведьмы живут? А тебе и говорят: «Иди-ка ты, мил человек...» И называют адрес. Ничего не получится».

А не пошел бы ты, уважаемый внутренний голос, в пешее эротическое путешествие. Так уж и пошлют. Вон сидит один местный житель, возьми да спроси, проведи эксперимент. Правда, откуда в деревнях колдуны? Стоп! То есть как это откуда? Да ведь все колдуны из деревень!

— Анисим Никитич...

— Ась?

— А у вас в окрестностях колдуны есть?

— Колдуны? В Козьей Горе?

— Да нет, вообще в окрестностях...

Никитич задумался:

— Не-э, колдунов нет...

Что и требовалось доказать.

— Колдовка есть.

Что?!

— Колдунья?

— Колдовка.

— Где? В Козьей Горе?

— Да нет, — усмехнулся Никитич, — в окрестностях. В Загорках то есть. Живет там одна... Аленой зовут.

— И что, колдует?

— Ну как... Иногда... Травами еще лечит, сглаз опять же снимает и так, по мелочам...

Ничего себе! Под боком живет колдунья.

— А она не шарлатанка... в смысле не жулик?

— Какой жулик? Говорю же тебе, колдовка.

— А можно к ней съездить?

— А тебе зацем?

— Да, так... Нужна она мне...

— Так цего няльзя. Вон, в воскресенье и иди.

Вредный Никитич наверняка не отпустил бы работника в другой день, но в воскресенье-то сам бог велел отдохнуть. А уж если бестолковому Сяреже охота бить ноги — пусть идет. Может, Алена сделает с ним что-нибудь, чтоб стал понормальнее.

— Только ты смотри, — хихикнул Кузьмич, — с Аленой осторожнее. А то приворожит — будешь под окнами у няе по ночам стоять...

Юмор был непонятен, а в сгущающейся темноте становилось страшновато. Может, не ходить? Чер... в смысле кто ее знает эту старуху, еще действительно заколдует. Сходить к другой... А где ее найдешь? Может, эта Алена вообще последняя на всю округу... Сходить? Страшно... Или не ходить?..

В баню они успели.

Укладываясь спать, Сергей решил, что все будет зависеть от настроения. Захочет идти к колдунье — пойдет. Не захочет — останется дома.

* * *

Следующее утро у Сергея началось очень даже удачно. Проклятые беспризорники сегодня не пришли, впервые за все время пребывания в прошлом Сергей не вскочил с криком, обливаясь потом, а проснулся под утро самостоятельно и даже выспавшимся. Настроение, правда, препаршивое: сон был хоть и не о беспризорниках, но все равно отвратный.

Снился тот момент, когда он согласился стать батраком у Никитича. Вернее, как раз во сне он и не согласился, гордо отказался и ушел в сторону заката. Точнее, в Загорки. Потом, как это бывает в снах, он оказался на каком-то железнодорожном вокзале в обличье бомжа, спящим под лавкой в грязных и вонючих тряпках. Потянулся дрожащей рукой (с обломанными черными ногтями) к валявшейся рядом бутылке с мутно-белой бормотухой, отхлебнул... От мерзкого вкуса проснулся.

Тихо. Ранее утро. Сергей спал на сеновале, на собственноручно скошенном, собранном и уложенном в сарай сене. Пахло одуряюще... Становилось понятно, почему крестьяне предпочитали любовь именно на сеновале. Правда, возникало подозрение, что после окончания сенокоса от одного запаха сена начнет тошнить.

Где-то рядом заорал петух. Петух у Никитича был знатный: огромный, черный, с роскошной красной короной-гребешком. Его поддерживали другие пернатые будильники. Эхма, пора вставать...

Уже выползая из сарая, Сергей вспомнил, что работ пока не предвидится. Конечно, сено не стало бы ждать, но ночью прошел дождик, шуршал по крыше, а значит, по крайней мере до обеда скошенное должно высохнуть. Пчел по такой сырости везти к малине, наверное, бессмысленно.

То есть можно было и отдохнуть, но спать совершенно не хотелось. Сказалась годами выработанная привычка вставать в пять утра, чтобы успеть на метро. Чер... проклятый (вот фобия появилась) начальник фирмочки «Купи-продай энд корпорейшн» требовал, чтобы работники появлялись точно к началу рабочего дня. То есть к восьми утра. Тирану-то что, он жил в двух шагах, а вот планктону приходилось просыпаться кому в пять, кому в шесть.

Интересно, Никитич уже поднялся? Сергей проскрипел по ступенькам крыльца и бесшумно открыл дверь. Привычки

стучаться здесь не было.

Когда за ним закрылась дверь, из курятника высунулась жена Никитича. Обвела острым носиком двор. Пусто. Решила, что шаги ей слышались, Сергей, наверное, еще спит. Анисим просил не пускать его в дом...

На кухне никого не было. А вот в горнице за занавеской слышались голоса. Откуда гости с утра пораньше? Знакомый только один: Никитича. Вот только незнакомые подобострастные интонации...

— ...не знаю я, господин хороший, уж простите старика. Не говорят мне таких вящей. Так, дружбу водят... Ну иногда помогают, но против присяги не пойдут, не смогу я уговорить...

Как подчиненный на ковре у начальства. Интересно...

Не подозревая плохого, Сергей откинул ткань.

За столом сидели трое. Рядом маялся на ногах четвертый... Ба, знакомый! Андрюха из деревни. Что здесь за сходка?

В красном углу — Никитич. Вот только хозяином он не смотрится — опущенные в стол глаза, улыбка приторная, как эта... сладкая тянучка... да, патока. Рядом с ним и напротив — двое незнакомцев.

По левую руку, почти упираясь плечом в хозяина, сидел мужик лет сорока, в отличие от местных жителей — бритый. Правда, не до синева, щетина проступала теньями на щеках и шее. Из-под черной кепки торчал крупноватый нос. То ли кавказец, то ли еврей...

Напротив развернулся на табурете в сторону вошедшего второй, помоложе. Сергей взглянул в его лицо и понял — сейчас хозяин он. Подбородок, как броня у танка, плотно сжатые губы и взгляд... Как у Терминатора из первой части.

— Это кто у нас тут? — прохрипел первый.

Командир (да... судя по взгляду, именно командир) промолчал, разгладил большим пальцем усы, с интересом и даже с улыбкой рассматривая Сергея. Как биолог крысу...

Молчал и Никитич. На лице за сладенькой улыбкой ясно читалось: «Ну и чего ты приперся?»

— Сяктант... — злобно прошипел Андрюха.

Похоже, встрял... Только во что?

— А, сектант, — произнес Командир (они не представились, а надо же как-то идентифицировать). — Твой батрак, Анисим?

— Плямянник... — обреченно промолвил Никитич. Судя по

тому, что называли его по имени, сейчас он на вторых ролях.

Сергея бы это покорило — он не любил, когда пренебрежительно относятся к людям, которых он уважает... Но не сейчас...

— Племянник? — нарушил паузу Командир.

— Врет. — Да с чего Андрюха-то смотрит волком? — Не племянник это, нет у Никитича племянников. Батрак это. Он его племянником зовет, чтобы с Советами не ссориться...

— Ай-а-ай, Анисим, как же так. Нехорошо власть обманывать. Тем более народную... — Голос Командира сорвался, в нем чувствовалась злость. — Самими же выбранную...

Сергей стоял в проеме, как дурак на кастинге. Что это за братва? Может, Никитич связался с криминалом? Пообещал, теперь не может исполнить?

Командир лениво мотнул головой. Хриплый встал, подобрал со стола... Вот блин! Только сейчас заметил, что на столе перед ним лежит... Револьвер!

Ой-е-ей! Бандиты!

Хриплый подошел к замершему Сергею, направил ствол ему в переносицу. От оружия пахло железом и смазкой. Мерзкий запах... В животе похолодело, противно обмякли ноги...

— Запомни, сектант. Ты нас не видел, сюда никто не приходил, ты ничего не знаешь о нас...

Какая-то глупая часть паникующего мозга отметила, что ни Хриплый, ни Командир не якают и не цокают. Значит, не местные. Вот только как это спасет от пули?

— Ты меня понял?

— Д-да, — судорожно закивал Сергей. Неужели пронесло, отпустят живым?

Хриплый повел револьвером вправо, Сергей, как загипнотизированный, сдвинулся за дулом.

— Ну что, — поднялся Командир, — хорошо у тебя, Анисим, но пора и честь знать. Заглянем к тебе еще разок дня чрез два, может быть, образумишься. Пойдем, — махнул он рукой Андрюхе.

— Господин капитан, — внезапно заговорил тот, — дозволю сектанту ребра пересчитать?

Стойте! Погодите! За что?!

Командир взглянул с недоумением:

— Это еще зачем? Не замечал... Ах да... Ты же, помню,

рассказывал. Ну давайте. Только быстро.

Стойте! Стойте-стойте-стойте!

Хриплый переложил револьвер в левую руку...

Блямс! Сергей отлетел к стене...

* * *

— Ох, Сярежа, Сярежа... — Жена Никитича промывала побитую, как пасхальное яйцо, физиономию Сергея, а неугомонный хозяин прохаживался туда-сюда, капая на и без того пострадавшие мозги.

Сергей сидел на лавке. Слава богу, в зеркале его не было видно. И так понятно, что после такого массажа лицевых мышц выглядел он страшновато. Хватало ощущений и без этого. Левый глаз заплаыл так, что даже не открывался. Распухла щека, кровоточили губы. Зубы, по странной случайности, не пострадали, зато из-за разодранной внутренней поверхности щеки во рту стоял противный вкус крови. Вытекшая изо рта кровь склеила бороду в некую дизайнерско-панковскую находку. Болели руки, ноги, на которых оставили следы сапоги Хриплого. Ныли ребра, по которым отпинал сволочной Андрюха. Да, Андрюха...

— Ан... кхм Анишим Никитичш. — Дикция тоже пострадала. — Кхто это был?

— Да это... А я говорил тябе, не заигрывай с Андрюхиной жаной. Злой он и рывнивый, как черт.

— Такх он иж-жа жены?

Вот блин... Сергей вспомнил немного тускловатую, заморенную, но стройную и очень даже ничевошную жену Андрюхи...

В тот день (среда, кажется, была) Никитич послал его к одному из односельчан, отнести меда.

По дороге Сергей встретил жену Андрюхи, немного поболтал с ней. Уж слишком девчонка выглядела заморенной, Сергей просто из человеколюбия попытался хоть немного ее развеселить. По крайней мере, улыбнулась... Видимо, кто-то донес Андрюхе...

Вот же гад ревнивый... Постой-ка, Никитич. При чем здесь Андрюха? А кто это с ним был? Что-то хозяин как-то увернулся от ответа.

— А кхто с ним был?

Никитич, стоявший спиной, хмыкнул, крикнул и повернулся.

А взгляд... Это был взгляд не пасечника, не крестьянина... Это глаза охотника... вернее, нет, не охотника. Так смотрят на тебя дула двустволки.

— Господа это были. Бывшие.

— Белые?

— Ага, — хехекнул повернувшийся незнакомой стороной Никитич, — белее некуда. Все им неймется, все вернуть хочется...

Погодите-ка. Или голову слишком сильно ударили, или Сергей что-то не понимает в происходящем.

— Никитичш... Так ведь война уже давно жакончшилась...

— Война-то закончилась, да люди остались. Или ты думаешь, что они в ангялочков прявратились? Не-эт, еще злее стали. — Никитича явно прорвало. — Озлобились на тружаников. Сами ницего, кроме как жилы тянуть да на готовом жить, не умеют, да и не науцаться. Как волка траву жевать не выучишь, так и их на крястьян да работников не пряделаешь. Вот они из Эстонии к нам через границу и лезут, пакости творят, сено жгут, зярно, большавиков... да и людей убивают...

Взгляд Никитича все больше холодел, явно видел он перед собой сейчас не бревенчатую стену своей избы, а того самого Командира, и, скорее всего, через прорезь прицела.

Ой, непростой ты мужик, Никитич...

— Взрывают в городах это... разное... Ницего, дождетесь. Мы царя с шеи спихнули, господ да немцев с земли повыгнали, даст бог, час и до них доберемся. Тяррористы... Тьфу!

Пасечник повернулся и вышел, видимо, покурить, успокоить расстроенные нервы, оставив Сергея приходить в себя.

Если бы Никитич достал гитару и запел одну из песен Егора Летова, Сергей, может быть, удивился бы меньше. «Тяррористы»! Откуда в двадцатые годы могли взяться террористы? Да еще белогвардейцы? Террористы-белогвардейцы! Звучит как «хакеры-красноармейцы». Бред. Может быть, все вокруг — действительно бред? Сергей огляделся. Изба не изменилась, и деревянные стены не превратились в обитые мягким поролоном, ну или чем их там в психушках обивают. По-прежнему болело все тело, пахло травяными примочками жены Никитича (вспомнил, Татьяна ее зовут), немного дымком от печи, кашей, деревом от стены... Не похоже на бред-то.

Правда, смутно вспомнилось, что террор — не изобретение бородатых ваххабитов. Был в свое время сериал, еще Хабенский в нем играл, там в дореволюционное время были террористы, вроде бы большевики, как раз взрывали всяких важных лиц. Но так то лиц! В городе! Даже чеченцы не носятся по деревням и не избивают ни в чем не повинных пришельцев из будущего! А уж малейшая информация о существовании белогвардейцев, которые пытаются вернуть власть, убивая большевиков по селам, в мозгах Сергея вообще отсутствовала. Тогда откуда они здесь взялись? Загадка. Не по пострадавшим мозгам. Отложим до выздоровления.

Покачиваясь и постанывая (больше всего болели ноги, отбитые Андрюхой, как котлета), Сергей вышел на крыльцо. На завалинке сидел и размеренно пыхал дымом Никитич.

Кстати, таинственная завалинка, смутно знакомая из детских книжек, на ней еще постоянно сидели и грелись на солнце, оказалась вовсе не лавочкой, а деревянным настилом вокруг избы, внутри которого насыпана сухая трава, опилки и прочий утеплитель. Сидеть на ней было удобно.

— Хозяин, дай закурить.

— Да какой я хозяин... — протянул мешочек с табаком Никитич. — Хозяин, скажешь тоже... Не видал ты настоящих хозяев, которые из тябя душу вынут и копейку заплатят...

Сергей свернул самокрутку, щелкнул зажигалкой (самодельной, из винтовочной гильзы) и затаился. Можно прикрыть глаза, расслабиться и на минутку поверить, что провал в прошлое, убийство беспризорников, работа крестьянином, сегодняшнее избиение — все это тебе приснилось, примерещилось. Сейчас докуришь, встанешь и пойдешь в офис, лазить в Интернете и отвечать на дурацкие звонки...

— Солнце-то жаркое. Сено скоро подсушит. Пойдем в копны уложим.

Размечтался. Даже право сидеть в офисе надо заслужить. В воскресенье пойдешь... поползешь в Загорки, найдешь там старуху-колдунью и вытрясешь из нее информацию о том, где можно найти магов или хотя бы их следы. Ниточка тонкая, а что делать. Или всю оставшуюся жизнь складывать сено в копны. Кстати, что это такое?

* * *

Непонятные копны оказались всего-навсего кучами сена,

точно такими же, какие они с Никитичем складывали на полях целую неделю. Сено нужно было укладывать по хитрой методике, переворачивая пласт и прижимая им предыдущий так, чтобы копна не развалилась, не разметалась ветром и не промокла насквозь.

Уже ближе к вечеру, когда поле покрылось аккуратными мини-стожками, Никитич взглянул на солнце, на горизонт, понюхал ветер и сказал, что, во-первых, по всем приметам, ночью начнется дождь, а во-вторых — почему бы не сложить сено сразу в стог? И так запарившийся Сергей, тихонько мечтавший хотя бы о небольшом отдыхе, гениальную идею руководства воспринял без энтузиазма. Однако крестьянский труд отличается от вкалывания в офисе не только общей тяжестью, но и тем, что офисное начальство, придумав тебе работу, само может сидеть в мягком кресле и болтать по телефону с Кисонькой или Пусиком, а Никитич пашет наравне с тобой, а точнее (если быть честным с собой) — выполняет большую часть работы. Пришлось разваливать свежеуложенные копны и таскать их к месту, предназначенному для установки стога.

Если уж копны не были простыми кучами, то стог, высотой метров в пять, был далеко не примитивной конструкцией. Огромный шест, вкопанный в землю, назывался стожаром, вокруг него следовало укладывать по спирали сено, уминая каждый пласт с перекрытием (примерно как в копне) до тех пор, пока сенной круг не достигнет диаметра, достаточного, по мнению руководителя, для того, чтобы крикнуть: «Хорош!» После этого сено нужно утоптать и укладывать сверху новый слой, точно так же по спирали и с перекрытием, и утаптывая ногами. Уминанием занимался Сергей (после того как все копны были переташены и образовали огромный шуршащий вал вокруг стожара), вспоминая при этом анекдот: «В специальную коробку для яиц помещается двадцать штук. А если их уминать ногами, то поместится в десять раз больше». На третьем слое Никитич перестал укладывать пласты сена, и Сергею пришлось самому подхватывать и класть их на место, что и с двумя-то глазами непросто, а уж с одним... На шестом слое Сергей поднялся метра на два, и Никитичу пришлось закидывать сено с уханьем, не столько от тяжести, сколько предупреждая Сергея, чтобы не напоролся на вилы, которые хоть и были деревянными, а получить их в ногу неприятно. В конце концов, под чутким руководством Никитича, стог гордо встал посреди покоса, проглотив все окрестные копны. Был он немного

вытянутый вверх, кривоватый и лохматый, но Никитич принял и таким. Сергей к вечеру еле стоял на ногах, руки просто отваливались, а запах сена вызывал тошноту...

* * *

На следующий день действительно полил дождь. Такой, что ни о каком выходе наружу не могло быть и речи. У Сергея приоткрылся глаз, а руки и ноги покрылись черной синевой и болели, как пропущенные через мясорубку.

Никитичу дождь был нипочем. Осмотрев глаз Сергея, он хмыкнул что-то одобрительное, нарезал задач, натянул брезентовый плащ с острым капюшоном, делавшим его похожим на монаха, и удалился в водяную даль по своим таинственным делам. На Сергея же он повесил одну веселую работенку, видимо, исповедуя принцип «Батрак всегда должен быть занят делом. Иначе для чего он нужен?». Правда, заделье оказалось не напряжным.

Сергей стоял в сараюшке, в которой хранились пасечные принадлежности: медогонка, воскотопка, разнообразные кривые и прямые ножи и другие хитрые приспособы, каждая из которых имела свое предназначение. Перед ним стоял стол, солидный, из толстенных досок и брусьев. На стол из малюсенького застекленного окошка падал пасмурный, серый свет. Перед Сергеем лежала его работа на сегодняшний день.

Стопка светло-желтых листов вощины, то есть листов пчелиного воска, приятно пахнущих медом и немного церковью. Моток веревки. Ровная, гладкая доска. Острый нож. Вот и все, что нужно для организации ма-аленькой свечной мастерской.

В исполнении Никитича, который показал, как делать восковые свечи, все было просто. Раз — кладется лист вощины на доску. Два — отрезается кусок веревки по размеру для фитиля. Три — заворачивается край вощины. Четыре — второй доской вощина скатывается в ровный цилиндр и оп-ля! На столе лежит готовая аккуратная, ровная, толстенькая свеча с маленьким хвостиком фитиля. Еще раз, два, три, четыре и вот свечей уже две, одинаковых, как будто их делали на станке. Все просто.

Ну что ж. Видел, как это делал другой, значит, можешь сделать и сам. Попробуем...

Раз... Два... Три... Четыре... И... Ого! Свеча получилась «замечательная»: кособокая, кривая и к тому же толстая в середине.

Сергей попробовал исправить, прокатав ее еще раз, и получил длинную тонкую колбаску. К тому же без фитиля.

— Да... — Сергей поднял недосвечку двумя пальцами, та тоскливо переломилась в середине, превратившись в маленькие восковые нунчаки.

Оказывается, даже простое дело, когда приступаешь к нему сам, совсем непростое.

Выдернув фитиль, Сергей использовал его при второй попытке. Свечка получилась настолько похожая на первую, что даже страшно стало. Ее он даже исправлять не пытался, смял и бросил к первому комку. Вышинский давно заметил, что в крестьянском быту не выбрасывалось ничего: все шло в ход, даже треснувшие горшки обматывались березовой корой — берестой, и в них хранились разные крупы. Тем более воску найдется применение.

Более-менее нормальной получилась только десятая свеча. Причем именно более-менее и на очень неприятный взгляд. Сергей осмотрел ее, вздохнул, и повышение квалификации свечкодела продолжилось.

Тем временем та часть мозга, которая не была задействована в попытках разобраться: «Как же, шьерт побьери, сделать эти свечки правильно!», проснулась и потихоньку начала анализировать сложившуюся ситуацию в целом.

Как уже понятно, застрял в прошлом Сергей надолго: либо ждать до сорокового года, когда отроют проклятый артефакт, либо самому рыть землю (фигурально выражаясь), отыскивая здешних магов. Начать поиски нужно будет со здешней колдуньи Алены. То есть завтра, благо воскресенье, придется пилюкать в Загорки пешком. А там путем опроса местных жителей найти бабку и задать ей пару вопросов.

...Раз-два-три-четыре... Свечка... Почти удачная.

Ну должна же она знать хоть что-то о коллегах!

А вот если подумать как следует... Сами по себе маги ему не очень интересны, только как ключ к артефакту. Так, может, есть смысл сначала спросить у бабки Алены про артефакт? Вдруг (если повезет) она просто скажет, где его искать? Или (если очень повезет), может быть, артефакт у нее? Действительно, кто сказал, что если старинный предмет откопали в сороковом году, то закопали в глухой древности? Вполне вероятно, он сейчас лежит у старухи на полочке, а зароет его она через пару лет, когда за ней

придут чекисты товарища Сталина. Кстати, не совсем ясно, почему Никитич не помнит Сталина. Тот ведь уже год у власти. Сведения об этом должны были доползти даже до Козьей Горы. Странно... Но вернемся к бабке, тьфу, к магам.

Раз-два-три-четыре... Свечка... Просто удачная.

Мечтать о том, как колдунья достанет из буфета артефакт и ты мигом окажешься в таком уютном и родном двадцать первом веке, это, конечно, хорошо. Но вот шансов на это... Скажем так — столько же, сколько обыграть казино. Поэтому дорогой госпо... в смысле товарищ Вышинский (господ пока лучше не вспоминать, это сейчас не модно) настраивайся на до-олгий поиск. Лет на... несколько. А раз так, нужно составить список необходимого.

Раз-два-три-четыре... Свечка... Вообще удачная!

Первое — деньги. Заначенный кошелек со странными червонцами, конечно, греет душу, но нужен все-таки некий постоянный источник дохода. То есть работа... Впрочем, это в отдаленной перспективе, поэтому подумаем об этом потом.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Второе — документы. С этим хуже. Паспорт неизвестному бродяге-сектанту, конечно, никто не даст, но, может быть, удастся разжиться хоть какой-нибудь бумажкой, удостоверяющей личность. Пусть даже справка об освобождении... брр, нет, любой другой вариант! Этот вопрос нужно уточнить... Потом.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Третье — информация. Легенда ничего не знающего о жизни сектанта, это, конечно, хорошо, но ведь сведения о жизни нужны. А то рано или поздно кто-то примет за шпиона. Хотя бы нужно точно знать, кто у власти, быт народа, традиции, привычки... Особенно важны запреты. Чтобы случайно не накосячить, перекрестившись, когда не надо (вроде бы верующих большевики недолго любили), или ляпнув что-нибудь по-английски (окажешься в тюрьме, как американский шпион).

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Также нужна вся возможная информация о магии, колдовстве и прочем чернокнижии. Начнем сбор с бабки Алены, а там — как карта ляжет.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Итак, какие планы у нас на завтра? Ну, во-первых, добраться до Загорок. Желательно не встретившись с ревнивым Андрюхой... Кстати! А ведь у нас образовалась проблемка, от которой опух глаз

и болят конечности. Что делать?

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Если опять попадутся навстречу господу белогвардейцы (брр, даже думать об этом неприятно, в животе холодеет и ноги слабеют), то... А что то? Ничего ты им не сделаешь. Ткнут в харю стволом, и все: против пистолета даже твой меч не катит. Тем более что шляться по деревням с мечом наперевес — верный способ загнать в больницу. Значит, один способ избежать проблем с ними — не показываться на глаза. Короче говоря, быстро бегать и умело прятаться.

Раз-два-три-четыре... Свечка... Не получилась... Брак.

Однако возможны и другие нежелательные встречи. Типа тех же беспризорников...

Тьфу! При воспоминании о стычке с гопотой и особенно о постоянных кошмарах с их участием руки Сергея затряслись так, что очередная свечка превратилась в абстрактную скульптуру. Раздраженно шмякнув ее в общую и так немаленькую кучку брака, Сергей вышел под навес покурить и успокоиться.

Табачный дым продрал горло, обжег легкие и ослабил натянувшиеся нервы. Заработал мозг.

Брать с собой меч на прогулку глупо. Получить пику под ребро — еще глупее. Значит, надо вооружаться «неглупым» оружием. В идеале таким был бы пистолет... Нет. Сергею пистолет, как и любому обывателю, не защита, а лишняя нагрузка. Стрелять он не умеет (разнообразные шутеры не в счет), пока достанет пистолет из кармана, противник его не то что застрелит — ножом зарежет. «Нужно выбирать то оружие, которым можешь владеть» — цитата из Конунга. А владеть Сергей может: а) мечом (отпадает, таскать его с собой тяжело и неудобно и против пистолета не катит), б) метательным ножом (отпадает, ножом можно только сразу убить, чего не хочется). Что остается? Ничего. Нападут, можешь только упасть и кричать дурным голосом: «Дяденька, не бей меня!» Противно...

Докурив самокрутку, Сергей вернулся к прерванному занятию и размышлениям.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Ладно, об оружии для самообороны подумаем потом. Что-то много на потом остается... Хорошо, подумаем сейчас! В любом случае отправляться в Загорки, когда можно наткнуться на тех же беспризорников, которых, по слухам, много отирается в

окрестностях. Город-то близко. И пусть не все они мечтают о славе Япончика (или кто тут кумир нынешнего криминалитета), пусть большинство ограничиваются героическими налетами на курятники и сушащееся белье, но наткнуться на меньшинство безоружным как-то не хочется.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Думаем... Основной минус меча — смертоносность, как это ни глупо звучит. Убивать Сергею никого не хотелось. Мало кошмаров ему, что ли, снится. Значит, нужно оружие серьезное, как меч, и несмертельное, как... как... резиновая дубинка! В смысле, просто дубинка, можно деревянная... Деревянный меч! Боккен!

Свечка опять превратилась в абстрактную фигуру. В отход!

Боккен — вот выход! Вернее, не настоящий боккен — тренировочный меч в айкидо. Тот длинный, изогнутый, сделан из бука, который фиг найдешь, а найдя — фиг из него что-нибудь сделаешь. Нужная прочная деревянная палка, размерами и балансом схожая с мечом. Пользуясь фехтовальными приемами, таким квазимечом можно отбиться от гопоты и не убивать никого...

Взгляд обежал сарайчик-мастерскую. Не то... не то... странный изогнутый нож — совсем не то... Ага! На полке лежала длинная, достаточно толстая березовая палка. Бог его знает, для каких надобностей нужна Никитичу. Но неужели он откажет в такой малости? Сергей снял ее и попробовал взмахнуть. Раз! Раз!

Удобно. Немного остругать ножом, и грубый, но опасный в более-менее умелых руках деревянный меч готов. Можно отправляться в полное приключений и опасностей путешествие в Загорки.

* * *

Бродяга Никитич вернулся домой только под вечер. К этому времени Сергей успел перекатать в аккуратные свечи и неаккуратные комки воска весь наличный запас вощины. Отдохнуть. Потом раскатать комки в пластины и скатать в свечки: страшненькие, но симпатичные. В промежутке в сарайчик заглянула жена Никитича, тетка Татьяна (она так просила ее называть). Долго смотрела на старания Сергея (тот уже занервничал), а потом спросила, собирается ли тот есть или будет весь день работать голодный. Чуть ли не силой покормила. Сергею неожиданно не хотелось отрываться. Впервые в жизни из-под его

рук выходило что-то. Что-то, чего только что не было, а потом — раз-два-три-четыре — и оп! Свечка! Просто здорово. Это вам не картинки в Фотошопе рисовать, это вещь! Настоящая! Еще теплая!

Никитич, грязный, усталый, но довольный, как удав, утащил в дом свой покруглевший сидор, а затем пришел принять работу. Довольно поцокал языком, потом быстро рассортировал свечи на две кучки: поровнее — на продажу, а первые пробные и сделанные из вторсырья скрутил обрывком бечевки в связку и вручил Сергею.

— Держи! Завтра же в Загорки собирался? — заметил он непонимание Сергея. — Вот, отнясешь батюшке, отцу Афанасию. Я яму давно обещал, да все недосуг.

— Ага... А где я его найду?

— Как где? В церкви. Воскресенье же. Ну или дома... Рядом с церковью дом, с крестом не воротах.

Понятно. В церкви... Стоп!

— В какой церкви?! А разве... Нет, ничего.

Оба-на! Церковь при большевиках? Да еще и с батюшкой? Они же все церкви взрывали, закрывали. Ну ладно, колхозов еще нет, может быть, рано, чуть позже начнут загонять. Но церкви-то? Ничего не понимаю... Что тут происходит?..

— Как в какой? В Загорской. Церковь пряподобного Ильи Муромца.

Кого? Не-эт, похоже, Сергей все-таки бредит. Преподобный Илья Муромец! А святого Алеши Поповича у вас нет?!

— А насчет Андрюхи, — неправильно понял его размышления Никитич, — не бяри в голову. Поговорили с ним, не должен он тябя задявать...

На том и порешили, оставив Сергея в полном непонимании происходящего.

Палку добрый хозяин подарил.

* * *

Подошвы сапог мерно стучали по пыльному проселку.

Топ-топ-топ...

Вокруг светилась зеленым листва залитых солнцем кустов. Тихо пели в яркой синеве неба незнакомые птички. Пахло водой из протекающих в лесу ручьев, пылью от дороги, немного грибами, а еще тем особенным неопишуемым запахом летнего леса. По спине в такт шагам постукивал вещмешок солдатского цвета с забавным

названием «сидор», в котором ехали к загорскому батюшке церкви святого Ильи Муромца (надо же!) собственноручно вылепленные восковые свечи — подарок от Никитича.

Топ-топ-топ...

Кепка на голове, вытертые, но относительно приличные (по местным деревенским меркам) штаны, светло-серая рубаша, настолько русская, что даже неловко — вышитый воротник и подпояска из крученого шнура. Стоптаные и облезлые сапоги — подарок от доброго Никитича. Угадайте, кто это? Нет, не сельский комсомолец идет в город учиться. Прошу любить и жаловать — Сергей Вышинский, бывший менеждер по продажам, бывший игровик Вышата, а сейчас — сектант и батрак в деревне 1925 года Сярежа. Уже ровно три недели. Судьба...

Топ-топ-топ...

Дареные сапоги оказались хоть и разношенными (а в одном месте даже с дыркой), но относительно мягкими и удобными. По непонятной Сергею причине были они из натуральной кожи, а не из кирзы. Хотя вроде бы именно кирзовые сапоги — самые дешевые. И вообще чуть ли не символ Советского Союза. Никитич вовсе не знал ничего о таком загадочном материале, как кирза. Странно...

Топ-топ-топ...

Многовато странностей накопилось. Червонцы, церковь при большевиках, неизвестна кирза, Сталина (Сталина!) Никитич «не припоминает», святой Илья Муромец, белогвардейцы-террористы. Очень, очень много странностей... Что все они должны значить? На досуге нужно все обдумать и найти каждой объяснение. Или одно общее объяснение для всех. Оно уже просто само собой напрашивается, но как-то не хочется, чтобы оказалось правдой. Лучше прошлое, приятно хоть немного чувствовать себя пророком...

Топ-топ-топ...

Идти до Загорок часа два, есть время составить план действий. Первое (по списку, но не по значению) — найти отца Афанасия, ага. Отдать ему свечки и отвязаться от поручения. Второе — найти библиотеку.

Приятно, конечно, думать, что артефакт окажется у бабки Алены. Но глупо надеяться. Нужно рассчитывать на то, что придется идти по следу либо артефакта, либо местных магов очень долго. А значит, нужно запастись информацией. А то чувствуешь себя лохом... Ближайший же источник знаний — загорская

библиотека, которая называется конечно же не библиотекой, а избой-читальней. Все здесь не как у людей...

Вот там, в этой самой избе, нужно порыться в газетах и составить примерное представление о стране и особенно о структуре власти. Найти Сталина. А то непонятно, почему его Никитич не знает. Сталин нужен. Вдруг все-таки можно будет улучшить момент и попасть к нему, рассказать о будущем. Авось чего обломится. Министром делать не надо, но может быть, хоть денежек отсыпет.

Топ-топ-топ...

Третье же (по списку, а по значению — первое!) — найти Алену. Сергей представил себе: входит он в избушку... Нет, не на курьих ножках! Потряс головой, успокаивая разыгравшуюся фантазию. В обычную избушку, встречает его...

Баба-яга.

Блин, насмотрелся сказок! Обычную деревенскую ведьму представить не могу! Воображение услужливо подогнало ему образ ведьмы из женского фэнтези: рыжую, наглую стерву. Не-ет, от такого счастья тоже избави Бог! Читать про такую — забавно, а вот общаться... Пусть свой юмор на других оттачивает! Остается надеяться, что такая ведьма — плод фантазии и в жизни не встречается. Иначе хана.

Топ-топ-топ...

Дорога изогнулась хитрой буквой и повернула направо. Сергей продолжил борьбу с воображением.

Наконец удалось представить бабушку-колдунью как обычную деревенскую старушку. Ну и пусть она была вся в черном. Подходит он, Сергей, значит, к ней и говорит... Нет, сначала здоровается вежливо. Спрашивает, как здоровье, потом говорит, я: мол, по делу. Ага, пошло...

Топ-топ-топ...

Спрашивает, значит, не знает ли она о местонахождении некоего предмета, чрезвычайно потребного... Да, примерно вот так, только более человеческим языком.

Дальше Сергей отдался на волю фантазии. Можно же немного помечать? В мыслях бабка лезла в огромный окованный железом сундук (попавший в фантазию все-таки из сказок про Бабу-ягу) и доставала артефакт, завернутый в тряпочку. Примерно в такую, в которую завернуты свечи в сидоре... Кстати, почему тетка Татьяна назвала ее холстинкой? Холст — это же то, на чем

картины рисуют? Интересно...

Топ-топ-топ... Блин, да где эти Загорки?! Уже час плетусь!

Сергей обнаружил, что несколько отклонился от, кхм, планирования общения с бабушкой. Значит, достает она артефакт, разворачивает тряпочку-холстинку, кладет он руку на ту сторону, где написано: «Обратно»... Или «Туда»? Что-то забыл... ладно, на месте вспомнит... Кладет он руку, и хоп! Он уже опять в родном, привычном и уютном двадцать первом веке. Где все говорят по-русски, а не по-чертзнаеткаковски. Где не надо работать в поле, а можно спокойно просиживать в офисе. Где есть Интернет и телевизор. Где если тебе и набьют морду, то родные гопники, а не злобные белогвардейцы. Меча, правда, нет... Конунг убьет...

Топ-топ-топ...

Сразу возникнет проблема, как добраться до Москвы. Прошло-то уже две недели, ребята давным-давно уехали, а денег нет. Придется звонить кому-нибудь, просить помочь уехать из проклятых Загорок. Стоп. А куда именно он вернется? В смысле, в какую пространственную точку? По логике, он должен оказаться рядом с артефактом, то есть в Загорском музее. Но ведь здесь-то он почему-то оказался в лесу...

— Ага!

Ой, блин...

Из кустов поднимался... Андрюха!

— А, сяктант! Вот ты мне и попался!

Блин... Ну чего ему неймется? Взрослый мужик, воевал, а ведет себя, как подросток, которого в классе шпыняют, и он ищет, над кем самоутвердиться. Нашел самого молодого...

— Думал, за Никитицем спрятаться? Сейчас я тебе покажу!

А довольный-то какой! Даже шрам как будто улыбается. Еще бы, видимо, шел Андрюха в Загорки злой, недовольный, устал, присел отдохнуть на камне (вон, здоровенный, серый, бок из кустов показывает), а тут такое счастье — мальчик для битья мимо идет!

Сергей шагнул назад и перехватил поудобнее палку. Тот самый деревянный меч. Тщательно ошкуренный еще утром.

Противник увидел движение, ослабил, как волк. Шрам на лице налился кровью.

— Ня балуй... — прошипел Андрюха и выхватил из-за ремня револьвер. Рисуясь, перебросил его в левую руку. В правую. В левую...

Огнестрельное оружие, как известно, уравнивает шансы

бойцов. Неважно, насколько ты быстр, владеешь ли приемами карате или фехтуешь, как бог, не имеет значения твоя сила или ловкость. Главное, у кого ружье.

Вот только одно замечание...

Самое главное, чтобы тот, у кого ружье, находился хотя бы на сантиметр дальше предельной дистанции взмаха мечом. Пусть даже деревянным.

Р-раз!

Хрустнули перебитые пальцы. Револьвер, кувыркаясь, упал в траву. Андрюха завыл, как сирена, и бросился на подлого противника. Конечно, вместо того, чтобы покорно принять побои от такого героя, проклятый сяктант сделал больно. Очень больно.

Жжах! Гудящий полукруг!

Реакция на уровне: Андрюха успел отпрыгнуть. Сергей быстро скинул с плеч мешок и встал в боевую стойку. Совесть, некстати вякнувшая, что нехорошо бить палкой безоружного, быстро заткнулась. Андрюха подхватил с земли сук.

— А-а!

Боже, как глупо. Замах даже не как дубиной...

Бац! Бац! Хруп!

— А-А-А!

Простейшее дело: блок, выбить оружие из корявых рук и, завершая прием, ударить в шею. В последнее мгновение перед глазами мелькнуло лицо длинного беспризорника, рука дрогнула и меч (участвовавший в бою и заслуживший это гордое имя) ударил в плечо, с хрустом ломая ключицу.

Андрюха, покалеченный, отпрыгнул назад, упал, пополз, отталкиваясь каблуками сапог и завывая. Оперся на левую руку, вскрикнул, кое-как поднялся... Повернулся к Сергею.

Тот стоял, чуть наклонившись, левая нога выставлена вперед, правая — позади, полусогнутая левая рука держит невидимый щит, правая отведена назад, деревянный меч дрожит в ожидании. Лицо Андрюхи искривилось, шрам теперь еще больше уродовал его, превращая в гротескное чудовище. Покалеченный вскочил, прорыдал что-то громкое и невразумительное и бросился бежать в сторону Козьей Горы. Кусты вскоре скрыли его спину.

Сергей выдохнул и сел на землю. Пот заливал глаза, пришлось утереться трясущейся рукой. Потом рукавом. Адреналин продолжал бушевать в крови, но неприятная слабость уж подкосила ноги.

Вот это да... пусть и быстротечная, но вполне боевая схватка.

Этот урод вполне мог и застрелить (надо поискать револьвер)... и забить дубинкой, и просто затоптать ногами.

Повезло...

Как повезло...

Отдышавшись, Сергей поднялся, подобрал палку-меч (спасибо, дружике). Котомка валялась в отдалении. Узел не хотел развязываться: то ли туго затянулся, то ли руки дрожали. Свечи тихонько лежали в тряпочке, целые. Наверное, в шоке от произошедшего. А вот и мешочек с табаком... Кисет...

Пальцы тряслись и сворачивать самокрутку никак не хотели. Получилось нечто, смахивающее на первые его свечи. Сергей чиркнул зажигалкой, той самой, из гильзы, и затянулся.

Несколько жадных затяжек, и сигаретоподобный монстр истлел до самых пальцев. Сергей даже не почувствовал вкуса табака, но нервы, получив привычное успокоительное, пришли в норму.

Револьвер... Надо подобрать револьвер... и валить отсюда... Пока Андрюха не привел дружков...

Долго искать не пришлось. Трофейное оружие лежало на обочине в невысокой траве, хмуро поблескивая стволом.

Сергей подобрал револьвер, хотел сразу спрятать в котомку, но заинтересовался. Никогда до этого не приходилось держать боевое оружие в руках... Разве что в «Call of duty». Но это не то: тяжелый (почти килограмм) револьвер, не сравнить по ощущениям с невесомой мышью...

Интересно, как он называется? Какой-нибудь кольт или магнум? Или смит-и-вессон? Никаких пояснительных надписей не обнаружилось. Недлинный ствол, под которым торчал совсем уж коротенький шомпол, полукруглая мушка. Барабан с семью желтенькими патронами почему-то никак не хотел открываться, как это показывают в фильмах... Кривая рукоятка с рифлением... Курок, охваченный круглой скобой... Крючок позади барабана. Вспомнились пояснения приятелей, как раз повернутых на оружии и не вылезавших с оружейных сайтов: то, что у револьвера торчит позади барабана, — и есть курок, а то, что все называют курком, — спусковой крючок... Кажется, так...

Нет, названия трофея найти не удалось. Обнаружились некие цифры (видимо, серийный номер) возле барабана, еще одни

— на скобе, вокруг спускового крючка. Над рукоятью — полустертое овальное клеймо «Императорский ту... ору... завод». Русский, что ли? Тогда пас, названия русских револьверов Сергей не знал. Даже не подозревал, что такие были.

Подавив мальчишеское желание нажать на курок (на крючок, в смысле) и посмотреть, что получится, Сергей завернул безымянный револьвер в ту самую холстинку и спрятал в котомку. Прямо как в компьютерной игрушке: победил противника, получил дроп... Или лут... В общем, трофей. Не настолько сильно увлекался Сергей игрушками, чтобы помнить всю терминологию.

Некогда думать и переживать — нужно валить отсюда. Чер... кто его знает, кого может встретить Андрюха по дороге. Наткнется на своих друзей-белогвардейцев, припрутся сюда и хана. А так хотя бы есть шанс добраться до людных мест.

Сергей вскинул котомку и зашагал по дороге к Загоркам.

Люди не попадались, вышел Сергей поздновато, когда большинство уже отправилось в Загорки на воскресную службу. Однако дальше повезло: за спиной раздалось мерное топанье копыт (сердце остановилось, живот застыл — попался...), из-за поворота показался рыжий мерин Кузьмича. А за ним телега и сам Кузьмич.

— А, сяктант. В Загорки идешь? Садись, подвязу.

Сергей присел на сено, Кузьмич чмокнул, и задумчивый мерин потащил вперед.

Сегодня печник был разговорчивее, чем в первую встречу. Понятно, тогда его мучило похмелье, а сейчас подбадривала ожидаемая рюмка у кого-нибудь из многочисленных знакомых либо родственников.

Сергею говорить не хотелось, поэтому нашедший свободные уши Кузьмич болтал за двоих. И про племянницу кумы Аннушку, у которой как раз сегодня «имянины», там его, Кузьмича, обязательно угостят, «потому что и вообще».

Именины, как недавно неожиданно для себя узнал Сергей, это вовсе не день рождения. Именины, они же день ангела, — день празднования памяти того святого, в честь которого назвали (вернее, крестили) человека. И с днем рождения они совпадают не всегда...

Поведал Кузьмич и об Андрюхе, который ковылял, несчастный, в Козью Гору. Обматерил Кузьмича в ответ на вежливый вопрос и двинул дальше. Хорошая новость...

То ли монотонное жужжание говорливого печника

сокращало время движения, то ли нервы у Сергея шалили, не позволяя отвлечься на посторонние мысли, но Загорки появились неожиданно быстро.

Зеленый туннель кустов неожиданно раскрылся, дорога скользнула вниз по длинному склону, и вот они — Загорки — перед остановившейся на минуту телегой. Поселок, в который Сергей должен был попасть 14 июля 2010 года, а добрался 27 июня 1925 года. За 85 лет до... Вот бред.

На огромном открытом пространстве, скомканном зелеными складками холмов, рассыпались маленькие коробки домов: крыши, крытые бурой соломой, как в Козьей Горе, и с непонятной мелкой серой чешуей, и стальные, как у Никитича. Все домики смотрелись основательно, как выросшие в землю валуны. Пока на глаза Сергею откровенные развалюхи не попадались. В центре наблюдались даже двухэтажные дома... двухэтажные? Ничего себе, крестьяне живут! Что-то Сергею не припоминались случаи, чтобы в двухтысячных крестьяне жили в таких доминах. А еще Сталин разорил крестьян... Может, еще не успел?

— А где школа? — вырвалось у Сергея раньше, чем он успел понять, к чему он это спрашивает. Действительно, единственного знакомого ему загорского строения почему-то не было видно.

— Какая школа? — удивленно обернулся Кузьмич. — Отродясь в Загорках школ не было. Зямскую собирались открыть, да так руки и не дошли, а церковную... так батюшка наш уже в возрасте, не потянул бы...

К слову о батюшке. Сергей пропустил мимо ушей непонятный термин «зямская школа» и оглядел панораму Загорок. Ага, вон и церковь: темный купол с крестом торчит в центре поселка.

— Кузьмич, — тронул он за плечо, — ты мимо церкви не поедешь?

— Нет, — мотнул возница бородой, — мне вон туда.

Он указал совсем в другую сторону.

— А тебе к чему?

— Да Никитич просил батюшке кое-какой товар отвезти.

— Никитич? Батюшке? — ошалело развернулся Кузьмич. — А... Это... У них с батюшкой... разве батюшка...

— Свечи, свечи восковые. — Сергей сообразил, что Кузьмич как-то неправильно его понял. Видимо, решил, что

батюшка связан с ночными походами Никитича.

— А, свечи. А я-то было... подумал... решил...

Сбившись, Кузьмич хлопнул поводьями, телега медленно поползла вниз по склону. Мерин порывался пуститься вскачь, но бдительный возница его придерживал. Иначе действительно разгонится, а тормоза в телегах не предусмотрены. И себе коняга ноги переломает, и пассажиров в канаву вывернет...

Путники спустились по склону, пересекли мостик через медленный ручеек и остановились.

Спрыгнув с телеги и попрощавшись с Кузьмичем, Сергей потянулся и огляделся. Длинная, судя по ширине, центральная улица, в начале которой они остановились, круто поднималась на холм и пропадала из поля зрения. Отсюда определить ее длину было нельзя. Не Ленинградский проспект, конечно, но после Козьей Горы — практически центральный бульвар столицы. Между двумя стоящими на верхушке домами, как мушка в прицеле, торчал купол церкви. Первый пункт назначения.

Сергей поднялся на холм, там улица стекала вниз, пыльная, утоптанная, и разливалась в центральную площадь Загорок. Слева стояла церковь.

Невысокая, дощатая, когда-то выкрашенная тускло-зеленой краской, сейчас изрядно стертой дождями, снегами и временем.

Сергей двинулся к ней, разглядывая первый после Козьей Горы населенный пункт двадцать пятого года. В принципе, насколько мог судить городской житель, Загорки немногим отличались от поселков двадцать первого века. Разве что нет столбов с проводами, над домами не торчат телевизионные антенны, не видно ни автомобилей, ни тракторов... Кучки людей после малолюдства Козьей Горы воспринимались как толпы. Одежда не отличалась от козьегорской: те же сапоги, те же длинные юбки, платья, разноцветные косынки и платки у женщин, те же мешковатые штаны, рубахи-косоворотки и кепки-картузы у мужчин. Никого, резко отличающегося от общей массы: ни красноармейцев в этих... как их... буденовках и комиссаров в кожанках, ни девчонок в топиках и парней в джинсах.

Нет, подумалось Вышинскому, все-таки это не розыгрыш. Слишком уж много людей должно быть задействовано... Дома опять-таки построены...

В отличие от Козьей Горы, где дома были произвольно раскиданы по косогорам, здесь они тянулись вдоль обеих сторон

улицы почти по линейке. Кряжистые, массивные, темные даже под солнцем, они смотрели на шагающего Сергея низкими маленькими окнами. Казалось, огромные ленивые животные глядят из-под нахмуренных бровей на неизвестного гостя. Заборы возле домов, как и в Козьей Горе, были только от «добрых людей» — две жердины, приколоченные к столбам. Кое-где разбитые под окнами палисадники — маленькие такие клумбы с цветами — были огорожены низеньким плетнем, высотой чуть выше колена.

Сергей шел по улице, а вокруг кипела обычная жизнь.

...Около одного из заборов играли дети, пищащая команда азартно закручивала маленькими кнутиками деревянный цилиндр с заостренным концом — кубарь. Тот лихо вертелся волчком, показывая, откуда взялось выражение «покатился кубарем»...

...От одного из домов, как из-под земли, выскочила кудлатая собачонка и потрусил за Сергеем, иногда хрипло взлаивая. Черная, облезлая, с надсадным хрипом, на одном глазу — мутное бельмо. Чего она привязалась?..

...Вот справа торчит высоченная жердь колодезного журавля — конструкции, похожей на подъемный кран, с помощью которой опускали и поднимали ведра из колодца. Журавль торчал неподвижно, никто воду не доставал, однако возле колодца стояли несколько женщин и что-то обсуждали...

...Собачонка еще раз тявкнула, победно задрала баранку хвоста и отправилась назад. Как же, герой, прогнала врага от родной хаты...

...Мимо бежала маленькая девочка в белой косынке, пискнула: «Здравствуйте» — и пошлепала босыми пятками дальше...

Уф, вот и церковь. Длинная была улица.

Возле входа торчала группа молодых парней. Они неприязненно покосились на подходившего к крыльцу Сергея.

— А батюшка здесь?

Парни поглядели чуть ли не с ненавистью (чего это они?). Наконец один, медно-рыжий, видимо главарь, нехотя пробурчал:

— Тама.

Сергей поднялся по ступеням, потянул за ручку и вошел в темное, прохладное после летнего тепла помещение...

Церковь... Желтоватые бревенчатые стены, узкие окна... Пахнет ладаном (наверное) и теми самыми свечами из воска... На стене напротив дверей висят иконы, темные, с еле заметными

ликами святых... Никого...

— Есть тут кто? — Сергей спросил так тихо, что сам себя еле расслышал.

Бесшумно открылась дверца справа от... иконостаса... кажется, так называется эта стенка. В темном проеме показалась низенькая фигура...

Сергей не представлял, как должен выглядеть деревенский поп, однако здешний его удивил.

Отцу Афанасию было на вид лет сто, ну, восемьдесят точно. Низенький, коренастый, он удивительно походил на мастера Йоду из «Звездных войн». Лысина, светившаяся сквозь редкий пушок седых волос, покрыта коричневыми старческими веснушками. Морщинистые руки, тоже пятнистые, сжимали рукоять палки. Реденькая седая бородка мелко дрожала от старости. На кнопке носа висели большие круглые очки. Он, казалось, тихонько улыбался.

— Э... — не сразу нашелся, как представиться этому чуду, Сергей, — добрый день... святой отец.

Священник оперся на трость, став еще больше похожим на Йоду. Казалось, сейчас произнесет: «В дом скромный мой привело тебя что, юный падаван?»

— Бенедикат вос, ми фили, — важно кивнул священник.

Чего?..

— Э... Э... — ошарашенный непонятым приветствием Сергей растерял весь словарный запас.

— С чем пришел, сын мой? — Было ощущение, что священник трясется не от старости, а от сдерживаемого смеха.

А с чем я пришел? Ведьму... в смысле, колдунью ищу. Ну еще свечи отдать.

Сергей отдал свечи и попытался окольными путями выпросить, где живет бабка Алена. Батюшка хитро жмурился и усмехался чему-то своему. Наконец Сергей мысленно махнул рукой и попросил показать ему, где находится здешняя власть. Батюшка вызвался провести.

Они подошли к выходу. Из открытой двери в тишину и прохладу церкви ворвались теплый воздух летнего дня, яркий солнечный свет, запахи травы и цветущих деревьев, а также противный голос, мерзко заоравший: «Ня надо нам монахов, ня надо нам попов!»

Громкий хор вразнобой подхватил: «Мы на небо залезем,

разгоним всех богов!»

Те самые парни, что так неприязненно смотрели на Сергея, теперь орали болотными лягушками дурацкие лозунги. Чего это они?

Отец Афанасий зажмурился навстречу солнцу и, улыбаясь, начал спуск со ступеней. Сергей шел рядом, не зная, то ли поддержать священника за руку (все-таки старенький), то ли не надо (все-таки шагает он довольно лихо для столетнего).

Спустившись, священник двинулся на замолкшую толпу. Парни медленно, нехотя, но расступались. Тут один из них, тот самый рыжий главарь, выскочил наперерез батюшке и заорал чуть не в лицо:

— Бога нет!

Отец Афанасий остановился и оглядел его с веселым интересом натуралиста, нашедшего в болотной жиже неизвестную, возможно, ядовитую, но занимательную тварь.

Комсомольцы, что ли? Кажется, в двадцатые годы они так себя вели. Священников оскорбляли, церкви взрывали, иконы жгли... Или нет?..

Главаря, видимо, спокойствие священника бесило, но сделать что-то серьезное он, похоже, побаивался. Оглядев свою молчаливую банду, Рыжий еще раз рявкнул:

— Бога нет!

Братва поддержала почин невразумительным гулом, но продолжать не стала.

— Я вам батюшку обяжать! — погрозил палкой проходивший неподалеку мужик.

Толпа слегка сдулась. Видимо, их выступления взрослыми не поощрялись, можно было и той же палкой по хребтине огрести.

Рыжий, поняв, что концерт провалился, плюнул под ноги батюшке и прошипел:

— Когда ты уже сдохнешь, старый хрен?

Батюшка беззаботно прищурился:

— Каждый уходит к Богу в свой черед. Вот ты, например... — Конец трости указал на грудь главаря. — И двадцати лет не проживешь. Убьют тебя нехристи.

Рыжий вздрогнул и попятился.

— А меня? — высунулся из-за плеча главаря губастый парень с наглой мордой.

— И тебя, — безмятежно проговорил священник, — вот он

убьет.

Трость опять указала на рыжего.

Сергей машинально подсчитал: через двадцать лет — сорок пятый год. Не прожить эти двадцать лет, значит, где-то сорок третий — сорок четвертый. Ну да, немцы и убьют. Только зачем он своего дружка будет убивать? Непонятно...

Трость священника описала круг, как бы примериваясь, на кого еще послать мрачное пророчество. Парни отступали от нее, как от ядовитой змеи, круг расширялся. Наконец молодые люди не выдержали и начали расходиться. Последним остался стоять Рыжий, побледнел, на носу проступили веснушки.

— Посмотрим... — пробубнил он, резко развернулся и пошел прочь.

Батюшка преспокойно двинулся дальше. Сергей поплелся за ним.

Понятно, почему мужики за батюшку не заступились. Его, пожалуй, обидишь... Интересно, он просто пугал или правда будущее может предсказать? Случись такое раньше, Сергей только посмеялся бы, но сейчас, после попадания в прошлое, поверишь и в летающие тарелки, и в черта лысого с рогами... Одно дело, когда ты провалился в прошлое и теперь, воображая себя пророком, можешь хвастать перед слепыми предками знаниями о том, что будет. И совсем-совсем другое, когда ты сам сейчас услышишь собственную (не страны, не Сталина!) судьбу...

— Батюшка... — спросил Сергей, обмирая от возможного предсказания будущего. — Батюшка... А можешь... можете... А когда я...

— А тебе зачем? — усмехнулся своей хитрой улыбочкой священник. — Ты-то своей смертью умрешь...

Сердце подпрыгнуло и чуть не остановилось. Вот и поди пойми, то ли батюшка от старости плетет ерунду, то ли и правда будущее видит...

Задумаешься...

Странная парочка — старичок-священник и бородатый высокой парень с котомкой за плечами — пересекла площадь и подошла к длинному дому, стоявшему аккурат напротив церкви.

— Вот они, новая власть, — усмехнулся тонкими губами батюшка, — безбожники...

— Как же вы с ними уживаетесь? — Сергея поразил сам факт нахождения церкви и большевиков в одном поселке. А тут они

вообще чуть не рядом стоят.

— Всякая власть от Бога... — Улыбка мешала понять, всерьез отец Афанасий говорит или шутит. — Одному — в утешение, другому — за прегрешения...

Сергей хотел было уточнить этот вопрос, но батюшка, продолжая добро улыбаться, развернулся и посеменил обратно к своей церквушке.

«Это что, он чисто меня проводить ходил? Не мог рукой показать, вон туда: мол, идти? Ну и батюшка!»

Над широкой дощатой дверью висел потрепанный, когда-то красный, а сейчас выгоревший до светло-розового транспарант с большими серо-белыми буквами: «Загорский волисполком».

Интересно, что это может значить? Понятно, что сокращение, вот только как это расшифровать?

Загадочный волисполком мысленно разбился на три части: «вол-испол-ком», Сергей задумался над значением каждой, и они тут же перемешались и превратились в «волис-полком». То есть какой-то загадочный Волис, видимо, командовал полком, запись о чем и оставил на транспаранте...

Сергей встряхнул головой, выкинул ненужные сейчас размышления и вошел внутрь.

Темный коридор тянулся вглубь, там изгибался хитрым углом и терялся из виду. До перелома в стенках виднелись в полумраке две двери: справа и слева. Обе абсолютно одинаковые: широченные, сколоченные из толстых досок, с двумя толстыми деревянными поперечинами и здоровенными деревянными ручками. Ну и в какую пойти?

Левая дверь хранила таинственное молчание, а вот из-за правой слышались некие звуки, бормотание, тихие ругательства. Может, заглянуть? Там явно кто-то есть...

Сергей потянул ее... Потом потянул сильнее... Потом дернул. Дверь сказала «чпок» и резко распахнулась.

Сумрачное помещение, слева стол, как и вся мебель здесь, сколоченный из толстенных досок. Столешница завалена бумагами, поверх которых скромно лежит револьвер. Почти точная копия трофейного, что в котомке. А может быть, и точная — в полумраке комнаты видно плохо. Стена за столом сплошь заклеена плакатами, выглядевшими, как страницы из комиксов (комиксы? у большевиков?). В глаза бросался один пожухлый плакат, на котором из-под розовой милой маски выглядывало огромное

жирное мурло толстяка в цилиндре...

— Товарищ, вы по какому вопросу? — раздалось справа.

Сергей повернулся, у окна стоял...

Фашист?

По крайней мере, выглядел стоящий в точности, как гитлеровец в военных фильмах: начищенные сапоги, этикие забавные брюки, раздувающиеся по бокам парусами (га... галифе... кажется), белая рубашка с закатанными рукавами, широкие черные подтяжки... Сергей поднял взгляд выше. Лицо тоже соответствовало стереотипу: квадратная челюсть, светлые волосы (белокурая бестия), прозрачные глаза...

— Вам чего надо? — цокнул по-песковски «фашист», чем сразу разрушил образ оккупанта. Просто белобрысый парень, даже ненамного старше Вышинского, немного странно одетый...

— Чит... Изба-читальня... — пролепетал Сергей. Уж больно цепко вглядывался в него местный начальник. («Волис?» — мелькнула абсурдная мысль.)

— А... Направо по коридору вторая дверь.

Сергей повернулся к выходу...

— Стоять! Ты кто такой?

— Я, это... — забормотал немного испуганный Сергей, — из Козьей Горы...

— С Козьей?! — в глазах начальника (как он правильно называется?) вспыхнула подозрительность, тут же, впрочем, сменившаяся пониманием. — А, сяктант... Иди.

Сергей повернулся...

— Стоять! Как зовут?

— Се-сергей... Вышинский...

Страх впился в сердце ледяной иглой. Никогда ранее Сергей не видел, как белеют от ненависти глаза у человека. Казалось, их затанул смертельно холодный иней.

— Поляк?!

Начальник (уже гораздо больше похожий на фашиста) странно перекрестился: его рука несколько раз хватанула воздух у правого бедра, потом у левого... Сергей с ужасом понял, что он ищет рукоять сабли или пистолета. Сейчас начальник вспомнит, где лежит револьвер, и его, Сергея, будут убивать...

— Нет! — отчаянно выкрикнул он. — Не поляк! Белорус!

От страха в памяти всплыли, казалось бы, прочно забытые рассказы отца о происхождении фамилии.

Иней в глазах начал отступать.

— Белорус?

— Да, да, да! — закивал Сергей. — Просто фамилия похожа на польскую. Как у... как у...

Как назло, все похожие фамилии напрочь смыло из памяти. Мелькал только Дзержинский, который удачным примером не был.

— Белорус?

— Да!

— Иди. Вторая дверь направо.

Дверь закрылась. Сергей прислонился к ней мокрой от пота спиной. Ну и дела... Чуть за собственную фамилию не убили... Чего у начальника такая аллергия на поляков?

На дрожащих ногах Вышинский отправился искать вторую дверь направо. Коридор повернул, изогнулся, вот и дверь. Такая же, как и та, за которой стоял несостоявшийся убийца. Уже и эту открывать страшно...

Может, ну ее, эту библиотеку, в смысле, читальню? Дойти до ведьмы, то есть колдуньи Алены, вдруг у нее найдется артефакт, вернуться назад и забыть все это как страшный (очень страшный) сон. Пусть герои книжек предупреждают Сталина, изобретают автомат Калашникова, убивают Гитлера и Хрущева и перепевают песни Высоцкого... Он, Сергей, не герой ни в каком смысле. Пусть здешние сумасшедшие сами разбираются между собой...

А если у Алены нет артефакта? Или она даже не знает, где он? Ведь придется жить еще какое-то время. А тут шастают террористы, ревнивые мужья и безумные полякофобы. Нет, читальня нужна. Нужны знания о мире. Иначе в следующий раз просто грохнут. И фамилию не спросят...

Сергей взялся за ручку двери. Страшно... Кто его знает, что ждет внутри... Он резко выдохнул, как перед нырком в холодную воду, и распахнул дверь.

Слева от двери стоял стол. Такой же, как в помещении местного начальника. Вот только здесь он не казался таким уж огромным. За столом восседал...

На мгновение Сергею показалось, что он провалился не в прошлое, а в какой-то безумный фильм, в котором смешались все киногерои разом: священник — мастер Йода, начальник — фашист Ганс, а теперь еще и библиотекарь — Илья Муромец.

Здесь книгохранитель действительно выглядел в точности как богатырь из старого фильма-сказки. Огромный торс,

мощные руки, волосы, каштановой волной падающие на плечи, окладистая борода колечками. Пронзительный взгляд темно-синих глаз. Казалось, гигант так и рывкнет сейчас: «Коршун ты чебуркуевской!»

— Добрый день! — рывкнуть не рывкнул, но будь голос чуть погромче, и деревья бы пригибались.

— 3-з-здравствуйте... — После общения с полякофобом-начальником Сергей начал бояться людей. Особенно больших.

Широченная, как лопата, ладонь протянулась в жесте приветствия. Сергей шагнул вперед, протягивая руку навстречу...

Интересно, не вовремя проснулось чувство собственного достоинства, обиженное всеми сразу, начиная с Ингвара и заканчивая начальником, — почему это я должен к нему подходить, чтобы руку пожать? Здоровый, да? Чуть приподняться не может, лень задницу от стула оторвать...

Богатырь, действительно, даже не подумал приподниматься. Было в нем что-то неправильное, но что, Сергей не успел понять. Возмущение кипело и бурлило.

— Данила, — добродушно пробасил богатырь.

— Сергей... мм... Вышинский... — настороженно ответил наш герой. Кто знает, может быть, тут все ненавидят поляков?

— С Павлом пообщался? — хохотнул догадливый Данила, кстати, судя по всему, ровесник Сергея.

— Откуда...

— Да уж больно испуганно ты фамилию назвал. Да и слышал я его крик...

— За что он так поляков не любит-то?

— Так он в двадцатом в плену в их концлагере, в Тухоле, побывал...

— А-а... — понимающе протянул Сергей, на самом деле ничего не поняв. Концлагерь? У поляков?

Концлагерь у Сергея ассоциировался только с немцами. Ну, в крайнем случае, с большевиками. Уж никак не с Польшей. Все страньше и страньше...

— А ты, Сяргей, откуда?

— Из Козьей Горы. — Сергей внутренне поразился тому, как привычно он произнес это название. Это он-то, москвич!

— А, сяктант...

— Ну да...

— Почитать пришел? Только учти, библий мы не держим.

Шутник, блин...

— Да нет, мне бы газет... Нам в секте газет не давали... Вот хочу узнать, что за ситуация в мире и стране...

Данила оживился:

— Про революцию хоть слышал?

— Ну да... Кто ж про нее не слышал...

— В мире сейчас капитал процветает, душит рабочих, крестьян. У нас в стране революция победила, строим мы страну, где угнетения нет и не будет...

Ну-ну... Данила начал разочаровывать. Сергей помнил то светлое будущее, которое построил в этой стране чуть позже товарищ Сталин... Кстати, о товарище Сталине...

— Постой, — прервал Сергей горячую речь, — мне бы газеты посмотреть. Уж больно интересно, что за люди такую неподъемную задачу на себя приняли...

— И не только приняли! Делают!

Данила махнул рукой в сторону мощного, как он сам, деревянного стеллажа, на котором лежали худосочные стопки газет. Сергея опять задело: здоровенный молодой парень сидит в библиотеке (ну пусть читальне!) вместо того, чтобы трудиться. Хорошо устроился! Работа непыльная — выдавай книжки, газеты разные да вешай на уши лапшу о том, как хорошо будет жить при коммунизме...

Сергей, мысленно кипя, шагнул к полкам... Успел подумать, что для полного комплекта, хаму Даниле осталось вытянуть ноги... Успел сообразить, что ноги и так должны торчать из-под небольшого столика до середины комнаты... Подумал о том, куда же Данила их спрятал... Оглянулся...

Все возмущение улеглось мгновенно и остыло. Сергея бросило в дрожь. Холод, морозный холод жуткого стыда...

У Данилы не было ног.

Видимо, Сергей слишком пристально уставился на ноги, вернее, на то место, где они должны были быть.

— Что смотришь? — усмехнулся Данила. — Нету у меня ног, нету.

— А...

— На войне.

Ну да. Сергей вспомнил — в это время малейшая рана и сразу все, хана. Гангрена.

— Ранили? — сочувствующе спросил он.

— Не-а, — махнул головой библиотекарь, — казаки шашками отрубили.

— В бою? — В представлении Сергея казаки и такая зверская жестокость не очень сочетались.

— Да нет, в плену. Сказали, чтобы слишком шустрым не был. Хорошо, что наши отбили, а то бы кровью истек.

Брр... Как это возможно? Казаки, они же должны русский народ защищать. А более русского, чем обычный мужик-крестьянин, Сергей не мог представить. Казаки мужика защищать должны, а не ноги отрубить... Нет, лучше не думать об этом... Вернемся к тому, зачем пришли.

Теоретически государственное устройство любой страны, с персоналиями, можно описать за полчаса. Ну максимум за час. Вместе с безногим Данилой Сергей разбирался в принципах Страны Советов несколько часов, до самого вечера.

Первое, что понял в этом устройстве Сергей, — большевики двинулись на переименовании всего и вся. Не было ни одной более-менее серьезной должности, которая после революции не получила бы другое, иногда совершенно непредсказуемое название. Второе — не меньше большевики двинулись на сокращениях. Бойцы, наркомы, командиры, шкрабы, полпреды, наркомост, вэсээнха и тому подобное...

Начать он попытался, казалось бы, с простой вещи — кто управляет страной. Получив в ответ предсказуемый ответ — народ, Вышинский начал ходить вокруг да около, пытаясь выяснить для начала название главной должности в стране. Президентов Данила категорически отверг, заявив, что они только у буржуев. А других вариантов не знал уже Сергей. Можно было, конечно, прямо спросить, какую должность занимает товарищ Сталин, однако не стоило показывать подозрительную для сектанта осведомленность. Наконец до Сергея дошло, что раз Сталин занял должность Ленина, то нужно узнать, какую должность тот занимал. Вот тут и началась вся путаница...

Правительство СССР называлось Совет народных комиссаров или сокращенно (ну еще бы!) Совнарком. Главой его был председатель, он же предсовнаркома. То есть, подумал Сергей, в переводе на нормальный русский язык, премьер-министр. Изначально этот пост занимал дедушка Ленин, а после его смерти... Не Сталин.

Предсовнаркома был некий неизвестный Сергею товарищ

Рыков. Судя по мутноватой фотке в газете — приятный мужчина лет сорока, с аккуратной бородкой, чуть побольше ленинской. То есть ни фиги не Сталин. Даже не похож.

Придя в себя после первого изумления, Вышинский предположил, что, возможно, товарищу Рыкову недолго осталось, а вот после него уже к власти придет Сталин, который, возможно, сейчас зам Рыкова или один из министров Совнаркома. А никто про Рыкова не помнит из-за его краткосрочности. Говорила же молодая практикантка, заменяющая учительницу истории, что после Брежнева к власти пришел Горбачев, а Андропова и Черненко можно не считать — слишком недолго правили.

Заместители у Рыкова действительно были. Целых два. Товарищ Каменев и товарищ Цюрупа. Первый — абсолютно неизвестный, второй смутно припоминался как герой какой-то замшелой шутки («Товагищ Цюгупа!»). Оба, естественно, тоже не Сталины. Сергея зацепило, и он начал методично вместе с Данилой перебирать весь Совнарком и сопредельные структуры в поисках неуловимого Сталина.

Обрадованный энтузиазмом неопита, Данила спрыгнул со стула и, ловко переваливаясь на кульнях, подскочил к стеллажу. Пристыженный Сергей пытался отказаться от помощи, однако библиотекарь не обращал внимания на робкие попытки, ловко стаскивая с полок новые стопки прессы. Про каждого человека на фото он рассказывал, не только называя должность, но и уточняя, что тот сделал для блага революции. Сергей, узнав, что на самой вершине власти Сталина нет, предположил, что, по-видимому, тот взял имя Сталин чуть позже, а сейчас пользуется какой-то другой. Поэтому приходилось обращать внимание не только на фамилии, но и на внешность. Ее-то Сталин не смог бы поменять, слишком уж характерные приметы: усатый грузин с трубкой.

Газеты шуршали, мелькали страницы, фотографии, заголовки статей, названия стран и учреждений... Фамилии, фамилии, фамилии...

Всего в Совнаркоме Сергей нашел десять министерств, обозванных наркоматами, то бишь народными комиссариатами, во главе которых вместо министров стояли, понятное дело, народные комиссары, сокращенно называемые наркомами. Здесь Сергей хихикнул, потому что при нем до сих пор «наркомами» называли наркоманов.

Кстати, стала понятна страсть к переименованию. Данила

объяснил, что прежние названия напоминали о старом времени, поэтому приходилось придумывать новые: наркомы вместо министров, к примеру. Действительно, в описании Данилы царские министры представляли такими мерзкими — сальными, глупыми, хапающими взятки, — что будь Сергей в большевистском правительстве, он первый бы отказался называться министром. Чтобы все люди, услышав «министр Вышинский», сразу представляли себе жирного дурака-взяточника? Вот уж нет!

Министром иностранных дел, то есть, простите, конечно же наркомом, наркоминделом был некто товарищ Чичерин, Сергеем незнакомый. На фото он был лысоватым дяденькой с ленинской бородкой и выпученными глазами, на Сталина не похожий.

Военным министром, наркомвоенмором (народным комиссаром по военным и морским делам) являлся товарищ Фрунзе, человек с явно кавказской фамилией. Сергей уже было воспрянул, решив, что это — псевдоним Сталина. К тому же смутно припоминалась в Москве улица Фрунзе, а также, кажется, город с таким названием. Правда, Сергей ни за что не смог бы сказать, город ли назвали в честь Фрунзе или Фрунзе — в честь города. На должность тот встал недавно, буквально в этом году, поэтому фотографию искали долго. Вместе с ней пришло и разочарование: товарищ Фрунзе не был похож не только на Сталина, но даже и на кавказца — вполне русское лицо, аккуратные усы...

Потом всплыл нарком внешней торговли, товарищ Красин — залихватский суворовский хохолок на макушке, бородка (странно, само словосочетание «бородатый большевик» казалось Сергеем нелепым), немного забавные острые уши... Нет, не Сталин...

За ним — товарищ Шейман Арон Львович, нарком внутренней торговли. Сергей даже и фотографию смотреть не стал, и так понятно, что сей товарищ на роль Сталина «по профилю» не подходит.

Следом нашелся товарищ Рудзутак, который, несмотря на фамилию, на прибалта не был похож, в особенности бородой (а как же!). Трудился он наркомом путей сообщения. Не Сталин...

После Рудзутака Сергей понял, что немного тонет в этих неважных наркомах, встретить среди которых товарища Сталина было нереально: нарком почт и телеграфов товарищ Смирнов, нарком труда товарищ Шмидт (несмотря на фамилию, вполне

русская внешность, чем-то напоминал актеров из фильмов годов пятидесятых, и без бороды, как ни странно), наркомфин (финансов то бишь)...

При упоминании финансов Сергей подобрался — возможно, Сталин окопался именно здесь, деньги, как известно, правят... Ан нет. Наркомфин носил заковыристую фамилию Сокольников-Бриллиант. Представить Сталина с таким псевдонимом Сергей не смог. Да и на найденной картинке было видно, что у товарища с хитрой фамилией черная узкая борода и высокий лоб. Не похож...

Товарищ Куйбышев, глава хитрого ведомства — наркомата РКИ, или рабоче-крестьянской инспекции, — Сергея немного напугал. Внешностью Куйбышев крайне походил на Франкенштейна — здоровенная, просто огромная, квадратная челюсть, слегка безумный взгляд. Да и контора у него, судя по названию, особым человеколюбием не отличалась. РКИ, или Рабкрин, по словам Данилы, занимался проверками деятельности чиновников, выявлением бюрократов, финансовыми ревизиями... Увидев, что Сергея это заинтересовало, библиотекарь начал было рассказывать всю историю ведомства, но наш герой, уже понявший весь энтузиазм Данилы, остановил того как раз на словах: «Первым наркомом РКИ был...»

На Рабкрине список наркоматов Совнаркома СССР неожиданно закончился. Данила упомянул еще некий Высший совет народного хозяйства, ВСНХ СССР, который занимался вопросами промышленности. Сергей решил было, что это некий аналог министерства промышленности, только почему-то не входящий в структуру правительства. Но тут оказалось, что ВСНХ объединял различные тресты. Насколько Сергей помнил немногочисленные лекции по экономике (те немногие, на которых он присутствовал), трест — это форма монополии. Откуда в СССР взялись монополисты, да еще под управлением государства? В общем, ведомство было очень странным. Названия трестов тоже удивляли: «Главспичка», например. Представить людей, назвавших так собственное предприятие, Сергей не мог. И тут Данила его добил. Главой сей странной конторы оказался... Дзержинский!

Да-да, тот самый Феликс Эдмундович, которому по всем историческим законам положено было быть главой милиционеров и чекистов! А он промышленностью занимается! Что за бред?! Что происходит?!

Странные деньги, белогвардейцы-террористы, Сталин не у

власти, Дзержинский-промышленник! Что это значит?! Дзержинский должен быть главой этого... как его... НКВД, народного комиссариата внутренних дел. Стоп! А почему ни НКВД, ни вообще хоть чего-нибудь по внутренним делам в Совнаркоме нет?

Немного успокоившись, Сергей плюнул на конспирацию и начал трясти Данилу, требуя объяснений. Тот откровенно не понимал волнения Сергея. Ну Дзержинский, ну глава ВСНХ. Ну да, был он главой НКВД (ах, все же был!), и ЧК (ага, вот и чекисты!), и наркомом путей сообщения (что?), и главой комитета по борьбе с беспризорниками (что??). Что в этом такого-то?

Сергей потряс непонимающе головой. Дзержинский — промышленник и железнодорожник? И кто тогда сейчас глава НКВД, если не он?

Отчетливо вспомнились уроки истории из школы. Учительница истории, старая жаба, крайне похожая на Новодворскую всеми повадками, когда дошли до истории СССР двадцатых — тридцатых годов, прямо тряслась от злости. Кончилось тем, что ее надолго забрали в больницу с припадком, но цепочка «кровавых палачей Сталина» в мозг оказалась вбита надолго: Дзержинский — Менжинский — Ягода — Ежов — Берия. Значит, глава НКВД — Менжинский? Раз уже не Дзержинский? И почему НКВД нет в Совнаркоме? Данила, отвечай!

Данила ответил, что НКВД в Совнаркоме есть, только не в Совнаркоме СССР, а в Совнаркоме РСФСР. Тут Данила решил объяснить попонятнее: «В Совнаркоме Российской Федерации». Сергею чуть плохо не стало. ОТКУДА в двадцать пятом году взялась Российская Федерация? Может, там еще Путин у власти??

Данила медленно, как тупому, объяснил: СССР — это союз, Союз Советских Социалистических Республик, а РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, которая входит в состав СССР, как и другие пять республик: Украина, Белоруссия, Туркменская ССР, Узбекская ССР и Закавказская Федерация. У каждой республики — свой Совнарком. То есть свое правительство. Есть наркоматы общесоюзные, только в Совнаркоме СССР — НКВД, НКПС, наркомы по военным и морским делам, внешней торговли, почт и телеграфов. Есть наркоматы, которые есть и в союзном совнаркоме, и в республиканских: совнархозы (в Союзе — ВСНХ), наркомпрод, наркомтруд, наркомфин и Рабкрин. А есть наркоматы только

республиканские: то же НКВД, а также наркомюст, наркомпрос, наркомздрав, наркомзем...

Никакого государства под названием Закавказская Федерация Сергей не знал. К тому же он помнил, что республик в Союзе было побольше, чем шесть, но пока с географией он решил не заморачиваться. Тут с политикой бы разобраться... Может, Сталин (пока) — глава Совнаркома РСФСР? А потом поднимется до уровня СССР? Он затребовал от Данилы расшифровки всех наркомюстов и наркомземов. Пошли по второму кругу.

Главой Совнаркома РСФСР был опять-таки неизвестный товарищ Рыков с заместителями Каменевым и Цюрупой. Данила вспомнил, что товарищ Цюрупа был еще и главой Госплана. Сергей отмахнулся, продолжили дальше по персоналиям.

Наркомзем, то бишь народный комиссариат земледелия, возглавил товарищ Смирнов. Но не тот, что был наркомом почт и телеграфов. Тот был Иван Никитич, а земледельный — Алексей Петрович. Наркомюст, народный комиссариат юстиции — товарищ Курский, носивший богатые моржовые усы и круглую лысину. Народный комиссариат просвещения — товарищ Луначарский, судя по фамилии — соотечественник Феликса Эдмундовича, даже немного похожий на него, только в очках и лысый. Народный комиссариат здравоохранения и социального обеспечения — товарищ Семашко...

НКВД, кто глава НКВД?! Сергею хотелось быстрее разрешить эту загадку, некогда было слушать про главу собесов и пилюлькиных. По логике после Дзержинского должен идти Менжинский... Нет. Совершенно, ну просто абсолютно незнакомая фамилия.

Товарищ Белобородов. На вид молодой человек лет тридцати, с приятным лицом, безусый и безбородый для разнообразия. Даже странно, как он умудрился оказаться во главе такого кровавого ведомства. И уж тем более как жаба-училка не упомянула о нем. И где, в конце концов, Сталин? Все возможные правительства уже закончились.

Парламент! Парламентская республика!

Что, если советский аналог парламента (конечно, названный каким-нибудь Народным Съездом) главнее правительства? Точно этого Сергей не помнил. Что, если Сталин — как раз глава такого суперпарламента? Данила!

Парламент конечно же бывает только у буржуев. А вот

высший законодательный орган имелся — Всероссийский центральный исполнительный комитет. И председатель в нем был — товарищ Калинин. Судя по всему, это в его честь назвали Калининград. Внешностью Михаил Иванович напоминал доктора Айболита — круглые очки, борода, усы. Ему бы еще белый халат и фонендоскоп.

Так... Ну и что думать? Где Сталин-то? Сергей с тоской взял ближайшую газету. «Правда»... Центральный орган ВКП(б)... «Б» — это большевики... «В» — это вендетта... Большевики!

Ой, дурак... Перебирает правительство, ищет Сталина среди наркомов юстиции и земледелия. Большевики! Партия! Всем известно, что власть в СССР принадлежала кому? Правильно, большевикам! А у большевиков есть кто? Правильно! Вождь! То есть Сталин! Молодец, Вышинский!

— Данила, скажи, а кто у большевиков вождь?

Данила помрачнел:

— Нет больше вождя.

Оп-па...

— Умер Владимир Ильич еще в прошлом году...

А-а, он про Ленина... А кто на его месте?

Никого... Ленин был вождем, а это должность неофициальная, на нее не назначают. Управляет же партией орган под названием Политбюро.

Да-да-да, Политбюро, что-то такое припоминается... А кто в него входит?

В Политбюро входили семь человек. В принципе их всех можно было назвать вождями.

Бухарин. Ух ты, знакомая личность! На фото — забавно ухмыляющийся дяденька с клочком бороды и усами, очень похожий на какого-то комедийного актера из сериалов. Главный редактор газеты «Правда».

Зиновьев. Незнаком. Несмотря на русскую фамилию, типичная еврейская внешность. Взлохмаченные черные волосы, длинный нос... Председатель исполкома Коминтерна.

Сергей вздохнул. Большевистские шифровки уже начали напрягать.

— Данила, что это значит?

Исполком — Исполнительный комитет. Коминтерн — Коммунистический Интернационал, международная организация, объединяющая все (все!) коммунистические партии мира. И глава

всей этой мафии — товарищ Зиновьев. О котором Сергей даже не слышал. Вот это да...

Каменев. Незнаком. Взгляд доброго доктора, роскошные усы, небольшая бородка. Председатель СТО СССР. Блин...

— Данила...

СТО — Совет Труда и Оборона. Аналогий в современном мире Сергей придумать не смог. Орган, в случае войны подчинявший себе все другие учреждения... Ого! Вот именно во главе такой организации Сергей ожидал увидеть Сталина: глава СТО — готовый диктатор. Ан нет, не Сталин, товарищ Каменев... Ладно, кто там еще...

Рыков. Ну этого мы уже знаем, глава правительства, Совнаркома то есть. И на этом месте ожидался Сталин... Кто там пятый?

Пятый... Крупный грузинский нос... Пышные усы... Кепка-фуражка... Сталин...

Сталин. Сталин. Сталин.

Вот он. Наконец-то...

Неожиданно Сергей обрадовался товарищу Сталину, как вновь обретенному родственнику. В принципе-то Сталин был здесь наиболее близким ему человеком: все друзья и знакомые еще не родились, родственников (прабабушек и прадедушек) Сергей не знал, никто из известных личностей ему незнаком, разве что смутно и понаслышке. Остается только Сталин, про которого Сергей уже отчаялся услышать. Даже начал подозревать, что угодил не в прошлое, а в альтернативную вселенную, в которой нет Сталина. А он — вот он. И даже среди вождей... Кстати, а кто он по должности-то?

Сталин — генсек! Да! Точно! Генсек — значит, главный в партии. В ООН же генсек — это главный, правильно? Значит, и у большевиков так же! Правильно, Данила?

Так. Стоп. Данила утверждает, что в партии главы нет, управляет ею Политбюро, а генсек — сокращенно от «генеральный секретарь»... Это и так понятно! Почему он не глава партии?!

Ага...

Сталин никакой не глава партии. Генеральный секретарь — всего лишь глава Секретариата ЦК. А Секретариат ничем не управляет, занимается исключительно второстепенными вопросами, типа подбора кадров, организации съездов, бумаготворчества и тому подобного. То есть практически Сталин

— глава отдела кадров и канцелярии, а это не те должности, в которых можно претендовать на власть.

Сергей вспомнил начальницу отдела кадров в фирмочке, где он работал, — громогласную вредную тетку. Менеджеры перед ней лебезили, но никакого влияния в фирме у нее не было. Вообще кадровик, как всегда казалось Сергею, — должность женская, особого ума не требующая. И на таком заштатном месте — Сталин? Сталин, который уже год как должен прийти к власти? Что за бред?

Ладно, сказал себе Сергей, успокоимся. Ведь товарищ Сталин все-таки в Политбюро, а туда кто угодно бы не попал, правильно? Здесь наверняка только люди, имеющие влияние и власть...

Ага, например Бухарин — редактор газеты. Офигенная власть.

Кстати, кто там еще остался из членов?

Томский. Незнаком. Неприятная личность, с зализанной челкой и нехорошим взглядом. Хотя усы и обычные, а не квадратиком, но почему-то возникли ассоциации с Гитлером. Как выяснилось, глава ВЦСПС — лидер советских профсоюзов, отчего неприятное впечатление только усилилось. С российскими и советскими профсоюзами Вышинский не сталкивался (бог их знает, чем они там занимаются), поэтому цепочка возникла следующая: профсоюзы-Америка-мафия.

Троцкий. Троцкий?! Ну да, узкая козлиная борода, лохматые волосы, небольшие очки — тот самый товарищ Троцкий, который якобы был смертельным врагом Сталина, конкурентом в борьбе за высшую власть. И вот они оба преспокойно работают бок о бок...

Правда, насчет преспокойно Сергей немного погорячился. На просьбу рассказать о роли Троцкого Данила замялся и пояснил, что товарищ Троцкий уже не совсем товарищ, в частности возглавляет некий уклон в партийной политике, расходящийся с общим направлением советского строительства... Короче, Троцкий попер против большинства, в результате его повытолкали со всех должностей и не сегодня завтра выпрут из Политбюро. Пост, который занимал Троцкий еще в начале года, тоже оказался для Сергея неожиданностью — военный министр, в смысле наркомвоенмор.

Итак, подведем итог. В Политбюро находятся: редактор газеты, лидер всех коммунистов мира, потенциальный диктатор,

глава правительства СССР, начальник партийной канцелярии, то бишь Сталин, профсоюзный лидер и безработный по фамилии Троцкий. Если бы Сергея спросили, на кого бы он поставил в борьбе за лидерство, то Сталин бы оказался пятым в списке. Хуже, чем у него, шансы были только у Бухарина и Троцкого. Даже у профсоюзного Томского была весомая поддержка. А что у Сталина? Только его Секретариат.

Сергей встряхнул уже немного гудевшей головой. Так сразу загадку Сталина не решить, нужно хорошо подумать.

Спина уже ныла. Сколько же времени Сергей провел в библиотеке? Солнце опустилось по-вечернему низко, пора идти обратно в Козью Гору. Иначе есть риск часть пути пройти в темноте и наткнуться на злых волков или не менее злых белогвардейцев-террористов.

Сергей тепло распрощался с Данилой. Судя по тому, что в библиотеку за полдня не зашло, кроме Сергея, ни одного человека, чтение не было популярно среди жителей Загорок. А тут такой благодарный читатель и слушатель.

Проскочил мимо двери начальника Павла, вышел на крыльцо. Да-а... Пора, пора домой.

Сергей подхватил палку-меч, оставленную у крыльца, повернулся в сторону Козьей Горы... Вот растяпа!

Забыл! Забыл, зачем вообще приходил в Загорки! Колдунья Алена! Артефакт!

Нужно срочно убираться из этого мира. Сергей все понял.

Это НЕ ПРОШЛОЕ.

У власти не Сталин, а некий Рыков, Дзержинский — министр промышленности, вместо рублей ходят червонцы, большевики спокойно относятся к церкви, через эстонскую границу переходят террористы, да не просто террористы, а белогвардейцы, хотя война уже три года как закончилась... Польские концлагеря, казаки-садисты, святой Илья Муромец.

Ничего этого в прошлом Сергея не было. А значит...

Он в параллельном мире. Альтернативная история.

Сергей лишился единственного преимущества провалившегося в прошлое — знания того, что будет. Теперь все, что он знает о будущем, — то, что умрет своей смертью. И то, если верить батюшке Йоде. Невеликое преимущество.

Нужно срочно найти бабку Алену. Раздобыть, выпросить, отобрать артефакт (думать о том, что у нее его нет, Сергей не

хотел) и срочно, сегодня же отправляться обратно в будущее, вернее, в свой мир, где не нужно вкалывать с утра до вечера, где можно просто жить.

Без предзнания Сергей превращается в того, кем, собственно, и являлся всю жизнь, — неудачника и лентяя. Любой из местных жителей — и пасечник Никитич, и безногий Данила — умнее его хотя бы потому, что лучше знают здешний мир. Разве можно без сведений о мире, без знания традиций, обычаев, суеверий, правил, законов и порядков, разве можно на таких условиях стать кем-то, кто будет лучше местных жителей. Посмотри правде в глаза, Сергей, здесь ты всего лишь сектант, способный только работать батраком у крестьян. «Сяктант Сярежа», который постоянно огребает по лицу.

Сергей свернул в узкий проулочек между двумя заборами, из-за которых торчали ветки кустов, и остановился. Фингал под глазом болезненно напомнил о себе.

Те самые парни, которые орали перед церковью: «Не надо нам монахов!» — прижали к забору девчонку лет четырнадцати. Нет, не с пошлой целью полапать, девчонку даже не трогали. Однако от этого ситуация остроты не теряла. Вероятно, собирались бить.

Парни обступили свою жертву полукольцом, так что вырваться она могла, только растолкав их. Судя по интонациям, доносившимся до Сергея, девчонке предъявлялись некие претензии, от которых она активно отбрехивалась. Пока удачно. Однако рано или поздно, когда парни исчерпают аргументы, им придет в голову, что перевес в грубой физической силе гораздо лучше любых слов доказывает их правоту.

Глаз дернулся еще раз, предупреждая хозяина, чтобы не вздумал вмешиваться. Синяк был достаточно велик и красив и не хотел ни меняться в сторону увеличения, ни приобретать близнеца под вторым глазом.

Сергей на ватных ногах тронулся в сторону пока не замечающей его компании.

— Ну и что? — уперла руки в боки девчонка, наседая на заводилу Рыжего.

Невысокая, пухленькая, курносая, с косой, торчащей из-под косынки, она выглядела как множество краснощеких девушек из советских фильмов о сельской жизни. Ей бы еще деревянные вилы в руки.

— Что вы мне сделаете? А?

— Смотри, — закипал Рыжий, — мы тебе сказали, перестань...

— А то что? Ты-то мне ничего не сделаешь...

Рыжий не выдержал и потянулся к ней рукой.

— Руки убери! — отшатнулась девчонка. — А то будешь у меня всю ночь свой дом искать...

— Ах ты...

— Рябята, а давайте ей хвост оторвем! — высунулся из-за спин дружков Губатый.

Сергей кашлянул. Компания быстро обернулась.

— А-а, — протянул Рыжий, — сяктант...

«А я предупреждал», — напомнил фингал. Заныли ребра.

— Я пройти хочу, — уточнил Сергей.

— Прой-ти? — Компания нашла более удачный предмет для развлечения. — А сяктантам у нас в Загорках делать нечего!

Девчонка могла сбежать, но не стала:

— А ну отстаньте от няго!

Рыжий отмахнулся, медленно приближаясь со своей свитой к Сергею.

Сергей перехватил поудобнее палку-меч. Отмахаться от семи человек... Может, проще дать деру?

Вожак увидел движение Сергея:

— Ня балуй... — Он картинно полез за пазуху и резко выхватил...

Попытался выхватить. Что-то запуталось в одежде. Сергей хотел подойти поближе, Рыжий задергался, как рыба на крючке, и наконец-то достал, что хотел.

Револьвер. Еще одну точную копию того, что лежал в котомке у Сергея.

— Ня подходить!

Сергей замер. Да что это такое, все с оружием! Большевики оружие у населения не любили!

«Альтернативка...» — шепнул некто бестелесный.

Рыжий, увидев замешательство противника, приободрился:

— Ну что, сяктант, испугался?

А ты подойди чуть поближе, смельчак...

— Ну и что здесь происходит? — раздался за спиной Сергея ленивый голос.

Рыжий побледнел, даже веснушки выступили. Сергей

медленно обернулся, пытаясь не выпускать из виду Рыжего, даже глаза чуть в стороны не разбежались.

У входа в проулок стоял Дзержинский. Сергея чуть кондратий не хватил.

Натуральный Дзержинский, в точности как стоял на площади: высокий, худой, с бородкой клинышком, в фуражке. Только вместо шинели — подпоясанная узким ремешком гимнастерка без погон. На груди — три полосы светло-красного цвета. На рукаве — следы от споротых нашивок (длинная, узкая — от обшлага к локтю, в виде ромба — над локтем).

В руке — пистолет.

— Что здесь происходит? — размеренно повторил Дзержинский.

— А... мы... это... — начал объяснение Рыжий.

Зашуршали кусты: Губастый, а за ним еще двое перескочили через забор и дали деру.

Взгляд бесцветных рыбьих глаз незнакомца — Сергей уже понял, что это не Дзержинский, просто похож — обежал Сергея, Рыжего, притихшую компаньшу и остановился на девчонке.

— Все вон.

Компания борцов с религией (может, девчонка — внучка батюшки?) послушно двинулась мимо Сергея к выходу из проулка. Ствол пистолета уперся в грудь Рыжего.

— Оружие.

Рыжий опустил револьвер в протянутую ладонь и скрылся.

— Все вон.

Пистолет смотрел на Сергея. Тот начал медленно отступать, мимо девчонки. Потом повернулся и быстрым шагом — насколько он мог быть быстрым — двинулся подальше от закутка с непонятными разборками. Только успел ухватить кусочек разговора:

— Что ж это вы, гражданка Выреева, в неприятности встречаете? Ведь вам предлагалось...

— Сто раз вам, товарищ Вацетис было говорено: нет. Ницего вы от меня не полуците...

Сергей свернул за угол. Интересно, это кто был, местный участковый? А что это он от девчонки требует? Да ну их всех! Живите сами, без меня! Мне дайте только до колдуньи добраться!

Сергей шел по узкому, постоянно петляющему проулку. Мысли, взбудораженные несостоявшейся дракой, а также чудесным

явлением двойника Дзержинского, успокоились и вернулись обратно к загадке Сталина.

Насколько Сергей помнил — альтернативная история не была его любимым жанром, — должно быть только одно допущение, отличающее наш мир от этого. Здесь, судя по всему, такое допущение — Сталин не у власти. Надо было лучше учить историю! Хотя бы смог понять, почему, что произошло. А так Сергей даже не мог припомнить, как Сталин сумел взять власть после смерти Ленина.

Заборы кончились, проулок превратился просто в тропинку, петляющую между кустами. Широкая тропка — видимо, народ частенько бегают к колдунье.

Ладно, бог с ним, со Сталиным. Сейчас Сергей увидит колдунью... Живую.

Колдунья опять предстала в мыслях Сергея в образе рыжеволосой ехидной ведьмы. Брр! Ведьма постарела, поседела, сгорбилась и превратилась в Бабу-ягу. Да блин!

Тропинка вышла к дому, стоявшему почти за пределами деревни, посреди мощных зарослей ольхи. Дом бабки-колдуньи. Единственный в Загорках с высоким забором, сколоченным из досок.

Мощные ворота выглядели так, как будто их не открывали уже пару лет. Сергей остановился.

Ну что встал? Давай проходи. Ты же хочешь вернуться назад?

Сергей стоял. Даже возможность драки с местными гопниками не так пугала, как встреча с настоящей колдуньей.

Весело читать фэнтези, где магия и колдовство — обычное дело, где языкастые ведьмы так забавно издеваются над окружающими. Читать про то, как кого-то превратили в лягушку или подпалили фаерболом, — смешно. А самому оказаться перед такой перспективой?

Неизвестное всегда пугает. Сергею было страшно.

Давай, трус! Иди же.

Он стоял.

Ну!

Сергей глубоко вздохнул и двинулся к калитке. Потянул за кольцо...

По законам жанра должен был раздаться зловещий скрип, однако калитка открылась бесшумно. Или колдунья смазывала

петли, или сюда ходили слишком часто...

Небольшой дворик. Справа — дом, вполне себе крепкий, вовсе не покосившаяся избушка. Слева — сарай под низкой крышей. По двору гуляет несколько кур, деловых, как дворники-гастарбайтеры. Прямо — сарайчик и навес над узким проходом, видимо, к огороду.

Дверь в дом подперта метлой на длинной, отполированной руками палке. Наверное, хозяйка часто летает на ней на шабаш...

Сергей осторожно шагнул к крыльцу...

Гав.

Сергей замер.

Из будки вылез небольшой пес, грязно-белый, лохматый, как вязаная мочалка. Без цепи.

Съесть не съест, но и быть покусанным — мало приятного...

Пес уселся, посмотрел сквозь лохмы на застывшего Сергея. Начал шумно чесаться.

— Привет, — тихонько сказал Сергей.

«Гав», — дружелюбно отозвался пес, полез в свою будку, где и вытянулся во всю длину.

Напугал, чер... зверюга...

Сергей поднялся на крыльцо, протянул руку к метле... Задумался.

Во-первых, метла колдуньи — не та вещь, которую можно трогать руками. Во-вторых...

Скажи-ка, герр Вышинский, как, по твоему мнению, колдунья подперла дверь, находясь в доме? Или она приставила метлу, а потом пролезла в окно? Типа, чтобы никто не беспокоил?

Хозяйки нет дома.

Сергей сел на крыльцо. Интересно, куда она скрылась? С другой стороны, бабка Алена не подряжалась сидеть дома безвылазно. Даже ведьмам иногда выходить в люди. Ну, например...

Сергей задумался над тем, что такое могло понадобиться ведьме, что выгнало ее из дома.

Молока, например, купить. А что, ведьмы тоже люди и наверняка любят попить свежего парного молочка.

С шумным сопением подошел и уселся рядышком давешний пес. Сергей машинально почесал ему загривок. Пес тут же признал его хорошим человеком и завалился на спину: мол, чеши еще и пузо.

— Вот где твоя хозяйка ходит? — спросил Сергей урчащего от удовольствия пса.

Собака подняла голову, посмотрела на Сергея — того пробила пугающая мысль, что она ответит, — и уронила башку обратно.

— Тебе цего?

Сергей вскочил: в калитке стояла давешняя девчонка, отбивавшаяся от парней.

— Цего надо? — двинулась она на Сергея.

Как-то не пришло в голову, что бабка-колдунья может жить и не одна, с внучкой.

— Я... это...

— Ты кто такой?

— Я Сергей...

— Какой еще Сергей? — Девчонка наскакивала на него, как несущка. Курица с цыплятами уже один раз попалась. Никогда бы не подумал, что кандидатка на гриль может быть такой боевой: еле убежал.

— Я... это... из Козьей Горы.

— А-а, сяктант... Цего тябе тут нужно?

— Мне Алена нужна.

— Ну я Алена. И цто?

Блин, фантазии у бабки не хватило, и она назвала внучку своим же именем.

— Да мне не ты, мне бабка Алена нужна.

— Какая яще бабка?! Нет здесь никаких бабок, я одна живу! Как одна? А разве...

— А мне сказали, здесь живет эта... ну...

— Цто ну? Где ты коня видишь?

— Ну... которая колдовать умеет...

— Колдовку, цто ли, ищешь?

— Ну... да...

Современному человеку очень и очень неловко признаваться в том, что он ищет колдунью. Даже если он и правда ее ищет.

Девчонка, прищурившись, посмотрела на Сергея:

— Я колдовка.

Колдовка? Девчонка?

А действительно ведь никто не говорил, что Алена — бабка, это Сергей сам решил. Но... Девчонка?

— Цего стоишь? Ко мне пришел?

— Д-да...

Девчонка хотела что-то добавить, но осеклась, обошла Сергея и присмотрелась к нему:

— Постой. Это ты хотел мне помочь, когда ко мне эти хальники прицапились, как ряпей к собацъему хвосту?

Гав. Пес подтвердил, что репей к хвосту — неприятно.

— Ну... да.

— Ладно, — подобрела Алена, — пойдем в избу.

Внутри изба была похожа на обычную, деревенскую: беленая печь в углу, стол, лавки, половики. Иконы в углу... Иконы? У колдуньи?

Все страньше и страньше...

Сергей присел на лавку.

— Ну, — Алена всунулась в печь и чем-то там гремела, — цего принес?

А ведь правда, наверное, за консультацию надо платить...

— Ницего... Ничего. Я не знал, что нужно...

— Ой, приторчень... — Алена повернулась к нему. — С цем пришел? На мяня посмотреть?

Сергей действительно смотрел на задик Алены, который плотно обтянуло юбкой, когда она наклонилась к печи. Но она-то откуда знает?

— Я не смотрю!

— Пришел зацем? — устало вздохнула девчонка.

Сергей задумался. Его идея с поиском артефакта несколько поблекла и показалась несерьезной. Одно дело — искать его у старой колдуньи и совсем другое — рассказывать о нем девчонке, которая по возрасту где-то на уровне семиклассницы.

— Я... спросить хотел... Мне одна вещь нужна...

— Весць? — Лицо Алены налилось краской. — Весць?! Тябя этот цухонец подослал?! А ну пошел вон! А то проклянну!

— Нет! — Сергей шарахнулся. — Никто меня не присылал!

— Тябе моя книга нужна?! — наседала Алена. — Книга?!

— Нет! Нет! — Сергею казалось, что в избе потемнело. — Мне другое нужно!

— Другое? — Алена медленно успокаивалась, лицо светлело, вместе с ним светлело в избе. — А что?

— Я хотел спросить, нет ли у тебя... или, может, ты знаешь, где найти...

Сергей, как сумел, описал Алене артефакт. Та задумалась:

— Медный? Хм... А почему ты меня спрашиваешь? Ты же ко мне из Козьей Горы пришел, почему других не спросил? Или думаешь, в ней сила колдовская?

Алена быстро ухватила суть вопроса.

— Да.

— А почему так думаешь?

Сергей замялся:

— Я... я не думаю. Я знаю.

— Что эта вещь делает?

Вот как объяснить? Современному-то человеку расскажешь, который знает о параллельных мирах и путешествиях во времени, и то подумает, что ты сумасшедший. А деревенской девчонке, которая и книг-то не читала... Хотя... Какую это книгу у нее выпрашивает «цухонец», надо полагать, рыбаглазый товарищ с латышской фамилией? Уж не колдовскую ли?

— Цего она делает-то?

Упростим вопрос, не будем упоминать о параллельных мирах, их концепцию не каждый ученый поймет. Особенно в изложении Сергея.

— Она... она... во времени позволяет путешествовать...

— Это как?

Ожидаемый вопрос... Хотя Алена не очень-то и удивилась. Вопрос чисто деловой.

— Ну... вот сейчас двадцать пятый год... а если приложить руку к нему, то вокруг будет не двадцать пятый, а тысяча восемьсот сороковой...

Алена задумалась:

— В прошлое попадешь?

— Ну... да.

Быстро схватывает...

— Можно будет прабабку молодой увидеть?

Сергей как-то не задумывался над такой точкой зрения на попадание в прошлое. Для него, как и для многочисленных героев книг, попасть в прошлое — в первую очередь шанс изменить это самое прошлое. Встретиться со Сталиным, Петром Первым... Кем там еще? Увидеть собственных деда с бабкой никому — и Сергею — в голову не приходило.

— Ну... да.

Алена немного подумала и быстро спросила:

— Как он работает?

Неужели знает? Надежда, умершая было при виде девчонки, снова проснулась.

— Кладешь ладонь, и все.

— И все?

— Да.

— Обманули тебя. Не колдовская это вещь.

Как не колдовская?

— А какая же?

— Волшебная.

— Какая разница?!

— Разница, что колдовство — в жизни, а волшебство — в сказке.

— В какой сказке, если я сам ее видел!

— Видел?

— Да...

— погоди. Видел... А где?

— Да...

Да здесь, в Загорках, и видел. Сто лет вперед. Восемьдесят пять.

— Там.

— Видел? И действует?

— Да.

— Мама мне рассказывала... — медленно проговорила Алена, — что сейчас волшебство только в сказках, а вот раньше, давным-давно, делали люди волшебные вещи. Делали, да от других людей прятали.

В землю закапывали... Сергей все понял. Алена не видела артефакта, он лежит здесь, под землей, с тех самых давних пор. Все пропало.

Надежда умерла.

— А чем тогда колдовство от волшебства отличалось? — вяло спросил он, уже не желая ничего знать.

— Для колдовства работать нужно, а волшебство само собой делается. Сейчас только колдовство осталось.

Блин, даже для магии здесь нужно работать... Что за мир... Что за время...

— Не расстраивайся, Ся... Сярежа. — Алена погладила его по плечу. — Я же не волшебница, просто знахарка, от мамы покойной умение досталось. Хочешь, я твою наклейку убяру?

Она указала на синяк под глазом. Сергей молча кивнул.

Алена достала с полки маленький горшочек и начала размазывать под глазом Сергея сильнопахнущую мазь, приговаривая: «Скакал конь по мосту, в запредельну сторону...», дальше пошло неразборчивое.

— Все. — Алена закончила.

Сергей пощупал. Фингал был на месте.

— Все тебе сразу нужно, экий ты нетерпеливый. Сойдет быстрее. Все, иди, расселся тут.

Алена, похоже, прятала за грубоватостью неловкость от невозможности помочь. Но Сергею было не до психологии. Он вышел из избы и побрел в сторону Козьей Горы.

«Гав», — попрощался лохматый собак.

— Гав, — прошептал Сергей.

Он не сможет выбраться отсюда. Никогда.

Ни-ког-да.

Сергей не запомнил, как добрался до Козьей Горы. На приветствие Никитича пробормотал нечто неразборчивое даже для самого себя и завалился спать.

* * *

Проснулся Сергей разбитым. Недосыпание у него, похоже, начало превращаться в традицию.

Хозяин, напротив, был до отвращения бодрым.

— Доброе утро, Сярежа!

Никитич отхлебнул чаю с блюда.

— Как спалось, цего во сне видялось?

— Ничего, — вздрогнул Сергей.

Вспоминать сегодняшние кошмары не хотелось. Сначала ему снился Андрюха, который опять, как днем, шел на него с револьвером. Вот только во сне у Сергея не было верной палки и вместо того, чтобы дать отпор, он пятился назад, что-то беспомощно мямля. Андрюха кривился в усмешке и внезапно стрелял ему в живот. Сергей вскрикивал и просыпался, чувствуя тугие толчки пуль. Потом опять появились мертвые беспризорники. И Сергей опять просыпался с криком. Уже под утро начала сниться и вовсе всякая ересь. Появлялся Командир — главарь белогвардейцев, шипел кому-то невидимому: «Убей его» — и расплывался в тусклой темноте сна. Бесконечной вереницей

неслись люди, все как один целившиеся в Сергея из револьверов и пистолетов, среди них мелькнул даже вчерашний прибалт псевдо-Дзержинский, схватил в охапку колдунью Алену, расхохотался и исчез. Шевелил огромными тараканьими усищами товарищ Буденный, Сергей нырял в чернильно-мутную реку, в него стреляли, но он упорно плыл куда-то, наконец вынырнул и наткнулся на товарища Сталина, молча грозившего ему трубкой. Нет, вспоминать такой сон Сергею не хотелось.

— Ничего не снилось.

— Ницего — это хорошо, — кивнул Никитич. — Это очень хорошо. Ну цто, раз проснулся, нужно за работу приниматься.

— Ага, — вяло согласился Сергей, вспомнивший вчерашний день.

Нужно приниматься за работу. Каждое утро. Весь остаток жизни. Потому что отныне это — твоя жизнь. Работа — сон, сон — работа. Выхода нет. Как он вообще поверил в то, что сможет найти здесь магов? Магов! У большевиков!

Для полного счастья судьба, закинувшая его в это время, не только лишила его пути назад, но и знаний о будущем. Потому что, мать-мать-мать, это не прошлое!

Нет, конечно, с альтернативкой ему еще повезло: у власти не Сталин, а другие большевики, более адекватные, по крайней мере, судя по терпимости к церкви. Сергей хотя бы мог не бояться, что его расстреляют, как шпиона.

Даже прорвись он к Сталину, что он сможет ему рассказать? Что война начнется...

Сергей вспомнил, что вчера было воскресенье, двадцать второе июня. Ровно шестнадцать лет до начала войны. Интересно, а будет ли война в этом мире? И какой она будет?

Плеться с косой за Никитичем, рассуждавшим о том, что скоро зацветет липа и нужно будет таскать ульи поближе к местам цветения, Сергей размышлял о войне.

С одной стороны, раз у власти не Сталин, значит, не будет расстрелов полководцев. Тухачевский — Блюхер — Гамарник — Якир — Уборевич, блин, вот ведьма старая, вспомнил Сергей свою историчку. Она так яростно перечисляла жертв Сталина, что они даже запомнились. Если здесь они останутся живы, значит, война может пойти более успешно для России. Точнее, для СССР.

С другой стороны, раз Сталин не получил власть, то кто сказал, что в Германии правит Гитлер? Может, суть альтернативки

в том, что Великой Отечественной просто не будет? Интересно, знает ли Никитич о Гитлере?

— Анисим Никитич, — обратился к хозяину Сергей, — а ты случайно не слышал о Гитлере?

— Гитрел? Это кто?

— Да нет, Гитлер. Немец такой.

Никитич задумался:

— Немец? А где он живет?

— В Германии.

— Гярманский немец? Нет, тогда ня знаю.

Ну, незнание Никитича — не аргумент. Он и фамилию Рыкова — нынешнего правителя СССР — не помнит...

* * *

Косили до самого вечера. Если Никитич человек привычный и для него это особого труда не составило, хотя рубаха и промокла от пота насквозь, то Сергей к концу дня держался на чистом упрямстве.

Давай, слабак, давай работай! Это теперь твоя жизнь! Терпи!

Мозг, не желавший такого счастья, подкидывал одну гениальную мысль за другой. То размышления о том, что Алена не специалист и могла ошибиться, что таких вещей, как артефакт, сейчас нигде нет. Может, стоит поискать еще колдунов? Поопытнее?

Или приплывала мысль о том, что, может быть, это все-таки не альтернативная история. Вдруг Сталин со дня на день готовит переворот, в ходе которого и придет к власти? Хотя логика подсказывала, что в этом мире слишком много отличий от реальности Сергея, чтобы это и вправду оказалось его прошлым. Те же червонцы, например.

— Никитич, — спросил Сергей, когда они присели отдохнуть под деревом, — что за деньги червонцы?

— Цервонцы? Хорошие деньги. — Никитич отхлебнул воду из фляги. — Золотые. Раньше при царе их выпускали, сякас большевики печатают. Их, говорят, и за границей принимают. В Англии, во Франции, в Италии... В Эстонии хорошо бярут...

Скажи это, например, Данила, Сергей принял бы за большевистскую пропаганду. Но Никитич-то — человек деловой.

Советский червонец — конвертируемая валюта. Какое еще нужно доказательство того, что это — альтернативка?

Можно, конечно, взять трофейный кошелек с теми самыми червонцами и уехать в город. И что? Что ты в городе будешь делать? Без документов? Да первый же попавшийся мент сразу заметет. Пусть времена здесь немного полиберальнее, чем в нашем мире при Сталине, однако уж всяко пожестче, чем в двадцать первом веке. Тут наверняка и в поезд без паспорта не сядешь. Так что жить тебе здесь, Сярежа, до самой смерти. Или до войны.

Продолжай косить.

Дома, после работы, Никитич скинул рубаху и ахнул на себя ведро воды из колодца:

— Уах-ха-ха! Сярежа, остудись, если хочешь.

Сергей вздрогнул при одном взгляде на ведро. Вода, скорее всего, ледяная... Простудиться можно... А почему нет?

Что я теряю? Простуда? Ну и что?!

Сергей снял рубаху, взял ведро, крикнул — тяжелое, деревянное — и опрокинул на себя.

— Уах-ха-ха!

От холода даже сердце чуть не остановилось. А потом все тело накрыла горячая волна. Сергей почувствовал неожиданную бодрость. Казалось, можно вернуться и покосить еще столько же.

Ну вот, а ты боялся...

Никитич прищурился и осмотрел своего «плямаша». Тощий, как хворостина, все ребра наружу, живот впалый. В чем только душа держится... Подкормить бы его, да нечем.

Ночью, перед тем как уснуть, Сергей решил: жить в деревне он не хочет. С такой работой он и до войны-то не доживет. Значит, нужно уезжать. Чуть попозже.

В глубине души Сергей чувствовал, что не сможет уехать: здесь тяжело, но уже привычно — за две-то недели. Еще немного — и он не захочет ничего менять. Но планы строить не прекращал. Как и всю свою жизнь.

Во-первых, нужно в следующее воскресенье уточнить у Данилы насчет Гитлера: у власти, не у власти, есть ли здесь вообще такой. Может, ближе к сорок первому году нужно будет перебираться куда-нибудь за Урал. Чтобы война не достала.

Во-вторых, узнать насчет паспорта. Как можно получить, какие справки собирать, может, заплатить кому.

В-третьих, раз уж здесь все с оружием, может, научиться

стрелять. Револьвер есть. Никитич похвалил за то, что накостылял Андриюхе, и, взглянув на Сергеев трофей, определил его как наган. Так вот ты какой, северный олень... Патронов всего семь штук, но вдруг удастся достать еще немного и научиться стрелять? Дело нужное.

Сейчас револьвер лежал вместе с мечом. Старинное оружие и современное. Как символ чего-нибудь? Господи, какая чушь в голову лезет...

В-четвертых... В-четвертых, решил засыпающий Сергей, нужно будет еще раз сходить к Алене. Может, она все-таки знает хоть кого-нибудь из своих коллег, кто даст Сергею наводку... На водку... На пиво...

Во сне приходили беспризорники.

Сергей вскрикивал и просыпался, чувствуя боль в животе в том месте, куда угодили шилья.

Сколько он выдержит?..

* * *

Тук!

Нож мелькнул черной рыбкой и вонзился в столб.

А, ч-ч...

Блин.

Как ругаться-то?!

Сергей подошел к столбу и дернул нож. Еще раз дернул.

Нож пискнул и вытащился.

Нет, так не пойдет. Нужно или бросать с меньшей силой, или найти другую мишень. Например...

Сергей скрутил из сена толстый, плотный жгут. Сложил пополам, перевязал обрывком бечевки.

Вот.

Мишень больше походила на странноватую куклу. Сергей покрутил ее, отделил два пучка и перевязал их травинкой. Пучок приобрел две расставленные в стороны руки и стал похож на макет пугала из американских фильмов ужасов. Даже жутковато.

— Надеюсь, ты ко мне приходишь во снах не будешь. — Сергей установил мишень на землю у основания заборного столба, отошел в сторону...

Шухх!

Нож воткнулся точно в «голову» куклы. Отлично.

Шухх!

Отлично.

Метать ножи у Сергея всегда получалось хорошо. Лишний аргумент не повредит.

Шухх!

Шухх!

Шухх!

В четверг Сергей проснулся как обычно — как стало обычно — с рассветом. Всю неделю они с Никитичем занимались сенокосом, он и сегодня планировал отправиться на луг. Запах свежего сена Сергеем уже опротивел и вызывал ассоциации не с сеновалом и румяными девушками-селянками, а с тяжелой работой, гудящими руками и насквозь пропотевшей рубахой.

Шухх!

Шухх!

Шухх!

Однако Никитич, увидев выползающего с сеновала батрака, хлопнул его по плечу и сказал, что сегодня они, по всей видимости, повезут улы к липам. По народным приметам, деревья как раз должны расцвести. А для того, чтобы не тащиться зазря, Никитич отправился на разведку: вскинул на плечо свою походную котомку и ушел.

Вообще-то Сергей был в сильном сомнении, что Никитич на самом деле отправился к липам. Возможно, он пошел по своим таинственным делам.

Никитич не говорил, но по обмолвкам и намекам Сергей понял, чем зарабатывает на жизнь его хозяин кроме пасеки.

Жизнь крестьянина в Песковской губернии — да, до сих пор губернии, хотя большевики у власти уже восемь лет — тяжела и голодна. Сырой, холодный климат, бедная почва не позволяли вырасти ничему более-менее подходящему для пропитания в достаточных количествах. По словам Никитича, хлеб до революции приходилось покупать. Покупать! Хлеб! Крестьянам! А для покупок нужно что? Правильно, деньги. Которые, к сожалению, из земли не растут. А того, что растет, не хватает самому, не то что на продажу. Поэтому большинство песковских крестьян занималось так называемым отхожим промыслом. Несмотря на подозрительное название, он заключался в следующем: в свободное время, то есть чаще всего зимой, крестьяне изготавливали что-то на продажу. Корзины плели, горшки обжигали, печи клали, игрушки-свистульки

делали, гусей, лен выращивали, рыбу ловили, шкуры выделывали, в лесу охотились, свечи восковые лепили. В общем, не хочешь с голоду подохнуть — научишься крутиться. А Сергей всю жизнь думал, что крестьянский труд тяжелый, но тупой: ковыряйся в земле с утра до вечера и всего делов. А тут такой бизнес крутится, куда там всяким ЧП.

Ремесла, как Сергей понял, в основном делились по деревням и семьям. То есть в одной деревне проживают знатные горшечники, в другой, скажем — кожевенники или пивовары. В деревнях, кроме того, были люди, которые себе отдельное ремесло выбирали: кузнецы, портные, знахари. Старик Кузьмич, к примеру, печник. Никитич для себя выбрал ремесло пасечника.

Сергей, наверное, на его месте тоже бы пасечником стал. Работа не тяжелая, пасти пчел, как коров, не нужно, сена им запасть, как лошади — тварь прожорливая! — не нужно. Разве что ульи таскать к цветущим местам тяжеловато. И рой ловить, когда он вылетит. И мед выгонять из сот. И воск вытапливать. В общем, тоже не печенье перебирать, но все-таки полегче обычного крестьянского труда. По крайней мере, с медом, а не с навозом.

Мед свежий, еще теплый, Сергей попробовал. Никитич натянул на него широкополую шляпу с черной плетеной сеткой, — Сергей еще подумал, что в такой шляпе удобно банки грабить, никто не опознает, — открыл крышку улья. Пчелы оттуда вовсе не вылетели грозным жужжащим облаком, как в мультфильмах, ползали туда-сюда и взлетали только по своим делам. Никитич выпустил струю дыма из дыمارя — забавной штуки в виде банки с носиком и гармошкой. Пчелы попритихли, Никитич вытащил рамку с сотами, которые Сергей до этого видел только на этикетках в супермаркете, вырезал кусочек сот и протянул помощнику:

— Дяржи, Сярежа, попробуй. Мядок хороший, малиновый.

Сергей осторожно откусил. Мед был непривычный, светлый, практический белый, приятно пах и просто таял во рту. Нет, пасечником быть хорошо! А то, что пчелы кусают, так Никитич говорит, что это даже полезно. Если их не злить, то и не укусят.

Дурака и в офисе может током ударить.

А ч-ч...

Нож перерубил веревку «куклы» так, что та развернулась обратно в пучок сена. Пришлось вязать новую жертву.

Так вот, Никитич, судя по всему, был мужиком деловым, и

пчеловодство не полностью умирало его кипучую натуру. Как догадался Сергей, хозяин промышлял контрабандой.

После революции маленькая Эстляндская губерния превратилась в такую же маленькую, но очень гордую Эстонию. Пользуясь суматохой и бардаком, эстонцы сумели оттягать себе еще и часть России. Например, Печоры, которые испокон веков были русскими, а также Изборск, который вообще был одним из древнейших русских городов. Заодно прихватили и часть Песковской губернии.

Граница, которая раньше была где-то в сотнях километров, верст то есть (для крестьян Козьей Горы все равно что на Луне), внезапно оказалась буквально в нескольких часах пути. И если всем остальным этот факт ничего не говорил, то ушлый Никитич сразу почуял запах денег. Пусть небольших, но на спокойную жизнь и безбедную старость накопить можно.

Что он там таскал ночами через кордон — знания Сергея о контрабанде ограничивались наркотиками, — неизвестно. Навряд ли наркотики, сомнительно, что в СССР в двадцатые годы были известны героин с кокаином. Судя по оговорке с червонцами, Никитич промышляет золотишком...

Вот и сейчас, то ли он правда ушел смотреть на цветущие липы, то ли в нарушение собственных привычек отправился через границу днем. Так торопился, что даже не задал работу своему батраку Сяреже. Вот Сергей и решил вспомнить, как метать ножи. Места здесь иногда опасные, кто знает, вдруг да пригодится.

Как показали результаты тренировки, метров с пяти Сергей попадал в спичечный коробок в десяти случаях из десяти, если кидал с правой руки, и в семи случаях из десяти — если левой.

— И-ех! — Сергей отчаянно крутанулся на пятках и с силой метнул нож в стену погреба.

Тук!

Нож вошел как по маслу.

Надо же. Попал, куда целился, с расстояния метров в двадцать пять. Впервые в жизни. Отличный результат.

Вот только что толку от этих результатов, если почти любой может вытащить пистолет и пристрелить тебя!

Сергей подошел к лежащей на земле котомке и достал из нее револьвер. Покрутил барабан. Прищурился, прицелившись.

Синяк с глаза сошел на удивление быстро. Не прошло и трех дней. Неужели колдовство Алены подействовало? Неужели он все-

таки в мире, где магия есть?

Или просто все дело в мази?

Сергей опустил руку. Тренироваться в стрельбе нужно не во дворе. И не с семью патронами. Где, интересно, можно взять зарядов к нагану? Может, Никитич подскажет?

— Сярежа... — Хозяин возник, как демон по призыву. — Поедем! Зацвяла липа-то.

Эхма... Опять улы таскать.

Хотя улы с прошлого раза стали полегче.

— А куда едем-то?

— Да поцти к границе, — махнул рукой Никитич, — там лип много.

Поехали...

Может, ну его, этот город, подумал Сергей, трясясь в телеге, поживу у Никитича, поработаю. Тоже пасечником стану, или смогу придумать что-нибудь, ну или как-нибудь все само собой образуется.

* * *

Бац! Бац! Бац!

Сапоги белогвардейцев безжалостно пинали Сергея. Он скорчился на земле, чувствуя только удары. Кровь из рассеченной брови залила многострадальный левый глаз, он почти ничего не видел...

Бац!

Острая боль пронзила колено, в которое угодил сапог.

Бац! Бац! Бац!

Удары сыпались на парня, хрустнули сломанные ребра, несколько пинков угодили по голове, отозвавшись вспышками боли.

Бац!

Сильный удар. Избиение прекратилось.

Сквозь шум в ушах Сергей расслышал неразборчивые голоса. Уходят?

Он пошевелился, чуть не закричав от боли. Попытался открыть глаз. Стер ладонью кровь с лица, кое-как разлепил правый глаз...

Прямо перед ним были листья, трава. Бежал муравей. Пахло землей, нагретой на солнце.

Послышался хруст, у лица возник блестящий начищенный сапог.

Кирзовых нет, а хромовые есть, в диком несоответствии с ситуацией подумал Сергей.

* * *

Час назад Сергей с Никитичем приехали в рощу. Липа действительно уже расцвела, веяло тем самым запахом, который Сергей помнил еще со школы: у них во дворе росли липы.

Вытащили и расставили ульи. Открыли летки — отверстия в ульях, из которых выбирались пчелы. Те не заставили себя ждать: покинули свои жилища и цепочкой полетели в сторону цветущих деревьев, которые уже гудели от пчелиных толп.

Никитич уселся на пригорок в стороне от ульев — пчелы не любили табачного дыма — и закурил. Сергей присоединился, оторвал кусочек газеты, отсыпал табака из кисета, ловко свернул самокрутку. Закурил.

— Мед липовый, — завел рассказ о своем Никитич, — он самый полезный. При простуде, скажем, первое дело. Если живот болевой, опять-таки медом лецатся. На раны мажут, если порезался, заживают быстрее...

В общем, если верить Никитичу, медом можно лечить абсолютно все, от гриппа до СПИДа.

— ...если мед, скажем, каждый день есть, то все болезни отступят. Ницего болеть не будет: сердце, поцки, пеценка... Всю жизнь будешь здоровым. Пока, конечно, не помрешь...

Тут, правда, Никитич, мог служить живой рекламой чудесных свойств меда: за пятьдесят, при всей тяжести крестьянского труда, он выглядел как крепкий сорокалетний мужик. И здоров был, как конь: работал так, что загонял Сергея, который раньше считал себя вполне даже спортивным человеком. Это что же было бы, если б Сергей был простым менеджером?! Он вообще тут загнулся бы? Не смог бы справиться с работой, которую выполняет пожилой крестьянин?

Бред, но так и есть.

— А яще, — пел Никитич, попыхивая самокруткой, — хорошо водоцку с медом пить. Самогон тоже можно, но водка луцше. Опустить, значит, в стакан ложку меда, нальешь туда водоцки. Выпиваешь, а мед тебе сам в рот стекает...

Подлетела пчела, покрутилась, жужжа, возле Сергея и улетела, недовольная. Видимо, пчелы в самом деле не любят дым... Ай!

Еще пчелы не любят, когда на них опираются ладонью. Вот что эта пчелка делала в траве, где даже цветов нет, когда неподалеку — цветущая липа? Цапнула Сергея в ладонь и теперь подохнет: пчелы, как сказал Никитич, после укуса не выживают.

Сергей взглянул на саднящую руку: укус оказался неожиданно не особенно болезненным. Покраснение, в центре — черная точка.

— Жало вытасци, — лениво взглянул Никитич, — а то болеть будет, да вон...

Никитич сорвал стебель одуванчика:

— Молоком смажь, ня так болеть будет...

— Добрый день.

Сергей повернулся на голос...

И вскочил.

Неподалеку, под огромной старой липой, стояли четыре человека. В зеленых куртках-френчах, черных кепках. С винтовками.

Пусть бы так, Сергей уже понял, что в этой альтернативке с оружием ходят все, не только бандиты. И даже то, что эта группка блуждает по лесу, ничего не означает. Если бы не один из них.

Хриплый.

Помощник Командира — главаря белогвардейцев.

— Добрый день, Анисим. Хорошее ты место выбрал. Красивое. Если бы не Андрюха, и не найдешь...

Хриплый вместе со своими подручными приблизился к Сергею. Остановился вплотную.

— Скажи-ка мне, Анисим. — Хриплый, не отрываясь, смотрел в лицо бледнеющему Сергею. — Что это за племянничек у тебя завелся?

— Сестры моей сынок родной. — Голос Никитича был спокоен.

— А почему Андрюха говорит, что не было у тебя никаких племянников раньше? — Хриплый, казалось, пытается что-то высмотреть в глазах Сергея.

— Собака лает — ветер носит, — хладнокровно ответил Никитич.

— А почему это наша собака сейчас лежит со сломанной

рукой? — Голос Хриплого становился все более и более злобным. — Почему наш проводник после встречи с твоим племянником не может больше работать на нас?! А?!

Хриплый повернулся к Никитичу:

— У тебя в доме твой племянник тихий да смирный, в морду бьешь, даже не утирается, а стоило ему Андрюху одного поймать, как он тут же у него наган отнял и пальцы переломал? Ты знаешь, что из-за этого ублюдка у нас операция сорвалась?! Ты что, пасечник, красным проданся? Больше заплатили?!

— Да больше, чем вы, заплатить нясложно. — Никитич был спокоен. — Вы мне и вовсе ня платили.

— Значит, признаешься?! — Хриплый резко повернулся к Сергею. — Красный подсыл?

— Нет. — У Сергея ответить спокойно не получилось. Ноги отнимались, во рту был противный металлический привкус.

Сергей боялся, что его убьют. Кто бы не боялся?

— Да что ты с ним балакаешь? — подал голос один из подручных. — Шлепни и всего делов.

Хриплый потянул Сергея за бороду:

— Скажи спасибо, краснопузый, что господин капитан запретил убивать. Но паскудничать ты теперь долго не сможешь.

Удар был неожиданным. Сергей рухнул навзничь, глаз мгновенно залило кровью, казалось, ему в лицо влетел крепостной таран. Вышинский попытался подняться, но тут его начали бить ногами...

* * *

Блестящий носок сапога ткнул Сергея в разбитые губы. Может, Хриплый хотел, чтобы он поцеловал ему сапог, может, что-то еще...

Сергей не стал выяснять.

Он потянулся к сапогу — единственному, что видел, ухватился за него, вцепился и, насколько хватило сил, всем телом навалился, в последней отчаянной вспышке выворачивая ногу врага...

Сергей успел услышать хруст рвущихся связок, ревущий вскрик... Удар по голове.

Темнота.

* * *

Все болит, все...

Каждый вздох — как удар ножом под ребра. Голова раскалывается так, как будто ее бьют кузнечным молотом. Все, все тело наполнено пронизывающей болью...

Сергей застонал. Открыл глаза. Попытался открыть.

Не получается... Ничего не видно... Темно... Ослеп?

И почему так трясет?

Сергей лежал на твердых досках, которые тряслись под ним с громким топотом.

Топотом?

Что-то влажное прошло по лицу, стирая запекшуюся кровь. Медленно, отрывая каждую присохшую ресницу, открылся правый глаз.

Ярко-голубое... Небо...

Я лежу (пришла в несчастную голову мысль) на спине...

— Тшпру! Ня нясись, шаленая!

Лошадь... Лошадь... Телега... Я лежу в телеге... Меня везут... Кто? Куда?

Сергей попытался приподняться и охнул от боли.

— Ляжи, ляжи, Сярежа. — В узкий участок реальности, видимый полуоткрытым глазом, всплыло лицо Никитича. Под глазом пасечника на пол-лица расплылся огромный красно-черный кровоподтек.

Вспомнил... Белогвардейцы... Избили...

— Никитич... — прошептал Сергей. — Тебя... тоже...

— Да. — Несмотря на пострадавшее лицо, Никитич был вполне доволен жизнью. — А хорошо ты ногу-то Ягору повредил.

— Какому... Егору...

— Да казацку бывшему, тому, что этих шалапутов прывел.

Сергей вспомнил. Блестящий сапог, отчаянный рывок, крик...

— Что... нога...

— Да сломал ты яму ногу. В суставе выварнул. Долго яму теперь гопака не плясать.

Зачем мне вообще эта нога понадобилась?

— Почему... не... убили...

— Если правду говорить, они ряшили, что убили. Ты уже и дышать почти перестал.

Зачем мне понадобилась эта нога?

— Куда... едем...

— А в Загорки. К Алене тябя отвязу. Сильно тябе пряшлось, не справлюсь я с лецобой. Да и ня нужно тябе быть в доме, если они вдруг нагрянут. В Загорках — волисполком, там все вооруженные, да и мужиков в дяревне много. Туда ня сунутся...

Сергей прикрыл глаза. Глаз.

В голове поселились и боролись друг с другом две мысли.

Первая ругала Сергея за то, что тот напал на Хриплого. «Что изменилось? Вот что? Или ты думал, что сумеешь свалить его и прикончить? Избитый? Несмотря на еще троих? Зачем? Вот зачем ты это сделал? Хриплый уже перестал тебя бить, подождал бы немного, он бы и вовсе ушел. Зачем тебе понадобилась эта нога?

Вторая мысль вселяла странную, дурацкую гордость за свой поступок. Ведь разумом можно понять, что действительно ничего не изменилось бы, если бы Сергей не напал на Хриплого. Справиться с ним Сергей бы не смог, скорее всего, его бы просто пристрелили. Толку в нападении не было никакого. Абсолютно. Но Сергей все равно, стыдясь, в глубине души гордился своим поступком.

* * *

Телега закрипела, разворачиваясь. Сергей очнулся. Дорога до Загорок совершенно выпала из памяти. А он был в Загорках.

— Куда, ну куда вы яго привязали?! — возмущалась Алена, смутно различимая сквозь туман, который затягивал поле зренья.

— Алена, куда нам яго вязти? — слышался сквозь шум в ушах голос Никитича.

— Куда угодно! Зацем мне мертвяки в доме?

— Алена, побойся Бога. Он яще ня умер.

— То-то цто яще! А помрет, цто мне с ним делать?

— Алена! Не помрет! В жизни не поверю, чтобы у тябя человек помер.

— Ох, дядя Анисим... Ня будь ты братом моего папы...

— Заноси!

Сергея подняли и понесли.

Небо... Небо... Дверь... Потолок...

В спину уперлись доски лавки.

Он, избитый до полусмерти белогвардейцами, в доме у

колдуньи — четырнадцатилетней девчонки. В параллельной истории, где Сталин не пришел к власти.

Может, это все бред?

Глаз раскрылся окончательно. Насколько позволила распухшая бровь. В поле зрения на фоне низкого потолка всплыло лицо. С фингалом и бородой.

Никитич.

— Слышишь, Сярежа. — Лицо исчезло, Никитич присел на лавку. — Ты, когда у тебя будут спрашивать, кто тебя избил, не говори, что раньше их видел. Скажи, что незнакомые люди прицапились. Про них все говори, как есть, внешность, одежду, только не упоминай про раннее. Хорошо? Ня хоцу, цтобы ко мне приставали, какие такие у меня дяла с бяляками. С гэпэу знакомство сводить совсем даже ня хочется...

— А... — сформулировать вопрос Сергею помешало странное гудение, как будто за стенкой кто-то работает с перфоратором.

Лицо Никитича возникло опять. Взгляд был таким, что даже огромный синяк не делал лицо смешным.

— А насчет Андрюхи ня пряживай. Заигрался, поганец... Предупреждали яго... Сам виноват...

Пасечник опять исчез. Только на этот раз — в дымке, которая заволочла потолок. Или это только кажется? Шум усилился, сквозь гудение послышались слова колдуньи:

— Дядя Анисим! Отойди от няго, ня видишь, он цуть жив. Пойди лучше сюда, я тябе синяк полецу. Цто за лето, каждую няделю побитые приходят!

Шум превратился в рев и выключился. Сергей потерял сознание.

* * *

— Привет, Вышинский. — Павел Поводень, председатель Загорского волисполкома, смотрел на Сергея недобро, видимо все-таки подозревая скрытые польские корни.

— Добрый день, товарищ Поводень. — Сергей, прихрамывая, подошел к крыльцу и опустил на лавочку. — Данила на месте?

— Да нет, — буркнул Павел, — на танцы пошел.

Отбросил окуроч и ушел внутрь.

Ясно.

Сергей проводил взглядом падающий окурок. Курить хотелось страшно, но подлая Алена наотрез отказалась разрешать ему курить. Ладно, хоть выходить разрешает, иначе Сергей давно бы уже взвыл.

* * *

Первые дней пять пребывания в доме у колдуньи — настоящей, живой колдуньи — у Сергея восторга не вызывали. Потому что в эти ему не мила была даже сама жизнь.

Болезнь — всегда неприятно.

Эти дни запомнились головной болью и тошнотой, мокрыми компрессами и горьким травяным питьем (отчаянно пахнущим валерьянкой), прохладными мазями, которыми он был обмазан почти весь.

И шепот...

Что бы с ним ни делала Алена, все сопровождалось постоянным шептанием заговоров. Иногда Сергею казалось, что тихие звуки заклинаний постоянно звучат у него в ушах, даже тогда, когда Алены не было поблизости.

Колдунья оказалась девчонкой хорошей, невредной и дружелюбной. Просто ее уже забодали деревенские безбожники, борющиеся с суевериями.

На «колдунью» Алена обижалась и доказывала, что она — знахарка. Знахарка, понимаешь ты, Сярежа, или не понимаешь?! Как она объясняла, знахарки пользуются словом Божиим и молитвой, а колдуньи должны непременно от Бога отказаться и полностью отдаться нечистой силе. Сергей, который последнее время приобрел аллергию на любое упоминание нечисти, подробностей не требовал. В доме Алены в самом деле стояли иконы, на ней самой висел крест, да и ее заговоры очень напоминали молитвы. По крайней мере, на слух такого нерадивого христианина, как Сергей.

Из-за этого обращения к Богу Алена в глазах местных безбожников стояла на одной планке с батюшкой. Когда Сергей прошептал (в тот день говорить ему было еще сложно), что ведьма и батюшка вместе — это очень странно, Алена зашипела не хуже любой кошки. Ведьма для нее оказалась еще хуже колдуньи. По словам Алены, ведьма всегда злодейка и добра не делает никому и

никогда. Хотя «бязбожникам» все равно и они временами пытаются поискать у Алены хвост, которым якобы должна обладать настоящая ведьма. Сергей мысленно заподозрил, что парней привлекал не сам хвост, а место его возможного расположения. Будь Алена старой страшной бабкой, никого бы ее хвост не интересовал.

Слово «безбожник», к удивлению Сергея, оказалось вовсе не оскорблением, а вполне официальным названием тех, кто борется с религией во всех ее проявлениях. Издавалась даже газета «Безбожник». Сергей, когда добрался до читальни, специально попросил Данилу ее показать. Действительно, есть такая. В этом году, по весне, даже создано общество — Союз воинствующих безбожников, который борется с религией в меру своего понимания и сообразительности.

Сергей подумал, что, с одной стороны, ситуация с религией здесь все-таки не безоблачна и большевики с ней борются, с другой — все-таки не разрушение церквей, аресты и расстрелы священников, как в нашей истории.

Дней через пять Алена разрешила Сергею вставать с лавки. Вернее, вставать она позволяла и раньше — горшок за ним она выносить не собиралась, однако теперь он мог гулять на свежем воздухе.

Бесконечные ли заговоры, мази и травяные отвары ли — что именно подействовало, Сергей не знал, однако умение малолетней колдуньи, ладно, знахарки, признал. Своему званию она соответствовала.

Прошли ушибы, рассосались синяки. Прекратилась головная боль, больше не было ощущения, что земля решила сменить ось вращения и выбрала его. Ныли ребра, однако Алена, безжалостно его помяв, сказала, что переломов нет.

Сергею повезло: после нескольких ударов сапогом по голове его лицо залило кровью, поэтому он походил на смертельно избитого. Белогвардейцы отпинали его не настолько сильно, чтобы отбить внутренности. Пострадало все, но ничего — слишком серьезно. Сильно повреждено было только колено: распухшее, синее, оно стреляло острой болью при каждом шаге. Сергей хромал и свой деревянный меч таскал уже вынужденно.

Где-то на второй день к Сергею пришел товарищ Поводень. С целью допросить пострадавшего. Оказалось, что функции борьбы с контрреволюционным элементом в селе лежали на волисполкоме

и лично на его председателе. До участковых здесь не додумались...

Председатель выслушал тихий рассказ Сергея — он представил все так, как будто они с Никитичем случайно напоролись на пробиравшихся по лесу вооруженных и абсолютно незнакомых им людей. Зато описал их, особенно Хриплого, четко и подробно.

— Господин капитан, говоришь? — Павел задумался. Сергей недавно узнал от Алены, что председатель — его ровесник. Ну то есть ему тоже двадцать пять лет. А серьезный, как будто ему лет сорок...

— Понятно... Люди капитана Ждана. Отродье белогвардейское, все яму не уняться.

— Кто он такой? — прошептал Сергей. Бывает информация, которая оказывается жизненно важной.

— Приходила на него из гэпэу ориентировка. Собрал банду в Эстонии и шастает через границу. Капитан Ждан Тимофей Иванович, бывший командир второго ударного батальона Северо-Западной армии...

Господин капитан — надо понимать, Командир — был человеком, искренне ненавидящим большевиков. По крайней мере, после того как в 1920 году в Эстонии была расформирована армия белогвардейцев, он, даже оттрубив на лесоповале несколько лет, по-прежнему остался в благодарной Эстонии и, судя по ориентировке, начал работать на эстонскую разведку, лишь бы иметь возможность переходить через границу и всячески портить жизнь большевикам.

Хотя большая часть товарищей капитана либо перебралась в более европейские страны, где они работали кем придется, либо, отдав дань лихим набегам, соратники ушли туда же с целью создать нечто более организованное, чем кучки разрозненных групп. Хотя насчет кучек товарищ председатель приуменьшил...

Если, насколько Сергей знал, в нашем прошлом белогвардейцы утихомирились сразу после окончания войны, то здесь можно было подумать, что война продолжается по-прежнему...

Банды от десяти — пятнадцати до нескольких сотен человек постоянно переходили границы Финляндии, Латвии, Эстонии. Убивали председателей, коммунистов, ну или кто под руку подвернется, жгли дома. Были даже попытки захвата сел и деревень, иногда небезуспешные.

В 1921 году банды захватили несколько сел в Карелии и попытались поднять восстание.

В Псковской губернии банда некоего Сергученко ухитрилась захватить и разрушить железнодорожную станцию.

О таких милых развлечениях, как обстрелы погранотрядов и убийства пограничников, Павел даже не стал рассказывать.

Да... Весело здесь живут большевики. Тут и задумаешься об ответном терроре...

В среду Сергея посетили представители загадочного гпэу. Молодой парень (почему здесь вся молодежь занята чем-то интересным) в таких же забавных штанах-галифе, как у председателя, только синего цвета, внимательно выслушал Сергея, записал все, что тот сумел вспомнить больной головой. Неопределенно хмыкнул, когда Сергей сказал, что напавшие были ему незнакомы, упомянул капитана Ждана, но в подробности вдаваться не стал. Сергей обратил внимание, что погон у товарища не было, а вместо них краснели петлицы с неразборчивыми значками.

Таинственная организация называлась ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совнаркоме СССР и была преемником ЧК в плане борьбы с контрреволюцией. То есть почему-то именно ОГПУ, а не НКВД здесь было главным борцом с врагами народа. Хотя, кажется, об этой организации упоминалось на уроках истории. Да, пожалуй, как о кровавых палачах Сталина...

Руководил кровавыми палачами Дзержинский. То есть цепочка Дзержинский — Менжинский — Ягода — Ежов — Берия по крайней мере в этом плане не прерывалась. Интересно, как у Дзержинского хватало сил на все: и на министерство промышленности, Совнархоз, да и на беспризорников, и на ОГПУ?

Все подробности об ОГПУ Сергей услышал от Данилы, когда был отпущен Аленой на прогулку по Загоркам.

С Данилой получилось несколько забавно: Сергей помнил, что ему необходимо в местную библиотеку, но напрочь забыл зачем.

Поэтому, когда Сергей, припадая на ногу, постукивая палкой, на которую опирался, вошел в читальню, его разговор с Данилой начался так:

— Привет, Данила. Я хочу у тебя кое-что узнать...

Все. На этом разговор застрял. Сергей замер в дверях,

пытаясь пострадавшей головой вспомнить, а зачем он, собственно, пришел в библиотеку. Что-то узнать... Вот только... что?

Молчание затягивалось.

Данила окинул взглядом лицо Сергея в желто-зеленых разводах сходящих синяков, палку, в которую он вцепился, покалеченную ногу...

— С казацками встретился?

— Ага. — Сергей присел на лавку.

— Повязло.

— Ага.

Согласен, повезло. По крайней мере на обеих ногах ушел...

— Казацки, они такие. Крястьян за людей ня считают. А уж большавиков... Они тябя за большавика приняли?

— Да. За агента.

— Ну тогда тебе очень повязло. Торопились, цто ли?

— Не знаю...

Хриплый со товарищи просто торопились. Никитич, придя в один из дней постельного режима, рассказал Сергею, что произошло.

Хриплый был послан господином капитаном Жданом к Андрюхе. Тот являлся у белогвардейцев проводником через границу, знающим тайные тропы. Какое-то задание было у Хриплого, что-то тот собирался сделать. Пришел он к проводнику, и все задание тут же накрылось. Андрюха лежал дома и стонал так, что куры во дворе начинали кудахтать. Увидев появившихся на пороге белогвардейцев, проводник взвыл и заорал, что он не способен никуда идти, потому что подлый сяктант, которого он, Андрюха, давно подозревает в шпионаже, на днях поймал его на дороге в Загорки, когда он, совершенно никого не трогая, спокойно шел по своим делам. Пользуясь отсутствием свидетелей, сектант — агент ГПУ избил Андрюху до полусмерти, отобрал у него наган и сломал руку в двух местах.

В доказательство своих слов Андрюха предъявил перебинтованную руку. Когда раздосадованные беляки собрались идти к пасечнику на разборки, Андрюха заложил Сергея с Никитичем, сказав, что они отправились в липовую рощу. Будь это где-нибудь еще, Хриплый не стал бы утруждаться, но фортуна в тот день была не на стороне Сергея: липы росли почти по пути к границе, и Хриплому пришлось сделать совсем небольшой крюк, чтобы поймать его.

Убивать капитан категорически запретил. Не из-за гуманизма, просто Загорки и окрестные села были напичканы контрабандистами, имевшими связи и среди пограничников, и среди ОГПУ, и в самой Эстонии, поэтому ссориться с ними резона не было никакого. Только поэтому Сергей остался жив. А может, потому, что застрелить его было неинтересно. Совсем другое дело — попинать ногами...

— А где Андрюха? — спросил Сергей.

— Где, где... — проворчал Никитич, — в зямле.

Вот так. Просто и легко. Неинтересное время, говоришь, Сергей Аркадьевич?

Воспоминания испортили Сергею и без того паршивое настроение. Да еще Данила взялся рассказывать о зверствах казаков времен Гражданской.

Данила со своими обрубками был живым доказательством белого террора, да еще и истории вспоминал одна другой хлеще.

Сергея стало подташнивать еще на рассказах об отрезанных ушах, носах, выколотых глазах, отрубленных пальцах, руках, ногах, вырезанных на груди звездах. А тут еще Данила взялся вещать о наиболее известных жертвах казаков. О товарище Лазо, которого сожгли живьем в паровозной топке. О брате товарища Пятакова, которому живому высверлили пашкой сердце.

Когда речь зашла о сердце, вырезанном у живого человека, Сергей не выдержал:

— Данила, хватит.

Раньше Сергей принял бы этот рассказ за большевистскую пропаганду, однако можно ли сомневаться в словах человека, которому отрубили ноги? Неужели вся эта жуть — правда? Не может быть, это не казаки, а фашисты какие-то! Фашисты?

Сергей вспомнил, что хотел узнать:

— Данила, а ты знаешь Гитлера?

— Гитлера? Еврей?

Сергей подавился словами:

— П-почему еврей?

— Ну, ня знаю. Фамилие на яврейское похоже.

Интересно, что бы сказал герр Гитлер, если бы его обозвали евреем?

— Нет, он глава фашистов...

— Итальянец?

Логика Данилы при определении национальности Гитлера

не была понятна:

— Почему итальянец? — устало спросил Сергей.

— Так фашисты в Италии...

— Где?

В Италии? «Итальянцы-фашисты» для Сергея звучало не менее бредово, чем «белогвардейцы-террористы».

— Н-нет, Гитлер — фюрер немецких фашистов...

— Фюрер? Вождь?

— Как это вождь?

— Ну «фюрер» по-немецки — вождь.

— Да?!

— Да.

Странно... Хотя... Может быть. Немецкого Сергей не знал.

— Гитлер... Гитлер... — задумчиво пошевелил листами газетной подшивки Данила, — Гитлер... Адольф?

— Да! — Нашедшемуся Гитлеру Сергей обрадовался, конечно, меньше, чем Сталину, но все-таки приятно, что здешний вариант истории не совсем отличается от нашего.

— Так посадили его.

— Кого?!

— Ну Гитлера твоего.

— Кто? — Может, Данила все же спутал и имеет в виду совсем другого Гитлера?

Данила почесал кудри на голове:

— Не знаю. Полиция, наверное. Он со своей партией года два назад пытался мятеж поднять в Мюнхене, так вот его поймали и посадили.

Оп-па... Мало того что здесь Сталин не поймешь кто, здесь еще и Гитлер не смог власть захватить. Два главных тирана двадцатого века — и оба не у дел. Сталин — глава партийной канцелярии, а кто слышал о том, чтобы главы канцелярий имели хоть какую-то власть? Гитлер и вовсе в тюрьме. Два года назад... В двадцать третьем? Если он и у нас пришел к власти где-то в это время, то до начала войны у него было восемнадцать лет. Мало, конечно, но Гитлер сумел подготовить мощную армию. А здесь он даже если и выйдет, то подготовить войска и вооружение (те же танки) за шесть — восемь лет... Нереально.

Хоть в этом повезло, Второй мировой здесь не будет.

* * *

Выйдя из здания волисполкома, Сергей опустился на лавочку и закурил.

Теперь понятно, где произошла развилка: году в двадцать третьем. В этом году у Гитлера провалился мятеж, а Сталин, видимо, не сумел подняться на достаточно авторитетную должность, которая позволила бы ему взять верх. Интересно, здесь побывал какой-то более везучий предшественник?

Сергей поморщился и потер нывшее колено. Да, кто-то вместе со Сталиным изменяет мировую историю, а кого-то лупят белогвардейцы в лесу. Через три года после окончания войны. Невезуха...

Ладно, пойдем домой... К Алене...

* * *

Колено болело просто адски. Пару раз Сергей останавливался, чтобы поздороваться с прохожими и заодно отдохнуть.

Зачем, вот зачем он напал на Хриплого? Героем захотел себя почувствовать? Зачем? Все равно уже избили, собирались уходить, так ведь нет, бросился в драку. Пополз. Гер-рой... Вот теперь и хромай, как калека. Не сунулся бы, ходил бы только с синяками...

Сергей вздохнул и тронулся дальше в тяжелый путь.

А все-таки здорово я его...

— Здравствуй, Сергей.

— Здравствуйте, батюшка.

Старичок-священник улыбнулся и поковылял дальше по своим делам. Сергей с опаской взглянул ему вслед.

Отца Афанасия он, как и многие в Загорках, побаивался. Улыбчивый батюшка мог, не прекращая улыбаться, напроорочить что-нибудь. И, самое главное, сбывалось. Правда, не на следующий день, иногда через годы, так что и непонятно, предсказал он или угадал. Но все равно жутковато...

Сергей вздрогнул, вспомнив, как батюшка пообещал двум безбожникам смерть: одному — от нехристей (интересно, если здесь не будет Великой Отечественной, то кто же убьет Рыжего?), а второму — от руки первого. Собственного друга.

И все равно батюшку в селе уважали. Выходки молодых безбожников не находили понимания ни у кого из взрослых.

— Привет, Сярежа.

— Привет.

Легки на помине. За батюшкой они следят, что ли?

Рыжий Сашка, вожак местной молодежи, и кто-то из его дружков, Сергею по имени неизвестный. Хорошо еще губатого Дениса с ними нет, вот тот — парень паскудный. Всякие идеи типа прицепиться к Алене или натолкать в трубу навоза — его придумки. А Сашка — человек невредный. Сам неместный, родители в Гражданскую привезли его откуда-то из-под Твери, но заводной и веселый.

После стычки с беляками молодежь (интересно, они комсомольцы или нет?) перестала смотреть на Сергея как на врага. Тем более уяснили, что он не сектант, а, скорее, жертва секты. После этого Сергей иногда слышал за спиной жалостливые женские вздохи, хотя, возможно, относящиеся к его нынешнему побитому состоянию. Парни же считали, что сяктант (если в деревне дали кличку, то не отмоешься) — свой человек. Вот если бы он еще волосы носил не такие длинные и бороду сбрил... В таком виде Сергей слишком напоминал священника, однако изменяться не собирался.

Такой глупый и бессмысленный вызов неизвестно кому.

Сергей хромал дальше.

— Здравствуй, товарищ Вышинский.

— Здравствуй, товарищ Вацетис.

Стоящий в начале прохода к Алениному дому Вацетис посмотрел белыми глазами на Сергея, словно собирался что-то спросить, но промолчал.

Вот еще одна странная личность.

* * *

Прибалт Вацетис был неместный. То есть не просто приехавший откуда-то и оставшийся жить. Нет, просто приезжий. По слухам, даже из Москвы. Живет у некой вдовушки, хотя народ и хихикает, и рассказывает небылицы, но, скорее всего, ничего у них нет. И вдову ту Сергей видел: суровая женщина, и товарищ Вацетис не походил на сластолюбца.

В селе его видели редко, чаще всего Вацетис пропадал в окрестных деревнях, что-то разнюхивая. В народе существовали различные версии, кто он такой и зачем приехал. Кто говорил, что он из ОГПУ и выслеживает кого-то, кто — что ловит

контрабандистов. Хотя, лови он коллег Никитича, давно бы уже лежал где-нибудь в лесу, надежно прикопанный. Сергей уже понял, что человеческая жизнь здесь стоит дешево.

Рассказывали, что Вацетис воевал в составе красных латышских стрелков, то есть был латышом. Хотя по-русски говорил чисто, только если прислушаться, можно было разобрать легкий акцент: «Страфстфуйте, тофариш Фышнский».

Ходили даже слухи, что Вацетис на самом деле — эстонский шпион. Для Сергея само это словосочетание звучало как анекдот, однако здесь, в этом мире, к Эстонии относились серьезно, считая ее сильным противником.

У Сергея насчет тайны личности Вацетиса было свое мнение.

Слишком настырно латыш выпрашивал у Алены ее книгу.

Была у девчонки некая тайная книга, которую она прятала от всех и не показала даже Сергею. Книга принадлежала еще прабабке колдуньи, содержала все тайные знания семьи знахарок: рецепты, заговоры, заклинания. Как о ней проведал Вацетис, Алена не знала. Однако латыш, как только появился в селе, сразу же начал настырно цепляться к Алене с требованиями показать ему книгу.

Сергей, тогда еще лежавший свежей отбивной, поинтересовался, почему Вацетис не может просто отнять книгу. Алена, разговорившаяся из сочувствия к полумертвому Сергею, сообщила, что книга заговорена и отдать ее можно только добровольно, иначе...

Что будет иначе, Сергею знать не хотелось. И так слишком уж много колдовства, волшебства и магии вокруг, ему скоро будет страшно выходить ночью из дома.

Так вот, рассуждение Сергея были просты: Вацетис требует колдовскую книгу, значит, знает, что с ней делать. Так? А раз он — посланник из Москвы, значит, ищет ее не для себя, а по поручению начальства. Так? А Сергей как-то читал книгу о том, что НКВД как раз в двадцатые годы создало (создал, это же комиссариат) спецотдел по исследованию оккультных явлений. Значит, что?

Вацетис — агент НКВД, ищущий секреты колдовства. И по деревням он ищет бабок-колдуний, и от Алены требует ее книгу, видимо, такие книги — редкость и найти более сговорчивую ведьму он не может.

Правда... Как он может быть агентом НКВД, если здесь всеми тайными делами рулит ОГПУ (рехнешься с этими

сокращениями!)? Хотя, с другой стороны, может, это в нашей истории оккультный отдел создавало НКВД, а здесь — именно ОГПУ. Так что деревенские слухи не врут и Вацетис — агент ОГПУ, только ищет совсем не то, что думают все.

Жаль, что колдовская книга оказалась именно у Алены...

Симпатичная девчонка, пусть не во вкусе Сергея — слишком пухленькая, слишком бледная, слишком малолетка, в конце концов. И все равно симпатичная: умная, веселая, Сергей ей понравился, чувствуется... По крайней мере, она искренне сожалела, что не может помочь ему с поисками нужной ему вещи. Когда Сергей пришел в себя, он опять спросил у колдуньи насчет артефакта перемещения. Алена покачала головой и сказала, что, судя по описанию, вещь волшебная, а секреты их производства давно утеряны.

Проклятье...

Вот и Аленин дом. Добрался. Наконец-то. Сергей остановился у калитки передохнуть. Из будки лениво выбрался Тузик, лохматый пес, заскреб лапой, разгоняя блох. Самой Алены не было видно, наверное, в огороде или еще где.

В деревне даже колдуньи работают.

* * *

— Дядя Анисим, заberi меня отсюда!

Сергею даже не пришлось изображать племянника. Ему действительно обрыдло торчать в Загорках, практически ничего не делая.

Скажи кто Сергею раньше, что он будет рваться косить траву и таскать ульи с пчелами...

Здесь же абсолютно нечего делать!

Можно помогать Алене по дому, но она, в отличие от пасечника, не была склонна терпеливо объяснять непонятливому горожанину его ошибки и начинала ворчать. А ворчала она так умело... Уже через пять минут Сергею хотелось куда-нибудь спрятаться и закрыть голову руками.

Блуждать по поселку, в котором все заняты делом, и чувствовать себя лишним? Тоже не выход. Нет, можно так походить денек, ну два. Но неделю?!

Сергей пробовал сидеть в библиотеке у Данилы, но, во-первых, кроме газет, там нечего было читать, во-вторых, Данила

периодически начинал агитировать Сергея «за советскую власть», что было интересно, но еще больше доказывало Сергею, что он в альтернативке, и погружало в депрессию.

Так, например, Данила утверждал, что конституция СССР, которую приняли буквально в прошлом году, является самой демократической в мире, а в Великобритании конституции нет, потому что так королю Георгу (королю? Разве в Англии правит не королева?) проще держать народ в рабстве. Это в Великобритании-то, которую, как помнил Сергей, в его мире называли страной старейшей демократии! Данила говорил, что женщинам право голоса в СССР дано восемь лет назад, в США — только пять, а в Англии и Франции женщины не имеют права голоса до сих пор, что право рабочим на отпуск дали только большевики. Они же ввели восьмичасовой рабочий день, который раньше был часов десять и вообще ничем не ограничивался. Раздали землю крестьянам, причем не собирались сгонять их в колхозы. Коллективные хозяйства уже существовали, но были делом добровольным. Причем не как в старой шутке, а на самом деле. В общем, послушать Данилу, так большевики были просто ангелами, только и заботящимися о гражданах страны. Притом что в мире Сергея большевики были просто символом угнетения рабочих и крестьян. Да и здесь они всего лишь дали то, что в цивилизованных странах давным-давно в порядке вещей. Хотя с правами женщин какая-то путаница... И с расстрелом тоже. Данила заявил, что чуть ли не первое, что сделали большевики, придя к власти, — отменили смертную казнь! Вообще! Правда, потом, в рамках «красного террора», вернули и пока оставили. Но, по словам Данилы, потом обязательно отменяют. Но сам факт! Большевики, кровавые палачи, отменяют смертную казнь!

Сергей уже понял, что в этом мире большевики не были такими зверями, как в его прошлом. Вполне нормальное правительство, в меру жесткое, в меру доброе. Наверное.

После такой промывки мозгов Сергей иногда чувствовал позывы вступить в КПСС, вернее, в ВКП(б), и вместе со всеми рвануть строить коммунизм. Понятно, что ему не особо хотелось часто появляться у Данилы.

Плюс всплыл один фактик, после чего Сергей пришел к выводу, что он — идиот и склеротик. Фактик касался фашистов.

Сергей в разговоре с Данилой как-то упомянул фашистов, тот, в свою очередь, выдал короткую справку, в которой мелькнуло

имя Муссолини. Тут-то Сергей и вспомнил...

Был у него приятель, такой... теоретический нацист, в общем. Голову он не брил, на митинги не ходил, но зато знал до мелочей историю и идеологию немецких фашистов и постоянно просиживал на форумах соответствующей направленности. Так вот он обижался, когда его называли фашистом. Я, говорил, не фашист, я — нацист. А на резонный вопрос, какая разница, пояснял (и Сергей вообще-то мог это вспомнить пораньше), что фашисты впервые появились как раз в Италии и лидером у них был вот этот самый Муссолини, все правильно.

Может, это все-таки прошлое? Сергей на секунду задумался. Хотя нет, кроме совпадения с фашистами слишком много других различий. В основном с большевиками связанных, да и Сталин с Гитлером не совсем там, где должны быть.

После всего этого Сергей кинулся к приехавшему Никитичу, готовый траву хоть косить, хоть руками рвать, но только заняться делом вместо этого выматывающего отдыха.

— Няльзя, — пресек его стремления пасечник, — сиди в Загорках у Алены и ня вздумай нос высунуть.

— Да почему?!

— Поцему, поцему... Опасно. Думаешь, бяляки так тябе и простили, цто ты Ягору ногу сломал? Уже пару раз приходили, искали... Сиди, я сказал!

* * *

Сергей сидел на крыльце, тоскливо глядя на калитку. В ней только что скрылся Никитич, категорически приказавший сидеть у Алены.

Раньше приказ постоянно жить в одном доме с молодой девушкой Сергей бы воспринял только с восторгом. Это раньше и не с Аленой.

Четырнадцатилетка — слишком мало для взрослого парня. Нет, здесь, как успел заметить Сергей, в таком возрасте девчонки уже знали, для чего могут пригодиться парни и зачем их тащат на сеновал. Некоторых и тащить не надо...

Но самое главное... Сергей Алену боялся.

Она на самом деле умела колдовать.

* * *

Первые дни после прихода в себя Сергей относился к Алене примерно как к своей давней подружке, той, с которой он... кхм... которая потом стала гадалкой. То есть как к хитрой девчонке, выманивающей деньги из простаков. Ну умеющей что-то такое колдовское по мелочи, типа сведения синяков и лечения. И то, возможно, все дело в травах.

Однажды случилось нечто, давшее Сергею понять, что Алена — колдунья настоящая, без дураков.

В тот день Сергей ударился своим и без того больным коленом о стол и вместо того, чтобы заснуть, лежал на лавке под одеялом и тихо шипел, осторожно потирая ногу. Проклятая конечность ныла так, что заснуть было невозможно.

Алена пока еще спать не ложилась, хотя стемнело уже давно. Она всегда прыгала в свою кровать, стоявшую за перегородкой, когда уже наступала ночь, до этого крутясь по хозяйственным делам. Да, у Алены была кровать, настоящая, с горкой подушек.

Сергей ерзал на лавке... однако нога не проходила. Можно было сходить поискать колдунью, чтобы попросить намазать ногу, но на Сергея напал непонятный стыд и нежелание показывать свою слабость. Вот и лежал, скрипя зубами.

Алены все не было. Наконец Сергей встал с лавки и похромал на кухню, чтобы выпить воды.

Зачерпнул кружкой воды из ведра, сел на скамейку... Случайно выглянул в окно во двор.

В ярком лунном свете — полнолуние должно было наступить через несколько дней — Сергей увидел все четко.

Алена прошла по двору, подошла к лавке, на которой стояли два ведра воды, притащенной из колодца (как она, интересно, их таскает — деревянные, они и пустые тяжелые), и начала раздеваться.

Ошеломленный Сергей смотрел, как девчонка сняла косынку, медленно расплела косу и распустила длинные волосы, сняла кофту, сбросила юбку... Осталась только в длинной белой рубашке.

Алена взялась за подол рубашки и одним движением стянула ее через голову.

Нижнее белье в деревнях в этом мире не носят...

Обнаженная Алена постояла несколько секунд, глядя в небо,

затем приподняла ведро и, резко вскинув над головой, вылила на себя воду. Встряхнулась и опрокинула на себя второе ведро.

Сергей замороженно смотрел на колдунью. Алена была не то что толстенькой, скорее такой крепкой, налитой девчонкой, плотной, как молодой поросенок. Небольшая грудь, крепкие бедра...

Вот тут он и почувствовал неладное. Нет, в самом обливании водой ничего такого не было: предположим, Алена закаляется. Кто сказал, что закалывание придумали недавно? Наверняка в деревнях его пользуют испокон веков, вспомнить хотя бы купание в прорубях как старинную русскую забаву.

Алена тем временем вытерлась полотенцем и неспешно начала одеваться. А Сергей продолжал прислушиваться к собственному организму.

Он здесь уже... ого, почти месяц! Он почти месяц как попал в этот мир, он молодой парень, все это время у него не было женщины. Сейчас он смотрит на девушку, совершенно голую... И что?

Никакой реакции.

То есть совершенно.

Абсолютно.

Сергей сел на лавку. Неужели...

Неужели все?

Хлопнула дверь, в избу влетела Алена, раскрасневшаяся, довольная, вытиравшая мокрые волосы.

— А ты что ня спишь?

Сергей взглянул на Алену так тоскливо, что она остановилась и присела рядом с ним. Сергей почувствовал, как ее нога, холодная после обливания, прижимается к нему, сосредоточился... Нет. Ничего.

— Да ты, наверное, жигальник, за мною подглядывал? — хихикнула девчонка.

Сергей промолчал.

— Пряжываешь нябось, что ницаго ня почувствовал?

Сергей резко вскинул голову. Про подглядывание она догадалась, но откуда могла узнать про...

— Что смотришь? — Алена хитро прищурилась в полумраке кухни. — Откуда я знаю, думаешь? Да просто все: это я тябя заколдовала, цтобы ты на мяня как на женсцину ня смотрел.

Что?!

— Ты что?! — Сергей был готов придушить проклятую колдунью.

— Ня бойся, это не на всех девок, только на мяня действует. Хочешь, испытай на какой, вон, Христя мяня спрашивала, каков ты...

Про распутную Христю Сергей уже не слышал.

Это что же получается, колдовство ЕСТЬ? И его заколдовали? Бред, скажет кто-то другой. Но этого кого-то не заколдовывали так, что это видно и чувствуется!

С этого времени Сергей и начал бояться Алену. И вообще всего.

Ведь если есть колдовство, значит, есть и все сопутствующее. Еще после рассказа о банном нине Сергей начал бояться встречи с нечистью. А теперь он даже на плошку с молоком, которую Алена каждый вечер выставляла пастену, то есть домовому, смотрел со страхом. Особенно после того, что Алена наговорила про домовых.

Домовой, оказывается, не забавный мальчик Кузьма, а нечисть. Нежить. Для Сергея, игравшего в компьютерные игрушки, «нежить» в первую очередь означала живых мертвецов. А здесь, то ли в песковских деревнях, то ли вообще в этом мире нежитью называли всех невидимых духов: домовых, дворовых, овинных, леших, водяных, банников... То, что все они невидимы, спокойствия не прибавляло, наоборот, заставляло пугаться темных углов. А уж спокойное замечание: «Если пастен ночью нацнет душить, нужно спрашивать, к добру или к худу». Да ну к ч... ш... да ну! Еще разговаривать с нечистью! Сергей вообще не был уверен, что не помрет от разрыва сердца, если его начнет ночью душить кто-то невидимый.

После таких деревенских кошмаров у Сергея сон чуть было и вовсе не пропал. Мало ему было мертвых беспризорников.

Кстати, те давно не приходили. Кошмары снились по-прежнему, но уже другие.

* * *

Сергей ковылял по улице Загорок. Хромой, избитый, заколдованный. Выброшенный из привычного мира в прошлое, да еще и чужое, с непредсказуемым будущим.

Улыбающийся.

Последние пару дней Сергей чувствовал непонятную апатию. Не хотелось от жизни абсолютно ничего. Лечь и умереть. А зачем дергаться, если ничего не изменишь? В жизни не было не то что смысла — не к чему было стремиться.

В принципе какой-то определенной цели у Сергея и раньше не было, просто двадцать первый век как-то больше дает возможностей жить, не имея цели. А в деревне двадцатых годов — а может, и вообще в двадцатые годы — так не проживешь. Сдохнешь.

Сергей уже чувствовал, что опускается до состояния растения: волосы, не чесанные уже давным-давно, свалились почти до состояния пакли, борода висела унылой сосулькой. Если бы Алена не ловила его и не кормила, то, наверное, и не ел бы. Благо отсутствие чувства голода позволяло...

Иногда появлялись вялые мысли о том, что не нужно опускаться, надо собраться и сделать хоть что-то. Появлялись и тут же разбивались о непреодолимую стену уныния. Что? Что сделать?

Уехать в город? В Песков? В Москву? И что? Что там делать? Здесь, в деревне, по крайней мере, есть люди, которые его знают, можно поработать просто за кормежку. А там? Помереть под забором с голоду? Или быть расстрелянным, как польский шпион?

Кстати, именно Польша в этом мире была для СССР самым вероятным противником. Даже не Германия, которая, как ни странно, считалась почти союзником.

Сергею очень повезло, что он набрел на Козью Гору. Попади он в те же Загорки, и, скорее всего, его приняли бы если не за шпиона, то за агента белогвардейцев. Хорошо хоть он попался Никитичу, которому плевать было на всех шпионов сразу, а вот работник ему требовался. Правда, Сергей оказался приобретением проблемным, но тут уж как есть. Зато теперь никто, даже товарищ председатель волисполкома, не сомневается, что Сергей на самом деле племянник Никитича. Ну сяктант, ну и что.

Так вот, если здесь можно жить и без бумаг, то в городе все намного сложнее. И документов нет, и на работу не устроишься. Куда? Кем? И жилье нужно снимать, а на это потребуются те же деньги. Получается, что в город ему соваться смысла нет. Остается жить-поживать в деревне, обрастать дикой бородой и потихоньку спиваться.

Сергей даже перестал заходить в библиотеку. Данила, хоть ничего и не говорил об этом, будил совесть Сергея одним фактом

своего существования. Данила и безногим не утратил энергии и желания жить, даже так ухитрялся приносить пользу людям. А Сергей? Эх...

Вот поэтому он и не хотел приходить в библиотеку.

Алене, как и каждому врачевателю, не нравились настроения «пациента».

— Сярежа, — подсела она как-то к Сергею, — ты чего такой смурной? Все по заклятью пряжиживаешь?

— И это тоже...

Заклятье действительно тяготило Сергея, как и любого нормального мужчину на его месте.

— Да ня думай ты, — Алена погладила его по плечу, — будет нужно, в любой момент сниму...

Будет нужно... Кому нужно?!

Сергей взглянул на Алену. Та подмигнула ему.

Ох, девочка... На парня заклятие наложила, а на саму себя забыла...

— Алена, — неожиданно сказал Сергей, — скажи, ты правда не знаешь, где искать ту вещь, про которую я тебя спрашивал?

Алена тяжело вздохнула, провела рукой по его голове:

— Знаю.

Знает?!

— Аленушка, зайчик, — взмолился Сергей, — скажи мне, пожалуйста, где я могу найти артефакт?

— Я не зайчик! — ошетинилась малолетняя колдунья.

— Аленушка, ежик ты колючий, — покладисто поправился Сергей, — ты только скажи где.

— Где твоя штука, я ня знаю...

— Ч...

— Слушай. — Алена прижала пальчик Сергею к губам, палец пах земляникой. — Твоя штука, которую ты исцещь, — вещь волшебная. Не колдовская. А волшебства в дяревнях не было никогда, это городская придумка...

— Ну? — Сергей пока не понял, к чему Алена клонит.

— То и ну. Тябе нужно в городе искать людей, которые тябе помогут эту штуку найти.

Сергей взвыл про себя. Идиото-кретино-придурко! Ведь еще когда он шел в Загорки в первый раз, он собирался всего лишь узнать у деревенской колдуньи, где можно найти магов. А потом

накрутил себя, что колдунья сейчас вынет из сундучка холстинку, из холстинки — пластинку... И когда Алена сказала, что артефакта в глаза не видела, то разочаровался так сильно, что и не вспомнил о магах. Все бы тебе, Сергей Аркадьевич, легкими путями идти!

В свое оправдание Сергей мог бы вспомнить, что в тот день с ним приключилось. Стычка с Андрюхой — мир его праху, собаке, встреча с батюшкой, с товарищем Поводнем, ненавидящим поляков, с безногим Данилой, с товарищем Вацетисом — чухонец белоглазый, с местными безбожниками... Тут как твое имя забудешь, не то что про магов.

— Аленушка. — Сергей воспрянул духом. — А кто в городе может знать о волшебстве?

— Да ня знаю. Я ведь в городе не была никогда. Даже в Пяскове...

— Стоп. А в Пескове такие люди есть?

— Откуда ж я знаю? Должны быть. Наверное.

Так.

Сергея яростно взлохматил свои волосы. Кстати, надо бы их помыть... да и расчесать...

Стоп. Не об этом думаешь. В Пескове есть люди, которые, возможно, что-то знают о волшебстве. О магии. Как их найти? Притом что объявлений в газету типа: «Потомственная ведьма снимет с вас порчу вместе с одеждой» они не дают. Во-первых, здесь все-таки большевики с их направлением на безбожие, а значит, всяких гадалок и прочих белых магов гоняют. Во-вторых, после разговоров с Аленой Сергей узнал, что потомственных ведьм, снимающих порчу, не бывает.

Ведьмы вообще делятся на два типа: природные и ученые. Природные ведьмы, согласно народным верованиям, появляются тогда, когда у девушки родится дочка, у той, пока она тоже девушка, своя дочка, а у той при тех же условиях — еще одна дочка. Вот эта-то девочка, дочь, внучка и правнучка девушек, и станет природной ведьмой. Под девушками подразумеваются, понятно, не девственницы, а просто незамужние. В один случай непорочного зачатия Сергей еще мог поверить, но три подряд представить сложнее, чем чайник, замерзший на огне. С чайником-то просто: берем чайник, замораживаем, потом ставим на огонь и опя — чайник, замерзший на огне!

Понятно, что при такой генеалогии потомственных ведьм быть не может.

Есть ведьмы ученые, вот они передают свои умения от матери к дочери и теоретически их можно назвать потомственными. Вот только ученые ведьмы никогда не творят добра и приносят только вред людям.

— Алена, а как их найти можно?

— Ну, — призадумалась на секунду колдунья, — у людей поспрашивать. Люди-то знают, где ворожеи и гадалки живут...

Логично. Черт, крестьянская девчонка делает выводы там, где не сообразил городской парень, да еще старше ее на сто лет. Правильно, ворожеи объявлений в газету не дают, но ведь люди к ним приходят, иначе такие гадалки просто помрут с голоду. Поспрашивать, поинтересоваться, рано или поздно выйдешь... Конечно, дело это не быстрое, но Сергею попасть обратно нужно позарез. Да чтобы вернуться в будущее, он опросит всех жителей Пескова, включая младенцев и глухонемых!

— Спасибо! — В порыве чувств Сергей чмокнул Алену в щеку и выскочил во двор.

Девчонка медленно провела ладонью по щеке и тяжело вздохнула:

— Ой, сценя...

Сергей пробежал пару кругов по двору, прежде чем успокоился и смог думать. Теперь есть цель! Есть!

Первое — собрать вещи и отправиться в город. Деньги на первое время есть, спасибо беспризорникам... Брр, не думать, не думать... Переезд в город снимает две проблемы: нездоровый интерес со стороны беляков и зарождающуюся фобию к нечисти. Все-таки в городе ничего такого быть не должно... Вспомнилось не к месту ученое слово «полтергейст» и простецкое словцо «барабашка», но Сергей сделал вид, что не помнит, что это такое. Нечисти в городах нет и точка.

Второе — приехать в город, найти квартиру... Потом... Потом... Ладно, там видно будет. Главное ввязаться в драку, там разберемся. Как сказал неизвестно кто.

Тут Сергей оглядел себя, провел рукой по голове, почесал бороду... Тузик выбрался из конуры и с интересом осмотрел Сергея. Поднял голову: мол, что постоялец такого любопытного нашел.

Да ничего интересного. Весь грязный, мятый, хуже бомжа. В таком виде в городе — путь до ближайшего отделения милиции. Да и вообще, во что ты превратился, Сергей?

Парень подошел к стоящему на лавке ведру с водой, взглянул на свое отражение. Спутанные сальные волосы, борода торчит неопрятной мочалкой, лицо в разводах... Как же ты так опустился-то?

Сергей взвыл и с размаху ударил кулаком в столб, ссадив кожу на костяшках.

Слабак!

Чуть что не по тебе и уже нюни распустил?! А ну приведи себя в порядок! Перед девчонкой стыдно! Да еще в деревню в таком виде ходил...

Слабый голосок, прошептавший, что перед местными дикарями можно ходить хоть голышом, Сергей безжалостно задавил.

— Аленушка, — крикнул он вышедшей на крыльцо колдунье, — а давай я сегодня баню истоплю, как-никак суббота!

* * *

Сергей сидел в бане на полке и размышлял на тему собственной глупости.

На волне энтузиазма он, не обращая внимания на больную ногу, натаскал воды в баню из колодца, притащил дров, собственноручно затопил печь.

В бане Сергей отмылся до скрипа, волосы вымыл так, что они, высохнув, должны были превратиться в легкий пух. Воспользовавшись щелоком — непонятной серой взвесью в горшочке, Сергей даже отстирал одежду...

Теперь одежда сохла на веревке в предбаннике, а Сергей остался голым, потому что подумать, во что он переоденется, не успел.

Сергей уже почти дозрел до мысли обмотаться полотенцем — а оно было такого размера, что еле сходилось даже на его тощих бедрах, — как в дверь снаружи постучалась Алена:

— Сярежа, ты, наверное, одежду постирал?

— Ага, — вздохнул Сергей, хотя хотелось выругаться. Но срывать зло на девчонке не стал.

— Голый сядишь? — Алена хихикнула.

— Ага. — Еще и издевается, в-ведьма...

От слова «ведьма» Сергею неожиданно стало смешно.

— Алена, а у тебя ничего на смену нет?

Ага, платье с юбкой, забавно будешь смотреться...

— Есть, — неожиданно ответила девчонка, — дяржи...

Правда, что ли, юбку принесла? Хотя... Только бы до дома дойти.

В дверь просунулась рука, держащая небольшой сверток. Сергей развернул его.

Штаны... Белые, широкие, на завязочках... Что это? А, ну да. Здешнее нижнее белье, то есть практически трусы. Интересно, выходить в них прилично?

— А откуда у тебя мужское белье?

Не самый умный вопрос, но правда любопытно. Неужели у Алены есть ухажер? Который забывает утром штаны?

— От отца остались. Или ты думал, что я на свет без отца появилась?

Не то чтобы именно так и думал — Сергей понимал, что даже колдуньи не размножаются делением, — но как-то не размышлял над этим вопросом...

Сергей натянул штаны и вышел. Прилично не прилично — в бане уже становилось тяжело сидеть.

— Какой цистый, — опять захихикала Алена, — смотри, сороки унясут.

Вот ехидна! Сергей шагнул к ней, чтобы по-мальчишески дернуть за косу. Алена не отшатнулась, как Сергей ожидал, и он налетел на нее и, чтобы не уронить на землю, обнял.

Неловкая пауза. Парочка замерла в объятьях друг друга.

— Сярежа... — тихо сказала Алена.

Во дворе залаял Тузик. Яростно, зло.

Алена вывернулась из рук Сергея и побежала во двор. Парень двинулся за ней.

Баня находилась на задворках, чтобы попасть от нее во двор, нужно было пройти узким крытым проходом между двумя сараями. Сергей замер на входе во двор: вдруг там женщины, а он щеголяет своими эротичными ребрами.

— Что тебе нужно? — Алена была очень зла.

В калитке стоял товарищ Вацетис. В той же гимнастерке с «разговорами» — Данила объяснил, как называются цветные полосы на груди.

— Уходи! Тябе сюда ходу нет!

Вацетис не торопясь перенес ногу через порог и шагнул во двор.

— Как?.. — задохнулась вопросом Алена.

Она была удивлена, ошарашена, шокирована. Так, как будто твердо верила, что латыш не сможет войти.

Многочисленные проглоченные романы фэнтези выдали Сергею информацию о том, что без прямого приглашения войти в дом не может вампир.

Вацетис — вампир?

По голой спине пробежали мурашки. Да нет, какой вампир... Откуда здесь вампир?

Домовые есть, банники есть, почему вампирам не быть?

Сергей ударился бы в панику, если бы не спокойствие Алены. Она была разозлена, но не испугана.

— Ваши заговоры на входе, гражданка Выреева, от лихого человека. А я...

Не человек. Сергей быстро огляделся в поисках осинового кола.

Интересно, почему именно осиновый и чем он отличается, скажем, от березового? Вон та палка без коры — из осины, из березы или из дуба? Кто бы подсказал...

— А я зла вам не хочу, следовательно, к лихим людям не отношусь.

Фу-у-ухх...

— Цто тябе нужно?

— Прекрасно ведь знаете. Книгу вашей матушки.

Вацетис протянул вперед ладонь так, как будто Алена носила книгу под подолом.

— А если не отдам, то цто? — подбоченилась Алена.

В руке Вацетиса появился пистолет.

Сергей сглотнул и несмело шагнул вперед. Пистолет — это серьезно, но сделать Сергей ничего не может, это не его разборки...

Алену нужно выручать.

— Ня боюсь я твоих игрушек. — Алена была странно смела.

— Заговорена?

— А если да?

— От огня и воды, камня и дерева, кости и рога, веревки и стекла, стали и железа, меди и бронзы, свинца и олова?

Вацетис, казалось, цитировал что-то наизусть.

— Знаешь... — прошипела змеей Алена.

— Знаю, — невозмутимо кивнул латыш. — Ведь угадал?

Алена промолчала.

— Буду иметь в виду. Книгу.

— Эй, товарищ... — Сергей шагнул вперед, хотя все его воспитание вопило: «Куда?! Дурак! Назад!»

Ствол переместился в сторону Сергея.

— Сектант? — Вацетис оглядел полуголового Сергея. Выражение лица не изменилось, но он явно понял ситуацию неправильно.

— Сектант... — Взгляд белых глаз вернулся к Алене.

— Не твое чухонское дело!

Вацетис пришел к какому-то выводу и спрятал оружие.

— Книга, гражданка Выреева. Мне нужна книга.

* * *

— Что за книга? — спросил Сергей вечером, когда они с Аленой сидели в полумраке кухни.

На лавке. Рядышком.

— Это книга моей прабабушки. В ней все наши сямейные тайны: заговоры, заклинания, травы, обряды...

— А... посмотреть можно? — робко спросил Сергей.

Все-таки его грызла совесть: в короткой словесной стычке с Вацетисом он отнюдь не был победителем. Разум говорил, что ничего страшного не произошло, что все осталось на местах, что латыш ушел, что он был вооружен и шансов у Сергея не было... Все это было правильно.

И все равно было стыдно.

— Посмотреть? — Алена цепко взглянула на Сергея. — Ну посмотри...

Колдунья пошуршала чем-то за печью и вынула сверток. Положила на стол, осторожно развернула тряпицу...

Сергей ожидал увидеть нечто вроде гримуара — толстого фолианта в кожаном переплете. С застежками и замком.

На столе лежала... книга? Тетрадь? Альбом?

Твердая обложка, обтянутая серо-синей выгоревшей тканью, без заголовка, без надписей. На уголках ткань обтерлась и разлохматилась.

Сергей осторожно протянул руку. Сразу вспомнились фэнтези-романы, где колдовские книги прыгают, бегают и даже могут укусить.

— Даю тебе разрешение взглянуть на книгу, дяржать яе в

руках и открывать, с условием, что ты вярнешь яе мне по первому требованию.

Сергей отдернул руку и взглянул на Алену. Уж очень произнесенная фраза напоминала колдовское условие.

— А что ты думал? Заговоренная у мяня книга, взять яе можно только с моего разряшения. И получить ее можно только по моей доброй воле. Поцему, ты думаешь, Вацетис у мяня яе до сих пор не отнял?

Сергей опасливо погладил переплет. Книга не отреагировала. Ткань на ощупь была жесткой, как накрахмаленная.

— Няльзя книгу взять без моего разряшения, вот и просит. Все, говорит, для общей пользы...

Сергей раскрыл книгу. Пожелтевшие страницы, исписанные крупным разборчивым почерком, слегка расплывшиеся чернила.

Понять, что написано, невозможно.

Вместо знакомых букв или хотя бы незнакомых, типа тех же ятей, еров и прочих фит весь текст состоял из непонятных значков, перемежавшихся вполне понятными точками и запятыми.

— А... — Сергей поднял взгляд на колдунью.

— А это цтобы никто не смог процитать.

Алена довольно усмехалась, как сытая шкодливая кошка.

— А ты можешь?

— Конечно.

Алена повернула книгу к себе и вполне бойко прочла:

— Заговор на нахождение всякой вещи... ну дальше тебе знать необязательно.

— Заговор... Алена, — неожиданно вспомнил Сергей, — а ты правда заговорена от всего?

— Правда, — серьезно кивнула она.

Сергей подумал, что устойчивость к внешнему воздействию — штука в здешних условиях полезная. Хотя заговора от сапог он что-то не помнил.

— А... А меня можешь...

Алена, не поднимая глаз, закрыла книгу и обернула ее тряпкой. Подошла к Сергею и провела горячей ладонью по груди. Ощущения были... приятные...

— А-алена, ты же говорила...

— Сняла я с тебя заклятье... Понравился ты мне...

Сергей занервничал. Не то чтобы он не знал, как вести себя с девушками. Но с колдуньями...

Алена уткнулась носиком ему в грудь, секунду постояла, тяжело вздохнула, как будто отправляла любимого мужа на безнадежную войну, подняла голову:

— Не бойся. Ня будет у нас ницего.

— Поцему... почему?

Алена присела на лавку, Сергей опустился рядом.

— Я ведь ня дура, — сказала четырнадцатилетняя девчонка, — все вижу. Я тябя люблю, да ты мяня ня любишь...

— Алена... — Сергей неожиданно для самого себя почувствовал желание остаться с девчонкой.

— Ня ври. Самому сябе ня ври. Ня любишь ты мяня и жить со мной ня сможешь. Тяжело тябе здесь, ня сможешь ты в дярвне жить, уйдешь скоро. А зацем мне муж, которому со мной тяжко? Я лучше подожду...

Она же колдунья! Вдруг проснулся страх. Заколдует, приворожит!

— Могу я тябя приворожить, — посмотрела в глаза Алена, — могу. Есть у мяня и заговоры на приворот, и крючок с лопаточкой... Да только ня буду. Плохо это, плохо и жестоко — заставлять любить. И не живут привороженные долго, через три года умирают...

Сергей молчал. Не знал, что сказать. Нетипичное поведение для девчонки. В его время восьмиклассница, влюбившаяся в кого-нибудь, не остановится ни перед чем, чтобы свою любовь завоевать. А уж отказаться самой...

— Откуда... — Он проглотил слюну. — Откуда ты знаешь, что я тебя не люблю?

Алена, уже почти успокоившаяся, вздохнула и погладила Сергея по руке:

— По лицу вижу. Мама моя умела по лицу цитать и мяня научила. Иначе я бы тябе книгу ня показала, только увидела, цто она тябе ня нужна, тябе просто любопытно...

— А Вацетису?

— А Вацетис сам ня знает, зацем нужна. Ня для сябя он яе исцет. Для кого-то другого. Большого. Оцень большого...

* * *

Сергей твердо решил убираться из Загорок в Песков. Беяки не дотянутся, а здесь каждый день как на пороховой бочке.

Алена, можно сказать, благословила его на отъезд, хотя теперь у Сергея на сердце скреблись кошки. Может, остаться?

Сергей прошел по площади и вошел в волисполком. Проскочил мимо двери председателя — товарищ Поводень до сих пор его немного пугал — и прошел в читальню.

— Привет, Сярежа, — обрадовался перелистывающий подшивки Данила. — С чем пожаловал?

— Данила, совета твоего хочу спросить. С кем мне можно до Козьей Горы добраться? А то нога до сих пор не работает, сам дойти не смогу.

Нога действительно пока не окончательно пришла в норму, Алена обещала, что еще месяцок придется похромать.

— До Козьей Горы? — Данила пристально посмотрел на Сергея. — Не нужно тябе туда.

— Почему? — насторожился Сергей.

Данила перегнулся через стол:

— Люди капитана Ждана тябя исцут.

Вспыхнул и разлился по телу страх.

— Откуда ты знаешь?

— Неподалеку убили парнишку. Высокий, худой, на тябя похожий. Может, и случайность, но я думаю, с тобой пряпутали.

— Да зачем я им?!

— Я ня знаю, — покачал головой Данила.

«Красный подсыл...» — всплыло в памяти. Принимают за агента ОГПУ? Чушь!

Но беякам не докажешь...

Ч... блин! Теперь из Загорок не высунешься!

— И долго мне еще прятаться?

— Нядолго, — откинулся Данила, опершись плечами на стену. — Повадился кувшин по воду ходить — там яму и голову сломить. Если ня успокоится — поймают. Или застрелят. Вот цего яму займется?

— Так родину потерял, хочет вернуть, — машинально ответил Сергей.

— Кто яму ня давал? Пусть бы возврасцался и жил.

— Так ведь расстреляли бы.

— Кого?

— Ждана.

— За цто?

Сергей почувствовал, что потерял нить разговора.

— Ждана. Он же белогвардеец, против вас воевал...

— Так белогвардейцам амнистию объявили...

— Когда?!

Большевики? Амнистию? Белякам?

— Да яasco в двадцать первом, как война кончилась. И в прошлом году.

— И что, кто-то вернулся?!

— Ну да. Тоcно ня скажу, но тысяч сто вярнулось.

Сергей потер голову, пытаясь уложить в ней новую информацию. Не укладывалась. Сразу после окончания войны большевики объявляют амнистию своим врагам. Все равно как если бы Сталин году так в сорок пятом объявил амнистию всем пособникам фашистов. Бред... Или...

Может, это был такой план хитрый? Заманить врагов в страну и перестрелять?

— А может, тех, кто вернулся, расстреляли?

— За что?

— Ну воевали с вами...

— Сярежа, — перебил Данила, — ты слышал про гнярала Слащова?

Сергей посмотрел на Данилу. Данила посмотрел на Сергея.

— А, ну да. Был такой в Крымскую кампанию у бяляков гнярал Слащов. Уж сколько он красноармейцев положил. После войны, понятно, сбжал. А как амнистию объявили — вярнулся.

— И где он сейчас?

История неизвестного генерала в голове также не укладывалась.

— Где? — Данила потер голову. — Кажется, инструктором работает на командных курсах «Выстрел».

Белый генерал — у большевиков? Нерасстрелянный? Вот это да...

Хотя чему удивляться? Сталин не у власти, соответственно здешние большевики помягче большевиков нашей истории и как-то поадекватнее, что ли. В нашем двадцать пятом году господина Слащова поставили бы к стенке еще на границе.

— Вот, — продолжил Данила, — гнярала простили, а уж капитана-то и вовсе. Ну теперь-то он сам виноват, кто яго заставлял через границу шастать да с эстонской разведкой связываться? А мог бы спокойно жить...

Да... А теперь из-за непримиримости капитана Ждана ему,

Сергею, нужно безвылазно сидеть здесь.

Черт!

Прости, Господи...

* * *

Шестое июля. Иван Купала.

Вернее, сам Иван только завтра, но сегодня ночью в Загорках планируется непонятное действо под названием «Ночь на Ивана Купалу».

Что-то такое пошевелилось в Серезиных мозгах, и он осторожно поинтересовался у Данилы, не тот ли это праздник, когда голые девки скачут через костер. Данила странно покосился на Сергея и уточнил, что да, будет костер и, скорее всего, прыжки девчонок через него, но голышом никто скакать не будет. По крайней мере, на людях.

На берегу Загорского озера — надо же, тут еще и озеро есть — ночью разожгут костры, девушки будут прыгать через них, иногда и с парнями. Будут петь песни... Нет, купаться девушки не будут: ни голые, ни одетые. Гадать разве что в бане. Нет, одетые.

Еще в эту ночь особой силой обладают целебные травы, поэтому ведьмы — Данила покосился на Сергея — и колдуньи ночью пойдут в лес за травами.

Можно сходить поискать цветов папоротника... В этом месте рассказа Сергей подумал, что дураков нет искать то, чего не существует... Хотя... Вдруг, в этом мире папоротник таки цветет? Мир ведь не наш, хотя и очень похож, почему в нем должны соблюдаться наши традиции, правила и законы?

Сергей вышел от Данилы, чтобы пойти к Алене, поинтересоваться, правда ли папоротник цветет, и наткнулся на нее сразу возле волисполкома.

Алена, кстати, после случая с Вацетисом, пропавшим куда-то по своим таинственным делам, пообещала заговорить Сергея от пуль. Вот только чтобы заговор подействовал, его нужно было читать не абы когда, а в конкретный день, а именно на Андрея Наливу, который грозился прийти недели через две. Сергей, которого не выпускали из Загорок хромая нога и нежелание наткнуться на беляков, согласился подождать.

— Привет, — улыбнулся он смущенно. Все-таки опыта общения с девушкой, которая в тебя безответно влюблена, у него не

было.

— Привет. Ты сегодня гулять пойдешь?

— Гулять? С девушками?

— И с девушками.

Алена смотрела немного странно: настороженно и с некой надеждой. Сергей понял ее страдания: с одной стороны, девчонке не хотелось, чтобы ее любимый шлялся по другим девкам, с другой — запрещать ему тоже не можешь, раз уж сама отказалась.

— Не буду.

Сергею действительно не хотелось никаких праздников. И местные зазнобы его не привлекали. Хотя были среди них экземпляры с откровенно блудливыми глазками... Нет. Наткнешься не на такую понимающую, как Алена, и окажешься женихом на «ружейной свадьбе». Здесь столько оружия по рукам гуляет, что ничего удивительного в этом не будет.

Да и, если честно, не хотел Сергей обижать Алену.

— Не буду. Я лучше этот вечер у тебя дома посижу.

Алена мгновенно расцвела, засмущалась своей радости и покраснела еще больше. Что делает с девушками влюбленность, казалось бы, бойкая колдунья, палец в рот не кладет...

— Только, Сярежа, мяня дома ня будет.

— Как?

— Иван Купала же. За травами я пойду.

Одна? Ночью? В лесу? Где шастают звери? Ладно звери, беляки?

— Может быть, тебя проводить?

Алена быстро взглянула ему в лицо:

— Ня надо. Няльзя никому при этом быть, травы силу потяряют. Будь дома. А хочешь, сходи погуляй. Где Христя живет, показать?

Да ну ее, эту неведомую Христю!

— Дома буду.

С хромой ногой только с девками плясать. Еще местные парни морду набьют.

Алена увидела приближающегося Сашку Рыжего и церемонно двинулась в сторону дома.

— Привет, Сярежа, — подошел Рыжий.

— Привет, — не стал кочевряжиться Сергей.

— Сярежа, скажи мне одну вещь. — Рыжий посмотрел в сторону удалявшейся Алены. — Ты ведь с Аленой живешь...

— Не с ней, а у нее, — на всякий случай уточнил Сергей.

— Пусть у няе. — Сашка наклонился к нему и еле слышно прошептал: — На тябя она тоже заклятье наложила?

— И ты? — вырвалось у Сергея.

— Ага, — понурился Сашка, — на мяня она яго со зла наложила. Приставал я к ней, дурак... Вот и...

— Зачем приставал-то?

— Зацем, зацем... Дурак был, вот зацем.

— Лаской взять не пробовал?

— Нет. А тяперь и не поможет. Да яще Дянис с Сяменом подсуропили: пойдем, говорят, да пойдем ей хвост оторвем. Мол, раз она ведьма, знацит, у няё хвост должен быть. А то цто она коцевряжится, подумаешь, говорит, колдовка. Ну я и...

Эх, парень, ну и дурака же ты сваял. Теперь Алена тебя не простит, да и ты прощенья просить не станешь. А ведь могла бы быть пара. Молодой парень, деревенский, работающий... Вот пара для Алены, а не непонятный сектант, хромой и безрукий.

— Зря ты так с ней. — Сергей опустил на лавку и вытянул занывшую ногу. — Алена — девчонка хорошая...

— Да, клевая.

— Вот именно...

ЧТО?

— Как ты сказал? — медленно переспросил Сергей.

— Клевая, говорю, дявцонка. — Сашка не стал присаживаться, взмахнул рукой и пошел к кому-то знакомому, проходившему неподалеку.

Сергей остался сидеть, пригвожденный.

Клевая?

Что. Это. Может. Значить?

Не используют таких слов крестьяне, тем более в двадцатых годах двадцатого века. Не используют. Однако Сергей четко слышал, да и Сашка повторил.

Значит...

Неужели все-таки розыгрыш? И Сашка всего лишь актер, случайно проговорившийся и поэтому так быстро исчезнувший?

Сергею показалось на мгновение, что окружающая его реальность побежала рябью, как на экране плохого телевизора. Все вокруг стало зыбким и туманным, ненастоящим.

Все это розыгрыш? И Загорки и Козья Гора — декорации, а их жители — статисты?

Сергей огляделся.

Не может быть.

Выстроить две деревни, состарить, наполнить атрибутами деревенской жизни столетней давности, набрать людей, обучить их местному говору, заставить жить крестьянской жизнью... Даже если вспомнить версию о безумном миллионере — слишком нереально. Да и смысл? Смысл всего этого? Чисто поржать? Так затянулась шуточка-то...

Может, все просто. Он все-таки в параллельном мире, и здесь слово «клевый» уже появилось в городах, а Сашка где-то его услышал и щегольнул перед ним городским словом. Возможно? Вполне.

И все равно, идя по улочкам Загорок, Сергей присматривался ко всему, пытаясь увидеть следы двадцать первого века.

Вечером Алена (актриса?) сказала, что уходит в лес, собрала пястерочку — рюкзак, плетенный из бересты, и ушла.

Сергей сидел на крыльце, глядя на закрывшуюся калитку. Актриса?

Не-эт, все же одно дело — играть и другое — жить. Руки, уже огрубевшие от работы, плотная кожа ног, постоянно ходящих босиком, — все это не сыграешь.

— Что, Тузик, — Сергей почесал за ухом выбравшегося из будки пса, — ты тоже актер? Звезда?

Гав.

Тузик соглашался быть хоть звездой, хоть кометой, лишь бы чесали.

— Вот и я об этом...

Уже наступили сумерки. От озера доносилось пение, крики, веселые взвизги. Праздник. И одинокий, никому в этом мире — да, пожалуй, и в нашем — не нужный Сергей.

Сон не шел, Сергей решил прогуляться, заодно размять больную ногу. Алена сказала больше ходить.

Прихрамывая, опираясь на верную палку, Сергей брел по пустым темным закоулкам Загорок. Вышел на задворки, прошел мимо низкого строеньица, судя по запаху — бани. Шагнул мимо...

В окошке, закрытом занавеской, мелькнул огонек свечи, послышался многоголосый девичий смех и перешептывание.

Гадают, вспомнил Сергей. Улыбнулся и повернулся уходить. Вдруг гадают они все же голышом да потом обвинят, что

подсматривал? Шагнул и застыл.

— Идет смерть по улице, несет блины на блюде...

— Кому вынется, тому сбудется...

Сергея как молнией пронзило.

Прошное? Это прошное?

В другом мире в двадцатые годы может появиться слово «клевый», но не песни Егора Летова!

Песня оборвалась, опять захихикали.

Сергей стоял, держась за столб забора. В голове было пусто и звонко. Он не понимал, что происходит. Он уже ничего не слышал.

В деревне раздался выстрел. Потом еще один.

Розыгрыш, билась одна-единственная мысль в голове Сергея. Розыгрыш. Розыгрыш?

Откуда в деревне времен большевиков могут знать современные песни?

Вдалеке прозвучало еще несколько выстрелов.

Откуда в двадцатые годы современный жаргон? Откуда?

И кто это стреляет?

Стреляют?

Действительно, уже не просто стреляли (выстрелы можно было бы списать на праздник), а слышались крики девушек, грубые мужские оклики, конское ржание.

Что происходит?

Сергей, ведомый неистребимым чувством всякого современного жителя, бросился было в ту сторону, откуда доносились выстрелы, чтобы, так сказать, лично убедиться, что ничего страшного не происходит.

Бросился и остановился.

Здесь не кино.

Здесь стреляют и убивают взаправду.

Стоит ли бежать туда, где произошло нападение?

Сергей развернулся к дому Алены.

Бежать к дому? Зачем?

Сергей остановился, встряхнул руками, резко выдохнул.

Соберись. Подумай.

Кто напал? Чекисты? То есть ОГПУ? Интересная версия. Вот только, во-первых, зачем им нападать ночью, когда они вполне могут спокойно прийти днем, во-вторых, зачем чекистам вообще нападать на деревню? Просто так, из злобной кровожадности?

Любое действие должно иметь причину.

Значит, что?

Напавшие не имеют к официальной власти отношения. То есть беляки.

Правда, зачем им это нужно, Сергей тоже не знал, просто вспомнил рассказы Данилы о захватах сел в Карелии. Или...

Они пришли, чтобы найти его, Сергея.

Прятаться!

Куда?!

Стоять! Будь мужчиной!

Отставить переоценивать собственную значимость. Мир, Сергей Аркадьевич, вокруг вас не вращается, и беляки не пошли бы на такой риск только из пошлой мести. Думай!

Что бы сделал настоящий — настоящий! — мужчина в такой ситуации?

Сергей резко выдохнул еще пару раз.

Настоящий мужчина выломал бы дрын из забора и сим дрыном выгнал бы напавших из деревни, чтобы потом на фоне заката...

Алена!

Сергей, больше не раздумывая, бросился к дому. Нога, чувствуя серьезность ситуации, даже не попыталась напомнить о хромоте.

Алена! Колдунья ушла из дома в лес за своими треклятыми травами! Что, если беляки ее поймали?

Чрезмерно развитое воображение тут же подсунуло пару картинок в стиле «что делают с девушкой, пойманной в темном лесу». Сергей взвыл и прибавил ходу.

Хоть бы она была дома. Хоть бы она была дома.

Сергей проскочил калитку, прогрохотал по ступеням крыльца и влетел в пустой и темный дом.

Никого.

Он сел на лавку.

Что делать?

Алены нет. Значит, она в лесу. Могли ли на нее наткнуться? Могли.

Стоп.

Могли ли?

Алена все-таки колдунья, обладающая возможностями, которые он ощутил на собственной... хм... шкуре. Скорее всего,

или ее не смогут найти, или она сумеет защититься своими силами.

Или он просто себя успокаивает?

Что делать?

«Бежать... — прошелестело в голове — Прятаться...»

Если даже беляки и пришли сюда по своим делам, у них наверняка есть агенты, которые уже сообщили им, что ты здесь и живешь у колдуньи. Думаешь, они откажутся от приятного бонуса?

Сергей замер и прислушался. На дворе было тихо. Он встал и почему-то на цыпочках стал красться к входной двери, как будто его могли услышать с другого конца деревни.

Достаточно выйти в огород и залечь в лопухах, чтобы его не смогли найти в потемках...

Взял свою палку-меч, подошел к двери, открыл...

Поздно.

В ярком лунном свете блеснул ствол винтовки. В калитке стояли двое в темных куртках.

— Сектант! Не соврал Семка. А ну иди сюда.

Сергей замер, как замороженный. Рвануться в дом? Не успеет... Винтовка направлена на него. Не успеет...

— Иди сюда, я кому сказал!

РРРГАВ! Гав! Гав! Гав-гав-гав!

Тузик, спокойная, дружелюбная собака, двигался к вошедшим, оскаленные клыки, отчаянный лай. Пес защищал дом.

Сергей качнулся было внутрь. Выстрел!

Пуля противно, так что похолодело внутри, зынькнула над головой и ударила в косяк.

— Иди сюда! Да успокой ты эту псину!

Выстрел!

Тузик отчаянно взвизгнул, подпрыгнул в немыслимом кульбите и упал на землю. Замер.

У Сергея возникло странное, незнакомое чувство, похожее на то, что испытываешь, когда тебя толкают в метро. Только сильнее. Он медленно двинулся к белякам.

— Руки есть чем скрутить?

— Да ну, что он нам...

Приблизившийся Сергей вскинул свой деревянный меч и нанес удар. Один из врагов взвыл от боли. Сергей замахнулся...

В лунном свете мелькнул приклад.

Темнота.

* * *

— Иди давай, сученыш!

Ствол винтовки ткнулся в спину.

Руки Сергею беляки все-таки не связали. Может, поленились.

Парня вели к «господину капитану». Там «его благородие» решит, что делать с «большевистской сволочью». Это с ним, значит.

Из этого радующего уверенностью в будущем заявления, а также из переговоров конвоиров между собой Сергей понял примерно, что происходит.

Он действительно оказался всего лишь бонусом. Господин капитан Ждан со своими людьми, судя по всему, давно планировал эту акцию. Правда, так и неясно, на кой ему это село. Ну захватил он его, ну придут потом красноармейцы и выгонят его обратно в Эстонию. В чем высший смысл-то?

В чем смысл захвата его, Сергея, к сожалению, понятно.

Мсть.

Он совершенно случайно ухитрился аж два раза помешать белякам и почти сорвать захват Загорок. Первый раз, когда сломал руку их единственному проводнику Андрюхе, после чего походы через границу осложнились. Второй раз — когда сломал ногу Хриплому — Егору, от которого тоже чего-то там зависело. В общем, претензий к нему накопилось преизрядно...

— Куда?! Стой!

Они уже вышли на центральную улицу (Сергея вели, кажется, к площади), как мимо них пронесся конь с всадником.

— Стреляй, дурак! — Один из конвоиров направил винтовку на Сергея. — Стреляй, чекистов приведет!

Второй припал на колено, повел стволом...

Выстрел, всадник опустил на шею коня, тот прыгнул и черным призраком в лунном свете исчез за поворотом.

— Попал? — Державший Сергея, видимо, не считал себя матерым снайпером, поэтому сам стрелять не стал. — Попал, нет?

— Конечно, попал, — самодовольно произнес стрелок. — Ты ж знаешь, как я стреляю. Рухнул, как заяц заполеванный. Пошли.

Они вышли на площадь. Сергей сделал несколько шагов и шарахнулся. На ветке старой липы висело тело. Огромное, оно

покачивалось в петле туда-сюда. Туда-сюда...

Сергей задрожал. Белое как бумага лицо, белая рубаша в темных пятнах. Длинные руки свисают, казалось, ниже... Ниже отсутствующих коленей.

На дереве висел Данила.

Сергея трясло.

Данила мертв. Убит.

Конвоиры ввели Сергея в здание волисполкома, что он даже не сразу заметил, потрясенный происходящим.

За столом товарища Поводня сидел Командир, знакомый Сергею еще по давней встрече в доме Никитича. Квадратный подбородок и взгляд убийцы.

Если бы не одинокая свеча — Сергей неожиданно узнал свое изделие, — в комнате было бы темно, как в склепе. Единственное и так маленькое окно было задвинуто шкафом.

В углу, куда не проникал свет, что-то шевельнулось. Сергей вздрогнул: там находился не ожидаемый Хриплый — видимо, лежавший сейчас с ногой в гипсе, а неизвестный монстр. Огромный мужик в темной куртке без оружия. Зачем такому оружие, от его лба пули отскочат, а волосатыми лапищами можно медведя заломать...

Сергея усадили на табурет у стола.

— Вот, ваше благородие, привели.

— Ага, краснопузый, — не особо обрадовался Командир. — Что с председателем?

— Отстреливается пока. Вон слышите?

Вдалеке раздавались автоматные очереди.

Автоматные?

Впрочем, после песен «Гражданской обороны» в исполнении местных девчонок Сергей не удивился бы, если бы узнал, что стреляют из автомата Калашникова.

— Хорошо, как возьмете его, доложите. Только непременно живым! Хочу с ним лично побеседовать...

От людоедских интонаций Сергея пробил озноб, хотя, казалось бы, куда еще страшнее.

— Будет исполнено, ваше благородие. Устроим ему...

Конвоиры ухмыльнулись и вышли.

— Ну что, краснюк? Знаешь, кто я такой?

— Капитан Ждан, если не ошибаюсь? — пробормотал Сергей.

— Совершенно верно, мистер Стенли. Вижу, меня ты знаешь. Вот теперь Расскажи-ка, милейший, мне, кто ты такой.

Приплыли... Что ему рассказать? Вернее, что он хочет услышать? Навряд ли историю о менеджере по продажам из двадцать первого века. И кто такой мистер Стенли?

— Я племянник дяди Анисима...

— А вот врать мне не надо.

— Может, ему ремня из спины резануть? — произнес громила из темного угла.

— Слышишь? — кивнул в угол капитан. — Будешь кочевряжиться, отдам тебя Рахиму. Он из тебя ремней понарежет.

Спокойный тон пугал сильнее громкого крика. Не оставалось сомнений — понарежет. Из живого. Совсем некстати вспомнились рассказы Данилы о казачьих развлечениях.

— Что вы хотите узнать? — Несмотря на все усилия, голос все-таки дрожал.

— Кто ты такой?

Что ему рассказать?

— Не нужно молчать, — хладнокровно предупредил капитан, — рано или поздно ты все равно заговоришь.

Сергей молчал. Капитан привстал, сжал жесткими пальцами подбородок Сергея и повернул его лицо к свету:

— Слабый большевик пошел нынче... Сколько лет?

— Двадцать пять.

— В революцию студентом был? Речь слишком правильная.

— Да.

Пусть вранье, но правде капитан не поверит. А молчать не получится. Не хотелось Сергею становится кожсырьем.

— В большевики тогда записался?

— Я не большевик.

— Я в сортах вашего навоза не разбираюсь. Большевик, меньшевик, эсер, анархист... Все вы, революционеры, одним миром мазаны. Все вы одним золотом оплачены, немецкие шпионы... Развалили Россию! Теперь на обломках пируете! Такая страна была, такая страна... Все, все продали, пропили, про...

Капитан ударил кулаком по столу.

— Вот скажи-ка мне, большевик, зачем вы повылезли? Вам что, жилось плохо? Вот ты учился, с папой-мамой жил, по улицам за ручку гулял. Зачем тебя в революцию понесло? Свободы захотелось? Какой свободы?

Судя по всему, капитану просто хотелось выговориться перед тем, как притащат председателя волисполкома. Где, интересно, все остальные жители? Неужели всех перестреляли?

— Свободы для кого? Для быдла? Зачем крестьянину свобода? Его задача, его цель в жизни — землю пахать, а не книжки завлекательные почитать. Землю пахать! А поднимет свое рыло из земли, хозяин его должен взять и обратно в землю уткнуть. Потому что мужик ленив и, если над ним с кнутом не стоять, ничего делать не будет, завалится на печи и водку начнет жрать. И с рабочими вашими, с пролетариатом... Знаешь, кого в Древнем Риме пролетариями называли?

— Нет.

— Э-эх, студент... Лучше бы ты учился, а не ерундой занимался, глядишь, больше бы толку было. Пролетарий — это тот, у кого нет ничего, кроме потомства, и единственная польза от него в том, что он плодится. И с кем вы хотите свое царство счастья построить? С бедняками и голодранцами? Запомни, большевик...

Капитан подошел к Сергею и склонился над ним:

— Никогда из крестьянина или рабочего не выйдет ни маршала, ни ученого, ни промышленника. Никогда! Всегда кто-то будет с плеткой стоять, не царь, так ваши вожди-евреи... Только недолго вам осталось, недолго. Подергаетесь немного, порыпаетесь да позовете нас, тех, кто умеет управлять. Что?

В дверь заглянул конвоир, а может, и кто-то другой, в полумраке было не разобрать:

— Ваше благородие, народ весь согнали в амбар, закрыли, ну... кроме девок нескольких...

— К чертям девок! Где председатель?

— Так по-прежнему. Они в доме как засели...

— Кто они? Четко!

— Так председатель, да еще несколько мужиков там к нему пробрались. С винтовками.

— Поджечь.

— Ваше благородие, так пробовали. Большак из своего пулемета садит, уже несколько человек положил. И латыш еще этот...

— Что еще за латыш?!

— Так жил тут в деревне один, из Москвы. Вроде бы ученый.

— И что этот ученый?

— Так он возле дома председателя в кустах спрятался, когда наши в обход пошли, он их положил...

— Мне что, — голос капитана Ждана заледенел, — самому идти разбираться, как справиться с кучкой мужичков?! Зачем мне нужны солдаты, если я все буду делать сам?!

Голова конвоира исчезла.

— Идиоты... — Капитан сел за стол. — Несколько сиволапых мужиков, а потеря — как при взятии Эрзерума. Нет, к черту, это последний раз был, потом уйдем через границу — и к Петру Николаевичу. Хватит вести свою войну... Что, большевик?

Сергей вздрогнул.

— Думали, ушла Добровольческая и все — ваша взяла? А нет, мы еще повоюем. Думали тогда, в октябре, захватили власть и все, баста, а истинно русские покорно пойдут под ваше ярмо? Черта с два! Что думских болтунов и Сашку Керенского прогнали — правильно, а вот что сами на его место уселись — зря... Место-то чужое.

— Нужно было царя вернуть? — Сергей даже сам не понял, зачем он спросил. Просто молчать становилось страшно.

— Царя? — усмехнулся капитан. — Николашку? Который, как говорили, сидеть на троне может и более ничего? Шлепнули его в Екатеринбурге, и туда ему и дорога вместе с его Гессенской мухой и выводком. Кого тогда? Мишку? Кирюху?

Сергей не слышал о царях Михаиле и Кирилле. Больше того, Сергей считал, что беляки сражались с большевиками, чтобы вернуть царя. Хотя... Это в его истории, а не в здешней альтернативке.

— Керенский, — продолжал капитан свою мысль — дурак дураком, а одно правильно сделал. Когда понял, что власть не удержит, рванул к Духонину и Краснову. Понял, комик, что только военные могут порядок навести...

— Постойте. — Может, Сергей что-то неправильно понял? — Так это что, Гражданскую войну начали белые?!

— Конечно, начали. Если твоя страна захвачена врагом, хочешь не хочешь, а войну начнешь. Думали, быстро вас к ногтю прижмем...

— Господин капитан, — Сергея понесло, — но ведь вы с собственным народом войну начали. Зачем вы убили Данилу, безобидного калеку?

— Безобидного?! Да твой калека двух моих человек убил,

прежде чем его застрелить смогли!

— Для него вы — враги. Ваши же коллеги ему ноги отрубили...

— Мои? — Капитан перегнулся через стол. — Ты моих товарищей — тьфу, такое слово испоганили! — обвиняешь в жестокости?! А ты знаешь, что ТВОИ товарищи творили с моими?! Погоны к плечам гвоздями приколачивали, живьем в землю закапывали, в Крыму топили, звезды на груди вырезали! И после этого ты хочешь, чтобы мы воевали в белых перчатках? Да нам бы сил побольше, мы всех, всех, кто вас поддерживал, всех бы вырезали...

Капитан скрипнул зубами:

— Если бы не немчура проклятая, не англичашки, не предатели-эстонцы — выбили бы мы ваших из Петербурга! Всех бы в расход пустили, всех!

Разъяренный капитан выхватил из кобуры пистолет и взмахнул им. В голове Сергея внезапно всплыло воспоминание: точно такой же пистолет висел на стене в Загорском музее в две тысячи десятом году. Перед глазами возникла табличка: «ТТ», он же «Тульский-Токарев», принят на вооружение в 1934...». Интересно, что он тогда делает в двадцать пятом? Альтернативка...

— Ваше благородие, — опять напомнил о себе Рахим из угла, — резать-то будем?

— Резать... — Остывший капитан убрал «ТТ» и сел за стол. — Значит, так, большевик. Поговорить — это интересно, но либо сейчас ты мне правдиво и кратко ответишь на мои вопросы, либо Рахим тебя на куски разрежет...

Для иллюстрации своих слов капитан бросил на стол перед собой нож.

Нож...

Деревянная рукоять, прямой клинок, длиной с ладонь. Толстый обух со скосом, доли...

Нож...

— Понятно, что главным у вас был латыш, но и ты кое-что знаешь, так что говори...

Нож...

Сергей смотрел на поблескивающее в свете свечи лезвие.

— Итак...

— Ваше благородие!

В помещение ворвался конвоир с винтовкой наперевес:

— Ваше благородие! Сбежал председатель! И латыш сбежал!

Капитан повернулся к нему. Медленно.

— Вон.

Конвоир исчез.

— Рахим. Помнишь, я тебя английскому учил?

— Yes.

Капитан встал и кивнул на Сергея:

— Kill him and's go.

Рахим неторопливо поднялся.

Нож...

Слова капитана Ждана продолжали звучать в ушах Сергея, замороженного блеском лезвия.

«Кил хим эндс го».

Кил хим...

Нож...

«Кил хим!» — прохрипел орк из компьютерной игрушки.

Нож...

«Кил хим!» — бросил своим подручным злодей из очередного американского боевика.

Рахим приближался медленно, как будто шел под водой...

Кил хим.

Убей его.

Меня сейчас будут убивать.

Нож!

Дальнейшее уложилось в секунды.

Крутанулся, взвываясь со стула, Сергей.

Скрежетнула по столешнице рукоять ножа.

Покачнулся, заваливаясь, мертвый Рахим с ножом в глазнице.

Рука капитана метнулась к кобуре.

Ладонь Сергея сбила свечу.

Упала темнота, мгновенно разорванная вспышками и грохотом выстрелов.

Капитан выругался про себя. Перед глазами плавали желто-зеленые пятна, в ушах звенело. Пошарил рукой по столу, но спички как сквозь землю провалились.

Где большевичок? Экая тварь оказался, сидел, притихший, запуганный, борода торчком, а как извернулся. Красный звереныш...

Где он? Ждан прислушивался к темноте. Тишина. Он выстрелил точно туда, где сидел красный, да еще несколько пуль — по направлению к двери, если вражина метнулся туда. Попал? Нет?

Капитан осторожно протянул ствол браунинга в темноту, пока тот тихонько не стукнул о сиденье табурета. Никого. Где он?

— Большевик, — прошептал капитан. По опыту он знал, что такой шепот пугает больше крика.

Молчание. Матерый...

Ждан выругался еще раз, уже в сторону здешнего председателя, закрывшего окно. В проклятой темноте ничего не видно. Интересно, подчиненные прибегут на выстрелы?

Не прибегут. Решат, что командир шлепнул красного...

Капитан медленно двинулся в сторону двери. Достаточно открыть ее, и лунный свет покажет, где притаился противник. Поводил невидимым стволом пистолета, готовый стрелять на каждый звук. Идиоты подчиненные вполне могли не обыскать, а получить нож в печень или удавку на шею капитану не хотелось. От такого опытного агента всего можно...

Шорох!

Бах! Бах!

Яркие вспышки выстрелов... темнота. Тишина. Звон в ушах... Трах!

Сильный удар по голове мгновенно отключил капитана от действительности.

Сергей, все это время лежавший у стола, разжал пальцы. Ножка от табурета упала на пол и покатилась. Сам табурет был разбит о голову капитана.

Пальцы дрожали, во рту стоял отвратительный металлический вкус.

Сергея колотило, он подошел к двери и открыл ее. Лунный свет слегка развеял темноту, осветив два лежащих тела.

Убил, вяло подумал Сергей. Еще двоих...

Он наклонился, чуть не упав, и подобрал с пола пистолет капитана. Тяжелый...

Покачиваясь, Сергей выбрался из помещения в коридор. Ухватился за косяк. Ноги подкашивались. Колено опять заболело.

Нужно убираться.

Сергей подошел к покосившейся входной двери. Остановился. Поднес к глазам пистолет.

Капитан стрелял. Значит, он заряжен, снят с

предохранителя, затвор передернут. Можно стрелять. Правда, не умею, но жить захочешь — научишься.

Крепко сжимая рукоять, Сергей выглянул на улицу. Никого. Вышел, оглянулся. Куда идти?

— А, сяктант... — раздался за спиной неприятный голос.

Сергей повернулся. Ну кто еще...

Семен. Приятель Губастого. В руках — винтовка.

— Куда это ты направляешься? Погулял. Откресовался. Отгулялся с нашими девками...

Вооружен?! Так вот кто провел сюда беляков. Тварь... Погоди...

— Вот тябя господин капитан на рямни порежет, повязжишь. Или я тябя сам сячас штычком...

Как все мелкие тиранчики, Семен упивался собственной властью над беззащитным «сяктантом» и поэтому только в последний момент увидел направленный на него пистолет.

Спуск был неожиданно тугой, Сергей нажал изо всех сил и даже удивился, когда пистолет наконец выстрелил.

Бах!

Первый выстрел, который Сергей сделал в своей жизни.

Семен покачнулся и рухнул на спину. На груди расплылось черное пятно.

Новичкам везет...

Третий, подумал Сергей. Или шестой, если посчитать беспризорников. В моих кошмарах скоро будет не протолкнуться...

Сергей посмотрел на мертвеца и двинулся прочь. Пистолет покачивался в опущенной руке.

Он шел по краю улицы, в тени кустов. Мысленно продолжая разговор с мертвым капитаном Жданом.

Погоны к плечам, живьем в землю, звезды на груди? Раньше, узнав о таких зверствах большевиков, Сергей бы поверил. Чего еще от них ожидать? Но сейчас... Да еще от капитана Ждана...

Не верю я вам, господин капитан. Не верю. Не вам.

Обвинения в зверствах от того, кто сам палач и садист? Какова цена вашим словам, капитан?

Ваши зверства я видел сам — отрубленные ноги, повешенный калека, налет на деревню, убитый мальчишка, которого спутали со мной, а о зверствах большевиков слышал только от вас. И еще...

Я вижу, что делают большевики и что делаете вы. Они работают. Строят. Вы — воюете. Разрушаете.

Кто лучше?

В голове Сергея, напичканной фэнтези, всплыла ассоциация, как нельзя лучше подходящая к случаю.

Противостояние большевиков и беяков — не борьба добра со злом.

Большевики — порядок. Беляки — хаос.

На чью сторону встать?

Вы обвиняете большевиков в том, что они могут только разрушать?

Сергей сам не заметил, как стал приписывать Ждану то, чего тот не говорил. Подобное Вышинский уже где-то слышал, когда-то читал, что-то помнил...

А вы, капитан, что делаете вы? Не разрушаете ли?

Если в прошлом Сергея большевики разрушили старый мир, после чего начали Гражданскую, то здесь все было иначе.

Здесь большевики не собирались ни с кем воевать. Войну начали белогвардейцы. Не потому, что они стояли за справедливость. Просто потому, что власть — не у них.

Здесь большевики были лучше беляков. У них был план того, что они хотят строить.

Беляки хотели разрушать. Строить они не собирались. У них не было даже примерного плана постройки.

Большевики — порядок. Беляки — хаос.

За кого быть?

Сергей вздрогнул. Выстрелы.

Он стоял перед воротами дома Алены, беззвучно шевеля губами и споря с покойным капитаном.

Что за выстрелы?

В деревне стреляли. Шла отчаянная перестрелка, расцвечиваемая автоматными очередями. Пулеметными. У председателя есть пулемет. Как он его с собой таскает, интересно?

В голове Сергея возник образ эдакого «красного терминатора» с пулеметом «Максим» наперевес.

Хотя нет. Подкрепление подошло. Кавалерия.

Сергей посмотрел на ворота. Оглянулся. Опять взглянул в сторону Алениного дома.

В доме — никого, кроме застреленного Тузика. Алены нет, или она спряталась.

А за спиной сражаются люди. В том числе и за него, дурака.
Пусть у него только пистолет...

Сергей шагнул, прошипел от прострелившей колено боли и, хромая, двинулся в сторону стрельбы.

Терминатор, блин...

Он подошел к узкому темному проходу между кустами...

— Большевик... — прошипело оттуда.

Из проема выбрался...

Капитан Ждан.

Мертвый?

Белое в лунном свете лицо, перечеркнутое черными кровавыми потеками. Капитан был похож на живого мертвеца. Упыря, чье единственное предназначение — рвать и убивать тех, в ком течет горячая кровь.

Сергей вскинул пистолет и нажал на спуск.

Щелк.

Выстрела нет.

Щелк. Щелк. Щелк.

Капитан оскалился, став еще страшнее, и поднял свой пистолет. Где он его взял?

— Молись, большевистская тварь.

Сергей в отчаянии бросил бесполезное оружие в капитана. Тот отстранился, и пистолет с шорохом улетел в кусты.

На Сергея смотрел черный зрачок ствола.

Все.

Сейчас капитан его застрелит.

Дурацкий конец дурацкой жизни.

Быть застреленным белогвардейским капитаном в песковской глуши.

— Молись или свой Интернационал пой.

Сергей бы спел, если бы знал слова...

Он выпрямился и взглянул на капитана. Нет, не допрыгнуть...

— Стреляй.

Если не получилось прожить как человеку, хоть умереть достойно.

— Стреляй, — спокойно проговорил Сергей, растягивая губы в нервной ухмылке, чтобы не сорваться на истеричный визг.

— Идейный... — Капитан оскалился еще больше, вообще перестав быть похожим на человека.

Не зажмуриться... Не зажмуриться...

Сергей смотрел Ждану в глаза.

Тот поднял пистолет на уровень лица.

Щелкнул выстрел.

— Х-ха, — сказал капитан.

Кто стрелял?

Ждан выронил пистолет и рухнул лицом вперед.

— Доброе утро, товарищ Вышинский.

Из темного заулка вышел товарищ Вацетис. С дымящимся револьвером.

Уже начало рассветать.

— Доброе утро...

Сергей потерял сознание.

* * *

Сергей лежал, прикованный к жесткой скамье. Над ним склонялись лица мертвых людей. Беспризорники, застреленный Семка, Рахим с ножом в глазу... Заслоня всех, выплыло бледное, окровавленное лицо капитана Ждана.

— Сярежа... — прохрипел он.

— Сярежа.

Капитан оброс бородой и волосами, постарел и превратился в пасечника.

— Сярежа, — настойчиво повторил он, — ты живой?

Сергей понял, что очнулся.

— Дядя Анисим, — произнес он слабым шепотом, — у тебя есть патроны для нагана?

Никитич оглянулся и наклонился к Сергею:

— Найду. А тебе зачем?

— Дядя Анисим... Надоело, что в меня постоянно огнестрельным железом тычут...

— Будут, — серьезно сказал Никитич.

Сергей попытался приподняться:

— Где я?

— У Алены дома.

— Где Алена?

— Во дворе, с Тузиком своим возится.

Тузика застрелили...

— С ней... как... все в порядке?

— Да ня пряживай ты. Она только пришла, беляков успели разогнать...

Никитич коротенько рассказал Сергею, что произошло.

Ночью люди капитана Ждана влетели в деревню. Застрелили нескольких мужиков, схватившихся за оружие, большую часть народа загнали в подвернувшийся сарай. В волисполкоме их встретил ночевавший там Данила. Двух беляков он задушил, одному проломил голову. Его застрелили и повесили мертвым на дереве. Утром планировалось согнать всех жителей на площадь и толкнуть речь, нужен был наглядный пример. Товарища Поводня собирались захватить вместе со всеми, но тот отказался участвовать в празднике и был дома, поэтому, когда прогремели выстрелы, он успел забаррикадироваться в доме и занять оборону вместе с товарищем Вацетисом, несколькими мужиками, которые прибежали к нему, и пулеметом.

— Кто, интяресно, провел капитана в Загорки? — риторически спросил пасечник. — Поймать бы этого проводника...

— Семен. Я его...

...Застреленный Семен падает в траву...

— ...видел.

— Так это ты Семку Донцова застрелил? Это яго рук дело? Туда яму и дорога была...

В общем, план капитана накрылся медным тазом. Председатель не арестован, люди гибнут, да еще пойманный агент большевиков оглушил табуреткой и убежал. Придя в себя, капитан, видимо, понял, что все провалилось.

В деревню пришли с двух сторон помощники. Огэпэушники, вызванные Сашкой. Это он пронесся мимо Сергея, в него стреляли конвоиры. Правда, так и не попали. И примчавшиеся на стрельбу из окрестных деревень, в том числе и из Козьей Горы, мужики. Сергей обратил внимание, что в руках у Никитича — винтовка.

«Крестьяне были покорные, забитые и запуганные большевиками», — всплыли в памяти уроки истории. Нет, в нашем мире, возможно, но не здешние. Этим палец в рот не клади...

Подкрепление с двух сторон насело на беляков, и те начали разбегаться. Кого положили сразу, кто успел скрыться. Пленных почти не было.

Капитан, увидев все это, тоже рванул из Загорки. И наткнулся на Сергея. К огромному везению последнего, идущий в

волисполком товарищ Вацетис увидел скрывавшуюся в кустах тень и успел вовремя.

Сергей вспомнил свой позорный обморок:

— Дядя Анисим, а я это... как девчонка...

— В обморок упал, что ли? Ня бяри в голову. Первый раз под пулями яско и ня то бывает. Вон, у нас в полку один был. Яго, когда беляки расстреливать собрались, он и вовсе в штаны наклал. Так что ты хорошо дяржался. Вацетис сказал.

В избу заскочила Алена:

— Сярежа!

Колдунья в несколько секунд подскочила к Сергею, огладила, ощупала все и вся, потом отскочила и покраснела. Сергей тоже засмушался и попытался встать.

— Цто ты ляжишь? Цто ты ляжишь? — налетела Алена. — Ты цто, больной? Раненый? Убитый? Встань и иди!

Сергей встал и упал обратно на лавку: закружилась голова.

— Я это... — хмыкнул Никитич, — пойду, пожалуй... Сярежа, как это... закончите...

Сергей с Аленой синхронно покраснели.

— ...зайди в волисполком. Там тябя ОГПУ хотел услышать.

Никитич скрылся. Алена погладила Сергея по груди, тяжело вздохнула и вывела его на крыльцо, подышать воздухом.

Сергей присел на ступеньки, и к нему немедленно подошел за порцией пузочесания... Тузик!

— Тузик?

«Гав», подтвердил тот, ожидающе глядя на Сергея.

— Ты как выжил-то? — спросил Сергей, почесывая собаке живот. — Ах вон оно что...

Ухо Тузика было прострелено, вокруг дырочки запеклась кровь.

— Так ты, зверюга, просто притворился мертвым?

Гав. В гавканье явственно прорезались нахальные братковские интонации. Типа, не ба-аись, и не та-аких ла-ахов разва-адили.

* * *

Сергей настороженно приоткрыл дверь в помещение председателя. Во-первых, еще после первого общения с Поводнем Сергей этой комнатки побаивался, во-вторых, после разговора с

капитаном и последующих событий неприятных ассоциаций стало только больше, в-третьих, здесь его ждал таинственный и незнакомый огэпэушник. Кто его знает, вдруг местные органы правопорядка наконец раскачались и заинтересовались личностью таинственного сектанта.

Огэпэушник оказался не таинственным и вполне знакомым, тем самым, что уже опрашивал Сергея после нападения беляков. И интересовала его не личность Сергея, а его участие в ночной перестрелке.

Сергей все рассказал, как его спутали с агентом, как он сумел сбежать, как потом столкнулся с капитаном. Огэпэушник все записал и откланялся. На пороге обернулся:

— С нашим агентом, говоришь? Х-хе... Ты, если будет желание, приходи к нам. Нам лихие ребята с головой нужны.

— Товарищ...

— Еншин.

— Товарищ Еншин, а кто был агентом ОГПУ? С кем меня спутали? Если это не секрет, конечно.

Товарищ Еншин усмехнулся:

— Да не секрет. Не было у нас агентов в Загорках. У нас людей не хватает. До свидания.

Повернулся и вышел.

Почему здесь молодые на таких ответственных должностях?

— Ну что, Сярежа. — Председатель поставил на стол бутылку водки и стакан. Налил до краев. — Пей.

— Я...

— Пей.

Сергей взял стакан, вздохнул и медленно выпил. Жидкость обожгла рот, пищевод и желудок... И испарилась. Сергей даже не почувствовал опьянения, водка мгновенно была сожжена адреналином, все еще кипящим в крови.

— После боя — первое дело, — одобрительно кивнул Паша Поводень. Не такой уж и страшный. По сравнению, скажем, с капитаном Жданом. Все познается в сравнении.

Сергей взял с миски ломтик — плейстерок, как говорили местные — сала, забросил в рот, опустил на табурет, повернулся... Замер.

Рядом с ним, прислоненный к столу, стоял...

Автомат Калашникова?

Хотя нет...

Или он?

Вообще-то, на самом деле, если как следует посмотреть, то автомат был на «калашникова» не очень похож. Деревянный приклад, нет трубки над стволом, мушка не такая высокая. Сам корпус деревянный или, наверное, обложен деревом, такая же рукоять, как у винтовки, перед изогнутым магазином. По сути, больше всего этот автомат напоминал укороченную и утолщенную винтовку, в которую вставили широкий изогнутый магазин. Наверное, не «калашников».

Или все-таки он?

После песен «Гражданской обороны» и молодежного жаргона Сергей не удивился бы.

В принципе, автомат выглядел именно так, как и должен был бы выглядеть «калашников» в двадцатые годы. Постойте, а сколько сейчас Калашникову лет?

Сергей подумал. Оружейник по телевизору выглядел так, как будто ему уже лет сто. То есть сейчас, в двадцать пятом, ему... пятнадцать лет. Нет, навряд ли это его автомат. Даже если предположить, что Калашникову в 2010 было сто десять лет — хотя люди столько не живут — и сейчас он ровесник Сергея, то все равно ему двадцать пять. В таком возрасте автоматы не изобретают...

Хотя, может, Калашников в этой реальности родился раньше?

Кстати. Тут Сергей вспомнил, как говорили о том, что Калашников свой автомат не сам придумал, а скопировал у немцев. Может, это тоже какая-то иностранная конструкция.

— Паш, — спросил Сергей у председателя, — а откуда у тебя... это?

Он указал на автомат.

— Так когда я воявал в восемнадцатом на юге, с дроздовцами, в бою у беляков захватили. Сначала приглянулась, необычная штука, потом попробовал стрелять — разонравилась: сложная, патроны цастенько заядают, тяжелая. А потом приноровился — ницего... Жаль только, что патроны уже кончились, а где такие найти — ня знаю...

Паша-председатель крутанул на столе патрон. Сергей взял валявшийся рядом второй, посмотрел.

Чуть меньше винтовочного, чуть больше автоматного. Этакий промежуточный. Сергей вспомнил, как выглядели патроны,

которые им показывал на уроке ОБЖ учитель — бывший вояка. Гранату давал посмотреть, черную, ребристую, настоящую лимонку, еще пугал, что может взорваться. Даже один раз принес магазин от «калаша» и разрешил разрядить-зарядить.

— Паш, а винтовка эта немецкая?

— Поцему немецкая? — обиделся товарищ Поводень. — Наша, русская. Яё яско при царе какой-то офицер придумал...

— Калашников? — вырвалось у Сергея.

— Ня помню. Может, и Калашников...

Сергей недоверчиво посмотрел на автомат. Правда, что ли, вариант АК двадцатых годов?

А он еще думал предложить чертежи автомата. Зачем чертежи, если в этом мире автоматы еще при царе придумали. Под промежуточный патрон.

— Отдам я, пожалуй, свое ружье в музей, — мечтательно произнес Паша. — А цто? Будет и у нас в Загорках свой собственный, поцему нет? Дети будут приходить, смотреть, с цем их отцы от беляков отбивались...

Будет, будет здесь свой музей... Может, энтузиаст Паша его и создаст. Вот и проблема твоя разрешится, Сергей Аркадьевич, нужно будет только подождать до сорокового года, пока местный крестьянин откопает артефакт...

* * *

— Ну ты, Сярежа, приходи через нядельку. Прочитаю я над тобой заговор от пуль, от всяго. На Андрея Наливу. Запомнил? На Наливу.

Алена по своему обыкновению поглаживала Сергея по груди.

Синяки и побои прошли, беляки были разгромлены. Разве что нога изредка стреляла болью. Причин задерживаться в Загорках больше не было. У Сергея появились мысли отправиться в город, но ленивая натура пока еще брала верх.

Поработаю пока у Никитича, там посмотрим...

Недавно похоронили Данилу. Над гробом рыдали женщины, и даже мужики, не скрываясь, смахивали слезу. Сам Сергей, на что уж наше время не приветствует мужские слезы, и то чувствовал, как они наворачиваются на глаза, предательские капли.

В ночь нападения отряда капитана Ждана несколько беляков

ворвались в комнатку Данилы. Он жил прямо в волисполкоме. Уж понять, что точно произошло, сложно, но, судя по всему, пара беляков заключила, что безногий и безобидный — синонимы (если они, конечно, знали второе слово), и, решив поиздеваться над Данилой, подошли слишком близко. На расстояние вытянутых рук.

Одному Данила проломил висок кулаком, в секунду даже не задушил, сломал шеи еще двоим и уже схватил было трофейную винтовку, как его застрелили.

Сергей поморщился, чувствуя опять пощипывание в глазах, и погладил по голове Алену.

— Добрый день.

В калитке стоял Вацетис.

Алена мгновенно ошетинилась. Сергей попытался было улыбнуться — все-таки латыш спас ему жизнь, но улыбка искривила губы и пропала. Не вызывал этот человек симпатии все равно.

Вацетис, не улыбаясь вовсе, прошел в калитку, за ним во двор проникли еще два человека — молодые парни. В белых рубашах с расстегнутыми воротами, в белых кепках. Такие же неулыбчивые.

— Что вам нужно? — Алена только что не шипела.

— Вы знаете, гражданка Выреева. Книга.

— Не отдам!

Сергей замер. Он не знал, на чью сторону встать.

— Тогда, — Вацетис улыбнулся, криво и неприятно, — с нами поедете вы.

— А ты заставь мяня!

— Либо поедете со мной... — Вацетис извлек из кармана револьвер. — Либо мы перешагнем через ваше мертвое тело и найдем книгу сами.

Вацетис смотрел очень серьезно, немного походя на темного властелина из книг. Сегодня он изменил своей обычной гимнастерке и был одет в черную одежду: сапоги, штаны, подпоясанная рубаша. Поверх всего, несмотря на лето, — расстегнутый черный плащ.

— Ты ницего не забыл? — прищурилась Алена.

— Нет, — так же криво усмехнулся Вацетис. — Не сообщайте противнику о своей силе, и он не обнаружит вашей слабости, гражданка Выреева.

Латыш надменно взглянул на колдунью сверху вниз.

— В вашем заговоре от всего... — Он выделил последние слова. — Не упомянуты благородные металлы. Серебряные пули...

Вацетис покачал револьвером.

— По какому праву? — Сергей неожиданно осознал, что загораживает Алену.

Вопрос был истеричным и глупым: ствол права Вацетиса смотрел Сергею прямо в живот.

Латыш, который, казалось, продолжал смотреть на Алену сквозь ее заступника, перевел взгляд на Сергея:

— Сектант. Вам какое право нужно, гражданин Вышинский? Устроит ли вас такое?

Вацетис извлек из-за пазухи сложенный лист бумаги. Развернул и показал.

Сергей выхватил из текста, напечатанного на машинке, фразу: «...Всем гражданам Союза С.С.Р. оказывать содействие в деятельности сотрудникам И.И.Ф. Сотрудники имеют право привлекать к деятельности И.И.Ф. любых граждан на любой основе...» Внизу было набрано: «Народный комиссар В.С.Н.Х.» и стояла подпись: буква «Ф», похожая на вонзенные в лист с размаху ножницы, и разборчивая фамилия «Дзержинский».

— Где здесь сказано, что вы можете арестовать Алену?

— Арестовать? Она пойдет с нами добровольно...

— Ага, жди! — высунулась Алена из-за спины Сергея и резко замолчала.

Вацетис вытянул левую руку и разжал ладонь. Из нее выпал и закачался на черном шнурке некий непонятный предмет. Алена глядела на него, как на приговор.

— Ведь так? — с нажимом произнес Вацетис. — У вас есть выбор.

Он со значением покачал револьвером. Его подручные стояли позади, как свита.

Сергей ничего не понимал. Что происходит? Что это за штука?

— В чем вы ее обвиняете?

— Ни в чем, — бросил Вацетис. — Вы путаете нас с блюстителями правопорядка. Нам нужна ее помощь в наших исследованиях.

Алена отодвинула Сергея и медленно пошла вниз по ступенькам крыльца.

— Алена...

— Сярежа, ты ня поможешь...

Алена подошла к Вацетису:

— Пойдем.

— Я рад, что вы были благоразумны, гражданка Выреева.

Вацетис, в сопровождении своих молчаливых слуг, повел Алену к калитке. На середине двора она обернулась:

— Сярежа, скажи дяде Анисиму, цтобы за хозяйством присмотрел кто-нибудь... И есцо... Разрешаю.

Алена посмотрела на Вацетиса и двинулась к калитке. Оставленный, как ненужная кукла, Сергей стоял столбом, глядя вслед.

Что-то было не так, даже несмотря на общий абсурд ситуации. Что-то не так...

Если есть письмо и таинственная штука, зачем пугать револьвером? Пугать...

Вот оно!

Пугал!

Грозные, высокопарные речи, черная одежда — все это играло на образ злодея. Вацетис не собирался стрелять. Он взял Алену на испуг. Либо бумага поддельна, либо Вацетис знал, что Алена на нее не обратит внимания.

— Постойте! — выкрикнул он в спину уходящим.

В руку как будто сам собой прыгнул черенок от лопаты.

Вацетис нехотя обернулся:

— Кот!

Один из молчаливых прыгнул навстречу Сергею, но не успел. Под ударом черенка хрустнули кости предплечья. Молчаливый — Кот? — упал на землю, прижимая покалеченную руку. Он тихо шипел от боли.

— Федот!

Второй подручный оказался ловчее. Изогнувшись, он ушел от удара палкой, приблизился вплотную, держа перед собой сжатые кулаки.

Резкий неразличимый удар в подбородок.

Сергей отключился на несколько секунд.

Перед глазами все плыло, голова кружилась, в ушах шумело.

— Постойте, — проговорил он, приближаясь к кружащимся и вращающимся противникам.

Удар. Темнота.

* * *

Сергей очнулся от влажного прикосновения. Он сидел, прислоненный к столбу крыльца. Тузик еще раз лизнул его в нос.

Откуда туман?

Сергей потер глаза. Туман несколько рассеялся, превратившись в дымку, иногда раздваивающую предметы.

Если меня так и дальше будут бить по голове, то скоро вопрос о том, как попасть в будущее, отпадет. Я просто не вспомню о том, что такое будущее...

«Гав», — напомнил о себе Тузик.

— А где хозяйка? — почесал псину за ухом Сергей.

И вообще... Что это было?

Мозг от удара, казалось, рассыпался на составляющие объемного пазла и работать не хотел.

Что это было?

Вацетис. Приходил Вацетис с незнакомцами и увел Алену. Зачем? Кто он вообще такой? ОГПУ?

«ИИФ», — вспомнили покалеченные мозги. ИИФ? Что это?

«Одна из функций Microsoft Access», — всплыли в памяти казалось бы напрочь забытые сведения из однажды пройденного курса.

Вацетис — из функций Access?

Бред. Тебя ударили по голове, и она не работает.

Сергей попытался подняться на ноги, чтобы убедить самого себя, что он в порядке. Закружившаяся голова неопровержимо доказала ему, что он не в порядке. Сергей упал обратно на крыльцо. Раз не можем идти — будем думать.

ИИФ — сокращение. Большевики вообще любят сокращения. Интересно, это только здешние большевики их любят или в нашем прошлом тоже такое было?

Викниксор. Память работала странно, выдавая некие сведения и забывая уточнить, что это значит и откуда вообще взялось. Сергей поразмышлял немного над непонятным словом, потом оно уплыло обратно в глубь мозга.

Вацетис из ИИФ...

Один из отделов ОГПУ? Сергей подумал о том, как может расшифровываться такое сокращение. В памяти всплыли слова (кстати, чьи?) о том, что Вацетис — ученый. Ученый...

Ученые работают в институтах. ИИФ — институт? Институт чего?

Исторической физики? Интегральных фрагментов? Икс... экспериментальной филологии?

Так, пойдем другим путем. Чем занимался Вацетис? Требовал от Алены книгу заговоров. Что такое заговоры?

Фольклор.

Институт изучения фольклора?

Вацетис — местный Шурик?!

С бумагой, подписанной Дзержинским и правом арестовать кого угодно. Хороший Шурик...

Хотя погодите. Дзержинский бумагу подписал, но это не значит, что Вацетис из ОГПУ, Железный Феликс в здешнем мире чем только не занимается, даже беспризорниками. Должность Дзержинского в бумаге была как... как... глава ВСНХ, в общем. А ВСНХ — местное министерство промышленности. Ага...

Вацетис ищет заговоры для некоего промышленного института.

Бред.

Сергей попытался встать еще раз. Голова кружилась, но стоять было можно. Особенно если не отпускать столб.

От напряжения мозг сложил пазл, и Сергей вспомнил почти все.

Вацетис угрожал Алене, чтобы та отдала книгу. Когда она отказалась, он, угрожая ей серебряными пулями и неким амулетом, а также бумагой от Дзержинского — бредовая смесь, но так все и было, — забрал ее с собой. Кстати!

Кто сказал, что бумага настоящая?

Что, если Вацетис вовсе не посланник Дзержинского, а...

А кто?

Мать-мать-мать...

Сергей опустился обратно на ступеньки. Если Вацетис не посланник ОГПУ, то он, скорее всего, один из тех, кого он, Сергей, и искал.

Вацетис — МАГ.

Единственная категория людей, которым могут понадобиться колдовские знания. Маги.

И Сергей его потерял. И Алену.

Алена в руках черного мага?! Светлый так себя вести не будет.

Сергей зарычал и рывком поднялся на ноги. В глазах потемнело, но он отчаянно попытался идти. Воображение, развитое чтением фэнтези, выдало множество картинок судьбы невинной девушки в руках злобного колдуна.

Девчонку надо выручать.

Сергей прошел некоторое расстояние, прежде чем понял, что ходит по кругу, сопровождаемый неунывающим Тузиком.

Куда идти?

Где искать человека, о котором он не знает ничего, кроме имени?

Сергей сел на... Тузик взвизгнул и выскочил... на крыльцо.

Жаль, подумал Сергей, что я не герой книги. В книгах, если у героя похитили девушку, он всегда знает, куда ее тащат. Или находит кого-то, кто выдаст ему эту ценную информацию. Как жаль, что я не герой книги.

Хотя... Можно ведь пойти и опросить людей. Кто-то ведь может рассказать о Вацетисе... Ага, скорее всего, что он из Москвы. Бумагу-то он показывал не одному Сергею. А если она поддельная... Хотя проверить можно легко — позвонить в ВСНХ и уточнить. Как он заметил, особого страха перед ведомствами здесь не испытывают. Хотя... Позвонить. А есть ли здесь телефоны?

«Барышня, Смольный», — выдал мозг еще одну порцию информации без уточнения. Правильно, если телефоны были в революцию, то сейчас они тем более есть. По крайней мере в городах. Вацетис жил здесь достаточно долго и мог предположить, что кто-то позвонит и уточнит.

Или он всех околдовал?

Черный маг на службе министерства промышленности, возглавляемого основателем ЧК.

По голове ударили слишком сильно.

У Алены был настой от головной боли, которым она поила Сергея в предыдущий раз. Кажется, еще немного осталось.

Сергей, иногда держась за стену, прошел в избу и пошарил на полках. Горшочек с настоем нашелся почти у самой печи. Сергей отхлебнул через край.

Замер.

Нет, настой был тот самый, головная боль, почувствовав знакомый вкус, даже попритихла. Сергею пришла идея.

Можно бежать по следу Вацетиса. А можно подождать, пока он придет за тем, что ему нужно. За книгой.

Рано или поздно он узнает от Алены, как взять книгу, и придет за ней. А он, Сергей, устроит ему ловушку. Или...

«Разрешаю». Он вспомнил слова Алены. Сказанные ему. К чему они могли относиться, как не к книге?

Алена хотела, чтобы он забрал ее и перепрятал.

Он перепрячет. И когда Вацетис найдет его, он будет готов.

Сергей сел за стол и обхватил успокоившуюся голову руками.

Товарищ Вышинский, а вы роль не попутали? Ты — менеджер по продажам, бестолочь и раздолбай, собираешься бросить вызов черному магу неизвестной силы?

А почему нет?

Сергей вспомнил все, что с ним произошло за последний месяц. Схватка с беспризорниками, несколько стычек с белогвардейцами, в одной из них он вышел победителем, и с самим Вацетисом он уже сталкивался...

И остался лежать без сознания.

Без сознания, но не превращенный в лягушку. Судя по поступкам, Вацетис если и маг, то не очень сильный.

Можно попробовать справиться.

План таков.

Найти книгу.

Сергей порылся в запечном углу, откуда Алена доставала книгу. Потом догадался заглянуть в сундучок, стоявший рядом. Разворошил несколько пучков травы, мешочки, сверточки.

Книга лежала на дне.

Сергей осторожно развернул холстинку. Книга не реагировала.

— Хозяйка разрешила тебя взять, — прошептал Сергей и тихонько дотронулся до обложки.

Ничего. Значит, можно.

Сергей завернул книгу обратно в тряпицу и спрятал за пазуху.

* * *

Сергей сообщил о том, что Вацетис похитил Алену, председателю. Паша Поводень тоскливо посмотрел на Сергея и сказал, что он видел бумаги Вацетиса и тот действительно может привлечь любого человека. С товарищем Дзержинским не

поспоришь...

Сейчас кто-то видел, как латыш вместе с двумя подручными и молчаливой Аленой сели в телегу и отправились по дороге в Песков. Было это с час назад, так что добраться до города они еще не успели и если Сергей хочет, то может поскакать следом и перехватить их. Хотя лично он, Поводень, не советовал бы ему связываться с представителями Дзержинского. Кто их знает, этих ученых, может, они на самом деле контру выслеживали и Алена как-то оказалась замешана?

У Сергея было свое мнение на этот счет, но от перехвата он вежливо отказался, подумав, что поскакать вслед он сможет только на скакалке.

Ездить на коне он не умел.

* * *

Пах! Пах!

Пули вошли в мягкую глину почти рядом. Сергей опустил дымящийся наган.

С момента похищения Алены прошла неделя.

В тот же день Сергей дошел до Козьей Горы и сообщил Никитичу о случившемся. Отреагировал тот на удивление вяло. То ли тоже не собирался связываться с ОГПУ, то ли верил в способности Алены выкрутиться из любой ситуации. Только договорился с односельчанами, и теперь за хозяйством Алены присматривал Мишка, тот самый семилетка, который встречал Сергея в его первый приезд в Козью Гору. Для Сергея сама мысль о том, что в таком возрасте ребенок может присматривать за хозяйством, была дикой. Сразу вспоминались дети его времени: капризные, визжащие в магазинах и требующие купить все и еще немножко сверх того. Они вообще казались еще не совсем людьми. А здесь... Присматривать за хозяйством... Таскать воду из колодца... Удивительно...

Всю неделю Сергею пришлось помогать Никитичу с сенокосом, с пчелами и вообще по хозяйству. Усталости, той, что была вначале, уже не было. По крайней мере, Сергей находил в себе силы вечером на час уходить в лес, тренироваться в стрельбе.

Никитич, как и обещал, подогнал Сергею патроны к трофейному нагану, и теперь Сергей учился стрелять. Вернее, вообще обращаться с оружием.

В некотором роде для Сергея стало откровением, что после стрельбы револьвер нужно чистить и смазывать. К тому же собственно стрельбе предшествует выхватывание оружия, а за стрельбой следует перезарядание. Потому что стозарядные револьверы существует только в кино.

Сергей приходил в овраг, и начиналось издевательство над самим собой.

Спрятать револьвер за пояс или в карман. Выхватить. Спрятать его еще раз. Выхватить. Спрятать. Выхватить. Спрятать. Выхватить.

Выхватить и выстрелить. Еще раз. Еще раз.

Сергей для себя уже понял, что наган ему нужен для самообороны, то есть для стрельбы по людям, стоящим рядом. И его спасение — не думать о том, есть ли у противников дети и кто будет по ним плакать. Выхватить и выстрелить.

Добиться такой скорости стрельбы, как у киношных ковбоев, конечно, не получалось. Может, все дело было в слове «кино»?

Выхватить и выстрелить.

Палец начинал ныть почти сразу, спуск у нагана отнюдь не был мягким.

Выхватить и выстрелить.

После того как выпущены все семь патронов барабана — перезарядка. А это тоже дело непростое...

Открыть защелку у барабана. Отщелкнуть и повернуть шомпол под стволом. Резко толкнуть шомпол, чтобы выбить гильзу, которая реально застревает в гнезде барабана. И так семь раз. Потом вернуть шомпол на место. Вставить в пустые гнезда новые семь патронов. Закрыть защелку.

Если тебе не хватило семи выстрелов, то перезарядить быстро это супероружие нереально.

Поэтому Сергей учился попадать в цель с первого выстрела.

Была и еще причина. Сильная усталость отгоняла кошмары. Хотя иногда беспризорники, объединившиеся с мертвыми белогвардейцами, все-таки приходили...

К концу недели Сергей сжег уже около нескольких сотен патронов и немного оглох от выстрелов. Но зато выхватывал револьвер почти мгновенно и попадал в цель, почти не целясь. Если цель не двигалась.

Сергей понимал, что с опытным противником, да еще и

вооруженным, не справится, и делал ставку все же на неожиданность.

Однако настоящую неожиданность преподнес ему Никитич.

— Сярежа, — сказал пасечник, когда вернулся из своих контрабандистских походов в воскресенье, — тебе нужно уходить в город.

— Почему? — Сергей поперхнулся молоком.

Никитич вздохнул и сел на лавку. Сергей занервничал:

— Что случилось-то?

— Цто, цто... Ищут тябя. Убить хотят.

— Кто?!

Вот это новость!

Никитич вздохнул еще раз:

— Бяляки.

— Так их же того... Капитана убили же...

— Вот за убитого капятана тябя и ищут.

— Так его не я убил!

Вот как тут не выругаться. До Сергея уже доходили слухи, что капитана пристрелил именно он. Можно было даже понять, почему так говорят: к Ждану привели его, после этого в комнате обнаружили убитого Рахима, а неподалеку — убитого капитана и его, Сергея, рядом. Тем более что подлый Вацетис наверняка свою роль не раскрывал и заблуждения развеивать не торопился.

— А кто ищет? Капитана убили, всех его людей тоже...

— Всех, да ня всех... Про Ягора со сломанной ногой забыл? Думаешь, он тябя простил по-хрястьски? Да и ясцо людишки остались. Ищут тябя. Уходить тебе надо.

Уходить?

Нет, собраться-то несложно. Что тут собирать: меч, книга, револьвер, кошелек да одежда в котомке. Вот только...

Здесь, в деревне, Сергей уже прижился. А в городе — неизвестность. Все придется начинать сначала: знакомиться с людьми, привыкать к местным обычаям, а Сергей и к деревенским еще не привык, да и документов у него по-прежнему нет. Может, остаться все-таки здесь? Авось не достанут?

Или не прятать голову в песок и ехать в город?

Сергей подумал, что он уже много раз строил планы, как уехать из Козьей Горы хотя бы в Песков. И все время что-то мешало. Скорее всего, то же, что до сих пор мешало ему найти хорошую работу, девушку и добиться успеха в жизни.

Собственная лень.

Однако сейчас вопрос встал ребром: или уехать в неизвестность города, или остаться здесь, и тогда тебя грохнут.

* * *

Как мы уже отмечали, Сергей относится к категории людей, постоянно пытающихся плыть по течению. Вот и оказавшись в Козьей Горе, он собирался поступить так же: не пытаться изменить ничего, особенно самого себя. Довольствоваться тем, что есть. Есть жилье — и ладно. Есть работа — и хорошо. Главное — ничего не менять в собственной жизни самому. Ведь так повезло: есть люди, которые все решат за тебя.

Однако из водоворота он еще не выбрался...

Часть вторая

Город

Путь до Пескова был неблизким. Хотя по меркам двадцать первого века — рукой подать. Тридцать километров к западу от Загорок. На автобусе — полчаса, на машине — минут двадцать.

Пешком — целый день.

Сергей утром в понедельник собрал свои немногочисленные вещи, замотал меч в тряпки, — почему-то расстаться с ним было выше его сил, — обнялся с Никитичем, отказался от предложенной суммы денег — все-таки трофейный кошелек есть, присел на дорожку.

— Хотя работник из тябя хряновый был, — сказал Никитич, — больше вреда, чем пользы, но парень ты няплохой. Хотя и сяктант. Если в городе разонравится, возврасцайся... Пцелки тябя дождутся...

Сергей чуть не расплакался. На сердце и так было тяжело, он все-таки привязался к пасечнику за месяц, а тут еще такое приглашение. Не просто дань вежливости, теперь у Сергея было куда вернуться... Он больше не был перекати-поле.

— Ладно тебе, дядя Анисим. — Сергей сделал вид, что и не собирался плакать. — Зачем тебе такое сокровище, как я? Одни убытки.

— Ага, — пихнул его в бок локтем Никитич, — одних

патронов сколько пожег без толку. Сярежа...

— Что?

— А когда Алена вярнется, ей говорить, где ты есть?

Никитич хитро подмигнул. Сергей тяжело вздохнул. Алена, Алена...

— Если захочет узнать, скажи.

Из Козьей Горы Сергей отправился в Загорки. Там нужно поговорить с Поводнем о том, как можно получить паспорт, да и вообще Загорки были на пути в Песков.

В Загорках Сергея ждал сюрприз.

— Паспорт? Какой паспорт? — нешуточно удивился председатель Паша, когда Сергей спросил у него, как можно получить паспорт. — Ты цто, за границу собрался?

— Почему за границу?

— Так в СССР нет внутренних паспортов. Только цтобы за границу поехать.

Так... В СССР нет паспортов. Сергей уже привык к мысли, что он в альтернативной истории, но окружающий мир постоянно подкидывал ему сюрпризы.

— Почему нет? — задал несколько глупый вопрос.

Поводень вздохнул:

— Цто такое паспорт?

— Э-э-э...

Хороший вопрос.

— Удостоверение личности?

— Паспорт, товарищ Вышинский, есть документ, удостоверяющий право на отлущку из места постоянного проживания, и служит для целей ляшения граждан права на свободное прямясценне в пряделах страны. Паспорта — один из инструментов поляцейского государства, и в подлинно свободной стране, которой является Союз ССР, паспортов нет.

Зашибись. Это что же получается, подумал Сергей, Российская Федерация 2010 года — полицейское государство и менее свободно, чем СССР 1925 года? Пусть и параллельного мира.

— Постой, Паша, — решил уточнить Сергей, — а если у меня, скажем, на улице попросят документ...

— Кто попросит?

— Милиция.

— Уже два года как издан дякрет ВЦИК и Совнаркома о том, цто никто ня имеет права требовать от граждан паспорта или

иные документы, удостоверяющие личность. СССР — страна свободная.

— Это что же, я могу приехать, куда захочу, поселиться, и прописка не нужна?

— Нет, прописка нужна. В городах.

— А как же меня пропишут без паспорта?

— Да по любому документу. Вон, если хочешь, справку тебе из сельсовета дадут, что ты проживаешь в Козьей Горе, по ней и пропишут.

Сергей все больше и больше терял ощущение реальности.

— А если мне в милиции скажут...

— Зачем в милиции? Ты к владельцу дома, где прописываешься, придешь, справку покажешь, он тебя в домовую книгу запишет, а потом в милиции зарегистрирует. Самому-то зачем идти?

СССР — свободная страна... Бред.

— Так что, удостоверений личности нет совсем?

— Почему? Есть. Каждый гражданин имеет право их получить. Право, а не обязанность.

— А как их можно получить?

— А тебе зачем?

Сергей подумал секунду:

— Да вот видишь, Паша, — потрянул он котомкой, — в город я уезжаю. По слухам, беляки хотят мне отомстить за смерть капитана Ждана...

— Бежишь? — глаза Паши начали пугающе белеть. — Трусишь?!

— Паша. — Сергей испугался. — Трусить не трусить, а в спину выстрелят из кустов — никакая смелость не поможет...

— Ладно... — Поводень сел за стол. — Тябе чего, удостоверение нужно?

— Ну... Да...

— Справка из сельсовета о проживании есть?

— Э-э...

— Ладно, потом напишу. Помню, приходил Никитиц, вписывал тебя как проживающего...

Паша почему-то покосился на огромную пустую бутылку, пылившуюся в углу.

— Дяржи. — Он толкнул Сергеем желтоватый лист бумаги и чернильницу с ручкой.

Сергей озадаченно покрутил деревянную палочку с острым металлическим наконечником сложной фигурной формы. Теоретически понятно, как ею писать — макаешь в чернила и пишешь. А вот на практике...

Сергей и шариковой-то ручкой писал коряво, а уж этим писалом... Заявление получилось написанное огромными, кривобоко-разномастными буквами, испещренное кляксами — хорошо хоть маленькими. Поводень, когда увидел его, даже удивился:

— А я думал, ты грамотный, сяктант...

Сам он заполнял бланк удостоверения быстро и аккуратно, тюкая в чернильницу ручкой, как автомат:

— Вышинский... Сяргей... Отцество?

— Аркадьевич.

— Год, месяц и число рождения?

— Тысяча девятьсот... Тысяча девятьсот. Октябрь. Первое.

— Первое... Октября... Место постоянного проживания: дяревня Козья Гора... Загорской волости... Пяковского уезда... Пяковской губернии... Род занятий: крястьянин... Отношение к отбыванию воинской повинности: военнообязанный...

— Что?

— А что? — Настроение Паши как-то испортилось. — Ты — гражданин СССР?

— Д-да.

— Гражданин. Служба в рядах РККА — обязанность каждого гражданина от двадцати одного до сорока лет. Или ты по рялигиозным убяждениям служить ня можешь?

— Н-нет.

— Я тоже думаю, что капитан Ждан не согласился бы, цто тябе вера оружие брать в руки ня разряшает. Приедешь в Песков, встанешь на учет в военкомате...

Вот блин... И здесь военкомат его достал...

— Сямейное положение?

— Холост.

— Холост... Дяржи. Вот здесь распишись.

Сергей стал озадаченным обладателем небольшой книжечки с черной картонной обложкой, на которой краснел герб СССР или, вернее, РСФСР, потому что на советский герб он не походил и к тому же сверху так и было написано «Р.С.Ф.С.Р.». Под гербом — жирные красные буквы «Удостоверение личности», подчеркнутые

толстой линией. Сергей открыл книжечку:

— А фото? Тут написано: «Место для фотографической карточки».

— У тебя она есть?

— Нет.

— Вот и ня требуй. Карточка вклеивается по желанию владельца. Захочешь — в городе снимешься и в милицию принесешь, они тебе яе и вклеют. Все. Держи и проваливай.

Сергей вышел из волисполкома и еще раз внимательно осмотрел паспорт. Забавно... В многочисленных книгах о фэнтезийных мирах ему никогда не попадалось упоминание о том, чтобы главные герои имели паспорта, удостоверения личности или какие-нибудь там подорожные. Не говоря уж о прописке, уплате налогов и постановке на воинский учет. Забавно...

По дороге из Загорок — Сергей героически, не подумав, отправился в Песков пешком — ему попалась попутка. Местного разлива — телега с кучером. Кучером оказался, как ни странно, приснопамятный Кузьмич, который был первым человеком этого мира, встреченным Сергеем после переноса.

Кузьмич был печником, очень хорошим, известным, и ехал в город, чтобы по заказу одного из знакомых посмотреть захандрившую печь. Причину поездки Кузьмич рассказывал долго, многословно, постоянно отвлекаясь на всплывающие в памяти истории, сиквелы, приквелы, вбоквелы, совершенно не имеющие отношения как к поездке, так и к печам вообще. Слушатель ему был нужен постольку-поскольку, и Сергей под монотонную речь думал о своем, периодически вставляя: «Ага», «Угу», «Да ну» и один раз даже «Не может быть».

Что нужно в городе? Документы есть, спасибо Паше Поводню, есть деньги, есть оружие на всякий случай — хотя город не деревня и там повсюду милиция. Есть жилье на первое время: Никитич дал адрес своей дальней родственницы, «кумы деверя золовки двоюродной сестры», которая сдавала комнату недорого. Что нужно?

Нужно, во-первых, найти подходы к магам. Если в этом мире есть артефакт, колдуньи и Вацетис, кем бы он ни был, то есть и маги. Однако, чтобы их найти, нужны деньги. Трофейного кошелька надолго не хватит, а поиски могут затянуться. Значит, нужна работа. Воровать Сергей не умел, а грабить не хотел. Работа. Причем такая, чтобы отвечала требованиям: туда должны брать без

образования, не обращать внимания на частые отлучки или с возможностью бесконтрольно перемещаться по городу, и чтобы платили достаточно. Так сразу в голову не приходило, кем можно работать в двадцать пятом году на таких условиях. Хотя погодите...

Сергею пришла в голову интересная мысль, но он скрутил ее и запихнул в дальний уголок сознания. Сначала план, мысли потом.

Итак, поиск магов, деньги, работа... Далее. Чтобы найти подходящую работу, нужно придумать другую легенду. Представить хозяина, который возьмет на работу «сяктанта» Сергей не мог. Хотя здесь же нет хозяев... Еще хуже, значит, на работу берет отдел кадров, который от одного слова «сектант» перекрестится, не обращая внимания на атеизм.

Чтобы придумать правдоподобную легенду, нужны знания о мире. О ближайшей истории, чтобы не ляпнуть что-то вроде: «Это было, когда я в танковых войсках воевал с Ковпаком против Колчака». Об окружающей географии, уже был случай, когда в разговоре с Даниилом Сергей просто не понял, о чем идет речь, что за город Ямбург упоминается, пока Данила не уточнил, что Ямбург недавно переименовали в честь эстонского революционера в Кингисепп. О ценах, в конце концов, чтобы не переплатить на рынке, когда торгуешься. Нужно, кстати, подобрать себе нормальную, в смысле, не выделяющуюся из толпы одежду. А то в костюме ролевика или в крестьянской одежде и сапогах с дыркой он несколько бросается в глаза.

Может, подстричься и бороду сбрить? Сергей подумал и отказался от этой идеи. Хотя и говорили, что он из-за длинных волос и бороды похож на дьячка, однако он как-то привык к ним. По сути, они — все, что осталось от прежнего Сергея.

Итак, подытожим. Поиски магов, работа, легенда, внешность. Перечень действий? Сегодня — отдохнуть, завтра — поход по городу, ознакомиться с планом Пескова и зайти на рынок, присмотреться к ценам, послезавтра и послепослезавтра — засесть в библиотеке и прочитать учебники, после чего — один день на создание легенды и поиск работы. Точка. Теперь можно обдумать всплывшую мысль...

Все-таки он из будущего. И соответственно, знает многое из того, чего здесь еще нет. Нет, неправильно сформулировал. Четко он не знает ничего, ни устройства автомата Калашникова — тем более, его уже, кажется, изобрели без него, ни чертежей атомной

бомбы. Но он знает тенденции.

Может, подсказать, к примеру, обратить внимание на генетику... хотя это плохой пример. Генетика ведь была объявлена лженаукой. Ляпнешь не то — и привет. Или она при Сталине была объявлена? А Сталин здесь вроде как не у власти... Тогда ее и без меня разовьют... Что еще?

Автоматы, чтобы не встречать войну с тремя винтовками на человека... то есть с одной винтовкой на троих... Зенитки, Сергей вспомнил жуткую конструкцию из фильма про войну — счетверенный пулемет «Максим»... Про кавалерию можно, чтобы с пашками на танки не кидались, хотя это все-таки поэтическое преувеличение: Сергей не мог представить ни идиота, который ринется рубить металлическую броню, ни идиота, который может это всерьез рассказывать...

Сергей вздохнул. Все это хорошо и интересно, но как-то не сулит прибыли. Ну, найдет он, кому рассказать, ну, выслушают его. Потом что? Деньги клянить: мол, я рассказал вам, дайте копеечку... Нет, не пойдет. И почему, кстати, он думает только о военных разработках?

Можно предложить развивать автопром. А что, хоть за восемьдесят лет наши научатся строить нормальные автомобили. Или компьютеры. Будут, к примеру, компьютеры не «Эппл», а «Яблоко». А забавно: системный блок «Антоновка», ноутбук «Белый налив», наладонник «Ранетка»...

В душе Сергея шевельнулось чувство незнакомое. Действительно, было бы здорово. Не прикольно, а именно здорово. Ведь он, Сергей, может сделать так, чтобы Россия, пока СССР, хоть и в параллельном мире, хоть в одном из направлений стала первой в мире.

Автомобили и компьютеры — навряд ли. Все, что Сергей знал об автомобилях, наверняка знали и местные. А вот что-нибудь попроще... Может, одежда? Почему все носят американские джинсы? Кстати, а это идея! Не только про джинсы, вообще про одежду! Это же просто: как выглядит одежда, которая будет пользоваться популярностью в будущем, он помнит, объяснить, как ее сшить, — сможет. Договориться с каким-нибудь портным о проценте от продаж, и все! На одной мини-юбке озолотиться можно. Или, возвращаясь к военной теме, камуфляж. Почему его придумали только после войны? Идея-то простая, почему она раньше в голову никому не пришла? Стоп-стоп-стоп...

Простая идея... не пришедшая никому в голову... Простая... Никому... Эврика!

Зачем ему чертежи автомата?! Простые вещи! «Простота — ключ ко всему», — вспомнились слова из прочитанного когда-то детектива. Множество простых, примитивных вещей есть в двадцать первом веке и нет в двадцать пятом году. Тот же памятный степлер, к примеру. Запатентовать идею, патент продать государству, и все! А сколько можно такого навспоминать... Безопасные бритвы, застежки-молнии, электрокипятильники, зажигалки «Зиппо»... Шариковые ручки, наконец, вспомнил Сергей свои мучения с пером.

Решено. От плана не отказываемся, но попутно покупаем блокнот, ручку (карандаш!) и записываем все, что сможем вспомнить, начиная с одежды и заканчивая зенитками. Потом на досуге, подумал Сергей, перешерстю список и подумаю, как извлечь из него выгоду.

Пока он размышлял, наступил вечер. В Песков они с Кузьмичом въехали уже в сумерках.

— Тпррру! — Кузьмич остановил транспорт. — Ну цто, Сярежа, тябе во-он туда.

Он указал на уходящую в сторону узкую улочку с частными домами. Вообще пока все дома были частными, так что у Сергея возникало подозрение, что Песков здешнего мира вроде Загорок, только чуть больше.

— Вон там живет тетка Татьяна, в зяленом доме с петухом на крыше. Мне туда не с руки подъезжать, она на мяня зла ясцо с... давно уже. Иди. Справа, то есть слева, дом. Недалеко.

Сергей спрыгнул с телеги, закинул на плечо котомку, сверток с мечом, поблагодарил, попрощался и двинулся в полутемную улочку.

Забавно получилось: месяц назад Кузьмич привез в Козью Гору непонятого приبلуду, ничего не знающего о здешнем мире «сяктанта» Сярежу, потом привез в Загорки Сярежу, но уже известного крестьянина, работника пасечника Никитича, беспаспортного батрака, а теперь он же доставил в Песков свободную личность, с деньгами и документами, вооруженного и участвовавшего в боях с беляками. Интересно, как его встретит Песков, надо надеяться, не безпризорниками и беляками?

А еще интересно, как можно увидеть петуха на крыше, когда уже почти наступила ночь? Хотя небо еще светлое, если

петух похож на петуха, а не на абстракцию, он его увидит.

Справа, в смысле, слева... На всякий случай Сергей осматривал дома по обе стороны. Ага, вон он, кажется, все-таки слева, зеленый, и черный петух виден на фоне розового неба...

— Привет!

Сергей замер.

Из росших по краям улочки кустов выползли на дорогу две фигуры.

— Кажется, тут навозом запахло, — нагло протянул один из вышедших.

— Или ладаном, — непонятно уточнил второй.

Оба выглядели как близнецы: светлые брюки, рубашки с короткими рукавами, виднеющиеся из-за расстегнутых воротов тельняшки, надвинутые на глаза кепки, окурки в уголках ртов. Просто копии российских гопников, так и казалось, сейчас спросят: «Семки есть?»

— Не-а, навозом. — Первый гопник забросил в рот семечки и сплюнул шелуху, показывая, что семки у них есть свои. И рожу они набьют просто так, не заморачиваясь поводом...

— Слышишь, ты, бычок дьявельский, ты чего у нас в городе забыл?

Вывхватить и выстрелить.

Замечательное действие, которое сложно выполнить, когда наган лежит в котомке на дне под одеждой. Все-таки правы американцы: «Чтобы пистолет пригодился тебе однажды, нужно держать его под рукой всю жизнь»...

— А мы яму сйчас объясним, что у нас в городе...

Сергей нащупал за спиной сверток, сдвинул его...

Меч вылетел с шелестом и описал свистящую восьмерку. Сергей замер в боевой стойке, сбросив котомку.

Ребята, мне совсем, СОВСЕМ, не хочется вас убивать...

Одновременно парни, мгновенно переключившись с пьяного юмора на пьяную агрессию, выхватили ножи. И попятились.

Меч был длиннее обоих ножей, вместе взятых.

До парней дошло, что им попался не безобидный деревенский парнишка, испуганный большим городом, а личность опаснее.

— Эй, ты чего? — махнул рукой один из хулиганов, неуклюже пряча нож. — Мы же только... это...

Сергей молчал. Меч все так же опасно блестел.

— Эй... — Хулиган замолчал. А что тут скажешь?

Сергей, не сводя с парней глаз, наклонился, подобрал котомку и двинулся на парней. Честно говоря, он сам слабо представлял, что будет делать, если те не испугаются.

Парни испугались:

— Эй, ну ты, мы же просто...

Развернулись и бросились бежать.

Сергей остановился, посмотрел, как они исчезают в проходе между домами. Глубоко вздохнул и вытер пот.

Чтоб вам пусто было, идиотам...

Сергей уже подходил к искомому «дому с петухом», как за спиной упал кусок земли и раздался крик:

— Мы тебя запомнили!

Запомнили, запомнили...

Вот еще одна проблема.

Сергей прошел в калитку, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Открыла женщина, точно такая же, как Сергей уже привык видеть в деревнях: непонятного возраста, то ли сорок, то ли шестьдесят, в белом платке, длинной темной юбке.

— Вы кто? — недоверчиво прищурилась она.

— Я... Здравствуйте. Меня зовут Сергей. Я — племянник Анисима Никитича. Мне нужно на некоторое время переехать в город, он сказал, что я могу снять у вас комнату.

— Здравствуйте... — ошарашенно кивнула тетенька. — Племянник? А... А, Сярежа! Помню, помню, Анисим говорил! А вырос-то как, вырос! Я ж тебя яско вот таким помню...

Судя по высоте от пола, совершенно незнакомая женщина помнила Сергея еще младенцем.

Может, я правда сектант Сярежа? Может, я просто с ума сошел и мне мерещится, что я из будущего?

— А ты мяня, наверное, ня помнишь. Я Татьяна Флоровна, но ты можешь звать мяня тетя Таня. Племянничец...

Тетка на мгновенье взглянула себе за спину. Тьфу ты.

Никакой он не племянник и с ума не сошел, просто в доме есть кто-то посторонний, вот тетя Таня и сыграл роль для него.

— Кушать хочешь? — Тетка потащила Сергея в дом.

— А можно?

— А цего ж няльзя?

— А сколько платить?

Тетка остановилась:

— Сярежа, ня хочеш обидеть тетю Таню, ня говори так. Я комнаты сдаю, жить мне на цто-то надо, но своих жильцов всягда кормлю бясплатно. Тям более плямянница...

Она заговорщицки толкнула его в бок.

Сергей подумал. Последний раз он ел... Ого! Вчера. Да, наверное, уже пора.

— Хорошо.

— Ну, тогда садись за стол.

На столе, стоящем почти в прихожей, горела керосиновая лампа. Тетя Таня выставила Сергею миску теплой рассыпчатой гречневой каши. Посетовала, что только вчера начался Петров пост, поэтому и масло в каше постное. Сергею, с его чувством вкуса — хоть машинное, просто до сих пор он слышал выражение «постное масло» только в привязке к «фигне», которая на этом самом масле находилась. Интересно, что это за масло такое необычное? По каше не понять.

После перекуса тетка подхватила лампу и повела Сергея в комнату. Через кухню, за печь, откуда проходил узкий коридорчик с двумя дверями, крашенными светло-коричневой краской.

— Сяйцас у мяня только один жилец. — Тетка, понизив голос, кивнула на дверь. — Да и тот с утра уязжает в Москву, так цто, Сярежа, пока будешь жить без соседей.

Без соседей так без соседей.

Комната была вполне приемлемой для бездомного «сяктанта». Узкий пенальчик, метра два в ширину и четыре — в длину. В одном торце «пенала» — дверь, в другом — маленькое окно. Слева — самодельный узкий шкаф с фанерными дверцами, за ним — узкая койка, застеленная байковым одеялом. Справа — небольшой стол и табурет. На столе валяется газета. На полу — лоскутные коврики.

— Вот тут, Сярежа, располагайся. Хочешь — спать ложись, если устал с дороги, хочешь — почитай. Вон газету предыдущий жилец, цто из Москвы приезжал на наш завод, забыл. Только кяросину у мяня нет...

— Ничего страшного. Дядя Анисим свечей дал. Кстати, и вам просил связку передать.

Свечи были его собственноручного изготовления, уже гораздо более удачные, чем первые пробы.

— Ой, спасибо! — Тетя Таня обрадовалась свечам, как новогоднему подарку. — Кяросин нынче дорог, со свечами можно

прябядовать...

Тетка забрала у Сергея удостоверение личности для внесения в домовую книгу:

— Ну цто, Сярежа, с месяц проживешь?

— Наверное... Да. Месяц проживу.

— Тогда с тябя по-родственному — два цярвончика.

Сергей протянул тетке две белые бумажки. Цену он знал, еще Никитич предупредил.

— Ну тогда устраивайся.

Тетка умелась. Сергей попрыгал на кровати, чиркнул спичками и зажег одну из своих свечей. Темнота в комнате рассеялась, попрятавшись по углам. Сергей сел за стол, смахнул вышедшего прогуляться таракана. Взял газету. «Рабочая газета»... Любопытно, что можно интересного найти в газете с таким названием? О новых подвигах работников труболитейного завода имени Семнадцатого партсъезда? Кстати, а был ли здесь семнадцатый партсъезд? Спать...

В дверь постучали. Тетка, что ли, забыла что-то?

Сергей открыл.

— Добрый вечер!

На пороге улыбался в тридцать два зуба высокий молодой человек, горбоносый и загорелый, в зеленом костюме.

— Вы, наверное, Сергей?

Здравствуйте. Это еще кто? Не нравились Сергею люди, которые знают его в городе, в который он приехал полчаса назад. И объявлений о своем прибытии не давал...

— Здравствуйте... А вы, собственно... откуда?

— Я? — белозубо заулыбался незнакомец. — Из НКВД.

* * *

— Я заинтересовал НКВД? — усмехнулся Сергей, мысленно пытаясь понять, кто это такой. НКВД? То есть милиция? Неужели те два пьяных клоуна нажаловались? Или... Он в штатском. По его душу?

— Не НКВД, — улыбка была все такой же ослепительной, — лично меня. Видите ли, Сергей, я ваш сосед.

Улыбчивый кивнул на дверь второй комнаты. А, тот самый, кто уезжает в Москву.

— Я завтра утром уезжаю в Москву, — подтвердил

Улыбчивый вывод Сергея, — и, стыдно признаться, мне хочется выпить, но не с кем. Не составите ли мне компанию?

Выпить? А почему нет? В планах Сергея на этот вечер было расслабиться. Можно.

— Почему нет? Вот только выпивки...

— Не стал бы я приглашать вас, не имея бутылки. Идемте.

Действительно, на столе в комнате Улыбчивого — зеркальном отражении комнаты Сергея — уже стояла бутылка, две рюмки и лежало нарезанное мясо.

— За знакомство! — Улыбчивый ловко вскрыл бутылку и разлил по рюмкам.

Сергей принялся. Бутылка настораживала: не привычный цилиндр, пузатая, бесцветная, без видимых признаков этикетки да еще закупорена картонным кружком, залитым коричневым сургучом, который Улыбчивый скovyрнул складным ножом. Черт его знает, что это за отравы, может, медицинский спирт. Хотя нет, пахло водкой...

— Не опасайтесь, чистая «рыковка». — Собеседник (собутыльник?) уже тянул свою рюмку и зажевал мясной пластинкой.

«Рыковка»? «В честь его еще водку называют», — всплыли в памяти слова Никитича. В честь «его», то есть в честь главы правительства, о нем тогда Сергей спрашивал. А глава правительства — Рыков. Значит, «рыковка» — это водка. Логично.

Сергей выцедил свою рюмку. Вкус ему ничего не сказал, но как-то слабовата показалась.

— Что-то некрепкая...

— Ну так тридцать градусов же.

— Почему?

— Знаете, когда товарищ Рыков принимал это решение, он забыл посоветоваться со мной. Вот всегда советовался, а в тот день как-то запамятовал...

Улыбчивый плел ерунду так забавно, что на него даже обидеться было невозможно. Сергей прислушался: выговор неместный, даже следа не было от цоканья и яканья. Но и эстонского акцента не слышно. Такая мягкая, чуть шипящая речь... Почему-то ассоциации с фильмом «Ликвидация»...

— Кстати, Сергей, а почему вы так удивились, когда узнали, что я из НКВД? Я что, не похож на агента?

— Не очень.

— А как же, по-вашему, выглядят те, кто служит в НКВД?

При слове «НКВД» в голове у Сергея всплыли смутные образы краснорожих пьяных образин в кожанках, кепках с красными звездами. Зверообразные энкавэдэшники расстреливали в подвалах невинных людей из наганов и маузеров, грязно ругаясь матом.

— Чуть менее обаятельно.

Улыбчивый расхохотался:

— Спасибо за комплимент! Видели бы вы меня несколько лет назад. Чем мне только не приходилось зарабатывать на жизнь. Однажды даже, не поверите, пришлось в одном маленьком городке представиться известным шахматистом, чуть ли не самим Алехиным...

Улыбчивый очень забавно начал рассказывать, как он, зная из шахмат только «е-два — е-четыре», провел сеанс одновременной игры с двадцатью шахматистами, собравшимися со всего городка.

— ...Не поверите, я выиграл девять партий из десяти и две свел вничью! Конечно, пришлось напрячь память. За право сыграть со мной я тогда собрал с каждого значительную сумму, и никто, никто, пока шла игра, не заподозрил во мне профана. Правда, потом, когда внимательно рассмотрели записи всех игр, мне пытались набить морду, но, по счастью, я уже тогда бегал очень быстро...

— И как же вы выиграли? — заинтересованно спросил Сергей.

— Ну разумеется, я жульничал.

— Разве в шахматы можно жульничать?!

— Можно. Жульничать можно везде.

— Даже в НКВД?

— Даже там. Но, правда, о своей службе я не хочу рассказывать. Это слишком грустно. Однажды бандиты, за которыми я охотился, спутали моего брата со мной...

— И?

— И убили. Я же говорю, это грустно.

Выпили за брата.

— Сергей, а вы откуда будете?

— Из Козьей Горы, — машинально брякнул Сергей.

Что ты творишь?! Кто собирался менять легенду?! Одна надежда, что Улыбчивый завтра уедет в Москву.

— Знакомое название. Это где?

— Да здесь неподалеку. Возле Загорок.

— Загорок? Это не там недавно разгромили банду капитана Ждана?

— Ага, — мрачно подтвердил Сергей, — там.

— Погодите-ка... Сергей? Сергей из Козьей Горы? А вы случайно не тот самый сектант, который и убил капитана Ждана?

В ушах Сергея послышался звон. Вместе с ним рухнула и его идея о смене легенды. Слухи про него уже ходят по Пескову, если даже командированный из Москвы о нем слышал, значит, о нем знает половина города... Спрятался, называется...

— Нет, не я. Капитана убили другие. Я просто присутствовал...

— Не расскажете?

— Нет. Это тоже слишком грустно. Кстати, вы не слышали об автомате Калашникова?

— Нет, только об автомате Федорова.

— А какой он?

— Царским офицером Федоровым было придумано оружие, которое было легким, как винтовка, и стреляло очередями, как пулемет.

— А вы случайно, не знаете, как оно выглядело?

— Случайно знаю. Примерно вот так.

Улыбчивый достал тонко отточенный карандаш и на клочке газеты изобразил силуэт автомата, очень похожего на тот самый автомат, который принадлежал Поводню.

— А почему вы вдруг вспомнили об этом автомате?

— Да просто так. В Загорках такой есть у председателя волисполкома...

Да... автомат Федорова, кто бы мог подумать. А ведь в нашем мире первый автомат в СССР был придуман Калашниковым, если, конечно, не слизан с немецкого ППШ с диском под стволом. А здесь — первый российский автомат придуман еще при царе, то есть где-то году так тринадцатом. Вполне возможно, кстати, вообще первый автомат в мире. Почему в нашем мире не было такого оружейника?

Мысль о председателе напомнила о нерешенной проблеме с военкоматом.

— Скажите, а что вы знаете об армии?

— В смысле? После своего подвига по уничтожению капитана Ждана вы решили податься на действительную службу?

Не советую.

— Почему?

— Ну вот вы знаете, сколько человек осталось в РККА после реформ?

— Нет. Я как-то не слежу за газетами. А сколько?

— Значит, вам это знать и не положено.

— И все-таки?

Сколько там человек может быть в Красной армии? В России 2010 года — около миллиона, значит, Красная армия должна быть раза в два больше. Сталин не у власти, но ведь большевики по-прежнему собираются устроить революцию во всем мире.

— Миллиона два?

— Господь с вами, Сергей! Чуть больше полумиллиона.

Полмиллиона?! То есть в два раза меньше армии России? Здешние большевики по сравнению с их соратниками в нашем мире — просто травоядные зайки какие-то.

— Да, полмиллиона. Пехота, кавалерия, артиллерия, танкисты, авиация, флот... Плюс войска специального назначения...

— Специального?

Сергей еще не пришел в себя после новости о таком «огромном» количестве солдат в РККА, а тут еще и спецназ откуда-то появился!

— Ну да, — не обратил внимания на его изумление Улыбчивый, — войска ОГПУ, например...

Спецназ ОГПУ... Звучит.

Сергей выпил водки.

— Количество военнослужащих сократилось в десять раз. Понятно, что там остались только самые-самые... Не обижайтесь, но сектант... хорошо, бывший... шансов сделать карьеру почти не имеет. А если не за карьерой, зачем туда идти? Каждый солдат, как говорится, мечтает стать генералом...

Они просидели еще какое-то время, полностью уговорили бутылку «рыковки»... и еще одну... наконец разошлись.

Сергей даже не обратил внимания, что его обаятельный собутыльник, несмотря на то что говорил почти весь вечер, ухитрился не назвать ни своего имени, ни фамилии, ни даже места службы.

* * *

Сергей проснулся еще затемно, сказывалась деревенская привычка. Полежал в кровати, посмотрел в серое сумеречное окно. По плану — поход в город. Но идти куда-то в потемках... Ладно, если наткнешься на кого-нибудь вроде вчерашних придурков, а если на серьезного грабителя? Хотя с револьвером в кармане можно и не бояться, но проблем потом не оберешься. А еще говорили, что в Советском Союзе не было преступности. Ага, а вчерашние гопники, видимо, тоже попаданцы из девяностых. Сталин, что ли, в нашем времени порядок наводил?

Голова не болела, как ни странно, вообще самочувствие было отличным. То ли водка качественная попалась, то ли компания.

Кстати, о компании. Сергей смутно слышал сквозь сон, как вчерашний товарищ проходил по коридору. Наверное, уже уехал... Интересно, как его звали? Сергей порылся в памяти, но не смог вспомнить. Вот ранний склероз...

Посмотреть бы телевизор... Интересно, американцы здесь его уже изобрели?

Вздыхнув, Сергей поднялся, нашарил в полумраке спички на столе и зажег свечу. Хоть газету, что ли, полистать о достижениях местных рабочих...

Просмотрев, Сергей наткнулся на художественный рассказ и неожиданно вчитался. Сначала по заголовку, в котором говорилось о голове некоего профессора с нерусской фамилией, он решил, что речь пойдет о каком-нибудь выдающемся ученом. А что фамилия незнакомая — так и мир параллельный. Потом Сергей понял, что действие в рассказе происходит за границей и вообще это — детектив. Он заинтересовался, продолжил чтение и неожиданно обнаружил, что перед ним — фантастика. При большевиках!

Подручный того самого профессора, судя по всему, ученого прикончил, отрезал ему голову и, с помощью открытия этого же профессора, сумел голову оживить. Теперь от бедолаги осталась одна живая голова, которая, чтобы не умереть окончательно, помогает подлому подручному в научных исследованиях. А ассистентка профессора что-то заподозрила...

Даже жалко стало, что рассказ не окончен. Интересно, как они выкрутились из этой истории? Сергей отложил газету и обдумал ситуацию.

При большевиках печатали фантастику. Причем не только советскую, о том, как доблестные рабочие придумали некую приспособу, чтобы выдавать не сто шатунных колец в час, а целых двести, и теперь борются с шпионами, пытающимися украсть такую полезную штуку. Нет, фантастика в этом мире вполне себе фантастика. Вон, фантастический детектив, да еще с таким изощренным сюжетом. Что это значит для нас?

Можно самому писать фантастику и печататься в газетах. Какая-никакая, но денежка. Разве что...

Сергей сильно сомневался в своих способностях писателя, трезво их оценивая. Он навряд ли сможет переплюнуть даже автора вот этого рассказа о голове. А если не хватает способностей, можно взять разве что закрученностью сюжета. А для этого опять-таки нужна фантазия. Или просто переписать рассказ из двадцать первого века?

Нет, фантастику здесь, судя по всему, любят научную, а он больше увлекался фэнтези. Интересно, оценят ли большевики эльфов и гномов? Навряд ли утонченные и ушастые дети лесов придутся по вкусу рабочим и крестьянам. Разве что описать их в следующем ключе: эксплуататоры-эльфы гнусно поработают пролетариат в лице гномов, но те не выдерживают и поднимают восстание... Ой, бред...

Может, описать приключения Конана? Хотя тоже не выход: во-первых, Конан — герой-одиночка и придется не ко двору, особенно со своей идеей завоевать королевство, во-вторых, Конан — герой старинный, и, вполне возможно, рассказы о нем уже написаны в Америке. Кто-нибудь сопоставит, и заметут, как американского шпиона.

Ладно, идея хорошая, но оставим ее до тех времен, пока тебе, Сергей Аркадьевич, хватит фантазии сочинить что-то свое, а не переделать чужое. Так и решим.

Пока он читал и размышлял, рассвело. На кухне чем-то стучала хозяйка тетя Таня.

Будем вставать.

* * *

— Тетя Таня, — спросил Сергей за утренней кашей с молоком — каша отдельно, молоко отдельно, — а сосед уже уехал?

— Уехал, Сярежа, уехал, он и приязжал-то ненадолго,

дянька на три.

— Тетя Таня, а откуда он знает про капитана Ждана? И про меня, ну, что я... с ним...

— Так как же ня знать, если про тябя в газете напясали...

Хорошо, что не ел...

— Где?

— А нашей губернской газете-то. Вон ляжит, купила нядавно, все-таки про Загорки написано было...

Сергей схватил газету.

«Песковский набат». Так... Так... Блин...

Длинная статья под названием «Конец капитана Ждана». Только испорченному мышлению детища двадцать первого века это название могло показаться двусмысленным, Сергеем было не до каламбуров.

«...В этот момент в Загорках гостил у своей невесты тов. Вышинский. Отданный в детстве родителями в секту пятидесятников, он в настоящий момент порвал с религиозным дурманом и жил честным крестьянским трудом в д. Козья Гора. Белобандиты ошибочно приняли тов. Вышинского за агента ОГПУ и пытали его с целью узнать необходимые им сведения. В пытках принимал участие лично капитан Ждан. Однако тов. Вышинский вырвался из кровавых лап и в неравной борьбе прикончил как самого капитана, так и двоих его подручных...»

Сергей обхватил голову руками. Газетчики... Такие газетчики. Спрятался... В этой статейке не хватало только завершающей фразы: «В данный момент тов. Вышинский прибыл в г. Песков, где и проживает у своей дальней родственницы по адресу: ул. Кривоколенная, д. 5».

Все, Сярежа, отныне ты — официально признанный сектант. На всю жизнь. Твою мать.

* * *

Стребовать с газеты, что ли, опровержение? А на кой связываться? Деньги есть и так, ему стабильный заработок нужен, а не разовая акция. Да и что опровергать-то? В принципе все написали правильно: да, религиозный дурман, да, вырвался из кровавых лап, да, жил крестьянским трудом, да, гостил...

Что? У невесты?

Воображение быстро представило Алену в пышном белом

платье. Брр!

Нет, девчонка она хорошая... Но невеста?!

Мало того, что теперь каждая собака узнает в нем «сяктанта», так его еще и женили!

— Тетя Таня, а можно я газету с собой возьму?

— Да ради бога, Сярежа, бяри, я уже процитала...

Сергей сложил газету и спрятал за пазуху. Если по дороге в городе попадется редакция... Я им покажу и «невесту», и «кровавые лапы»!

— Тетя Таня, не подскажите, как до рынка добраться?

* * *

Сергей сидел на деревянной скамейке в трамвае и рассматривал город.

Да, в трамвае! В Пескове двадцать пятого года ходил трамвай!

Небольшой красный вагончик, внутри деревянные лавки, на крыше — вместо привычного трамвайного параллелограмма — высокая дуга, похожая на троллейбусную.

Надо же, трамвай. А ведь в современном Пескове трамваев не было, Сергей это точно помнил, хотя в городе до сих пор не был. Просто песковские знакомые в разговоре упомянули, что в городе из общественного транспорта только автобусы и маршрутки. А когда он спросил, почему не пустить трамвай, ему посоветовали открыть заодно и метро.

В настоящем не было, в прошлом — есть.

Тетя Таня так и сказала: «Выйдешь из дома, повярнешь налево и иди до самого вокзала. Там сядешь на трамвай, доедешь до площади... как яе, беса... в общем, до площади, которая раньше называлась Торговая. Там рынок и будет».

Сергей и ехал. Смотрел в окно, чувствуя себя экскурсантом в каком-то старинном городке.

Яркое солнце, зелень деревьев, голубое небо — все это мешало почувствовать себя в прошлом. Наверное, потому что прошлое ассоциируется у нас с мутными черно-белыми фотографиями или пожелтевшими кадрами кинохроники. Вот и кажется, что в прошлом все должно быть серым, пожухлым, потускневшим.

А здесь все яркое.

Да, думал Сергей, это точно не розыгрыш. Отстроить для розыгрыша Козью Гору — легко, Загорки — потруднее, но целый город... Невозможно.

Все было необычным.

Дома старинные. Понятно, что старинные они для глаза жителя двадцать первого века, а для местных они новее, чем для нас — хрущевки, но все равно... Кажется, что попал в огромный музей.

Улицы, по которым катил трамвай, были не асфальтированными, не грунтовыми — булыжными. Как по ним люди ходят? А ездить как?

Автомобилей не просто мало — Сергей пока не увидел ни одного. Зато много коней: запряженных в телеги, повозки, и просто народ верхом скачет.

Вон милиционер проскакал мимо: начищенные сапоги, синие штаны с узким желтым лампасом, белая рубаха, серебристые пуговицы блестят на солнце, желтые петлицы на воротнике (Сергею уже объяснили, что петлицы здесь вместо погон), белая фуражка с красным околышем.

А вон протрюхал на телеге мужик: такие же сапоги, черные штаны, серая подпоясанная рубаха, кепка-картуз.

Ха, а вот и автомобиль: колеса со спицами, фары на крыльях, высокий угловатый кузов. Цвет, естественно, черный.

По улице идет солдат, без винтовки, видимо, в увольнении: зеленые шаровары и гимнастерка, на голове — буденовка, уж ее-то Сергей опознал. Серая с красной звездой. Сразу видно — красноармеец.

А вот две непонятные личности: высокие сапоги, форма синяя, тоже буденовка, но и та — синяя, звезды на буденовках зеленые. Зеленоармейцы, что ли?

Обдумать эту мысль Сергей не успел: трамвай выкатился на площадь и остановился. Сергей подхватился и выскочил. То, что рынок именно здесь, понять было несложно.

Большая площадь, полностью вымощенная булыжником. Слева — здания, колокольня, за ними — огромный собор. Сергей подумал, что точно такой же он видел во второй части сериала «Диверсант».

Справа — гостинный двор, почти такой же, как в Питере: двухэтажный, с арками вдоль стен. За ним — людское море.

* * *

После нескольких часов ходьбы по рынку Сергей понял три вещи.

Первая — очень хорошо, что он не стал брать с собой деньги. Вернее, не стал брать все деньги. Несколько бумажек были надежно припрятаны во внутреннем кармане, а кошелек, тот здоровенный трофейный, лежал в котомке. Сергей специально бросил его там пустым: выбрасывать рука не поднимается, а вещь приметная. Кошель выполнял роль отвлекающего маневра: если попадутся карманники, то первым делом утащат именно его и не обратят внимание на деньги в кармане. Через некоторое время Сергей заглянул в котомку и обнаружил кошелек на прежнем месте. А в нем набросанную на клочке бумаги записку: «В таком бумажнике надо деньги носить». Вот собаки...

Вторая мысль — на этом рынке есть все и нет ничего. Найти здесь, среди вещей, лежащих на прилавках, ящиках и просто на земле, можно действительно все что угодно: от дубовых веников до астролябии. По крайней мере, хитрую конструкцию называли именно так. Вообще на рынке непривычно громко орали, расхваливая товар. Однако в этом разнообразии черта с два найдешь то, что тебе нужно. Да плюс Сергей отметил, что все товары здесь либо старые, дореволюционные, либо новые и заграничные. Даже косы, которые расхваливал тощий одноглазый дедок, и те были немецкие. Странно... Нет своего производства, что ли? Эту мысль надо обдумать...

Третье — похоже, мысли о продвижении прогресса потихоньку тают как дым. Почти все то, что Сергею пришлось в голову «изобрести», мало того что уже изобрели, так и продают на этом самом рынке.

Вот безопасная бритва «Джилетт» с пачкой лезвий. Неужели эта фирма настолько старая? Или это шутки какого-то попаданца, вроде Сергея, успевшего раньше?

Деревянная зубная щетка. Ее Сергей купил, вместе с металлической круглой коробочкой с зубным порошком. Вот зубной пасты здесь не наблюдалось... Может, правда не изобрели еще?

Берцы. Не черные, правда, а коричневые, но несомненные берцы — с высоким шнурованным голенищем.

Ничего, ничего... Сергей не собирался зарабатывать деньги

на целой куче идей. Ему хватит одной... Не все же здесь изобретено, не все.

Зажигалка «Зиппо». Правда, медная и с отломанной крышкой, но типичная «Зиппо». Сергей даже купил ее, отметив, что нужно приобрести еще портсигар и поймать одного из мальчишек с лотками, которые выкрикивали: «Папиросы рассыпные, папиросы! «Ява», «Ира!» Интересно, неужели сигареты еще не изобрели? Не может быть, скорее всего, это слишком дорогое удовольствие.

Пишущая мишинка. Огромный черный монстр с пастью клавиш и надписью «Андервуд» сверху.

Джинсы...

Джинсы?

Сергей остановился, присмотрелся повнимательнее. Нет, слава богу, его мнение о Пескове двадцатых годов было не настолько ошибочным, чтобы увидеть местных крестьян в джинсе. Это были не джинсы, а просто сверток ткани, очень похожей на джинсовую. Хм...

Сергей задумался.

— Парень, купи, — оживился хозяин ткани, круглолицый мужик с широким носом, — купи, по дешевке отдам. Ткань хорошая, немаркая. Всего четыре червонца за всю.

Сергей размышлял. Одежда крестьянского батрака его уже напрягала. Нужно было купить другую, более городскую. Первоначально Сергей планировал приобрести то, что носит большинство, чтобы не выделяться в толпе. Но теперь, когда от клейма сектанта ему не избавиться, похоже, никогда, зачем ему таскать то, в чем он будет чувствовать себя ряженым? Ни к широченным галифе, ни к картузам, ни к френчам он не привык. К джинсам — другое дело. А раз их здесь нет...

Их нужно сшить.

— Сколько? Четыре червонца? Она у тебя что, золотом подшита? Не больше одного!

Сергей не знал точно, сколько стоит такой кусок ткани, но торговаться кинулся, как в прорубь. Здесь — рынок, все цены можно скинуть раза в два.

— Сколько? — взвился мужик. — За двенадцать аршин?

Интересно, сколько это в метрах? По виду свертка — около десятка.

— Ну как знаешь. — Сергей повернулся уходить.

— Эй, стой! — Видно, необычная ткань давно лежала у

мужика, и ему хотелось спихнуть ее хоть с каким-нибудь прибытком.

В итоге сверток джинсовой ткани достался Сергею за два червонца.

Еще за три червонца он купил себе те самые берцы. Плюс несколько трусов и носков. Золотой запас таял на глазах. Оставалось надеяться, что это последние крупные траты.

На выходе Сергей остановил мальчишку с лотком, взял десяток папирос:

— Парень, а где здесь поблизости можно найти хорошего портного?

Пацан оглядел Сергея, что-то прикинул и показал рукой:

— Во-он туда идите. Там вывеска «Портной Менахем Шумахер».

— Как?

— Шумахер. Слышали?

— Ну да, фамилия известная...

Будем надеяться, что портной такой же быстрый, как и его однофамилец в будущем.

Стараниями различных личностей в двадцать первом веке сложилось впечатление, что все евреи либо люди искусства, либо связаны с финансами. Поэтому Сергею словосочетание «еврей-портной» казалось еще более странным, чем «еврей-оленовод». Оленевода он, по крайней мере, знал...

* * *

Сеньор Шумахер (или как там евреи друг к другу обращаются?) был типичным евреем. Сергей таких персонажей встречал исключительно на карикатурах.

Широкая черная шляпа, из-под которой свисали седеющие завивающиеся пряди — пейсы, длинный, как пальто, черный пиджак. На носу — очки, за которыми поблескивали хитрые глаза. Длинная, куда там Сергею, борода.

Герр Шумахер стоял за узкой стойкой, на которую Сергей опустил сверток с тканью:

— Добрый день. Из этой ткани я хотел бы сшить себе костюм.

Сергей по дороге до портного решил, что только джинсовых брюк недостаточно, и пришел к выводу, что ему необходима еще и

куртка.

— Костюм? — непонимающе переспросил портной. — А вы уверены, что вам нужен именно костюм?

Интересный вопрос. К чему он только задан?

— Да, совершенно уверен. Именно костюм.

— А если, скажем, — прищурился мистер Шумахер, — я скажу, что этой ткани не хватит на штаны для вашего роста?

Сергей недоумевающе посмотрел на сверток — десяти метров не хватит на одни штаны? Потом — на портного. Заметил, что тот обут в ботинки без шнурков, а брюки заправлены в носки. Пьяный он, что ли?

— По-моему, гос... товарищ Шумахер, этой ткани хватит не только на штаны, но и на два костюма.

— Ой, действительно. — Еврей неожиданно ожил и засуетился. — Как я мог сослепу не рассмотреть такой большой сверток ткани! Уж простите старого Менахема. Какой костюм желаете?

Сергей объяснил:

— Прямые штанины, двойные швы из толстой желтой нити вот здесь по краям и по обшлагоу, внутренние карманы вот здесь, здесь — маленький кармашек. Сзади — два накладных кармана. Петли для ремня и кожаная широкая накладка вот здесь. Пуговицы — металлические... У вас есть металлические пуговицы?

— Да... у меня есть металлические пуговицы...

Глаза портного постепенно становились больше очков.

Куртку Сергею пришлось нарисовать. Вместе с брюками. И кепкой — Сергей изобразил кепи, которое в его исполнении немного походило на головной убор фашистских солдат.

Мсье Шумахер завел Сергея в комнатуху, измерял потертым сантиметром и говорил, говорил, говорил:

— Сразу видно, что у товарища есть свой стиль. Не каждый осмелится пойти на то, чтобы поломать привычный распорядок вещей. Вот когда мы слевой Байцем... Вы не знали Леву Байца?.. Неудивительно, вот уже пять лет как Лева имел глупость недостаточно хорошо продумать свой маленький гешефт. Так вот, мы слевой шесть лет назад приехали в этой благословенный город, бросили свой маленький городок. Хотя в Чернобыле после того, что там произошло двадцать лет назад, жить уже становилось неуютно...

— Ну да, — машинально кивнул Сергей.

В Чернобыле не очень-то уютно... В Чернобыле?

— Простите, где?!

— А что вас так удивило? Чернобыль — маленький городок не так далеко от Киева. Если вы не еврей, то вы о нем, скорее всего, и не слышали. Вот если вы еврей...

— Нет, — отрекся от богоспасаемого народа Сергей, — не еврей.

Надо же, евреи в Чернобыле. Нет, конечно, понятно, что город не возник в восемьдесят шестом, чтобы тут же накрыться облаком радиации, но все-таки узнать, что место действия компьютерной игрушки имеет длинную и сложную историю...

— Вот вы, — продолжал развивать некую мысль пан Шумахер, — откуда будете?

— Из Козьей Горы. — Сергей опять не успел прикусить язык.

Портной замер:

— Откуда?

— Из Козьей Горы.

Еврей погладил бороду:

— Из Козьей Горы... И сшить вы хотите все-таки костюм...

— Да. — Что он привязался к костюму? — И еще...

Сергей вспомнил о местных хулиганах и подумал, что револьвер лучше носить постоянно под рукой.

— Не могли бы вы вот этот правый карман в куртке сделать поглубже, так, чтобы...

— Не беспокойтесь. — Еврей посмотрел на Сергея поверх очков очень серьезно. — Старый Менахем все сделает в лучшем виде. Все будет незаметно.

Понял, старый филин...

— Для нагана, — уточнил Сергей.

— Хорошо... Из Козьей Горы, говорите? А вы случайно не тот самый сектант, который убил капитана Ждана?

Да что это творится! Нет, Сергей уже понял, что быть ему сектантом, но не подозревал, что его будет знать каждый еврей в городе!

— Тот самый, — несколько злобно сказал Сергей. — Но капитана убил не я.

— Не вы, не вы... Скажите, молодой человек, мне почему-то сдается, что вы в Козью Гору прибыли недавно?

— Верно.

— Надо полагать, капитан Ждан очень мешал... Козьей Горе?

— Не то слово. — Сергей вспомнил все синяки и увечья, которые доставались ему от капитана и его людей.

— А, боюсь спросить, зачем вы приехали в город? Случайно не собираетесь здесь работать?

— Собираюсь. Поэтому не могли бы вы выполнить заказ побыстрее? Я доплачу за скорость.

Портной о чем-то глубоко задумался:

— Знаете что, молодой человек, я сделаю ваш заказ уже завтра. И даже не возьму с вас деньги за срочность. Только я хотел бы, чтобы вы имели в виду, если вдруг решите поработать в нашем городе по специальности еще немного, обращайтесь ко мне. Старый Менахем сумеет найти вам работу.

Сергей тяжело посмотрел на старого Менахема. Ему уже несколько поднадоели непонятные намеки.

— Нет, нет, — замахал ладонями портной, — я не настаиваю. Я ведь даже не задаю вопросов, почему молодой человек, одетый, как босьяк, заказывает дорогой костюм по собственному эскизу и просит сделать ему карман для револьвера. Я ведь этого не спрашивал. Просто имейте меня в виду.

— Хорошо, — мысленно махнул рукой на странности еврея Сергей. Может, он действительно просто пьян?

* * *

По дороге к дому тети Тани (был уже вечер) Сергей опять встретил тех двоих. Правда, в этот раз их было шестеро. К счастью, они не стали цепляться, просто сидели на лавке у одного из домов и пили пиво, в точности гопники двухтысячных.

Сергей еще раз подумал о револьвере.

Завтра, когда пойду в город, взять с собой револьвер, забрать джинсы у портного, переодеться и пойти в библиотеку. Нужно заняться местной географией. Может, удастся локализовать и установить точку временной развилки, после которой этот мир стал отличаться от нашего?

* * *

Сергей сидел на лавке и злился на весь белый свет. Утро явно

не задалось.

Оно для него традиционно началось с резкого пробуждения после ночного кошмара. Сегодня сны решили быть оригинальными. После уже привычных мертвых беспризорников на Сергея начали надвигаться поочередно Рахим с окровавленной глазницей, Семка с простреленной грудью, а потом из темноты выдвинулся вполне живой и здоровый капитан Ждан. Оскалившись, как в прошлый раз, он медленно поднял пистолет. Сергей несколько раз выстрелил ему в грудь из неизвестно откуда появившегося нагана. Капитан медленно растаял в воздухе. «Не хотите ли поработать?» — спросил проходящий мимо портной Менахем. «Кем поработать?» — удивился Сергей. «Как кем? По специальности». — Еврей указал на груду мертвых тел. Вот тут Сергей и проснулся.

Мокрый от пота подскочил на кровати. По специальности? В памяти всплыл непонятный разговор с портным. Так это что же получается...

Его приняли за убийцу? Вот бред...

Такое осознание с утра пораньше успокоению и достижению гармонии с миром не способствует. Собравшись за костюмом, Сергей вспомнил о своем решении носить револьвер. С утра мысль показалась глупой, однако наш герой все равно решил наган взять. Если бы враги нападали на тебя только тогда, когда ты взял оружие, жизнь была бы намного проще...

Револьвер наотрез отказывался помещаться за ремнем штанов. Он то проваливался внутрь — а холодный наган это совсем не то, что хотелось бы ощущать в штанах, то торчал из-под одежды, как запущенная грыжа, так что даже самый невнимательный милиционер заинтересовался бы.

Джинсовый костюм, как ни странно, на самом деле был уже готов. Видимо, старый Менахем сидел над ним всю ночь. Поняв, что фактически еврей пытался нанять убийцу, Сергей начал опасаться его, что выразилось в неприязненном отношении и коротких, грубоватых ответах. В итоге старик Шумахер только укрепился в своей вере, что Сергей — профессиональный убийца. Особенно когда Сергею пришлось вынимать револьвер и перекладывать в карман куртки. На прощание еврей еще раз напомнил о возможности «поработать».

Сергей прошел немного по улице и остановился, глядя на себя в витрину магазина. Что такого «убийственного» разглядел в нем еврей?

Обычный молодой парень. В светло-синем джинсовом костюме и берцах. В джинсовой же высокой кепке. Со спортивной сумкой на широком ремне — ткань осталась, и Сергей попросил портного сшить ему сумку по эскизу. Пока ее шили, он прогулялся по улице.

Ну да, может быть, такая одежда в двадцать пятом году смотрится несколько экстравагантно, но ведь за убийцу его приняли еще вчера. Сергей повернулся правым, левым боком. Длинные волосы, стянутые в хвост? Узкая борода?

Револьвер, кстати, был совершенно незаметен, помещенный в специальный вырез в правом кармане. Все-таки Менахем был мастером...

Сергей вскинул сумку на плечо и двинулся в сторону местной библиотеки.

Свои глаза в витрине он рассматривать не стал.

* * *

Город Песков располагался у слияния двух рек: большой, названной соответственно Большой, и маленькой, неожиданно зовущейся Песчанкой. Библиотека находилась на другом берегу Большой реки, в Забольшье.

Через реку был перекинут железный мост с огромными полукруглыми фермами по краям, немного похожий на железнодорожный. Хотя по нему ходили пешеходы и ездили повозки.

На том берегу Сергея заинтересовала маленькая часовня: небольшой белый куб с крошечным, торчащим вверх куполком. Церковь была закрыта на огромный замок, над дверью висела вывеска «Газеты», а на двери — записка: «Ларек не работает». Все-таки отношение к церкви здесь не такое безоблачное, как Сергею показалось при общении с загорским батюшкой...

Библиотека, когда он к ней подошел, оказалась закрыта. Слишком рано он до нее добрался. Пришлось сидеть на лавке и ждать. А ожидание настроение не улучшает...

Да вдобавок ко всему напротив Сергея сидели на скамейке два старичка в светлых костюмах и плоских соломенных шляпах и громко обсуждали... Его и обсуждали.

Деды, видимо, были глуховаты и искренне считали, что Сергей их не слышит, поэтому шумели в свое удовольствие:

— А вы не знаете, что это за молодой человек в странном костюме?

— Как же не знать! Это же тот самый сектант, который перебил всю банду Ждана!

— Что вы говорите! Один!

— Конечно, один!

— А как же он справился один со всеми?

— Очень просто! Он же сектант!

— Что вы говорите! А как же он это сделал?

— Очень просто! Это страшная тайна их секты!

— Что вы говорите! А какая это тайна?

— Я же не знаю! Это же тайна!

— Что вы говорите! А почему он так странно одет?

— Очень просто! В их секте все так ходят!

— Что вы говорите! А почему?

— Это тоже страшная тайна секты!

— Что вы говорите! А что же это за секта такая?

— Очень просто! Свидетели пятидесятого дня Иеговы!

— Что вы говорите! А что такое — пятидесятый день Иеговы?

— О! Это и есть самая страшная тайна секты!

Свидетель пятидесятого дня сидел красный от злости и был близок к убийству. К счастью, библиотека открылась раньше, чем он дозрел окончательно.

* * *

Библиотекарша была очень даже ничего. Красивая, даже по меркам двадцать первого века: стройная, можно сказать, худенькая, этакая фигурка модели. Странно, вроде бы, как казалось Сергею, в советские времена были в моде этакие широкобедрые мужиковатые девки. По крайней мере, какой фильм про эти времена ни посмотришь, там только такие носятся. А эта очень даже женственная, даже несмотря на короткую стрижку и почти полностью отсутствующую грудь. Короткие черные волосы (вообще блондинок Сергей почти не замечал), тоненькие пальчики с аккуратным маникюром, накрашенные глаза, помада на губах... Как там говорили? Большевистский аскетизм? Ну-ну... Свободное синее платье, короткое до такой степени, что открывало колени. Ножки тоже стройные, в чулках телесного цвета... или колготках?

Мама... Чулки... Девчонка лихо опустилась на стул, и под слегка приподнявшимся платьем показались подвязки.

Сергей сглотнул. Он сразу вспомнил, что девушки у него не было... Давно уже не было.

Нет, Сергей еще вчера во время похода по улицам замечал таких девчонок. Все-таки на дворе НЭП — новая экономическая политика. Хотя что-то из лекций по истории экономики он запомнил, в основном потому, что преподаватель из академии к прогульщикам относился грозно, а рассказывал интересно. Он да еще Евгений Сергеевич, преподававший экономическую теорию, — все, кого он помнил из лекторов.

Значит, на дворе НЭП — расцвет частного предпринимательства, очень быстро придушенный Сталиным. Кстати! В этой реальности Сталин не имеет власти, а значит, НЭП может просуществовать очень даже долго. А это идея!

Обдумать на досуге.

— Что почитать хотите? — Девчонка отложила цветной журнал мод. Журнал мод! В большевистской России! Да еще, судя по надписям, — иностранный!

— Э-э... — Сергей поймал себя на том, что пытается определить наличие лифчика. — Мне, пожалуйста, газеты за этот год. Все. И книги по географии и истории.

Девчонка открыла ротик.

* * *

Все! Сергей хлопнул ладонью по стопке газет.

Выпрямился, неожиданно ощутив, что спина затекла и болит, глаза горят, и вообще на улице уже темнеет.

В библиотеке уже никого не было, только одинокая девчонка-библиотекарша сидела, нахохлившись, за своим столом.

Все! Теперь все ясно. Даже не пришлось уходить далеко в прошлое, хватило двадцатого века.

Теперь Сергей точно мог сказать, ГДЕ произошла развилка и в ЧЕМ она заключалась.

Сначала он попытался проанализировать историю, но почти сразу же увяз в большевистской пропаганде.

Дореволюционная Россия в описаниях большевиков представляла местом неприятным и для жизни не очень подходящим.

Из школьных уроков истории (на втором месте после обличения сталинских репрессий у училки стояло описание великой и могучей России), из прочитанных газет, интернет-форумов, телепередач Сергей помнил, что Россия была пусть не самой сильной в мире, но, по крайней мере, страной, которая стояла на одном уровне с такими европейскими державами, как Англия и Франция, не говоря уж о Германии.

В изложении большевиков создавалась картина откровенно отсталой, захудалой, никем не уважаемой полукolonии, даже не сырьевого придатка. Это ж надо было так очернить историю!

Так, почти вся промышленность России, если верить большевикам, принадлежала иностранцам, соответственно вся прибыль шла за границу. Например, золотые прииски были собственностью английских компаний, электротехническая промышленность — немецких, судостроение и большая часть самих торговых судов — французских.

Да и вообще, промышленность была не ахти какой, из-за чего в Первую мировую не хватало ни патронов, ни снарядов, ни оружия вообще. Упоминался даже такой бред, как закупка винтовок в Аргентине. Россия покупает оружие в Аргентине, надо же такое придумать!

Перечислялись годы, когда в России голодали крестьяне: 1892, 1902, 1907, 1911... Как могут голодать нормальные, работающие крестьяне? Кстати, Сергей наткнулся на статистику: доля кулаков по всей России объявлялась всего в полтора процента. Известно же, что кормили Россию в основном кулаки. Как полтора процента могут накормить огромную страну? А бедняков якобы было больше восьмидесяти процентов. Не могут же почти все крестьяне быть лентяями и пьяницами, а кто еще станет бедняком? Понятно, что с цифрами большевики приврали.

Столыпин, кстати, которого Сергей помнил как спасителя крестьянства, большевиками объявлялся «вешателем». Рассказывалось об учрежденных им военно-полевых судах, в которых приговоры выносились пятеркой военных, без прокуроров, без адвокатов, причем решение принималось за одни сутки, и тут же приводился в исполнение приговор. Если бы такая организация была создана Сталиным, Сергей бы еще поверил, но Николаем Вторым? Тот, конечно, был человеком мягким, добрым и глуповатым, но не случайно же он заслужил прозвище Кровавый. Его же святым объявили!

В общем, Сергей понял, что история при большевиках состояла в основном из пропаганды.

Пропаганде Сергей не верил никогда.

* * *

Вот с 1917 года пропаганда должна была закончиться. Действительно, начались изменения, которые можно было бы объяснить только развилкой во времени.

Октябрьская революция в этом мире официально, самими же большевиками, называлась Октябрьским переворотом. Сергей сначала запутался в самих датах: почему переворот произошел то ли 25 октября, то ли 7 ноября? Потом он вспомнил о старом и новом стиле, кажется, как раз большевиками и введенном. С этим понятно. А вот почему большевики собственную революцию революцией не называют? Непонятно. Уж не здесь ли кроется разгадка? Не стал ли 1917-й годом развилки?

Порывшись, Сергей нашел еще несколько подтверждений своей версии. Насколько он помнил, царя свергли большевики, ну или этот факт постоянно ставился им в вину. Здесь же царя свергли в ходе Февральской буржуазной революции. О том, что и в его мире была такая же, Сергей смутно помнил, однако, как ему казалось, в феврале царя не свергли, а ввели конституционную монархию, как в Великобритании. Иначе кого тогда свергали большевики в октябре?

В газетах большевики как-то смутно обходили вопрос о Николае. Вроде бы, с одной стороны, они ставили это себе в заслугу, но с другой стороны, совершенно не описывалось, как они это сделали. А если не большевики, то кто? Генералы? Ага, почтительно приставили пистолет к виску: мол, подписывай, твое величество. То есть свергли того самого царя, за которого потом воевали с большевиками. Как там: «За веру, царя и отечество», так?

Хотя, пообщавшись с капитаном Жданом, Сергей не удивился бы, если бы здешние военные так и поступили. Как-то плохо он отзывался о царе.

Плюс Сергей отыскал событие в семнадцатом, которого в его времени точно не было: восстание генерала Корнилова в августе. Если в его мире белые генералы поднялись только против большевиков, то здесь, судя по всему, им было плевать против кого, лишь бы власть захватить. Могли и царя... того... убедить.

Значит, примем за версию, что развилка произошла в семнадцатом... или нет? Возможно, в семнадцатом она только разрослась до такой степени, что повлияла на историю.

Была у Сергея одна мысль, но для ее проверки нужно было посмотреть здешнюю географию.

Если мысль верна, то изменения затронут только Россию, если же нет — то изменится весь мир.

Итак, география...

* * *

Все, что далеко от России — Австралия, Америка, было достаточно привычно. Хотя об этих странах рассказывалось немного. Упоминались гражданские войны в Америке — Мексика, Эквадор... О таких Сергей не слышал, но он вообще мало слышал о Латинской Америке. Может, и были там такие войны...

США были на месте, президентом там буквально недавно стал некий Калвин Кулидж. Еще в США был сухой закон, гангстерские войны — об этом Сергей знал, голливудские боевики прекрасно иллюстрировали, что там происходило, то есть происходит сейчас. Еще в газетах писали о рабочих волнениях, убийствах профсоюзных лидеров, угнетении негров, расправах с рабочими активистами... Все это Сергей привычно списал на большевистское нагнетание страха, кроме разве что негров. Припомнив наглых лоснящихся чернокожих из тех же американских кинокартин, он подумал, что, если их немного поугнетают, им это только на пользу пойдет...

Африка и Азия пестрели незнакомыми названиями, однако Сергей пришел к выводу, что это старые дореволюционные названия. Иран, к примеру, был Персией, а Таиланд — Сиамом (интересно, к сиамским кошкам и сиамским близнецам он имеет какое-то отношение?). Большая же часть незнакомых названий — судя по всему, колонии европейских государств, после получения независимости вернувшие себе старые названия.

Примерно та же ситуация была и в Европе. Разве что почти все государства большевики подозревали в агрессивных намерениях. Даже Эстонию. Единственное государство, которое считалось почти союзником, — как ни странно, Германия.

Чем ближе к СССР, тем страньше и страньше...

Польша на карте была гораздо крупнее, чем помнилось

Сергею. На ее территории находились и Брест — исконно белорусский город, и Львов — вообще столица украинских националистов. Еще Сергей обнаружил город Вильно — судя по всему, Вильнюс, и тоже не в Литве, а в Польше.

Литва, Латвия и Эстония, как уже знал Сергей, в состав СССР не входили (а как же «софетская оккупация?»), были государствами независимыми, хотя тоже немного шизофреническими.

Литва, например, имела столицей Каунас, а не Вильнюс, который здесь был польским, да к тому же в 1918 году пыталась стать королевством. При этой новости Сергея пробил смех.

Латвия и Эстония отхватили себе часть исконно русских земель. В Латвии параллельно с русской Гражданской войной прошла своя собственная внутренняя гражданская война. Хотя, казалось бы, где им там воевать, страна — не развернешься.

К тому же во всех прибалтийских странах советская власть уже устанавливалась! Были созданы соответственно Литовская, Латвийская и Эстонская ССР, однако просуществовали они недолго, и сейчас это были три демократических государства.

Возможно, подумал Сергей, в этой реальности большевики их не смогли захватить, поэтому они и не в СССР? Так, что ли?

Еще больше странностей было внутри самого СССР.

Белоруссия была, во-первых, гораздо меньше: граница с Польшей проходила почти у самого Минска. Но почему не менее белорусский Гомель — на территории России?

Вторая, и самая большая странность Белоруссии — ее герб. Как узнал Сергей, на гербе были надписи на четырех государственных языках БССР. Русский (понятно), белорусский (понятно), польский (странно, но понятно) и... идиш! Как, как еврейский язык оказался государственным языком Белоруссии?!

Украина тоже находилась не в собственных границах. И если западный кусок вместе со Львовом еще можно было бы объяснить агрессией Польши, то почему столица Украины — Харьков?! Российский Крым, Сергей помнил, Украине отдали как раз при Советской власти (Сталин, кажется, хотя, может, и нет). Киев — вот он, в той же самой Украине находится. Интересно, а в Харькове есть майдан?

Границы РСФСР тоже временами находились в неожиданных местах. Если отсутствие Калининградской области вполне понятно: Калининград — это бывший Кёнигсберг, а область

— бывшая часть Германии, захваченная в войну... в Великую Отечественную, то есть еще не захваченная. То вот почему граница с Финляндией так близко от Питера... тьфу, Ленинграда? И где Выборг?

С городами России путаница была еще та. Ладно названия типа Троцк вместо Гатчины или знаменитый в будущем Сталинград вместо Волгограда. Понятно, что большевики часть городов переименовывали в честь друг друга. Хотя и с этим не все так просто. Вот, например, Тверь. При большевиках в мире Сергея она называлась Калинин, надо полагать, в честь того дедушки с айболитовой бородкой — председателя ВЦИК, в честь которого потом назвали Кёнигсберг. А здесь она как Тверью была, так Тверью и осталась.

А вот город в Сибири — Новониколаевск. Это что? В мире Сергея такого города не было. А здесь был.

Или вот Краснококшайск, не такой уж маленький городок. Это что? Даже если предположить, что Сергей его не знает, потому что потом ему вернули прежнее название, так раньше это был — Царевококшайск. А Новониколаевск так и назывался, его не переименовывали.

Может быть, в мире Сергея оба города получили от большевиков какие-то другие названия, под которыми он их и знал?

Добили же Сергея всего два маленьких государства.

Немецкая республика на Волге и народная республика Танну — Тува на границе с Китаем.

В мире Сергея ни того, ни другого не было.

Сергей понял, что он устал удивляться.

Если все изменения географии можно объяснить произволом большевиков при составлении карт (почему надписи «Соединенные штаты Америки» нет на карте?), то в СССР изменения затронули и границы, и языки, и даже само существование государств. Значит, что?

Значит, причина развилки — в СССР.

Сергей нашел ее.

Газета «Правда», номер 87 от 16 апреля 1925 года.

«Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к выводу, что основная задача партии — разжечь классовую борьбу в деревне. Это неверно. Это — пустая болтовня...»

«...Как включить крестьянство в систему хозяйственного

строительства? Через кооперацию...»

«Таковы пути и дорожки, через которые медленно, но основательно должно включаться крестьянское хозяйство в общую систему социалистического строительства».

«...Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношении к крестьянству. Надо научиться терпеливо разъяснять крестьянам непонятные для них вопросы...»

Кто этот сторонник мягких мер? Кто этот либерал? Кто не собирается проводить коллективизацию?

Сталин.

Развилка — это Сталин.

Он не просто не сумел взять власть. Он НЕ ЗАХОТЕЛ этого делать.

Характер здешнего Сталина сильно отличался от характера Сталина, которого знал Сергей.

Именно Сталин был причиной всех изменений.

* * *

Кто его знает, почему Сталин здесь был более мягким, чем кровожадный безумец нашего мира. Возможно, потому что здесь ему повезло с родителями. Как помнил Сергей из рассказов учительницы, в нашем мире у Сталина было тяжелое детство, как у всех маньяков. То ли отец пил, а мать била, то ли наоборот... В общем, было там что-то связанное с питьем и битьем.

Версия с изменением характера Сталина объясняла практически все расхождения со знакомой Сергею историей.

Нет репрессий и расстрелов? Так в нашем мире их ввел Сталин.

Нет коллективизации? Так и это — задумка Сталина.

Не ликвидируют священников? Нет паспортов? Сократили армию? Правильно, потому что Сталин не имеет власти.

Разве что с червонцами и автоматом Федорова непонятно... Хотя почему непонятно? Возможно, в нашем мире хотели ввести червонцы как деньги, но Сталин запретил. А автомат... Сталин, как известно, был грабителем банков, возможно, в нашем мире в ходе одного из ограблений оружейник был убит до того, как придумал свое изобретение.

Все правильно. Все сходится...

Стоп. А Гитлер?

Почему Гитлер вместо того, чтобы кричать с трибуны, сидит в тюрьме?

Некстати разыгравшееся воображение представило Гитлера с его знаменитыми усиками и челочкой, но при этом в белой майке и покрытого синими наколками. Почему Гитлер сидит? Как это можно объяснить?

Сергей подумал. А, ну все просто: в нашем же мире Сталин Гитлера поддерживал, практически привел его к власти, а здесь — нет. Вот Гитлеру захватить власть и не удалось.

Все просто.

Повезло, подумал Сергей, хорошо, что попал в такую развилку. Сталин не у власти, да, судя по его статьям, к власти и не рвется. Значит, не будет ни репрессий, ни расстрелов и самое главное — не будет войны. Тихое, спокойное время. Относительно, конечно, свои завихрения здесь есть, но по сравнению с нашим... Курорт.

Значит, подытожил свои мысли Сергей, исторические изыскания можно прекратить — развилка определена. Нужно переходить к более насущным проблемам: поискам артефакта и средств к существованию. Неизвестно, сколько он будет искать проклятую железяку. Нужен заработок.

Может, все-таки съездить в Москву, к Сталину. Здешний-то пусть не либерал, но на фоне остальных большевиков вполне себе мягкий товарищ. Вернее, не мягкий (глупый и размазня одним из ЦК все-таки не стал бы), но более... более...

Более правильный, что ли...

Нет, к Сталину не поеду. Зачем? «Здравствуйте, товарищ Сталин, у меня для вас одна важная информация...» Какая? Что здесь произойдет дальше, Сергей не знает, о каких-либо изобретениях рассказать не сможет. Так на кой он Сталину? Чисто так, поболтать с пришельцем из другого мира? На кой ему это? Нет, нужно обживаться здесь...

Сергей зевнул, синхронно с ним зевнула библиотечка. Нет, об этом придется думать завтра, а сегодня — домой. Спать. Да и девчонку нужно отпустить, чего она, кстати, не закрыла до сих пор библиотеку?

— Простите... — Сергей подошел к девушке. — Я тут немного увлекся... Почему вы не выгнали меня еще засветло?

— Вы так увлеченно работали, — заулыбалась девушка, — не хотелось вас прерывать. А дома меня никто не ждет, я одна

живу...

— Как же вы теперь пойдете одна по темным улицам?

...А почему бы и нет?..

— Давайте я вас провожу.

— А вы не боитесь? — лукаво улыбнулась девушка.

— А вы обещайте меня не пугать, — улыбнулся в ответ Сергей.

* * *

Зоя Морозова (ни в коем случае не Зоенька!) оказалась девушкой вполне себе современной и раскованной. Современной даже для двадцать первого века. Может, она не знала, что такое Интернет и мобильники, однако с ней было интересно поговорить. Сергей в свое время встречал девушек гораздо глупее, которые кроме шмоток, чмоков и «деффачек» ничего не знали.

Зоя тоже любила поболтать об одежде, о том, как быть «шикарной», однако шикарность в ее понимании шмотками не ограничивалась.

— Современная девушка, — рассказывала она приятным голоском, пока они шли по темным улицам, — если хочет быть шикарной, не должна только наряжаться. Наряды говорят лишь о состоянии твоего любовника и ничего о тебе самой. Чтобы быть шикарной, девушка должна поставить в спальне радиоаппарат, учиться боксу, стать колючей, как военная проволока, тренированной, как мальчишка, уметь ходить на руках и прыгать в воду с вышки...

Сергей просто любовался ею. Современные ему девушки были либо красивыми, либо умными, а в Зое сочеталось и то и другое. Пусть она, так же, как и девушки нашего времени, хотела найти богатого любовника, все равно она казалась лучше... естественнее, что ли... Не было в ней жеманности тупых «барби», дерганости клубных тусовщиц... И уж точно ни грамма силикона.

Они вышли к берегу реки Большой, нужно было пройти через парк, за которым темнела стена и виднелось что-то типа церкви, чтобы выйти к мосту...

— Привет! — Из кустов показались три тени.

В кармане куртки Сергей почувствовал тяжесть нагана. Мол, все в порядке, хозяин, я с тобой.

— Какие красотули тут ходят без присмотра!

Три парня, лет двадцати на вид, насколько можно разглядеть в полумраке. Белые кепки, полосатые тельняшки... Запах пива с водкой ощущается издалека.

— Как же — без присмотра, — глумливо подхватил второй, — вон какой с ней кавалер.

Хорошо, что пошел с Зоенькой, одной бы ей тяжело пришлось...

— А кавалер нам девушку оставит. Ей с нами интереснее будет...

Один из парней достал нож и двинулся к Сергею, двое других направились к Зое:

— Девушка, а хотите мы вам тюльпанчик сделаем?

— Сейчас я вам сделаю... тюльпанчик... — Зоенька медленно раскрыла сумочку.

Да какой тут газовый баллончик?!

Выхватил и выстрелил.

Щелкнул выстрел, с головы обладателя ножа слетела кепка. Троица замерла, потом сорвалась с места и под треск кустов исчезла в темноте.

— Здорово! — восхищенно произнесла девушка. — Вы отлично стреляете!

— Ага, — пробормотал Сергей, чувствуя, как кровь медленно возвращается к его побледневшему лицу.

Он не собирался сбивать кепку и стрелял на полметра выше головы. Хорошо, что чуть ниже не взял...

— А чем это вы их испугать собирались? — спросил он, чтобы немного прогнать напряжение.

— А вот.

На ладони Зои лежал маленький черный пистолет.

— А вы действительно... шикарная девушка.

* * *

— Вы интересный, Сергей. — Зоя стояла на крыльце своего дома. — Знаете, мне редко встречались мужчины, чтобы и смелые и культурные. И ваша одежда... очень необычна. Вы необычный человек...

До ее маленького домика они добрались без приключений. И теперь стояли на крыльце, собираясь расстаться.

— Что же во мне такого смелого? С револьвером смелым

станет любой...

— Не любой. Другой бы достал его, начал пугать, некрасиво кричать. А вы... Спокойно, четко, деловито — и враг бежит.

— Я вам понравился?

— Немного... Вот разве что ваша борода и волосы... Я бы их состригла, вы слишком похожи на попа.

— Я же сектант.

— Но вы же бывший сектант.

Наступила пауза. Сергей положил руки на талию Зои и потянулся к ее губам.

— Но-но-но. — Тонкий пальчик прижался к его рту. — Я не целуюсь на первом свидании.

— А у нас было свидание?

— Хотелось бы думать, да...

— Но как я узнаю, что это свидание, если не будет поцелуя?

Зоя промолчала. Потом потянулась к Сергею.

Ее губы были горячи, а помада необычна...

* * *

Сергей тихонько прошел в свою комнату, закрыл дверь и, напевая, упал на кровать. Пусть это был всего один поцелуй... Но какой! Почему в нашем времени не было таких девушек? А если были, почему они не обращали внимания на Сергея?

Он прикрыл глаза, чтобы вспомнить лицо Зои.

Сон упал, как черный занавес в театре.

Все-таки Сергей сегодня очень устал.

* * *

Сергей проснулся только под утро оттого, что нечто твердое больно упиралось ему в бок. Он пошевелился, вытащил из кармана мешающий предмет... Револьвер.

Елки!

Сергей лежал на кровати полностью одетый, в берцах. Здорово умотался за день. Казалось бы, всего лишь провел время в библиотеке. Он вспомнил свое чтение, библиотечаршу... Ах, Зоя...

Неужели, усмехнулся Сергей, это на нее я потратил все силы? А ведь всего один поцелуй. Он прикрыл глаза и с удовольствием вспомнил вчерашнее прощание. «Не целуюсь на

первом свидании»? Значит, будет и второе? Сергей зажмурился.

Жмурься не жмурься, а вставать надо. Кто вчера стрелял, а оружие не почистил? Так у тебя в стволе не то что ржавчина, улитки заведутся. Сергей вскочил, потянулся, разминая затекшее тело.

Выбрался из дома, принес ведро воды из колодца, разделся до пояса и облился, смывая сон. Брр! Сон смылся, как черт от святого распятия. Вода-то ледяная!

Растершись полотенцем, Сергей свернул самокрутку, достал зажигалку. «Зиппо» ему подсунули сломанную — крышка не откидывалась на шарнире, а просто снималась, в неудачном случае — падала в траву. Зато работала как часы.

Покурив, довольный Сергей вернулся в комнату и уселся за стол чистить и смазывать оружие. Руки делали работу, мысли вернулись к Зое.

Зоя, Зоя... Что же ты нашла такого интересного в «сяктанте» Сяреже? Красивая, умная девушка. Немного коробит, конечно, ее желание иметь богатого любовника, которому она будет соответствовать. Как-то это отдаёт... продажностью, что ли... Хотя, с другой стороны, мало ли в двадцать первом веке девушек, которые хотят того же? Зоя, по крайней мере, не скрывает, что ей нужны только деньги, и собирается быть такой, чтобы любовнику не было стыдно показаться с ней на людях. Это не пластмассовая куколка «Оу, Крис», которая может дать только секс. Сергей подумал, что если Зою перебросить в 2010 год, то с ней можно будет выйти на люди любому олигарху. На то, чтобы разобраться в мобильных и Интернете, ей много времени не потребуется...

Что же она нашла во мне? Безработный сектант со странной внешностью. Кстати, о работе. Сергей вспомнил вчерашнюю мысль о том, как можно заработать деньги. Мысль, конечно, хорошая... Нет, сначала попробуем найти работу честным путем.

— Сярежа, — постучала в дверь тетя Таня, — тут к тебе пришли.

Пришли? Кто бы это мог быть? На всякий случай Сергей перезарядил револьвер, спрятал его в карман, накинул куртку на голое тело. Вышел из комнаты.

Увидев, кто пришел к нему, Сергей мгновенно застегнул пуговицы, остро чувствуя тяжесть незарегистрированного револьвера в кармане. За столом в прихожей сидел...

Белая гимнастерка, подпоясанная широким кожаным

ремнем, синие галифе, блестящие сапоги. Белая фуражка лежала рядом на столе...

Милиционер...

— Доброе утро, товарищ Вышинский.

— Доброе. Утро.

— Я ваш участковый надзиратель Александр Денисович.

Слова «участковый надзиратель» Сергею очень не понравились.

— Да вы присаживайтесь, товарищ Вышинский, присаживайтесь.

Сергей осторожно опустился на уголок табуретки. Разозлился сам на себя и сел плотно, положил руки на стол, сцепив пальцы в замок.

— Чем могу быть полезен?

— Да вы не переживайте, Сергей Аркадьевич, ничего такого. Просто узнал, что на моем втором участке появился новый жилец, вот решил зайти, познакомиться. Тем более вы у нас личность известная...

— Чем, простите, известная?

— Ну как чем? Банда капитана Ждана на вашем счету...

Надзиратель, улыбаясь, пересказал Сергею несколько версий его подвига. Участие Сергея колебалось от убийства одного только капитана до уничтожения абсолютно всей банды.

— ...Так что такого человека, как вы, беречь всячески нужно. Может, у вас жалобы какие есть?

Александр Денисович положил на стол новенький кожаный планшет, как будто собирался записывать поток жалоб.

— Может, вас обижает кто?

— Нет.

— Ну да, такого, как вы, пожалуй, обидишь... Может быть, все-таки есть на кого пожаловаться?

— Да нет, — пожал плечами Сергей. — Спокойный город, доброжелательные люди...

— Ну да. Работаем.

Работаете... А хулиганов приструнить не можете. Или это на них он и намекает? Мол, все я про тебя знаю, даже про твои стычки с местной шпаной.

— Кстати, Сергей Аркадьевич, что ж это вы до сих пор на учет в военкомате не встали? Непорядок...

Точно. Намекает. Засветился ты, Сярежа, как новогодняя

елка на Красной площади.

— Обязательно встану. Где он, кстати, находится?

— В бывшем здании кадетского корпуса. Уж не задерживайтесь, Сергей Аркадьевич...

— Да.

— Скажите, а Вышинский Андрей Януарьевич случайно вам не родственник?

— Нет, — категорически отрекся от неизвестного родственника Сергей. — Я сирота. Единственный родственник — дядя, Анисим Никитич...

— Ну что ж, не родственник так не родственник. Будете в Козьей Горе, дяде привет передавайте.

— Обязательно.

Милиционер собрался, пожал руку, улыбнулся тете Тане и ушел.

— Тетя Таня... — Сергей продолжал сидеть, глядя на закрывшуюся дверь. — А кто это был?

— Так как кто? — Тетя Таня тоже была несколько ошарашена. — Участковый наш... Аляксандр Дянисовиц...

Тьфу ты! Так это просто участковый! Сергея сбило с толку слово «надзиратель», сразу вызвавшее ассоциации с лязгом тюремных замков. Участковому и положено все обо всех на участке знать.

Сергей вытер пот со лба. Нужно собираться и идти в город. Работу искать, бездельник. И военкомат.

— Сярежа, а кушать?

Да. Кушать надо. А то отощашь...

* * *

Уф! В куртке все-таки жарковато. Или Сергей просто набегался по городу. Нет, нужно срочно отдохнуть.

Сергей отошел в сторону от улицы и устроился под полуразвалившейся крепостной стеной с бутылкой баварского пива. По крайней мере, так было написано на этикетке: «Баварское». Вообще пиво было здесь, хотя и по зверским ценам, но различных сортов: «Венское», «Бархатное», «Портер». О некоторых Сергей даже не слышал: «Мартовское», «Бок-Бир», «Черное», «Столовое»... А вот о «Жигулевском» никто и не слышал. Неужели и к этому приложил руку Сталин?

Напротив Сергея блестела река Большая, выгибался огромной ажурной аркой мост, белел кубик часовенки. Даже не поймешь, что в другом мире...

Всю первую половину дня Сергей перемещался по городу.

Был в Песковском губернском военкомате, откуда его послали в уездный. Тот находился у черта на рогах, километрах в двадцати от Пескова, на железнодорожной станции. Сергей плюнул и никуда не поехал. Тем более что призыв будет только осенью, а до осени он надеялся вернуться обратно, к старому доброму военкомату города Москвы.

Зашел на биржу труда. Осмотрел длинный хвост безработных. Интересно... Сергею казалось, что при большевиках безработных не было. Только при виде очереди он задумался, что в его мире большевики делали с безработными. Не расстреливали же? Или... Да нет, ерунда. Скорее всего, сажали. При здешних же большевиках безработным был почти каждый десятый. Или даже девятый. Интересно, насколько это больше безработицы в 2010 году?

Сергей пообщался со стоящими в очереди, с сотрудниками, с которыми вышел покурить, посмотрел на списки вакансий. Да... Ситуация складывалась безрадостная...

В списке вакансий значились:

— кузнец на завод «Металлист»;

— прядильщики на фабрику «Шпагат»;

— дубильщик на завод «Пролетарий»;

— разнорабочий на Песковский завод первичной обработки льна;

— грузчики на маслобойный завод «Знамя труда»...

В общем, экономисты без диплома и менеджеры по продажам нужны не были. Чтобы что-то продать, нужно сначала это что-то сделать. А здесь еще не восстановили производство после войны.

Продавать нечего. Нужно строить.

Когда Сергей в разговоре заикнулся, что правильнее говорить «не строить», а восстанавливать, ему погрозили кулаком и сказали, что по некоторым пунктам советский Песков уже опередил дореволюционный.

— Мы — строим новую жизнь. А когда строишь новое — на старых запасах даляко ня уедешь. Нужно смотреть не назад, а вперед.

Огромный кузнец ударил кулаком о ладонь. Он недавно вернулся из армии, работу пока найти не мог, но не терял надежды.

Остальная компания, кутившая на крыльце, загомонила, подтверждая слова кузнеца. Как понял Сергей, хотя работы у них не было, но у каждого был друг-знакомый-родственник на одном из песковских заводов, который сагитировал прийти именно к ним. Работяги-безработные вывалили на Сергея массу примеров постройки новой жизни.

Шпагатная фабрика дошла до довоенного уровня уже в прошлом году. И теперь мало того что обгоняла саму себя до революции, так еще и наладила выпуск новой продукции: цветного шпагата и мешков. В этом году планировался конкурс в Ленинграде, и фабрика рассчитывала на призовое место.

На заводе с забавным для меломанов двадцать первого века названием «Металлист» планировали наладить выпуск неких необыкновенных плугов, придуманных братьями-крестьянами из деревни под Песковым.

Якобы даже где-то под Песковым в каких-то болотах работал стекольный завод, чья продукция шла на экспорт: в Персию и Англию. Но в это Сергей уже не поверил.

В общем, народ, несмотря на трудности, в будущее смотрел с оптимизмом и рвался строить это самое будущее. А безработицу и биржи труда считал явлением временным. Кузнец заявил, что, по его мнению, биржам осталось существовать не больше пяти лет. А саму безработицу объяснил просто и незатейливо:

— Так все просто, Сярежа. За два года из армии сколько народу сократили. Миллионы. Куда они все пошли? Конечно, работать. Руки-то...

Кузнец поднял свои мозолистые клешни.

— ...руки бяз работы ня могут. Вот работы на всех пока и ня хватает. Ничаго, это нянадолго...

Конечно, думал про себя Сергей, чего бы им свое производство не запускать. Другие-то страны с СССР не торгуют, продукция идет чаще всего контрабандой, а так много не перетащишь. Это у нас смысла нет свое производство налаживать, у нас все импортное.

* * *

Сергей допил пиво, прихватил бутылку с собой и отправился

к дому. В планах было заглянуть к Зое...

Ах, Зоя...

Но ноги гудели, и нужно было обдумать одну мысль по получению денежных средств.

Если найти работу не удастся, значит, стабильный источник дохода отпадает. Остается только получение большой суммы одним куском.

Что, если попытаться организовать в Пескове аналог «МММ»?

* * *

Наверняка же о «пирамидах» здешний народ не имеет никакого понятия. Откуда?

Сергей немного подумал. Нет, «МММ» в здешних краях если и прокатит, то не ему ее организовывать.

Что нужно для «пирамиды»? В первую очередь реклама. То есть прежде чем народ понесет свои денежки, чтобы зарыть их на твоём поле и произнести «крекс-пекс-фекс», нужно бухнуть большую сумму собственных средств. А их и так нет.

Нужно придумать что-то другое...

Мысли Сергея ушли в прошлое.

Ему двенадцать лет. Он сидит в гостях у друга. Неожиданно пошел дождь, гулять не получается, по телевизору ничего нет. Скучно. И тут друг достает маленькую потрепанную книжечку. Книга-игра «Верная шпага короля». Компьютерных игр в те времена еще не было, поэтому Сергей до сих пор помнил тот азарт, с которым они пустились в приключения по страницам книжки.

В одном из эпизодов главный герой оказался в положении, очень похожем на сегодняшнее положение Сергея: один, в незнакомом городе, без денег. Игроку предлагалось на выбор три варианта. Сейчас вспоминался только один, тот, который выбрал двенадцатилетний Сережа: стать авантюристом. Вариант был выбран исключительно из-за красивого слова. Сергей перешел на требуемый пункт и с ужасом узнал, что он, то есть главный герой книги, став авантюристом, нагло пошел на прием к руководству города и, представившись чужим именем и наговорив гору слов, попросил денег.

Вот идея.

* * *

Отбросим МММы. Народ крайне не любит, когда у него отбирают внаглую или изымают вхитрую его кровные сбережения. Так можно вместо денежных средств приобрести разбитое лицо и отбитые почки. Вспоминая судьбу козьегорского Андрухи: можно приобрести и безымянную могилку в ближайшем лесочке.

Как показывает опыт России двадцать первого века, к потерянными деньгам из казны все относится спокойнее. Миллионом больше, миллионом меньше... То есть при удаче Сергей может «изъять» энную сумму и успеть скрыться, прежде чем его заметут.

Авантюрист Вышинский. Звучит.

Осталось придумать, чем можно будет заинтересовать здешнее руководство.

* * *

Сергей попросил у тети Тани ручку — здешнюю палочку с металлическим пером — и чернил. Тоже местных, резко пахнущих уксусом.

Разместил перед собой листок из блокнота, положил ручку поперек чернильницы — стеклянного кубика с углублением — и задумался.

Просто так денег никто не даст. Нужно предлагать некое предприятие, которое завалит город и конкретно городские власти деньгами по самую маковку.

Торговлю можно даже и не предлагать. Во-первых, потребуется опять-таки начальный капитал, во-вторых, торговать нечем. Кроме разве что заграничного товара, но здесь все — в цепких руках контрабандистов, и во-вторых, Сергею не хотелось связываться с таможней. Что-то сомнительно, что большевистская таможня чем-то будет отличаться от любой другой в плане «дополнительных сборов».

Точно так же можно отбросить развлекательные учреждения: кинотеатр там, ресторан и прочее. Все это, конечно, интересно и занимательно, но, во-первых, не сулит больших средств (Сергей уже понял, что песковцы — песковчане? — живут скромно), во-вторых, большевики все-таки не любят роскошь. Может, напоказ, но денег на ресторан все равно не дадут.

Значит, что?

А вспомните-ка, Сергей Аркадьевич, ваш опыт общения на бирже труда. На что направлены все усилия?

На ПРОИЗВОДСТВО.

Правильно, если ничего своего нет и заграница не продает, нужно только открывать заводы и фабрики. Шпагат, плуги, лен, кожа... Пиво свое. Интересно, почему здесь такая прорва сортов пива, даже «Баварское» есть, а в нашем мире у СССР было одно «Жигулевское»? Которого здесь, кстати, не знают. Неужели у нас Сталин запретил? Дотянулся, так сказать, проклятый...

Отставить пиво!

Чем можно заинтересовать? Ответ — всем. Здесь любая ерунда либо вообще не производится (на рынке продаются косы исключительно немецкие!), либо клепается чуть ли не на коленке в каких-то полуподвальных мастерских. Кустарное изделие, как узнал Сергей, это не презрительное прозвище грубого самопала, а вполне даже официальное название мелких мастеровых, индивидуальных предпринимателей, так сказать, которые делают практически все. Наверное, в нашем мире ведь тоже был НЭП, именно с двадцатых годов возникло мнение, что русский мужик с помощью лома и напильника может построить в сарае хоть танк, хоть спутник связи.

Всем-то всем, но выбрать нужно что-то одно. Причем, во-первых, это не должно быть плодом идей двадцать первого века. А то придется сначала объяснять, что это такое, потом — что это вещь крайне нужная, потом... Нужно составить бизнес-план. Во-вторых...

«Слабое место любого производства — сбыт. Ты можешь делать просто идеальные товары, но если у тебя их не купят — ты прогоришь». Надо же, лекции Евгения Сергеевича вспомнились. Кто бы подумал, что когда-нибудь пригодятся...

Сергей обмакнул перо в чернила и вывел на листке: «Бизнес-план». Придется вспоминать и лекции, и составление бизнес-плана, и основы маркетинга... Мошенничество должно быть убедительным, чтобы подумали, что он и вправду хочет организовать производство.

Вот только — чего?

Как говорил тот же Евгений Сергеевич, собаку съевший в бизнесе, переживший три банкротства, один рейдерский захват и один суд, лучший покупатель — это государство. За копейки не торгуется, потому что представитель государства — чиновник

отдает не свои деньги, на качество не смотрит по той же причине, и ему, сколько ни продай, все мало.

Значит, нужно производство чего-то такого, что здешнее государство в лице городских властей купит для собственного потребления.

Что это может быть?

Ореховые гарнитуры и золоченные «мерседесы» не предлагать. Что?

А что, если...

А почему бы и нет...

СССР — государство бюрократов, говорила училка.

Что бюрократ потребляет в любых количествах?

Должны купить.

Решено!

Сергей обмакнул перо...

* * *

О производстве чернил — любимом напитке настоящего бюрократа: выпил и закусил промокашкой — Сергей знал только одно: чернила на деревьях не растут.

То есть на этом можно было бы и забросить идею, но Сергея она неожиданно зацепила. Ладно, он не может создать свое собственное дело, но неужели он не способен хотя бы придумать убедительный бизнес-план?

Значит, первым делом необходимо узнать технологию производства чернил. У кого?

Включай мозг.

Кустари, которые уже делают чернила. Отпадают.

Во-первых, они не захотят плодить конкурента. И ничего не расскажут.

Во-вторых, кустарные чернила Сергею не нравились. Вон они стоят в пузырьке. Ализариновые. Резко и неприятно пахнут — на уксусе их, что ли, делают? Имеют неприятную тенденцию отстаиваться, и поэтому флакончик необходимо встряхивать. В общем, чернила очень некачественные, и писать ими довольно неудобно.

А ведь есть анилиновые чернила. Кто-то, кажется тетя Таня, упоминал, что они очень удобные для письма. Только в продаже их нет. А что это значит? То, что здешние чиновники пишут барахлом.

Что наверняка их раздражает. И они будут очень рады, если придет вежливый человек, который пообещает залить их анилиновыми.

Нужно узнать, как производятся анилиновые чернила. У кого?

Анилин — несомненная химия. Значит, рецепт таких чернил может знать химик.

Где и как в незнакомом городе можно найти химика?

Нужно подумать...

Сергей машинально нарисовал на листке бутылку. Пририсовал этикету и написал: «Водка».

Водка... Студенты... Преподаватели... Точно!

Химического производства в Пескове нет. А вот учебные заведения, скорее всего, есть. Идешь туда, даже если не находишь того, кто знает рецепт, могут подсказать, к кому обратиться.

Сергей хмыкнул. Примерно так же он собирался искать магов. Кстати, если останется время, нужно будет сегодня вечером найти хоть какую бабку-колдунью. Главное — начать.

Вернемся к чернилам. Рецепт — найти химика. Второе — цена. Походить по рынку, узнать.

Третье — для определения возможной прибыли нужно узнать количество чернил, которое можно продать за месяц.

А как?

Попробуем пока прикинуть методом приближенных вычислений: Сергей как-то вычитал его в журнале и запомнил.

Сколько в Пескове живет человек? Ну, предположим, в сто раз меньше, чем в современной Москве, — город-то небольшой. То есть приблизительно тысяча сто. Сколько из них чиновников? Если один на тысячу, то...

Сто человек? Мало...

Если один чиновник тратит в месяц один пузырек чернил, то в месяц они все испишут... примерно...

Сергей прикинул на глаз емкость флакончика.

Десять литров.

— Тетя Таня, — сходил он к хозяйке, — не знаете, сколько бутылек чернил стоит на рынке?

— А ты что, уже все исписал?

— Да нет. Просто... Узнать хочу.

— Два рубля.

— Спасибо.

Два рубля. Двадцать рублей за литр. Двести рублей за

месяц.

Несерьезно.

Отбросим идею с чернилами?

Нет, Сергей чувствовал, что это — хорошая мысль.

Кто кроме чиновников много пишет?

Господи, сразу не сообразил.

Школьники!

Школьник в городе каждый десятый. То есть десять тысяч. В сто раз больше, чем чиновников. Десять тысяч флакончиков. Тысяча литров. Двадцать тысяч рублей.

Ого, вот это уже серьезно. С двадцатью тысячами рублей можно организовать поиски магов и волшебников.

Решено. Чернила.

Кстати, и рынок сбыта определен. Отдел образования, отдел закупок. Или как там он сейчас называется.

План действий на остаток дня.

Первое — найти химика.

Второе — зайти на рынок, узнать цену анилиновых чернил.

Третье — найти отдел образования.

Четвертое — вечером, если будет время и силы, узнать у тети Тани адрес ближайшей колдуньи. Наверняка есть какая-нибудь бабка-гадалка.

И последнее...

Если все-таки останется время...

Зайти к Зое.

Вдруг она не откажется пойти в ресторан с будущим владельцем чернильной фабрики?

Пусть и фальшивым?

Примерно в течение месяца, пока не будут обналичены деньги и проверены все здешние колдуны и ведьмы, придется играть эту роль. Даже для Зои.

* * *

Химика Сергей нашел в тот же день достаточно быстро. И на этом все застопорилось.

Как правильно рассчитал Сергей, в городе были учебные заведения — в основном техникумы, а в них соответственно преподавали химию и были преподаватели-химики.

Опросив тетю Таню, Сергей выбрал для поисков

педагогический техникум, рассудив, что там выше вероятность найти химика, чем, скажем, в сельскохозяйственном или землеустроительном.

Техникум находился за рекой Большой, на языколомной улице Карла Либкнехта, которую все называли по-старому — Покровской, в высоком двухэтажном здании — низ каменный, верх деревянный, с резными наличниками. Дом напоминал, скорее, не техникум (Сергей привык, что техникумы располагаются в мрачных серо-бетонных зданиях), а жилище волшебника из сказки.

Было уже тихо — четвертый час дня все-таки, хотя несколько то ли взрослых студентов, то ли молодых преподавателей еще блуждали по коридорам. На вопрос Сергея о химике его послали к товарищу Кузнецову, который «пока занят, подождите немного».

Пока товарищ Кузнецов освобождался, Сергей разговорился со студентом, выказав удивление внешним видом здания. Выяснилось, что оно было построено еще до революции, в нем находился Песковский учительский институт. После революции он закрылся, однако уже в 1919 году был открыт Институт народного образования, в этом же здании...

В этом месте Сергей подумал, что здешние большевики все-таки сумасшедшие. В девятнадцатом году, в разгар войны, открывать институты для учителей! Вот на кой им это было нужно?

Институт два года назад был преобразован в техникум, однако преподаватели надеются, что когда-нибудь ему опять присвоят статус института, а там, чем черт не шутит, и университета.

При слове «черт» Сергея передернуло. До сих пор нервная реакция, хотя, казалось бы, из деревни убрался...

Собеседник с гордостью уточнил, что, в отличие от других учебных заведений, педтехникум — бесплатный. Сергей удивился, все-таки о бесплатности образования в СССР ему было известно, но потом подумал, что это второй недостаток либерализма здешних большевиков. С первым — уличной преступностью — он уже сталкивался.

Чтобы определить возможный объем поставок чернил, Сергей спросил о количестве школ и учеников в Пескове, но тут вышел товарищ Кузнецов — вполне себе пожилой человек в солидном сером костюме, собеседник заторопился, и Сергей узнал только, что всего в губернии около полутора тысяч школ и

девяносто тысяч учеников. Ого, вот это рынок! В девять раз больше расчетного.

Сто восемьдесят тысяч. Сергей мысленно потер руки.

Товарищ Кузнецов торопился, однако уделил Сергею пару минут. Узнав, что ему нужна консультация по некоему неназванному химическому вопросу, он послал Сергея по адресу к одному из преподавателей, профессору, еще дореволюционному, Федору Федоровичу Крещенскому.

Фамилия вызвала у Сергея ассоциации с морозами.

Жил профессор не так уж далеко, поэтому вскоре Сергей стоял у филенчатой двери парадного подъезда, покрытой облупившейся коричневой краской и забитой гвоздями, судя по всему, ровно седьмого ноября семнадцатого года. Пришлось обходить дом вокруг и подниматься на второй этаж по узкой и темной лестнице черного хода.

Дверь в квартиру, в отличие от подъездной, была аккуратно выкрашена темной краской, на косяке — черная полусфера электрического звонка с белой кнопкой-пипочкой.

Сергей мысленно вычеркнул еще одну строку из своего списка изобретений и позвонил.

— Кто там? — раздался из-за двери дребезжащий старческий голосок.

Сергей заподозрил, что над ним подшутили, послав к выжившему из ума дедушке.

— Я ищу профессора Крещенского, для консультации по химическому вопросу.

За дверью промолчали. Сергей подождал.

Молчание.

— Извините...

Молчание.

Точно, подшутили...

— Извините!

— Проходите.

Дверь раскрылась неожиданно. Из-за нее выглянул... выглянула сухонькая старушка.

Фух... Это не профессор. Жена, может, домработница... хотя при большевиках не было домработниц... При наших большевиках. А при здешних вполне могут и быть.

Сергей прошел внутрь. Узкий темный коридор, слева на стене — огромное зеркало, справа — вешалка из оленьих рогов, на

отполированных остриях которых висит пальто.

Шлеп! Старушка опустила перед Сергеем тапочки. Он опустился на колено и принялся расшнуровывать берцы. Домработница (или все-таки жена?) смотрела на него с явным недовольством.

— Проходите, профессор в кабинете, — прошелестела старушка и скрылась за дверью за вешалкой.

Сергей осторожно шагнул вперед, коридор круто изгибался влево, сразу за поворотом виднелась приоткрытая застекленная дверь. Вышинский шагнул еще и увидел себя в зеркале. Уверенность упала до минимума: отражавшийся в зеркале волосатый, бородатый парень в джинсовом костюме и тапочках смотрелся на блестящем паркете квартиры дореволюционного профессора инородным телом. Этакая заноза в реальности...

Сергей вздохнул. Мало ли что решимости нет...

В кабинет профессора вошел уверенный в себе, деловитый молодой человек.

— Здравствуйте, Федор Федорович.

Профессор Крещенский до крайности напоминал каноничного Санта-Клауса. Огромная лысина, обрамленная пушистым седым венчиком, широкая белая борода, кустистые брови, круглые очки на кончике носа-картофелины... Разве что одет не в красный тулуп с широким поясом, а в светлый свитер.

— Здравствуйте, молодой человек.

Вот взгляд не напоминал ни о Санте, ни о Рождестве вообще. Приходили на ум только крещенские морозы. Холодный, колючий взгляд.

— С чем пожаловали?

— Меня зовут Сергей Вышинский...

— Простите, а батюшку вашего как звали?

— Аркадий. — Сергей чуть не спросил, не знал ли профессор отца.

— Значит, вы будете Сергей Аркадьевич? Правильно?

— Правильно...

Что-то профессор настроен против него...

— Ну и что у вас за вопрос был, Сергей Аркадьевич?

Сергей бросился в разговор, как в ледяную воду:

— Видите ли, Федор Федорович, я хочу организовать в Пескове производство анилиновых чернил...

Профессор приподнял бровь, но промолчал.

— К сожалению, об этом я не знаю ничего, поэтому хотел бы получить у вас, как у известного химика, консультацию по этому вопросу. Состав чернил, компоненты, рецептура изготовления...

— Нет, мне это положительно нравится! — Крещенский неожиданно хлопнул ладонью по столу и встал. — Положительно нравится! Сначала вы, товарищи большевики, начинаете ваше «разрушим до основания», потом, разрушив все, что до вас строилось веками, вы понимаете, «построить новый мир» вы не можете, потому что вы некомпетентны в любом вопросе, кроме собственно разрушения, и приходите в своей... прозодежде... к тем, кого унижали все эти годы, с милым вопросом: «Расскажите нам вкратце, как делать чернила»!

В течение своего краткого спича профессор ходил туда-сюда по кабинету.

— Федор Федорович, — Сергей вертел вслед за профессором головой, как сыч, — а ведь вы не любите большевиков.

В нашем мире вас бы уже расстреляли.

— Да, я не люблю большевиков, — спокойно произнес профессор и сел за стол. — Я не люблю и не могу любить людей, которые разрушили мою страну, лишили меня уважаемого положения в обществе, оставили мне этот жалкий огрызок от моей прежней квартиры, заселив в оставшиеся комнаты рабочий сброд...

Сергей подумал, что от этого жалкого огрызка не отказались бы девяносто девять процентов населения Российской Федерации, даже и не подумав назвать «жалким», но промолчал.

— Вы бы стали уважать людей, при власти которых профессора, чтобы не умереть с голоду, торгуют на рынке средством от блох? Ученые работают дворниками, доктора — грузчиками? Стали бы?

Профессор разъярялся все больше и больше.

— И вот теперь, на развалинах великой страны из жалких обломков вы пытаетесь что-то строить...

Сергей встал. Его терпение лопнуло.

— Мы хотя бы пытаемся!

Пусть профессор катил бочку на большевиков, которые Сергею были параллельны, но катил он ее при этом лично на Сергея, называя его неудачником и неумехой. Пусть даже это правда, не профессору судить!

— Мы хотя бы пытаемся! Мы не питаемся огрызками империи, подобно мышам, и уж тем более не плачем по углам о былом величии! Мы — строим, и мы построим страну, которая станет еще более великой, чем была Россия!

Профессор откинулся в кресле и довольно рассмеялся:

— А в вас есть некая жилка. Неужели вы действительно думаете, что сможете создать химическое производство с абсолютного нуля?

— Да!

Сергей думал, что терять ему уже нечего: сейчас Крещенский его выгонит за большевистскую пропаганду.

— Интересно... — Профессор посмотрел на Сергея поверх очков, как на некую занимательную живность вроде богомола. — Интересно... Ну что ж, давайте попробуем. Значит, вас интересует рецепт анилиновых чернил? Записывайте.

Сергей достал карандаш и блокнот:

— Я готов.

— Итак, анилиновые чернила... Вас интересуют фиолетовые? Значит...

Сергей ожидал, что профессор достанет из огромного книжного шкафа справочник, однако Федор Федорович явно не жаловался на память.

— Смешать: двести долей дистиллированной воды, десять долей уксусной кислоты, тридцатипроцентной, тридцать — сахарного песка и двенадцать — метилфиолета. Все. Весь рецепт и компоненты. Что-то непонятно?

Сахар, уксус, вода — понятно, а вот это что такое?

— Скажите, а что такое... метилфиолет?

— Метилфиолет — это тот самый анилиновый краситель, который придает окраску чернилам, — вежливо улыбаясь, пояснил профессор. В его глазах прямо-таки читалось: «Что, съел?»

Больше всего Сергея подмывало спросить, где можно найти метилфиолет и как его опознать, даже если случайно наткнешься. Но терять лицо не хотелось.

— На каких предприятиях применяется метилфиолет и каковы его запасы в Пескове? — деловым тоном спросил он, заноса карандаш над блокнотом.

— Вам проще синтезировать его. В Пескове своих анилиновых красителей нет.

Проклятье...

— Технология получения?

Метилфиолет получали, нагревая при температуре шестьдесят градусов Цельсия и постоянно помешивая диметиланилин, медный купорос, поваренную соль и фенол. После чего обливали раствором хлорного железа, вываривали в воде и отсаливали из раствора поваренной солью. Поваренная соль — понятно, купорос применялся в кожевенном деле, фенол — для дезинфекции, хлорное железо — в том же кожевенном, а вот диметиланилин...

А вот диметиланилин получают, нагревая в автоклаве анилин с метиловым спиртом и соляной кислотой, потом обрабатывают известью и вымораживают в холодильных машинах.

А чтобы получить анилин, нужно нитробензол смешать с железной стружкой и дистиллированной водой, добавив немного соляной кислоты.

Нитробензол же, в свою очередь, получают нитрованием бензола, то есть обработкой дымящейся азотной кислотой, что есть смесь кислот азотной и серной...

Сергей честно записывал все эти цепочки, искренне жалея, что решил связаться с чернилами (как все просто казалось!), и пытаюсь хотя бы уложить в голове все эти названия. Метилфиолет, диметиланилин, полное впечатление, что, если эти слова произнести с подходящей интонацией, можно наколдовать фаерболл. Фиолетовый.

— Бензол получают?..

— Бензол получают из каменноугольной смолы, — серьезно сказал профессор, — но я облегчу вам задачу. Как мне известно, на железнодорожной станции уже несколько месяцев стоит вагон с грузом чистого бензола. Получатель отказался, и администрация дороги теперь размышляет, как его реализовать. Обратитесь туда.

— Спасибо, Федор Федорович, — искренне поблагодарил Сергей. — Не считите за оскорбление, но... Сколько я вам должен за консультацию?

— Ничего, молодой человек. Сейчас, слава богу, не девятнадцатый год, я не голодаю. Просто расскажите мне, получится ли у вас. Мне понравился ваш энтузиазм. Крайне редко среди большевиков встречаются люди, одновременно горящие любимым делом и воспитанные.

— Еще раз благодарю. До свидания.

Сергей вышел из квартиры профессора.

Уф...

Взглянул на исписанные странички блокнота. Как же теперь все эти процедуры изложить в бизнес-плане? Тут же можно рехнуться, только прочитав записи!

Две вещи радуют: во-первых, одних умных слов хватит, чтобы никто не вдавался в смысл проекта и обратил внимание только на цифры прибыли, во-вторых, Сергею не придется реализовывать это на практике.

Он представил, как будет смеяться профессор, узнав, что молодой человек, так отважно защищавший большевиков, оказался обычным мошенником. Представил и тут же выбросил эту мысль.

Думать об этом было неприятно.

Сколько сейчас времени? Давно пора купить часы!

Отдел закупок еще работает?

По дороге к цели Сергей подумал, что забыл поинтересоваться, не являются ли все эти нитроанилины и диметилбензолы ядами... А, ладно. Если бы он действительно собирался организовывать производство... Для мошенничества данных более чем достаточно.

* * *

Обеспечением школ города материальными средствами для организации процесса обучения занимался губернский отдел народного образования — губоно, а именно подотдел снабжения. Сергей по пути успел подумать, как будет называться часть подотдела. Подподотдел? Или какой-нибудь субподотдел?

Губоно находилось также в старинном здании, хотя ожидать здесь офис с евроремонтом было откровенно глупо. Просто слегка непривычно.

Поблуждав в запутанных коридорах организации, поспрашивав нескольких пробежавших мимо сотрудников — рабочий день скоро заканчивался, Сергей нашел подотдел и понял, что проблема наименования составных частей здесь не стоит. Разделить подотдел закупок на мелкие части было бы сложно: он состоял из трех человек. Начальника, специалиста и машинистки. Все они помещались в двух маленьких комнатках в небольшом ответвлении коридора: прямо — дверь начальника, слева — специалиста.

Из тупичка, когда к нему подошел Вышинский, как раз

выходил молодой парень, со спины Сергей даже спутал его с Матвеем из Козьей Горы: длинные седые волосы, собранные в хвост. Однако бороды парень не имел и вообще улыбался настолько обаятельно, что напоминал мошенника на доверии.

Уж не местный ли вариант Остапа Бендера, подумал Сергей. Мошенников от приличных людей довольно легко отличить.

Остап Бендер скрылся не задерживаясь. Сергей подошел к дверям.

На двери начальника висела на кнопках бумажка с надписью: «Начальник подотдела снабжения Иванов Иван Абрамович», на второй двери — «Специалист подотдела снабжения Владислав Осипович Б...». Что за «Б...» там был специалистом, установить не удалось: уголок бумажки был оторван.

Сергей толкнул дверь начальника:

— Разрешите?

Вместо товарища Иванова с подозрительным отчеством в кабинете сидела, оглушительно тарахтя по клавишам пишущей машинки, молоденькая девушка, по общему впечатлению похожая на Зою, только выглядевшая менее стильно и более глупо.

— Простите, а товарищ Иванов?..

Девчонка, оторвавшись от печатания, похлопала ресницами, сделала губки бантиком и выдала ответ:

— Товарищ Иванов будет чуть попозже. Вы по какому вопросу?

— Да нет, я, пожалуй, подожду.

Сергей закрыл дверь и посмотрел на дверь специалиста. Все, что ему здесь нужно, — уточнить объем закупок чернил в месяц. Это ему скажет и товарищ Б.

— Разрешите?

При взгляде на специалиста сразу вспоминался фильм о Гарри Поттере. Потому что Владислав Осипович — молодой парень, примерно ровесник Сергея походил сразу на всех главных героев: на самого Гарри — круглыми очками, на Уизли — ярко-рыжими волосами и даже на Гермиону — отстраненным взглядом зубрили и заучки, размышляющего над сложной задачей.

Специалист что-то чиркал карандашом на листке бумаги, лохматя волосы так, что они уже напоминали костер.

— Добрый день, Вла...

— Слава.

— Сергей.

Они пожали друг другу руки.

— Вы по какому вопросу? — Специалист Слава смотрел на Сергея, но взгляд упорно опускался на бумаги. Сразу было видно, что Сергей его отвлекает от чего-то крайне интересного.

— Я, Вла... Слава, хотел бы узнать у вас одну цифру. Я планирую организовать в Пескове производство чернил...

— Ализариновых?

— Анилиновых.

— Анилиновых? — оживился Слава. — Анилиновые — это хорошо. Сейчас чернила плохие, а хороших не достать. Сколько вы планируете производить?

— А сколько вы закупаете в месяц?

Сергей сел на стул.

— Вы хотите перекрыть наше потребление?

— Да, рассчитываю, вы будете моим основным покупателем. Обучению, — решил слегка приправить свою речь хлесткой фразой, — сейчас уделяется особое внимание, как говорил де... товарищ Ленин: «Учиться, учиться и учиться».

— Правильно! — засветился Слава. — Совершенно верно! Правда, товарищ Ленин сказал это немного иначе: «Во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться».

— Да? — удивился Сергей, который точно помнил, что в одном из кабинетов их школы висел, пока его не заметила учительница истории, лозунг именно: «Учиться, учиться и учиться». Хотя с чего бы это Ленину в разных мирах произносить одинаковые фразы? — Возможно, я не силен в этом. Итак, какой объем чернил вы закупаете?

— Так. Подождите минуточку. — Слава порылся в бумажных залежах на столе, перелистал несколько папок. — Ага, вот... В среднем в месяц мы закупает для школ города тысячу сто семьдесят пять литров чернил...

— Сколько?!

Двадцать тысяч рублей! Есть!

— Вам непонятно слово «литр»?

— Да нет, вполне понятно... Меня удивило количество.

— А что вы хотите? У нас только в Пескове сорок семь тысяч учеников, не считая губернии. Как быстро вы развернете производство?

— По моим расчетам...

Кто его знает, как быстро можно создать с нуля

химпроизводство?

— ...месяца через два.

— Будем очень ждать.

Сергей поднялся, протянул руку:

— До сви...

И сел обратно. Он увидел, что чертил Слава.

Космическую ракету.

В двадцать пятом году, в захолустном Пескове, в подотделе сидит молодой чиновник и рисует ракету. Правильную, длинную, тонкую, со стабилизаторами, видно даже разделение на ступени, и внутри нарисованы маленькие человечки, в скафандрах.

В двадцать пятом году.

Может, он тоже попаданец?

Ракеты изобрели в нашем времени гораздо позже. Американцы, кажется... нет, немцы. Точно, немцы, был там у них какой-то спец по ракетам, его наши войска в войну захватили, вместе с чертежами, и благодаря этому смогли построить ракеты и полететь в космос раньше американцев. У них-то спеца не было. Точно, точно, по телевизору об этом как-то рассказывали. Но это в нашем мире. А здесь — ракеты в двадцать пятом... Все-таки крутовато... Или...

Сергей посмотрел на Славу. Может, этот Слава и есть будущий спец по ракетам? У нас он сбежал от Сталина в Германию, а здесь — никуда не сбежит, останется в СССР... Или все-таки попаданец? Как бы проверить?

— Тоже интересуетесь космосом? — Слава увидел остекленевший взгляд Сергея, устремленный на чертеж.

— Космосом? — механически спросил Вышинский.

Может, здесь уже в космос полетели? Просто он не в курсе?

— Ну да. Космос, ракеты, другие планеты... Пока это, конечно, фантастика, но я думаю, уже скоро сможем полететь...

— А, так это у вас рисунок из фантастического романа?

Фу, напугал...

— Почему из фантастического? — обиделся Слава. — Это я ракету товарища Циолковского нарисовал...

Фамилия товарища показалась знакомой, но откуда — Сергей не вспомнил.

— А кто это такой?

— Сразу видно, что космосом вы не интересуетесь. Товарищ Циолковский еще двадцать лет назад написал книгу о путешествиях

в безвоздушном пространстве с помощью реактивной тяги. Он сейчас над этим вопросом в Коммунистической академии работает...

В самом деле, если большевики в разгар войны открывают пединституты, почему бы им через три года после войны, в двадцать пятом году, не планировать полететь в космос?

— А мои рисунки... Знаете, всегда хотел стать изобретателем, что-нибудь такое придумать, что назовут моим именем... Космический корабль, например... Ну вам это неинтересно.

— Почему неинтересно? — замахал руками Сергей. — Очень даже интересно.

Через Славу можно будет узнать, что пронырливые большевики уже успели изобрести, и подкинуть ему какие-нибудь идеи из невоплощенных.

— Вы, значит, изобретательством увлекаетесь? — спросил Сергей.

— Да, знаете, когда выпадает свободное время, подключаю мозг к созданию изобретений. Картинки рисую, чертежи черчу... Космический корабль, это, конечно, мечта, но вдруг именно мне придет в голову какая-нибудь мысль. Знаете, если весь народ будет думать над чем-то, то обязательно придумает. Хоть один человек да сообразит. А если думать будут только те, кому по должности положено, — ничего не получится. Вот, кстати, у меня тут есть рисунок автомата... Хотите взглянуть?

— Конечно!

Автомата? А как ты отреагируешь на это?

— А вы слышали об автомате Калашникова?

— Слышал. Даже видел.

Видел?

— Где?

Попаданец?

— Да здесь в Пескове, в библиотеке, — безразлично уточнил Слава, разыскивая рисунок своего автомата.

Сергей представил Зою посреди библиотеки с автоматом наперевес. Ей бы пошло... Стоп! Откуда здесь «калашников»?

— Вещь, конечно, редкая, все-таки восемьдесят лет с момента выпуска прошло...

Зоя превратилась в Пушкина, все с тем же автоматом. Да, на дуэли он бы Пушкину пригодился... Сергей заподозрил, что они со

Славой говорят о разных вещах.

— Простите, а что вы понимаете под автоматом Калашникова?

— Книгу, — удивленно выпрямился Слава. — «Автомат» писателя Калашникова. А вы?

Фух... В «калаш» двадцать пятого года Сергей еще мог поверить, но не девятнадцатого века. Просто книжка с забавным сочетанием названия и фамилии автора.

— Для меня просто слово «автомат» имеет немного иное значение...

— Да я тоже... Да где этот рисунок-то!.. Да я тоже, когда название увидел, думал, что там про автоматы, я ведь увлекаюсь этим, а там просто про жизнь человека...

— Оружием увлекаетесь?

— Да нет. Сейчас, конечно, это модно — танки, авиация, но, по моему мнению, обращать внимание нужно на иное. Не то сейчас время, время собирать камни, а не разбрасывать... фигурально выражаясь. Время строить, а не воевать. Поэтому меня больше интересуют автоматы, космос, химия, радио, электричество... Атом, наконец.

Почему для строительства нужны автоматы... Тьфу, Сергей Аркадьевич, какой-то ты воинственный. Автомат — не только оружие, еще и устройство.

— Ага, вот! — Счастливый Слава извлек из бумажных закровов лист бумаги. — Правда, это не то, это я нарисовал автоматическую горничную, вроде как у Честертона. — На листке был изображен робот в рыцарских доспехах и кружевном передничке. — Но мне кажется, что автомат-уборщик должен выглядеть иначе...

— Робот? — уточнил Сергей, вспомнив, что роботы-уборщики появились только в его время.

— Что?

— Робот?

— Что такое робот?

— Вот. — Сергей взмахнул листком с рыцарственной горничной. — Разве это не робот?

— Это — автомат. Андроид, если хотите.

Замечательно. Слово «робот» этому изобретателю незнакомо, зато «андроид», используемое в фантастических фильмах, он понимает. Как в этом мире все перепутано... Не робот,

а андроид, видишь ли ты... Киборг.

— Скажите, Слава, — мысленно усмехнулся Сергей, — не знакомо ли вам случайно слово «терминатор»?

— Знакомо, — недоуменно поднял брови Слава.

Перед мысленным взглядом Сергея возник блестящий скелет робота-терминатора, хромающего по булыжным мостовым Пескова.

— Только при чем здесь Луна?

Терминатор скачком переместился на лунную поверхность... Да нет, здесь опять путаница в словах, наверное, здесь терминатором называют что-то другое...

— Наверное, я что-то путаю... Слава, что вы понимаете под словом «терминатор»?

— Терминатор — это граница между светлой и темной стороной Луны...

— Граница... Край тени, что ли? — сообразил Сергей.

— Ну да. Вы опять имели в виду что-то другое?

— Да...

Терминатор — граница между темной и светлой стороной... Забавно, подумал Сергей, а ведь верно: в фильме, по крайней мере во второй части, Терминатор Шварценеггера — именно граница между темной и светлой стороной. Между людьми и «Скайнет». Темный, потому что киборг, и светлый — потому что за людей. И одновременно не темный, потому что за людей, и не светлый — потому что киборг. Терминатор. Забавно...

— Сергей...

— Простите, задумался. Слава, мне тут пришла в голову мысль: а почему вы хотите придумать что-то глобальное, вроде космического корабля? Почему бы вам не попытаться для начала, для разминки, так сказать, изобрести что-то простое, бытовое. Ну, например...

— Вы смеетесь надо мной?

— Нет, я вполне серьезен...

Какую бы идею из будущего ему подкинуть?

— Привет, Слава!

В комнату влетела девушка. В темно-зеленой гимнастерке с накладными карманами, ворот распахнут, в такой же темной юбке чуть выше колена. Гимнастерка подпоясана ремнем, еще один переброшен через плечо — портупея. Сама девушка худенькая, стройная, и без анализа ДНК видно — сестра Славы. Вторую такую

огненную рыжину стянутых в короткий хвостик волос и носик-кнопочку сложно встретить случайно.

— Здравствуйте, товарищ! — Бойкая, как ртуть, девчонка молниеносно пожала руку Сергею и повернулась к Славе.

— Славик, ты должен помочь...

— Я, пожалуй, пойду, — встал со стула Сергей. Даже успел шагнуть к двери.

— Постойте! — Девчонка успела переговорить с братом и подскочить к Сергею. Она оглядела его костюм. — А вы случайно не товарищ Вышинский? Тот, что разгромил шайку капитана Ждана?

И что теперь? Автограф?

— Товарищ Вышинский... у вас хороший костюм... вы непременно должны рассказать о своем подвиге!

— Я... простите, не знаю вашего имени...

— Катя!

— Я, Катя, никакого подвига не совершал...

— Скромность — это хорошо! Скромность — это правильно!

— Я не это имел в виду...

— Товарищ Вышинский, вы должны поделиться...

— Позвольте мне договорить.

Девчонка затихла:

— Извините.

— Понимаете ли, Катя, я никаких подвигов не совершал. Я действительно случайно оказался в Загорках в момент нападения. Банду я не громил, капитана не убивал.

— Не скромничайте...

— Постой, Катя, — вмешался Слава, — так вы — тот самый Вышинский? Сектант? А я-то думаю, почему вы обычных вещей не знаете.

— Вы сектант?

Глаза Кати расширились до размера пятак.

— Бывший, — отсекся от секты Сергей.

— А... А ваша одежда — это такую в секте носили?

— Нет. Это... Просто мне нравится такая.

— Ну вот, а вы говорите — не о чем рассказывать. Нашли в себе силы выйти из секты, участвовали в разгроме банды...

Сергей неожиданно обратил внимание, что у Кати ярко-зеленые глаза...

— ...так что все решено...

На носике — светлые веснушки...

— ...выступаете с рассказом перед школьниками...

На груди, маленькой такой, аккуратной — значок: красный флажок, в нем — золотистый круг, в круге — разлапистая красная звезда, а в ней — надпись: «КИМ»...

— Сергей, вы меня слушаете?

— Да.

— О чем я сейчас говорила? — прищурилась Катя.

О чем?

— Рассказ перед школьниками?

— Да. Завтра приходите в школу...

— Постойте, какая школа? Сейчас же каникулы.

— Ради встречи с вами те, кому интересно, соберутся.

Многие дети меня уже спрашивали... Короче, приходите в школу на улице Советской. Знаете, где это?

— Думаю, найду.

— Вот и отлично! Кстати, у вас нет желания вступить в РЛКСМ? Вы где работаете?

— Пока нигде.

Аббревиатура «РЛКСМ» Сергею ничего не говорила, но можно было догадаться, что речь идет о комсомоле.

— Напрасно, — огорчилась Катя. — А на бирже уже стоите?

— Нет, но есть тут у меня... одна мысль по поводу работы...

— Как устроитесь, непременно подавайте заявление!

Катя пожала руку Сергею, Славе и улетучилась.

— Это моя сестра Катя, — хмуро сказал Слава, — она наш секретарь первичной организации и очень... мм... активная...

— Да, — задумчиво произнес Сергей, перед глазами которого плавали зеленые круги и красные звездочки. — Очень активная...

— Сергей, вы говорили о каком-то бытовом изобретении?

— Да, — спохватился Вышинский, — Слава, почему вы не придумаете что-нибудь простое, но в то же время облегчающее жизнь людям? Да вот...

Сергей приподнял перо, лежавшее у чернильницы:

— Вот хотя бы ручку, которую не нужно макать в чернила.

— И как бы вы придумали такую ручку? — хитро прищурился Слава.

— Ну, например, так. — Сергей нарисовал на листке грубую

схему шариковой ручки. — Чернила поступают к шарiku, который прижимается к бумаге, вращается и...

— Сергей, — вздохнул Слава, — я думал, у вас на самом деле новая идея. Такие ручки уже давно придуманы...

Сергей мысленно вычеркнул еще один пункт из списка изобретений.

— Постойте. Если придуманы, почему ими не пользуются. Они же удобнее...

— Нет. Вы ошибаетесь. Такие ручки обладают массой недостатков. Чернила либо вытекают, либо засыхают, шарики быстро истираются, к тому же очень сложно изготовить маленькие, ровные и гладкие шарики, ну и самый главный недостаток — такие ручки пишат, только если их держать строго вертикально, иначе чернила перестают поступать к шарiku...

Сергей таких недостатков не помнил, что говорило о том, что в его время уже придумали, как их устранить.

— Видите, — продолжал Слава, — сколько задач необходимо решить, чтобы создать более-менее работоспособный образец. Материал и технология изготовления шариков, способ их заделки в наконечник, решение проблемы поступления чернил, состав чернил.

Сергей мысленно порвал и выбросил все страницы с изобретениями. Даже по самой простой вещи он смог бы назвать только общую концепцию, не технологию и рецептуру. А общие концепции тут придумают и без него. Даже камуфляж. Сергей не сможет рассказать, как наносить на одежду цветные пятна и какими они должны быть. А саму идею наверняка уже придумал какой-нибудь ученый.

— Да, Слава, — улыбнулся он, — я уже понял, что изобретательство — дело непростое и с налета придумать что-то будет очень сложно.

— Да.

— Но я еще попытаюсь. До свидания.

— До свидания. Успехов. И... приходите еще. Вы интересный человек.

* * *

Интересный человек... Сергей вышел из губоно и закурил, размышляя над этими словами.

Этот Слава тоже человек интересный. Надо же, космические корабли проектирует. Ладно, пусть пытается. С его верой в то, что все возможно, он и вправду сможет придумать что-то занимательное. Космос...

Честно говоря, большевики и космос, большевики и андроиды — все это звучало для Сергея как полнейший бред. А здесь люди на полном серьезе собираются все это развивать. Это ж надо такую веру в собственные силы иметь...

И сестренка его, Катя. Бойкая девушка, вот уж вправду — комсомолка, красавица, спортсменка... Если судить по комсомолкам из фильмов, то они все — этикетки в кожаных куртках, сапогах, красных косынках, с круглыми рязанскими физиономиями. А Катенька — очень даже ничего... Еще и его припрягла завтра рассказать школьникам о разгроме капитана Ждана. Придется планы корректировать: он собирался завтра заняться составлением бизнес-плана производства чернил. И дети здесь странные — наших на каникулах, да еще в пятницу, перед выходными, не загонишь в школу слушать, к примеру, рассказ ветерана Чечни... А хотя здесь суббота — рабочий день. Злобные большевики заставляют работать по шесть дней в неделю. Но может, и правильно: в стране — развал и разруха, чтобы все восстановить, работать нужно много. Это в наше время все в порядке, поэтому и выходных — два.

Так, это все хорошо, а вот чем заняться сейчас? Судя по солнцу (купи часы!), — времени примерно часов семь вечера. А губоно все еще работает... Странные люди, вон же табличка, рабочий день — до шести, а они все еще здесь. Делать им нечего...

Это тебе делать нечего, стоишь тут, думаешь. Что делать-то?

Два варианта: пойти к тете Тане, узнать адрес ближайшей колдуньи и начать опрос или пойти к Зое и отложить поиски путей к артефакту еще на денек.

Так... К колдуньям — надо, к Зое — хочется... И туда и сюда не успеть. Пока еще до дома доберешься... Что же делать?

Хотя стоп! Можно же совместить приятное с полезным! Узнать адрес какой-нибудь колдуньи у Зои! Точно!

Сергей отправил окурок в урну и двинулся в сторону библиотеки.

* * *

Выйдя к реке, Сергей развернулся и двинулся обратно. Какая библиотека? Семь часов на дворе, Зоя наверняка уже дома, на этом берегу. А раз она дома, то, во-первых, могла уже найти компанию на вечер, во-вторых... Что ты ей предложишь? Прогулки по вечернему Пескову? Сергей заколебался... Стоит ли вообще...

Примерно так у него и заканчивались встречи с девушками: нерешительность, сомнения, колебания...

Да к черту!

* * *

— Сколько будет стоить вечер?

Извозчик, сидевший на высокой приступке повозки — облукке, взглянул из-под козырька кепки:

— Три рубля.

Сергей запрыгнул в повозку:

— Едем.

— Куда едем-то? — Извозчик и не подумал тронуться с места, седок ему доверия не внушал.

— Скажи-ка мне, любезный... — Сергей щелчком отправил «водиле» рубль, серебряный, на котором с одной стороны обнимались два мужика, с другой — вычеканен герб СССР и надпись: «Один рубль». — Какой в городе ресторан получше?

— Ну как же. — Получив предоплату, извозчик засуетился, снял с лошадиной морды мешок, из которого та чем-то хрустела. — Ресторан «Лондон», все приличные граждане там изволят кушать...

— Поехали. Сначала куда покажу, потом — в «Лондон».

* * *

Извозчики кучковались на площади возле почты. Здесь же сидел мальчишка, периодически выкрикивающий: «Сапоги, ботинки чистить», у которого Вышинский почистил свои берцы. Осмотрев строй извозчиков, Сергей попытался было взять первого попавшегося, но тот наотрез оказался: мол, не моя очередь. Seriously тут у них, прямо как у привокзальных таксистов.

Впрочем, повозка Сергею досталась неплохая: широкие резиновые колеса, которые не громыхали по булыжникам так, как обитые металлом, мягкие кожаные сиденья, слегка потертые, но вполне приличные... Даже фары были. Пусть со свечками, но были

же!

Сергей описал извозчику место жительства Зои, тот понятно кивнул и щелкнул кнутом. Лошадь взмахнула головой и помчалась по улице.

Да, в повозке совсем другие ощущения от поездки: ветер бьет в лицо, цокают копыта, слышны все звуки вечернего города... На автомобиле, хотя скорость и больше, совсем по-другому.

Они подкатили к домику Зои. Сергей прошел в калитку, поднялся на крыльцо и постучал.

— Кто там? — послышалось изнутри.

— Зоя, добрый вечер, это я, Сергей.

— Сергей?

Лязгнул крючок, дверь открылась. Зоя была в широких штанах на лямках и белой рубашке с закатанными рукавами. И все равно красивая.

— Зоя, могу ли я пригласить тебя сегодня вечером в ресторан? — галантно произнес Сергей, мысленно проклиная себя за недогадливость. Мог бы взять букет цветов!

— Здорово! — Зоя просияла, как будто весь день ждала приглашения. — Подожди пять минут, я буду готова.

И скрылась за дверью.

Сергей, по своему небольшому опыту знавший, что пять минут девушки — это от получаса до двух часов, вздохнул и приготовился ждать, однако Зоя действительно выскочила на крыльцо уже через те самые пять минут.

— Я готова.

Девушка успела надеть блестящие туфельки, короткое черное платье с полукруглым вырезом, симпатичную шляпку, перчатки, прихватить свою сумочку и накраситься. И все — за пять минут. Норматив у нее, что ли, установлен?

* * *

У входа в ресторан — между прочим, мимо него Сергей проезжал, когда ехал к Зое, — извозчик лихо остановился:

— Я еще нужен?

— Да, подожди здесь. — Сергей бросил ему еще один рубль, выскочил из повозки и галантно подал руку Зое.

— Вы очень необычный человек, Сергей. — Зоя легко спрыгнула со ступенек.

— Почему? — Сергей двинулся с девушкой к входу в ресторан.

— В рабочей одежде нельзя! — вышел навстречу швейцар.

— Почему? — Сергей перевел взгляд на него, искренне недоумевая. Почему рабочая?

Что-то во взгляде Сергея изменило мнение привратника о клиенте.

— Проходите, — поклонился он.

Сергей вложил в протянутую руку зеленую бумажку и вместе с Зоей вошел внутрь.

— Вот поэтому, — сказала Зоя, — вы можете одеваться так, как вам нравится, не обращая внимания на мнение окружающих, и вынуждаете всех принимать вас таким, какой вы есть.

— Я не вынуждаю.

Подбежавший официант в черном фраке с бабочкой усадил их за стол, накрытый белоснежной скатертью.

— В том-то и дело. Люди просто чувствуют вашу силу. А я же говорила, что мне нравятся сильные мужчины.

В углу на полукруглой сцене пикикали скрипки оркестра, несколько парочек помоложе извивались под музыку.

— Силу? — усмехнулся Сергей. Да назови его кто-нибудь раньше сильным, подумал бы, что издеваются...

Зоя достала длинный мундштук, в который вставила тонкую папироску. Сергей щелкнул своей зажигалкой. Пришлось в мастерской попросить наладить крышку.

— Позвольте огоньку? — К столику подскочила девушка, тоже в коротком платье, как и Зоя, однако смотрелось оно на ней вульгарно. Если Зоя была стройная, то девушка — откровенно тощая, дерганая, зрачки расплылись на весь глаз. Под кайфом она, что ли? Хотя откуда здесь...

— Не курю. — Сергей убрал зажигалку в карман. Тощая обиженно фыркнула и усакала.

— Да... — посмотрела ей вслед Зоя, — белая фея это, конечно, стильно, но как подумаешь, что станешь похожа на проститутку...

— На кого?

Разве в Союзе были проститутки?

— Сергей, я не поверю, что в вашей секте, — последнее слово она выделила, — вы не сталкивались с проституцией.

— Просто не ожидал встретить их здесь.

— А где им еще быть? Здесь, да, пожалуй, на площади Троцкого — их излюбленные места.

Забавно... Сергей оглядел зал. Девушек было довольно много.

— Это что, все — проститутки?

— Ну почему все? Здесь есть и жены совбуров, и любовницы...

— Жены кого, простите?

— Совбуров. Советских буржуа, то есть владельцев мастерских, работников трестов...

— Забавно. Значит, я тоже буду считаться совбуром?

— В каком смысле?

— Я хочу открыть в городе небольшую чернильную фабрику.

Зоя улыбнулась:

— Значит, вы тоже совбур.

Забавное словечко...

— А что здесь за публика собирается?

— Ну вот, например, смотрите...

Небольшой толстячок в рубашке-косоворотке с вышитым воротником. Рядом — полная женщина лет тридцати в длинном облегающем платье, на шее — меховое боа и длинная, почти до пупка, нить крупного жемчуга...

— ...директор артели «Красный шоколад», с женой. Сорок тысяч червонцев дохода в год.

— Вон тот...

Плечистый мужчина с лихо закрученными усами, как у Пуаро из сериала, с молоденькой девицей...

— ...хозяин бывшего пивного завода Красильникова с любовницей. Пятьдесят тысяч.

— Это...

Молодой парень в клетчатом костюме с двумя визжащими девицами, одна из которых — та самая, что подходила прикурить. Сергей поймал себя на том, что не смотрит на людей прямо, а бросает быстрый взгляд искоса. Паранойей, что ли, заразился?

— ...карманный вор Жора-пяточок с проститутками.

Тут Сергей неожиданно увидел еврея Шумахера. Старик-портной ковырял ложечкой желто-серый паштет, слушая своего товарища, сидевшего напротив, — мужчину во френче, длинного, как палка, и черного, как грач.

— Зоя, а вон там кто?

Зоя быстро взглянула:

— Старика не знаю, а молодой — местный папиросный король. Все мальчишки с лотками, которые торгуют папиросами, работают на него.

Сергей подумал, что все это немного напоминает девяностые: дорогой ресторан — он успел взглянуть в меню и понял, что цены здесь ломовые, представители местного бизнеса, криминалитет, путаны, любовницы... Чего-то еще не хватает до полного соответствия, но в целом похоже.

За столик за спиной Сергея присели молодой парень в белой рубашке и пожилой мужчина в солидном сером костюме, напомнивший профессора Крещенского.

— Зоя, а что мы с вами будем пить и есть?

* * *

Зоя пришла не наесться, поэтому выбрала красное вино с тонко нарезанным сыром. Сергей тоже остановился на этом, пояснив, что с его отношением к еде выбирать что-то другое — просто перевод продуктов. Зоя заинтересовалась, он рассказал, что у него с рождения отсутствует чувство вкуса и чувство голода. Особенность организма. Начался обычный легкий разговор за бокалом вина.

Зоя похвасталась, что позавчера летала на самолете: для членов Авиарадиоохима устраивали полеты над городом, а Зое всегда были интересны и радио, и химия, и полеты.

Что за время, подумал Сергей, девушки интересуются химией и летают на самолетах. Пусть и пассажирами, он, к примеру, за двадцать пять лет ни разу не летал...

Сергей в ответ рассказал о своих планах по организации чернильного бизнеса. Умолчал о том, что это — мошенничество, но зато прихвастнул, что его доход будет немногим меньше дохода «Красного шоколада». Они похихикали, придумывая название, и пришли к выводу, что самое модное название — «Красные чернила» слегка собьет с толку покупателей.

— Сергей, расскажите мне о своей жизни, — лукаво посмотрела Зоя, покачивая в руке бокал вина.

Вышинский вздохнул:

— Зоя, к сожалению, рассказать вам правду я не могу, а

врать не хочу.

— Жаль, — улыбнулась девушка. — Тогда расскажите мне, к примеру, о своем костюме. Вы его сами придумали?

— Нет.

— А кто? Может быть, вы смогли бы мне рассказать новые идеи для женской одежды? Потому что, как видите, зарубежные журналы мод, — она обвела ладонью зал, — читаю не только я. Не хочется выглядеть одинаковой... Девушка должна не следовать за модой, а идти впереди нее.

— Хорошо, я подскажу вам несколько идей.

Сергей мысленно одел Зою последовательно в бикини, джинсы, топик, мини-юбку, камуфляж и кожу и признал, что ей пойдет все. Может, вправду ввести в моду мини и джинсы? Большевики, конечно, будут против... Хотя нет, Сергей Аркадьевич, не надо механически переносить то, что ты знаешь о своих большевиках, на этот мир. Здесь все гораздо либеральнее.

Эти размышления напомнили Сергею о его планах на будущее, о способе получения денег, а потом — о том, для чего, собственно, он пригласил Зою в ресторан.

— Скажите, Зоя...

— Нет, это вы мне скажите, — перебила она, — почему мы до сих пор на «вы»?

— Предлагаете выпить на брудершафт?

— О... — Зоя наклонила голову. — Сектант, говорите?

Она провела пальцами по бокалу, вверх-вниз.

Прокол...

— Да, — улыбнулся Сергей, — у нас была очень странная секта.

— Значит, брудершафт?

— Брудершафт!

Он наклонился к Зое, они переплели руки и выпили вино. Сергей слегка замешкался... Да хватит стесняться! Убил шесть человек и до сих пор боишься девушек? Он наклонился к Зое и поцеловал. Девушка вздохнула и буквально впилась в него. Ее язычок путешествовал по губам Сергея, проникал глубже...

Ох...

Зоя оторвалась, искоса глянула на Сергея и платочком вытерла с него помаду.

— Мы на «ты»?

— Да... — Сергей еще раз вздохнул.

Они выпили еще по глотку.

— Кажется, вино кружит мне голову, — прошептала Зоя. — Или это ты мне ее вскружил? О чем ты хотел меня спросить?

У Сергея сейчас был только один вопрос, но пришлось вспоминать о деле.

— Зоя, возможно, это покажется тебе странным, но не знаешь ли ты, где в Пескове можно найти колдунов? Или ведьм, магов, гадалок и прочее в таком духе?

— Неожиданный вопрос... — Зоя задумалась. — Сразу не скажу, приходи завтра в библиотеку, посмотрим подшивки «Набата».

— А здешние колдуны что, дают объявления в газету?

— Сейчас уже нет, но пару лет назад давали, пока из Москвы не отругали наших редакторов. Не думаю, что адреса сменились.

Сергею опять вспомнились девяностые. Много схожего: в ресторанах — криминал и бизнес и здесь тоже, в газетах — реклама черных магов и здесь тоже, в девяностых — Борис Николаевич Ельцин и здесь товарищ Рыков, тоже, говорят, любитель «поработать с документами».

— Сергей, тебя секта научила верить в волшебство? — улыбнулась Зоя.

— Нет, — серьезно ответил он, — жизнь.

— И тебе оно встречалось?

Конечно.

— Конечно, — улыбнулся Сергей в ответ, — вот сейчас передо мной сидит несомненная волшебница.

— А передо мной, — засмеялась Зоя, — несомненный волшебник. Надо же, я чуть не поверила! Вот что, волшебник, ты обещал показать мне необычные модели одежды?

— Обещал.

— Здесь это будет сложно, но у меня дома есть бумага и карандаши. Ты мне нарисуешь?

Зоя положила ладонь поверх руки Сергея.

— Хорошо. — Сергей накрыл ее ладонь своей. — Порисуем.

— Поехали?

— Поехали!

Сергей повернулся:

— Счет!

Он расплатился, и парочка, держась за руки, вышла из

ресторана.

* * *

Сергей и Зоя вышли. Сидевший за спиной Сергея пожилой мужчина, похожий на профессора, обратился к молодому:

— Вас интересует мое мнение?

— Конечно, товарищ Сергеенко, иначе бы мы вас не пригласили.

— Он не иностранец. Совершенно русский выговор, с несомненным влиянием московского диалекта. Правда, незначительным. Скорее всего, он воспитывался в окружении, имеющем отношение к Москве, но уже давно в Москве не живущем.

— Как давно? Это могут быть белоэмигранты?

— Ни в коей мере. Тут счет идет не на годы, а на десятилетия. Ведь он прожил в таком окружении всю жизнь. Скорее всего, это действительно эмигрантская секта.

— Почему эмигрантская?

— Высок процент англицизмов в речи.

— Так, может...

— Нет. Носитель языка либо не станет их употреблять там, где есть русский эквивалент, либо произнесет их на манер своего языка. Здесь же слова произносились английские, но по-русски. Однако непосредственно с носителями языка он не общался, нет. Скорее всего, что опять подтверждает его легенду о секте, с носителями общалось его окружение, подхватившее англицизмы. Ну и несколько слов песковского диалекта...

— Это объяснимо.

— Да. Подытоживая сказанное, я бы предположил с высокой долей вероятности, что он прожил всю жизнь в общении с русскими, на территории англоязычной страны...

— Англия? Америка?

— Необязательно. Вполне возможно, английская колония. Так вот, на территории англоязычной страны, не вступая в контакт с носителями языка. Думаю, на самом деле секта.

— Подтверждается... — задумчиво произнес молодой.

— Скажите, а вот эти его слова о волшебстве... Думаете, он говорил правду?

— А это уже не наша епархия. Пусть занимается ИИФ.

* * *

Щелкнул выключатель, разлился желтый, уютный свет.

Сергей вошел в жилище Зои и с интересом осмотрелся.

Небольшая квартирка. За крашеной белой дверью — кухня. Сергей раздвинул занавески и прошел в комнату. Два кресла, круглый стол, полки с книгами, в углу — манекен. Еще один проем с занавеской — спальня.

Сергею показалось, что в комнате что-то неправильно. Через секунду он мысленно усмехнулся: здесь не было телевизора.

— Сергей. — Следом прошла Зоя, скинув туфельки, прыгнула в кресло. — Хочешь принять душ?

— Душ? — Сергей уселся на широкий подлокотник. — У тебя есть душ?

— Почему бы ему не быть? Я перед твоим приходом вскипятила колонку, вода еще теплая. Хочешь?

— Да.

Почему нет?

* * *

Сергей выключил воду, с удовольствием растерся большим шершавым полотенцем, чувствуя себя приятно чистым. Вытер волосы, отжал и вытер бороду. Обмотал полотенце вокруг бедер, шагнул к двери... Замер.

Он собирался выйти в комнату к девушке. Почти голым. Это он-то, всегда стеснявшийся своего тела?!

Сергей, что с тобой происходит? Или это просто вино ударило тебе в голову?

Наверное, вино...

В глазах Зои, когда она увидела Сергея, мелькнуло несомненное одобрение.

— Тебе понравились мои косточки? — Сергей уселся в кресло и провел пальцем по ребрам, как по ксилофону.

Теперь Зоя присела на подлокотник:

— Знаешь, теперь я могу сказать, на кого ты похож.

— На кого?

— Я говорила, что люблю сильных мужчин. Другого такого стройного, как ты, я бы назвала клинком шпаги: длинный, тонкий,

твердый.

Ну да, подумал Сергей, какая из меня шпага. Так, палка. Сухостой.

— А ты... Ты больше похож на кнут.

— Почему? — Странное сравнение.

— Такой же длинный, гибкий... Кнут кажется мягким, но, когда нужно, он может переломить доску.

Зоя провела по ребрам Сергея, он почувствовал жаркую волну, растекающуюся от ее ладони. Пальчики скользнули по шее, приласкали щеку, погладили волосы...

— Я сейчас, — прошептали губы в ухо.

Зоя рассмеялась, спрыгнула с кресла и убежала в душ.

Сергей попытался составить планы на вечер, однако, как говорится в старой шутке, у мужчин есть два органа, которые, к сожалению, не могут работать одновременно.

Зоя долго купаться не собиралась, уже скоро (или так показалось Сергею?) открылась дверь ванной.

Сергей повернулся. Искренне понадеялся, что у него не глупое выражение лица.

В ванной было второе полотенце, однако Зоя воспользовалась им, только чтобы вытереться. Одеваться она и не подумала.

— Тебе будет мешать свет?

— Нет.

Сергей встал и снял полотенце.

Два обнаженных человека сблизилась.

* * *

Этой ночью Сергей узнал, что в СССР секс был.

И еще какой.

Разнообразный.

* * *

Очень разнообразный.

* * *

— Тебя этому научили в твоей секте?

Зоя лежала на основательно смятой постели, поглаживая пальцами ноги ногу Сергея.

— Да. — Сергей перевел взгляд с радиоаппарата на обнаженную девушку. — На уроках камасутроведения.

— Мне понравилось, — рассмеялась Зоя. — Дашь мне парочку уроков?

— Считай, что сегодня был вводный курс.

— Я способная ученица.

— Кое-чему ты можешь научить даже учителя.

Зоя помолчала, повертела в руках маленький бумажный конвертик, на котором была изображена девушка с распущенными волосами и блудливым взглядом. Где-то валялось еще несколько таких же конвертиков...

— Сергей, расскажи мне...

— Что?

— Ты ведь не отсюда.

— Да.

Сказать: «Я — из будущего»? Глупо. Во-первых, не из будущего, во-вторых, Сергея раздражало в книгах, когда герой в постели выкладывает любовнице все тайны. Всегда было интересно, сможет ли он в подобной ситуации удержаться. Только до сих пор у него не было страшных тайн.

— Сергей. — Зоя перекатилась на живот и серьезно посмотрела на него. — Ты русский?

— Да.

Сергей внимательно рассматривал радиоаппарат. Интересно, что Зоя с ним делает? Неужели паяет? С одной стороны, она девушка, а с другой — зачем тогда на приемнике паяльник и канифоль?

— Ты раньше был в России?

— Нет. В вашей — не был.

— А в СССР?

— Нет.

— Зачем ты приехал к нам?

Сергей посмотрел на Зою:

— Случайность. Я не собирался приезжать.

— И что ты собираешься делать?

— Открывать чернильный бизнес. Хочу, чтобы у меня было много денег.

— В СССР у тебя это не получится. Здесь не любят богачей.

— Я попробую.

Зоя села на кровати, скрестив ноги:

— Кто же ты такой, Сергей Вышинский?

— Я, — улыбнулся Сергей, — всего лишь странный сектант в необычной одежде, волею судеб оказавшийся в Пескове. Поверь, у меня нет тайн.

— Ты — одна большая тайна. — Зоя наклонилась и поцеловала Сергея в грудь. — Странная одежда, говоришь? А кто обещал нарисовать мне образцы?

— А кто не дал мне этого сделать?

— А кто соблазнял меня голым телом?

— А кто...

Они не выдержали, рассмеялись и слились в поцелуе. Затем Зоя спрыгнула с кровати и принесла со столика фанерку, карандаш и несколько листов бумаги:

— Рисуй.

Я не умею, хотел сказать Сергей, но понял, что в глазах Зои он упадет. Он перевернулся на живот, положил лист на фанеру, примерился... Несколько быстрых штрихов изобразили женскую фигурку.

— Это я? — Зоя легла Сергею на спину и положила подбородок на плечо. Легкая...

— Ты. Какую одежду тебе изобразить?

— Любую. Я посмотрю на твою фантазию.

Сергей «одел» картинку в бикини.

— Что это? — утащила листок Зоя. — Нижнее белье?

— Купальник.

— Купальник? Он же почти ничего не закрывает. Хотя...

Зоя съехала с Сергея, легла на спину и, прикрыв один глаз, посмотрела на листок.

— Хотя мне нравится. Общественность будет эпатирована, а что может быть приятнее, чем ошарашить мещанина? Я даже хотела организовать у нас в городе общество «Долой стыд», но потом решила, что синяя кожа в мурашках всех только рассмешит...

— Что такое «Долой стыд»? — переспросил Сергей, нарисовав фигурку в стрингах и одевая третью в джинсы и топик.

— Это общество, которое несколько лет назад было организовано в Москве. Его члены пропагандировали отказ от буржуазной стыдливости, для чего ходили по улицам голыми...

— Как?

Сергей оторвался от картинки с мини-юбкой и повернулся к Зое. Та рассмеялась:

— А я думала, тебя совершенно невозможно вывести из равновесия! Все, на что любой другой проворчал бы: «Какое бесстыдство!» — ты воспринимаешь как должное. Что, у вас там по улицам голые не ходят?

— Не ходят, — покачал головой Сергей. Кто бы мог подумать, нудисты и большевики! А хотя чего он хотел? Здесь все по-другому. — А что с этим обществом случилось?

— Его разогнала милиция и морозы, — хихикнула Зоя. — Вот такая мы страна, страна свободных людей. А ты какими нас представлял?

— Знаешь... — Сергей нарисовал Зою в камуфляже и с автоматом на ремне. — Такой серой, мрачной страной, где все ходят в одинаковой одежде, с утра до вечера работают на заводах и фабриках, живут в казармах и всех недовольных расстреливают или сажают в тюрьму... Секс под запретом, только для воспроизведения потомства, все, что эротичнее поцелуя, — уже порнография.

— А ты не слышал о «Стакане воды»?

— Это что?

— Есть такая теория, что к сексу нужно относиться как к утолению жажды. Захотел и выпил, захотел и... Мол, нет в этом ничего стыдного или зазорного. Правда, мне она не нравилась. Ее поняли так, что женщина вообще не человек, а только средство утоления похоти, каждая комсомолка должна отдаться комсомольцу по первому требованию, хочет она этого или нет.

То, что большевики здесь придумали не только нудизм, но и сексуальную революцию, Сергея уже не удивило. Почему бы и нет? Здешние революционеры любят безумные идеи вроде космоса или роботов, почему бы и не секс?

— Зоя, а ты разве комсомолка?

— Да. А ты думал нет?

— Честно говоря, думал нет. Я комсомолок иначе представлял.

— Какими же?

— Не такими... раскрепощенными...

— Я себе сектантов тоже представляла другими. Дай посмотреть!

Зоя начала рассматривать листки. Некоторые вещи, вроде ботинок на платформе, она сразу отвергла, другие, например мини-юбка, привели ее в восторг. По словам Зои, мини «эпатирующе и эротично». Последняя картинка, где Сергей нарисовал Зою на мотоцикле, в высоких ботинках, кожаных штанах и куртке-косухе, ей особенно понравилась.

— Как ты угадал? Мотоцикл — мое давнее увлечение! А что это за зигзаг?

— Молния, — ляпнул Сергей и прикусил язык. Вот сейчас она спросит, что такое молния, и что ей скажешь?

— Молния? Как у курток летчиков? Здорово! У тебя богатая фантазия.

— У тебя тоже... — поддразнил ее Сергей.

— У меня... — Зоя сбросила бумагу на пол и начала подкрадываться к Сергею. — ОЧЕНЬ богатая фантазия...

* * *

Сергея разбудил громкий звон. Он поднял голову от подушки.

Будильник. Огромный, с двумя блестящими чашечками сверху и черным изломом стрелок.

Зоя лениво потерлась о Сергея и открыла глаза.

— Будильник? Уже утро? Ты будешь еще спать? Я на работу пойду.

Организм взвыл, требуя продолжения здорового сна и напоминая, что ему на работу не нужно.

Сергей встал:

— Я с тобой. Мне нужно объявления посмотреть.

Зоя натянула черные шелковые шортики:

— Объявления? Сергей, а зачем тебе оккультисты?

Сергей обнял ее сзади и поцеловал в затылок.

— Мне нужно вернуться.

Зоя вывернулась и посмотрела Сергею в глаза:

— Узнаю ли я когда-нибудь, кто ты такой?

* * *

— А сколько сейчас времени? — Сергей оторвался от чая с вишневым вареньем, которым его угощала Зоя («Сама варила»), и оглянулся в поисках часов.

— Полдесятого. — Девушка посмотрела на миниатюрные золотые часики.

— Сколько? — Сергей отхлебнул большой глоток обжигающего чая и подавился. — Я ведь обещал в одиннадцать часов быть в школе.

— В какой школе? Кому обещал?

— Девушке...

— Какой еще девушке? Я если я возревную?

— Катя... секретарь комсомола... Рыженькая такая.

— А, Каталин.

— Почему Каталин?

— Потому что она гусарская куртка.

— В смысле? — Сергей наконец допил чай и удивленно посмотрел на Зою.

— В смысле венгерка. Она же нерусская.

Венгры в представлении Сергея были похожи на кавказцев: черные, носатые, добродушные. Уж никак не рыжие. А с другой стороны, почему бы и не рыжие?

— Надо же, — покачал он головой, — никогда бы не подумал.

— Да не ходи ты, — погладила Сергея по плечу Зоя. — Подумаешь, обещал...

Сергей на мгновение задумался:

— Нет. Раз обещал — надо идти.

Не возникало в здешнем мире желания врать и обманывать. Как-то все здесь наивным казалось, что ли...

— Нет, пойду.

Сергей не заметил, но Зоя взглянула ему в спину с явным одобрением.

* * *

Ровно без пяти минут одиннадцать Сергей стоял у школы на Советской. Откуда он так точно знал время? Купил часы.

За час с небольшим, перед встречей со школьниками, Сергей успел договориться с Зоей прийти к ней в библиотеку после школы, доехать на трамвае до тети Тани и успокоить ее, сказав, что с ним все в порядке, а так, как время еще оставалось, — добрался до рынка и приобрел себе замечательные часы.

Замечательность приобретения заключалась в широком

кожаном ремешке, грубом, напоминающем стимпанковские поделки. Ремешок был самодельным, потому что все остальные часы на рынке были карманными. Впрочем, и эти в девичестве тоже наручными не были, ушки для ремешка к ним приделали позже. Огромные, выпуклые, в потертом стальном корпусе, они сразу приглянулись Сергею. Теперь он с удовольствием разглядывал их.

— Добрый день! — раздался за спиной веселый звонкий голос.

— Добрый день, Катя!

— Вы пришли.

— Я же обещал. Не могу нарушить обещание, данное такой очаровательной девушке, — улыбнулся Сергей и промазал.

Катя нахмурилась:

— Я бы попросила вас, товарищ Вышинский, оставить свои пошлые комплименты. Я не пустышка на танцульках.

— Прошу прощения за неверно выбранный тон. — Сергей попытался извиниться, но только усугубил ситуацию.

— То, что вы герой, не дает вам право заигрывать со мной.

— Я не герой! — воскликнул Сергей.

Катя неожиданно смягчилась:

— Ваша скромность мне сразу понравилась. Многие до сих пор ходят и кричат о том, как они в Гражданскую воевали с Колчаком, Деникиным и со всеми интервентами разом. Пойдемте.

Они вошли в школу, прошагали пустыми коридорами. Сергей поймал себя на том, что мысленно сравнивает Зою и Катю.

Обе — комсомолки, хотя про Зою этого и не скажешь. Обе — красавицы, наверняка спортсменки... Интересно, случись выбирать, кого бы он выбрал?

Зоя — красивая, раскованная, сильная, сексуальная, активная, умная, спортивная. Зоя похожа чем-то на девушек двадцать первого века.

Катя — красивая, умная, сильная, активная, спортивная, добрая. Насчет раскованности и сексуальности пока неизвестно...

В смысле — пока?

Сергей понял, что мысли ушли куда-то совсем не в то русло. К счастью, они с Катей уже пришли.

Небольшой класс, деревянные парты с наклонными черными крышками, чернильницы, маленькие окна.

Ученики.

Сергей ожидал увидеть форму, старую советскую: синюю, с

блестящими пуговицами и красными галстуками.

За партами сидели мальчишки, в белых, серых и синих рубашках, серьезные, коротко стриженные, девочки в цветастых платьях, волосы тоже обрезаны коротко. Человек двадцать, и пионерские галстуки видны, правда, не у всех, только у двух-трех.

Сердце Сергея упало. Им же лет по десять!

Одно дело — плести байки в веселой компании, рассказывать истории взрослым школьникам, с которыми и посмеяться, и подурачиться можно. Совсем другое — вот эти дети. Маленькие, но очень серьезные. Пришедшие послушать героя.

Сергей увидел себя со стороны: тощий, нескладный, в дурацком по здешним меркам джинсовом костюме, с дурацкой бородой и дурацкими патлами на голове. Разочарование детишек было видно издали.

— Здравствуй! — поприветствовала их Катя.

— Здравствуйте, Катерина Осиповна, — нестройно отозвались дети.

— Я, как и обещала, привела к вам товарища Вышинского. Он расскажет, как была разгромлена банда капитана Ждана...

Катя сделала приглашающий жест рукой. У Сергея по спине побежал пот.

О чем говорить? Что говорить?

— Зх... здравствуйте, дети, — хрипло произнес Сергей.

— Здравствуйте.

Что говорить? Что?

Язык, такой говорливый, присох.

Говори! Не молчи! Говори!

Да легче убить капитана!

Сергей глубоко вздохнул:

— Давайте я начну рассказ издали. Жил-был человек, молодой, глупый. Жил, не тужил, порхал по жизни, как бабочка с цветка на цветок. Ни друзей, ни врагов, никому неинтересен. Вроде и вреда никакого, но и пользы — никакой. Думал, что так всю жизнь проживет, пока однажды не стукнуло его по голове...

Сергей говорил и говорил. Он рассказывал о том, что не нужно опускать руки, в какую бы тяжелую ситуацию ни попал, искать выход даже там, где его нет. Говорил о том, как здорово видеть вещи, сделанные твоими собственными руками, как страшно бывает подняться против врага и каким жутким бывает этот враг, как нужно приходить на выручку своим товарищам, как нужно

жить так, чтобы от тебя была польза не только тебе самому.

Он говорил и говорил, не помня себя, не видя вокруг ничего, кроме вот этих не по-детски серьезных глаз, глаз, которым нельзя соврать, которые, казалось, видят тебя до самых глубин твоей души. Над половиной того, что он говорил, сам Сергей посмеялся бы еще два месяца назад, но для этих детей он не мог говорить иначе.

— ...Я не герой, — закончил он. — Мне было страшно, очень страшно. Но если бы кто-то сейчас спросил меня, выйду ли я против белогвардейцев еще раз, я скажу: «Да». И выйду.

Сергей замолчал, мокрый как мышь.

Дети молчали. Потом одна из девочек, светленькая, лобастая, подняла руку:

— Товарищ Вышинский, а это правда, что вы хотите построить чернильный завод?

— Да, — сказал Сергей и понял, что погиб.

— А почему?

Погиб, пропал... Сергей мог обмануть здешнее начальство, чтобы выманить деньги, обмануть профессора, Славу, Зою, Катю... Этим детей, эту девочку он обмануть не мог.

Фабрику придется строить. На самом деле.

Пропал...

— Почему? Знаете почему? Я не просто хочу, чтобы у вас на столах были хорошие чернила. Я хочу сделать так, чтобы у вас были лучшие чернила на свете, чтобы все иностранцы, которые смеются над нами и говорят, что русские могут только продавать нефть и не могут делать ничего хорошего, чтобы они, глядя на мои чернила, сгрызли себе ногти до самых локтей!

Сергей понял, что его понесло куда-то не туда. Он вздрогнул. Его плеча коснулась девичья ладонь:

— Спасибо, това... Сергей. Спасибо за искренность.

Катя смотрела на него очень и очень серьезно. Потом привстала на цыпочки и поцеловала в щеку.

* * *

Сергей шел в сторону библиотеки походкой сомнамбулы. Перед глазами стояли серьезные детские лица, на щеке горел поцелуй Кати, а в голове вертелась мысль: «На кой я пообещал построить эту фабрику?»

Сергею было стыдно за произнесенную речь, за банальные слова, подошедшие бы какому-нибудь поцреоту, за дешевый пафос.

Стыдно.

Но фабрику придется строить.

* * *

В библиотеке Сергей поселился до самого вечера. Во-первых, здесь можно было общаться с Зоей, с которой действительно было интересно поговорить обо всем на свете. Во-вторых, Зоя размечала выкройку одежды, которую они вчера нарисовали, и ей был нужен консультант. В-третьих, в библиотеке стояла пишущая машинка.

Сергей честно попытался было изобразить свой бизнес-план с помощью чернил и понял, что это затянется на неделю. Дописать хотя бы один лист и не оставить клякс он не мог. Нести же документы с кляксами в губком Сергей считал неправильным. Машинка позволяла напечатать документы без помарок. Ну как — без помарок. Хотя расположение клавиш было точно такое же, как на клавиатуре, навыки работы на компьютере не очень помогали. На клавиши машинки нужно было не нажимать, а бить по ним, иначе возникали странные шифровки, вроде «ткм разм» и «ернил». И самый главный недостаток машинки: на ней отсутствовала клавиша «Backspace».

Тем не менее Сергей приспособился, и к концу дня с перерывами был создан эпохальный документ под заголовком «Бизнес-план организации производства анилиновых чернил в г. Пескове Песковской губернии Р.С.Ф.С.Р.». Сергей узнал, что по здешним правилам все сокращения писались с точкой после каждой буквы. В запарке он чуть было не подписался: «Студент 5-го курса С. А. Вышинский».

План получился нетолстый и какой-то несолидный: соединенные слегка ржавой скрепкой несколько листов желтоватой бумаги. В некоторых местах машинка выбила овальные дырки вместо буквы «о».

Сергей смотрел на бумагу и думал о том, что реализовать план будет очень даже нелегко: не зная местной специфики, требований законодательства, без кадров, специалистов, рабочих, без помещения, без сырья — кроме бензола нужно еще множество химикатов, без оборудования, и самое главное — без денег. Даже по очень грубым и приблизительным прикидкам, денег потребуется

в десять раз больше, чем есть у Сергея. Одна надежда, что в губкоме помогут...

Страшно. Страшно братья.

А придется.

Сергей понял, что отказаться от этой идеи, опустить руки, сказать: «Не справлюсь» он не сможет. Его перестанут уважать и Зоя, и Катя, и профессор, и школьники.

Он сам себя перестанет уважать.

Сергей подумал, что с ним что-то происходит. Может, он болен? Может, он подцепил какой-то здешний вирус? Раньше, в наше время, он даже и не подумал бы рвать жилы, собираясь сделать хоть что-то полезное. Развел бы руками, сказал: «Да я не смогу», улыбнулся бы и пошел себе спокойно. Книги читать о магах, эльфах и драконах. В которых все делается с помощью магии или, в крайнем случае, руками умелых гномов. Скажи им: «Постройте мне чернильную фабрику!» — и они построят. И даже не спросят как. А здесь все нужно самому... Все.

Сергей положил листы на стол и прижал ладонью. Должно получиться. Должно. Должно!

Сергей открыл последнюю страницу, обмакнул ручку в чернила и поставил подпись.

Все получится!

А страницу пришлось перепечатывать. Проклятые кляксы!

* * *

Оставшийся до конца работы библиотеки час Сергей потратил на лихорадочное перелистывание подшивок «Песковского набата» за последние три года в поисках объявлений колдунов и ведьм. Сегодня Зоя не была настроена на ожидание: она уже определилась, что будет шить, из чего, и теперь пританцовывала от нетерпения начать работу. Сергей успел найти и выписать двенадцать адресов: пять медиумов, три гадалки, два оккультиста, один колдун и одна ведьма. Объявления были стандартны для двадцать первого века: приворожу — отворожу — створожу, гадаю — снимаю порчу. В двадцать пятом году, конечно, видеть их было неожиданно.

Итак, двенадцать адресов. Обойти их можно, с учетом грядущей фабрики, за две недели: по одному вечеру на каждого. Возможно, попадутся еще какие-нибудь кандидатуры, не писавшие о себе в газетах.

Сергей расцеловался на крыльце с Зоей и двинулся в сторону ближайшего «черного мага», мысленно составляя список вопросов, которые нужно будет задать товарищу.

* * *

Нет, конечно, Сергей не думал, что первый же встречный чернокнижник тут же достанет ему из сундука артефакт перемещений. Все-таки после первого похода к Алене жизнь его немного пообломала. Но такого свинства Сергей не ожидал.

Колдуна Савелия, к которому шел Сергей, два месяца назад посадили. За скупку краденого. Статья 181 Уголовного кодекса РСФСР, как пояснила Сергею грустная женщина, открывшая дверь.

Если так дело пойдет и дальше, думал Сергей, то я обойду всех местных волшебников за два дня. Узнаю, что их всех пересажали, и застрелюсь.

Насчет «застрелюсь» это было мрачной шуткой. Сергей не чувствовал настолько непроходимого отчаяния при мысли о том, что не сможет найти пути назад. Тяжело, конечно, будет, но не смертельно. Хотя отчаиваться Сергей не собирался. Еще одиннадцать шансов.

«Второй шанс», гадалка Софья, был дома.

Дверь открыла пухлая женщина в косынке и белом фартуке. Нет, конечно, на ней было и платье, просто в глаза бросалась косынка, темно-синяя, и фартук, весь перепачканный мукой.

— Ну? — спросила тетка, упирая руки в боки.

— Гадалка Софья? — спросил Сергей, не обращая внимания на явную недружелюбность.

— Я. — Гадалка насторожилась. — А что такое?

— Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

— Вы что, из милиции?

— Нет. Я частное лицо.

Тетка облегченно выдохнула:

— Ну тогда проходите. Надолго ваши вопросы?

— Не больше получаса.

* * *

Полчаса растянулись часа на три. Тесто, которое тетя Софа месила, когда к ней нагрянули гости в лице Сергея, успело

подняться, гадалка налепила пирожков, испекла их и угостила Сергея. Вообще тетушкой она оказалась доброжелательной, говорливой и интересной.

Сергей, не говоря о том, откуда он и что за артефакт ищет, рассказал ей о своей жизни, получил порцию оханий над тяжелой жизнью простого сектанта и пересказал ей легенду. По словам Сергея, он ищет людей, которые могут изготовить предмет, обладающий одним из волшебных свойств. Далее перечислялся список из выдуманных свойств, среди которых упоминалось и перемещение во времени. Таких людей гадалка, честно подумавшая, не помнила.

Вторым закономерен шел вопрос о том, кто может знать людей, которые способны изготовить такой артефакт или сказать, где его можно найти. Сергей сообщил, что у него есть список магов и волшебников города Пескова, и попросил гадалку высказать свое мнение и дополнить, если есть еще кто-то на примете.

— К медиумам не ходи, — просматривала она список Сергея в блокноте. — Жулики, дураят людям голову почему зря. К Варваре тоже не ходи, сумасшедшая она. Савелия посадили, Сима уехала к детям в Одессу, вот этого, — ткнула она пальцем в имя одного из оккультистов, — позапрошлой зимой из реки выловили, а вот этот — второй оккультист — спиртом отравился...

В итоге тетя Софа исчеркала весь список. Из двенадцати потенциальных магов остался только один. И еще двоих, которые не давали объявлений в газету, Сергей вписал с ее слов.

Поздно вечером, нагруженный информацией и пирожками с капустой, Сергей шел к дому тети Тани (что-то тети у него начали плодиться), обдумывая ситуацию.

Итак, двенадцать магов превратились в десять. Двое умерли, двое убыли и двое прибавились. Несмотря на мнение тети Софы, Сергей все равно собирался обойти всех. Даже сумасшедшую Варвару. В таких поисках, когда ищешь неизвестно что, главное — методичность. Составить список, обойти всех, опросить, составить скорректированный список, обойти всех, опросить... И так, пока не найдешь нужное или не кончатся люди. Ну, или пока тебя не пристукнут за излишнее любопытство. Тоже, кстати, вариант. Чем больше он ходит и задает вопросов, тем больше вероятность того, что кто-то заинтересуется уже им самим. Возможно, этим кем-то окажется как раз нынешний владелец артефакта, которому станет интересно, кто его ищет и зачем. Рискованно. А что делать? Как

говорил бандит Фокс: «Жизнь без риска, как еда без соли». Или кто не рискует, тот не пьет шампанского... Тут, правда, вспомнилось продолжение фразы: «...и того не хоронят в гробу из красного дерева».

Рискованно. А что делать? Бросать поиски Сергей не собирался. Да еще фабрику строить... Ожидаются насыщенные деньки.

Сергей подошел к калитке дома тети Тани, переложил в левую руку бумаги с бизнес-планом, потянулся к кольцу...

— Добрый вечер, Сергей Аркадьевич, — раздался за его спиной мрачный голос.

Сергей крутанулся. Сзади подходил человек в подпоясанном плаще с высоко поднятым воротником. Глаза и пол-лица скрывала низко надвинутая шляпа с полями.

— Меня, — продолжил незнакомец, — послал к вам...

Он замолчал, булькнул и опустил руку в карман плаща.

Сергей выхватил револьвер раньше, чем вообще сообразил, что происходит.

Незнакомец, не обращая внимания на оружие, достал из кармана белый платок и тяжело откашлялся.

— Меня послал к вам Федор Федорович.

— Это еще кто? — Сергей попытался вспомнить имя-отчество капитана Ждана, но не сумел.

— Федор Федорович, мой учитель...

Слово «учитель» вызвало цепочку ассоциаций «учитель — педагог — педагогическое училище — химия — профессор».

— Профессор Крещенский?

— Совершенно верно.

Сергей подумал, что на улице говорить о делах неудобно.

— Может быть, пройдем ко мне в комнату?

— Если вас не затруднит.

Тетя Таня удивилась ночному гостю, но виду не подавала. Только спросила, будет ли гость ночевать, — тот вежливо отказался, будет ли кушать, — тоже отказался, будет ли кушать Сергей, — тот подумал, что не ел весь день, но решил перекусить потом.

В комнате гость снял и положил на стол шляпу, и Сергей смог рассмотреть лицо неожиданного посланца. Молодой, относительно, чуть старше тридцати, узкое выбритое лицо, спокойные карие глаза. Распухший и красный нос — судя по всему,

у него сильный насморк.

— Прошу прощения, — начал гость, опускаясь на табурет и поддергивая брюки, — меня зовут Виктор Алексеевич луарх-харкхыр...

Гость опять закашлялся:

— Прошу прощения.

— Туберкулез? — насторожился Сергей, глядя, как гость рассматривает платок.

— Ранение.

— Война.

— Нет.

Пауза.

— Хорошо, Виктор Алексеевич, давайте к делу.

— Давайте. Насколько мне известно, вы обращались к Федору Федоровичу за консультацией по производству анилина. Анилиновых чернил, если быть точным. Так?

— Да.

— В химии вообще и в производстве в частности вы не разбираетесь совершенно. Так?

— Да. Вы тоже, как профессор, упрекнете меня в том, что мы, большевики, строим глобальные планы, не имея достаточных знаний?

— Нет, отчего же, не буду. Я был свидетелем, да и участником, и более удивительных вещей, чем строительство чернильной фабрики химическим профаном. Итак, вам нужен специалист. Мне нужна работа. После ранения мне пришлось уехать из Ленинграда. Слишком многие хотели задать мне вопросы и не все хотели получить ответы добро... уах-кхыр-хар.

Виктор Алексеевич убрал платок.

— Кратко говоря, я химик. Производство чернил не моя специальность, но в любом случае я смогу построить технологическую схему производства. Федор Федорович, к которому я приехал с просьбой помочь, порекомендовал обратиться к вам как к человеку, который собирается организовать химическое производство.

Лицо Сергея залило жаром, оставалось надеяться, что краснота при свете керосинки не будет видна. С каким лицом он сидел бы сейчас, если бы не отказался от своей идеи мошенничества, не хотелось даже думать.

Честность — лучшая политика.

— А почему Федор Федорович, — спросил он, чтобы успокоиться, — направил вас ко мне? Он же не любил большевиков.

Виктор Алексеевич потер нос.

— Он и сейчас их не любит. Он сказал, — усмехнулся химик, — «Я могу сидеть дома, пить чай с вареньем и вздыхать о погибшей России. Но ведь эти ребята построят свою, новую Россию. И если они сделают это без меня, мне будет стыдно».

Стыдно стало почему-то Сергею.

Они пообщались еще немного, Виктор Алексеевич оказался на самом деле ценным специалистом. По крайней мере, он, в отличие от Сергея, знал, где можно в Пескове найти все необходимые химикаты. Договорились, что Сергей обратится к нему, как только получит разрешение от губкома на производство.

— Виктор Алексеевич, — спросил Сергей, когда провожал гостя до калитки, — а вы не боитесь ходить ночью, больным? Здесь на улицах неспокойно...

— Знаете, Сергей Аркадьевич. — Виктор надвинул шляпу на глаза. — После того как мне, тяжело раненному и привязанному к кровати, пришлось провести полтора часа на даче на Крестовском острове в Петрограде, я решил для себя две вещи: никому не доверять и всегда иметь при себе оружие. До встречи.

Он коротко поклонился и двинулся по темной улице.

* * *

Сергей сидел в приемной секретаря Песковского губкома товарища Шрама Петра Ивановича на обитом коричневой клеенкой стуле. Нервничал.

Мало того что он плохо спал ночью: опять приходили ночные кошмары с беспризорниками, белогвардейцами, товарищем Вацетисом, который взглянул белесыми глазами из-под полей шляпы и произнес: «До скорой встречи...» Так еще секретарь его принять не может. Секретарша секретаря — серьезная пожилая дама в черной, наглухо застегнутой кофте — сказала, что у товарища Шрама его давний знакомый, Ян Фрицевич.

— Вацлав Гитлерович, — пробурчал Сергей.

Неужели даже здешние большевики страдают чиновничьим чванством? Выйдет сейчас какое-нибудь раскормленное мурло, сразу почувствуешь себя в родном двадцать первом веке...

Раскрылась дверь, показалась серая шинель... Из кабинета вышел высоченный товарищ с длиннющими, агрессивно торчащими в стороны усами.

Буден Михалыч Семенной? В смысле, Семен Михайлович Буденный? Что он здесь делает?

— До свидания, товарищ Мартын, заходи еще, если будет оказия.

Ошарашенный явлением усача, Сергей не заметил хозяина кабинета — невысокого неприметного мужчину лет тридцати с небольшим, в зеленом френче.

— Товарищ ко мне? — кивнул секретарь на Сергея. — Я сейчас приду. Подождете?

— Д-да.

Шрам с усачом вышли. Интересно, кто это был? Навряд ли Буденный. Тот все-таки не Ян Фрицевич. А кто тогда? Товарищ Мартын... Что у большевиков за привычка была — друг друга кликухами называть?! Вон и Сталина всю жизнь товарищи Кобой называли. Какой фильм со Сталиным ни смотришь, к нему все Коба обращаются. До революции он даже представлялся так.

Сергею припомнился один из рассказов училки о Сталине, зачитанный из книги «Портрет тирана». Там ребята нашли какого-то старика, на квартире которого Сталин с женой жили в 1908 году — история рассказывалась в 98-м, училка несколько раз повторила, что дело было ровно девяносто лет назад. Так тот старик поведал, что большевик Коба, который снимал квартиру, был жесток и беременную жену бил сапогами. Все-таки этому миру повезло. Здешний Сталин — не такой...

— Проходите, товарищ. — Секретарь пронесся мимо Сергея и скрылся в кабинете.

Сергей медленно поднялся. Вот так, запросто, в кабинет... по современному счету, губернатора? Понятно, что расстрелять не прикажет и в тюрьму не посадит, но если просто разозлится? Наорет? Сергей почувствовал, что еще несколько секунд промедления и он просто сбежит...

А ну собраться, рывкнул он мысленно на себя самого! Подумаешь, губернатор! Ничего он тебе не сделает! А вот если войдешь к нему бледный и трясущийся, то он над твоими прожеками просто посмеется. Собраться!

В кабинет секретаря губкома вошел твердой походкой уверенный в себе молодой человек в джинсовом костюме.

* * *

— Доброе утро, товарищ. — Секретарь губкома взмахнул ладонью, как будто собирался пожать Сергею руку, вздохнул, кивнул на плакатик: «Рукопожатия отменяются» и плюхнулся на свой стул. — Слушаю вас.

Сергей протянул товарищу Шраму бумаги и собрался было произнести заготовленную речь, но замолчал. Шрам молниеносно пролистал план:

— Так... что тут у нас? Производство чернил? Анилиновых?!

Секретарь покосился на чернильницу.

— Ежемесячная прибыль... Ого! Требуемые вложения... Ого! Так... Товарищ Вышинский, вы ведь планируете открывать частное производство?

— Да. — Сергей сидел напротив Шрама.

— Тогда зачем вы ко мне пришли?

Сергей понял, что промахнулся. Вообще-то он считал, что секретарь губкома — нечто вроде нынешнего губернатора. Придешь к нему, распишешь перспективы, и он даст команду подчиненным — всяким там отделам народного образования и прочим. Только сейчас он сообразил, что губком — это губернский комитет партии. То есть если брать современные аналоги — приемная «Единой России». А практическим воплощением занимаются иные органы. Это в нашей реальности большевики взяли власть и рулили всем, здесь же есть партийные органы, а есть хозяйственные, исполнительные и прочие. Погодите...

Даже здешние большевики — все-таки большевики. А значит, они должны контролировать работу всех учреждений с тем, чтобы те не отклонялись от партийной линии. Раз так, партийные органы и секретарь губкома, в частности, должны, во-первых, держать руку на пульсе и знать, каких производств в городе недостаток, во-вторых, должны давать рекомендации госслужбам в их действиях. В любом случае у партийных органов должна быть такая возможность. Контроль без возможности воздействия — просто глупость.

Сергей просчитал свои действия буквально за секунду.

— Я понимаю, что частными лавочками вы не занимаетесь. Однако, к своему стыду, должен сказать, что я плохо ориентируюсь

в советских органах власти...

Карие глаза Шрама почернели, вызвав неприятные ассоциации с глазками тюремных камер. И тут же посветлели и заискрились смешинками:

— Товарищ Вышинский, значит? А вы не тот самый сектант?

Удачную легенду себе подобрал Сергей: любой промах сразу объясняется просто: «Да он же сектант, что с него возьмешь!» Правда, репутация страдает.

— Тот самый, — спокойно кивнул Сергей: мол, да, сектант, не скрываю. — Правда, с религиозным прошлым я порвал и хочу быть полезным своей стране.

— В какое интересное время мы живем... Сектанты организуют химическое производство... — Шрам заглянул в бумаги и с выражением прочитал: — Диметиланилин... Что ж нас дальше ждет-то? Значит, говорите, хотите быть полезным?

— Да.

— И при этом просите деньги. А почему именно чернила? Считаете, нашим бюрократам нечем писать свои справки? Может, если будет поменьше чернил, будет меньше глупых бумажек? Вы не думали?

— Не думал. Когда я решил организовать производство, я думал о школах. Школьникам чернила нужны гораздо больше, чем бюрократам. Я навел справки в губоно и ориентировался на потребности города.

Шрам помолчал.

— Да. Дети — наше будущее. Не научим их — нас, необразованных, сомнут враги. А все-таки, товарищ Вышинский, почему вы решили открыть свое производство. Нет, не чернил, производство вообще? Вы — человек образованный, смелый...

Я? Смелый?

— ...могли бы устроиться на службу в учреждение, пойти в армию... На заводе я вас не вижу, руки у вас все-таки нерабочие. Почему? Вы же должны знать, как относятся к нэпманам?

Сергей задумался. Можно произнести длинную, пафосную речь о необходимости поднятия промышленности, о престиже государства на мировом рынке... Можно.

Но лучше сказать правду.

— Я вообще не собирался ничего создавать. Сначала я рассчитывал просто обмануть вас, выманить деньги на открытие

производства и сбежать.

Секретарь поднялся. Глаза товарища Шрама напомнили о Паше Поводне. В кабинете было тихо, только слышно, как скрипела медленно сжимаемая пальцами бумага на столе.

— Продолжай... — сквозь зубы произнес товарищ Шрам.

В животе Сергея лежал огромный ледяной ком страха, но этот разговор был нужен. Ему было нужно освободиться от собственного вранья.

— Рассчитывал. Но потом я общался с людьми: с профессором Крещенским, с секретарем комсомольской ячейки, со школьниками... — Сергей посмотрел в глаза секретарю. — Я не смогу их обмануть. Я на самом деле хочу открыть эту чернильную фабрику. Даже не ради денег, деньги для меня — не главное... — Сергей с ужасом понял, что говорит правду. — Для меня главное — само производство. Я больше не хочу быть тем, кем я был раньше, сектантом, от которого никому ни холодно ни жарко, который попусту коптит небо, не принося пользы. Я хочу, чтобы мои руки... — Сергей взглянул на ладони. — Чтобы мои руки были руками человека, который сделал что-то для своей страны, для своего народа. Чтобы, когда меня спросят: «Что ты оставишь после себя?» — я мог показать на чернильную фабрику и сказать: «Вот. Вот мой подарок народу!»

Сергей замолчал. Опять пафос... Здесь точно какая-то инфекция, толкающая на подобные речи.

Секретарь смотрел на Сергея, что-то обдумывая. Потом улыбнулся своим мыслям, подошел к Вышинскому и положил ему руку на плечо:

— Знаешь что, Сергей... Денег я тебе не дам. Не потому что не верю. Нет у нас в городской казне лишних средств. Денег не дам, но помочь помогу. На что там тебе деньги нужны? Помещение, оборудование, сырье? Специалистов, извини, найти не смогу: химики сейчас редкость.

— Есть у меня специалист. — Сергей вытер пот со лба, погладил бородку.

— Да? — Шрам оторвался от бизнес-плана, на котором что-то писал, и посмотрел на Вышинского. — Быстро... Вот, держи. Идешь в губсовнархоз, пусть зарегистрируют твоё производство, а потом пусть дадут в аренду здание на Энгельса, сорок два. Два года назад один товарищ уже собирался открыть чернильную мастерскую. Он, правда, — Шрам ехидно посмотрел на Сергея, —

на свои средства рассчитывал. Там тебе будет и помещение, и оборудование, и, может быть, даже химикаты, точно не помню. Ну а дальше сам крутись.

— Так в Пескове что, уже есть чернильное производство?

— Да нет. Не успел он ничего открыть, в реке зимой утонул...

— Я смотрю, — криво улыбнулся Сергей, все еще не пришедший в себя, — подледное плавание у вас популярное увлечение. Оккультист один утонул, чернильный товарищ...

— Да нет, — хмыкнул Шрам, — утонул у нас в том году только один, тот, что мастерскую открывал. А оккультист — его брат, он тогда помещение в безвозмездный дар городу передал и куда-то убрался. Два года руки не доходили. Наверное, тебя ждали. Все, иди. Сегодня еще успеешь в совнархоз, в понедельник они все оформят. Если не затянут.

— Товарищ Шрам, — вспомнил Сергей, — там на железнодорожной станции стоит бесхозный вагон с бензолом. Можно мне его получить для производства?

— Значит, говоришь, ничего организовывать не собирался? Однако сырье и спеца уже нашел. Молодец...

На прощание товарищ Шрам все-таки руку пожал.

Сергей вышел из кабинета и взглянул на свой бизнес-план. На титульном листе толстым синим карандашом... Почему не ручкой, кстати? Ах да, кляксы... Было написано: «Губсовнархозу: зарегистрировать мастерскую тов. Вышинского, передав ему в аренду здание по адресу: ул. Энгельса, 42. Губоно: рассм. вопр. о целес-ти закупок чернил у тов. Вышинского. Нач. ж-д станции «Песков»: при наличии бесхозного вагона с бензолом передать его тов. Вышинскому». Внизу стояла жирно подчеркнутая надпись: «Не волокитить!» и подпись.

Шрам сидел за столом, подперев подбородок сцепленными в замок руками.

— Нет, Сергей, — тихо произнес он самому себе, — не получится из тебя нэпмана. Есть в тебе нужная гнильца, есть, только у нэпманов она внутри, а у тебя снаружи. Счистится и не будет... Товарищ Глушкова! Принесите мне чаю, пожалуйста!

* * *

По Октябрьской улице шел без пяти минут владелец

чернильной мастерской. Шел, счастливо улыбаясь, разглядывая свое отражение в зеркальных витринах.

Город заливало лучами солнца, раскрашивая улицы зеленью деревьев и красками домов и одежды. Пусть дома обшарпанны, пусть одежда прохожих в основном черная и серая. Можно подумать, в нашем времени все дома новенькие, а люди на улицах носят исключительно белое с золотом. Интересно, почему времена большевиков ассоциируются исключительно с серым цветом и потухлыми красками? Наверное, потому, что видим мы эти времена только в фильмах, а фильмы либо черно-белые, советские, либо стилизованы под старинные, типа «Собачьего сердца». Сергей хмыкнул, вспомнив, как он удивился в детстве, когда узнал, что фильм снят недавно, ему казалось, что фильму — лет сорок.

— Подходи, буржуй, глазик выколю... — пропел Сергей тихонько.

Не подходит эта песня тебе, Сергей Аркадьевич. Ты теперь сам — буржуй.

Сергей весело огляделся.

Мне нравится этот мир! Мне нравятся эти люди! Мне нравятся большевики!

Сергей чувствовал себя пьяным от счастья. Как это здорово, когда тебе верят! Сергей был готов свернуть горы, чтобы оправдать доверие товарища Шрама, не то что построить какую-то чернильную фабрику. А что? Сырье есть, здание есть, оборудование есть, специалист есть, рынок сбыта и тот есть. Все получится!

Так, а что я здесь делаю? Сергей остановился у полуразвалившейся крепостной стены, поросшей травой и кустами. А, вспомнил!

Губсовнархоз находился в том же здании, что и губком, поэтому заявление Сергея о регистрации приняли быстро. Несмотря на грозную резолюцию, Сергею сказали, что по декрету они должны внести его в реестр в течение недели, поэтому пусть приходит в понедельник за справкой. А постановление губсовнархоза об аренде помещения — после регистрации. Правда, Сергею повезло: заседание президиума губсовнархоза будет как раз в понедельник и если его успеют внести в реестр, то постановление он получит в тот же день. Пришлось пообещать первую же бутылку чернил подарить совнархозу.

Даже это мини-проявление коррупции Сергея не огорчило.

Он решил было пойти к Зое в библиотеку, уже прошел мимо рынка к огромным полукружьям моста Красной Армии, но тут, на волне эйфории, его осенили две мысли.

Он решил придумать Зое подарок, потому что приходить к ней с цветами казалось глупым, а совсем с пустыми руками — неправильным.

И во-вторых, Сергей решил подстричься. И побриться.

Мало того что по фамилии все опознают его как сектанта, так со своей бородой и лохмами он и выглядит, как сектант. И Зоя говорила о том, что борода ей не нравится...

Вот он и двинулся по Октябрьской улице, где неподалеку от ресторана «Лондон» видел вывеску «Стрижка и бритье. Мастер Баранов».

Счастливое настроение, видимо, влияло на окружающую реальность: когда Сергей вошел в парикмахерскую, очереди не было, а из кресла мастера вставал гладковыбритый товарищ.

Мастер взмахнул простыней:

— Наше вам с кисточкой. — Для иллюстрации он взмахнул помазком, с которого слетали хлопья пены. — С пальцем — девять, с огурцом — шестнадцать.

— С огурцом, — улыбнулся Сергей, сообразив, что «с пальцем» означает, что палец ему запишают в рот. — Постричь коротко и побрить.

— Будет сделано. — Мастер ловким движением профессионального горлоперерезывателя раскрыл блестящую голубоватой сталью опасную бритву.

С непривычки голова мерзла, освободившись от многолетней шапки волос. Сергей натянул свою джинсовую кепку и потерял гладкую кожу. Щеки саднило от туалетной воды-вежетапи, которой его освежил мастер. Освежил как надо, Сергей чуть не взвыл.

В зеркало, когда парикмахер снял простыню, на Сергея смотрела незнакомая личность. Широкий лоб, короткий ежик волос. Ввалившиеся бледные щеки, узкий подбородок, какой-то нездоровый блеск в глазах.

Сергей подумал, что он немного походит на амнистированного пахана из фильма «Холодное лето пятьдесят третьего». Как бы люди пугаться не начали. Хватит того, что еврей-портной принял за наемного убийцу...

И все равно хорошо! Солнце светит, деревья шелестят,

тарахтят редкие машины, цокают по булыжникам кони извозчиков. По улицам прохаживаются военные в форме, некоторые — и в буденовках. Защитные френчи, черные пиджаки, рубахи: белые, красные, полосатые, девушки в легких платьях... Нужно зайти в ресторан и купить шампанского...

Сергей не успел перейти дорогу к ресторану, на него налетел мальчишка с папиросным лотком:

— Папиросы! Папиросы! «Ира», «Ява»! Рассыпные!

Сергей, мысленно уже бывший вместе с Зоей и шампанским, перевел на мальчишку задумчивый взгляд. Есть ли у него сигареты?

Мальчишка неправильно понял остекленевший взгляд потенциального покупателя:

— Белую фею? — понизив голос, спросил он.

— Что? — не понял Сергей.

— Кокс?

Кокс? Кокаин? Наркотики?

Мальчишка понял, что здесь ловить нечего, и убежал. Сергей стоял как пришибленный. Весь окружающий мир потускнел и стал серым.

Не так здесь все безоблачно...

Дети торгуют наркотиками на улице. В ресторане сидят проститутки. Через границу шастают террористы. Сразу появилось нехорошее чувство, что его все обманывают, что на самом деле здесь есть и расстрелы, и репрессии, и концлагеря. Есть и коррупция, и стукачи, и взятки, и деспотизм чиновников, и бандитский беспредел. Ведь если есть одно, почему не быть другому?

Сергей понял, что бредет по улице, что-то бормоча. Он поднял глаза. Недоуменно присмотрелся.

И расхохотался.

Все-таки в этом мире есть место всему. И плохому, и хорошему, и исконному русскому разгильдяйству.

На крыше дома напротив, на восьмом году советской власти, красовался российский триколор.

Пусть не флаг, а всего лишь раскрашенный в бело-сине-красные цвета флюгер.

И никому не приходит в голову его снять.

Мир вспыхнул красками.

Пусть, пусть здесь есть проституция, наркотики и

террористы. Но ведь здесь есть и очаровательные девушки вроде Зои, и убежденные комсомолки, как Катя, и идеалисты вроде рыжего Славы. Здесь изобретают космические корабли, здесь девушки летают на самолетах и интересуются химией и журналами мод. Здесь есть плохое, но есть и хорошее.

Этот мир не рай. Но и не ад.

Просто жизнь.

* * *

— Добрый день, Зоя!

— А вы... ой! Сергей? Что ты с собой сделал?

— Не нравится?

— Нравится. Просто... необычно. Но нравится!

Сергею хотелось поделиться переполнявшим его ощущением счастья. А с кем делиться, как не с Зоей? Ради этого Сергей пришел в библиотеку. С подарком.

Что можно подарить девушке, которая не любит цветы, но при этом увлекается радио, химией, полетами на самолете и всем новым и необычным?

На столе перед Зоей возникли две бутылки шампанского, извлеченные Сергеем из до сих пор не использовавшейся джинсовой сумки.

— Сережа, дурачок, убери! Начальница заругается!

Сергей улыбнулся и достал все из той же сумки подарок. Развернул его перед Зоей.

— Ух ты!

Может быть, у Зои, с ее-то увлечениями, и была кожаная куртка на молнии. Но когда наличие предмета одежды в гардеробе мешало девушкам восхититься им же, но в качестве подарка?

— Сергей, как ты угадал? Я давно такую хочу!

Вышинский улыбался так, как будто лично выкроил и сшил куртку, предварительно забив свинью и выделав кожу. Хотя на самом деле устал он так, что легче было бы загонять ту самую свинью в чистом поле.

Решив подарить что-нибудь Зое, Сергей для начала купил в ресторане две бутылки шампанского, дорогие даже с учетом уценки. Дома у тети Тани он опустил бутылки в ведро с водой из колодца, после чего был тетужкой отловлен и усажен за стол обедать. Пока Сергей хлебал щи, тетя Таня причитала, что он почти

ничего не ест, и дядя Анисим, который, кстати, завтра приедет повидать беспутного «плямняника» и вообще... по делам... обязательно выговорит ей за то, что Сярежа исхудал и истощал. Правда, степень истощения тетя Таня преувеличивала. Все-таки Сергея можно было еще увидеть и за леской, и за удочкой...

Остаток дня Сергей провел, перерывая Песковский рынок в поисках кожаной куртки на молнии. Он точно помнил, что видел такую еще в первый день пребывания в городе. Но вот где? Тем не менее куртка была найдена. Практически новенькая, еще скрипящая кожей, с блестящими молниями. То ли Сергей появился в лавке сразу после поступления товара, то ли куртка не пользовалась популярностью в связи с маленьким размером. Как раз на худенькую девушку.

— Агриппина Петровна... — Зоя обратилась к пожилой женщине с седым узлом на голове и лицом профессиональной воспитательницы современной молодежи. — Можно я сегодня пораньше уйду?

Женщина оглядела Зою, Сергея, взглянула на шампанское, которое Сергей не успел убрать.

— Эх, молодость, молодость... Да иди уж, не томи юношу.

Наверное, Агриппина Петровна слишком хорошо помнила собственную молодость либо не страдала завистью к молодым и красивым.

До дома Зои они прогулялись пешком, по дороге обсудив планы на остаток дня.

— Сергей, судя по шампанскому, тащить меня в ресторан ты не хочешь?

— Если прекрасная дама пожелает, то шампанское подождет до удобного случая.

— Прекрасная дама желает чего-нибудь необычного. Рестораны мне уже надоели.

— Кино? Театр? Полет на Луну?

— Кстати, о полетах на Луну...

— Правда?!

— А ты бы смог отвезти меня туда?

— Да. Только тебе пришлось бы подождать, пока я построю ракету.

— Нет, ждать я не хочу. Сегодня в «Металлисте» крутят фильм «Аэлита» по роману графа Толстого о полете на Марс. Пойдем? Мне одной скучно.

Из всего графа Толстого Сергей помнил только «Войну и мир». И очень сильно сомневался, что он писал фантастику. Потомок? Почему нет?

— Почему нет? Только до вечера еще далеко, поэтому предлагаю выбраться за город. Ты когда-нибудь пила шампанское из горлышка?

— А правда! Отбросим условности!

— Ловить извозчика?

— Нет.

— Пойдем пешком?

— Нет. У меня тоже есть для тебя сюрприз.

Домой Зоя Сергея не пустила. Сказала подождать, пока она переоденется. «Чтобы не испортить сюрприз». Много времени это у нее не заняло, Сергей уже знал, что Зоя — девушка быстрая.

— Ну как?

Зоя вышла из дверей дома.

— Вот это да!

Девушка была в новой куртке. Кроме того, в кожаных штанах, блестящих сапогах и перчатках без пальцев.

— Мы полетим на самолете? — улыбнулся Сергей.

— Мы полетим на «Кузнечике». — Зоя бросила Сергею кожаный шлем и очки-консервы.

* * *

— Как ощущения? — выкрикнула Зоя сквозь оглушительный треск мотоцикла.

— Здорово! — прокричал в ответ Сергей, морщась от бьющего в лицо ветра.

Они мчались по узкой дороге вдоль берега Большой реки. Мотоцикл Зое подарил один из бывших любовников, она дорожила своим «Кузнечиком» и сразу заявила Сергею, что поведет сама. Сергей, который на мотоцикле никогда не ездил даже пассажиром, благородно уступил Зое роль водителя.

— Эй!

Мотоцикл свернул с дороги на еле приметную тропинку, уходившую в кусты. Сергей вцепился в ручку сиденья, на кочках ощутимо потряхивало. Зоя сбросила скорость и медленно покатила среди кустов к берегу реки.

— Вот. — Девушка остановилась. — Это мое любимое

место для купания и солнечных ванн.

За зарослями открылась небольшая полянка. От дороги ее загораживали кусты, зато прекрасно была видна река до противоположного берега.

Они расстелили на траве огромное покрывало, спрятали в воду шампанское, расставили тарелки с яблоками, хлебом и холодным отварным мясом.

— Пойдешь купаться? — Девушка медленно потянула вниз молнию куртки.

— У меня нет плавок. — Сергей лег на бок, наблюдая за девушкой.

— А ты раздевайся совсем. — Зоя сняла одежду. — Я всегда так делаю.

Сергей не удержался от изумления. На Зое был купальник-бикини. Красный, с завязочками. Откуда? А, ну да. Семен Семеныч! Сам же рисовал ей образцы одежды.

— Ну как? — Зоя изогнулась.

— Отлично! — искренне сказал Сергей. Девушка в купальнике выглядит даже более эротично, чем совсем обнаженная.

— Тогда чего ты ждешь? Купаться!

Зоя вошла в воду и поплыла. Сергей призадумался. Ненадолго. Общение с Зоей приучало быстро соображать. Она не говорила ничего такого, но Сергею казалось, что долгие размышления и сомнения будут трактоваться ею как слабость.

Казаться Зое слабым Сергею не хотелось. Приходилось соответствовать.

На самом деле, что ли, искупаться голым? Или...

А чего стесняться?

Сергей разделся и вошел в воду.

Хорошо еще, что плавал он неплохо и быстро догнал Зою.

— Привет. — Сергей лег на спину.

— Привет, — Зоя взглянула на него и хихикнула. — Сергей, ты мне нравишься все больше и больше. Глупого мещанства в тебе нет ни капельки.

— Нет. — Сергей погрузился в воду и вынырнул с другой стороны Зои. — Ни капельки. Какое может быть смущение между двумя любовниками?

Зоя вздохнула.

* * *

— Сергей... — Зоя распласталась на покрывале лицом вниз. — Намажь меня кремом, пожалуйста.

Вышинский взял баночку.

— Мне будет мешать купальник, — улыбнулся он.

— Так в чем дело? — Девушка прищурила глаз и посмотрела на него.

Сергей развязал веревочки:

— Что-то мне подсказывает, что ты любишь загорать обнаженной.

— Как ты догадался? Дедукция?

— Элементарно, Ватсон. — Ладони Сергея скользили по спине девушки. — Ровный загар по всему телу.

— Загар сейчас в моде... мррр, как приятно... Некоторые даже ванны с йодом принимают, чтобы стать коричневыми...

— Мулатки-шоколадки?

— Сладенькие...

— Приторные...

Зоя повернулась и легла на бок:

— Какие девушки тебе нравятся, Сергей?

— Умные. — Вообще-то такой ответ на извечный девичий вопрос он придумал давно, большинство знакомых девушек на него обижались. Почему-то.

Зоя не обиделась.

— А если девушка будет умной, но некрасивой, она все равно тебе понравится?

— По-настоящему умная девушка, — серьезно сказал Сергей, — не может быть некрасивой.

— Послушай. — Зоя приблизилась к Сергею. — Ты голый, я голая. Неужели два голых человека не могут найти занятие поинтереснее, чем просто валяться на солнце?

Сергей положил Зою на спину.

— Давай поищем... — прошептал он ей на ухо.

* * *

— Мы не опоздаем в кино? — лениво спросила Зоя.

Сергей потянулся и вытащил из своей одежды часы.

— Семь часов. У нас еще целый час...

Он с намеком посмотрел на девушку, хотя особых сил уже

не чувствовал.

— Сергей... — Зоя склонилась сверху и пощекотала его лицо волосами. — Я хочу тебе кое-что сказать.

— Что? — зажмурился Сергей.

— Нам нужно расстаться.

Что? Почему?

Сергею очень повезло, что он расслабился. Взрыв чувств, мыслей и вопросов, обида, недоумение, непонимание, разочарование никак не отразились на его лице. Девушка села, поджав ноги. Сергей секунду помолчал.

С Зоей нужно отвечать быстро. Поэтому вопросы «Как?», «Почему?», «Что не так?» задавать не стоит. Кричать, умолять и ругаться тоже.

На таких условиях ответ можно дать только один.

Сергей открыл глаза:

— Хорошо, я согласен.

Зоя склонила голову:

— И все? Ты не будешь спрашивать, почему я так решила? Не будешь требовать, чтобы я осталась твоей? Не будешь упрашивать?

Сергей успел переварить ситуацию и понять причину.

— Нет, не буду. Ты — свободная девушка и сама решаешь, с кем и когда встречаться и расставаться.

Нет, в самом деле, Сергей Аркадьевич. Ты же не думал, что Зоя останется с тобой навсегда? Рано или поздно ты найдешь путь назад в двадцать первый век. Ее ведь с собой не заберешь. Все равно придется расстаться. Так какой смысл теперь страдать из-за того, что тебя бросили первым? В верности она тебе не клялась, как и ты ей, впрочем. Оборотная сторона свободных отношений...

— Понимаешь, Сережа, мужчины очень часто считают женщин не людьми, а собственностью. Вещами, которые не имеют своего мнения и которыми можно распоряжаться по собственному усмотрению...

Сергей лежал на спине. Молчал. Зоя говорила быстро, тихо, опустив глаза.

— В особенности если они что-то подарили. Мужчины считают, что за подарок они получили меня в безраздельную собственность. Именно таким, как ты, и должен быть настоящий мужчина: признать за женщиной право быть самостоятельной...

Зоя помолчала. Потом просияла:

— Знаешь, я, наверное, погорячилась! Я разрешу тебе остаться со мной!

Сергей улыбнулся:

— Зоя, позволь мне не только походить на настоящего мужчину, но и быть им. Раз уж мы решили расстаться — расстаемся.

Зоя была на самом деле умной девушкой. Она не стала устраивать сцену в классическом женском стиле: «Дорогой, мы расстаемся». — «Хорошо». — «Ах, хорошо?! Значит, ты сам собирался бросить меня?! Мерзавец!» Девушка только глубоко вздохнула:

— Что за невезение... Первый раз в жизни встретила настоящего мужчину и по собственной глупости с ним рассталась... Мы хотя бы будем видеться?

— Почему бы и нет? Что мешает нам остаться хорошими друзьями?

Сергей не видел причин больше никогда не встречаться с Зоей. Да, расстались, и что?

— Ура! — Зоя отбросила грусть и скрепила дружеские отношения чересчур страстным поцелуем.

* * *

На фильм они чуть было не опоздали.

Зоя предложила отметить новорожденную дружбу шампанским. Они выпили обе бутылки прямо из горлышка, смеясь и обливаясь, потом веселящие пузырьки ударили в голову, и два свежеиспеченных друга занялись кое-чем совсем не дружеским. Потом еще раз поклялись себе, что отныне они всего лишь друзья. Взглянули на часы и лихорадочно бросились одеваться.

На афише кинотеатра «Металлист» были изображены женщина и мужчина в странных головных уборах и со зловещими лицами. За несколько минут до начала фильма Зоя успела пересказать вкратце содержание книги. Пересказ был очень сжатым, поэтому Сергей пришел к выводу, что фильм — о любви инженера Лося, построившего в сарае космический корабль (воистину, у большевиков все просто), и марсианской принцессы Аэлиты. Непонятно только, почему у марсианки земное имя, пусть необычное, но вполне земное. У Сергея одноклассницу так звали.

Тут погас свет и начался фильм.

Картина была немой, черно-белой, вся озвучка — игравшее у экрана пианино. Движения актеров — немного дерганные, декорации — откровенно картонные. Это не помешало бы Сергею получить удовольствие от фильма, он с самого начала смотрел его как некий киноспектакль, где условности оправданны, если бы тот не был прямо-таки напичкан большевистской пропагандой: тут тебе и жулики, и доблестный красноармеец, и революция на Марсе. Даже сама Аэлита оказалась злодейкой, которую застрелил в конце сам Лось. Когда же выяснилось, что все приключения инженеру приснились, Сергей и вовсе разочаровался в картине.

Единственное, что Сергею приглянулось, — мелькнувшие в фильме виды Москвы.

Неразрушенный храм Христа Спасителя — или местные большевики более лояльно отнеслись к религии, или пока не дошли руки. Ну или пожадничали со взрывчаткой.

Мавзолей Ленина необычной формы — надо же, всего за год успели построить, и, насколько можно было понять, не гранитный.

Памятник Минину и Пожарскому, почему-то переползший в центр площади.

Когда на экране мелькнули башни Кремля, Сергей понял, что либо он очень недооценил либерализм здешних большевиков, либо ему показалось... Да нет, конечно, показалось... Не может быть...

Когда вышли из кинотеатра, Зоя долго плевалась и говорила, что книгу переврали, что все было совсем не так и вообще, книга лучше. Обиженная девушка рассказала, что фильм рекламировался за полгода до выхода, была придумана оригинальная реклама, таинственные слова, которые в фильме ловили по радио: «АНТА... ОДЭЛИ... УТА», полгода печатали в газете без всяких пояснений, чтобы заинтриговать народ.

Сергей, который за два часа на жестких фанерных сиденьях отсидел то, на чем сидел, подумал, что фильм по книге, в котором от книги только название и имена главных героев, и интригующая реклама, оказывается, были придуманы не в двадцать первом веке. А в здешнем СССР знают толк в рекламе...

— Добрый вечер, — раздался за спиной мрачный голос, в котором прямо слышалось, что вечер вовсе не добрый и вообще мы все умрем.

— Добрый вечер, Виктор Алексеевич. — У Сергея был

только один знакомый с таким голосом. — Тоже решили посмотреть фильм?

Настроение Виктора Алексеевича, и без того небезоблачное, резко испортилось. Он проворчал, что гражданину Толстому вообще нельзя ничего рассказывать, все переврет и исказит. Заодно он упомянул некоего неназванного друга и таких же безымянных поляков. Что им всем поляки-то сделали?

— Сергей. — Зоя дернула его за рукав. — Ты не представишь нас?

— Знакомьтесь. Это Зоя, моя... мой друг. Это — Виктор Алексеевич...

— Просто Вик... хрраг-гхырр-хырр. Просто Виктор.

— Простуда? — участливо спросила Зоя.

— Ранение, — хмуро заметил Виктор Алексеевич.

Зоя округлила глаза. Да ведь ей нравятся необычные люди.

— Я пообещал Виктору Алексеевичу работу, когда открою свою мастерскую. Он химик.

— Химик?! — В глазах девушки Виктор Алексеевич взлетел до небес. — Я тоже увлекаюсь химией! Может, мы как-нибудь пообщаемся по этому поводу?

— Хорошо. Как-нибудь. Сергей Аркадьевич знает мой адрес. Кстати, когда вы решите вопрос с мастерской?

— В течение недели, — ответил Сергей.

Химик кивнул и, страшно закашлявшись, ушел.

— Интересный человек... — задумчиво посмотрела ему в спину Зоя. — Кого-то мне напоминает... И Толстого не любит...

— А я думал, Толстой умер. Это же не Лев Толстой написал «Аэлиту»?

— Ну что ты. Родственник. Лев Толстой умер еще лет десять назад.

* * *

Зоя отвезла Сергея к дому и, оставив синее кольцо дыма, исчезла за поворотом. На входе его отловила тетя Таня и заставила поесть. Напомнила, что завтра приедет в город по делам дядя Анисим и если Сергей хочет его видеть, то пусть не скрывается с самого утра.

Поев, Сергей прошел в комнату, упал на кровать, закурил и задумался. На завтра он планировал обход оккультистов, причем

именно с самого утра. Однако и дядю Анисима хочется повидать. Сергей поймал себя на том, что даже мысленно называет пасечника дядей. И чувства к нему, как к родным дядям, оставшимся в будущем.

Что вообще с ним происходит? Слишком много странностей творится.

Во-первых, откуда в нем иногда просыпается пафос? Что это за «руки человека»? Что за «подарок народу»?! Что за речь он толкнул перед детьми?!

А что ты должен был сказать, спросил он сам себя. Воруйте, обманывайте? Бездельничайте и ленитесь? Пейте и нюхайте кокс? Получается, именно то, что сказал, он и должен был сказать... Да дело не в этом!

Самое страшное, что он сам верил в то, что говорил!

Не мог же он всерьез говорить то, что сказал. Или... мог?

Конечно, во все это, в великие возможности первой свободной страны верят почти все, кого Сергей встречал. Может, это повлияло?

Получается, что он, Сергей, как баран на веревке, пойдет туда, куда идет большинство? Да ну, не может быть. Двадцать первый век — время свободы, когда каждый сам решает, куда идти. Это в СССР, куда партия скажет, туда народ и шел. Дадут команду: «На стройки» — идут на стройки, скомандуют: «На войну» — идут на войну. Да и то, это в том СССР, про который он в школе на уроках истории слышал. Этот-то не такой, другой мир все-таки. Здешних попробуй заставь... Кто заставляет Зою заниматься химией и радио? Кто заставил Славу из губоно проектировать свои космические корабли? Никто. Получается, что в этом СССР — тоже свободные люди? Поэтому он так легко вписывается в здешнюю среду? Так, что ли? Тогда почему то, во что верят все здесь, кажется ему смешным? И почему... Почему иногда он сам верит, что нужно работать, трудиться на благо страны? Может, он из толпы не хочет выделяться? Дома — не выделялся, здесь — не выделяется... Да, совсем, в неприметном джинсовом костюме и с наполеоновскими планами чернильного производства.

Так что же происходит?

Как будто околдовал кто... Околдовал?! Алена?!

Алена...

Деревенская колдунья в красном бикини подошла к кровати. Улыбнулась, погладила Сергея по руке, наклонилась, чтобы

поцеловать... И впилась острыми зубами в пальцы!

Сергей подскочил, проснувшись. Никакой Алены, только болит укушенный палец... а нет, не укушенный, обожженный упавшим окурком. Так, спать с непотушенной папиросой опасно. Ложись и спи, завтра разберемся, кто тут кого околдовал.

* * *

— Дядя Анисим! — Сергей обнял Никитича.

— Сярежа! Ты что это с собой сделал? Стрижанный, бритый, тосций! Девцонку, цто ли, завел?

— Завел, завел, — сдала Сергея тетя Таня. — Нядавно приезжал с ней на самокате.

— А как же Алена? — хлопнул парня по плечу Никитич. — Забыл уже? С глаз долой — из сердца вон?

Настроение Вышинского упало. Он доволен, счастлив, а Алена неизвестно где, но, скорее всего, в неких мрачных застенках. Ну и скотина же ты, Сергей Аркадьевич...

Слабый голосок разума, пицавший, что сделать все равно ничего нельзя, что, строго говоря, Алена ему никто — ни родственница, ни любовница, что нарываться на чекистов, а уж тем более на таинственного Вацетиса просто глупо, был задавлен мгновенно.

— Цто загрустил? Закружил девцонке голову, а теперь пецалисься?

— Да не в этом дело, дядя Анисим... Я ж ей никак не помог. И что теперь делать, не знаю.

— Так а цего помогать-то? С ней все в порядке.

— Приехала?!

Неужели отпустили?! Все-таки здешние большевики полиберальнее наших...

— Да нет. Письмо прислала.

Радость погасла. Сергей мог навскидку придумать с полдесятка способов заставить человека написать, что у него все хорошо.

— Вот, — полез в сумку Никитич, — дяржи.

— Что это? — глупо спросил Сергей, взяв помятый листок бумаги в крупную клетку.

— Так письмо. Тябе.

— От Алены?

— А то от кого жа?

Сергей пробежал глазами коротенькое послание. Крупными аккуратными буквами (Сергей подумал, что Алениного почерка не знает и все равно не скажет, кто это нацарапал) было написано, что у нее все в порядке и пусть Сергей не беспокоится, не так все оказалось плохо, как она думала, очень даже интересно. Так что если вдруг Вацетис или кто из его людей придет за книгой, то он, Сергей, может ее отдать.

За книгой, значит... Сергей задумался.

Тем временем дядя Анисим, поболтав немного с тетей Таней, собрался в город «по дядам». Обещал зайти днем. С Сергеем они распрощались, так как Вышинский планировал пройти рейдом по песковским оккультистам и вернуться разве что поздно вечером.

Он бы и с утра ушел, просто дожидался Никитича. Не для важного дела. Просто так, поговорить, поприветствовать. С людьми нужно общаться не только тогда, когда тебе от них что-то нужно.

В комнате Сергей достал котомку и извлек из нее Аленину книгу. Что за сыр-бор из-за нее?

Попытался было сверить почерк в книге и в записке, но тут же понял, что в книге нет ни одной человеческой буквы. Бесполезно. Ну и на кой она Вацетису? Кем бы тот ни был?

По примеру Скарлетт подумаем об этом завтра. Сергей убрал книгу в котомку, решив, что ее нужно спрятать понадежнее. Раз Вацетис до сих пор хочет ее получить, значит, может попытаться и украсть. Кто его знает, вдруг он выпытал у Алены способ взять книгу без разрешения владельца.

Сергей затолкал котомку обратно под кровать, выпрямился и вздохнул. Впереди у него — поиски артефакта, обустройство чернильной мастерской, а теперь еще и гнетущие мысли о том, как помочь Алене и что делать с книгой.

* * *

К концу воскресенья Сергей обошел всех наличных оккультистов города Пескова и понял несколько важных вещей.

Во-первых, то, что святая инквизиция, при всех перегибах, в чем-то была права. Имелись среди ведьмо-колдовской братии индивидуумы, для которых костер — самое место. Такая кровожадность проснулась в Сергее еще на третьем опрашиваемом. Хотя все общение проходило как под копирку.

Сначала Сергей уточнял, действительно ли перед ним — практикующий оккультист, потом отказывался от общения с духами, задавал вопрос о возможном местонахождении артефакта, отказывался от общения с демонами, задавал вопрос повторно, отказывался от общения, уточнял, понял ли товарищ оккультист вопрос, отказывался от общения, объяснял, что духи его не интересуют в принципе, объяснял, что с демонами та же история, объяснял, что он в своем уме, уточнял у оппонента, знает ли тот сам, в чем разница между медиумом и оккультистом, после чего разговор переходил на повышенные тона.

И так — пять раз.

У первого оккультиста Сергей из любопытства согласился на предложение вызвать духа, чтобы уточнить местонахождение артефакта. Оккультист сразу оживился, четко назвал цену, прочитал краткую, судя по механическому тону произнесения, вызубренную инструкцию. Завел Сергея в комнатку, в точности похожую на типичное обиталище коммерческой ведьмы — черные стены, черное покрывало на столе, хрустальный шар, горящие свечи. Не хватало разве что ароматических палочек и таинственной музыки из скрытых колонок.

Оккультист предложил выбрать, какого именно духа вызывать, чтобы узнать об артефакте. Логичное предложение Сергея вызвать дух мастера, изготовившего проклятую штуку, оккультист отклонил, объяснив, что он должен знать того, кого вызывает. После чего решил вызвать Наполеона. На вопрос Сергея, когда оккультист успел познакомиться с Наполеоном, последовал ответ, что он известный человек.

Ну-ну.

Пришедший на вызов дух Наполеона, вселившийся в оккультиста, начал отвечать на вопросы Сергея почему-то на чисто русском, да еще и с ощутимым песковским «яканьем» в особо сложных словах. Сергея подмывало спросить что-нибудь из биографии самого императора, но, к сожалению, он и сам историю Наполеона помнил нечетко и поймать его на противоречиях не смог бы. Впрочем, император тут же запоролся на элементарном вопросе о годе рождения Вышинского. «Наполеон» в лице оккультиста уверенно ответил: «Девятисотый», после чего начал что-то плести о темном и сыром подвале, в котором на третьей полочке снизу и лежит искомое... Сергею, который прекрасно помнил как собственный год рождения, так и невзначай заданный

окультистом вопрос о возрасте клиента, уже все было ясно.

В итоге, выходя от последнего, Сергей пришел к выводу, что вся сегодняшняя братия была из многочисленного рода магистров черная, белая и серая в лиловую полосу магии, потомственных ведьм, славянских колдунов и православных шаманов. Даже их рекламные приветствия походили как две капли воды друг на друга и на объявления двадцать первого века из раздела бесплатных объявлений «Мистика».

О настоящей магии и волшебстве они знали еще меньше, чем Сергей.

* * *

Выбросив из головы мошенников и шарлатанов, Сергей решил обдумать одну идейку, к магии отношения не имеющую.

Для полноценной ее реализации нужно было взаимодействие с губоновским Славой, как единственным известным Сергею человеком, увлекающимся изобретательством.

Сергея, как вы уже знаете, основательно достали здешние письменные принадлежности. Стальные перья, которые нужно поминутно макать в чернильницу и которые оставляют замечательные кляксы. К карандашам в принципе не было претензий, они не отличались от современных собратьев, за исключением того, что имели обыкновение распадаться на две половинки. И кроме того, имелись химические карандаши, которые сухими писали как обычные, а смоченными — толстыми чернильными линиями.

Сергей тихо мечтал об обычных шариковых ручках. Пусть они текут и мажут, только чтобы без чернильницы! К сожалению, точную схему Сергей не помнил. Общая же идея, как выяснилось из разговора со Славой, обладала массой недостатков.

Сергей задумался о простой вещи: людей, которые знают, как сделать правильную шариковую ручку без недостатков, здесь нет, сам он не может «изобрести» ручку, так как тоже не знает этого наверняка.

Однако почему он не может просто изобрести ее? Без кавычек?

В самом деле, он точно знает, что нормальная шариковая ручка возможна. Значит, есть какой-то нюанс, который придумали и внедрили в мире Сергея после двадцать пятого года. Значит, если

как следует подумать, то он может сам найти этот самый нюанс. Вдвоем со Славой. Что тот еще говорил? Как собирать пишущие узлы? Придумаем! Как делать маленькие шарики? Сообразим! Состав чернил? Есть замечательный специалист, Виктор Алексеевич, он подскажет.

Так что мешает изобрести эту проклятую ручку? Не скопировать идею, не выдать изобретение за свое.

Изобрести. Самому.

Почему бы и нет?

Пусть первая шариковая ручка будет не американской, а советской. Чернильная фабрика — хороший подарок перед уходом, но изобретение ручки — гораздо лучше.

Кто запретит изобрести?

ЧК? НКВД? ОГПУ? Святая инквизиция?

Кстати, об инквизиции. Уж не расширяется ли ИИФ товарища Вацетиса, как «инквизиция». Скажем, интернациональная инквизиция Франции... Да нет, при чем тут Франция. Инквизиционный интернационал, филиал? Историческая инкви... Стоп.

Стоп!

Почему вдруг в памяти всплыл Вацетис? Из-за утреннего письма от Алены? Не-эт, он только что не вспоминал о нем, полностью увлеченный шариковыми ручками, и тут вдруг хлоп! Вацетис. Значит, что-то на улице натолкнуло на эту мысль...

Что-то...

Кто-то.

Сергей вспомнил четко и ясно: минуту назад по противоположной стороне улицы шел человек. Молодой человек. В белой рубашке и кепке. Таких много в городе, однако этот отличался. Рука прохожего висела на перевязи.

Сломанная рука. Сломанная Сергеем в короткой стычке во дворе Алены.

Только что мимо Сергея прошел один из подручных Вацетиса, Кот.

Вацетис в городе.

Сергей тяжело вздохнул, развернулся и отправился обратно к последнему оккультисту. Придется расширить список вопросов. Раз Вацетис в Пескове, он просто не мог не обойти всех, кто имеет мало-мальское отношение к потусторонним силам, чародейству и волшебству. Возможно, кто-то из местных колдунов сможет

подсказать Сергею, где Вацетис окопался. Тогда можно будет узнать, где Алена, и, если повезет, спасти ее.

Конечно, считать, что сможешь справиться с представителем ОГПУ (он же маг неизвестной силы) — большая самонадеянность, но Сергей чувствовал, что, если хотя бы не попытается выручить девчонку-колдунью, будет корить себя всю жизнь.

Хорошо еще, подумал он, что я попал не в наше прошлое. Ведь не вовремя проснувшаяся совесть обязательно заставила бы его тащиться к Сталину и предупреждать о грядущей войне. А наш Сталин — это вам не здешний, и прожил бы Сергей после разговора — вне зависимости от того, поверили бы ему или нет, — недолго и неприятно...

* * *

Утро понедельника для Сергея оказалось типичным утром понедельника. Даже несмотря на то, что вчера он не выпил ни капли.

До позднего вечера он обходил по второму кругу оккультистов, и все зазря. Ни один из них никогда не видел высокого латыша по фамилии Вацетис, не слышал о таком, и вообще никто к ним с дурацкими вопросами до Сергея не заявлялся. В итоге домой он пришел уже почти ночью, так что даже поесть сил не было.

Как Сергею хотелось утром поваляться подольше! А нельзя, именно сегодня нужно идти в губсовнархоз, регистрировать свою чернильную мастерскую, получать в аренду здание, принадлежавшее ранее погибшему брату одного из оккультистов. Сергей даже задумался, кто именно из вчерашних был братом, а потом вспомнил, что тот уехал из города.

Идти нужно именно с утра, иначе опоздаешь на заседание президиума и останешься без аренды еще как минимум на неделю. Плюс нужно будет пойти в военкомат и сняться с учета как эксплуататорскому элементу. Как оказалось, нэпманы, к коим присоединится Сергей после того, как станет владельцем мастерской, в армии не служат. Вернее, служат, но только там, где не дают оружие. Как в анекдоте: «Нэпманы — такие звери, им даже оружие не дают». Хотя, если отвлечься от стеба ради стеба, все правильно: для большевиков любой нэпман — потенциальный враг,

от которого не знаешь, чего ожидать.

Сергей подумал бы, что и сам оказывается таким врагом, но ему было некогда.

Регистрация новоиспеченного буржуа была осуществлена в рекордно короткие сроки. Сергей уже понял, что бюрократия и в Российской Федерации, и в СССР одинакова: те же долгие разбирательства и длинная цепочка прохождения документов. Причем все в строгом соответствии с законами: сказано, что регистрация осуществляется в срок не более недели, значит, ровно неделю тебя и будут регистрировать. И не скажешь, что это можно было бы сделать за полчаса.

Однако, и в этом было отличие СССР от России, здесь для ускорения вращения бюрократических колес использовались не деньги, а указания ВКП(б). Резолюции товарища Шрама на бизнес-плане хватило.

Через пару часов Сергея внесли в реестр, и он успел к заседанию президиума со своей просьбой об аренде.

Еще через несколько часов, в основном убитых на общение с девушкой-делопроизводительницей, он получил на руки постановление губсовнархоза об аренде здания по улице Энгельса, 42. Сергей сложил его в картонную папку с тряпочными завязками, где уже хранился бизнес-план и справка о регистрации, и подумал, что он обрастает бумагами, как собака шерстью.

Выйдя из губсовнархоза, Сергей глубоко вздохнул, чувствуя себя вырвавшимся на свободу. Ждать он не любил в принципе, а попытка убить время ожидания разговором с девушкой утомила его больше, чем если бы он решил разгрузить пару вагонов. С бензолом.

Девушка была по-модному причесана, одета и покрашена и слегка напоминала Зою, что и привело Сергея к мысли пообщаться. Однако выяснилось, что Зоя — редкое исключение. Делопроизводительница Муся не интересовалась ни радио, ни химией, все ее мысли — все три — были об одежде, мужчинах и подругах. Через пять минут Сергей понял, что гламурные блондинки появились вовсе не под воздействием радиации Чернобыльской АЭС, а существовали искони.

Встряхнув головой, Сергей попытался выкинуть всю ту трескотню, что насыпала в уши говорливая Муся. По-прежнему слышалось: «Хи-хи, шикарно, блеск, Вава, Серж». Тьфу! К делу.

Итак, можно сделать следующее: пойти взглянуть на

свежеполученное здание, отправиться в губоно, заключить договор на поставки чернил и потом поговорить со Славой о возникшей идее усовершенствовать шариковую ручку, поехать на трамвае на вокзал и получить в распоряжение вагон с бензолом. Подумав, Сергей выбрал первое. В губоно он может застрять и ничего больше не успеет, на вокзале скажут забирать имущество, и куда его прикажете тащить?

Значит, на улицу Энгельса.

* * *

М-да-а-а...

Нет, конечно, Сергей не думал, что ему достанется шикарное (общение с Мусей заразно) помещение с кучей блестящих станков на белом кафельном полу. Однако ему представлялось что-то вроде краснокирпичного здания за бетонным забором. Действительность же больше соответствовала двадцать пятому году...

Первое, что увидел Сергей, — высокий забор, сколоченный из толстых серебристо-серых досок. Такие же мощные ворота, забитые наискосок доской и уже почти вросшие в землю. По крайней мере, траву, вымахавшую перед ними, уже можно косить на корм скоту. Рядом с воротами — калитка, запертая на огромный ржавый замок.

— Вот, значитца, ваша мастерская, господин товарищ. — Пойманный Сергеем сторож, по совместительству — местный дворник, почесал бороду.

По внешнему виду замка можно было понять, что сторож внутрь не заходил и ограничивался чисто визуальным присмотром.

— Этот замок хоть откроется?

— А как же, не извольте сумлеваться. — Дворник извлек из-под замызганного фартука связку ключей.

Замок не стал долго сопротивляться, крикнул, пискнул и открылся. Калитка приоткрылась и намертво уперлась в землю. Да... Владение...

— Вот этот, значитца, — дворник отцеплял от связки ключи, — от калитки. Вот этот... или этот? Нет, вот этот, да... Вот этот — от двери. Вот этот — от склада.

Сергей машинально принял ключи, оглядывая мастерскую.

Заросший высокой травой двор. Справа — забор, слева —

тот самый склад — высокий сарай с покрытой дранкой крышей. Прямо — мастерская...

Длинное одноэтажное здание. На высоком фундаменте. На крыше — та же дранка. Обитые узкой доской стены. Маленькие окошки.

В центре здания — высокое крыльцо, без навеса, ведущее к широкой двери, сбитой из широких досок, на железных завесах.

На двери — замок. На крыльце — куча дерьма. Судя по всему, человеческого.

Зашибись.

* * *

Сергей всунул мявшемуся и многозначительно гмыкающему дворнику рублевую бумажку. Мужик исчез так быстро, как будто был бесом на заутрене.

Вышинский, путаясь в траве, подошел к зданию и посмотрел на крыльцо. Вот тебе, Сергей Аркадьевич. Прежде чем начать работать, изволь засучить рукава и убрать нагаженное. Подчиненных у тебя пока нет.

В сарае-складе было пусто, как на новом кладбище. Просторное помещение, дощатые полы. Пустота. Разве что в дальнем углу стоят инструменты... Кстати!

Источенная ржавая коса, топор с почерневшим топорием, деревянные грабли... Вот! Лопата.

Сергей счистил с крыльца «украшение» и закопал. Тщательно отскоблил все следы. По ходу дела нашел еще признаки пребывания здесь посторонних личностей: под окнами у крыльца стояла лавка, вокруг которой была основательно вытоптана трава, валялись окурки и осколки бутылочного стекла.

Здорово. Тут еще и место тусовки здешних алкашей. Придется остаться вечером и популярно объяснить им, что ресторан «Чернильница» закрыт.

Сергей открыл замок и вошел внутрь своей — своей! — мастерской.

* * *

Внутри на самом деле было оборудование. Длинное помещение, вдоль стены — широкий деревянный стол, на нем —

установки, стеклянная посуда. Все покрыто толстым слоем пыли.

Сергей понял, что он даже примерно не представляет, что это и для чего служит. Нужно будет пригласить Виктора Алексеевича... Оформить его на работу... Найти еще работников... Сырье... Химикаты... Привезти бензол... Договориться с губоно... Привести двор в порядок...

Работы — непочатый край.

Отлично! Начнем!

* * *

Сергей собрал окурки и бутылки в рассохшееся деревянное ведро и выкинул их в мусорную яму на задворках улицы. Одолжил у соседей, с интересом присматривающихся к оживлению в заброшенной мастерской, точилку для косы. Выкосил двор и отнес траву в ту же яму. Скосил за мастерской крапиву, выросшую выше человеческого роста и чувствующую себя вольготно. Вымыл крыльцо, а заодно и окна снаружи и изнутри.

Двор приобрел деловой вид, и даже сама мастерская, казалось, подтянулась.

Сейчас ее хозяин, нэпман-эксплуататор, копал лопатой у калитки и ворот, чтобы они открывались на полный размах.

— Добрый день, Сергей Аркадьевич.

— Добрый день... — Сергей распрямился. — Александр Денисович.

Хорошо, что револьвер лежит в мастерской под курткой. Глаз у участкового наверняка наметан, и оружие он обнаружил бы мгновенно. И вообще...

— А что это вы здесь делаете? Ведь ваш участок...

— И здесь тоже. У нас в городе большие участки.

Ничего себе. Почти полгорода.

— А вот что вы здесь делаете, Сергей Аркадьевич?

— Да вот... Землю копаю...

— Неужели нанялись работником к владельцу мастерской?

— Просто, — Сергей оперся о лопату, — я сам владелец этой мастерской. Сегодня взял в аренду. Бумаги показать?

— Да нет, зачем же. Что же тогда сами копаете, работников не позовете?

Лицо участкового было серьезным, но в глазах явственно прятались смешинки, как будто в ситуации был скрытый юмор,

Сергею непонятный.

— Нет у меня работников. Некого мне эксплуатировать.

— Все сами собираетесь делать?

— Ну почему же. Потом найду, ну а пока нет — сам работаю.

— Ну что ж, дело нужное, хорошее. Не буду мешать. Только, Сергей Аркадьевич...

— Да? — Сергей начал копать дальше.

— Когда у вас работники появятся, вы уж тоже не бойтесь руки замарать. Приходилось мне видеть многих, из грязи да в князи, как говорится. Так они даже сапоги сами ленились надевать. Всего хорошего.

Сапоги самого участкового захрустели по дороге.

Да, чувствую, думал Сергей, налегая на лопату, что особо расслабиться мне не удастся. Тут столько дел, что вкалывать придется, как папе Карло...

— Здравствуйте.

Кто тут еще пожаловал?

Пожаловал к Сергею совершенно незнакомый мужичок: невысокий, в картузе с лаковым козырьком, ярко-красной рубаше, подпоясанной крученым шнуром. Сапоги незнакомца блистали как зеркало. Красная рубаша могла бы вызвать неприятные ассоциации с палачом, не будь мужичок таким щуплым и низкорослым. Борода торчала вперед острым пучком.

— Ой, — удивился мужичок, — это чаго это вы тут делаете?

— Да вот, — Сергей отставил лопату, с соседом нужно и познакомиться, — мастерскую открываю.

— Да ты что? Яе же уже вроде бы открывали?

— Да прежний хозяин куда-то делся, вот я теперь буду здесь работать.

— Работать? И чаго делать будяте?

— Чернила.

— Чарнила?! Ишь ты! И много?

— Весь город залью, — прихвастнул Сергей, уж очень колоритно удивлялся мужичок. — Будете чернильной столицей Рос... в смысле СССР.

— А хорошие хоть чарнила-то будут? — прищурился мужик.

— Лучше здешних. Анилиновые. Слыхал?

— Слыхал, отчаго ж не слышать... Так они дорогие, верно,

будут?

— Не дороже денег. А если по правде — в такую же цену, как и сейчас обычные, ализариновые, продаются.

— Да ты что! — Мужик хлопнул себя по коленям и пошел дальше по улице, покачивая головой и вслух удивляясь, чего только на белом свете не бывает и до чего, мол, техника дошла.

Сергей вернулся к работе. Если участковый настроение попортил, ищейка, то забавный мужичок поднял. Может, открыть при мастерской лавку, чернилами на разлив торговать? Хотя нет, не стоит. Грамотных в городе мало и в окрестностях их немного проживает, так что только лишняя должность и расход.

— Здравствуйте, — прозвенело за спиной.

Да дадут сегодня поработать или нет?! Сергей резко повернулся...

— Здравствуй, девочка.

Перед Сергеем стояла серьезная худенькая девочка лет десяти — двенадцати. Синее платье в белый горошек. Светлые волосы, заплетенные в жидкую косичку. Загорелые исцарапанные руки. Такие же ноги. И босиком.

— А я вас знаю, — заявила девочка, — это вы убили капитана Ждана. Вас приводила Екатерина Осиповна.

— Да, — кивнул Сергей.

Девочка находилась в таком странном возрасте, когда разговаривать с ней как с ребенком уже глупо, а как со взрослой — еще глупо.

— А что вы здесь у нас делаете? Строите чернильную фабрику?

— Да.

— Здесь уже один человек хотел делать чернила. Только его потом убили.

— Я знаю, — согласился Сергей. Утонул, убили... Слухи, сплетни...

— А можно я пока здесь с вами побуду?

— А где твои друзья, подруги? — Сергей обкопал ворота и теперь дергал створку, чтобы раскрыть пошире. Нет, надо еще подкопать...

— Ушли купаться. А я вам не буду мешать?

— Нет. — Единственный человек, который хотя бы поинтересовался.

Девочка постояла рядом:

— А меня зовут Лена.

— А меня — Сергей.

— Я знаю. А вы строите для себя или для людей?

Сергей задумался.

— А как узнать, для кого я строю?

Девочка подумала:

— Наверное, если вы строите для себя, то, когда надоест, сможете бросить. А если для других — то не сможете.

Интересное рассуждение... Тут уже задумался Сергей. Вот, скажем, завтра он найдет артефакт и сможет вернуться обратно. Он сразу перескочит в свой мир или сначала достроит мастерскую? Сейчас Сергей не мог ответить на этот вопрос.

— Не знаю.

— Жаль, — вздохнула Лена, — а то я не знаю, нэпман вы или нет.

— А если нэпман, тогда что?

Сергей наконец смог открыть ворота на полный размах и понес инструмент в сарай. Лена побежала следом.

— Тогда мне нельзя с вами разговаривать.

— Почему?

— С нэпманами, — наставительно разъяснила девочка, — общаются только развратные девушки.

— Скажи-ка мне, Лена, — решил уйти от скользкой темы Сергей, а то сейчас пойдут вопросы о том, есть ли у него девушка, а если есть, то кто и развратная ли она, — ты ведь здешняя? Не знаешь, кто здесь пакостничает?

Девочка смешно наморщила нос:

— Знаю. Это парни с кожаной. Мишка, Санька и их дружки. Они по ночам сюда лазают пить и курить.

— Часто?

— Часто. Почти каждую ночь.

Замечательно. Здесь, оказывается, устроили гульбище местные гопники. Да-а, без револьвера не разгонишь.

— А вам не нравится?

— Не нравится, конечно. Как думаешь, сегодня придут?

— Не знаю, — пожалала худенькими плечиками Лена. — Хотите, могу узнать?

— Да нет, — задумчиво произнес Сергей, — не надо.

Все равно уже собрался ночью дежурить.

* * *

Заснуть можно и сидя на табуретке у окна в заброшенной мастерской. Под вечер, когда солнце уже садилось, он закончил уборку территории, закрыл ворота и калитку и уселся внутри мастерской у окна. Положил перед собой револьвер, выкурил несколько папирос и сам не заметил, как уснул, положив голову на подоконник.

Разбудили его ночные гости.

Калитка распахнулась от молодецкого пинка. И ерунда, что открывалась она наружу.

— Да здесь открыто! — весело завопили на улице.

Сергей, потирая сонные глаза, взвел курок нагана и выглянул в окно.

В калитку входили темные тени. Луны не было, поэтому рассмотреть лучше не удалось. Даже подсчитать, то ли их там пять, то ли шесть.

Ночные незнакомцы по-хозяйски направились к тому месту, где стояла лавка.

— Эй, а кто нашу скамейку сломал?! Какая...

Сергей понял, что веселую гоп-компанию пора разгонять, пока они не приняли по несколько порций храбрости. Иначе оружия не испугаются, и придется стрелять на поражение. А тут и так участковый что-то вынюхивает. И разрешения на револьвер у Сергея нет.

Вышинский подходил к двери, когда во дворе послышалось:

— Смотрите, кого я нашел! Поиграемся?

Сердце Сергея екнуло. Сразу вспомнились парковая шпана, которую встретили они с Зоей. Это у библиотекарши есть пистолет, а вот у другой невезучей девушки его может не оказаться.

Сергей распахнул дверь. На него никто не обратил внимания. Компания стояла у калитки, веселым гоголом встречая своего товарища, затаскивающего в проем нечто маленькое, худенькое, отчаянно брыкающееся.

— Пус-ти! Пус... — Крик прервался задушенным мычанием.

— Поиграем? — спросил заводила и одним рывком задрал подол платья своей жертвы до самых плеч.

— Кто это тут на моих коронных землях? — рывкнул с крыльца Сергей.

«Игроки» замерли, жертва вырвалась и, поправляя очень

знакомое платье в горошек, бросилась к Сергею.

Лена?

Сергей почувствовал, что звереет. Мелькнула мысль расстрелять всех гопников, но не вовремя пробудился гуманизм. Они же ничего не сделали такого, что заслуживало бы смерти... Подумаешь, девчонка... Ты ее почти не знаешь... Не убыло бы с нее... Она же маленькая, полапали бы и отпустили... Не стали же насиловать...

— Ты еще кто такой? — Пьяная компания вспомнила, что они здесь короли.

— Хозяин, — спокойно ответил Сергей.

— Покойник... — охнул кто-то из хулиганов.

— Да не ври, ..., ...! Хозяин, ..., еще по весне утонул!

Мат прямо-таки резал уши. Неизвестно, что произошло бы потом, но тут один из парней завопил:

— Слышь, ..., ты, ..., девку, ..., отдай! ...!

Вот это Сергея разъярило окончательно. Он мог понять все: то, что парни пьяны, то, что они влезли в его мастерскую, наглое хамство, но только не домогательство маленькой девочки.

Глаза, казалось, заволокло темной пеленой. Когда Сергей очнулся, то уже стоял около парней, медленно поднимая наган.

— Ну ладно, ладно, чего ты кипятишься? — примирительно замахал ладонями один из хулиганов, самый трезвый, судя по голосу. Револьвера он не видел.

Сергей остановился, пытаясь успокоиться. Не стрелять же их, в самом деле? Но тут миротворец крикнул: «Бей!» — и в лицо Сергея полетел огромный кулак.

Спасло Вышинского только одно: пьяным всегда кажется, что они движутся неимоверно ловко и молниеносно.

Сергей отшатнулся, и удар кастетом прошел вскользь. Ослепил вспышкой боли и сбил на землю. Но не оглушил.

Сергей перекатился и вскочил на ноги резиновым мячиком, поводя стволом, готовый отразить нападение. Однако парни были просто пьяными раздолбаями: там, где дворовая шпана уже бросилась бы добивать упавшего ногами, они просто расхохотались, гордые своей силой и ловкостью.

Бах! Хохот прекратился, как выключенный. Парни поняли, что нарвались.

— Стоять! — хрипло выкрикнул Сергей. Хулиганы гурьбой рванулись к калитке.

Бах!

— Я сказал, стоять, а не бежать!

Щепки, отлетевшие от калитки, были очень убедительны: парни застыли.

— Запомните. — Сергей подковылял ближе — падение на землю растревожило колено, поврежденное еще белогвардейцами. — Это моя земля и я здесь хозяин! Если я хоть кого-нибудь еще увижу здесь, пристрелю! Ясно?

Сергей резко воткнул ствол в живот кастетоносителю и, когда тот скрючился, добавил рукояткой нагана по затылку.

— Ясно?

Сергей наклонился и поднял упавший кастет. Переложил наган в левую руку и надел увесистую железяку.

— Я. Не. Люблю. Кастеты.

Каблук резко ударил по руке лежащего, с хрустом ломая пальцы. Парень взвыл, одновременно взвыл и гуманизм, увещевая, что так с живыми людьми нельзя. Сергей не обратил внимания на вопли ни того ни другого: если бы ему повезло чуть меньше, хрустели бы его кости, причем черепа.

— Всем понятно?

Кастет врезался в живот следующему хулигану.

— Всем?

Удар.

— Все?

Удар.

— Ясно?

На ногах остался только «миротворец», скорее всего, вожак и заводила. А еще именно он привязался к Лене.

— Любитель девочек? — Сергей ткнул ему в нос ствол нагана, отвратительно пахнущий порохом и смертью.

— Мы же, — взвыл парень — ничего такого не хо...

Ударом кастета он сломал ему нос, рассек кожу и выбил часть зубов. Вожак упал в общую воющую кучу.

— Повторяю последний раз: увижу — пристрелю. Будете обижать девочек — пристрелю. Попробуете гадить исподтишка — пристрелю. Ясно?

Хулиганы стонали, обиженные тем, что сегодня не они избili кого-то, а их кто-то.

— Не слышу ответа!

Сергей выстрелил.

— Да! Да! Все, все! — завывала человеческая куча.

— Три секунды убратся отсюда. Раз, два...

Сергей чувствовал, что на самом деле застрелит их, если не успеют исчезнуть. Видимо, парни это тоже поняли. Ждать «три» они не стали.

Сергей посмотрел на качающуюся калитку, сплюнул и убрал револьвер. Руки тряслись, всего колотило, было такое мерзкое чувство, как будто он убрал еще одну кучу дерьма, причем голыми руками.

Жестокость не была свойственна Сергею, пришлось играть, изображать безжалостность, как бы противно это ни было.

Просто такие люди слов не понимают. Только силу.

Тьфу, мерзость!

Сергей повернулся к крыльцу:

— Лена! Ты где?

— Здесь. — Из дверей вышла девочка, с некоторым усилием тащившая короткий ломик.

* * *

— Оп-па... — Сергей сдвинул кепку на затылок. — Видимо, местное хулиганье хорошего обращения все же не понимает...

Прогнав вчера вечером гопников, Сергей подумал, что парни могут просто-напросто заявить на него в милицию. Он, конечно, от всего отопрется, но пристальное внимание ментов ему совершенно не нужно.

Девочка, бросив свое оружие у крыльца, рассказала ему, что им повезло наткнуться не просто на хулиганов, а на хулиганов идейных. Несколько местных парней образовали Общество городской шпаны, целью которого было хулиганство, приставание к девушкам и прочие «развлечения», у них даже был устав и церемония вступления. Брат Лены одно время связался с ними, но потом взялся за ум. Так вот, в «обществе» считалось недостойным настоящего шпанюка обращаться в милицию. Так что Сергей мог не бояться.

— Гопники гопниками, — пробормотал Сергей, — а церемонии — как у родовитого дворянства. Так, Лена! А как они тебя поймали?

— Э... — замялась девчонка. — На улице... схватили...

— Леночка, а что ты в темноте на улице делала?

— Ну... хотела посмотреть, кто здесь у тебя пьет...

— И зачем?

— Чтобы тебе рассказать.

— Спасибо, конечно, только я их сам сторожил. Но все равно, — Сергей погладил понурившуюся девчонку по голове, — спасибо.

Проводив Лену домой — та, по древнему обычаю всех девчонок, сказала маме, что заночует у подружки, — Сергей вернулся в мастерскую, где продолжил сторожить у окна. Пока не уснул.

Проснулся Сергей в неудобном положении — сидя на табурете, опустив голову на стол, на котором в художественном беспорядке лежали наган, трофейный кастет и стреляные гильзы.

Вышел на крыльцо, потянулся, запер дверь, прошел через калитку на улицу, повернулся...

Мать честная! Все ворота дегтем измазаны.

Интересно, что бы это могло означать? В деревнях ворота мазали дегтем у тех девушек, что девственности лишились. Вроде бы ничего такого у него вчера с хулиганами не было... Что они имели в виду?

Скорее всего, просто пакость, без особого смысла. А вот кто постарался? Наверяд ли тот, что с переломанными пальцами. А вот кто?

Сергей взглянул на землю у ворот. Следы сапог. Ни о чем не говорит: там все были в сапогах. Капли дегтя, капли крови... Крови? Ага!

Кровь могла течь только у жожака, у него нос был разбит.

Сергей простоял минут десять, глядя на ворота и собираясь с духом. Нужно идти искать жожака (Лена должна знать, где он живет), опять изображать крутого, бить. Противно. Легче крыльцо чистить.

Противно, но надо.

* * *

Откуда вообще такой хулиганский беспредел в СССР, думал Сергей, бредя по улице к дому жожака. Ладно еще в Российской Федерации, как сказал кто-то, высокий уровень преступности — та цена, которую общество платит за демократию. Но здесь, в СССР, стране по определению недемократической? Здесь за что платят все

те, кого достает шпана? За что вчера заплатила бы Лена, если бы он, Сергей, ночевал у тети Тани? За что заплатил бы он, не будь у него нагана? Получается — за либерализм здешних властей, а правильное сказать, за их прямое и преступное попустительство.

Вот тут и подумаешь, что Сталин нашего мира в чем-то был прав...

* * *

Сон пьяного крепок, но недолог.

— Доброе утро, — услышал Леха, вожак Общества городской шпаны, чей-то смутно знакомый голос.

Голова гудела от выпитой водки, да еще от оплеухи, полученной вчера от хозяина чернильной мастерской. Вот гад, кастетом ударил... Нечестно.

Леха открыл глаза. Потом закрыл, решив, что еще спит.

— Ты глазки-то открой, соколик. — Вот тут голос опознался отчетливо.

На кровати Лехи сидел незнакомый человек в синей одежде. Человек был незнаком, а вот наган, упирившийся в переносицу, — очень даже известен.

Леху пробил пот. Он вспомнил, как ночью хозяин мастерской обещал застрелить, а также как под утро ему, Лехе, пришла в пьяную голову отличная идея отомстить.

— Готов умереть? — Голос был холодным и жестким, как ствол нагана.

Жить с похмелья страшно. Но все равно хочется.

— Не убивай... — проскулил грозный хулиган, чувствуя, что может намочить кровать.

— Не могу. Обещал.

Леха с удовольствием забрал бы у незнакомца его обещание, но чувствовал, что его мнение в расчет не возьмут.

— Хотя... — задумался незнакомец, — не хочется мне возиться с воротами... Значит, так. Через час я приду к воротам и взгляну на них. Если при этом обнаружится хоть капля дегтя, можешь сразу бежать из города. Найду. Убью.

Леха понял, что пункт о несотрудничестве с милицией они в устав включили очень даже зря.

— Кстати, о милиции, — смертельно опасный незнакомец как будто прочитал мысли, — не вздумай туда ходить. Чревато. Ты

все понял?

— Д-да.

— Что ты должен сделать за час?

— От-тчистить в-ворота.

— Молодец.

Резкий удар — и нос, чудом сохранившийся вчера, оказался сломан.

Вожак, замычав, упал на кровать, чувствуя, что он весь мокрый, и искренне надеясь, что только от пота.

Синий незнакомец ушел, в коридоре вежливо попрощавшись с Лехиной мамой.

Леха, постанывая, ощупал лицо. Распухла щека, рассечена скула, полузаплыл глаз, разбита губа, шатаются несколько зубов. А теперь еще и нос сломан!

Вожак, утирая кровь, поднялся с кровати. Замер.

В комнату без стука вошел молодой человек в белой рубахе.

— Доброе утро, Алексей Варфоломеевич. Хотя вы со мной можете не согласиться.

— Вы кто? — взвизгнул окончательно деморализованный Леха, пытаясь вспомнить, кто еще может с утра пораньше предъявить ему претензии.

— Я из милиции, — широко улыбнулся молодой человек.

* * *

Часов в девять утра одного из извозчиков, ожидавших клиентов на Октябрьской площади, нанял на неопределенный промежуток времени молодой человек в синей, как показалось, брезентовой одежде и высоких шнурованных ботинках, неприятно напомнивших извозчику, семь лет назад побывавшему в Северной России, о Мудьюгском концлагере.

Парень сказал, что ему необходимо попасть в несколько различных мест, и обещал щедро заплатить. Извозчик думал, что ему повезло. Первые два часа.

Уйдя от запуганного жожака, Сергей добрался до тети Тани, получил от нее выволочку за то, что не ночует и не предупреждает об этом. Отказался от завтрака. Побрился, потому что планировал несколько официальных визитов, а щетина уже показалась на лице.

Сергей съездил к Виктору Алексеевичу, рассказал тому о мастерской, принял его на работу, поставил задачу — осмотреть

оборудование и оценить, хватит ли его, а также составить список необходимого.

От химика, сонного и озадаченного, Сергей отправился на железнодорожную станцию, где, потрясая резолюцией секретаря губкома, наложил свою лапу на вагон с бензолом. Бензол оказался бесцветной жидкостью в пятидесятилитровых стеклянных бутылках. Несмотря на то что бутылки были запечатаны сургучом, с десятков оказались пустыми. Сергей, которому теперь не надо было искать емкости под чернила, все равно устроил начальнику станции скандал, пока тот не пообещал дать грузчиков, чтобы разгрузить вагон.

Со станции будущий чернильный магнат поехал по городу в поисках частной грузоперевозки. Перетащить весь груз из вагона в мастерскую на извозчиках невозможно, тут и грузовик несколько рейсов сделает. Так, прикинем... Грузоподъемность местных грузовиков — полторы тонны, вес бензола — пять тонн... Ого! Четыре рейса.

Все перевозки в основном осуществлялись лошадьми, однако с третьей попытки грузовик — потрепанный, с огромной по сравнению с кузовом фанерной кабиной и некрашеными деревянными бортами — был найден. Сергей договорился, что через два часа грузовик подъедет к станции, и отправился к мастерской, посмотреть, что там надумал Виктор Алексеевич.

* * *

Ворота были отскоблены дожелта.

Слава богу, подумал Сергей, которому совсем не улыбалось искать жоака и убивать. Ну, может, не убивать, но пришлось бы прострелить ему ногу, чтобы тот наконец понял, что с ним не шутят.

Сергей вошел в калитку...

— Виктор Алексеевич! Вы что, с ума сошли?!

У крыльца стояла лавка, явно вытащенная из мастерской. На лавке находились: Виктор Алексеевич, бутылка водки «рыковки» и два стакана. Вернее, один, второй стакан, наполовину полный, находился в руке Лены, которая и осушила его на глазах Сергея лихим залпом.

Виктор Алексеевич недоуменно поднял брови, затем взглянул на Лену и расхохотался. Впрочем, смех тут же сменился

булькающим кашлем:

— Сергей Аркадьевич, да это всего лишь вода! Я захотел пить, а Леночка не нашла другой свободной посуды.

Химик поднял свой стакан и отпил маленький глоток.

Фу-ух...

— Что скажете про здешнее оборудование?

— Ну что я скажу...

Виктор Алексеевич достал блокнот.

В мультфильмах часто бывает такой эпизод: персонаж достает маленькую бумажку со списком требуемого, и бумажка тут же разворачивается в длиннющий свиток, увеличивая перечень до бесконечности. Химик, конечно, такой трюк не выкинул, но ассоциация по мере перечисления у Сергея была стойкая.

Прежний владелец мастерской был в своих планах поскромнее Сергея либо просто знал, где найти требуемые химикаты, поэтому, по словам химика, в мастерской отсутствовала часть оборудования, необходимая для нитрования бензола и получения собственно анилина. Благо хоть все остальное, вроде холодильника и дистиллятора, было установлено. Однако бензол и нитробензол — промежуточные перед получением анилина — оказались веществами ядовитыми, и для их получения требовалось установить дополнительные вытяжки.

Возможно, прежний владелец и знал, где достать анилин, однако применить свои знания на практике не успел: из всего, что требовалось для работы, Виктор Алексеевич нашел только несколько мешков поваренной соли.

Список химикатов был внушителен: сахар, уксус, соль, медный купорос, фенол, хлорное железо, метиловый спирт, соляная кислота, азотная, серная, железная стружка.

Сергей тоскливо посмотрел на химика. Каким простым все это казалось еще неделю назад...

— И еще, — вспомнил Виктор Алексеевич — к вам приходили несколько человек...

— Ко мне?

— Да, как к владельцу мастерской. Хотели устроиться на работу. Я сказал им, чтобы зашли завтра, к десяти утра. Я был прав? Или вы предпочитаете поспать?

— Правы, правы...

Химик казался каким-то подозрительно жизнерадостным. Не было в нем обычной беспросветной мрачности. Неужели на него

так девочка действовала?

— Виктор Алексеевич, вам интересно общаться с Леной? Все-таки она гораздо младше вас...

В последний момент Сергей прикусил язык, чтобы не оскорбить химика обвинениями в кое-каких наклонностях.

— Сергей Аркадьевич, у вас есть дети?

— Нет.

— У меня тоже нет. Уже. Поэтому вы моих чувств не поймете.

* * *

Остаток дня Сергей мотался по городу со списком Виктора Алексеевича. Тот не только составил перечень химикатов, но и указал количество и примерный адрес, где достать. Вот Сергей и ездил.

С завода «Металлист», где были заказаны вытяжки, на склады предпринимателя Рожковского за сахаром и уксусом. С кожевенного завода, где выпросил медный купорос и хлорное железо, в губздрав за карболкой (она же фенол). Из гаражей губисполкома, где стояло несколько бочек с метиловым спиртом, который использовали для заправки, — опять на «Металлист» за железной стружкой.

С одной стороны — все требуемые ингредиенты удалось заказать, купить, выпросить. С другой стороны — все добытое плюс заказанные вытяжки стоили ровно в три раза больше, чем осталось денег у Сергея.

Тупичок-с...

Сергей взглянул на часы. Если начальник Славы в губоно на месте, и если он заключит договор о закупке чернил, и если согласится выдать аванс — все в порядке. А вот если не срастется хотя бы одно «если»...

Что толку переживать? Не попробуешь — не узнаешь!

— В губоно, — толкнул Сергей в спину извозчика. Тот тяжело вздохнул.

* * *

Начальник подотдела снабжения Иванов Иван Абрамович удивительно напоминал Весельчака У из мультфильма: такой же

круглый, лысый, с очень-очень добрыми глазами и сладким голосом. В принципе он был совершенно не против закупить чернила, вот только... В потоке этих самых «только» Сергей тонул и захлебывался. С одной стороны, чернила губоно нужны для снабжения школ, с другой стороны, отдел может закупить их у других людей. С одной стороны, анилиновые лучше ализариновых, с другой стороны, не мешало бы посмотреть на образцы. С одной стороны, Сергей лично ему симпатичен, с другой стороны, он его совершенно не знает. С одной стороны, чернила купить можно, с другой стороны чернила купить нельзя. С одной стороны... С другой стороны... С одной... С другой...

— Иван Абрамович, — вклинился в поток причин Сергей, — я уже понял, что вы колеблетесь. Скажите, что могло бы повлиять на ваш выбор?

Начальник подотдела замялся так жеманно, что Сергей заподозрил, что он просто хочет взятку.

— Понимаете ли, Сергей Абрамович...

— Аркадьевич.

— Верно, Аркадьевич, так вот, видите ли, с одной стороны, предлагаемая вами цена нас устраивает, но с другой стороны, не могли бы вы снизить ее, скажем, копеек на пятьдесят?

— Иван Абрамович, а что вы скажете, если я снижу цену на двадцать копеек...

— Ну, видите ли...

— Но с каждого пузырька десять копеек я буду передавать лично вам.

— Вы что, мне взятку предлагаете? — ненатурально возмутился Иван Абрамович, понизив голос.

— Вы согласны?

Судя по глазам, в голове начальника подотдела сейчас быстро-быстро щелкал счетчик: тысяча сто семьдесят пять литров в месяц, одиннадцать тысяч семьсот пятьдесят флакончиков... Одна тысяча сто семьдесят пять рублей. В месяц. Ни за что, только за согласие. Или срок в случае, если вся эта афера раскроется.

В борьбе страха и жадности победила жадность.

* * *

Из губоно Сергей вышел с договором о поставке чернил в папке и чеком на две тысячи рублей в счет будущих поставок.

Личное обаяние Сергея и бутылка коньяка с надписью «Шустовъ» на поблекшей этикетке позволили выцыганить аванс в размере десяти процентов от месячного поступления товара.

Как с таким жуком работает Слава, не от мира сего товарищ, думал Сергей по дороге к банку... Стоп, к какому банку? Обналичить чек и всю ночь стеречь деньги? Глупо. Завтра. Заплатить за все, заказанное сегодня, выдать аванс Виктору Алексеевичу и, возможно, тем, кто наймется на работу завтра. А сегодня... Еще осталось обойти пять медиумов и одну гадалку Варвару, кажется, ту самую, которую тетя Софа обозвала сумасшедшей.

— Постой-ка, любезный. — Сергей тронул за плечо извозчика. — Поедем-ка вот по этому адресу...

Измученный извозчик послушно повернул лошадь.

* * *

Сергей проснулся рано утром. Лежа в постели, он вспоминал то, что успел сделать вчера, и составлял план действий на сегодня.

Попытка объехать медиумов закончилась на первом же визите: как оказалось, Сергей напутал в собственных записях и всех медиумов уже опросил под видом оккультистов. То-то они все собирались духов вызывать...

Так как Сергей всех оккультистов-медиумов обошел два раза: сначала с вопросами об артефакте, а потом — о Вацетисе, то, когда он пришел в третий раз к одному из них, тот чуть не начал креститься.

Итак, из составленного списка неопрошенными остались только один медиум, который, наоборот, оказался записан как оккультист, одна гадалка Варвара. Ее Сергей оставил напоследок.

Гадалки не оказалось дома. Сергей уже было собрался отправиться к медиуму, несмотря на усталость, однако извозчик взвыл и всеми богами сразу попросил отпустить душу на покаяние. Когда извозчик привез Сергея к дому и тот вышел из повозки, он исчез так быстро, как будто владел компьютерными спецэффектами.

На сегодня, значит, у нас в планах: обналичить чек, посмотреть, что там за народ собрался устраиваться на работу, дать денег Виктору Алексеевичу и отправить его за химикатами, пойти в гаражи, извиниться за вчерашнее, — он ведь пообещал прийти

после двух и забыл, — перевезти-таки бензол, сходить к Славе, поговорить насчет ручек, если останется время и если до вечера он со всем управится, найти медиума или гадалку, с кем повезет.

Насыщенный денек...

Ну а тогда чего лежишь? Встать!

Сергей вскочил и отправился умываться.

* * *

Плотно набитый кошелек приятно оттягивал карман. У пояса чувствовалась тяжесть револьвера, напоминающая о том, что с такими деньгами клювом щелкать не стоит.

В банке выдали две тысячи рублей бумажками по десять червонцев. Сергей осмотрел издали извозчиков, подумал, что накатался он вчера, и решил пройтись вдоль по Октябрьской.

Теплое солнышко, слегка прохладный ветерок... Цокот конских копыт, тарахтение автомобилей, звонки трамвая... Люди, люди, люди... Спешащие и степенно прогуливающиеся, старики с тросточками и снующие повсюду мальчишки... Блестящие хромовые сапоги начальников и смазанные дегтем стоптанные сапоги крестьян, лаковые туфельки девушек и белые парусиновые туфли юношей... Френчи, косоворотки, гимнастерки, платья, кожанки, кофточки, жакеты, юбки, джинсы, толстовки... Джинсы?!

Сергей резко обернулся. Нет, ему не показалось: мимо него, не торопясь и совершенно не скрываясь, прошел молодой парень в рубахе с широкими серо-белыми полосами, белой кепке и синих джинсах.

Откуда?

— Доброе утро, уважаемый, — проскрипело за спиной. Сергей резко обернулся. А, ну да, вот и ответ на вопрос о джинсах...

Старый портной Шумахер, который наверняка и был причиной распространения джинсов в городе, уцепился Сергею в рукав и завел под домовую арку:

— Отлично выглядите, товарищ Вышинский, прямо-таки цветете...

— Товарищ Шумахер. — Сергей осторожно отцепил его пальцы от своей куртки. — Вы решили мне это сообщить, полагая, что сам я не в курсе?

— Молодежь, молодежь... Все-то они торопятся, все-то они

спешат... Нет, чтобы поговорить со старым человеком, которому, может, не так и много осталось той жизни...

— Ближе к делу.

— Я слышал, вы решили осесть в Пескове и заняться мирным делом и, долго не раздумывая, отправились по пути Бессмертного?

— Кого?!

— Того самого товарища, который тоже планировал затопить город чернилами и, несмотря на свою фамилию, все-таки не смог вынырнуть из реки этой весной. Неужели вы не знаете о том, как он умер?

Вопрос Сергею не понравился. Судя по интонациям, предполагалось, что он знает не все.

— Допустим, знаю.

— Вы смелый человек, товарищ Вышинский. Очень смелый. Хотя не вас и не им пугать, учитывая ваш прежний род занятий и судьбу капитана Ждана... Да...

Старик Менахем явно намекал на то, что Сергей якобы был наемным убийцей.

— Товарищ Шумахер, вот знаете, ни на грош не поверю, что в это замечательное солнечное утро вы решили просто поговорить со мной о выбранном мною пути.

— Не просто. Не просто. Молодой человек... — Портной приблизился к Сергею и почти шептал. — В городе есть не только вы и не только Михаил Потапович. Здесь есть люди, которые тихомирно делают свой маленький гешефт. Этим людям совершенно ни к чему лишний шум, внимание милиции... Так вот, молодой человек, я вас попрошу, — «попрошу» было выделено, — не шуметь. Сделайте все тихо и аккуратно. А то ведь эти люди могут и огорчиться от того, что там, где все было гладко, теперь бродят мусора, или, как говорите вы, русские, не приведи господь, ОГПУ. Вы меня поняли?

Сергей пристально посмотрел в выцветшие глаза портного:

— Я не хочу шуметь. Я не хочу мешать. Я всего лишь хочу делать свое дело. Но если кто-то начнет мешать мне... Тогда я не гарантирую, что шума не будет. Но виноват в этом буду не я.

— Договорились. — Портной цепко пожал Сергею руку. — Я знал, что вы — человек разумный. Постарайтесь без шума.

Шумахер опасливо оглянулся, как волк, и, медленно шаркая туфлями, вышел из-под арки. Брюки все так же были заправлены в

носки.

Здорово, подумал Сергей, мне угрожают портные. А я даже не знаю, о чем шла речь. Или знаю? Подумай-ка ты, Сергей Аркадьевич, включи мозги. До того, как тебе по этим самым мозгам настучат, а не после. Шумахер не столько угрожал, сколько предупреждал. О чем? Я кому-то мешаю? Кому? Кому может помешать чернильное производство? Думай, Сергей, думай. Иначе вправду отправишься по пути Бессмертного, который, уже понятно, утонул вовсе не по собственной доброй воле...

* * *

К мастерской Сергей подошел без десяти десять, но около ворот уже терлось несколько молодых парней. Быстро разносятся слухи о новом месте работы...

— Вы ко мне? По поводу работы? — спросил он, с удивлением разглядев среди безработных давешнего вожака хулиганов Леху Мослатого с основательно побитой физиономией.

— Ну, если вы хозяин, то к вам, — спокойно ответил незнакомый парень.

— Я говорил, к десяти, — взглянул на часы Сергей, — поэтому через восемь минут можете заходить.

Серьезный и деловитый хозяин мастерской вошел в калитку и быстро и несолидно метнулся к сидевшему на лавочке химику:

— Виктор Алексеевич, забыл уточнить: сколько человек потребуется для мастерской?

— Если вы про рабочих, — открыл глаза гревшийся на солнце химик, — то... Дайте-ка подумать. Планируемые объемы производства — пятьдесят литров чернил в день, значит, метилфиолета потребуется... около двух с половиной литров. Двух человек хватит. Одного, — прикрыл он опять глаза, — желательно посильнее, памятуя о необходимости перетаскивания тяжестей.

Сергей вышел за калитку:

— Заходите по одному. А ты, — он ткнул пальцем в грудь хулигана, — можешь сразу идти, откуда пришел. Насколько я помню, у тебя есть работа на кожевенном.

— Нет, — вскинулся тезка, — меня выгнали вчера.

— У меня тоже не богадельня. Свободен.

Безработный хулиган — на что он, интересно, надеялся? — отошел подальше и заорал:

— Все равно прогоришь! Не так, так этак! И дружки из милиции не помогут-ут!

Некоторых людей нечто не учит.

Сергей отвернулся от вопящего тезки и указал на одного из парней:

— Заходи, поговорим.

* * *

— ...не думайте, я и тяжести таскать могу и там еще чего делать. Все, что скажете. Только возьмите, мне работа очень нужна. Пожалуйста...

Чем больше упрашивал парень, тем меньше Сергею хотелось его брать. То ли нотки профессионального попрошайки, которые явственно прорывались в голосе, то ли нагловатый, как тот ни старался прятать, тон. И вообще, от парня было неприятное впечатление, казалось, он напоминает кого-то... Кого-то неприятного, даже противного... Вот кого?

— ...а если кто скажет, что он: мол, лучше меня справится, то не слушайте. Болтать все любят, так и я могу...

«А ты попробуй «Мурку» сыграть!» — всплыло в голове Сергея. Точно! Вот кого напоминал парень всеми своими повадками — Промокашку из «Места встречи изменить нельзя». Хотя внешне совсем не похож. Уголовник? По поведению — мелкая шестерка и тем не менее... Зачем ему работа?

— С законом проблемы есть? — спросил Сергей в лоб.

— Какие проблемы? — неестественно возопил Промокашка. — Чист, как ангел...

Сергей завывания о праведности кандидата на слушал. Он думал.

Тысяча литров в месяц. Это только на нужды губоно. Умножим, скажем, на три, получим три тысячи. Шестьдесят тысяч рублей в месяц — оборот здешнего чернильного бизнеса. Даже если в чистую прибыль пойдет только рубль с флакончика, то в год, получается, здешние чернильщики имеют триста шестьдесят тысяч рублей. Вопрос: нужен ли им конкурент, да еще с чернилами лучшего качества? Ответ очевиден. А если весь чернильный бизнес здесь подгрел под себя один монополист...

Михаил Потапович? Уж не его ли имел в виду старик портной? Не об этом ли он говорил? Мол, будь осторожен, молодой

человек, идешь ты против того, кто уже одного закупал до смерти. Только не шуми... Видимо, не зря здешнее время напоминает ему девяностые. Как тогда решали проблемы ненужных конкурентов? То-то и оно... Об этом и говорил портной: будете разборки устраивать — не шумите, не палите контору, ментов приманите... Что у него за бизнес — неизвестно, но явно незаконный, и лишняя активность милиции не нужна совершенно.

Что будут делать неизвестные пока конкуренты? Будь Сергей просто Сярежей из деревни — скорее всего, пришли бы ребята с бейсбольными битами или чем там местный криминал балуется, с кастетами, что ли. Но тут помогла, во-первых, репутация Козьей Горы, как гнезда контрабандистов, во-вторых, репутация самого Сергея как возможного наемного убийцы. Пойти по стопам капитана Ждана не хочется никому. Что бы в таком случае сделал сам Сергей? Да то же, что решили, судя по всему, сделать черныльщики, — собрать информацию. А что нужно для этого? Правильно, свой человек. И вынюхает все, что нужно, и диверсию проведет в случае нужды.

Вот он, «свой человек», напротив сидит, разливается о своей нужности и необходимости. Вовремя ты, Сергей Аркадьевич, опомнился. Теперь придется в оба смотреть, прежде чем взять кого-то. В особенности если тот сам пришел.

Первой мыслью было прогнать к чертям всех, кто стоял у калитки. Второй — не пороть горячку...

С такой паранойей работа так и не начнется.

Взять кого-нибудь из оставшихся, узнать, кто они и откуда, а потом, не торопясь, проверить, что за люди и можно ли им доверять. Вот только Промокашку брать не стоит: у него на лбу три класса и две ходки написаны.

— Спасибо, — сказал Сергей, — но вы мне не подходите. До свидания.

— Это чего это я не подхожу?! Это чем это моя морда тебе не понравилась?! Да я...

— Фраеров, — встал Сергей, — ищи в зеркале.

Парень запнулся и попятился:

— А это... А ты это... Иван, что ли?

— Вон.

Безработный выкатился за дверь. Сергей вышел из маленького закутка, спешно оборудованного под кабинет: стол и две табуретки.

На улице дожидались еще четверо. Кто из них второй шпион конкурентов?

Сергей обвел их взглядом и выбрал двоих.

Спокойный парень в выцветшей гимнастерке. Высокий, крупный, судя по всему — очень сильный. И при этом не похож на тупого бычка. Скорее, если брать животные сравнения, — на коня-тяжеловоза.

И второй — молодой парень в белой рубашке. Уж очень улыбка открытая.

* * *

Ближе к концу дня Сергей понял, что совершенно не представляет, какой сегодня день. Среда? Четверг? Пятница? Столько событий произошло за последние дни, сколько за средний месяц прежней жизни не было.

После того как рабочий состав чернильной мастерской увеличился на двух рабочих (и неизвестное количество шпионов, Сергей и Виктор Алексеевич заперли дверь и разошлись в разные стороны: Сергей — в гаражи за грузовиком, химик — по списку выкупать химикаты. Сергей вручил ему часть аванса губоно и сказал не скупиться в разумных пределах.

В гараже Сергея уже ждали. Он сел в грузовик и поехал. Ну как поехал, сначала выделенный водитель долго и остервенело заставлял свою чудо-машину двигаться с помощью «кривого стартера».

Трясаясь по булыжникам на жестком сиденье (как водитель вообще на нем сидит целый день?), Сергей, пользуясь свободной минуткой, размышлял о свалившейся проблеме.

О нововозникшем противнике.

Что Сергей знает о конкуренте? Ответ: ничего. Что нужно сделать? Узнать. В отличие от бестолкового «сяктанта», конкурент уже собирает информацию и даже засылает шпионов. Значит, нужно тоже искать данные.

Кто стоит за местными чернильными кустарями? У кого бы узнать... Стоп. Губоно. Ведь закупали же они чернила у кого-то раньше. Пусть весельчак Абрамович этого не знает, он недавно пришел на должность, но должен же Слава, пусть он и немного отстранен от окружающей действительности, знать такие вещи. Итак, первое: спросить у Славы все, что он знает по этому вопросу.

Благо есть повод поговорить: шариковая ручка. Решено. Начнем войну с разведки.

Правда, так можно доразведываться до пули в спину, но это навряд ли. Все-таки даже беспредельщики должны начать с разговора. Пусть даже в виде относительно вежливого или откровенного наезда. Вот такой разговор и будет точкой отсчета, после которой придется оглядываться.

* * *

Бутыли с бензолом на станции в грузовик закинули грузчики. В мастерской Сергей распорядился, чтобы выгрузку производили подчиненные. Полюбовался, как ребята таскают бутылки в подвал, — химик обнаружил под мастерской приличных размеров подполье и сказал, что бензол нужно хранить там, — погордился собой как начальником, который теперь может приказать и его послушаются. Минуту погордился и отправился помогать таскать бутылки. Видимо, из Сергея получился плохой начальник...

Под вечер, когда только-только подъехала последняя партия, вернулся химик на извозчике, вернее, ломовике — крупной телеге, заставленной пакетами, мешками и бутылками, обернутыми всякими тряпками. Пришлось выгружать еще и их.

Виктор Алексеевич хмуро проворчал, что привез все, вот только сталь и железо — не одно и то же, поэтому завтра нужно будет сделать еще один рейс. Спросил, какие будут указания на остаток дня.

Вытяжки еще не было, химикаты тоже не все, поэтому Сергей махнул рукой и отпустил всех по домам. Сам отправился в губоно, надеясь все же застать там Славу.

* * *

Бог сегодня был на стороне Сергея, поэтому он успел перехватить рыжего на крыльце, с которого тот спускался вместе с сестрой.

— Привет, Слава. Добрый вечер, Катя.

— Привет. — Слава искренне обрадовался, видимо, как единственному человеку, заинтересовавшемуся его проектами.

— Добрый вечер. — А вот комсомолка Катя почему-то была не очень довольна. У нее на лице появилось такое странное

выражение, как будто она не знает, улыбнуться ей или скорчить рожу.

— Вы, наверное, домой идете? — Сергей решил быть вежливым, хотя сердце кольнуло.

Так, герой-любовник! Ты решил запудрить мозги всем встречным девушкам? Алена, Зоя, Лена, Катя... Мало? Катя — комсомолка, то есть девушка, которой положено быть приличной и не бросаться на шею каждому красавчику. В особенности если он далеко не красавчик.

Они пошли втроем по улице. Слава, не задумываясь, взял сестру за руку, та, помедлив, протянула вторую руку Сергею. Он осторожно взял ее пальцы в ладонь.

Сергей, ты чего? С Зоей ты так не терялся! Прекращай!

— Сергей, — разговор начал Слава, не обративший внимания на скованность сестры и нового знакомого, — ты, наверное, что-то хотел спросить?

— Нет, — спохватился Сергей, — предложить. Слава, помнишь, мы говорили о шариковых ручках?

— Ну... да.

— Давай вместе придумаем, как сделать рабочую модель. Что, ты говорил, для этого нужно? Изготовить маленькие шарики, разработать конструкцию пишущего узла, состав чернил... Что еще? Как сделать так, чтобы чернила поступали к шарiku всегда, а не только когда ручка вертикальна?

— Погоди, погоди, — махнул рукой Слава, — ты думаешь, мы сможем это сделать?

— Слава...

— Да, — перебила Катя, — Слава, ты хочешь придумать космические корабли и автоматы. Неужели ты не сможешь изобрести какую-то ручку для письма?

— Катя, ее не могут придумать тысячи людей вот уже несколько десятков лет.

— Так почему бы тебе не попробовать?

— Потому что чем проще вещь, тем сложнее ее придумать.

— Так ты что — отказываешься? Ты stryсил? Ты комсомолец или кто?

— Я комсомолец! — вспыхнул Слава.

— Слава, — мягко сказал Сергей, побоявшись, что еще немного и ему достанется от обоих родственников, — комсомолец не должен бояться трудностей. Любых трудностей. Смелость — она

не только в том, чтобы с винтовкой выскочить из окопа. Она и в том, чтобы взяться за то, обо что обломали зубы тысячи людей. Взяться и сделать.

— А ты, Сергей, — Катя, похоже, была просто не в настроении, — не можешь судить о том, каким быть комсомольцу. Ты не в комсомоле!

— Правда? Тогда почему я не боюсь браться за трудные задачи?

— Слава тоже не боится!

— Погодите, погодите... — Судя по лицу, Слава уже переключился из режима «да ну, не стоит и браться» в «интересно, как это можно сделать». — Шарик, узел, чернила. Вот! Вот три ключевые задачи! Решим их — сделаем ручку! Нельзя стать изобретателем, сразу придумав что-то великое! Эдисон тоже начал с булавки!

Слава и Сергей пожали друг другу руки.

— Только, — замялся Слава, — я не знаю, как разработать состав чернил. В химии я не настолько силен...

— Ничего, — подумал Сергей о Викторе Алексеевиче, — у меня есть один знакомый химик...

— Зоя Морозова? — ехидно спросила Катя.

Сергею на мгновение показалось, что в голосе Кати мелькнула ревность.

— Катя, — улыбнулся он, — я открываю чернильную мастерскую. Наверное, у меня есть настоящий химик.

Катя надулась и замолчала. Что с ней такое творится?

Когда они подошли к дому, судя по виду, общечитию, Слава, весь остаток дороги размахивающий руками и без умолку разговаривавший сам с собой, вошел внутрь. Сергей и Катя остановились.

— Катя, скажите, — начал Сергей, взяв девушку за руку, — что с вами? Мне казалось, вы ко мне неплохо относитесь...

— А мне казалось, — резко вырвала руку Катя, — что вы — настоящий герой, человек нового времени. Схватка с белогвардейцами, капитан Ждан... Как вы говорили в классе перед детьми! Вам верить хотелось! Понимаете, верить! А теперь что? Чернильная мастерская? Вы банальный охотник за наживой, капиталист.

— Погодите. — Сергей был уязвлен, хотя что плохого в охоте за деньгами? — Я ведь не на бирже спекулирую и не из

воздуха деньги делаю. В городе нет нормальных чернил, заработает моя мастерская — и они появятся. Не пить же я их буду, в конце концов! Для людей ведь!

— Деньги портят людей, — уверенно сказала Катя. — Там, где человек получает их, не прилагая собственных усилий, там он будет превращаться в эксплуататора.

— Не прилагая?!

— Вот скажите, — прищурилась Катя, — сможет мастерская работать без вас?

— Нет, — уверенно произнес Сергей, — если бы не я, она так и гнила бы без дела.

Катя помолчала немного:

— Не буду спорить. Я даже разговаривать не стала бы с вами, если бы не Лена...

— А что Лена?

— Вы спасли ее от этого зверья.

— Так сделал бы любой.

— Не любой... — вздохнула девушка, — далеко не любой...

— Катя... — робко дотронулся до ее руки Сергей, — давайте останемся друзьями. Мне не хотелось бы, чтобы на меня была обижена...

Он хотел добавить «такая очаровательная девушка», но не стал. Слова показались Сергею банальными и пустыми.

Катя ничего не ответила. Но руку пожала.

* * *

Сергей шел к последнему медиуму и размышлял, сколько правды в том, что сказала гадалка, от которой он только что вышел.

После того как Сергей расстался с рыжеволосой комсомолкой, он отправился к колдунье. Ему нужно было пройтись и привести мысли в порядок.

Мысли не собрались, а гадалка все только запутала. Раскинула картишки и сообщила Сергею, что ждет его впереди казенный дом и дальняя дорога, на душе у него — тяжелые думы, а сердце занято рыжеволосой красоткой. И успокоится это самое сердце большой-пребольшой потерей.

Вот и пойми. То ли правда, то ли обычная пыль в глаза...

Сергей поднялся по крутой скрипучей лестнице и нажал на кнопку звонка. Еще раз нажал. Потом просто постучал кулаком по

рассохшейся филенке.

Дверь раскрылась. В проеме стоял невысокий человек. Но круглый, и это не жир. Не человек, а шарик мускулов. Блестящая лысина и заливчатски закрученные усы. Прямо Пуаро из сериала.

— Вам кого? — спросил Пуаро.

— Добрый вечер. Меня зовут Сергей Вышинский. Скажите, не вы ли будете Камов Макар Сидорович?

— Ну я.

— Мне рекомендовали вас как медиума...

— Проходи.

* * *

— Значит, предмет ищешь... — задумчиво потер подбородок Макар Сидорович, когда Сергей изложил суть своих поисков.

— Или людей, которые знают, где его найти или как его сделать.

— Во времени, значит, хочешь путешествовать...

— Мне нужно.

— Ладно, не объясняй, — хотя Сергей ничего объяснять не собирался, — дай-ка подумать...

Оба закурили. Сергей облокотился о кухонный стол, медиум откинулся на стену, прикрыл глаза и выпустил струю дыма в потолок.

— Интересную ты вещь ищешь... — не открывая глаз, произнес он. — Таких уже сотни лет никто не делает... Вернее, я о таком не слышал. Ни от людей, ни от духов.

— Так ты что, правда с духами общаешься?! — вырвалось у Сергея.

— Успел с другими медиумами пообщаться? Они все мошенники, я один в этом городе и вправду что-то умею...

— Знаешь, они все так говорили.

— Говорят все... А с духами — только я...

— Чем докажешь?

— У тебя в кармане кошелек. Из свиной кожи, светлый, с застёжкой-кнопкой. Внутри — крупная сумма денег.

— Это тебе духи сказали? — недоверчиво спросил Сергей.

— Нет. — Камов открыл глаза и улыбнулся. — Это я сегодня в банке был, когда ты деньги получал. Позади тебя в очереди стоял, через три человека.

Вот гад.

— А если серьезно?

— А что тебе серьезно?

— Ну вот скажи про меня что-нибудь?

— Револьвер у тебя за поясом, справа...

— Духи?

— Нет, пятнадцать лет в полиции. Это я сейчас носки из собачьей шерсти на продажу вяжу.

— Да ну тебя. Давай серьезно.

— Сам я, — опять закрыл глаза медиум, — без духов мало что вижу... Ну лет тебе двадцать пять, родом из большого города... Про секту врешь...

— Ладно, хватит пока. Макар Сидорович, про мои поиски что-нибудь можешь сказать? У духов своих спросить?

— Могу. Тебе как: ответ важнее или чтобы я тут с бубном попрыгал?

— Ответ.

— Тогда приходи завтра. Я сегодня с духами пообщаюсь, они скажут, где твою пропажу искать... Или тех, кто такие вещи делает...

— Так ты же сказал, что никто не делает?

— Я сказал, что не слышал. Не слышал, потому что не спрашивал... А теперь спрошу... Что-нибудь услышу...

Голос Камова плыл, хотя от короткой трубки, которую он курил, пахло обычным табаком.

* * *

— Еще вопросик, — у самых дверей вспомнил Сергей, — уже не к духам, а к тебе. К тебе никогда не заходил такой человек: высокий латыш, волосы светлые, глаза бесцветные, одет...

— Товарищ Вацетис, что ли? — усмехнулся Камов.

Сергей замер в неловкой позе:

— Как ты сказал?

— А что такого? Товарищ Вацетис. Он и до тебя добрался?

Сергей развернулся и потащил Камова на кухню:

— Рассказывай.

— Что тут рассказывать? Пришел он ко мне однажды, хотел поговорить о моем умении духов вызывать. Видимо, кто-то так же, как и тебе, рассказал про мои попытки стать медиумом. Духов-то

вызывать я умею, но не Пушкина и Наполеона, а клиентам только таких подавай. А что Вацетис? Пообщались, поговорили. Не захотел я ему ничего рассказывать. Вот тебе захотел, а ему нет. Не понравился он мне. Я сначала дураком прикинулся: мол, не ведаю, не разумею, а когда понял, что не отвяжется, просто сказал, что я бывший полицейский. То ли он нас не любит, то ли решил, что полицейский с духами связан быть не может. Отстал.

— Постой, а ему что, можно соврать?

— А чего ж нельзя? А, ты в смысле, есть ли у него какие-то колдовские умения? Нет, он всего лишь человек, никакой не колдун.

Сергей глубоко вздохнул. Все-таки, когда узнаешь, что твой вероятный противник не черный маг, это как-то успокаивает.

— А откуда же у полицейского связь с духами?

— У полицейского может быть дедушка-шаман.

— Интересно... Где Песков и где шаманы. Они же в основном в Сибири.

— Так а я, по-твоему, откуда? Город Красноярск, сыскная полиция.

— Не похож ты на сибиряка. Говоришь как-то...

— И откуда ж тебе знат, как настоящие сибиряки, однако, разговариват? — усмехнулся Камов.

— Ну понятно... Послушай, а ты у своих духов не можешь узнать, что за человек Вацетис, где его искать и все такое?

— А тебе зачем?

Сергей помолчал. Закурил:

— Да одну девушку он похитил...

— Прямо Кошей, — хихикнул Камов.

— В общем, хочу ее обратно вернуть.

— Твоя, что ли?

— Нет. Просто... знакомая...

— Ну-ну. Нет, не скажут духи ничего.

— Почему.

— Потому что Вацетис хоть и человек, да непростой. Знает он и умеет.

— Что знает?

— Что надо, то и знает. Слышал такое слово «дока»?

Слово вызвало ассоциации с пиццей, но навряд ли имелось в виду именно это.

— Нет.

— Вот он и есть что-то вроде доки. Колдуну с ним опасно связываться, а для человека он не страшнее обычного человека.

— А ты не знаешь, где его найти можно?

Камов задумался:

— Он сейчас в городе... Это точно. А вот где живет... Не скажу.

Черт!

— Накурили-то, наку... — Вошедшая в кухню тетка уже настроилась было на скандал, но увидела Камова, осеклась и резко вышла.

— Уважают тебя соседки, — кивнул Сергей в сторону двери.

— Ага, уважают... Это она после того, как я ей волчью морду показал.

— В смысле козью?

— В смысле волчью.

— Это как?

— Вот так.

В следующую секунду Сергей понял, что лежит на полу у кухонной плиты, мелко трясется, и все волосы на теле стоят дыбом. Подбородок чесался, видимо, отсутствующая борода тоже хотела принять участие.

После слов «вот так» лицо Камова, обычное лицо немолодого человека с забавными усиками, на мгновение превратилось в жуткую оскаленную морду кошмарного чудовища. Может, и волка...

— Предупреждать надо...

— Да ладно. У нас так знающие бабки любят молодежь пугать. Вставай.

Камов протянул руку. Обычную, человеческую, но Сергей не сразу убедил себя, что морда была только иллюзией.

— Ладно тебе, не бойсь. — Камов рывком поднял Сергея на ноги. — Ну извини, не подумал. Хотя ты еще хорошо держишься, другие, бывало, и штаны пачкали.

— Спасибо тебе, добрый дяденька. Низкий поклон до земли...

Камов вздохнул:

— Пойдем в комнату. Есть у меня одно средство для успокоения.

«Рыковка» пошла хорошо. Сергей не помнил, как добрался

до дома тети Тани. Отложились только последние фразы разговора:

— Вот скажи мне, Макар, ты полиц-цейский?

— Поли-цейский, — пьяно кивнул тот.

— Тебе нравится носки вязать из собак?

— Нет. А жрать-то надо.

— А хочешь я тебе работу по спец-циальности найду?

— В милиции? Не хочу. Или ты свою полицию открываешь?

— Нет. Будешь частным детективом. Как Пу-а-ро. У него усы такие же.

— Пуа-ро? Не помню. Ната Пинкер-тона помню, Ника Картера — помню, Холмса помню, Лекока... Пуа-ро — не помню...

— Я тебе про него завтра расс-кажу. Ты мне, где мой артефакт искать, скажешь, а я тебе — про Пуаро. Хочешь?

— Хочу. А следить за кем будем? За Вацетисом?

— Да хоть за кем. Хоть — за Вацетисом, хоть за Михаилом... Потаповичем...

— О, брат, да ты набрался. За медведями меня хочешь заставить следить. Пойдем-ка покурим...

* * *

Уф-ф-ф! Сергей опустил ведро на землю и встряхнулся. Хорошо! Вчера было. А сегодня — не очень.

Чувствуя, как мурашки плотно облепили голую спину, Сергей вытащил из колодца еще одно ведро и, ухнув, опрокинул на себя. Ледяная вода пронеслась по телу, смывая сонливость и последствия вчерашней гулянки.

Вспомнив повод, Сергей поежился. Камов, старый черт... Вообще-то после пьянки Сергей не очень отчетливо помнил, что было на самом деле, а что предмет фантазий. Однако волчью морду он помнил точно, такое не забывается. Если бы не она, Сергей скорее всего, подумал бы, что перед ним — сумасшедший либо хитрый жулик. Вот только объяснить его трансформацию с позиций современной науки Сергей бы не взялся. Нет, с Камовым повезло: в отличие от разных прочих медиумов, он действительно что-то умеет. А раз может такое, значит, скорее всего, и насчет разговоров с духами не врет. Возможно, подскажет, где искать артефакт. Или тех, кто знает, как перемещаться во времени...

Уф-ф-ф! Хорошо!

Нет, все-таки спасибо дяде Анисиму, приохотившему Сергея к обливаниям. Раньше он к моржам относился как к тихим психам, а ты смотри-ка — холодные обливания на самом деле бодрят. Может, зимой тоже попробовать... Или н-н-не ст-т-тоит-т-т?

Еще одно ведро будет уже лишним. Растеревшись полотенцем, Сергей всунул ноги в опорки — сапоги с обрезанными голенищами, похожие на шлепанцы, — и поскакал в комнату, переодеваться.

Сегодня много дел.

* * *

Поздним вечером Сергей упал на кровать. Вот это денек был...

Раньше — дом — работа, работа — дом... А сегодня.

Сергей закрыл глаза. Эпизоды дня неслись перед глазами калейдоскопом.

* * *

Бодрой, пружинистой походкой Сергей влетел в гостеприимно распахнутые ворота мастерской.

Вся наличная рабочая сила сидела на лавке и, размахивая руками, обсуждала перспективы танковых войск в Союзе ССР.

Как успел понять из ухваченного хвоста разговора Сергей, крупный парень Кирилл успел повоевать и даже сталкивался в боях с танками, «таньками», как он их называл. Опыт боестолкновений позволял ему сделать вывод, что танки — просто дорогие игрушки. Пользы, мол, от них никакой, тяжелые, неповоротливые, остановить легко, только гудят и дымом пахнут.

Молодой, Витя, по возрасту войну не застал, однако был напичкан разнообразными данными, в том числе и по зарубежным странам, и вот эти самые данные говорили Вите о том, что танки — дело перспективное и даже нужное, поэтому строить их надо, только сначала придумать такие танки, чтобы были лучше иностранных.

Виктор Алексеевич выступал в роли третейского судьи.

— Добрый день, Сергей Аркадьевич. — Витя прищурился, глядя на остановившегося напротив солнца начальника. — А вы как

думаете, нужны нам танки или нет?

— Я думаю, — потер подбородок Сергей, — почему это мои подчиненные в рабочее время сидят и точат ляды?

— Так вас не было, а что делать — не знаем, — развел руками Кирилл.

— И вытяжек нет, — напомнил химик.

— И вообще, дверь закрыта, — ехидно добавил Витя.

На дверях висел огромный амбарный замок, ключ от которого преспоконно болтался в кармане джинсовой куртки Сергея.

— Ладно, — легко согласился он, — тут моя вина. Но работу нужно начинать. Полы помыть, прибрать все.

Сергей вручил ключ слегка ошарашенному Вите.

— Действуйте. Я — узнать, что там с нашими вытяжками, а вы к моему приходу наведите порядок. У нас все-таки мастерская, а не дом с привидениями.

— Сергей Аркадьевич, — добавил Кирилл, — вывеску бы вам сделать. Краски тут есть, железа и кисточек прикупить надо. За день и сделаем.

— Делайте. Молодцы.

— А какое название писать?

— Чернильная мастерская Вышинского, что тут еще думать.

— Так ведь, — вмешался Витя, — многие дают название в честь какого-нибудь наркома или известной личности...

— Мастерская Вышинского имени Дзержинского, — прочитал Сергей воображаемую надпись. — Замечательно. Я думаю, не по чину моей мастерской пока такие наименования. Вот разрастемся, тогда и не стыдно будет...

— Да, сейчас имя Дзержинского на ней, как медаль на корове.

— Вот-вот... Кстати, Витя, вы тут про танки говорили. А сколько сейчас у СССР танков?

— Пятнадцать, — четко отпартовал тот.

— Тысяч?

— Танков.

— Пятнадцать танков?!

СССР, вооруженный такой танковой армадой, у Сергея в голове не укладывался.

— Ну да. «Красное Сормово».

— А у них башенка есть?

Как-то Сергей оказался свидетелем жаркого спора о неких башенках на танках. В суть он не вдавался, слушал краем уха, поэтому запомнил только одно: если на танке есть башенка — значит, это танк хороший, годный. Если нет, то просто не танк, а барахло и никуда не годится.

— Есть, — удивился вопросу Витя, — на башне расположена.

Ну да, подумал Сергей, сидели ждали, пока ты придешь и подсказешь.

— Хорошо... Спасибо. Начинайте приборку и вывеску сделайте. Вот, — он протянул несколько бумажек Кириллу, — на материалы. Я скоро буду.

Химик закашлялся своим тяжелым кашлем.

Витя и Кирилл посмотрели в спину уходящему начальнику. Потом друг на друга. Потом на ключ и на деньги.

— Интересный у нас хозяин... — протянул Витя. — Совсем на хозяина не похожий. Вот, помню, отец рассказывал, как до революции в сапожной мастерской учился. Так там, если в день ни разу по голове колодкой не досталось, значит, день удался. Хозяйка, говорил, каждый вечер обходила с ключами, все запирала и днем смотрела, чтобы работники чего не украли. А здесь «держи ключи, работайте». Доверяет...

— Так ведь не старые времена.

— Времена-то новые, да люди прежние.

— Аркадьевич не такой. Настоящему хозяину что нужно? Сесть на шею и только пришпоривать, чтобы скакал быстрее. Сам и пальцем не пошевелит. А наш? Помнишь, как он кинулся помогать бутылки разгружать? Не может он стоять, смотреть, как люди работают, ему помочь надо. Не хозяин он, нет... Наш человек.

— Наш... — задумчиво произнес Витя.

* * *

На заводе «Металлист» Сергея с его вытяжками послали. Не особенно и выбирая выражения. Мол, у нас тут работы вал, все надо срочно сделать, и некогда тут заниматься заказами всяких там нэпманов.

Мастер, худой мужчина в возрасте, откровенно нарывался на скандал. Сергей стискивал зубы и держался, чтобы не сорваться.

— Хорошо, — вклинился он в длинную речь о том, что

большевики вовсе не затем старых хозяев скидывали, чтобы на спину новые влезали, — когда будет готово мое оборудование?

— Послезавтра. — Мастер, казалось, сплюнул.

— Договорились. Я приду послезавтра.

Предлагать деньги за срочность исполнения Сергей не стал. И так понятно, что мастер только оскорбится. Как все-таки плохо, когда на деловые отношения влияют личные пристрастия. Да, нэпман. Совбур, так сказать. И что? Ну что?

Хотя понятно, конечно, что репутация у здешних деловых людей ниже плинтуса. Слишком много развелось скоробогачей, любителей быстрой наживы. Купил, продал, а там хоть трава не расти.

На истории экономической мысли в академии рассказывали, что нэпманы так себя вели, потому что не были уверены в будущем. Мол, придут большевики и все отберут, поэтому и производство почти не развивалось, в основном на старых мощностях работали, еще дореволюционных. Какой смысл вкладывать деньги, если все равно их потеряешь? Брался в аренду завод или, скажем, фабрика, выжималось из нее все возможное, потом оборудование, которое без ухода и ремонта быстро ломалось, бросалось и начиналась следующая авантюра.

Конечно, виной всему были большевики. Если бы не они, если бы у власти были демократы, то тогда, наверное, нэпманы, уверенные в своем будущем, не занимались бы рвачеством и спекуляциями, а строили новые заводы и фабрики.

Сергей вспомнил девяностые годы.

Да. Наверняка.

* * *

С завода Сергей двинулся к Камову, который жил относительно недалеко.

Несмотря на сомнения Сергея в том, что вчера бывший полицейский вызывал каких-либо духов, результат уже был готов.

Камов проводил Сергея в свою комнату, заставленную мебелью — шкаф с мутным зеркалом, железная кровать, круглый стол, застеленный газетами. В комнате стоял устойчивый запах табака и чего-то неопределимого, в котором принц Мафей, герой книг Панкеевой, возможно, узнал бы слимис трехлепестковый.

— Рассказали мне духи, где то, что ты ищешь.

— Где? — Сердце Сергея забилося.

— В общем, есть два варианта. Первый предмет остался там, где все началось. Вернешься к началу — найдешь его. Как хочешь, так и понимай.

Что тут понимать. В музее лежит. В тридцати километрах и восьмидесяти пяти годах отсюда.

— Второй... Тут я тебе не объясню, сам не понял, но духи сказали, что должен сообразить. Есть человек, который тебе поможет в поисках. Он точно знает, где твой предмет найти можно.

— Где? — Сергей перегнулся через стол. — Где этот человек?

— В Петрограде. Слушай, что духи сказали.

Камов прикрыл глаза:

— В городе есть река. На реке — крепость. Напротив крепости — дворец. Во дворце — академия. В ней нужно найти человека с самой большой бородой. Он знает, где то, что тебе нужно.

Камов открыл глаза:

— Понятно?

— Понятно...

Игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце... Река — Нева. Крепость... Петропавловка, что ли? Дворцов в Питере, как собак.

— Спасибо, Макар Сидорович. — Сергей с чувством пожал руку полицейскому-шаману.

Теперь ситуация упростилась до безобразия. Есть след. Четкий и ясный. Конечно, не мешало бы перепроверить информацию, но как это сделаешь? Из известных Сергею представителей магических сил в Пескове осталась только сумасшедшая Варвара. Кстати, может, не такая уж и сумасшедшая, возможно, тетя Софа ее просто не любит. Ладно, завтра сходим, уточним. Душа Сергея пела и плясала. Домой, дорога домой уже видна.

Конечно, убегать уже этой ночью Сергей не собирался. Кто знает, сколько он будет искать этого бородача и сколько придется потратить денег на поиски. К тому же человек этот может просто сказать, что артефакт находится на каком-нибудь острове Буяне, до которого плыть пароходом три дня и три ночи. Так что, пока не заработает мастерская и пока у Сергея не окажется стабильного источника доходов, рыпаться куда-то просто глупо.

Да и не хотелось подводить никого...

Он выдохнул:

— А сейчас, Макар Сидорович, будет у меня к тебе деловое предложение поработать по прежней специальности. Есть у меня два работника...

* * *

В подотделе снабжения губоно сидел, сжимая голову руками, грустный рыжий Слава.

— Сергей! — Он обрадовался приходу Вышинского так, как будто тот принес ему лекарство от смертельной болезни. — Послушай, помнишь, мы говорили про изобретение ручек? Помнишь? А ты чего пришел, кстати?

— Помню, помню. По поводу ручек и пришел. Шариковых, да?

Неужели Слава что-то придумал?

— Да, да! У нас ведь три препятствия: технология изготовления шариков, конструкция узла и состав чернил...

— Пасты, — машинально поправил Сергей.

— Пасты? — запнулся Слава. — Почему пасты?

А правда, почему? Не говорить же, что во всех шариковых ручках, которые видел Сергей, была именно паста — тягучая, густая... Густая?

— Слава, нам для ручки нужна именно паста! Настолько густая, чтобы не вытекала.

Слава завис, обдумывая новую идею:

— Паста? Густая? Вытекать она, конечно, не будет... Так она, может, и вовсе к шарiku не поступит. Застрянет, да и все. Сама течь не будет...

— Сама не будет — пропихнем! Смотри!

Два доморощенных изобретателя склонились над бумагой.

— Смотри. — Сергей быстро рисовал карандашом. — Вот узел, вот трубка, вот чернила. Густые, говоришь, сами не пойдут... Что, если сделать так... Ставим здесь поршень, пружину и крышку. Пружина распрямляется, на поршень давит, и чернила идут к узлу.

Сергей знал, что в современных шариковых ручках никаких пружин нет. Ему было плевать — он не копировал чужое, он придумывал свое. Пусть неправильное, пусть сложное. Свое.

— Можно попробовать, — разлохматил волосы Слава. — Сергей, ты говорил, у тебя есть знакомый химик. Он сможет

подобрать состав чернильной пасты так, чтобы она была не слишком жидкая и не слишком густая?

— Не спрашивал. Нужно уточнить.

— Здорово! Значит, пока неясно, как делать шарики...

Шарики... Перед глазами Сергея запрыгали, звонко отскакивая от бетонного пола и блестя отполированными боками, шарики из разобранного в детстве подшипника.

— Нужно знать, как сделать их ровными, гладкими и одинакового размера, — рассуждал Слава.

— Слава. — Сергей схватил его за руку. — А ты знаешь, как делают шарики для подшипников?

Рыжий изобретатель поднял остекленевший взгляд:

— Подшипники? Подшипники... Сергей! Точно!

Оба бросились обратно к бумаге.

— Значит, так. Я рассчитываю размеры и характеристики узла и пружинного поршня, ты, Сергей, поговоришь с химиком и поищешь в библиотеке технологию производства шариков для подшипников. Потом...

— Владислав Осипович, — в кабинетик Славы вкатился весельчак Абрамович, — вы документы-то подписали?

— Что? А, да.

Слава выкопал из стопки бумаг несколько скрепленных чуть ржавой скрепкой листков и протянул начальнику.

— Ой, Сергей Аркадьевич! Добрый день! Я вас сразу-то и не приметил. Можно вас на пару слов?

— Да-да, я уже ушел. Давай, Слава, завтра вечером встретимся, еще раз обсудим.

— Хорошо. — Слава уже уходил в астрал творчества.

— Сергей Аркадьевич, ну что там с нашими чернилами? Детишки, хе-хе, ждут...

— До конца месяца будут, — с уверенностью, которой, правда, не испытывал, заявил Сергей, — все идет согласно плану.

— Хорошо, хорошо, я просто так, напомнил. Торопиться не надо. Только как говорил Никита Хрущев: «Не спеши побыстрее».

Хрущев?!

— А вы знали Хрущева?

— Никитку-то? Конечно, знал. Вместе с ним в восемнадцатой кавалерийской под командованием товарища Жлобы с Корниловым дрались. Вот он всегда...

— Погодите, Иван Абрамович. А где он сейчас?

— Так убили его. Еще в двадцатом, под Архангельском.

Хрущев убит? Как же так?! А кто будет разоблачать Сталина... Хотя о чем это я? У здешнего Сталина преступлений не планируется. Или все проще и это не тот Хрущев?

— А вы откуда Никитку-то знаете?

— Да так... Слышал кое-что... Извините, а как отчество Никиты было? Может, я про другого думаю?

— Так Михайлович.

Сергей замер. Он совершенно точно знал отчество Хрущева. И абсолютно не помнил его.

Михайлович? Никита Михайлович Хрущев? Или не он? Кажется... Да нет, точно, кто-то говорил, что у Хрущева и у Никиты Михалкова одинаковые имя-отчество. Хорошо... Это помогло бы, если бы я помнил, как отчество Михалкова. Или здесь не точное сходство, а ассоциативная связь? Никита Михалков — Никита Михайлович. Так убит здесь Хрущев или нет?

Сергей встряхнул головой. Убит не убит, сейчас несущественно. Найти артефакт, запустить чернильное производство, придумать шариковую авторучку Хрущев ни живой, ни мертвый не поможет.

— До встречи, Иван Абрамович. В конце месяца придет первая партия.

— Я вам доверяю, Сергей Аркадьевич. Доверяю...

* * *

— Привет!

Зоя обрадовалась Сергею, как лучшему другу. Хотя почему как? Они же друзья.

А вот Зоины поцелуи так дружескими и не стали...

— Ты ко мне? — спросила она, оторвавшись от Сергея.

— Мм... Нет. В библиотеку, за книгами.

— Помочь? — Зоя легко перешла от объятий к делу. Сергей вздохнул. Ему она нравилась. Может, все-таки попробовать вернуть ее?

— Если можешь. Мне нужны книги по производству шарикоподшипников, учебник химии...

Через час Сергей выходил из библиотеки, неся перевязанную веревочкой стопку книг. Популярные брошюры о производстве подшипников — от такой популярности волосы

шевелились. Учебник химии Верховского, пусть дореволюционный, с ятями и твердыми знаками, но ничего лучшего написать у большевиков пока не получалось. А как ставить задачу Виктору Алексеевичу, имея — будем честными — самые поверхностные знания по предмету? Значит, нужно повышать свой образовательный уровень.

Придется.

Для смазки мозгов, которые могут перетрудиться после учебника химии, Сергей прихватил тонкую брошюрку с заголовком «Натъ Пинкертонъ, король сыщиковъ. Заговоръ преступниковъ». Рядом хмурился остроносый человек, похожий на Шерлока Холмса, а внизу под заголовком что-то взрывалось, разлетались в стороны люди, дело происходило в каких-то катакомбах. В общем, страх и ужас.

Сергею стало интересно, кто такой Нат Пинкертон. Все его знают, и Камов, и Зоя, и даже, по ее словам, товарищ Бухарин однажды заявил, что нужно создать своего «красного Пинкертона».

В нашем бы мире так заявили большевики... Сергей слышал, что в СССР печатали в основном скучные и неинтересные романы о производстве. С детективами и фантастикой было напряженно.

В дополнение к Пинкертону Сергей взял аккуратно сшитые шесть брошюрки писателя Джима Доллара с заголовком «Месс-Менд, или Янки в Петрограде». Зоя посоветовала как интересную вещь. Фамилия автора явственно намекала на то, что это псевдоним.

Видимо, здесь опять проявлялось сходство с девяностыми годами, когда популярностью пользовалась только иностранная литература, поэтому российские авторы печатались под импортными именами.

Что ж, почитаем...

* * *

Что может быть проще шарика для подшипника? Сферический кусочек металла, отполированный до зеркального блеска. Все.

Однако как только начинаешь углубляться в тонкости технологии, сразу же понимаешь, что простота описания отнюдь не предполагает простоту изготовления.

Берется бухта проволоки, от которой отрезается маленький кусочек определенного размера. Затем кусочек помещается между сферическими пуансонами, которые сжимаются, придавая кусочку форму грубого шара.

Некоторое количество шариков кладется в установку, имеющую вид двух стальных пластин, где заготовки прокатываются под давлением. Теперь они уже больше похожи на шарики, но еще недостаточно прочны и их размеры далеки от нужных.

Шарики нагреваются и закаливаются в ванне с охлаждающей жидкостью. Опять прокатываются между стальной и шлифовальной пластиной. Потом еще раз прокатываются, на этот раз между двумя отполированными чугунными плитами. И наконец начищаются до солнечного блеска.

Уфф.

Сергей положил брошюрку «Производство шариковых подшипников», она неожиданно оказалась на самом деле популярной: просто и толково написанной. Даже рисунки каждой установки приведены. Сергей поймал себя на том, что ему интересно читать. Хотя в описании технологического процесса не было ни боев, ни юмора, ни тем более эротики.

Вот зачем я вообще связался с этими ручками? Нужны деньги? Чернильная мастерская уже почти начала работу, скоро закончится беготня и начнется спокойный производственный процесс. Так зачем ручки? Славы захотелось?

Сергей обдумал эту мысль. Нет, слава тут ни при чем. Теоретически он мог преспокойно отдать право на патент — наверняка в здешнем СССР выдаются патенты — тому самому Славе, полностью отказавшись от своих прав.

Так зачем?

Сергей так и не додумался до истинной причины. На самом деле ему просто доставляло удовольствие решение сложной задачи. Просто раньше таких интересных задач перед ним никто не ставил.

Так... Сергей поднял брошюру. Необходим резак, пуансон, установка первого проката, второго...

* * *

Над дверью мастерской пахла свежей краской новенькая вывеска на железном листе: «Чернильные мастерские

Вышинского». Буквы были нарисованы темно-синей краской.

Сергей вошел внутрь.

Мастерская поражала чистотой внутри, резко контрастировавшей с внешней серостью и неухоженностью. Стены отчищены и даже, похоже, отскоблены. Полы сияют яичной желтизной. Двери и окна покрашены белой краской. Даже столы и те белоснежны. На всех дверях красовались таблички с красными надписями: «Химический цех», «Цех смешивания чернил», «Лаборатория», «Начальник»...

— А таблички зачем? — спросил новоиспеченный начальник у Вити.

Виктор Алексеевич скрылся на поиски неких реактивов, потребных для лаборатории, поэтому узнать, на кой они вообще нужны, не представлялось возможным. Кирилл тоже куда-то исчез.

— Так мы купили краски. Белую, черную, синюю, красную...

— Вы что, собирались открыть художественную школу? — Необходимость покупки такого ассортимента Сергеем понять не удавалось.

— Да нет, просто... — Витя замаялся. — Киря нашел где-то человека, который отдавал их почти даром. Так мы на всякий случай и взяли побольше... У нас деньги остались!

— Понятно. Нарисовали вывеску, а потом увлеклись.

— Ну да. Остатки вон там, в кладовке.

За дверью с логичной надписью «Кладовка» на самом деле стояли банки с краской. Штук десять. В основном черная.

— М-да-а...

Сергей шагнул к лаборатории:

— А что там внутри?

Витя дернулся, пытаясь остановить:

— Да так... Ничего такого...

Сергей открыл дверь:

— Ого! Интересно.

В комнатухе присутствовали: раковина, полки, уставленные стеклянной посудой, вешалка с черными халатами, буфет, слава богу, пустой. И стол.

Столешница была вполне ожидаемо выкрашена в белый цвет. И украшена непонятным узором. Белый кружок, величиной с дно стакана, а вокруг него — огромная темно-коричневая клякса. Стол очень походил на негатив солнечного затмения.

— И что это? Что это за абстрактное искусство?

— Да это... — Витя опустил глаза.

Сергей заподозрил, что остальные исчезли не просто так. Судя по всему, произошло что-то, требующее начальственного гнева.

— Подробности. — Холодный тон удавался ему плохо, но удавался.

— Нарушение техники безопасности. — За спиной появился Виктор Алексеевич с бумажным пакетом, в котором что-то позвякивало.

— Подробности! — прорычал Сергей.

Как оказалось, вчера уже поздно вечером Виктор Алексеевич, который, собственно, и был инициатором создания лаборатории, наводил порядок в своих владениях. Витя помогал ему. «Вот это нужно будет разбавить водой». Виктор Алексеевич поставил на стол две стеклянные банки: одну с надписью синим восковым карандашом «Вода», другую с непонятным обозначением «H₂SO₄». После чего отвернулся к буфету. Витя, воспринявший фразу как просьбу, долго не задумываясь, опрокинул в H₂SO₄ воду. К счастью, к очень и очень большому счастью, химик успел заметить этот акт, отпрыгнул сам и отдернул Витю, уже наклонявшегося было, чтобы посмотреть, что получится. Закипевшая серная кислота выплеснулась из банки, превратив чистый белый стол в астрономическую композицию.

— Взрыв сверхновой звезды с образованием черной дыры. — Сергей осторожно взглянул на стол. Даже черные точки-звезды есть...

— Простите? — Виктор Алексеевич поднял бровь.

— Это из астрономии.

— Да? Странно...

Но Сергей уже вышел из лаборатории.

— Значит, так. — Разгневанный начальник прошел туда-сюда мимо выстроенных в шеренгу подчиненных. Здесь был и Кирилл, который вообще не присутствовал при происшествии. — Виктор Алексеевич, — Сергей остановился, пережидая приступ кашля, — в лабораторию никого не пускать! С Витей и Кириллом провести инструктаж на предмет наиболее опасных веществ и общей техники безопасности! Виктор! — Парень поднял глаза. — Ты понял, что химическое производство — вещь опасная и не нужно хватать все, что подвернется под руку?

— Понял. — Витя рассмотрел, во что превратился стол, и теперь очень хорошо представлял, каким красавцем сам мог стать, если бы не химик.

— В лабораторию не входить! Кирилл!

— Я! — Кирилл даже вытянулся по стойке «смирно».

— То же самое! Повторить!

— В лабораторию не входить, — вразнобой произнесли Витя и Кирилл.

— Значит, так, в качестве наказания вы сегодня выкрасите стены, потолок и пол в помещениях. Ясно?!

— В какой цвет? — Кирилл успел опередить пытавшегося задать вопрос Витю.

— В белый!

— А стол?

— А со стола снять столешницу, прибить к стене в моем кабинете, а внизу написать: «Картина «Космическая симфония», автор — В. Пронин». Понятно, Виктор?

Тот молча кивнул.

* * *

— Не готова ваша вытяжка. — Ухмылка мастера «Металлиста» была уже откровенно издевательской. — Приходите послезавтра.

Сергей не стал напоминать, что «послезавтра» было вчера и сегодня должно быть уже «завтра». И так понятно, что «послезавтраками» его будут кормить с неделю, если не больше.

— Не готова?

— Не готова.

— Послезавтра?

— Послезавтра.

— Тогда у меня для вас еще один заказ.

У мастера открылся рот.

— К-как?

Продолжение: «Вы еще собираетесь у меня что-то заказывать?!» — не прозвучало, но подразумевалось.

— Да, хочу. Мне нравится обстоятельность и аккуратность ваших рабочих.

— А...

— Потому что мой новый заказ требует именно сугубой

точности. Вот взгляните. — Сергей раскрыл свою дежурную папку, уже несколько пополневшую, и извлек несколько листов бумаги, на которые вчера вечером перерисовал схемы установок для производства шариков для подшипников. — Мне нужны вот эти приспособления.

Мастер вскинул на нос очки в стальной оправе. Присмотрелся:

— Если я не ошибаюсь, это требуется при производстве подшипников. Правильно?

— Правильно.

— Вы решили начать изготавливать подшипники?! — В глазах мастера появилось то опасливое выражение, которое возникает при общении с безумцами.

— Нет. Мне нужны лишь шарики. Диаметр — один миллиметр.

— А допуски?

— Как для шарикоподшипниковых.

— А зачем вам нужны такие...

— Для чернильных ручек.

— А...

— Да, нужны.

Мастер пристально посмотрел на Сергея:

— Вы — тот самый сектант, который получил в аренду чернильную мастерскую?

— Он самый.

— А что это за ручки такие? Никогда не слышал о них.

— А их еще нет. Эти ручки впервые начнут производить в СССР. Или не начнут.

Сергей посмотрел на мастера. Тот все понял.

— Это, — мастер взглянул на листки, — будет стоить дорого.

— А мне не важны деньги. Я просто хочу, чтобы у меня все получилось. Чтобы у нас все получилось.

— Хорошо... Попробуем.

— Спасибо. Значит, послезавтра?

Мастер еще раз посмотрел на Сергея, на этот раз с искренним уважением:

— Завтра. Ваша вытяжка будет готова завтра с утра. Приходите.

Сергей дотронулся пальцами до козырька кепки и вышел.

Мастер смотрел ему вслед.

Станный, очень странный парень... Сначала казалось, что он обычный нэпман, которых мастер ненавидел. Уж слишком они походили развязными манерами и привычкой пускать денежную пыль в глаза на старых хозяев заводов и фабрик. Но сегодняшний разговор впечатление изменил.

Своей увлеченностью идеей молодой парень в странном синем костюме очень напоминал большевиков.

А большевиков мастер уважал.

* * *

Гадалка Варвара помочь Сергею не могла. Хотя еще и не произнесла ни слова.

Черный балахон, шапка рыжих кучеряшек, бледное лицо, черные круги вокруг горящих глаз. Гадалка пристально смотрела на Сергея и молчала.

— Тетя последнее время ведет себя очень странно. — Молоденькая девчушка с такими же рыжими волосами со вздохом дернула его за рукав. — Раньше она еще гадала...

— Человек!

Сергей и племянница синхронно вздрогнули. Скрипучий голос. Казалось, что сейчас прозвучит: «Свежее мясо!»

— Человек. — Варвара приблизилась к Сергею, тот невольно попятился. — Человек издалека... Из очень далекого далека... Ты не хочешь быть здесь... Ты не знаешь, как вернуться обратно...

А ведь в словах сумасшедшей звучит правда. Может, на самом деле безумцы обладают способностями к ясновидению?

— А как мне... — Он склонился к Варваре и понизил голос. — Вернуться обратно? Ты знаешь?

— Знаю. — Гадалка смотрела сквозь Сергея. — Чтобы вернуться обратно, тебе нужно... Нужно вернуться обратно...

Гениально. Как же он сам не догадался?

— Может, скажешь, как я сюда попал?

Сумасшедшая или ясновидица?

— Ангелы! За твоей спиной стоят два ангела!

Острый палец ткнул в Сергея. Потом медленно провел в воздухе прямую в сторону окна — наверное, невидимые ангелы решили скрыться бегством.

— Тебя принесли сюда ангелы... Ты жил... Ты был... Ты есть...

Сергей уже понял, что ничего внятного не услышит. Ангелы его, значит, принесли. На крыльях...

— Тебя нет! Ты не рождался! — Гадалка шарахнулась от Сергея и сжалась в плетеном кресле. — Ты не рождался! Тебя нет! Нет!

На улице Сергей снял кепку и вытер пот со лба. Слава богу, что местные колдуны и гадалки закончились. Еще одна такая Варвара — и можно никуда не торопиться. За тобой приедут.

* * *

Сегодняшний день не задался.

Потому что была суббота? Сергей пробыл владельцем мастерской всего неделю, а ему уже казалось, что он был им вечно, — может, все устали, или просто сегодня боженька решил устроить пакости сектантам, не разбирая правых и левых.

Нет, вытяжку он уже притащил на ломовике — мастер не обманул. Сейчас Витя с Кириллом ее устанавливали под чутким руководством химика. Сергей уже было раскатал губу на то, чтобы завтра провести первый пробный пуск с получением партии чернил. Ага! Напрасные надежды!

Нет, с вытяжкой все было в порядке, она работала. А вот все остальное оборудование — нет.

Ладно, холодильный шкаф, он просто не работал. В смысле, вообще: включаешь — реакции ноль. Кирилл пообещал посмотреть, что там произошло, вроде бы он соображал в электричестве. Но шкаф — это еще цветочки.

Химические реакции предполагали нагрев реактивов. Нагреватели в доставшемся по наследству железе отсутствовали. В принципе.

Нет, положенные места и даже отверстия в кожухах для них были, а вот самих нагревалок не наблюдалось. То ли прежний владелец не успел поставить, то ли некие не оставившие автографов ловкие личности унесли на память о ночной экскурсии по мастерской — неизвестно.

Сергей провел пальцем по отверстию с резьбой и с рычанием выпрямился. Подчиненные слегка отшатнулись, но срывать на них злость Сергей не собирался. Ребята-то при чем?

Просто... Все не так!

Даже послушно выкрашенные во исполнение вчерашнего распоряжения стены не радовали. В помещениях было ослепительно светло, свет отражался от белых стен, но стойкий запах краски, от которого не спасали распахнутые двери и окна, делал голову тяжелой и сжимал виски.

— Вытаскивайте. Отвезем на завод.

— Что вытаскивать? — переспросил Витя.

— Вот этот чан, вот это, вот это...

В углу, где ковырялся Кирилл, громко щелкнуло. Потянуло паленой изоляцией.

— И холодильник, — махнул рукой Сергей.

* * *

Оттащив кучу металлолома на завод и сдав мастеру, Сергей отправился в библиотеку, отнести бегло просмотренного вчера Пинкертон. Ерундовая, кстати, книжка, по стилю немного напоминала расплодившиеся в начале девяностых боевики и детективы. Кто, интересно, ставит это на один уровень с Холмсом?

В библиотеке Сергей, оторвавшись от Зои, — дружба, только дружба! — скрылся среди стеллажей, где случайно наткнулся на некую брошюрку с рецептами кустарей. И вот, в разделе «Чернила» он наткнулся на рецепт, для которого метилфиолета требовалось в четыре раза меньше, чем в рецепте, известном Сергею. В остальном все было так же, разве что в рецепте Сергея использовалась тридцатипроцентная уксусная кислота, а в тексте из брошюры — кристаллическая щавелевая. Вспомнив тихим незлобивым словом профессора Крещенского, Сергей переписал новый рецептик и спрятал в папку. Первая партия пойдет по рецепту профессора, а вот вторую, скорее всего, пустим по новому.

Из библиотеки Сергей дошел до Камова, но того не было дома. Интересно, что он скажет о парнях? Насколько Сергей мог присмотреться к ним, и Кирилл и Витя не производили впечатления «засланных казачков». Не было в них ни этакой блатной наглечи, ни пронырливости, ни подбострастности. Хорошие, простые ребята. Совсем не хотелось думать о них плохо, однако, во исполнение древней мудрости, Сергей попросил старого шамана-полицейского обойти те места, где парни, по их словам, раньше

работали. Работали ли они там на самом деле, какие впечатления о себе оставили, не были ли замечены в связях с криминалом или, может, просто имели уголовные наклонности? Наверное, еще не закончил...

Чтобы успокоиться, Сергей зашел в пивной павильон, взял кружку баварского и теперь сидел за столиком, размышлял. Перед ним лежала наполовину распотрошенная вобла и чистый лист бумаги. Медленно покрывавшийся маленькими рисунками чертей.

Сергей думал, как жить дальше.

Реактивов для первой партии хватает, для второй и последующих их нужно заказывать. Побираться по местным предприятиям — не дело.

На листке появилась первая запись: «Обойти фабрики, узнать, где они покупают сырье, направить письма».

Опять забыл спросить у Виктора Алексеевича, может ли тот сделать пасту требуемой вязкости.

«Спросить у химика насчет пасты».

— Разрешите?

К столику Сергея подошел молодой мужчина в светло-сером костюме с двумя кружками пива в руках.

— Отчего же нет? — Сергей сдвинул бумаги. — Присаживайтесь.

Парень присел на скамейку и, зажмурившись, сделал большой глоток. Так смачно, что Сергей тоже отпил своего.

— Хотите? — Он кивнул соседу на свою воблу, видя, что у того нет ничего, кроме кружек.

— Нет, — улыбнулся парень, — спасибо. Если бы здесь быть претцель или колбаски... Хотя пиво вкусное. Почти как в Германии.

— А вы были в Германии? — Забавный парень. И акцент...

— Я родился в Германии. Я немец.

Сергей поперхнулся. Ну да, светлые соломенные волосы, водянистые голубые глаза. Типичный немец.

— А здесь вы... что?

Для Сергея немцы и большевики были однозначными врагами. И пусть здесь нет у власти ни Сталина, ни Гитлера, стереотипы, однажды вбитые в мозг, держались надежнее ржавого гвоздя.

— Я здесь проездом. — Парень улыбнулся, и Сергей понял, что, судя по улыбке, эти две кружки сегодня были не первыми.

Даже не в первом десятке.

— Прощу прощения, забыл представиться. — Немец привстал. — Карл Мессер.

— Сергей Вышинский. — Сергей на мгновение заколебался, глядя на протянутую руку.

Пожать руку фашисту? А фашист ли он?

Сергей все же пожал руку, но тут же спросил:

— Карл, скажите, вы случайно не нацист?

— Нет, — усмехнулся он. — Если бы я вступал в какую-нибудь партию, то только в «Штальхельм» — «Стальной шлем», как мой папа. Я — в рейсхвере.

— Это партия?

— Это армия! Хотя конечно, — Карл скис, — назвать нас армией, после того что с нами сделали в Версале? Швайнехунде!

— Простите, Карл, я тут немного далек от политики... А что произошло в Версале?

Для Сергея это слово ассоциировалось только с французскими королями.

— В Версале эти английские и французские мерзавцы заставили нас подписать мирный договор! Договор! Сказали бы уж сразу, договор об унижении Германии! Знаете, сколько человек может быть в германской армии по этому договору?

Ну, если в Красной армии полмиллиона...

— Тысяч четыреста?

— Сто! Жалкие сто тысяч! Ни кораблей, ни танков... Самолеты! Нам запретили строить боевые самолеты!

Карл возмущался так, как будто после подписания договора его вытащили прямо из самолетной кабины и навсегда запретили летать.

— Вот что я тебе скажу, Сергей. — Карл покачнулся и наклонился к Сергею. — Если бы не вы, русские... Германия и Россия — две отверженные страны, они должны держаться вместе. Правильно ваши правители подписали с нами договор в Рапалло, правильно... Вместе мы способны на многое, способны на все! Ваша армия гораздо сильнее нашей, но...

— Ну да, — хмыкнул Сергей, — пятьсот тысяч человек и пятнадцать танков.

— Пятнадцать — это мало, — согласился Карл. — Погоди! Ты тоже думаешь, что будущее — за танками?

— А что, кто-то так не думает?

— Спроси лучше, кто так думает! Мой двоюродный дядя Хайнц сейчас в Штеттине, в штабе второй дивизии, преподает тактику и военную историю. Так он уже устал объяснять, что танки — не неуклюжие стальные коробки, которые ползут на пулеметы. Танки должны летать! Вперед!

Умный у тебя дядя, подумал Сергей, прямо-таки угадывает будущее. Хотелось бы надеяться, что в этой реальности он не приедет к нам на своих танках однажды воскресным летним утром.

— Так что, Сергей, запомни, Германия и Россия — всегда вместе. Вместе мы непобедимы.

— Карл, — Сергей решил сменить тему разговора, — почему ты так хорошо говоришь по-русски?

— Так у меня родители из России. Правда, пришлось уехать...

— В семнадцатом? — Большевики, наверное, прогнали...

— В четырнадцатом! Дурак кайзер начал с вами войну, и ваши мясники словно взбесились. Ты не представляешь, что тогда творилось на улицах! Немецкие вывески, немецкие магазины — все ломалось, уничтожалось. Наших просто преследовали, избивали... Я был маленьким, но прекрасно это помню. Как сравню отношение к немцам тогда и сейчас. Вот в Липецке...

— А что там в Липецке?

Карл внезапно запнулся, побледнел и даже, кажется, протрезвел.

— В Липецке? — И тут же широко улыбнулся. — В Липецке, Сергей, самые красивые в России девушки! Сейчас я тебе расскажу...

Хороший ты парень, Карл, думал Сергей через час, когда нагруженный Карл так ушел, и дядя у тебя умный. Хорошо, что в этом мире вы с нами сотрудничаете, а не воюете. Дай бог тебе и твоему дяде здоровья. Пока мы вместе.

Пора к Камову.

* * *

— Что я тебе скажу, шеф. — Камов прохаживался по комнате, размахивая потухшей папиросой. — Есть хорошие новости, есть и плохие.

— Ну давай уж, не томи. — Театральное представление Сергей не заказывал. — Что за новости?

— Во-первых, оба твоих парня, и Виктор и Кирилл...

Сергея что-то царапнуло, но мысль удержать не удалось.

— ...на самом деле те, за кого себя выдают. Оба работали там, где сказали: Кирилл — слесарем на кожевенном, Виктор — чернорабочим в велосипедной мастерской. Слесаря сократили, Виктор ушел сам, мало платили. По крайней мере, так сказал хозяин мастерской. Правда, тут одна зазубринка небольшая...

— Какая? — насторожился Сергей.

— Почему мне так кажется, я объяснить не смогу, просто чувствую... Хозяин мастерской как знал, что к нему придут с расспросами. По глазам видно, что знал. И ответы слишком уж заученные: мол, хороший мальчик, работающий, скромный. Я тебе, шеф, больше скажу: он боится чего-то...

— Чего? Думаешь, знает, что Витя связан с криминалом?

— Нет, про уголовников я прямо спросил: мол, не замечен ли. Нет, тут дело не в этом...

— Так он прямо сказал, что не замечен, а ты поверил?!

— Не кипятись, шеф, не так все было. Если человек хочет что-то скрыть и его об этом спрашивают, он пугается, это видно. Ну, если, конечно, он актер хороший, то... А вот если он скрывает, а спросили о другом, человек испытывает облегчение. И вот это всегда зоркому глазу заметно. Хозяин мастерской прямо дух перевел, когда я про уголовников спросил. Были у него какие-то трения с Виктором, скорее всего, были...

— Это и есть плохие новости?

— Нет, шеф...

— Кстати, почему я шеф?

— А кто? Ты сейчас мой начальник. Значит, шеф. Почему бы и нет?

— Ладно, давай дальше.

— Следят за тобой... шеф.

Вот это новости...

— Кто? — севшим голосом спросил Сергей. — Уголовники?

— Да тут такая закавыка, шеф... Не уголовники это, больно уж ухватка умелая, ученая. В Красноярске я бы даже сказал, у кого топтун учился...

— Менты?

— Уж не знаю, кому ты дорожку перешел...

Сергей замер. Белогвардейцы? Вацетис? Твою мать, тихая, спокойная жизнь! Врагов больше, чем людей!

— Беляки? Вацетис? — озвучил он свои подозрения.

Камов задумался:

— Не похоже... Белогвардейцы твои — простые вояки, кто бы их учил, как слежку вести. А у Вацетиса всего два подручных было, не они это...

— Так, может, он новых вызвал?

— Уж не знаю... Ребята ловкие, могут и меня вычислить. Походить за ними?

— Не надо...

Чего тут ходить? Рано или поздно им надоест, вот тогда они пойдут на контакт и сами все расскажут. А чтобы не он рассказывал, а ему рассказывали, нужно ходить да оглядываться.

Завтра воскресенье, нужно плотно заняться отработкой навыков стрельбы. И нож купить.

* * *

На заводе уже отремонтировали все, что Сергей притащил с утра, однако попросили в следующий раз обращаться куда-нибудь еще. А то последнее время мастеру начинало казаться, что «Металлист» работает исключительно на одного ушлого сектанта-нэпмана.

Сергей обещал. Тем более что, расплатившись за сделанное, он понял, что или мастерская начнет работать не позднее понедельника-вторника, или он, акула капитализма, останется без денег. Совсем.

Он спрыгнул с ломовой телеги, открыл калитку мастерской...

— Виктор Алексеевич!

Химик сидел на лавке и гладил по коленке девочку Лену. Недоуменно взглянул на Сергея:

— Что случилось, Сергей Аркадьевич?

— Что вы... в смысле, где ребята? Оборудование приехало.

Сергей вовремя успел заметить, что Виктор Алексеевич девочку все-таки не гладит, а промывает коленку, разбитую до крови.

— Не ругайтесь на дядю Витю, — посмотрела Леночка на Сергея, — я просто поранилась и попросила его смазать коленку...

— Да не ругаюсь я, не ругаюсь...

Вот еще... дочь полка. У нее что, родителей нет?

Сергей погладил Лену по голове, взглянул в спину химику...

Замер.

А кто он такой?

Химик Виктор Алексеевич, ученик профессора Крещенского, который приехал в Песков из Питера и по рекомендации профессора пришел работать сюда. И что самое интересное — все это Сергей знает только со слов самого химика.

Так кто он такой?

Ну что химик, понятно. А кроме этого? Пистолет в кармане, кашель в результате тяжелого ранения (разборки среди своих?), скрывается в городе от кого-то... Может, это какой-нибудь взломщик сейфов по кличке Химик? Хотя бы у самого профессора поинтересовался, знает ли он своего «ученика»?

Охваченный подозрениями, Сергей уже забыл о том, что Камов говорил о другом Викторе.

* * *

И что теперь делать?

Витя и Кирилл таскали и устанавливали на место оборудование. Сергей же вспомнил, что собирался поговорить с химиком по поводу разработки пасты для шариковых ручек.

И что теперь делать?

Можно ли рассказать о планируемом изобретении возможному шпиону? Или все же не стоит записывать человека во враги только на основании собственных домыслов? Кто бы подсказал...

Сергей немного помучился сомнениями. Однако мучайся не мучайся, а что-то нужно решать. Славе он пообещал, а другого химика поблизости не было. Да и вообще, без пасты можно сразу сворачивать всю изобретательскую деятельность.

Нужно принимать решение. И быстро.

Сергей подошел к химику:

— Виктор Алексеевич, я хотел бы дать вам одно задание... вроде просьбы...

— Так задание... — химик захлебнулся кашлем, — ...или просьба?

— Просьба, так как я не знаю, сможете ли вы сделать то, что мне нужно.

— Ну давайте, говорите. — Судя по всему, Виктора Алексеевича задело сомнение в его силах.

— Вы знаете о шариковых ручках?

— Мм... Нет. Возможно, что-то слышал, но не помню точно.

— Мы с одним... товарищем...

Слава — товарищ? Или кто?

— ...хотим попробовать изобрести ручку. С емкостью для чернил в рукояти и маленьким шариком на конце пишущего узла...

— Так-так-так, — заинтересовался химик. — И что?

— Вот, смотрите. — Они зашли в кабинет, на стене которого красовалась абстрактная картина, бывшая в прошлой жизни столешницей.

Сергей изобразил схему ручки в блокноте. Виктор Алексеевич присмотрелся:

— Значит, здесь чернила... Ага... Шарик вращается? Ага... Значит, вращается и оставляет линию... Что ж, удобно. Сам бы, наверное, не отказался. И что вы хотите от меня?

Сергей задумался. Все же тяжело быть начальником. Не бестолковым самодуром, которому достаточно бросить: «Мне нужны чернила. Исполнять», а настоящим руководителем, который хочет, чтобы его приказ был исполнен.

Правильно поставленная задача — уже наполовину решена.

— Понимаете, обычные чернила не подходят. Они либо сохнут в емкости, либо вытекают через шарик. Нужно нечто вроде пасты...

— Понимаю... Чернила должны быть достаточно вязкими, чтобы не вытекать, и достаточно жидкими, чтобы все-таки поступать через этот ваш шарик... Хм... Любопытно...

Виктор Алексеевич задумался. Видимо, он тоже любил хитрые задачки, бросающие вызов его интеллекту.

— К тому же — добавил Сергей, — они не должны слишком быстро высыхать в емкости, но достаточно быстро сохнуть на бумаге.

— Ого! Как перевезти козу, волка и капусту через реку... Хорошо, я подумаю. Сколько времени вы мне даете?

— Неделю. Успеете?

— Откуда же я знаю? Нужно будет попробовать. В любом случае не раньше... Когда запускаем производство?

Зачем он спросил?

— Если не случится ничего непредвиденного — в понедельник, — осторожно заметил Сергей.

— Мне ведь для проб будет нужен метилфиолет.

Логичное объяснение. Правдивое ли?

— Если у вас получится паста, — легкомысленно пояснил Сергей, — то, я думаю, все наше производство переналадить на нее. Будем делать шариковые ручки для летчиков. По моим прикидкам, они летчикам очень подойдут.

Химик озадаченно посмотрел на Сергея, удивленный такими наполеоновскими планами, но ничего не сказал. Мол, хозяин — барин.

— Хорошо. Виктор Алексеевич, проследите, пожалуйста, чтобы тут все установили на свое место, а мне нужно в город... Одного человека повидать...

* * *

— Знаю ли я Виктора? — Профессор Крещенский был озадачен вопросом. — Конечно, знаю. Один из моих лучших учеников...

Ответ Сергея не удовлетворил.

— Скажите, Федор Федорович, а как ваш ученик выглядит?

— Вы что же, — профессор захохотал гулким смехом, напоминая Деда Мороза, — думаете, что кто-то убил Виктора и занял его место, чтобы, так сказать, войти в ваше дело? Напоминает рассказы о Фантомасе!

— О ком?

Сергею казалось, что Фантомас должен появиться гораздо позднее, где-то годах в шестидесятых.

— Фантомасе. Знаете, эти французские романы о зловещем убийце в маске, они полны переодеваний, перевоплощений и таинственных убийств. Поверьте, в жизни такое случается очень редко...

— И все же, как выглядит Виктор Алексеевич?

— О господи... Невысокий, худощавый, темные волосы, бритый, темные глаза, приятные черты лица. После того случая на Крестовском постоянно кашляет...

Он.

— Скажите, а что тогда случилось?

— Виктор связался с одним мерзавцем... В общем, его

спутали с ним...

— Мерзавцем? — насторожился Сергей. — Уголовники?

— Нет, его просили провести химические исследования, что-то там разработать, и, насколько мне известно, результатами заинтересовалась польская разведка...

Понятно, почему Виктор Алексеевич сбежал из Питера... Ладно, человек, умудрившийся перейти дорогу иностранной разведке, навряд ли станет работать на уголовников... Наверное.

Сергей со стыдом вспомнил, как он врал химику насчет своих планов производства ручек для летчиков. Придумано-то было на ходу, только чтобы химик, если он работает на конкурентов, сообщил им, что в дальнейшие планы Сергея входит переключиться на пасту для ручек. Черт, нехорошо получилось... Неправильно...

— Скажите, Федор Федорович. — Сергей взял конфету и отпил глоток чая. — Почему вы помогли мне? Вы ведь приняли меня за большевика, а их вы не любите...

— Вы хотите сказать, что вы не большевик?

— Нет, — улыбнулся Сергей.

— А очень похожи... Большевики, при всей их безграмотности и желании все разрешить лихим кавалерийским ударом, обладают по крайней мере одной положительной чертой...

— Какой же?

— Они искренне хотят сделать всех людей счастливыми. Понимаете, они искренни в этом своем желании, в желании сделать этот мир счастливее...

— Да?!

В представлении Сергея все, что хотели большевики, — это устроить мировую революцию, чтобы... Чтобы что? Он задумался. Действительно, а для чего была нужна эта революция большевикам в его мире? Как-то никто на этом вопросе не останавливался. Предполагалось, что мировая революция — вещь настолько плохая, что ничего хорошего за ней не последует. Но не хотели же они в самом деле просто поубивать всех и каждого, а выживших — загнать в концлагеря? То есть большевики плохие, потому что хотят мировой революции, а мировая революция — это плохо, потому что ее хотят плохие большевики, а они ничего хорошего хотеть не могут, потому что плохие...

Нужно было учить историю.

— Вы же, молодой человек, играете на руку большевикам.

Они строят свой новый мир, пусть плохо, пусть по странным планам, но строят. И ваша чернильная фабрика — маленький кирпичик в этой грандиозной постройке...

— Значит, вы решили помочь большевикам в моем лице? Федор Федорович, ведь вы не можете любить большевиков. Они лишили вас вашей страны, спокойствия, лишили вас практически всего...

— Знаете, это очень интересный вопрос... Вы слышали такое выражение: «гнилая интеллигенция»? Наверняка слышали. Лично я всегда считал, что это — просто оскорбительная кличка, данная большевиками, в большинстве своем грубыми и необразованными. Такие люди должны ненавидеть тех, кто умнее их, и стараться всячески принижать их значимость. Но вот года два назад... вы не читали газету «Накануне»? Нет?.. В этой газете мне попалась интересная заметка. В ней делили интеллигенцию на «гнилую» и «железную». Проанализировав заметку, я пришел к выводу, что «железная», по мнению автора, это та интеллигенция, которая не теряется при меняющихся жизненных обстоятельствах, а быстро на них реагирует, оставаясь при этом именно интеллигенцией. Первоначально я посчитал такой подход неправильным: не должен врач работать грузчиком, а инженер — дворником. И вот тут меня задело. Что будет правильнее: сидеть дома и молча злиться на большевиков, поломавших такую тихую и уютную жизнь, или признать их чем-то вроде стихийного бедствия и начать жить в изменившихся условиях? Ведь если на ваш дом налетит ураган и сорвет крышу, вы же не будете продолжать жить под открытым небом, делая вид, что ничего не случилось, или злиться на слепую стихию? Ведь так? Я задумался, а прав ли я. Нужно ли мне продолжать ждать, когда большевики соизволят вернуть все, как было, или же мне стоит приложить и свои усилия?

Представьте ситуацию: у вас в доме поселился грубый, невежественный человек. Он ест ваши продукты, спит в вашей кровати, пристает к горничной, и, в конце концов, дело доходит до того, что он угрожает вам оружием. Что будет правильно с точки зрения интеллигента: молча подчиниться? Глупо хлопать: «Полиция, милиция, на помощь»? Или же скрутить и выбросить вон мерзавца? А?

— Под грубияном вы понимаете большевиков? — усмехнулся Сергей. — Да вы контрреволюционер!

— Да какой я контр, — махнул рукой профессор, — возраст

у меня уже не тот... Так вот, я уже смирился со своей пассивностью. До вашего прихода. Пообщавшись с вами, я понял, что те самые дикари-большевики, в отличие от меня, не собираются жить прошлым и на его обломках. Они идут в будущее, а я продолжаю думать о прошлом. Прав ли я?

Сергей молчал.

— Нужно ли сидеть, закрывшись в собственной скорлупе, когда вокруг тебя грохочет стройка нового мира? Сначала меня насмешило ваше желание организовать сложное химическое производство, не имея даже элементарных знаний. И только в ходе разговора я понял, что вы — я имею в виду не только вас персонально, но и всех большевиков — постройте то, что хотите. Со мной или без меня. И буду ли я прав, отказывая в помощи только потому, что вы мне не нравитесь? Достойно ли высмеивать тех, кто делает хоть что-то, не делая ничего самому? Правильно ли это?

Сергей молчал.

— Мне, — наклонился к нему профессор Крещенский, — не хочется быть... гнилым.

* * *

Под вечер Сергей вернулся в мастерскую. Троица работников сидела на лавочке с настолько беззаботными лицами, что он сразу заподозрил неладное.

— Ладно, рассказывайте, что произошло.

— Ничего, — дружно и отрепетированно отозвались ребята.

— Совсем ничего?

— Совсем, совсем!

— Значит, я могу идти домой и прийти только в понедельник?

— Да! Да!

— Или мне все же зайти и посмотреть, как вы установили оборудование?

— Нет, — произнес Виктор Алексеевич. Витя и Кирилл промолчали.

— Что нет?

— Не нужно вам туда заходить... — посмотрел в небо Кирилл.

— Что случилось, Виктор Алексеевич?

— А почему, — усмехнулся тот, — вы меня спрашиваете?

— Просто Витя уже отличился, Кирилл — тоже. По логике — ваша очередь.

— Нет, в этот раз логика вас подвела.

Сергей решил просто пойти и посмотреть, что случилось. Шагнул к распахнутой двери, успел отметить, что окна тоже нараспашку...

Ну и запах!

— Ребята, вы что? Разлили там литр нашатыря?!

— Ну это... — замялся Кирилл, — там у холодильного шкафа трубка... случайно повредилась...

— А запах откуда?!

— Аммиак, — проинформировал химик, — наш холодильник похож на конструкцию доктора Линде, разве что чуть меньше размерами и, похоже, кустарно изготовлен.

— Доктора Линде? — Какая разница, кто изобрел эту штуку?

— Да. Карл фон Линде, изобретатель ацетиленовой горелки. Конструкцию он предложил лет пятьдесят назад, тогда же и компанию по производству холодильных машин организовал.

— Виктор Алексеевич, мне все равно, что там придумал давно умерший доктор...

— Почему умерший? Он еще жив.

— Хорошо, вечно живой доктор. Когда этот запах выветрится?!

— Аммиак — газ легкий и летучий, трещину мы заклеили, так что остается ждать, пока все выветрится естественным путем...

Ждали до темноты.

* * *

— Добрый вечер, Сярежа! — заулыбалась тетя Таня, когда он наконец пришел домой. — А тут к тебе гости пришли! В комнате ждут!

Что еще за гости? От сегодняшнего дня Сергей уже не ждал ничего хорошего. Да еще в комнате?!

Он раскрыл дверь...

— Здравствуй, Сярежа.

У стола, держа в руках надежно, казалось бы, спрятанную книгу заклинаний, стояла...

Алена?

АЛЕНА?!

Сергей понял, что стоит и сжимает девушку в объятьях.

— Алена? Ты как? Ты что? Ты откуда? Ты как?

Сложно ожидать внятных речей от человека, увидевшего девушку, чудом вырвавшуюся из лап черного колдуна.

— Вацетис тебя отпустил?

Алена присела на табурет:

— Отпустил... Он выпросил у меня все, что я знаю.

— Алена... Он тебя... Он тебе... Что-нибудь сделал?

— Нет. Вацетис не злой... Вряднее, злой, но только если яму что-то нужно... Вряднее...

Алена тоже волновалась.

— Помнишь, я говорила, что он книгу ня для сябя исцет?

— Помню.

Неужели Вацетис всего лишь подручный кого-то более могущественного? Мама...

— Я тогда ня могла понять, на кого он работает. Видела только, что на кого-то большого, огромного...

— На кого?

— На людей. На народ. Не для сябя яму книга была нужна. Для всех. Он хочет, чтобы польза от книги всем была...

Алена посмотрела на Сергея:

— Понимаешь, не для сябя, не для кого-то... Всем. Я увидела это в нем и тогда решила рассказать, что знаю. Понимаешь... Он не злой, для себя ницего не требовал бы... А вот для всех... Такие, как он, на любое преступление пойдут, если будут думать, что людям пользу приносят... Понимаешь?

Что тут понимать? Таких людей много...

— Я яму все рассказала...

— погоди. А записку ты мне присылала?

— Какую записку?

Понятно.

— Чтобы я книгу отдал.

— Нет...

— Значит, Вацетис... А зачем ему книга, если он у тебя все узнал, все твои секреты?

— Все, да ня все. В книге ещо много такого есть, что людям знать не положено...

— Так ты что, получается, обманула Вацетиса?

— Ну да.

Тьфу, ты. Сергей так привык считать Вацетиса исчадием ада... А ведь еще Камов сказал, что он — обычный человек. Разве что непростой.

— Алена, кто такой Вацетис? Ты же в людях видишь.

— Он... Он просто человек. Умный, сильный, но человек. Нет в нем ни колдовства, ни волшебства. Ходит он по земле и знания тайные исцет. И находит. Знает он много.

Алена напряженно посмотрела в глаза Сергея:

— Страшно много.

По спине пробежали мурашки.

— И есцо... Я яму больше ня нужна, он думает, цто все от мяня узнал. И книга моя яму больше ня нужна, он думает, цто в ней ницего нового нет...

— И что?

— Тяперь яму ты нужен.

— Я?! Алена, ведь у меня никаких тайных знаний нет...

— Есть. Я не знаю, цто ты знаешь, но Вацетис это знает и хочет узнать.

— Нет у меня...

Сергей запнулся. Нет? А твои знания о будущем? Пусть отрывочные, пусть не о здешнем будущем, но есть. А еще ты знаешь про артефакт... Думаешь, это Вацетису неинтересно?

Вопрос: «И что мне теперь делать?» — вертелся на языке, но Сергей сдержался. Ты взрослый человек, привыкай свои проблемы решать сам.

Лучше поздно, чем никогда.

— Алена, а ты куда теперь? В Загорки?

— Нет.

— А куда?

Девчонка вздохнула:

— Ня знаю... Прятаться мне надо. Вацетис не простит, если узнает про книгу. Пойду по стране... Хочешь со мной?

— С тобой?

Сергей задумался. С одной стороны — бросать уже установившуюся и более-менее размеренную жизнь, с другой — разом оторвать от своего хвоста и Вацетиса с его непонятными пожеланиями, и белогвардейцев, и чернильных корольков Пескова. С одной стороны — здесь какой-никакой комфорт, с другой — с Аленой можно узнать много интересного, те же разговоры,

заклинания... То, о чем мечтал всю жизнь... С одной стороны — бросить Алену, девчонку, к которой он успел привязаться, с другой — подвести людей. Людей, которые на него надеются... Многих людей.

Сергей принял решение:

— Алена, нет, не могу. Я тут нужен... многим...

Нужен? Он, Сергей Вышинский, нужен?

А ведь верно... Нужен.

— Хорошо. — Алена не просила остаться с ней, она была серьезна и спокойна. Девчонка четырнадцати лет, которая отправляется в неизвестность, чтобы спрятать от людей знания, которые им еще рано узнать.

— Алена, погоди. — Сергей выхватил кошелек из кармана, как пистолет, выдернул пачку денег. — Возьми. Тебе понадобятся...

Ну их, эти деньги! Он — заработает. Ей — нужнее.

Колдунья осторожно взяла пачку бумажек, посмотрела на Сергея и медленно спрятала деньги за пазуху.

— Я утром уйду. Можно я у тебя переночую?

— Можно. — Сергей не задумался, что кровать у него только одна.

* * *

Ночь была беспокойная. Они спали с Аленой вдвоем, та прижималась во сне и тихонько, по-детски, всхлипывала и что-то бормотала. Сергей с неловкостью чувствовал, что свой заговор она с него сняла...

Спалось плохо.

— Просдай. Может, есцо встретимся...

— Прощай.

Они держались за руки. Алена привсталала на цыпочки и неловко поцеловала Сергея в губы.

— Счастья тябе.

— И тебе...

Девчонка развернулась и медленно пошла по улице. Обычная деревенская девчонка, на колдунью нисколько не похожая. Уносящая в своей маленькой котомке тайную книгу, которую нельзя давать не в те руки.

В принципе Сергей был согласен с Аленой. И в том, что

книгу нужно прятать, и в том, что прятать должна она. Сейчас есть только один охотник за тайными знаниями — товарищ Вацетис. Алену от уже «отработал» и теперь переключился на Сергея. Поэтому, когда к нему придут, лучше будет, если книга окажется далеко-далеко.

Вацетис... Значит, не колдун, не волшебник, не черный маг... На самом деле, кто видел мага с мандатом? Вацетис — представитель некоей большевистской организации, активно разрабатывающей секреты магии, приемы деревенских колдунов, оккультные тайны... Как там назывался институт в случайно прочитанной книжке? НИИЧАВО? Вот, наверное, что-то вроде... Кстати! Сокращение из мандата! ИИФ! Уж не исследовательский институт ли? Правда, опять все портит загадочная «Ф». Что она означает? Физику?

Да, Сергей здорово ошибся, считая, что большевикам неинтересны магия и колдовство и он сможет спокойно заниматься поисками артефакта. Наивный. Большевикам интересно все. Они как-то умудрились устроить так, что вся страна интересуется наукой и изобретениями. Ну может, и не совсем вся, но многие, очень многие. Институты теоретических наук открывались в 23-м, в 20-м! В 18-м! Здешние большевики открывали школы, институты, техникумы. Они пришли не управлять тупой массой оболваненных подданных, они хотели, действительно хотели сделать весь народ грамотным и образованным. Большевики интересуются космосом, радио, которое здесь вроде компьютеров в XXI веке, химией, физикой. Да что там, Слава упоминал об исследованиях атома! Атома! Так большевики, того гляди, создадут первую в мире атомную электростанцию. Или атомную бомбу. Все же пацифистами они не были.

Даже шла речь о создании «лучей смерти», что-то вроде лазерных, режущих все и вся. Виктор Алексеевич еще, когда услышал об этих лучах, хмыкнул так, как будто лично участвовал в разработках. И сейчас Сергею вовсе не казалось, что у большевиков ничего не получится. У большевиков нашего мира не получилось. Эти — сделают. Настолько все были заражены верой в возможности и силы человека.

Большевики бросили вызов казавшейся несокрушимой власти Российской империи и победили. Понятно, что теперь они уверены, что могут победить все. Вызов природе, вызов вселенной, да что там, самому Богу — кажется, Зоя говорила о том, что где-то

собирались поставить памятник Иуде. Неужели же такие люди не захотели бы поставить себе на службу силы волшебства и магии?

* * *

— Привет, Слава! Здравствуйте, Катя!

Брат с сестрой жили в общежитии, или, скорее, в коммуналке, вдвоем в одной комнате, перегороженной раскладной ширмой с выцветшими японками.

Сергей подумал, что в воскресенье искать Славу на работе бессмысленно, и решил нагрянуть незванным гостем к нему домой: обсудить конструкцию изобретаемой ручки и все такое. Честно говоря, наткнуться здесь на Катю он не рассчитывал.

Девушка-комсомолка его немного пугала. Сергей не мог понять, почему она так радостно приняла его в первые дни знакомства и так неласково встречает теперь. Что не так-то? Неужели все дело всего лишь в том, что он открывает мастерскую и, значит, для правоверной комсомолки перешел «на темную сторону»? На сторону капиталистов?

Но ведь он по-прежнему он. Или здесь не признают компромиссов? И друг — это друг, а враг — это враг, и никаких «понять, простить»?

Как все сложно...

Катя немного натянуто улыбнулась Сергею и скрылась за ширмой.

— Хочешь есть? — спросил Слава, держа в руках огромную сковородку с горячей жареной картошкой.

Сергей вдохнул ароматный парок и неожиданно упал в обморок.

* * *

— Ну как так можно?! Как?! — Катя не находила себе места от возмущения. — Сколько нужно было не есть, чтобы упасть в голодный обморок?! Сумасшедший!

Сергей не назвал бы обморок именно голодным. Просто... Перенервничал на этой неделе, не выспался. Он же ел. Буквально... Сергей задумался. А правда, когда он ел последний раз? В памяти сведения отсутствовали. Вернее, были воспоминания о чем-то наскоро проглоченном, но это было... Три дня назад?!

— Я болен, — прошептал Сергей, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком уж умирающе. Получилось. Почти.

— Я сама вижу, что болен! Только больной может настолько увлечься своей дурацкой мастерской!

— Нет. Я на самом деле болен. Я с рождения не чувствую вкуса пищи, и у меня нет чувства голода.

— Правда? — Судя по голосу, Катя окончательно записала Сергея в смертельно больные.

— Правда не чувствуешь? — В комнату вошел Слава с большой алюминиевой кружкой, прихваченной полотенцем. — Я тут немного бульона подогрел. Выпей.

Над Сергеем склонились две рыжие головы. Он, чувствуя себя крайне неловко, отхлебнул из кружки...

— Слава... — Обожженный язык защипало. — Я вкуса не чувствую, но это не значит, что могу выпить кипятка!

Слава схватил кружку за бок, обжегся, кружка упала на пол, бульон выплеснулся широким фонтаном.

— Перекусил...

* * *

Через полчаса брат с сестрой все же напоили Сергея бульоном и теперь размышляли, что с ним делать. Не обращая никакого внимания на робкие возражения бывшего больного.

— Слава, я вообще-то хотел обсудить с тобой конструкцию ручки...

— Вот! Отлично! Катя, мы берем Сергея с собой!

— Нет! Ты же помнишь...

— Помню, помню. Катя, что в этом такого? Ведь тебя увижу я, увидит кто-нибудь другой...

— Но не он!

— Никаких возражений! Сергей идет с нами.

— Иду куда?

Сергей сидел на кровати и водил головой от одного спорщика к другому.

— Мы с Катей сегодня собирались идти купаться на реку. Вернее, купаться собиралась Катя, а я — скучать на берегу...

— Тогда я не пойду! — развернулась девушка.

— Катя, не будь ханжой. Ты достаточно красива и можешь показать себя...

У Сергея появилось подозрение, что Катя собиралась купаться голышом и теперь стесняется. Правда, почему тогда брат не видит ничего плохого в том, что его обнаженную сестру увидит посторонний.

— Катя, обещаю не смотреть в вашу сторону, — попытался примирить их Сергей.

— Можешь не смотреть! — Она, похоже, обиделась. Вот и пойми их, девушек...

— Отлично, — Сергей решил немного разрядить обстановку, — пиво берем?

— Нет!

Разрядка не получилась.

— Катя не пьет... пиво. И водку не пьет. — Слава подумал. — И вино.

— Лимонад?

— Я не маленькая девочка!

— А мне, — встрял Слава, — нравится лимонад.

— И мне, — добавил Сергей.

Катя фыркнула.

* * *

— Значит, вкуса ты не чувствуешь? — Катя по дороге на реку выпытывала у Сергея особенности его «болезни».

— Нет.

— Сейчас проверим. — Катя протянула руку через соседнюю изгородь, белое платье туго обтянуло... спину. — Ешь.

— Катя! — возмутился Слава. На узкой ладони лежала горсть крыжовника. Зеленого, как изумруд.

— Ешь.

Сергей спокойно закинул ягоды в рот и разжевал. Проглотил. Катя пристально смотрела ему в лицо. Он посмотрел на нее и подмигнул.

— А как же тебе тогда может нравиться лимонад? — Катя кивнула на корзину, в которой Слава нес булки и несколько бутылок лимонада с неизвестным Сергеем названием «Лагидзе».

— А он мне не нравится, — прищурился Вышинский. — Я приврал, чтобы ты согласилась.

Катя сверкнула глазами и отвернулась. Сергей со Славой взялись обсуждать будущую ручку.

— Из чего корпус будем делать?

— Из пластмассы, — ляпнул Сергей и прикусил язык. Какая еще пластмасса в двадцать пятом?

— Из какой именно? — невозмутимо уточнил Слава.

Что, здесь она уже есть?

— А какие бывают? — осторожно поинтересовался Сергей.

— Ну, самые распространенные: эбонит, галалит, тот, что из молока делают...

Пластмассу — из молока?! Чего только на свете не бывает...

— ...целлулоид, бакелит, карболит. Ты слышал о карболите?

— Да нет. — Чего не слышал, того не слышал. Если быть совсем уж честным, из всего перечисленного Сергей слышал только про «эбонит» и «целлулоид». И то в анекдоте.

— Его придумал русский инженер в тысяча девятьсот двенадцатом году...

Сергей уже понял, что Слава просто кладезь различных знаний, касающихся техники и науки. Еще бы он не начинал рассказывать о изобретениях в самых неожиданных местах... Хотя слушать было интересно.

— Под Москвой есть даже завод, который так и называется «Карболит». Его рабочие пять лет назад подарили Владимиру Ильичу чернильный набор, сделанный из этой пластической массы. В честь начала ГОЭЛРО...

— Что это такое? — Название Сергей смутно вспомнил, но с чем оно связано...

— Как что? А, ну да... ГОЭЛРО — государственный план электрификации России, принятый в тысяча девятьсот двадцатом году. По нему в течение десяти лет в СССР будет построено тридцать электростанций, что позволит развить промышленность, построить множество заводов, провести электрический свет в каждую деревню...

— Да, — не смогла удержаться Катя, — без электричества нет коммунизма. Владимир Ильич Ленин так и сказал: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны».

— А как этот план выполняется? — Планы планами... но Сергей хорошо помнил, как в наше время выполняются различные госпроекты.

— Считаю, — начал загибать пальцы Слава, — уже запущена электростанция в Кашире. Между прочим, — поднял он

палец, — вторая по мощности в Европе. Уже почти построены и скоро будут запущены в Нижнем Новгороде и Шатуре, строится плотина на Днепровских порогах... Так что выполним!

— А ты, Сергей, не веришь? — Катя все еще немного дулась. — Ты вроде Герберта Уэллса...

— Уэллса?! Того, что написал «Человека-невидимку»? А он тут при чем?

— Так он пять лет назад приезжал в Россию и встречался с товарищем Лениным. Владимир Ильич рассказал ему о наших планах, а тот обозвал его мечтателем и сказал, что в дикой стране никогда ничего не получится. А у нас получится! Получится!

Да, подумал про себя Сергей, хотя чему удивляться? Если уж большевики начали институты открывать во время войны, то почему бы им не запланировать огромный план развития всей страны сразу после войны? Кто-то еще говорил, что Сталин принял Россию с сохой... Что-то вторая по мощности электростанция не очень-то похожа на соху... А ведь в нашем мире тоже было ГОЭЛРО. Даже лампочки называли «лампочками Ильича»...

* * *

На берегу — троица ушла довольно далеко за город, людей поблизости не было — на небольшой зеленой лужайке Сергей и Слава расстелили покрывало, опустили в воду бутылки с лимонадом, чтобы не нагрелся.

— Катя, ты, если хочешь, купайся, а мы тут с Сергеем о нашей ручке поговорим.

Девушка сердито ожгла их глазами, но Слава уже уселся, скрестив ноги, и раскрыл блокнот с коричневой клеенчатой обложкой.

— Значит, материал — эбонит?

— Если не окажется слишком сложно или дорого, — осторожно уточнил Сергей. — Может, проще будет вытачивать из дерева.

— Изобретатели, — пробурчала Катя, выдохнула, как будто собиралась окунуться в ледяную воду, и одним движением скинула платье.

Сергей попытался честно отвернуться, но замер, пораженный.

На Кате был купальник-бикини. Красный. С завязочками.

Так вот почему она так сопротивлялась тому, что Сергей пойдет с ними... Судя по всему, в частности по тому, что кожа Кати была белой, за исключением рук чуть выше локтя (отец называл такой загар почему-то «офицерским»), раньше Катя если и купалась, то в здешних полностью закрытых купальниках с рукавами.

Тут Сергей осознал, что пристально разглядывает девушку, чье лицо по цвету уже сливается с купальником. Отвернулся. За спиной зашлепали босые ноги, плеснулась вода.

— Это она нового купальника стесняется, — поднял голову от блокнота Слава. — Все комсомолки себе уже «библиотечный» сшили, ей тоже захотелось попробовать.

— Почему библиотечный? — Хотя Сергей уже понял, кто был первоисточником распространения бикини среди песковских комсомолок.

— Так его Зоя придумала, местная библиотекарша. Та еще... штучка. Так, давай вернемся к ручке...

* * *

Катя купалась долго, видимо привыкая к мысли, что ее видели почти голой. За это время два изобретателя успели обсудить конструкцию ручки и набросать основные пункты ее создания.

На Сергее было изготовление шариков, а также работа с Виктором Алексеевичем над пастой. Слава тоже не сидел без дела: он успел договориться с часовщиком о том, что тот выточит пишущие узлы и вставит в них шарики, когда те появятся.

— Вот только, — поделился Сергей, — боюсь, что шарики будут немного гулять размерами. А как выбрать только самые подходящие, я пока не придумал. Не измерять же каждый линейкой под лупой...

Слава посмотрел на сотоварища, как на идиота:

— Зачем измерять? Закажи грохот, ну, в смысле, двойное решето с точными отверстиями: в верхнем будут отсеиваться те шарики, которые больше нужного размера, в нижнем — те, что меньше. Вот и все.

Будь поблизости зеркало, Сергей сам посмотрел бы на себя, как на идиота. Почему сам не сообразил? Из-зобретатель...

В конечном итоге будущая ручка приобрела следующие черты: корпус (над ним пообещал поработать Слава) то ли

эбонитовый, то ли деревянный, пока не определились, что будет лучше и дешевле, внутри корпуса — сквозное продольное отверстие, в которое вставляется стержень. На конце корпуса — медный конусовидный наконечник, чтобы узел не разрушал корпус. Стержень решили сделать из медной трубки. На одном конце — латунный пишущий узел, крепящийся на резьбе, внутри — паста. На противоположном торце — поршень с пружиной, который проталкивает пасту к шарик. Стержень вставляется в корпус, и все закрывается медной пробкой с зажимом для крепления ручки к карману.

— Должно работать, — подытожил Слава.

Когда Катя этакой комсомольской русалкой вышла из воды, Сергей и Слава спорили над тем, нужно ли придумывать ручке название, марку или можно и так. Слава склонялся к пафосным названиям типа «Ленин», «Рыков» или чего-то в этом роде. Сергея от таких названий потряхивало, и он предлагал нечто более удобоваримое, взятое, скажем, из английского языка. Против таких названий был уже Слава.

— О, Катя наплавалась. Пойду и я окунусь.

Слава скинул рубаху и штаны и побежал в реку. В широких черных трусах до колена. Катя натянула платье на мокрый купальник и присела рядом с Сергеем.

— Ты видел?

— Зоя Морозова предложила?

— Такой разврат могла придумать только она? Как тебе?

Что тут скажешь? Эротично? Откровенно? Смело? Сергей чувствовал, что ни один из этих вариантов Кате не понравится.

— Очень... по-новому.

— По-новому? — Девушка взглянула на себя, как будто не видела раньше. — По-новому... А ведь ты прав: раньше, в царские времена, девушку, осмелившуюся показаться в таком виде на пляже, заклевали бы. Распутство, разврат!

Катя оживилась. Наверное, она боялась услышать осуждение или, что с ее точки зрения было бы еще хуже, некий сомнительный комплимент.

— Девушки при коммунизме не должны стыдиться показать свое тело. Если оно, конечно, красивое, спортивное... Наверяд ли будет правильным демонстрировать дрябл.ое тело и жирные складки...

Сергей был согласен на все сто.

— Так ведь уже организовывалось общество «Долой стыд», — вспомнил он.

— Сначала нужно перестроить психологию общества, его отношение к женщине не как к предмету, а как к личности! Что приходит мужчине на ум первым при виде обнаженной женщины? Только половые отношения. Вот когда перестроится психология, тогда и станет возможным обнажение без смущения. Сейчас же — нет.

Катя покраснела. Видимо, она сама еще была далека от идеальной коммунистической девушки и разговор на такую тему ее смущал.

— Хотя само появление «Долой стыд!», — продолжала она, — уже многое говорит о свободе в СССР. Что ждало бы этих людей в прошлом, до революции? Осуждение ханжеского общества, возможно даже, обвинение в сумасшествии. Сейчас же их обвинили только в мелком хулиганстве, а общество просто посмеялось. Но, повторяю, при царе их появление было бы и вовсе невозможным. Или это были бы распутники в поисках новых ощущений...

— Скажи, Катя, а что для тебя СССР?

— Свобода, — не задумываясь ответила та. — Свобода для человека — строить общество всеобщего счастья. В старое время рабочие, крестьяне были всего лишь винтиками в огромной машине, об их пользе никто не задумывался, место в обществе им было уготовано от рождения, а сейчас каждый волен стать тем, кем ему захочется. Рабочим, крестьянином, инженером, ученым...

— А разве в царские времена сын рабочего не мог стать инженером?

— Не мог, конечно. Ты слышал о законе «О кухаркиных детях»? Детям рабочих, слуг, мелких купцов вообще запрещалось обучаться в гимназиях! Да дело даже не в этом! Представь, что Слава сочинял бы свои космические корабли до революции и придумал бы что-то действующее. Смог бы он убедить хоть кого-нибудь построить корабль? Нет! Сразу вопросы: «А сколько денег это принесет?» «А как можно использовать ваш корабль в военных целях?» И все! Да, скорее всего, его бы и слушать не стали. Что такого может предложить сын мелкого чиновника из провинции? Смешно и говорить. А сейчас любое предложение станут рассматривать: есть в нем толк или нет. И не посмотрят на личность того, кто это предложил...

Сергей подумал, что, наверное, все-таки если что-то предложит сын священника, к его предложению тоже отнесутся с предубеждением. Хотя... Кто знает...

— Каких только проектов не было предложено в первые годы советской власти, — продолжала Катя, — и смотрели тогда не на человека, не на возможные выгоды, а только на целесообразность. Вот, например, было предложение ввести в обязанность для всех граждан страны носить одинаковую одежду...

Сергей содрогнулся. В принципе, именно такой образ — толпы одинаково одетых людей и вставал перед его глазами при слове «коммунизм».

— И почему не приняли?

— Во-первых, коммунизм не всеобщая уравниловка. Так думали во времена социалистов-утопистов, но сейчас-то понятно, что такой подход ни к чему не приведет. И уж точно счастья не прибавит. А во-вторых — целесообразность. Ну переоденем мы всех в одинаковое. Что это даст? В чем польза такого предложения? Ни в чем, кроме того, что мы потешим сторонников уравниловки да истратим все запасы синей ткани. Не приняли, конечно. Или вот было еще предложение, на мой взгляд, толковое. Перевести русский алфавит на латиницу. Как тогда думали? В России грамотных — один из пяти. Можно этого одного переучить на латиницу, а четырех других учить уже сразу на ней. Зато проще было бы общаться с другим миром...

Не было бы проблем с клавиатурными раскладками... Вообще, планы у здешних большевиков были действительно глобальными. В переводе языка на латиницу даже было что-то полезное.

Значит, для Кати СССР — возможность быть свободной и строить счастливое общество... А о царской России она не жалеет, там у нее не было бы никаких шансов.

Профессор Крещенский о России жалеет, но и в СССР нашел чем заняться.

Интересно было бы услышать мнение капитана Ждана по этому поводу...

* * *

— Дядя Анисим!

Сергей был искренне рад видеть старого пасечника-

контрабандиста.

— Плямяш! Проходи, садись!

Никитич ловко хлопнул рюмку самогона и закусил огурцом. Сергей присел за стол, рядом с ним тут же оказалась полная рюмка и тарелка жареной картошки.

До попадания в 1925 год Сергей искренне не понимал привычки американских детективов постоянно отпивать виски из карманной фляжки. По его разумению, уже к середине дня такой детектив не должен был лыка вязать, не то что преступления распутывать. Пообщавшись с Никитичем, он понял: все дело в привычке. Из фляжки пасечник, конечно, не хлестал, но выпить стопку-другую за обедом или ужином для него было делом привычным. Самое главное, на нем выпитое нисколько не сказывалось. Хотя может, все дело было в самогоне.

Если верить многочисленным фильмам о жизни деревни, самогон — нечто мутно-белое, в огромной бутылки, заткнутой обгрызенным кукурузным початком. А если послушать всяких там юмористов, запахом ядреного деревенского самогона можно было травить мух. В действительности же самогон — если его, конечно, делали по всем правилам и для себя — был прозрачнее воды, ароматнее водки и ее же вкуснее и мягче. Сергей с удовольствием выпил свою стопку. Самогон пах горячим хлебом.

— Ну цто, плямяш, с Аленой не встречался?

— Встречался... встречался.

— Да ну? И когда она в Загорки вярнется?

— Да вроде бы говорила, что не вернется. По России пойдет.

— Эх... — Никитич выпил еще одну. — Дурак ты, плямяш!

Деревянная ложка звонко щелкнула Сергея по лбу.

— Какую дядвонку упустил.

— Дядя Анисим, да ведь дела у меня в городе. Людей подведу!

— Дяла у няго... У всех дяла.

Никитич захрустел огурцом. Сергей внимательно посмотрел на пасечника.

Напротив него сидел крепкий, не старый еще мужик. Который не может сидеть без работы, который трудится и трудился всегда. А вот как он относится к большевикам?

— Дядя Анисим, вот скажи, а тебе когда лучше было — при царе или сейчас... Ай!

Ложка ударил в лоб еще раз.

— А ты сам, плямяш, подумай, когда мне лучше: саяцас, когда у мяня зямля есть, или тогда, когда у мяня яе не было?

— Как не было? А на чем ты тогда работал?

— Работал-то я на зямле, да ня на своей. Зямля при царе принадлежала не крястьянину — миру...

Миру?

— Вот сам смотри. Живет в дяревне пять сямей. — Никитич воткнул в жареную картошку на сковороде пять огурцов. — Мир выделил уцатки. — Черенок ложки расчертил картошку на пять «участков». — На этом — камни, на этом — песок, на этом — хорошая зямля, на этом — холм, а здесь и вовсе — болото. Как раздялить по справядливости?

Хороший вопрос...

— Во-от. Тогда делают так: каждый кусок делят есцо на пять цастей, цтобы никому обидно не было, так и раздают: каждому по кусоцку и хорошей, и болота, и с камнями, и с песком...

— Так неудобно же!

— Неудобно. Зато по справядливости. Да ясцо цась зямли у помещиков, и крястьянину на няе ходу нет. Да ясцо, если вдруг у Гришки, — Никитич поднял один из огруцов, — или Петьки жена дятей нарожает, мир приговорит землю пярядялить. У всех отрезать, да им добавить.

— А если все понарожают?

— А если все понарожают, тогда у всех зямли останется столько же, а ядоков прибавится... Вот мужики-дураки дятей и плодили. Каждый-то думал, что яму зямлицы прибавится...

Сергей вспомнил толстую умную книгу «Экономикс». Там говорилось о действиях, которые будут полезны для отдельного человека, если он сделает их один, и вредны для всех, в том числе и для него, если их выполняют все. Похоже, с землей до революции вот это самое и творилось: каждая семья старалась побольше детей настрогать, цтобы побольше участок отхватить, а в итоге — земли столько же, а ртов больше. Еды, соответственно, меньше. А кто-то еще говорил, что до революции крястьянам так хорошо жилось, что население страны увеличивалось прямо-таки ударными темпами. А дело-то вон в чем.

— А теперь? Земля у тебя в собственности?

— И тяперь не в собственности. В аренде она у мяня на три года взята.

— Постой, дядя Анисим. А в чем разница-то?

— А разница в том, что сейчас зямли дают, сколько хочешь, лишь бы в силах был управиться с ней. Лишь бы сил хватило. А тех, кто слишком уж разворачиваться нацинает, — повышенный налог. Чтобы, знацит, не богатели...

— Так это плохо.

— Хорошо это. Чтобы слишком забогатеть, нужно, чтобы у тебя работники были. Батраки. А откуда ты их набьрешь, если всем зямли выделили по силам? Кто на чужого дядю пойдет работать? Вот тогда такой кулак и нацинает всех долгами опутывать, чтобы, знацит, к нему работать за долги шли. Знаешь, откуда название «кулак» пошло?

Сергей смутно припоминал из газетных статей, что этим словом называли настолько работающих мужиков, что у них от работы руки не разгибались, так со сжатыми кулаками и ходили. Или таких, которые от работы так уставали, что засыпали, под голову кулак подложив. Однако сейчас ему начало казаться, что происхождение слова было несколько иное...

— Потому что он всех в кулаке держит! Потому и кулак. А сейчас таким особой воли не дают. Вот и думай, кто лучше, большевики или царь Николашка.

— Никитич, а разве большевики хлеб не отбирали?

— Про продразверстку говоришь?

— Ну... да. Наверное.

— Отбирали, а как же. Когда война шла, когда совсем им нявмоготу приходилось, голодали. А мужицки — народ темный, сами хлеб не отдадут...

Никитич ухмыльнулся так хитро, что стало понятно, что от него хлеб большевики тоже получали со скрипом.

— Вот и ходили, забьрали. Так ведь война. Вон и при царе, когда война шла, та же самая продразверстка ходила...

— При царе?

— Ага. Дай бог памяти, года с шестнадцатого. Царю, поди, тоже есть хотелось...

Интересно...

Сергей обдумывал слова Никитича, пока допивали самогон, пока прощались и потом, когда лежал в кровати.

Значит, крестьянину, если он работающий, при большевиках лучше. Сколько земли можешь обработать, столько и дадут. А при царе, значит, уравниловка была. Да еще и мелкими кусочками.

Никитичу и при большевиках хорошо, и при царе, хоть и потруднее, но тоже прожить можно.

Кате без разговоров лучше сейчас. Перед ней все дороги открыты, а при царе — везде табличка «Не то происхождение»...

Профессору лучше при царе было, уважения больше. Но он вроде Никитича, работу себе всегда найдет...

Кому же сейчас хуже всего?

Сергей не заметил, как заснул.

Во сне к нему пришел капитан Ждан.

* * *

Капитан выглядел грустным и бледным. Сложно было бы ожидать другого от мертвого человека.

— Ну что, большевик. — Капитан сцепил руки в замок и положил на стол. — Поговорим?

Сергей присел на табурет. Они находились в том самом помещении, кабинете Паши Поводня, где состоялась их предпоследняя встреча.

— О чем будем говорить, господин капитан?

— Да о том же самом. О вас, большевиках. Ты же хотел узнать мое мнение?

— Хотел.

— Вот и слушай.

Капитан поправил на голове неизвестно откуда появившуюся широкополую шляпу:

— Ты хочешь знать, что я думаю о вас, большевиках? Как я к вам отношусь? А как я могу относиться к врагам? А ведь вы враги.

— Почему? — Сергей ощущал странное спокойствие.

— Почему? А ты вспомни, что произошло. Была страна, огромная, великая... — Ждан встал из-за стола и начал прохаживаться. — Мощная армия, развивающаяся промышленность, множество неосвоенных земель, полезных ископаемых... Хлебом торговали со всем миром. Нашу культуру знали по всей земле. Были проблемы, да, были, куда без них. А у кого их нет? Их нужно было решать... Но тут вдруг... хрясь!

Сергей вздрогнул. Капитан резко переломил о колено черную резную тросточку с серебряным набалдашником.

— Крысы! Нашлись крысы в нашей стране. Одни во власть

пролезли, на самые верхи, и оттуда начали корабль раскачивать. Другие, с вражескими разведками повязанные, начали народ мутить. А народ что? Народ глуп. Ему сказали, что он плохо живет, он и поверил. Пошел за теми, кто счастливую жизнь обещал...

— Извините, капитан. Если бы народ так хорошо жил, как вы говорите, никто бы его на восстание не поднял. Люди в большинстве своем ленивы, и, чтобы выйти на баррикады, им нужно что-то побольше, чем простой обман.

— Морковка! — Ждан повернулся. — Морковка, которую всем посулили. Счастливое будущее!

Казалось, он сплюнул.

— И вот теперь смотри, большевик. Страна развалена, рассыпалась на кусочки, заводы, фабрики встали. Народы сошлись в кровавой войне, мораль упала, повсюду разгул преступности, бандиты, коррупция... И все ради чего? Ради воплощения в жизнь вашей химеры, подsunутой благородными заграничными друзьями?

Капитан вжикнул молнией на черной косухе.

— Теперь ответь мне, большевик. Стали вы жить лучше? Стоило оно того?

— Ты не прав, капитан. — Сергей был спокоен. — Ты представляешь большевиков разрушителями, которые хотели только хаоса. А ведь они строят, строят свое светлое будущее, о котором ты отзываешься с таким презрением. Пусть медленно, пусть с ошибками. Они — строят. Ты — разрушаешь. Так кто теперь крыса?

Красные квадратики на петлицах капитана блеснули и превратились в золотые звездочки на погонах.

— Разрушаю? Представь, большевик, что то, что сейчас сказал мне, ты говоришь партизану в тысяча девятьсот сорок первом году. Мол, фашисты тоже строят свое светлое будущее, зачем сопротивляться. Представил?

— Тут есть разница...

— Какая?

— Фашисты изначально были настроены на уничтожение...

— И большевики тоже. Только фашисты уничтожали народы, а большевики — классы. Разницы нет.

— Есть. Для фашиста ты должен быть уничтожен только потому, что ты — русский, белорус, украинец, еврей, цыган... Представитель неполноценной расы. Для них ты уже от рождения проклят. Большевики же согласны на то, чтобы человек сменил род

деятельности. Из эксплуататора стал тружеником...

— Как у тебя все просто! Боюсь, казаки с тобой бы не согласились. Да и все те офицеры, которых расстреляли, замучили, утопили, — тоже.

— Они воевали против большевиков. Понятно, что для них они стали врагами. Но ведь большевики же объявляли амнистии. Даже тем, кто с ними воевал. Слащов, например... Ведь на стороне большевиков столько народа...

— На сторону фашистов тоже переходили. От этого фашисты становились правыми?

— К немцам переходили единицы...

— Хорошо. Представь, что твою страну захватил враг. Хитрый, подлый и коварный. Он обманул всех, и его поддерживает большинство населения.

Взгляд Ждана сверлил Сергея.

— Что ты будешь делать? Сдашься? И будешь верно служить врагам? Или продолжишь сопротивление?

Глаза расширились, заполнили собой вселенную.

— Что ты будешь делать? Что? Что?

Сергей проснулся. Весь мокрый, он подскочил на кровати.

Никакого капитана не было. За окном чернела ночь. Сергей упал на подушку. Прикрыл глаза.

Спор с капитаном, по сути, был спором с самим собой, продолжением дневных размышлений.

Сейчас у каждого был свой собственный путь.

Путь дяди Анисима и профессора Крещенского (при всей их диаметральной противоположности очень схожих людей) — делай свое дело, и будет то, что будет. Разница только в том, что пасечнику лучше сейчас, а профессору было лучше до революции. Но их жизненный путь одинаков.

Путь работника.

Второй путь: это Катя и Слава. Активные, искренне верящие в идеалы коммунизма. Путь людей, которые не хотят просто жить, людей, которые хотят счастья всем.

Путь светочей.

И вот теперь, пусть и странным образом, пусть и в собственном сне, Сергей узнал, что может быть и третий путь. Путь капитана Ждана.

Путь ненависти.

Сергей подумал, что он не может сказать, прав ли капитан

из его сна или нет. Его позицию можно было признавать или проклинать, но не уважать капитана было нельзя.

Становится ли твоя идея ложной только потому, что ты проиграл? Что будет правильным: продолжать свою войну даже тогда, когда все другие капитулировали, или пойти на службу к вчерашним врагам? Кем ты будешь, сделав свой выбор?

Верным патриотом или тупым консерватором? Сторонником свободы или предателем родины?

Сергей не знал ответа на эти вопросы, но горячо надеялся на одно: что ему никогда не придется стать перед подобным выбором.

* * *

По дороге в мастерскую Сергей продолжал размышлять о сегодняшнем сне. Прав ли капитан Ждан? Нужно ли ему было прекратить сопротивление? Или продолжать свою безнадежную борьбу?

Цели капитана, несмотря ни на что, вызывали уважение. Правда, кроме целей, бывают еще и средства...

Вот средства капитана Сергею не нравились. Черт бы с ним, с тем, что он, Сергей, пострадал от белогвардейцев, в конце концов, от современного ОМОНа тоже можно получить по почкам, когда они задерживают в каком-нибудь ресторане. Им некогда разбираться, прав ты или виноват. А вот то, что ослепленный местью капитан связался со спецслужбами Эстонии, которая здесь была врагом...

Привести в свою страну врага, чтобы тот помог сбросить ненавистный тебе режим, не самый лучший путь.

Кстати, о пути. Сергей вспомнил свои утренние рассуждения о трех путях, по которым идут его здешние знакомые. Самое интересное, что все три пути ведут к некой светлой цели.

Горящие идеей Слава и Катя подталкивают народ к светлому будущему. Капитан Ждан тянет — тянул — в светлое прошлое. А профессор, пасечник, химик — они работают, чтобы создать светлое настоящее.

Вопрос: с кем идешь ты, Сергей Аркадьевич?

Вышинский поразмыслил. Вообще-то здесь, в двадцать пятом году, он в одной массе с работниками. В прошлое не тянет — для него что СССР, что царская Россия — глубокая древность. В будущее не ведет — как-то не привлекала Сергея роль вождя,

произносящего речи с трибуны. Правда, вести за собой можно и примером, вот как Катя, но какой из него пример? «Сяктант» неизвестного происхождения, нэпман-эксплуататор. Нет, тихомирно работать — вот его судьба здесь. Пока не найдет время выбраться в Питер и найти артефакт.

Интересно (мысль пришла уже на подходе к воротам мастерской), по какому пути я шел до провала в прошлое? Как-то получается, что ни по одному из выбранных: вперед не вел, назад не толкал, да и работу его трудно назвать полезной. Девчонки-коллеги и то приносили своей работой больше пользы, чем он. Получается, просто жил.

Сергей открыл калитку. Замер.

Происходящее во дворе уже традиционно напомнило ему тихое сумасшествие.

Вити нигде не было видно. Кирилл разговаривал с совершенно незнакомой женщиной лет так тридцати пяти, осматривающей здание с видом владелицы. Незнакомка была довольно стройна, если не считать грудь солидного пятого размера, одета в строгий серый костюм. Черные волосы увязаны в плотную шишку на затылке. Небольшая шляпка и круглые очки дополняли образ строгой училки. Только указки и папки с документами не хватало.

На лавке у стены стояла Леночка в коротеньком платье. И не просто стояла: вплотную к ней находился Виктор Алексеевич, который, по первому впечатлению, целовал ее взасос.

Сергей помнил первые две ошибки — с водкой и с коленкой, поэтому промолчал. Тем более что на второй взгляд химик осторожно извлекал из глаза девочки какую-то соринку.

— Ребята, — обратился к своей братии Сергей, — что здесь происходит? И где Витя?

— Ваш подчиненный, — раздался голос за спиной.

К Сергею подходил незамеченный сразу участковый Александр Денисович. Ну да, кого еще не хватало до полного ощущения дурдома?

— Ваш подчиненный арестован.

Арестован? Витя? За что?! Мысли взлетели вспугнутыми птицами.

— Измышление и распространение в контрреволюционных, — на этом слове участковый сделал упор, — целях ложных слухов и непроверенных сведений, могущих вызвать

общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее...

«Антисоветская агитация, — всплыло в памяти неизвестно откуда, может быть, со школьных уроков истории, — статья пятьдесят восьмая...»

Пятьдесят восьмая статья, «сто шестнадцать пополам». Чуть ли не символ сталинского беззакония и произвола. Статья, по которой осуждали всех репрессированных в нашем мире. Неужели и здесь присутствует эта зараза? Неужели и здесь людей могут хватать ни за что, по ложным доносам?

Сергей не мог представить, чтобы Витя — спокойный, пусть и несколько бестолковый парень, рабочий, мог участвовать в контрреволюции, хоть бы и в такой мелочи.

— Могу я поинтересоваться, — произнес кто-то холодным голосом, — насколько обосновано обвинение, выдвинутое моему подчиненному?

Сергей не сразу понял, что голос принадлежит ему самому.

Даже участковый опешил.

— На гражданина Пронина поступило сообщение...

— Донос? — Сергей чуть не прошипел.

— Ну почему сразу «донос». Сообщение. О том, что вчера гражданин Пронин, будучи пьяным, выкрикивал на улице, что в Пескове действует тайная белогвардейская организация, которая ставит своей целью образование независимой Песковской республики, с отделением ее от Союза ССР, последующее уничтожение всех большевиков и закабаление рабочих и крестьян в капиталистическом строе. А власти, зная о ее существовании, ничего не делают для обуздания контрреволюционного переворота...

— Простите, а как он в пьяном виде все это выговорил?

— Я передаю лишь общий смысл...

Участковый смотрел на Сергея с неким трудноуловимым выражением. То ли удивление, то ли ожидание чего-то...

— Значит, контрреволюционные высказывания?

— И распространение ложных слухов.

— Пятьдесят восьмая статья?

— Почему? Семьдесят третья.

Ну да, отчего это в разных мирах должны совпадать номера статей?

— Он признался в своем проступке?

— Нет.

Интересно, здесь быют на допросах? Если бы Сергея спросили о двадцать пятом годе нашего мира, он бы не задумался: в современной милиции быют, почему бы в большевистской так не делали? А вот здесь... Все же ситуация в стране казалась ему вполне мирной и спокойной... Неужели ошибся?

— Я могу увидеть Витю?

— Зачем? — Участковый был на самом деле удивлен.

— Хочу лично убедиться, что то, в чем его обвиняют, — правда. Хочу поговорить с ним. Это возможно?

— Возможно... Но зачем вам это?

Сергей вздохнул. Какой хорошей казалась доля начальника еще два месяца назад...

— Он мой подчиненный, и я за него отвечаю. И за его действия тоже.

* * *

Участковый предложил подождать, пока приедет повозка, чтобы забрать его в управление. Сергей согласился.

За время ожидания он познакомился с неизвестной женщиной.

Звали ее Роза Львовна, и она неожиданно оказалась бухгалтером его мастерской. Он вспомнил, что как-то раз обмолвился тете Софе, что ищет бухгалтера, и спросил, нет ли у нее знакомого. Тетя Софа нашла.

Роза Львовна была какой-то ее дальней родственницей — то ли племянницей золовки, то ли двоюродной теткой соседки, и оказалась при близком знакомстве вовсе не такой строгой, как выглядела на первый взгляд. Хотя, узнав, что бухгалтерия чернильной мастерской состоит только из таблички на дверях маленькой комнатки и не имеет ни клочка бумаги, Роза Львовна пришла в ужас. Однако, что говорит в ее пользу, долго ужасаться не стала и пообещала навести порядок.

Сергей мысленно отметил, что необходимо попросить Камова проверить и ее тоже на всякий случай. Ну и периодически придется проверять бухгалтерские бумаги. Хочешь не хочешь, доверяй, но проверяй... Как говорится: «Была у меня умная, так полбизнеса оттяпала».

— Ну что, Сергей Аркадьевич, поехали?

У ворот меланхолично помахивал головой гнедой конь.

Под мерный стук копыт Сергей пытался понять, как Витя умудрился оказаться в такой дурацкой ситуации.

Нет, напиться он мог, тут и к бабке не ходи. Но нести такую чушь? Невозможно. Даже если предположить, что в городе на самом деле орудуют белогвардейцы (зная, что творится на границе, в этом нет ничего удивительного) и Витя каким-то образом об этом узнал, он скорее пошел бы в милицию, в ОГПУ, но не стал бы напиваться и орать на улице.

Получается, его задержали незаконно. Или...

Или законно?

Ни одна власть не допустит публичных высказываний, которые колеблют устои государства. Даже демократические страны: попробуйте в России публично заявить: «Бей хачей!» или в Германии произнести вслух: «Хайль Гитлер». Значит, и СССР с такими высказываниями должен бороться. Даже соответствующие статьи в законах должны быть. Номер статьи об экстремизме Сергей не помнил, но здесь, в этом СССР, статья насчет высказываний и ложных слухов была. 73-я, да?

Значит, то сообщение, которое он обозвал доносом, для милиции было не пустой бумажкой, которую можно засунуть под сукно, а информацией о совершившемся преступлении. На которое надо реагировать. И если факты подтвердятся, наказывать.

— Александр Денисович, а какое наказание грозит Вите?

— Не меньше шести месяцев лишения свободы. Ну, или, если будет доказано, что он не имел контрреволюционных намерений, три месяца принудработ.

Не так и много... Не сталинские десять лет... Стоп! Сергей, ты что, уже смирился с тем, что твой парень виноват?! Не-эт, товарищи, мы еще поборемся, мы еще разберемся, кто это у нас такой грамотный...

Мысли опять свернули к законности.

Так это что же получается? При Сталине сажали по пятьдесят восьмой статье за антисоветские анекдоты. Раньше Сергей, не сомневаясь, назвал бы это беззаконием: в самом деле, что это такое — сажать за анекдоты. Но теперь, когда он неожиданно оказался в схожей ситуации, пусть и не непосредственным ее участником... Есть статья. Есть факт преступления — анекдот. Есть свидетели. Значит... Значит, человека посадили правильно?

Это что же получается, все репрессии Сталина — законны?

Да ну, нет, ерунда какая-то. Десять лет за анекдот — слишком жестоко. Жестоко, но законно. Или все же незаконно?

Можно ли назвать законным сам закон, если он слишком суров или несправедлив?

Сергей понял, что сползает в дебри юридических тонкостей. Нет, репрессии не могут быть законными, да и вообще — тюрьма за всего лишь произнесенные слова... Несправедливо. Разве слова могут разрушить государство?

Тут Сергею припомнились слова, услышанные в свой собственный адрес, за которые хотелось не то что посадить, а просто взять и укатать.

Колеса повозки протарахтели по трамвайным рельсам.

— Вот и приехали.

Бесплодные размышления прервала остановка у двухэтажного здания мрачноватого серого цвета. Над входной дверью висела обычная здесь вывеска из ткани. На бледно-красном фоне белыми буквами было выведено: «Песковский губернский отдел О.Г.П.У.».

— Вы хотели поговорить со своим работником, товарищ Вышинский? Пройдемте.

* * *

Участковый усадил Сергея на жесткий стул в коридоре и исчез. Сергей сидел. Мимо пробегали сотрудники в фуражках, больше похожих на кепки, подпоясанных гимнастерках и широких галифе. В кожаной куртке не было ни одного. Либо местные чекисты не считали необходимым следовать традициям службы, либо для лета кожанка — слишком жарко.

От скуки Сергей уже начал пересчитывать проходящих туда-сюда. Сколько прошло налево и сколько направо, чтобы потом подвести баланс и узнать, где скопилось больше народа.

Разница была семь человек в пользу правой стороны, когда в коридоре показался Витя в сопровождении двух вооруженных винтовками солдат, в буденовках с большими зелеными звездами.

Сергей встал, собираясь задать давно заготовленные вопросы... Витя остановился рядом, а конвоиры, мирно обсуждая что-то свое, прошли мимо и скрылись за поворотом. Сергей глупо проводил их взглядом, повернулся к подчиненному.

— Отпустили меня, — хмуро произнес тот, показав зажатую в руке бумагу.

— Отпустили? — Сергей выдохнул. Что ж, проблемой меньше... — Как?

Витя начал длинно и путано объяснять, говорил о некоем недоброжелателе, который давно ждал, и вот вчера, а сам он, Витя, никогда бы не, и к тому же все знают, и вот, и вообще... Сбился и замолчал.

— Витя...

— Сергей Аркадьевич, а зачем вы пришли сюда? Неужели меня выручать?

Витя выглядел таким же удивленным, как и участковый утром. Сергей начал заводитьсь:

— Почему вас всех так это удивляет?! Я что, не человек?! Я должен был бросить тебя?! Так, что ли?!

— Сергей Аркадьевич, Сергей Аркадьевич! Успокойтесь. Просто... Я ведь всего лишь ваш работник...

— А работник что, не человек?

— Для многих — да, — очень серьезно сказал Витя.

* * *

На выходе с них затребовали пропуска. Вите только рукой махнули, как будто он каждый день здесь появлялся и успел примелькаться и надоесть, а вот Сергей у охранников почему-то вызвал подозрения. Его пропуск пересмотрели со всех сторон. Наверное, внешность — высокий худой парень, с короткой стрижкой, в джинсовом костюме и берцах — не внушала доверия.

По дороге до мастерской Витя пытался заговорить, но, поняв, что начальник не в настроении, быстро умолк. Сергей чувствовал, что так замечательно начавшийся день не принесет ничего хорошего.

Как в воду глядел.

— Так, — произнес он, когда в мастерской собрались все его рабочие, — давайте для начала проверим все наше оборудование. Что-то у меня нехорошие предчувствия...

Кирилл с Витей начали осмотр...

— Сергей Аркадьевич, — виновато подошел к Вышинскому Кирилл, — холодильная машина не работает.

Кто бы сомневался.

— Почему? — спокойно, даже безжизненно спросил Сергей.

— Не знаю. Мотор работает, но холода нет.

— Знаете, — приблизился Витя, — по-моему, там приводных ремней нет. От мотора к компрессору.

Сергей медленно повернул голову:

— Как нет?

— Кажется, их и не было...

Сергей сел на пол и обхватил голову руками. Ничего не получается...

— Ребята, — прошептал он, — вы что, издеваетесь?

Зачем, вот зачем он связался с этой мастерской? Он — менеджер, офисный планктон, бумажная крыса, не ему заниматься производством! Да еще в двадцать пятом году!

— Витя, ты что?

— А что?

— Ребята, что происходит?

— Да вот...

— Вы что, с ума сошли? Что значит нет? Бегом искать!

Голоса доносились как сквозь вату, перед глазами плыло.

Не получается. Ничего не получается...

— Сергей Аркадьевич... Сергей Аркадьевич...

Глупо было даже думать о том, что он сможет...

— Сергей Аркадьевич!

Вышинский поднял голову. Виктор Алексеевич тряс его за плечо:

— Пойдемте.

Пойдемте... Куда там? На расстрел? Идем...

— Выпейте.

Сергей машинально взял в руку протянутый стакан, залпом выпил...

— Господи! Что это?

— Коньяк. Хороший, французский. Конечно, пить его такими глотками...

Сергей наконец-то смог перевести дыхание, чувствуя, как чернота депрессии, в которую он начал было сваливаться, отступает.

— Сергей Аркадьевич, я понимаю все ваше напряжение, я вижу, как вы переживаете за мастерскую... Но нельзя же так! Трудности бывают всегда и везде, и отступать и уж тем более унывать — нельзя.

Сергей выдохнул:

— Спасибо, Виктор Алексеевич...

— Давайте работать, — улыбнулся тот.

— Давайте!

* * *

Может, от коньяка, а может, от вернувшегося ощущения уверенности в собственных силах Сергей чувствовал прилив энергии.

Все получится! Унывать глупо! Все получится!

Витя еще лазал в хитросплетениях холодильника, натягивая притащенные ремни, а в другом конце мастерской уже побежал по стеклянным трубкам прозрачный бензол.

Спокойным, по крайней мере внешне, оставался только химик, изредка начинавший кашлять. Остальные, и Витя, и Кирилл, и сам Сергей, наблюдали чудо химических реакций.

Бензол смешивался с кислотами, превращаясь с тягучую желтоватую жидкость нитробензола.

Нитробензол, заливая железные стружки, превращался в бесцветный анилин.

Анилин, пройдя через автоклав, чаны с хлорной известью и наконец-то заработавший холодильник, становился диметиланилином.

Булькал перемешиваемый раствор, в котором исчезли голубые кристаллы медного купороса, белые — соли и розоватые — фенола.

Из дистиллятора текла тонкая струйка очищенной воды.

Из вываренного раствора получилось густое черное вещество. Метилфиолет.

Финишная прямая.

На дворе стояла уже глубокая ночь, когда два литра метилфиолета опустились в чан с водой, где моментально начали растворяться красивыми фиолетовыми струями. Заработали лопасти, перемешивая чернеющую жидкость.

Еще немного... Еще...

— Давайте, — подал знак химик.

Сергей несколько раз выдохнул. Повернул кран. В подставленную пустую бутылку полилась черная толстая струя, медленно наполняя ее.

Чернила.

Получилось.

— Ребята, у нас получилось... Получилось!

— Да! Да!

Сергей осторожно подставил под струю пальцы, мгновенно ставшие фиолетовыми. Чернила! Получилось!

Он повернулся к ребятам, глядя на них ошалелым взглядом. Протянул к ним руки, взглянул на окрасившиеся пальцы. Провел ими по лицу, оставляя широкие полосы.

Получилось! Получилось! Получилось!

* * *

— Да, шеф, связался ты с мокрятниками...

Камов ходил туда-сюда, как маятник.

— А поконкретнее? — Сергею было не до эмоций полицейского, тем более что тот успел его разозлить.

Когда Камов увидел «шефа» с бледно-голубыми полосами на лице, — анилиновые чернила оказались штукой въедливой и смываться ни в какую не хотели, — его разобрал дурной хохот. Сергей стоял как дурак, не зная, как реагировать: то ли обижаться, то ли махнуть рукой. Кончилось тем, что они хохотали уже вдвоем.

— Поконкретнее... Михаил Потапович Велосипедов...

— Как?!

— Велосипедов. Из семьи священника. До революции — мелкий член кожевенной артели. После — организовал в городе сеть по производству чернил. Несколько десятков кустарей варят чернила, однако сбыт только через людей Потапыча...

Понятно. Синдикат.

— ...цены на чернила в городе завышены, поэтому деньги к товарищу Велосипедову текут рекой. На случай же, если кто-то захочет цены сбить или просто работать на себя, существует старший брат...

— Что за брат?

— Архип Потапович Велосипедов, уголовная кличка — Мишка. Старый фартовик, еще до революции не одну пару кандалов сносивший. Сейчас здесь в Пескове сколотил небольшую шайку, занимающуюся поддержкой бизнеса младшего братишки. Несколько кустарей, найденных зарезанными в двадцать первом, — их рук дело. Ну а последний случай вы знаете: прежний владелец

вашей мастерской. Не думаю, что он сам под лед нырнул, а в определенных кругах в том, что это убийство, и не сомневаются.

— Сколько человек в шайке?

— Пять-шесть. Из тех, которым под красный галстук пустить, как вам высморкаться.

Сергей поймал себя на мысли, что прикидывает, как лучше выловить бандитов по одному и прикончить по-тихому. Нет... Не получится. Тут с чернилами сколько мороки, а уж за убийство браться, не имея ни опыта, ни навыка, и вовсе гиблое дело. Гиблое в самом прямом смысле.

— Да еще поговорил я кое с кем... Вроде бы Потапычи хотят к тебе наведаться в гости.

— В смысле?

— А вот смысла я не знаю. То ли по-хорошему поговорить, то ли...

Камов провел пальцем по горлу.

— Вот спасибо. И что мне теперь, ходить да оглядываться?

— Так ведь, шеф, в любом случае придется...

— Кстати, а что там с моими хвостами? Не чернильщики ли это?

— Нет. Чернильщиков я почти всех уже в лицо знаю, они любят в пивной на Московской сидеть. Не они это.

Кто же это еще привязался?

— Да, еще, шеф... Теперь и за мной ходят. Пару раз я от них оторвался, теперь, похоже, за меня матерые зубры взялись.

Черт, еще и старика подставил.

— Знаешь что, Макар Сидорович, уточни до завтра, чего от меня Потапычи хотят, я тебе деньги отдам, и ляг на дно.

* * *

— Вот у меня двое знакомых тоже поспорили. Один говорил, что самая лучшая водка — самая чистая.

— А другой?

— А другой химиком был. Он взял чистого этилового спирта, беспримесного, разбавил до нужной пропорции дистиллированной водой, чистейшей, и дал оппоненту попробовать.

— И что?

— А то, что чистый раствор спирта в воде пить невозможно,

гадость редкостная. Вкус водки как раз от примесей зависит. Так что водку нужно от сивушных масел и формальдегида очищать, а не вообще от всего.

Работнички...

На самом деле Сергей зря злился. Просто рассказ Виктора Алексеевича, вмешавшегося в спор Вити и Кирилла, неприятно напоминал о вчерашней встрече с сыщиком.

Что у Камова за привычка — поить до полного отключения? Или он просто меры не чувствует?

Голова у Сергея болела просто адски. Даже не сразу вспомнилось, что за день. Среда? Вторник? Четверг?

На дворе была среда. Позавчера пошла первая порция чернил, а вчера он, Сергей, решил узнать результаты расследования замороженного Пуаро... Шаман гадский...

Однако форму терять было нельзя. С утра Сергей, несмотря на кузницу в голове, отправился на рынок, где приобрел два замечательных ножа: почти таких же, какой был у капитана Ждана. Продавец называл их финками, однако деревянная рукоять, отсутствие перемычки и почерневшая сталь клинка особого доверия не внушали. Хотя для целей Сергея годились.

Он резко выбросил обе руки вперед и застонал от головной боли.

— Ух ты...

Ребята выронили папироски.

Оба ножа перелетели через двор и воткнулись в стену сарая. Друг рядом с другом.

Голова болит, а руки помнят.

— Вот это да, — даже Виктор Алексеевич был поражен. Кирилл высказался короче да покрепче.

— И вот этот гражданин, — хмыкнул Витя, — уверял всех, что не имеет отношения к смерти капитана Ждана.

Сергея захватило желание похвастаться.

Сегодня с утра он перетащил все свои немногочисленные пожитки от тети Тани в мастерскую, в маленькую комнатку, где оборудовал топчан для сна. Жить в здании, где осуществляются химические реакции, для здоровья бесполезно, но Сергею вовсе не хотелось, чтобы братья Потапычи застигли его там, где могут пострадать другие, та же тетя Таня. К тому же была вероятность, что чернильный магнат попытается сжечь мастерскую. Либо нанимать сторожей, либо ночевать. Сергей выбрал второе.

Сергей вытащил из-под топчана сумку, отвязал сверток. Развернул его. Наполовину вытащил меч из ножен.

Да, брат, это не твое время. Здесь в ходу другое оружие, а тебе приходится лежать в темноте. Давай разомнемся вместе.

Ребята ахнули, когда их начальник вышел на крыльцо с обнаженным мечом. Сергей сбросил куртку, рубашку, отошел к краю двора и начал...

Свистела сталь, мелькая винтом самолета, ветер охлаждал спину, подошвы берцов непривычно тяжело топтали траву...

Вертикальный удар... Горизонтальный удар... Диагональный удар... Сверху... Восходящий... Кабаний клык... Засечный... Подплужный... Отножный... Каролинский удар... Романский... Финт... Подрез...

Сергей резко остановился у стены сарая, закрутил меч, вскинул его в воздух, поймал и отсалютовал невидимым судьям.

Остатки вчерашнего опьянения вышли с потом, кровь не просто бежала — бурлила, тело переполняла сила и энергия.

— Ну ты, Аркадьич, и силен... — восхищенно проговорил Кирилл. — Вот у меня дядя в коннице ата... товарища Городовикова воевал, так он шашкой крутил так, что к нему и подойти-то было страшно. Убили дядьку в Крыму...

Образ Ингвара всплыл в памяти. Следом на поверхности показалась зависть...

Показалась и исчезла.

Множество людей умеют то, что не умеет он. Быть мастером во всем невозможно. Так что теперь умереть, завидуя каждому встречному?

— А вот у меня, — Сергей выдернул левой рукой ножи. — Был товарищ, так он двумя шашками так мог сделать.

— Да невозможно это! — заступился за светлый образ дядьки Кирилл. — Чтобы сразу двумя!

— Как невозможно? Да я сам, своими собственными глазами видел!

Закипел спор о возможностях сабельного боя. Витя тоже вставил свои пять копеек, рассказав о неаппетитном обычае белоказаков под названием «рубить в капусту». Сергей подумал, что теперь каждый раз, увидев есаула или там атамана, будет вздрагивать.

— Извините меня, конечно. — На пороге стоял Виктор Алексеевич. — А кто работать будет? Пушкин?

Ребята рванулись в мастерскую. Даже Сергей почувствовал себя пристыженным. Вот только для него работы не было. Зато было большое желание сделать что-то хорошее для этих замечательных ребят. И для Виктора Алексеевича. И даже для строгой Розы Львовны...

Фантазия тут же подсказала, что он может сделать для Розы Львовны такого приятного. Сергей встряхнул головой. Нет, это не пойдет...

— Парни! — вошел он в мастерскую. — А где наша вчерашняя бутылка с чернилами?

* * *

— Уже первая порция?! Да, вы слов на ветер не бросаете.

Иван Абрамович рассматривал стоящую перед ним бутылку, до смешного напоминая Весельчака У. Так и казалось, сейчас он произнесет: «Мы не бандиты! Мы благородные пираты!»

— Но, Сергей Аркадьевич, вы ведь брали предоплату. Вам нужно предоставить еще как минимум две такие емкости...

— Видите ли в чем дело, Иван Абрамович... — Сергей продолжал чувствовать себя великолепно. — Три емкости, которые покроют предоплату, поступят к вам позднее...

— А это тогда что? Гал-лю-ци-на-ция?

— Иван Абрамович, я вижу, вы человек деловой. Неужели вы не сможете продать пятьдесят литров высококачественных чернил, которые я хочу уступить вам буквально...

— За полцены? — мигом сориентировался начальник подотдела снабжения.

— За три четверти, — укоризненно покачал головой Сергей.

В итоге, после долгого препирательства, сошлись на двух третях. Сергей получил пухлую пачку червонцев, затертых и мятых, и рванул на извозчике по городу.

* * *

Иван Абрамович закатил в угол бутылку. Как раз недавно его спрашивали, не может ли он достать хороших чернил. И вот, удача сама приплыла в руки. Почти сотня червонцев только за то, что чернила постоят у него в кабинете. Один — сам привез, другой — сам заберет. С этим мальчиком приятно иметь дело. Сначала —

десять копеечек с каждого флакончика, теперь еще и неучтенные партии...

А может?

Договор подписан только на месяц. Что, если со следующего месяца чернила товарищ Вышинский будет поставлять не напрямую губоно, а какому-нибудь постороннему человеку, по случайности родственнику начальника подотдела снабжения губоно? И не за две трети, а за полцены? А?

Какие денежки...

Иван Абрамович сладко причмокнул.

Может, даже вытребовать первую партию «левых» чернил с него в конце месяца? Зачем ждать? Припугнуть чем-нибудь...

Неопытные караси легко пугаются.

Себя начальник подотдела считал, конечно, шукой.

* * *

— Вот что я скажу, ребята... И дамы.

Во дворе мастерской был накрыт стол. Тяжелый, плотно впившийся ножками в землю, работнички еле выволокли его из помещения. На двух лавках сидели Витя, Кирилл, химик, даже Роза Львовна согласилась в конце рабочего дня оторваться от своих бумаг и пригубить бокал вина.

Сергей не обманул, вино на столе присутствовало. Пусть не в бокале, а в стакане, зато натуральный церковный кагор. По крайней мере, продавец поклялся, что это — конфискованное из закрытой церкви вино.

Также имелось несколько бутылок «рыковки», толсто, помужски, порезанный хлеб, колбаса, копченое мясо, лук, для дамы фрукты: яблоки и груши.

— Давайте выпьем за то, что здесь собралась такая прекрасная компания замечательных людей.

Тосты Сергей говорить не умел.

Все выпили. Сергей, который после вчерашней встречи с Камовым даже смотреть не мог на спиртное, пригубил кваса из кружки. Алкоголя в квасе немного, но Вышинскому хватило, чтобы его передернуло.

— Позвольте мне произнести краткий спич, — встал Виктор Алексеевич. — Давайте выпьем за Сергея Аркадьевича. Не будь его, здесь бы не было нас. Мы никогда бы не узнали друг о друге. А

лично я до сих пор сидел бы без работы, погружаясь в пучины черного уныния. Да, я думаю, и все мы. А сейчас мы заняты интересным делом. Спасибо.

Он наклонил голову в сторону Сергея.

— Спасибо, — подхватил Кирилл.

— Спасибо, — улыбнулась Роза Львовна.

— Спасибо. — Витя вздохнул так, будто, не будь Сергея, он бы погиб. Наверное, вспомнил свое кратковременное пребывание в лапах «кровавой гэбни».

Сергей стоял красный как рак.

* * *

Постепенно народ разошелся. Ушла домой Роза Львовна, Кирилл вызвался ее проводить. Витя сослался на некие невнятные дела, махнул рукой на шутку Сергея о недопустимости контрреволюции и тоже исчез.

— Попробовал я приготовить то, что вам нужно. — Виктор Алексеевич тяжело закашлялся. — Чернильную пасту для ручки с шариковым пишущим узлом. Есть несколько проблем...

Химик опять зашелся кашлем.

— Виктор Алексеевич, давайте уж завтра это обсудим. Идите домой. С вашими легкими вечерняя сырость до добра не доведет. Я уберу со стола.

Химик распрощался и ушел. Сергей остался один за столом. Задумчиво пожевал ломтик колбасы, выложил на доске из кусочков сала слово «мясо», покрутил один из своих ножей (а зачем искать другие, когда есть целых две финки?), покачал стакан с водкой. Встал.

Скрипнула калитка.

Во двор хозяйской походкой вошли трое.

В сумеречном свете можно было определить, что главный из них — средний.

На глаза надвинута кепка, в зубах — то ли спичка, то ли зубочистка, красная, в сумерках почти черная рубаша. Острый подбородок и общие черты лица кого-то ужасно напоминали.

Двое других — на подхвате. Здоровенные, широкоплечие, с тупыми лицами опоенных бычков.

— Мишка, это тот самый ффраерок? — спросил один из бычков.

— Фраеров ищи в зеркале, — тут же отозвался Сергей.

Навряд ли гости пришли предложить ему денег, так к чему быть вежливым? Раньше начнется, раньше закончится.

— Ша, — поднял руку главарь. Бычок, явно что-то собиравшийся ответить, умолк.

— Вы позволите, Сергей Аркадьевич? — Главарь кивнул на скамейку у стола. — Мы только поговорить.

Поговорить? Интересно.

— Присаживайтесь.

Главарь приподнял бровь, но промолчал. Троица уселась, Сергей тоже присел, выбрав место рядом с ножами, благо пришельцы их за ломтями хлеба и в сумерках не видели.

— С чем изволили пожаловать?

— Да вот какое дело, Сергей Аркадьевич...

— И кто изволил ко мне прийти? А то меня вы, как я посмотрю, знаете, а вот я вас...

— Меня люди Мишкой кличут, а это — со мной.

— И с чем же вы пришли, Архип Потапович?

Мишка несколько секунд молчал, удивленный:

— А ты крученный... Уже все разнюхал?

— С чем пришли?

Оставшийся безымянным бычок потянулся к нарезанной колбасе.

— Ешь, — посмотрел на него Сергей. Бычок уронил кусок и даже руки вытер.

— Максим. — Голос Мишки был добр, как звук бормашины. — Замри.

Сергей жалел только об одном: что наган лежит, завернутый в тряпки, на дне сумки, той самой, на которой лежит сверток с мечом. Из всего оружия только... Он непринужденно положил руки на стол, так что пальцы касались рукоятки одной из финок.

— Повторить вопрос?

— Да просто познакомиться, ласенько обнюхаться. А то появился в городе человек, слухи про него поползли: мол, опытный гайменник, на варщиков работал, квас пустить, как высморкаться, мы и решили поговорить, сколько раз в академии бывал, да ел ли грязь вообще, из каких будешь: мазь, фартовик, из накипи...

— Да не был он у хозяина, — проворчал все тот же бычок, — а и был, так в кобылке. А то и вовсе узлами кормили...

Сергей сжал рукоять финки. Понятно. Его пытаются

раскрутить на то, из уголовников ли он, стоит ли за ним кто-то или сам по себе. Неприятная ситуация... Врать — себе дороже. А собственной репутации у него... Кто ж словам верит, тем более из таких ребят.

— Посмотрел я на тебя, — неожиданно прервал свою монотонную речь Мишка. — Ты, Длинный, не из наших. Что высоко складывать тебе не впервой — верю. Что нитку ты рвал не раз — верю, раз ты из Козьей Горы. Но не из наших ты. Это старый лац чего-то напутал. Музыки не знаешь, по глазам вижу, по-свойски, — он кивнул на бычка Максима, — не кумекаешь...

— Баклан... — презрительно махнул рукой Максим. — Эй, грабки от пера!

Сергей дернул рукой, свистнуло, забулькало. Максим захрипел, царапая руками рукоять торчащего из горла ножа, и завалился на бок.

Второй нож уже мелькал в пальцах Сергея, но оставшаяся парочка не дернулась. Только Мишка скосил глаза на тело бывшего подручного:

— Эх, Максимка. Говорили тебе, что примешь ты смерть от помела своего, а ты все смеялся... Сергей Аркадьевич...

— Не люблю, когда про меня говорят то, что сболтнул твой подручный.

Смысл слов покойного бычка Сергей не понял, но общую мысль уловил.

Уголовники помолчали. Видимо, такого резкого поворота ситуации они не ожидали и теперь не смогли быстро сориентироваться, как поступить.

— Визна, — поднял ладони главарь, — больше нюхать не будем, поговорим о деле. Мой братишка Мишка в этом городе свой интерес имеет, и твоя мастерская ему — как кость в глотке. Мы бы тебя, — улыбнулся он, в полумраке сверкнули зубы, — могли потихому закопать, никто бы и не рюхнулся. Но мы решили к тебе со всем уважением, как к человеку известному...

Он сунул руку в карман. Замер, глядя на острие направленного на него ножа.

— Не горячись, Длинный, не горячись...

Из кармана медленно-медленно показалась...

Пачка денег.

— Решили мы тебе отступ предложить. Здесь — одни собаки, на пятьдесят тысяч рублей. Бери и уезжай из города.

Деньги? Ему предлагают откупные?

Сергей посмотрел на пачку. Пятьдесят тысяч. За мастерскую. С которой он связался, чтобы заработать деньги. И вот они, лежат на столе. Бери и иди куда хочешь. Больше никогда не увидишь проклятого Пескова, доберешься до Питера, вернешься назад, и двадцать пятый год будет тебе являться только в ночных кошмарах с лицом капитана Ждана.

Мишка неправильно понял паузу в разговоре:

— Да не сомневайся, Длинный, я ж понимаю, ты парень не ветошный. Твердые бабки, не колодка.

Деньги. Свобода. Будущее.

Сергей пристально посмотрел на главаря:

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Мишка нехорошо улыбнулся:

— Мы ведь по-доброму хотели...

— Не получилось.

Главарь поиграл желваками, но нож в руках Сергея не оставлял выбора.

— Лады... Но смотри, Длинный, в следующий раз мы тоже с ежиками придем.

Он встал.

— Пададь заберите, — процедил Сергей, оставаясь сидеть.

Главарь ожег Вышинского взглядом, но ничего не сказал. Вместе с так ничего и не произнесшим вторым подручным они подхватили труп Максима и потащили к калитке.

Захлопнулась дверь. Сергей сидел, сжимая финку и напряженно вслушиваясь в ночные звуки. Неразборчивое ворчание, скрип, хлопок кнута, лошадиное ржание. Удаляющийся цокот.

Финка выпала из пальцев и загремела по столешнице. Сергей медленно выдохнул, слегка дрожащими руками налил водки в стакан и залпом выпил. Бурлящий в крови адреналин мгновенно выжег весь алкоголь, не дав даже намека на опьянение. Второй стакан...

Опьянение не пришло, но Сергея слегка отпустило. Так страшно ему не было еще никогда.

Почему он не взял деньги? Сергей сам бы не смог ответить на этот вопрос. Наверное, потому, что не понравилось, что на него давят. И покупатели не понравились. Веди себя Мишка-Потапыч

чуть поправильнее, возможно, Сергей согласился бы взять деньги... А так — нет.

Да и не поняли бы его ребята... И Слава, ручка-то не доделана... И Зоя... И Катя... Стыдно было бы ему в глаза смотреть всем тем, кому наобещал. И мастерскую, и шариковые ручки, и вообще...

Да просто не понравились эти уголовники!

Остаток ночи Сергей не спал. Его теперь ждут бессонные ночи. Пока не разрешится проблема с бандитами.

* * *

Сергею казалось, что за ночь он не сомкнул глаз, но утром, когда его разбудили выстрелы, он понял, что на самом деле заснул.

Выстрелы звучали где-то в отдалении, негромкие хлопки пистолетов и гулкое буханье винтовок. Да... Тихий, спокойный Советский Союз. Никакой преступности, никаких бандитов.

Сергей выглянул в окно. Утро было настолько ранним, что солнце даже еще и не думало показываться, разве что небо слегка посветлело. Часа четыре утра. Не спится же кому-то.

* * *

— Доброе утро, Сергей Аркадьевич. — У стола, который так и остался на улице неубранным, стоял химик, задумчиво рассматривая засохшую кровь на траве. — Ночь прошла спокойно?

— Более чем.

— Понятно...

Вдвоем они убрали остатки вчерашнего пиршества и присыпали компрометирующее пятно песком. Как раз к приходу Кирилла и Вити. Впрочем, от Вити в ближайшее время работы дождаться было бы сложно: вчера по пути домой он ухитрился упасть и сломать руку. Посмотрев на несчастное бледное лицо, на руку в лубке на перевязи, Сергей махнул рукой и отправил его домой.

Роза Львовна пришла в тот самый неудачный момент, когда стол общими усилиями был затащен в дверной проем, но еще не прошел внутрь мастерской. Она спокойно встала рядом с крыльцом, пробормотав что-то о глупых мужчинах.

Наконец все встало на свои места, Роза Львовна погрузилась

в бумаги, Кирилл, которому теперь приходилось метаться за двоих, запустил производство чернил. Зашумели вытяжки, загудел холодильник, из подвала начали извлекаться бутылки с бензолом...

Виктор Алексеевич закрылся в лаборатории. Сначала он честно начал эксперименты с чернильной пастой, но потом пришла Леночка, и, когда Сергей заглянул в лабораторию, там уже раздавался радостный детский визг — из маленького белого кусочка, горящего синим пламенем, вылезали толстые серые кольца «фараоновой змеи».

Вышинский попытался помочь Кириллу, но в результате тот чуть было не грохнул бутылку с бензолом, озверел и еле сдержался, чтобы не послать доброго начальника по матушке. Сергей решил заняться другими делами. Например, поспать.

Сон для него был по-настоящему серьезным делом. Сегодня прошла бессонная ночь, и завтра его ждет еще одна. Навряд ли господа бандиты спокойно отнесутся к такому категоричному отказу в сотрудничестве, как нож в горле одного из своих. Кстати, финку утащили вместе с телом... Следует ожидать еще одного визита, уже с оружием и спичками. Значит, нужно подготовиться.

Сергею снилась Катя. Или Зоя. Девушки постоянно менялись местами, перед его глазами мелькали то рыжие волосы, то черная прическа, то загорелая кожа библиотечарши, то светлая — комсомолки. неизменным оставался только ярко-алый купальник. Вот девушка наклонилась к лицу Сергея, горячее дыхание обжигало, но чертовка дразнилась и не хотела целовать. Он рванулся, обхватывая тонкую шею и впиваясь губами...

Резко проснулся. Леночка метнулась в сторону, закрывая рот ладошкой. Ой, кошмар...

— Лена, что случилось?

— Н-нет, ничего... — Девочка глубоко вздохнула, успокаиваясь. — Я забыла. Ко мне сегодня подошел дяденька и попросил передать вам записку. Вот.

На изрядно помятом клочке бумаги, явно вырванном из школьной тетради в клетку, было нацарапано: «Длинный, за Максима тебя прощаем, но теперь ты нам должен. Будешь платить каждую неделю по пять тысяч, иначе прогоришь. Первый платеж — сегодня до вечера. Стуканешь ментам — хана».

Ну что ж, намек более чем прозрачный.

— Леночка, а дяденька не говорил, когда он хочет получить ответ?

— Нет, — замотала косичкой девочка. — Просто сказал отдать, и все.

Понятно. Значит, нужно ждать гостей. До вечера. А потом — ночью. Платить Сергей не собирался.

Пропал сон... Нужно пойти к Камову, вдруг тот разнюхал что-нибудь интересное. Или подскажет, как действовать...

* * *

Камов пропал.

Сергей расстроенно стоял у запертой двери комнаты. Соседи сказали ему, что не видели старого полицейского уже два дня. Раньше он так надолго не исчезал. И комната закрыта...

Если бы можно было заглянуть внутрь, Сергей бы сообразил, исчез ли Камов сам или его «исчезли». Если он напоролся во время своего расследования на что-нибудь опасное и... пострадал, то в комнате должны были остаться личные вещи вроде бритвы и зубной щетки, которые он непременно прихватил бы с собой, если бы просто решил уехать куда-то на пару дней.

Мысль о том, что случись Камову уехать по собственной доброй воле, тот сначала взял бы деньги, которые обещал ему Сергей, приходилось отгонять.

Все же Сергей как-то привязался к старому шаману, несмотря на его выпивки и своеобразие. Даже волчью морду Сергей дано забыл.

Что же случилось со стариком?

Думать о плохом не хотелось...

* * *

Уходя от дома Камова, Сергей вспомнил о том, что сегодня пятница. А в пятницу на «Металлисте» ему обещали сделать оборудование для изготовления шариков. Точно! С бандитскими разборками он совсем забыл про это.

Чтобы дотащить заказанное до мастерской, пришлось искать ломовика: всего было восемь мест и каждое весило килограммов сто. Ну, пятьдесят точно. На толстых кованных станинах, массивные. В точности советское качество — «сделано на века».

Отвлекать Кирилла от работы Сергей не стал, поэтому взялся перетаскивать оборудование в мастерскую лично. Свою

ошибку в расчете собственных сил Сергей понял уже на третьем заходе, однако гордость не позволила просить о помощи, поэтому после окончания разгрузки (большая часть поместилась на том самом столе), он мог только упасть на кровать в комнатушке.

Спина ныла, как воспаленный зуб. Хотелось лежать, лежать, лежать...

Через пять минут Сергей встал и отправился разбираться с оборудованием. За тебя никто не сделает.

Итак... Это, с длинной ручкой, — резак, для отхватывания от проволоки (кстати, вот она, метровый отрезок) кусочков необходимого размера. Вот это, с точно такой же ручкой, — пуансон, для штампования заготовок для шариков... Или нет? Или это резак?

Сергей перевел взгляд с одного приспособления на другое, с виду точно такое же, и обратно. Так, вот резак. А вот пуансон. Дальше.

Попробуем... Для начала разделяем проволоку на кусочки.

Как оказалось, отщипнуть даже сотню кусочков — задача с непривычки нелегкая. Сотню раз поднять и опустить тяжелую рукоять — после этого плечо просто заныло. Сергей из принципа сделал двести кусочков, после чего засыпал их в воронку пуансона и отправился перекурить.

* * *

— Эй, Длинный, — послышался громкий шепот от калитки. Сергей отбросил окурок и присмотрелся.

В калитке торчала физиономия Промокашки — того самого шкета, который пытался наняться к нему в мастерскую в самом начале.

Длинный, значит... Правильно сообразил тогда, что его не взял.

— Ты записку получил?

— Ну получил, — лениво проговорил Сергей, левой рукой нашаривая ручку финки, заткнутой за пояс.

— Ответ?

Бац! Шкет шарахнулся: в столбе калитки дрожал впившийся нож.

— Ответ.

Пацан исподлобья взглянул на Сергея:

— Ну погоди...

— Максим тоже грозился. Хочешь ему привет передать?

Шкет бессильно выматерился, выдернул финку и исчез.

Сергей прислонился к косяку. Роль крутого и жестокого убийцы давалась ему ой как нелегко.

Без нагана не выходить даже в туалет.

* * *

После разговора с Промокашкой Сергей отправился на рынок: у него кончилось масло для смазки револьвера, нужно было прикупить еще пару ножей — если каждый уголовник будет уносить с собой по одному, то не напасешься — и так, по мелочи.

Масло ему налили в забавный пузырек со стеклянной, плотно притертой пробкой. Сергей прикупил его у мальчишки, который торговал разложенной на ящике всякой всячиной: пустыми флакончиками, гильзами, пробками, поплавками, пустыми консервными банками... Там же Сергей нашел пузырек с завинчивающейся крышкой. Шарики, когда они будут сделаны, нужно в чем-то хранить.

Уже на выходе с рынка ему обожгла спину мысль о том, что в базарной толчее ему легко могли сунуть острую спицу в сердце, и поди пойми, отчего вдруг упал молодой парень в джинсовом костюме. Нет человека — нет проблемы.

К счастью, бандитам эта идея в голову не пришла. Или они за ним не следили.

* * *

Тарахтела машинка-прокатка, превращая грубые кусочки проволоки в не менее грубые черные шарики...

На пластине нагревателя шарики начинают светиться ярко-красным светом под пламенем горелки и тут же сбрасываются скребком в охлаждающую ванночку с водой...

Ай, черт!

Узкая струйка пара куснула Сергея за палец. В следующий раз будешь внимательнее.

Он вынул шарики из ванночки и положил их на газету сушиться.

После просушки шарики опять отправились на прокатку.

После специальной шлифовальной машинки они посветлели, после двух зеркально отполированных пластин заблестели, а после окончательной доводки — засверкали, как кусочки солнышка.

Солнце к этому моменту уже клонилось к горизонту, пришлось включать настольную лампу под газетным абажуром, чтобы выбрать самые подходящие.

Сначала Сергей просеял шарики через две пластины грохота, тоже сделанные по-советски, из толстых гладких пластин стали, в которых были просверлены очень точные отверстия. Шарики, не прошедшие сквозь верхнее решето и проскочившие через нижнее, безжалостно браковались как не соответствующие размерам.

Затем Вышинский достал большую лупу, купленную на том же базаре, и начал перебирать шарики. Овальные, кособокие и имеющие каверны и выпуклости также браковались.

В итоге после почти целого дня работы у Сергея в пузырьке перекачивались от силы два десятка шариков. Для первого раза неплохо, но потом нужно будет придумать что-то для снижения брака.

— Добрый вечер!

Сергей обернулся, брови вздернулись вверх: на пороге стоял Слава. Из-за его спины выглядывала Катя.

— Привет, Слава! Здравствуй, Катя! А что вы здесь делаете? В рабочее-то время?

— Вот как советские буржуи увлекаются заколачиванием денег и эксплуатацией трудящихся, — засмеялся Слава, — даже на время не смотрят. Уже давно вечер!

— А мы, — Катя смотрела настороженно, как будто и вправду ожидала увидеть в мастерской прикованных цепями рабочих, охаживаемых кнутами, — пришли посмотреть... В смысле, Слава привел меня посмотреть... То есть тебе показать...

— Ух ты! — Слава увидел установки и выпал из реальности. — Это для чего?

— Шарики делать. — Сергей отвел взгляд от Кати буквально на мгновение, но она уже улетучилась. Наверное, искать замученные тела.

— Здорово! — Слава был готов развинтить тут все и рассмотреть каждую деталь. — И работает?

— Смотри! — Сергей протянул ему пузырек, в котором

перекатывалась блестящая крупа шариков.

— Здорово... Да ты посмотри, что мне сделали.

Спохватившийся Слава вынул из кармана сверток. Осторожно развернул тряпицу...

Ручки.

Вернее, пока еще корпуса. Вытянутые черные тела из полированного эбонита, сверху — блестящая медная пробка. Сергей осторожно открутил ее и извлек медную трубку.

С одного конца — пишущий узел, вместо шарика чернело отверстие. С другого — еще одна пробка. Сергей открутил и ее и вытащил длинную пружину с поршнем на конце.

Все правильно, так они и задумали. И все равно, увидеть свою задумку, свой корявый рисунок, уже почти во плоти... В горле запершило, глаза начали гореть...

— А размеры точные? — хрипло спросил он Славу.

— Точные, точные. Я у часовщика заказывал. Все дело за шариками и чернилами. Шарик уже готов, а паста?

— А паста... — В помещение, становящееся маленьким и тесным, вошел сопровождаемый Катей Виктор Алексеевич. Следом протиснулась Леночка. — А паста пока не получается. Виктор.

— Владислав.

— С вашей сестрой нас уже познакомила Лена. Так вот, о пасте. Теоретически я сделал нечто похожее на то, что просил Сергей Аркадьевич, смешав метилфиолет с касторовым маслом, однако у меня есть подозрение, что для ваших целей она слишком жидкая. К тому же слишком долго сохнет...

— А что, если попробовать...

Химик и Слава исчезли в дискуссии. Сергей пошевелил лежащие ручки — двенадцать, повернулся к Кате:

— Ну что скажете?

Настроение к концу дня было слишком хорошее, хотелось поделиться с окружающими, однако девушка сумела его испортить.

— Радуетесь? Конечно, другие за вас работают, а вы только деньги в карман складываете!

— Катя, но ведь я тоже работаю...

— Работаете? Работает ваш работник, я видела, как он таскает бутылки в подвал, работает Виктор Алексеевич, а вы... а вы... Вам эта мастерская только как источник денег нужна. И все!

Сергей, только этой ночью отказавшийся от денег и наживший себе неприятностей, сдержался с большим трудом.

— Катя, деньги для меня не главное...

— Не главное? А что главное?

Сергей задумался. А в самом деле, что для него эта мастерская? Зачем он с ней связался? И почему так усиленно ее защищает от посягательств бандитов-чернильщиков?

— Знаете, Катя... Наверное, главное для меня — удовольствие от того, что я смог сделать... Удовольствие от работы...

— Да. — Глаза девушки сверкали. — Вот сейчас вы владелец мастерской. Вы сможете отдать ее в пользу государства? И продолжить работать? А?

— Ну... нет.

— Вот! — Катя развернулась. — Слава, я ухожу домой! Не задерживайся!

Ну что я такого сказал? Не могу отдать я эту мастерскую. Она еще и не работает как следует. И проблемы с бандитами. Если ее отдавать, получается, что я свои проблемы на других перекладываю... Как-то неправильно это будет...

Слава отвлекся от обсуждения проблемы повышения вязкости чернильной пасты и подошел к Сергею:

— Эх, ты... Я же специально Катю сюда привел, чтобы она увидела, что ты работаешь наравне со всеми. А ты... Эх!

— Дядя Слава, дядя Слава! — Встрявшая в разговор Леночка избавила Сергея от необходимости отвечать. — А как ваши карандаши называться будут?

— Почему карандаши? — Сергей почувствовал, что улыбается. Рука сама потянулась погладить девочку по волосам.

— Дядя Витя сказал, что это чернильные карандаши.

Химик за спиной улыбнулся и развел руками.

— А правда, — Слава взял один из корпусов и провел пальцем, — вот здесь можно выгравировать название. Какое?

На самом деле... Какое? Как вы яхту назовете, так она и поплывет.

— Давайте назовем ее «Товарищ Луначарский»! — пришло в голову Славе.

«Евпатий Коловрат», — подумал Сергей, но промолчал. Слава юмора бы не оценил.

— Или «Зинин», — включился в мозговой штурм Виктор Алексеевич.

— Почему Зинин?

— А почему Луначарский?

— Луначарский — нарком образования, а Зинин кто?

— А Зинин Николай Николаевич — знаменитый химик. И, между прочим, именно он открыл реакцию получения анилина из нитробензола...

— Стоп! — поднял руку Сергей. — Никаким именем мы ручку называть не станем...

— Почему? — хором спросили химик и Слава.

— Потому что когда на ручке написано имя или фамилия, то становится похоже, что она принадлежит этому человеку. Надо другое слово, простое...

— Взлет.

— Что? — обернулись все трое.

— Взлет, — повторила Леночка, проводя пальчиком по черному блестящему боку ручки. — Они такие... летящие...

Сергей посмотрел на Славу:

— А что? «Взлет» так «Взлет».

* * *

— Сергей Аркадьевич... — Виктор Алексеевич подошел к Сергею, когда Слава уже ушел. — Что произошло вчерашней ночью? Налет?

— Можно сказать и так. — Сергей не видел смысла юлить, отвечая на прямой вопрос. — От меня требуют отдать мастерскую.

Химик выругался не по-русски:

— Ваше решение?

— Вы видели кровь. Оно уже принято.

— И?

— Возможно, сегодня ночью они попытаются поджечь мастерскую.

— Я остаюсь.

Сергей заколебался. С одной стороны, лишний человек — дополнительная пара глаз, еще один пистолет. Это очень хорошо. С другой...

— Не надо, Виктор Алексеевич. Поверьте, я справлюсь.

Это его, Сергея, решение. И никто не должен пострадать от того, что решил он.

Химик зашелся в приступе кашля:

— Д-ха... Возможно, вы правы. Подождите минуту.

Виктор Алексеевич вынес из своей лаборатории два узких жестяных цилиндра, величиной с баллончик для дезодоранта.

— Возьмите. Если нападающие не успеют проникнуть внутрь, дерните кольцо и бросьте в них.

* * *

Ночью Сергей лежал на кровати в своей комнатухе и читал. Все-таки дневного сна не хватило для полного восстановления сил, и глаза иногда начинали закрываться сами собой.

Он пролистал и отложил «Месс-Менд», попробовал было вникнуть в основы химии из толстого учебника, но быстро понял, что лучшего снотворного ему не найти... И неожиданно вчитался в казалось бы ничем не интересную повесть.

Не боевик, как «Месс-Менд», не детектив вроде Пинкертона, не фантастический триллер об отрезанной и оживленной голове профессора. В книжке рассказывалось просто про жизнь одного человека. Как он, вернувшись с Гражданской войны, — где, между прочим, был разведчиком в тылу белых, собирал сведения, притворяясь слепым, — застал в своем родном городке развал и беспредел. Завод стоит и потихоньку разворовывается, мастера точат зажигалки на продажу, повсюду пьянство, бандиты, жена его ударилась в религию и заставляет детей молиться по утрам...

Сергей посмотрел на год издания. Нынешний, то есть двадцать пятый. А такое чувство, будто про девяностые написано...

И вот этот самый парень решил поднять народ на восстановление завода. Не все кинулись с энтузиазмом, но постепенно, постепенно, и работа пошла. И завод запустили, и самогонщиков разогнали, и даже жена за ум взялась...

Сергей положил книгу на грудь и задумался. Очень этот парень на него самого похож. Тоже в городе, где почти никого знакомого, тоже производство налаживает. Разве что парень — целый завод, а он, Сергей, только лишь одну небольшую мастерскую... И парень — для людей, а он — для себя.

Не в этом ли его обвиняет Катя?

Ха, да ведь он в глазах девушки почти таким и выглядит. Пусть не герой войны, но герой стычек с беляками... Ага! Только она надеялась, что он двинется счастье людям нести, а он вместо этого ушел в мелкий бизнес. Вот ее и корежит: с одной стороны,

Сергей ей нравится, с другой — не для людей старается...

Ну почему же не для людей?! Пить он, что ли, будет эти чернила? Бочками? Ведь для людей, для тех самых школьников, перед которыми он выступал... Для страны, в конце концов! Те же ручки, они же для страны! Пусть шариковые начнут производить в СССР, а не за бугром. Разве это не для людей?

Сергей бегло пересмотрел повесть еще раз. Ну да, ну да... Нигде даже не упоминалось, что герой хочет что-то для себя. Для других. А он, Сергей, в глазах Кати — мелкий эгоист, который хочет только денег. Правильно, она так и говорила. И ее вопрос про передачу мастерской государству. Это она проверяла, насколько он держится за частную собственность, насколько он «буржуй и мещанин». А вы, Сергей Аркадьевич, что ответили? Никому: мол, не отдам! Мое!

Пусть он имел другое в виду, поняла она по-своему. Девушкам вообще трудно доказать что-то, если уж они твердо убеждены в обратном. Другая бы не стала связываться с ним, но он, судя по всему, Кате понравился, вот она и разрывается теперь между двумя чувствами к нему.

Не могу я, Катенька, мастерскую государству отдать. Пока не могу. Мне и жить на что-то все же надо, да и не закончена она...

Сергей хмыкнул, представив, как он передал мастерскую государству и вместо вывески «Чернильные мастерские Вышинского» красуется табличка «Красные чернила»... Кстати, на заметку. Скоро производство фиолетовых чернил выйдет на стабильный уровень, и тогда, в будущем, можно будет задуматься о производстве цветных: красных, черных, зеленых... Вот опять он себе на голову проблемы ищет. Какое будущее? Твое будущее: Питер — артефакт — двадцать первый век. А то застрянешь здесь навсегда: сначала запустить мастерскую, потом разработать концепцию шариковых ручек, потом начать производство красных чернил, следом расширить производство, открыть дополнительные цеха, наладить серийное производство шариковых ручек... Этак ты в будущем окажешься, как говорили в «Гостье из будущего»: «Своим ходом, год за годом».

Тут не знаешь, как до завтра дожить, не говоря уж о планах на будущее...

Сергей насторожился. Прикрутил фитиль керосиновой лампы, постоял в темноте, пока привыкнут глаза, тихо снял со стола наган, один из «подарков» Виктора Алексеевича и босиком

начал красться к выходу из мастерской.

Консервные банки загремели еще раз.

Сегодня у мальчишки на рынке Вышинский купил с десяток пустых, слегка поржавевших банок, буквально за копейки. Под вечер сделал из них примитивную сигнализацию: натянул на задворках мастерской бечевку вдоль забора на уровне колена и к одному концу привязал банки. Потом вечером, когда пошел в туалет, перешагнул светлеющую бечевку, а затем, выругав самого себя, натер веревку сажей. Сам чуть не налетел, но в темноте она теперь полностью невидима.

И вот сигнализация сработала. Конечно, это мог быть заблудший кот, но не два же раза подряд.

Гости.

Сергей выглянул в окно. В свете луны (полнолуние еще через несколько дней, но светло достаточно) был виден пустой двор. Правильно, незваные пришельцы наверняка перелезли через забор за мастерской. Вышинский мысленно выругал себя за скошенную крапиву — эстетики ему, видишь ли ты, захотелось! Вот бы сейчас бандиты покувыркались в жгучих зарослях. Жаль, что на задний двор окна не выходят...

Сергей подошел к задней двери, осторожно приоткрыл ее на ширину пальца. Густо смазанные еще с вечера петли не подвели, не раздалось ни одного скрипа.

— Давай, давай... — послышался быстрый шепот.

Две черные фигуры сгорбились у угла мастерской. Один из гостей плечет на стену из большой квадратной фляги, второй поторапливает.

— Давай-давай... — снова пробормотал один из поджигателей. Ну не святую же воду они льют?

— Что?!

— Нет, ничего...

Сергей приоткрыл дверь чуть пошире, поднял ствол нагана... Опустил.

Нет, не может он так. Не мог Сергей убить человека просто так, не в пылу схватки, не под воздействием адреналина, спокойно и хладнокровно. Не мог.

Он убрал револьвер за пояс и потянул кольцо, припаянное к донышку подарка химика...

* * *

— Что это? — спросил Сергей, удивленно рассматривая непонятную штуку.

Узкий жестяной цилиндр, без надписей, с одного конца припаяно проволочное кольцо.

— Граната?

— В каком-то смысле да. Это нечто вроде самодельной газовой гранаты. Дифенилхлорарсин в смеси с фосгеном в пропорции пятьдесят на пятьдесят.

— Слезоточивый газ? — Первая составляющая не вызывала ассоциаций ни с чем, кроме колдовского заклинания, а вот про фосген Сергей слышал краем уха.

— Слезоточивый? Можно сказать и так. Дернете кольцо и бросите в нападающих. Только в помещении не применяйте, если у вас нет газовой маски.

* * *

— Поджигай. — Второй бандит чиркнул спичками.

Кольцо поддалось туго, гранатка чпокнула, как банка пива... Бандиты обернулись на шум...

— Шесть! — крикнул один из них.

Шипящий баллончик полетел в сторону поджигателей. Раздался хлопок.

Грохнул выстрел, плечо Сергея обожгло болью.

Со стороны бандитов раздался сдвоенный крик, дикий рев с булькающими звуками. Они, судя по движениям рук, пытались тереть глаза, царапали горло и лицо. Бросились бежать, ударились о забор, друг о друга наконец вроде бы смогли сориентироваться и выбраться за пределы двора, ставшего для них газовой камерой...

Проклятье!

Они все-таки выронили горящую спичку, и теперь угол мастерской медленно занимался чадящим красным огнем. Как раз там, где взорвалась граната и все было отравлено.

Замерев на мгновение, Сергей сообразил, что делать.

Бросился в мастерскую. Газовые маски, лопата, газовые маски...

Когда Сергей, похожий в напыленной маске на безумного сталкера, вылетел на улицу, угол уже горел.

Прощай, курточка...

Сбросив джинсовку, Сергей начал хлестать по тянущимся вверх языкам огня. Руки горели, дым заволакивал окуляры маски, мешая видеть, воздуха отчаянно не хватало.

Сбив подкрадывающийся к крыше огонь, Сергей схватил отброшенную лопату и лихорадочно заработал. Полетели комья земли, сбивая огонь...

Парень снова схватился за куртку...

Сложно сказать, сколько времени прошло с момента поджога. Сергею уже казалось, что сутки. Наконец были затушены, забиты последние огоньки. Вышинский сбегал до колодца, притащил пару ведер воды и залил стену, на которой теперь отчетливо выделялся уродливый черный треугольник. Третье ведро он вылил на себя.

Тряслись руки, дрожали ноги, горело лицо... Сергей стянул маску и плеснул из ведра водой на лицо. Устало опустил на землю.

Твою мать, супермен... Героически отказался от помощи. И чем чуть не закончилась твоя эскапада? Думаешь, Виктору Алексеевичу приятнее было бы найти поутру остывшее пожарище и твое обугленное тело?

Еще и куртка сгорела...

Сергей посмотрел на раненое плечо. Ерунда, пуля буквально чиркнула, сорвав клочок кожи, кровь уже остановилась. А если бы не повезло?

* * *

Суббота для Сергея оказалась днем неудачным.

Бессонная ночь: после такого стресса заснуть уже не удалось. Сергей сидел в комнатухе и для успокоения чистил револьверы, только для того, чтобы руки перестали трястись: свой и трофейный — бандиты уронили наган, когда катались, отравленные газами. Ничего себе, «слезоточивый»...

Утром пришли работники и вначале унюхали следы вчерашнего поджога, а потом увидели обгорелый угол и приличный полукруг перекопанной земли вокруг.

— Сергей Аркадьевич, — Кирилл и Виктор Алексеевич прижали Сергея к стене, — что произошло ночью?

Взгляды ребят были обвиняющими. Можно подумать, это он баловался со спичками и случайно поджег мастерскую.

Сергей вздохнул:

— Приходили бандиты...

— Что за бандиты?! — Кирилл не видел кровавого пятна и не знал об угрозах.

Сергей вздохнул еще раз и кратко рассказал историю наезда на мастерскую.

— Значит, ночью они приходили сжечь мастерскую?

— Да.

— И вы знали, что они могут прийти, и никому не сказали?

— Почему никому? Вот, Виктору Алексеевичу сказал...

— Вы как-то забыли упомянуть, что речь идет о вооруженных бандитах. Газовые гранаты я вам передал больше как последнее средство...

— Кстати, онигодились. Я справился...

— А вот эта рана на вашем плече? А обгорелая куртка? Сколько их было?

— Двое.

— А если бы их было трое? Четверо? Десять? Вы справились бы в одиночку? Я уже жалею, что вчера поверил вашим словам и оставил вас одного. Отныне мы будем дежурить по очереди...

— Я все равно ночью здесь...

— Не ночуете, а караулите. Сколько вы еще продержитесь без сна? День? Два? На третий день вы сгорите вместе со зданием, так и не проснувшись. Мы будем караулить вместе.

— Ребята, мне не хотелось бы перекладывать на вас свои проблемы...

— Во-первых, — химик движением руки остановил заговорившего было Кирилла, — есть некоторая разница между спихиванием трудностей на других людей и объединением усилий ради общего дела. Во-вторых, это и наша проблема. Эта мастерская такая же наша, как и ваша, в нее вложен наш общий труд, и нам точно так же, как и вам, не хочется, чтобы наши труды развеялись черным дымом.

— Надо в милицию сообщить... — наконец вставил Кирилл.

— Нет, — дружно ответили Сергей и химик.

— Что мы им скажем? Сергею Аркадьевичу угрожают? Кто? Где их искать? Доказательства?

— А поджог?

— А связь? Может, это местные хулиганы? Даже если нам

поверят, чем милиция нам поможет? Выставит здесь красноармейца с ружьем? Нет. Так что...

— Есть кто живой?

Сергей вышел на крик. Во дворе стоял немолодой мужчина в милицейской форме.

— Вы хозяин? — спросил он.

— Да. Вышинский Сергей Аркадьевич. А вы...

— Ваш участковый надзиратель Линкевич Борис Казимирович.

Участковый полез в потертый планшет за листком бумаги и карандашом.

— Пойдите. Как участковый? А Александр Денисович?

— Александр Денисович? Какой Александр Денисович?

Сергей встряхнул головой, пытаясь понять, что происходит.

— Ну прежний участковый... надзиратель...

— Ах, Денисыч! — Участковый хлопнул себя по лбу ладонью. — Думаю, имя-отчество знакомое, а кто — не понимаю. Он тоже участковый надзиратель, нас на этом участке двое работают. Он прийти не смог, он вчера утром... это... заболел сильно... В госпитале лежит.

Сергей вспомнил утреннюю перестрелку. Ну понятно, какой такой «болезнью» захворал напарник товарища Линкевича...

— Чем обязан визитом, Борис Карлович?

— Казимирович. Как это чем? А вон, — он безошибочно указал на обгорелый угол, — поджог. И стреляли тут у вас вчера. Так что давайте составим протокол о происшествии...

* * *

Участковый отпустил Сергея только через два часа, когда полностью оформил все бумаги.

Ночное происшествие пришлось описать в подробностях. Правда, в изложении Сергея (ребят он не стал впутывать, сказав, что ночевал один и они ничего не знают) мастерскую пытались поджечь неизвестные хулиганы, спугнутые его криком. Рассказывать об угрозах, наличии у него револьвера — то есть уже двух, а также о применении отравляющих газов Вышинский не собирался.

От стрельбы он открестился, заявив, что никто не стрелял, скорее всего, послышалось. Милиционер покосился на кровавое

пятно на плече Сергея, но ничего не сказал. Зато Сергей, обративший внимание на взгляд, рассказал длинную захватывающую историю о борьбе с пламенем, об обгорелой куртке, которую и продемонстрировал, а также о ржавом гвозде, торчащем из доски, на который он и напоролся, когда у него закружилась голова и он привалился плечом к забору.

После допроса Сергей и в самом деле почувствовал головокружение. Ночная катавасия не прошла бесследно: руки пострадали от огня, покраснели и чесались, в горле першило, в голове пульсировал пузырь боли. Сергей бодрился, говоря, что все замечательно, он порывался помочь Кириллу в работе, помочь химику в составлении чернильной пасты или, в крайнем случае, поработать с шариками...

Ребята не поверили его заверениям, изловили Леночку и отправили ее за врачом.

Врач, лет так сорока, с широкой черной бородой, больше похожий на старого пирата, осмотрел больного, заставил высунуть язык, прослушал грудь забавной блестящей трубочкой, в точности такой, как торчала из кармана доктора Айболита. После чего заявил, что признаков отравления не наблюдает, но для профилактики рекомендуется выпить крепкого чая или кофе и погулять на свежем воздухе. Смазал Сергею руки желтоватой мазью, приятно пахнущей пчелиным воском и травами, не чинясь, принял червончик и откланялся. Рану на плече Сергей показывать не стал, кто его знает, все же врач, наверняка сумеет отличить пулевое ранение от, так сказать, гвоздевого. Еще в милицию сообщит...

Ребята заверили Сергея, что справятся без него, и чуть не силой вытолкали его на прогулку.

* * *

— Ой, привет! — Зоя обрадовалась Сергею, как давно пропавшему родственнику. — А чего ты такой бледный?

Пришлось рассказать историю ночного пожара еще раз. Зоя ахнула и потащила его поить чаем.

— Надо же. — Она сидела, уперев подбородок в сплетенные пальцы, наблюдая, как Сергей тихонько отхлебывает горячий чай. — Такие интересные вещи происходят в городе, а я даже не видела ничего. Слышал, в городе позавчера арестовали банду

белогвардейцев?

Сергей опять вспомнил выстрелы:

— Да, слышно было хорошо.

— Вот! У нас в городе действуют беляки, устраивают перестрелки, даже убили двух огэпэушников, твою мастерскую жгут, а я сижу тут, в библиотеке! Можно я с тобой подежурю?

— Нет! — Только Зои не хватало. Она девчонка, конечно, бойкая и наверняка сумела бы постоять за себя, но все равно, в случае чего Сергей не смог бы оставить ее, пришлось бы одновременно и ее оборонять, и мастерскую. То есть в конечном счете Зоя бы только мешала.

— Нет так нет. — В отличие от большинства знакомых Сергею девушек, Зоя понимала значение этого слова. — Тогда можно я хотя бы приду посмотреть на мастерскую? Завтра? Можно?

Она изобразила такую умильную, умоляющую мордочку, что Вышинский не выдержал. Рассмеялся и разрешил приходить в любое время дня. Не ночи!

* * *

Сергей заглянул на работу к Славе, но тот был чем-то занят и пообещал нагрянуть в мастерскую завтра с утра, чтобы вместе провести эксперименты по подбору требуемой вязкости чернильной пасты. Заодно пообещал привести Катю, чтобы помирить их двоих.

Выйдя из губоно, Сергей отправился к портному. Запасные штаны у него были, а вот запасной куртки нет. А он уже как-то привык к джинсе.

— Добрый день, молодой человек! — Старик портной обрадовался ему, как родному. — Что привело вас к старому Менахему?

— Хочу у вас куртку заказать. Такую же, как в прошлый раз.

— Ну да, ну да... Я и не надеялся, что вы пришли поздравить меня с Ту бе-Авом. Тем более что он через четыре дня. Ну что ж, пойдемте.

Сергей ожидал, что его опять начнут измерять, однако портной выложил перед ним несколько курток, точно таких, как погибшая в борьбе с пожаром.

— Что вы так удивленно на них смотрите, как будто не с вас

началась эта мода в Пескове? Примерьте. Какая больше вам подойдет, ту и подгоним.

Сергей накинул первую.

— Я слышал, вы уже имели разговор с Михаилом Потаповичем? — негромко произнес старик-еврей.

Сергей вздрогнул и зашипел: булавка впиалась ему в плечо, и без того раненое.

— Ай-я-яй, простите старика, — запричитал Шумахер. — Так как насчет моего вопроса?

— Да. Приходили... представители.

— Ну да, ну да... Конечно, без мокрого можно было и обойтись, но вы все сделали правильно. Особенно когда не стали впутывать ментов... Не крутитесь, иначе я не смогу правильно подогнать, и куртка будет сидеть на вас хуже, чем костюм на покойнике... Вам нужен такой костюм, в котором вы будете хорошо смотреться только в гробу? Уверен, что нет. Так вот, Сергей Аркадьевич, чтобы вам не пришлось лежать в моем костюме в неудобной позе, когда все вокруг плачут и хоть бы один улыбнулся, слушайте, что говорит вам старый Менахем.

— Слушаю, — настороженно произнес Сергей.

— Михаил Потапович человек настойчивый и от своих планов касательно вашей мастерской не отказался. Сегодняшняя неудача его не остановит...

— Скажите, гос... тов... гр...

— Называйте меня просто — дядя Менахем, раз уж тут меня все так называют...

— Скажите... дядя... Почему вы предупреждаете меня?

— Потому что вы, Сергей Аркадьевич, в отличие от братьев Потаповичей — человек разумный. Вы на их месте или сделали бы все правильно с первого раза, или не стали бы и браться. Они же будут бодаться с вами, пока не разобьют лоб до крови...

— Нет, почему вы вообще помогаете мне?

— Я всего лишь старый еврей, который хочет жить в спокойном городе. Если вдруг люди, создающие в спокойном и тихом городе лишний шум, исчезнут без лишнего шума, в этом городе многие скажут спасибо тому, кто сделает порядок. Поэтому, Сергей Аркадьевич, слушайте старого Менахема... Или тех, кто придет от него... Вы меня понимаете...

— Да.

— Вот ваша курточка. Как на вас шита.

* * *

Старик-портной, несмотря на то что он помогает, Сергею не нравился, и, выйдя из мастерской, Вышинский вздохнул с явным облегчением.

Тихий город, тихий город... Скажем так: город без лишней активности милиции и спецслужб, мешающей вести свой маленький бизнес.

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, чем, кроме портняжного ремесла, зарабатывает своим внукам на хлеб с икоркой старый еврей.

Наркотики.

Скорее всего, кокаин. Та самая белая фея, которую используют местные проститутки и продают мальчишки с лотков. Мальчишки, хозяин которых в ресторане о чем-то активно общался с гражданином Шумахером. Который иногда встречает неких курьеров, приносящих ему нечто ценное под видом пакетов с тканью. Старик портной плотно завязан на наркоторговлю.

Сергею вспомнилось собственное рассуждение о трех путях, которыми идут люди: путь Кати, путь профессора Крещенского и путь капитана Ждана.

Да, теперь определился четвертый путь. Путь портного Шумахера.

Такие, как он, а их здесь немало, есть и взяточник Иван Абрамович, и гопники-хулиганы вроде Лехи, вожака Общества городской шпаны, и те же братья Потаповичи. Люди, которых не заботят ни светлое прошлое, ни светлое будущее. Люди, чей девиз: «Лишь бы мне было хорошо, а другие пусть заботятся о себе сами». Люди, которые не собираются делать ничего для блага людей, общества, государства, которые считают, что никому ничего не должны, но очень хорошо помнят, что должны им.

Четвертый путь. Путь паразитов.

Почему-то думать об этом было неприятно.

Сергей замотал головой, отгоняя ненужные мысли.

* * *

На Сергея надвигались бандиты. Двое, те, что приходили ночью. Отравленные газами, кожа покрыта отвратительными

струпьями и слизью, волосы выпадают клоками... Бандиты, хрипя, протискивались в двери комнаты. Сергей слепо шарил по столешнице, пытаясь найти револьвер.

— Сергее-ей... — прорезалось в хрипе, — Сергее-ей...

Руки тянулись к лицу...

Сергей подскочил на кровати, наган прыгнул в руку, ствол метнулся к черному силуэту в дверном проеме... «Зомби!» — мелькнула заполошная мысль. Еле удержал палец на спусковом крючке.

Дверь захлопнулась, из-за нее послышался голос Кирилла:

— Сергей Аркадьевич, это я.

Сердце ударилось о ребра. По спине пробежала струйка горячего пота. Сергей осторожно положил наган на стол, отцепил от него подрагивающие пальцы.

Сергей, ты что-нибудь сделай со своими снами. А то рано или поздно кого-нибудь застрелишь.

— Сергей Аркадьевич...

— Да иду, иду.

Он выглянул в коридор:

— Что случилось?

— Там к вам... девушка приехала.

Девушка? Катя?

Почему именно Катя Сергей не смог бы объяснить, просто возникло такое чувство.

— Кирилл, — вспомнил он, — как прошла ночь?

Сегодня дежурил Кирилл.

— Да, — пожал тот плечами, — спокойно прошла.

— Вот что, Кирилл. Иди поспи. Спасибо тебе.

— Да за что спасибо-то? Чай, не чужое, свое стерегу...

Сергей, уже не слушая его, выскочил на крыльцо.

— Привет!

Посреди двора у мотоцикла стояла улыбающаяся...

Зоя.

— Привет! — Сергей не почувствовал ни капли сожаления от того, что это была не Катя. Рядом с Зоей вообще сложно о чем-то жалеть.

— С праздником тебя!

— С каким это?

Что там сегодня за день? Второе августа?

— День ВДВ? — ляпнул Сергей и прикусил язык.

Откуда в СССР ВДВ? Или уже есть? Он не очень бы удивился, если бы воздушный десант здесь уже существовал...

— День Водава? — подняла брови Зоя. — Кто это?

— Это... — спалился...

— А, я поняла, это ваши сектантские штучки?

— Да!

— А у всех православных сегодня Ильин день!

— Все православные купаются в фонтанах?

— Наоборот, после Ильина дня купаться нельзя. Ты со своей сектой простых вещей не знаешь. Вообще, я пришла посмотреть на твои владения. Показывай!

Вот как ей откажешь?

* * *

Водя Зою по мастерской, Сергей чувствовал себя владельцем колдовского замка. Настолько девушку восхищало все, что она видела. Такой радости от созерцания химического производства от современной девушки добиться было бы невозможно. Зоя рассмотрела и потрогала все: и бутылки с бензолом (открывать не стала), и вытяжки, и холодильник, и баки. Откупорила последнюю емкость с чернилами, понюхала, смешно шевеля носом.

Когда же Зоя увидела приспособления для изготовления шариков для ручек, ее восторгу и вовсе не было предела.

— Ух ты... А что это? — Девушка покачала вверх-вниз рукоятку пуансона.

Сергей начал объяснять назначение инструмента, потом пришлось говорить о том, для чего нужны все эти устройства, ну и, понятное дело, без рассказа о попытках изобретения шариковой ручки не обошлось.

— Не зря ты мне сразу понравился. — Зоя прижалась к Сергею и погладила его по груди. — И деловой человек, и не трус, и изобретатель...

— Ну, изобретатель... Еще ничего толкового не придумал...

— Придумаешь, я в тебя верю...

Они вышли на крыльцо. Зоя обняла Сергея за плечи, прижалась к нему и неожиданно сказала:

— Сергей, я приехала попрощаться.

Сергей еле удержался, чтобы не переспросить. Зоя не любит глупых вопросов.

— Далеко уезжаешь?

— В Париж.

Вот так запросто.

— А денег у тебя хватит? — Сергей подумал, что у него самого наличности не много и спонсировать Зою он не сможет.

— Хватит. Я уже давно хотела, оформляла документы... Так что деньги у меня есть.

— Надолго?

Вроде и расстались с ней, а все равно сердце щемит...

— Посмотрю. — Зоя тряхнула волосами. — Погуляю по бульварам, по набережным, поживу в мансардах на Монмартре... Ты жалеешь?

— Немного. Ты хорошая... Друг.

— Ты тоже... хороший...

Лицо Зои оказалось близко-близко, губы обожгли, язычок — шалунья, объятья...

— Доброе утро.

Зоя и Сергей отпрянули, как застигнутые любовники. В калитке стояли Катя, Слава, сзади виднелась шляпа Виктора Алексеевича.

— Интересно, — громко произнесла в пространство Катя, — что я здесь делаю?

Она резко развернулась — взметнулась юбка, короче, чем на ней была в прошлый раз, — и скрылась за забором.

«Беги за ней, придурок...» — шепнула пришедшая мысль. Сергей стоял. Необычная ситуация, сначала не сообразить, что делать, а потом уже поздно...

— Знаешь, Сережа, — опустила глаза Зоя, — я, наверное, пойду... Извини...

Последнее слово она прошептала чуть слышно.

Затарактел мотоцикл, Зоя выехала со двора. В воздухе повисло облако синего дыма.

— Сергей... — прошипел Слава, проходя мимо остолбеневшего парня в мастерскую.

Виктор Алексеевич промолчал, но его взгляд был достаточно красноречив.

— А что случилось-то? — недоуменно проводил их взглядом Кирилл.

— Ничего, — вздохнул Сергей. — Просто твой начальник — недоумок...

* * *

Может быть, оттого, что все мысли Сергея были заняты Катей — он мысленно разговаривал с ней, пытаясь объяснить, что произошло, и не находил нужных слов, может, по другой причине, но с ручками у парней сегодня не получалось ничего.

На первый взгляд все было просто: вставляешь в пишущий узел шарик, заполняешь стержень чернилами с помощью шприца с толстой иглой — Слава сообразил — и все. Ручка готова, можно писать. Если паста окажется слишком жидкой — добавить канифоли, если слишком густой — ацетона. Конечный вариант пасты, разработанный Виктором Алексеевичем, состоял из метилфиолета как красителя, касторового масла, канифоли и ацетона.

Все было просто, пока не начали делать. Сперва поместили шарики в ручки и попробовали провести линию на бумаге, пока без чернил, чтобы оценить плавность вращения.

Из двадцати шариков, полученных Сергеем за целый день, подошли к ручкам только четырнадцать. Остальные наотрез отказывались вращаться в положенных гнездах, царапали и рвали бумагу.

— Ладно, ручек все равно только двенадцать, — оптимистически заявил Слава. Он по своей сути был холериком, то есть быстро вспыхивал и быстро остывал. Поэтому за Катю он на Сергея дулся недолго. С ручками его энергия пока не иссякла.

— Золотые у нас ручки получатся с такими затратами... — Сергей, наоборот, погружался в глубины пессимизма.

— Ничего. Нам для начала нужно общую концепцию придумать, опытные образцы сделать, серийное производство всегда создается потом. Ты когда-нибудь слышал о том, чтобы идея сразу воплощалась в серийном производстве?

Ну да, подумал Сергей, в фантастике такое часто случается. И не только с ручками. Видимо, поэтому она и называется — фантастика.

— Хорошо. Давай попробуем заправить чернилами...

* * *

К концу дня оба: и Слава и Сергей (Виктору Алексеевичу

предстояло дежурить ночью, и он ушел отсыпаться) были покрыты чернилами и пессимизмом.

Ничего не получалось.

Нет, заправить чернила в стержень — дело довольно простое. Хотя тоже не сразу вышло. Не зря в современном Сергее мире стержни делают прозрачными: контролировать процесс заполнения в таких стержнях гораздо удобнее, чем в медных трубках. Первые попытки закончились тем, что паста вытекла из стержня и измазала руки.

Вымывшись — три раза, — ребята выбрали необходимый объем пасты и заправили стержни. Попробовали писать. Ручки оставляли ровный четкий след. Пока их держали вертикально. Стоило наклонить их так, как привыкли писать, чернильная линия тут же становилась прерывисто-пунктирной.

— Вот видишь. — Слава был доволен, как Пифагор, доказавший собственную теорему. — Что я тебе говорил?

— Давай попробуем с поршнем и пружиной. Чернила должны поступать в любом положении...

Попробовали. Все верно, чернила поступали к шарiku, даже если ручку держали вверх ногами. Поступали и медленно, но верно просачивались между шариком и стенками.

Решили, что чернила слишком жидкие, и добавили канифоли для вязкости. Чернила просачиваться перестали. Вообще. Ручка оставляла короткий след и переставала писать.

Слава с Сергеем попробовали поэкспериментировать с вязкостью, попеременно добавляя канифоль и ацетон, и установили, что у ручки есть два режима работы: она мажет и она не пишет.

Тогда изобретатели решили, что вся загвоздка в упругости пружины. То есть либо она слишком слабая, чтобы продавить чернила, либо слишком жесткая и продавливает их слишком много.

С изменением упругости единственный результат, которого добились (к двум вариантам добавился третий) — если пружину взять посильнее, то она вырывает шарик, и ручка брызжет фонтаном чернил. Вязких и от этого не менее пачкающих.

Парни сидели на лавке и курили. Работа в помещении с открытой банкой ацетона и закрытыми окнами (хорошая мысль приходит последней) полезной для здоровья не является. Сергей мог поклясться, что видел светящуюся ярким зеленым светом гусеницу, пробежавшую по потолку. Да и Слава, хоть и молчал,

слишком настороженно оглядывался на стоящие у стены бутылки.

Мысли Сергея опять ушли к Кате. Теперь понятно, что она к нему тоже равнодушна, иначе так не среагировала бы. И толку от такого знания? Сергей снова попытался подобрать слова, чтобы объяснить, оправдаться... Получится ли?

— Нет, — сказал Слава, — ничего не получится.

Сергей вздрогнул:

— В смысле?

— Я про ручки. А ты про что?

— И я... про них. Почему не получится-то?

— Потому что... Вот смотри: пружина давит на поршень, поршень — на пасту. Значит, паста находится под постоянным давлением. А жидкость под давлением всегда будет просачиваться в малейшее отверстие. Либо не будет поступать совсем. Что у нас и происходит.

Сергей задумался. Единственная мысль, которая пришла ему в голову, — на Катю давить бесполезно. С ней где сядешь, там и слезешь... Тьфу ты, да начни соображать!

— Получается, нам нужно непостоянное давление? Порциями? Выдавил часть пасты к шарiku, она кончилась, выдавил еще?

Слава обдумал мысль и покачал головой:

— Неа, так, конечно, можно, но представляешь такую работу? Написал слово — нажал на насос, написал второе — опять нажал. Тогда уж лучше по-прежнему пером писать, суть та же, но к нему все привыкли.

— Может, все-таки сумеем подобрать пасту нужной вязкости? — Других свежих идей у Сергея не было.

— Не сумеем. Я же тебе говорю — тут дело не в вязкости, а в давлении...

— Постой, но ведь когда паста в ручке просто находится, без пружины, на нее давит земное тяготение. А паста не вытекает. Может, подобрать пружину такую, послабее, чтобы давила чуть-чуть...

— Сергей, не обижайся, но пружина, по-моему, тут вообще лишняя. Мне кажется, чернила должны сами к шарiku поступать, самотоком...

— Ну так они и идут самотоком. Пока ручка вертикально стоит. А стоит ей наклониться...

— Понимаешь, вертится у меня в голове одна мысль... Как

заставить чернила к шарiku идти... В любом положении... Вот только не помню точно... Ты физику изучал? Хотя да, какая там в вашей секте физика...

Сергей со стыдом подумал, что легенда с сектой позволяет быть совершенным незнайкой в любой науке. Физику в их школе, разумеется, преподавали, однако «тройка с натяжкой» в аттестате говорила о том, что из физики Сергей помнил только правило буравчика. И то потому, что название забавное.

* * *

Понедельник — день, как известно, тяжелый. Особенно если все воскресенье ты безуспешно пытался решить проблему шариковой ручки, а ночью снились кошмары.

Для разнообразия вместо убитых к Сергею пришли Катя и Зоя. Они страстно обнимались друг с дружкой, не обращая на него никакого внимания. Вышинский пытался крикнуть, обратить на себя их внимание. Тщетно. Только потом, когда они, обнявшись, начали удаляться, Сергей выкрикнул: «Катя!» Девушки обернулись, Катя бросила презрительный взгляд и прошептала что-то на ушко Зое. Та улыбнулась и подняла огромный черный пистолет.

Выстрел!

Сергей подскочил на кровати. Наган в его руке уже искал цель. Кто стрелял? Кто?

Загрохотало еще раз. Гром. Это всего лишь гром...

На улице шел дождь, настоящий ливень.

Наверное, сегодня ночью мастерскую жечь не будут...

* * *

Сергей бродил по городу. Виктор Алексеевич, взглянув на его запавшие красные глаза, сказал: «Сергей Аркадьевич, отдохните, мы без вас справимся. Правда». Сергей решил, что лучше дышать посвежевшим после ночной грозы воздухом, чем тупо лежать в душной комнате. Вот и гулял.

Почему, вот почему я раньше не интересовался устройством шариковых ручек? Понятно, что мне не нужно было знать, как их делают. Кто в наши дни вообще делает хоть что-то собственными руками, если все можно спокойно купить в магазине. Но хотя бы для общего развития я мог полюбопытствовать? Ведь попадались,

наверняка попадались статьи в журналах, информация на сайтах... Ладно, в книгах, которые я читал, такого точно не встречалось: в фэнтези все проблемы решаются с помощью специализированной магии.

Понятно, что предугадать попадание в прошлое, пусть и другого мира, я не мог. Кто ж знал, что однажды пригодится все то, что казалось неважным и неинтересным: и история, и химия, и физика... Даже хотя бы книжку «Двенадцать стульев» прочитал бы и заранее имел хоть какое-то представление о здешнем житье-бытье. Меньше бы глупых вопросов задавал.

Сергею в связи с «Двенадцатью стульями» только как-то давно попалась статья в «Комсомолке»: что двухпудовую гирию можно распилить ножовкой по металлу за два часа. Очень ценная информация.

Кто ж знал, кто ж знал...

Есть же люди. Они читают, читают не только книжки для развлечения, пусть даже книги о работе водолазов или по истории техники не имеют к их работе никакого отношения. Вот такие люди, попав в прошлое, вспомнили бы что-нибудь более ценное, кроме иерархии общества дроу или особенностей формирования магических плетений. Да, наверное, просто не растерялись бы.

Правду говорят, чтение — упражнение для ума...

Калитка в высоком заборе под табличкой «Лапутина, 8» (там была еще длинная фамилия, но Сергей ее не рассмотрел) широко раскрылась. В проеме мельком показался маленький симпатичный дом, с лепниной и колоннами. Из калитки вышли двое — молодой парень лет двадцати и девушка в легком белом платье.

— Катя, — убежденно говорил парень, — я стану летчиком. И найду твоего отца! Обязательно найду!

Вот возьмем, к примеру, вот этого будущего летчика, продолжал свой путь Сергей, он так уверенно обещает, как будто это он, а не я тут из будущего. При этом он убежден, что все будет так, как он говорит, а я не знаю, что произойдет завтра...

Сергей остановился. А ведь верно.

Он, Сергей, всю свою жизнь жил настоящим, считал, что мечтать о том, что произойдет, глупо, а получалось, что он жил сегодняшним днем, не делая планов дальше следующей пятницы. Вот и вышло, что он как не был готов к будущему в две тысячи десятом, так и не готов к нему в двадцать пятом. Прогрессор, блин. Знаний о будущем — никаких. А вот этот парень знает будущее.

Пусть только свое, но знает. И он готов к нему.

Вот такие люди и есть настоящие прогрессоры, приближающие будущее, твердо знающие, чего хотят. Этот парень наверняка станет летчиком, найдет отца девчонки. Интересно, где тот пропал? Другой парень, на глаза не попавший, станет писателем, художником, изобретателем. Главное — знать, чего хочешь, и идти к этой цели.

А чего хочешь ты, Сергей? Нет, не сейчас, сейчас у тебя цель есть — вернуться в будущее, и у тебя, как оказалось, есть и воля, и энергия, и ум, чтобы этой цели добиться. Вот вернешься ты... И что потом?

* * *

— Привет, Сергей! — Глаза Славы были такими же красными, видимо, он тоже не спал ночь. Но если Сергей чувствовал себя хмурым и разбитым, то Слава просто светился.

— Сергей, я думал всю ночь! Я придумал! Придумал, как сделать ручку!

Настроение Сергея было ни к черту, но радость Славы была такой огромной, что хватило на двоих. Даже рыжие волосы, казалось, светились огнем. Вышинский почувствовал, как рот сам собой расплывается в улыбке. Неужели получится?

— А что ты придумал? — жадно спросил он.

— Помнишь, я говорил, что чернила должны сами поступать?

— Ну?

— Смотри. — Слава быстро набросал на листке бумаги схему шариковой ручки. — До нас ручку делали так, правильно? Мы решили добавить пружину, правильно?

— Правильно, правильно, дальше!

— Так вот смотри, что мне пришло в голову. — Кончик карандаша ткнул в центр чертежа. — Вот здесь, в этом промежутке между шариком и основной массой чернил должен быть капилляр...

На лице Сергея отразилось все его знание о капиллярах, поэтому Слава уточнил:

— Ты знаешь, что это такое?

— Э... кровеносный сосуд? — всплыла в голове, казалось бы, прочно забытая информация с уроков биологии.

— Сергей, — серьезно заявил Слава, — тебя в твоей секте учили очень плохо. Капилляр, вернее, капиллярность в физике — это способность жидкостей подниматься вверх по узким каналам — капиллярам. Ты видел, как намокает полотенце, если его кончик опустить в воду? Вода как бы поднимается вверх по полотенцу, понимаешь? Вверх! А нам всего-то нужно, чтобы чернила текли к шарикам, буквально несколько миллиметров...

Да, подумал Сергей, даже в такой простейшей вещи, как ручка, есть свои тонкости, не зная которых не сделаешь ничего работающего. А я еще думал предложить сделать автомат Калашникова, смешной человек. Как же, я представляю, как он выглядит, а внутреннее устройство — такой пустяк... Не говоря уж о технологии...

— Я уже рассчитал необходимый диаметр и заказал новые узлы у Петра Евграфовича... Часовщика, — пояснил Слава. — Через пару дней они будут готовы, и попробуем еще раз!

* * *

Такое чувство, как будто Слава облучил Сергея своей радостью и уверенностью. Когда Вышинский подходил к мастерской, он уже был убежден, что мир прекрасен, жизнь удалась, и даже строил планы на будущее, тем более бестолковые, что касались они жизни в здешнем мире. Как будто он не собирался возвращаться назад в будущее.

Если получится с ручкой, то можно замахнуться и на другие пишущие принадлежности, которые здесь еще не изобрели. Только сначала нужно уточнить, правда ли не изобрели. Фломастеры, маркеры, гелевые ручки, текстовые делители... Замазку-штрих... Это не говоря уж про цветные чернила. Да тут миллионером можно стать!

Сергей Вышинский — советский миллионер. Звучит!

— Дяденька!

Сергей вынырнул из приятных фантазий. Ну может человек помечтать пять минут?

— Дяденька!

У ворот мастерской стоял мальчик, лет так десяти — двенадцати. Не замызганный беспризорник, вполне себе приличный ребенок.

— Ну чего тебе? — Сергей был настроен благодушно.

— Дяденька, это вы сектант Сергей будете?

— Я. А тебе что, автограф?

— Нет, дяденька Сергей, мне графов не нужно. Меня дядя Менахем просил вам передать, что гости к вам сегодня ночью придут.

Хорошее настроение пропало, как не было.

* * *

Наступал вечер. Темнело. Можно даже сказать, смеркалось.

Чернильная мастерская в полумраке казалась напряженно припавшим к земле хищником, настороженно ожидающим нападения.

Внутри маленькой крепости готовился к ночному нападению гарнизон из трех человек.

— Сергей Аркадьевич. — Кирилл забивал длинный гвоздь-стопятидесятку, крепя изнутри дощатый щит, закрывающий окно. — Может, все же правильнее было бы в милицию обратиться?

— Нет, — опередил Сергея химик, — не правильнее.

Он закашлялся и продолжил:

— Представь, что мы обратимся в милицию. Что мы им скажем? Что мальчик от доброго дяди сказал нам, что сегодня ночью на нас будет налет? И они поверят? Да даже если и поверят, чем нам поможет милиция? Выставит у нас пост? Хорошо. Пусть. Бандиты тоже не дураки и не полезут к нам, пока стоит охрана. Вечно же нас охранять не будут. А стоит снять охрану — мы сгорим.

— Да я понимаю...

— Проблему нужно решать сразу. — Сергей опустил на пол два тяжелых огнетушителя с облупившейся красной краской на поверхности. — А не рубить хвост кусочками. В конце концов, их всего шесть.

Окна мастерской были забиты изнутри щитами с широкими щелями между досками, только чтобы можно было стрелять изнутри, но бутылки с бензином не проникли бы внутрь. Виктор Алексеевич сумел найти где-то в городе целых три огнетушителя: больших, с широким раструбом. Все хрупкое, стеклянное и легковоспламеняющееся стащили в подвал. Честно говоря, к концу перестановки Сергей чувствовал себя таким умотавшимся, что,

нагрянь бандиты сейчас, он только махнул бы рукой и сказал: «Давайте стреляйте». Впрочем, уже скоро он опять начал чувствовать мандраж.

Самое худшее в защите от нападения — ожидание.

— Какое оружие у вас? — спросил он, чтобы немного отвлечься.

Виктор Алексеевич продемонстрировал короткий пистолет с необычным округлением над рукояткой. А также две газовые гранаты. Хотя ими решили не пользоваться: велик риск, что товарищ без маски случайно попадет под ядовитое облако.

Кирилл с гордостью развернул притащенный из дома сверток.

— Ого. — Даже обычно невозмутимый химик поднял брови. — Целая гаубица.

В руках Кирилл держал обрез. Короткая рукоять, торчащий зигзаг затвора, укороченный ствол. Обрез напоминал гибрид старинного кремневого пистолета и современной винтовки.

— От дяди память осталась.

«Бабушка подарила!» — вспомнились слова Таклберри из «Полицейской академии».

— Кирилл, возьми лучше наган. — Сергей протянул ему один из своих, трофейный.

— Вот еще! Да я из дядькиного обреза... Ух! Обрез лучше.

— Ну смотри...

* * *

Они находились в большой комнате, в той, где стояло оборудование для производства шариков, сидели в полной темноте. Уже четыре часа. Никто не нападал.

Чтобы не клонило в сон, Виктор Алексеевич периодически поил всех отвратительно-холодным и несладким кофе.

— Кофе бодрит намного лучше, если он холодный и без сахара, — безапелляционно заверил он.

Кирилл начинал рассказывать длинную историю о своем лихом дядьке раза три, но почему-то сбивался на одном и том же месте. Сторожа по очереди, передвигаясь на цыпочках, обходили мастерскую.

Вернулся Виктор Алексеевич, пошел Кирилл. Тяги к рассказыванию историй о своей жизни химик не испытывал, как,

впрочем, и Сергей, поэтому некоторое время они находились в полнейшей тишине. Химик замер у окна, только тускло поблескивал в лунном свете пистолет.

Сергей вспомнил слова профессора Крещенского: «Да, вот пример настоящего железного интеллигента. Никакого глупого кудахтанья, рассуждений о ценности каждой человеческой жизни, о том, что каждый преступник заслуживает снисхождения, что никто не имеет права быть палачом... Интересно, в наше время такие остались? И если нет, то куда они делись?»

Послышался глухой, надсадный кашель.

Все же, с досадой подумал Сергей, Виктора Алексеевича брать с собой не стоило. Больной человек, да и распугает всех нападающих своим...

Кашель повторился. Сергей замер.

Кашлял не химик.

— Сергей Аркадьевич, — прошипел от двери Кирилл, — там, на задворках...

— Понял. На исходную.

Парень бесшумно приоткрыл главную дверь и побежал в сторону сарая. По плану он исполнял роль засадного полка. Его бы отправили на место раньше, но побоялись, что в одиночку Кирилл заснет.

Виктор Алексеевич приник к окну:

— Тихо. Никого.

Сергей прокрался к задней двери. Выглянул в щель...

Яркая вспышка!

На мгновение Сергей ослеп, но сквозь прищуренные глаза увидел, как вторая бутылка с горячей тряпкой разлетелась о стену огненным пятном.

Над забором показалась темная голова. Вышинский выстрелил два раза (два нагана — четырнадцать патронов), но, кажется, не попал.

— Прикройте! — Он схватил огнетушитель и бросился к огню.

Открыть клапан, перевернуть вниз, направить раструб...

Толстая струя пены вылилась на огонь. Щелкнули выстрелы химика, тяжелое тело упало с забора в заросли крапивы по ту сторону.

Минус один.

— Я на ту сторону!

— Хорошо! — Огонь не успевал разгораться и гас, прибываемый пеной. Сергей справится и один, а напасть могут и со стороны ворот.

Главное, продержаться до прибытия милиции. И набрать побольше фрагов.

Два темных тела взметнулись над забором в разных концах. Сергей бросил огнетушитель и выстрелил с двух рук. Не попал, конечно, но и ответные выстрелы просвистели над головой. Вышинский точным выстрелом уложил еще одного нападающего — минус два — и бросился к двери. Пуля отколола толстую светлую щепку, но он был уже внутри. Захлопнул дверь и упал на пол.

Наступила напряженная, звенящая тишина.

Во дворе, кажется, не стреляли, хотя в запарке Сергей мог и ошибиться. Огонь на стене погас, а запас бутылок с бензином у бандитов был ограничен. Скорее всего, они собирались поджечь стену и застрелить Сергея, выскочившего на огонь. Оборонную группу из трех человек они точно не ожидали встретить.

Тихий-тихий скрип... Щели в двери потемнели, закрываемые телом человека.

Бах!

Выстрел в помещении был оглушающ.

Бах! Бах!

Человека за дверью не задело, и он начал стрелять в ответ. Если бы Сергей стоял — был бы уже мертв.

Бандит помедлил мгновение и пинком распахнул дверь. Сергей повел стволом...

Бах! Минус три.

Осталось три...

Во дворе рассыпалась трескотня выстрелов: и щелчки пистолета химика, и хлопки наганов. Зазвенели стекла окон.

Три бандита сзади и три спереди. Задние мертвы все. На выручку ребятам!

Сергей бросился на ту сторону мастерской, осторожно выглянул в окно, в щель между досками.

Посреди двора в лунном свете лежало скорченное тело — минус четыре. Две полусогнутые фигуры бежали к двери. Виктор Алексеевич молчал. Ранен? Убит?

Ухнул выстрел, второй, дверной проем сарая осветили вспышки. Заработала «артиллерия».

Одна из фигур сломалась и упала, завывая, на землю. Второй отчаянным прыжком взлетел на крыльцо и дернул дверь. Скрылся внутри.

Не закрыли!

Сергей замер. В мастерскую проник враг, и, возможно, не один. Почему молчит химик? Нужно быть осторожным. Не нарваться на пулю врага и не подстрелить по ошибке друга.

Он бесшумно отпрянул от окна, успев заметить, что в ворота убегают еще двое, сразу начав стрелять в сторону сарая. Ничего, Кирилл справится...

Шорох.

Сергей направил ствол револьвера в темноту.

А если это Виктор Алексеевич?

Вышинский осторожно прижался спиной к двери в свою комнату. Чуть приоткрыл ее и почти полностью скрылся в комнате.

Шорох.

— Виктор Але...

Бах! Бах! Вспышки выстрелов разорвали темноту.

Сергей выстрелил с левой руки два раза, кажется, не попал. Два патрона в одном нагана и два — в другом. Негусто...

Сергей попятился и рукой нашарил на столе рукоять меча, оставленного здесь в качестве последнего шанса. Если патроны кончатся и начнется рукопашная — очень пригодится... В качестве способа красиво умереть, если у противника заряды останутся.

Он выглянул в коридор...

Бухнул обрез, раз, другой, третий. Как бы вторя ему, на задворках мастерской затрещал пистолет химика. Раздался отчаянный крик, быстро захлебнувшийся после очередного выстрела.

Сергей отвлекся на какое-то мгновение, и тут на него прыгнула черная тень. Один наган отлетел в комнату, во второй Вышинский вцепился с отчаяньем обреченного, но проклятый противник ловко двинул ему под дых и вырвал оружие из рук.

— Ну что, сяктант... — прохрипела невидимая смерть.

Сергей ударился спиной о стол и больше почувствовал, чем увидел, как на него наводят ствол его собственного револьвера. Он схватился за рукоять меча и взмахнул наискось.

Завывающий крик, что-то упало на пол, вопящий противник рухнул на колени. Сергей нанес еще один удар...

* * *

— Убирайте оружие, — прохрипел Сергей, когда лихая тройца собралась во дворе.

— И как же мы тогда объясним, из чего застрелены бандиты? Из рогатки?

— Вы ничего не будете объяснять. Потому что вы сейчас разойдетесь по домам. Я останусь и дождусь милицию...

— Нет, мы останемся здесь втроем. На пистолет у меня есть разрешение.

— А убийства?

Двор и сама мастерская напоминали бойню.

Один застреленный лежит посреди двора, второй — у крыльца. Еще два — у самых дверей сарая.

Кирилл не собирался добровольно запереться в ловушку. Еще вечером он выломал пару досок на задней стенке. Когда он увидел, что в его сторону бегут сразу двое, — а обрез все же попадал в цель только случайно, — он выпрыгнул в дырку, обежал вокруг и успел подстрелить двоих бандитов от ворот.

Сергей, держа в одной руке револьвер, поднял керосиновую лампу и двинулся осматривать побоище на заднем дворе. На стене шевелилось пятно пены: один из бандитов, когда все отвлеклись перестрелкой, перелез через забор, разбил еще одну бутылку и чиркал спичками, поджигая вторую, Виктор Алексеевич, почуявший неладное, выскочил из дверей и выстрелом разбил бутыль. Горящий бензин охватил тело неудачливого поджигателя, но второй выстрел прикончил его.

Виктор Алексеевич, затушивший второй пожар, перевернул носком ботинка тело бандита.

На Сергея, оскалив зубы, смотрел мертвый Мишка.

Еще один покойник лежал у забора, второй — на крыльце, перегораживая проход.

Сергей перешагнул его и двинулся дальше внутрь мастерской.

В дверном проеме его комнаты лежало тело. Второй, приходивший с Мишкой, напарник болтливой Максима. Ненадолго пережил его. Отрубленная кисть, сжимающая наган, валялась рядом. Комната была залита кровью, сырой запах которой пропитал все. Сергея замутило.

— Восемь, — подытожил Кирилл.

— Девять, — уточнил химик, — один упал за забором.

— Скоро придет милиция, — бесстрастно сообщил Сергей. Он вытер наган и протянул его Кириллу: — Спрячь в подвале. Не хочу, чтобы его конфисковали. Как-то привык я к нему.

— А как же вы объясните перестрелку?

Сергей наступил на отрубленную кисть и выдернул револьвер.

— Вот этим.

Его мутило. Сергей протянул лампу химику и вышел на крыльцо.

— Руки вверх! Бросай оружие!

Сергей уронил наган и медленно поднял руки. А вот и кавалерия, как всегда вовремя...

Яркий луч фонарика осветил ему лицо:

— Гражданин Вышинский? Вы арестованы.

* * *

Сергей сидел на нарах и мрачно рассматривал стену перед собой. Оштукатуренная поверхность была покрыта множеством надписей. Из этой наскальной живописи можно было узнать множество крайне интересных вещей, например, что Колян невиновен, менты замели его по нахалке, Гриб — стукач, а также что Никола, Савва, Глухой, Зуб и иные многочисленные постояльцы этой гостиницы бывали здесь в различные дни за период с 1922 по 1925 год.

После ареста — ордер прокурора Сергею не показали, но требовать адвоката он не стал — Вышинского вместе с Виктором Алексеевичем и Кириллом запихнули в тесный кузов подъехавшего грузовичка и доставили сюда, где рассовали по разным камерам.

Потом ближе к утру Сергея вызвали на допрос, а может быть, это и не допрос, в терминологии он не был силен. Усталый грузин в штатском костюме — на столе лежала фуражка ОГПУ — задал банальные вопросы: фамилия-имя-отчество, когда и с какой целью вы родились, адрес, происхождение, и тому подобные данные. Сергей, рассматривая допрашивающего, автоматически отвечал. Данные его «здешней» биографии слетали с языка сами собой.

Грузин не подходил под типичный образ «кровавой гэбни». Черные зачесанные назад волосы, тонкие усики, загорелая кожа,

утомленный взгляд красных ввалившихся глаз, впавшие щеки. Больше всего грузин походил не на чекиста, а на итальянского мафиози средней руки. Тем более что и одет он был не в кожанку, а в серый костюм.

После допроса-опроса Сергея отвели обратно в камеру. Небольшое помещение, оштукатуренные стены, дверь с глазком, обитая железом. Половину площади занимает невысокий деревянный помост — нары. Над ними — небольшое полукруглое окошко, забранное толстой решеткой. Стихотворение «Сижу за решеткой в темнице сырой» больше не казалось забавным. В углу — закрытое крышкой деревянное ведро, та самая «параша», о которой Сергей до сих пор только слышал.

Смотри, товарищ Вышинский, привыкай... Очень может быть, тебе долго придется жить в подобных местах. Закон есть закон.

* * *

В когда-то любимых Сергеем фэнтези-романах закон обычно либо не упоминался вовсе, и герои преспокойно воровали, убивали, дрались на дуэлях, после чего, не затрудняя себя даже уборкой тел, скакали дальше, либо же представителями закона были ленивые и туповатые стражники, которые только пили пиво в кабаках и брали взятки. Размер взятки, в зависимости от того, представлял писатель стоимость золота в Средние века или нет, колебался от нескольких медных монет до десятка золотых.

В фэнтези все просто.

Наверное, когда Сергей придумывал свой план обороны мастерской, он опирался именно на прочитанные романы. Или же на мнение о милиции начала двадцать первого века.

И что теперь?

Чувствуешь себя героем? А теперь посчитай, сколько законов ты нарушил, по скольким статьям Уголовного кодекса РСФСР тебя посадят?

Убийство двух и более лиц — раз.

Превышение пределов необходимой самообороны — два.

Хранение оружия — три.

Организация преступного сообщества — четыре.

В Российской Федерации всего вышеперечисленного хватило бы для того, чтобы сесть надолго. Лет так на десять.

Интересно, что ему грозит по здешнему законодательству?

И что в этой стране будет происходить в тридцать пятом году?

Залязгали замки, за дверью послышался неразборчивый разговор. Сергей поднял тусклый взгляд. Сейчас у него появится сосед. Хорошо бы, просто человек, не уголовник и не осведомитель... как там, насадка? Учи уголовный жаргон, на лесоповале пригодится...

Дверь открылась. В камеру, без сопровождения, вошел Витя.

* * *

А чему удивляться? Если Витя пришел в камеру ночью, если его не ввели, а он именно что вошел как человек, имеющий право, значит...

Значит, не такой простой человек Витя. Значит, он имеет право. И не так просто он появился в чернильной мастерской одного недогадливого сектанта.

— Доброе утро, Сергей Аркадьевич. — Витя, неловко держа руку на перевязи, присел на край нары.

— Смешная шутка.

— Вы, наверное, хотели бы что-то у меня спросить?

— А что тут спрашивать? Не зря ваш прежний якобы хозяин так нервничал, когда его спрашивали о вас. Запугали?

— Скажем так, попросили... Спрашивали? А, ну да, старая ментовская шкура, гражданин Камов.

— Что с ним?!

Камова не убили?!

— Он нам начал мешать. Слишком опытен, выявил наших людей, которые следили за вами, да и просто осложнял работу...

— И вы его...

— Арестовали, хотите сказать? Нет, вовсе нет. Мы очень убедительно попросили его уехать из города на некоторое время. Он, — усмехнулся Витя незнакомой жесткой улыбкой, — еще не хотел, беспокоился о вас... Чем вы ему так приглянулись?

— А чем я так приглянулся вам? Зачем ваши люди следили за мной, внедрили ко мне своего агента?

Витя повернул голову и внимательно посмотрел на Сергея:

— Я работал с вами, Сергей Аркадьевич, и могу сказать — вы умный человек. Но иногда вы кажетесь наивнее ребенка. Вы

серьезно думаете, что человек вроде вас, только что не кричащий о своей необычности, нездешности, сможет оказаться незамеченным и не заинтересует соответствующие органы?

* * *

Впервые сектант Сергей Вышинский попал в поле зрения ОГПУ только после разгрома банды капитана Ждана. Когда белогвардейцы его избили, все еще верили, что он всего лишь племянник старого пасечника, на самом деле попавший в лапы некой секты и вернувшийся только недавно. Революция, Гражданская, никто не удивлялся и более запутанным биографиям. А вот после стычки с Жданом...

В приграничной деревне живет человек, о судьбе которого до июня нынешнего года неизвестно ничего. Живет в семье контрабандиста. И при этом через границу постоянно перемещаются белогвардейцы. Уж не из-за границы ли он пришел? И если так, то почему притворяется крестьянином?

Добрый гость маску не наденет.

Разговор агентов ОГПУ с товарищем Поводнем сомнений не развеял. Да, ничего предосудительного за гражданином Вышинским замечено не было. Да, очень интересовался современной политической ситуацией. Да, он здорово помог при нападении банды капитана Ждана. Единственное, что можно поставить ему в упрек, — слишком много времени проводил с гражданкой Выреевой, якобы колдуньей, распространительницей суеверий и предассудков.

Предварительно гражданина Вышинского посчитали нелегально вернувшимся в СССР эмигрантом, каковыми были не только дворяне и интеллигенты. Революционные вихри оставили за пределами страны много простого люда: и рабочих и крестьян... Почему бы одному из них и не оказаться племянником пасечника и не вернуться на родину. Родина — она ведь у каждого только одна...

Гражданина Вышинского решили было оставить в покое. И тут поступила информация, что он собрался переехать в город. Это оставить без внимания было уже нельзя.

Что, если непонятный сектант — агент белогвардейцев? Прожил месяц в деревне? Натурализовался, вводил ОГПУ в заблуждение. Стычка с Жданом? Либо разыгранная комедия, либо,

капитан-то мертв, некие внутренние трения в белогвардейском движении. Возможно, руководство решило перейти к более аккуратным действиям и лихие рейды Ждана уже мешали.

Сергей еще только выписывал в сельсовете удостоверение личности, а в городе для него уже расставляли сети.

Руководство операцией по наблюдению за потенциальным шпионом поручили молодому перспективному агенту. Товарищу Пронину Виктору Дмитриевичу.

Во-первых, чтобы составить начальное впечатление об объекте, Виктор поселил в одну из комнат тети Тани своего знакомого...

Улыбчивый, вспомнил Сергей.

Улыбчивый товарищ работал в ЧК города Одессы с девятнадцатого по двадцать второй год. Последние три года, после гибели брата, он от службы отошел и переехал в Москву. Однако по просьбе Виктора решил потряхнуть стариной...

Мнение у Улыбчивого о Сергее сложилось двоякое. С одной стороны, гражданин Вышинский производил впечатление простого деревенского парня, с другой — проскакивало иногда что-то в разговоре, что заставляло сомневаться в его словах. К тому же Улыбчивый заметил в речи Сергея так называемые англицизмы — обычные для россиянина двадцать первого века, такие как «бизнес», «офис», «джинсы», однако в двадцать пятом году показывающие, что человек может быть не просто бывшим белогвардейцем, а агентом иностранной разведки.

Для верности Виктор отправил познакомиться с Сергеем еще одного агента, на этот раз песковского, действующего. Под видом участкового.

Да, Александр Денисович тоже служил в ОГПУ. И никаким участковым не был. Дом тети Тани и мастерская Вышинского даже находились на разных участках.

— Эй, а как же тетя Таня сказала, что это участковый...

— Мы ее «попросили».

— Понятно...

Плюс к тому за Сергеем была установлена слежка.

Начальные его перемещения и знакомства вызывали только недоумение. Библиотекарша, профессор, чиновник из губоно...

Когда же ОГПУ узнало о решении Сергея строить чернильную мастерскую, тут уже насторожились все.

Если для кого-то чернильная мастерская — анекдот, повод

поржать, то для ОГПУ — это в первую очередь химическое производство. Об отравляющих газах Первой мировой, в здешнем времени называемой Империалистической, никто не забыл.

За мастерской был нужен глаз да глаз. Виктор принял решение внедриться в качестве работника чернильного магната.

— Погоди-ка, — внезапно дошло до Сергея, — так это вы помогли мне организовать мастерскую? Так сказать, неявно? И товарища Шрама убедили?

— Товарища Шрама заставить делать то, что он считает ненужным, невозможно. Да и не помогали мы вам. Вы все делали сами. Разве что хулиганов я от мастерской отпугнул. Кстати, знаете, что произошло с Лехой, их вожаком?

— Что? — Для Сергея слова о том, что он был все-таки не игрушкой на веревочках, были гораздо важнее.

— Связался с бандитами, вместе со своими компаньонами. Те два тела, что лежали во дворе, — парни из его шайки. Сам он был обнаружен застреленным с другой стороны забора.

Слова о застреленных опять настроили Сергея на минорный лад. В голове запел Круг.

— Значит, следили за мной, следили... А в итоге, когда на меня нападали бандиты, где вы оказались? А?

Виктор машинально погладил руку.

В ночь после первого появления Мишки, брата Потапыча, Виктор вместе со своими товарищами участвовал в аресте белогвардейских агентов. Сарафанное радио не ошиблось. Не обошлось без перестрелки, к счастью, без потерь для огеппушников. Однако Виктор был ранен в руку. Александру Денисовичу повезло меньше: его ранение оказалось тяжелым.

Так вот он в каком госпитале...

— К тому же вы, Сергей Аркадьевич, чтобы не беспокоить меня, не рассказали о требованиях бандитов. Не будь вы таким деликатным, все обошлось бы проще. Хотя вы прекрасно справились и без нашей помощи.

— Спасибо, — буркнул Сергей. — А этот ваш липовый арест, якобы за контрреволюцию? Шутили?

— Да нет. Просто я хотел спровоцировать вас. Будь вы белогвардейцем, вы, скорее всего, занервничали бы и проявили себя. Честное слово, того, что вы броситесь в ОГПУ меня выручать, не ожидал никто... Спасибо.

— За что? Вам ничего не угрожало.

— Вы этого не знали.

Парни помолчали.

— Скажите, Виктор, а почему вы меня не арестовали сразу? Ну когда заподозрили, что я шпион?

— Арестовать? Сразу? Во-первых, мы в СССР, а не в капиталистической стране. У нас просто так не арестовывают. Во-вторых, раскрытый шпион — для ОГПУ просто находка. Такого шпиона не нужно арестовывать, его нужно заботливо снабжать требуемой ему информацией. Чтобы он, не дай бог, не начал сам ее искать. И в-третьих, если мы арестуем известного шпиона, к нам пришлют другого, уже нам неизвестного. Все просто.

— Значит, вы считаете меня шпионом?

— Уже нет. Ваши действия, как мы решили, доказывают то, что шпионом вы не являетесь. Хотя ваше знакомство с Камовым вызвало сомнение. А уж ваши поиски колдунов и волшебников и вовсе поставили в тупик. К счастью, один товарищ из ИИФ разъяснил нам, что может быть этому причиной...

— ИИФ? — Сергей вспомнил таинственное сокращение. — Что такое ИИФ?

— А вы не знаете?

— Нет.

— Значит, вам этого знать и не положено.

Виктор и Сергей помолчали.

— Скажите, Виктор, вы решили, что я не шпион. Тогда кто же я, по-вашему?

— В том-то и дело, что теперь мы не знаем. Кто вы, товарищ Вышинский? Кто вы такой?

Сергей смотрел на Виктора. Сказать? А смысл? Вот скажет он сейчас: «Знаешь, Виктор, а ведь я на самом деле — из будущего. Да к тому же еще и не из вашего. Из будущего, где СССР давно развалился, идеи коммунизма никому, кроме кучки маргиналов, неинтересны, а именем товарища Сталина и кровавой гэбней, к которой ты, кстати, относишься, разве что детей не пугают».

Вот скажет он это. Как исправится ситуация?

— Что молчишь? — первым не выдержал Виктор. — Для чего ты приехал в наш город? Чего ты хочешь?

— Я ничего не хочу. Я работаю. Я не шпион и не враг, я Сергей Вышинский, невезучий сектант, не выбиравший, каким стать, и не по собственной воле оказавшийся здесь. И хочу я только две вещи: вернуться назад или же работать здесь на пользу людям.

Виктор пристально посмотрел на Сергея.

* * *

Из дверей тюрьмы ОГПУ выходили всякие люди. Эстонские шпионы, контрабандисты, бандиты, белогвардейцы... А вот сектанты с мечом в руках здесь, наверное, не появлялись.

К некоторому удивлению Сергея, статьи за хранение холодного оружия в Уголовном кодексе РСФСР не было. Вообще. Поэтому меч, первоначально изъятый, ему вернули.

Виктор принес Сергею серую книжечку Уголовного кодекса, чтобы тот не задавал глупых вопросов на тему, сколько мне придется отсидеть. Из нее-то Сергей и вычитал статью 220 о хранении огнестрельного оружия, в которой никак не упоминалось холодное. Вообще, отдельные статьи выглядели глупыми или чрезмерно жесткими, как, например, статья 102 «Соккрытие коллекций и памятников старины и искусства» или 104 «Участие в выборах в Советы лица, не имеющего на то права». Или 121 «Преподавание малолетним религиозных вероучений в государственных школах». А иногда попадались и такие, которые даже для либерального двадцать первого века казались слишком либеральными. Так, Сергей с удивлением обнаружил в 143-й статье примечание о том, что если убийство было совершено по просьбе убитого из чувства сострадания, то оно не карается. Сергею сразу же вспомнились процессы врачей, сделавших смертельный укол безнадежно больному по его просьбе.

Под утро Сергея вызвали из камеры, где тот же грузин сказал, что он, Сергей, освобождается из-под стражи под подписку о невыезде за пределы города Пескова до окончания следствия. Неправильно истолковав удивление на лице Сергея — тот уже искренне собирался отсидеть в камере не меньше полугода, — грузин пояснил, что по всем обстоятельствам ночное происшествие подпадает под статью 20, то есть уголовно наказуемое деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья и арендуемого имущества, и не подлежит наказанию. Поэтому следствие закончится достаточно быстро и товарищ Вышинский не должен беспокоиться.

В итоге на всех троих участников битвы при чернильной мастерской оставалась одна-единственная статья: о незаконном хранении оружия. И та — для Кирилла. Наган Сергея был захвачен

в ходе битвы — что было почти правдой, пистолет Виктора Алексеевича — браунинг 1900 года был зарегистрирован, и имелось разрешение на его хранение. Поэтому единственным зловным преступником остался Кирилл, который на обрез знаменитого дядьки, естественно, документов не имел. И грозило ему страшное наказание — до шести месяцев принудительных работ. И то, если его не возьмут на поруки, тогда Кирилл и вовсе отделается легким испугом.

* * *

Сергей вздохнул, перехватил поудобнее меч, повернулся в сторону мастерской...

— Доброе утро, Сергей Аркадьевич.

К Сергею подкатил автомобиль — открытый кузов, похожий на смятую банку из-под пива, высоко поднятый над землей, колеса со стальными спицами. За рулем сидел молодой парень в кожаной куртке и кепке. На лице широкие шоферские очки, на руках перчатки. На заднем сиденье открывал дверь Виктор.

— Садитесь, подкину до мастерской.

Сергей на мгновенье замер, а потом — а чего бояться? — запрыгнул на продавленное сиденье.

— Что это за тарантас? — выкрикнул он, когда непонятный автомобиль запрыгал по мостовой.

— Это не тарантас. Это — автомобиль Пузырева!

— Конфискованный?

— Почему?

— Ну, у Пузырева.

— А, да нет. Это производитель. Если хочешь, вон, с Ермолаичем поговори, он про свою карету все знает.

Сергей улучил момент и перепрыгнул на сиденье рядом с шофером. Тот повернул голову, блестя стеклами очков.

— Что это за машина?

— Это не машина, это авто! Купца Пузырева производства.

Поездка в открытом тарахтящем автомобиле не располагала к долгим разговорам, однако водитель все же рассказал Сергею краткую историю машины.

Жил до революции некий купец Пузырев. Который несмотря на то, что купец (для водителя это был явный недостаток),

являлся еще и большим патриотом. В то время в России был только один завод по производству автомобилей — в Лифляндской губернии, вот господину Пузыреву это не понравилось чем-то. Решил он свой завод открыть и свои собственные автомобили делать: в России сконструированные и только из российских деталей собираемые. Сказано — сделано, уже перед самой войной завод под Питером был открыт.

— И что, много автомобилей выпускал?

— Да где там! Разве при царе дали бы человеку спокойно работать? Только два десятка и построили, для армии в основном, а потом, когда купец умер, рукой махнули. Сказали, за границей покупать дешевле...

Да, подумал Сергей, проблемы российского автопрома уходят своими корнями аж в дореволюционную Россию... Хотя раньше бы и не подумал, что в царской России вообще могли автомобили собирать. Хоть немного, но зато из собственных частей. Интересно, в современных отечественных автомобилях много российских деталей?

— О чем задумались, Сергей Аркадьевич? — хлопнул его по плечу Виктор.

Сергей поднял голову. Автомобиль уже стоял около мастерской.

— Да вот переживаю...

— О чем?

— Где ж я теперь второго такого хорошего работника, как вы, найду?

Виктор не выдержал и расхохотался.

* * *

Кирилл и Виктор Алексеевич уже сидели у мастерской. Видимо, их отпустили пораньше.

— Что будем делать, Сергей Аркадьевич? — встал химик. Кирилл помялся и тоже встал.

— Что будем делать с чем? — Сергей готов был обнять их обоих, так радостно было видеть их живыми, здоровыми и на свободе.

— Ну... — развел руками Кирилл, — вообще.

— Ах, вообще!

Сергей не удержался и обнял своих ребят:

— Что делать, что делать... Работать будем! Вместе!

Роза Львовна, вышедшая на крыльцо, строго посмотрела на смеющуюся троицу, не выдержала и улыбнулась.

* * *

Дружная троица перетаскала оборудование обратно из подвала и запустила процесс. Сегодня на расчетную производительность — пятьдесят литров чернил в день — выйти не удастся, все же начали не с самого утра, поэтому Сергей объявил, что сегодня уж бог с ним, но с завтрашнего дня, чтобы выполнить месячный заказ губоно, придется поработать сверхурочно. Выплатил из остатков денег химику и Кириллу внеочередной аванс, обнял недовольно поджавшую губы бухгалтершу и попросил ее подыскать человека на замену Виктору.

Озадачив всех подчиненных, Сергей решил узнать, как дела у Славы. Получились ли ручки или придется придумывать что-то еще.

* * *

Получилось... Получилось! Получилось!!

Светящийся Слава провел кончиком ручки по бумаге. Крошечный шарик послушно оставил ровную фиолетовую линию. Ни разрывов, ни клякс. Ручка писала.

— Получилось! Слава, у нас получилось!

— Да, — гордый Слава провел еще одну линию, — она работает. Правда, нужно еще несколько испытаний, чтобы выявились недостатки...

— Слава, она работает!

Сергей был счастлив как никогда. Что-то похожее он испытывал, когда из его рук вышла первая вещь, сделанная им, — восковая свеча, когда пошла первая порция чернил в его мастерской. Но здесь были другие ощущения. Эта ручка, пусть немного несовершенная, была предметом, которого раньше не существовало.

Свечи делали и до него, и его научили их делать.

Мастерские делали и до него, но эту он делал сам. Вместе с ребятами.

Ручек до него не делали. Это была вещь, которую он

придумал и сделал. Вместе со Славой.

— Держи, — Слава протягивал ручку Сергею, — напиши что-нибудь.

Сергей взял ручку, осторожно, как будто она была из хрупкого стекла. Первое слово, написанное шариковой ручкой... Это ответственность. Большая.

Первое слово, которое напишет человек, взяв ручку, — собственное имя. Но Сергею это не казалось правильным. Что бы написать?

Цинизм двадцать первого века подсказал короткое слово из трех букв.

Сергей поморщился, встряхнул головой и написал на листе бумаги крупными буквами: «Будущее».

* * *

Кому-то может показаться, что Сергею слишком легко даются его успехи: решил построить мастерскую — вот мастерская, решил создать шариковую ручку — вот ручка. Можно подумать, что у любого человека, случайно оказавшегося в прошлом, все будет получаться так же непринужденно. Однако если присмотреться повнимательнее, то мы с вами легко сможем увидеть, что, будь Сергей один, у него не получилось бы ничего. Всем своим успехам он, по большому счету, обязан своим товарищам: Виктору Алексеевичу, Кириллу, Вите, Славе, Кате, Леночке...

Помните, мы как-то упоминали о том, что Сергей обладает неким талантом? Очень редким, но чрезвычайно полезным.

Талант Сергея — найти людей, которые сумеют ему помочь.

Резонен вопрос: если уж наш герой обладает таким талантом, то почему он не проявлялся ранее?

Возможно, наш ответ покажется вам непонятным. Но другого у нас нет.

Чтобы выиграть в лотерею, нужно не только иметь везение. Нужно еще и купить билет.

* * *

Сергей вышел из Славиного кабинета воодушевленным — сегодня вечером они договорились встретиться здесь и вместе с Катей пойти отметить первое — никто из них не сомневался, что не

последнее — изобретение чем-нибудь, чего душе захочется.

— Добрый день! — Сергей чуть не наткнулся на Ивана Абрамовича. Толстячок ухватил Сергея за плечо и завел в свой кабинет.

— Уважаемый товарищ Вышинский. У меня к вам... — Абрамович нервно оглянулся. — У меня к вам дело. По поводу ваших поставок чернил...

— Срок по договору истекает через две недели. Чернила поступят в полном объеме.

— Да я сейчас не об этом. Сергей Аркадьевич, не сможете ли вы дополнительно поставить еще тонну чернил?

Зашибись. Ребятам и так придется работать до позднего вечера, чтобы выполнить план, а тут еще увеличение почти в два раза. Нет, товарищ Иванов, ничего у нас не получится.

— А зачем губоно столько? Неужели внезапно увеличилось количество учеников?

— Понимаете ли... Эти дополнительные чернила нужны не губоно...

Глазки Абрамовича сузились.

— Лично мне.

Ах, еще и лично тебе...

— И по какой же цене вы хотите чернила?

Если по достаточно высокой цене...

Глазки превратились в щелочки.

— По полтора рубля за флакончик.

Полтора рубля?!

— Это несерьезно.

— Надо понимать, вы отказываетесь? Погодите, не торопитесь отвечать. Войдите в мое положение. Ведь всем нужны денежки. Вот мне нужны, вам нужны. А люди должны помогать друг другу. Вот вы откажете мне, я откажу вам, и что тогда начнется? Правильно, жизни не будет никому. Ни вам, ни мне. А вот если вы поможете мне... То я, когда будем заключать договор на следующий месяц, уже помогу вам...

На пухлом лице Весельчака У блеснули холодом глаза старого пирата.

Ах ты ж, тварь, подумал Сергей, вежливо улыбаясь, вымогатель... То есть или я тебе подгоню тонну чернил по бросовой цене, или через месяц буду искать другой рынок сбыта. А кому еще в Пескове можно толкнуть тонну чернил?

Сергей собрался было уже послать товарища Иванова с его коммерческими идеями, но осекся. Вы бы, товарищ Вышинский, не наступали два раза на одни и те же грабли. Бандитам ты отказал сразу, и чем дело закончилось?

— Я подумаю над вашим предложением.

— Только не думайте слишком долго. Время, как говорят англичане, деньги...

* * *

Даже вымогательство подлого Абрамовича не смогло испортить Сергею настроение. Ручка есть! А значит, все будет хорошо. К тому же Слава обещал, что вечером придет и Катя...

Разве нельзя ей объяснить, что... Ну, в смысле, все объяснить?

Памятуя о неприятии Катей алкоголя, Сергей купил опять того же самого лимонада, печенья, конфет, разных прочих закусок, мяса для бутербродов и, радостный, вошел в кабинет Славы.

Катя там была. И Слава тоже...

Бледный, снежно-белый Слава сидел за столом, держась за голову. В глазах его стояло отчаяние смертельно больного.

Сергей медленно опустил корзину на пол.

— Что случилось?

Катя, глаза которой подозрительно блестели, повернулась к Сергею:

— Слава... Он потерял казенные деньги.

Тьфу ты, господи, Сергей уже было решил, что случилось что-то серьезное.

— Сколько потерял-то?

Он полез за бумажником.

— Сто рублей? Двести?

Слава завыл и со стуком уронил голову на стол.

— Десять, — безжизненно произнесла Катя, — десять тысяч.

Сергей медленно пихнул кошелек обратно... обратно... Да что там мешает? Повернул узкой стороной и убрал в карман. Таких денег у него не было...

Десять тысяч. Это почти полтонны чернил... Их только делать нужно две недели. А еще найти покупателя... Погодите.

Десять тысяч? В бумажках по червонцу это... это же десять

пачек по сто купюр. А в золотых монетах — почти восемь кило золота. Как такое можно потерять?

— Как потерял?

Слава поднял голову...

Как оказалось, потерять деньги можно, просто поставив свою подпись, не думая.

— Губоно, — начал свой скорбный рассказ Слава, — заказало тетради. Для школ. На те самые десять тысяч рублей. У частной лавочки, они просили дешевле, и мы решили, что выгоднее будет сэкономить. С неделю назад они должны были отгрузить заказанное на наши склады, и мы перечислили бы им деньги. Я...

Слава стиснул кулаки:

— Я подписал бумаги на перевод денег, не проверив, привезли ли товар. Теперь на складах пусто, денег нет, частники исчезли, и, если я не найду до понедельника десять тысяч, меня посадят. За растрату.

Сергей сел на стул. У него закралось подозрение... Что-то уж больно ловко.

— Слава, кто такие «мы», которые нашли эту фирму?

— Ну на самом деле ее нашел Иван Абрамович, но разговаривал с ними я...

Суду все ясно. Слава еще не сообразил, что деньги он не потерял, деньги у него самым наглým образом выманили, развели, как лоха. И сделал это не кто иной, как Весельчак У. Сергей уже понял, что это за птица, чтобы решить, что жуликов-фирмачей он нашел случайно.

— Слава, скажи-ка, а какова реакция Ивана Абрамовича?

— Иван Абрамович и заметил отсутствие тетрадей на складе. Он сказал, что если до понедельника я смогу вернуть деньги, то он замнет это. Спасибо ему, мог и сразу сообщить...

Ловушка железная. Если Слава найдет деньги — хорошо, если не найдет — мало того что на него можно спихнуть недостачу, так еще и он сам полностью в ней признается. В любом случае Абрамыч ни при чем, а денежки уже у него в кармане.

— Слава, — перебил его Сергей, — а теперь слушай меня...

* * *

— Но это же... это же...

Катя не находила себе места от возмущения. Слава молчал,

раздавленный осознанием того, что его просто использовали.

— Мы должны сообщить властям, в милицию.

— Отличный план. — Сергей не мог придумать ничего. — Как мы докажем, что все подстроил начальник, если подпись на бумагах — Славы?

Вышинский пока смог придумать только две вещи. Первая включала ограбление банка и была отброшена, как требующая специальных познаний и навыков. Во второй присутствовали пытки и труп Абрамыча, закопанный в лесу, отброшена она была по той же причине.

Вот подонок: сорвал с Сергея взятку, выбил у него лишнюю тонну чернил за полцены, да еще и подставил подчиненного...

— Тогда, — решила Катя, — я сейчас пойду к нему и скажу, что он — мерзавец и должен признаться во всем.

— Иначе?

— Иначе... — Светлая вера Кати в людей не предусматривала, что Абрамович начнет сопротивляться. Видимо, предполагалось, что он зальется слезами и побежит в милицию, одновременно выкапывая деньги из горшка с цветами.

— Я застрелюсь. — Лицо Славы окаменело, как у человека, принявшего окончательное решение.

— И как это исправит ситуацию? — скептически хмыкнул Сергей.

— Меня не осудят.

— Тебя не осудит суд, — махнула рукой Катя, — но зато все будут говорить, что мой брат — растратчик и трус!

— Тогда я уеду... В Париж! К дяде!

— А у тебя есть дядя в Париже? — удивился Сергей.

— Есть, — подтвердила Катя, — полный Славин тезка, мама еще шутила, что если они встретятся, то их будут постоянно путать. Нет, побег так же не выход, как и смерть. Все то же самое, только ты живой.

— Нам нужно придумать, как найти деньги, — хлопнул по столу Сергей.

— Сережа, — Катя подошла к нему, — спасибо тебе за сочувствие, но ведь это не твои затруднения...

— То есть как не мои?! Я Славин друг или нет? Его трудности — мои трудности.

Катя расплакалась. Вышинский вскочил, девушка уткнулась ему в грудь носом и тихо всхлипывала.

А еще обзывала меня буржуем, требовала...

— Катя! — Сергей отстранил девушку. — Я знаю! Знаю, как найти деньги!

* * *

— Добрый вечер, Сергей Аркадьевич! — Глазки старого пирата настороженно поблескивали. — С чем пожаловали?

— Да вот, Иван Абрамович, подумал я и решил принять ваше предложение...

— Тихо-тихо-тихо! — Начальник подотдела потянулся к уху Сергея. — Вы про чернила сверх договора?

— Да, — улыбнулся Сергей. — Я думаю, мои работники сумеют выработать нужное количество уже к воскресенью.

— Так это же отлично! — Абрамович потер руки. — К воскресенью? Так быстро?

— Бизнес есть бизнес. Ведь мы, деловые люди, — улыбнулся Сергей, — должны помогать друг другу.

* * *

В пятницу вечером в кабинет начальника подотдела снабжения губоно вошел молодой человек в синем джинсовом костюме.

— Добрый вечер, Сергей Аркадьевич! С чем...

— Как с чем? Ваш заказ готов. Хотел уточнить, куда везти?

— Куда везти, куда везти... В полном объеме?

— Ровно тонна, сам пересчитывал. Двадцать бутылей по пятьдесят литров. Мы на пятнадцать тысяч договаривались. Позвольте денежки.

— Эх, молодежь, молодежь... Вы так торопитесь жить. Вот помню, когда я воевал с Корниловым вместе с товарищем Жлобой... Хотя сейчас не время для боевых воспоминаний. Сергей Аркадьевич, вы так неожиданно быстро поставили партию чернил, что я не успел собрать нужную сумму. Может быть, вы согласитесь принять двенадцать, а оставшиеся три я передам вам позднее?

Улыбка с узкого лица Вышинского исчезла, глаза загорелись колючим холодным огнем.

— Пятнадцать тысяч. Сегодня. Дураков ищите в зеркале.

— Но...

— Пятнадцать. Сегодня.

Вышинский не угрожал, но Иван Абрамович понял, что здесь он лишнего куска не отхватит. «Ладно, хорошо, придешь ты ко мне договор на поставки подписывать...»

— Вот деньги. — Начальник подотдела извлек из стола три толстые пачки и убрал в портфель. — Но я передам их вам только после получения товара.

— Доверяй, но проверяй, — снова улыбнулся Сергей. — Конечно.

* * *

Из кузова старенького грузовичка «Форд» дюжие ребята перетаскивали в низенький глинобитный сарайчик тяжелые бутылки, в которых до самых пробок была залита темная, почти черная жидкость.

— Восемнадцать... девятнадцать... Двадцать!

— Ну что, Иван Абрамович. — Сергей качнулся с пятки на носок. — Товар получен. Извольте расплатиться.

Начальник подотдела испытал тяжелое чувство, сродни желудочной колике, которое всегда напоминало о себе, когда нужно было отдавать деньги. Он с удовольствием сделал бы сейчас удивленное лицо и переспросил: «Какие деньги? Разве мы не в расчете?» — но, к сожалению, опасался, что с товарищем Вышинским такой номер не пройдет. За ним и без того закрепилась репутация опасного человека, участвовавшего в разгроме банды капитана Ждана. А тут еще недавний налет на чернильную мастерскую, когда Вышинский в одиночку расправился с десятком бандитов. Говорили еще, что часть из них он порубил на куски, но верить слухам безоговорочно не стоило. Иван Абрамович таких людей с войны не терпел. Как с ними вести дело, если они чуть что — сразу хватаются за наган? Вон рукоять из-под куртки выпирает.

— Доверяй, Сергей Аркадьевич, — пропел Абрамович, — но проверяй.

Он искоса глянул на Сергея, но тот был безмятежен:

— Хотите проверить качество? Извольте. Выбирайте любую, открывайте, проверяйте.

Начальник подотдела зашел в сарайчик, с удовольствием оглядывая ровные ряды бутылей. Бутылочки, мои бутылочки... Уже есть покупатель, который возьмет их за два с полтиной

пузырек. Десять тысяч — в кармане. Да плюс еще те десять, что удалось провернуть на афере с тетрадками. Жаль, что Славик не найдет денег до понедельника, придется мальчику садиться в тюрьму. Под него можно было еще столько дел провернуть. Очень жаль.

Абрамович дернул пробку на первой попавшейся бутылки. Еще дернул... Черт, крепко забита. На другой... Третья пробка чпокнула и вылетела.

Запах анилиновых чернил... Запах денег. Иван Абрамович опустил в бутылку щепочку, посмотрел, как она окрасилась в густой фиолетовый цвет, как с нее медленно скатилась капля...

— Ну что ж, Сергей Аркадьевич, вот ваши деньги. — В руки Сергея перекочевали три пачки червонцев. — Пересчитывать будете?

— Не буду. — За вежливой улыбкой прятался холод оружейной стали, — вы же не станете меня обманывать.

— Конечно. — Иван Абрамович попытался улыбнуться, но внутренне поблагодарил высшие силы, которые не позволили ему, как собирався, отбавить от каждой пачки по несколько бумажек.

— С вами приятно иметь дело.

Сергей вспрыгнул на подножку грузовика.

* * *

— Иван Абрамович.

На крыльце губоно стоял Слава со своей комсомолкой-сестрой. Начальник подотдела поморщился. Наверняка начнет канючить, просить помочь, отложить... Хотя... Он окинул взглядом девушку. Стройная, молоденькая... Интересно, согласится она, чтобы брату помочь? Додумать мысль он не успел.

— Иван Абрамович... — Слава протянул бумагу. — Вот справка из банка о том, что на счет губоно вернулись десять тысяч рублей...

Ты смотри, нашел. Молодец, Славик. Что бы такого еще придумать, чтобы ты в следующий раз так быстро не выкрутился? Ивану Абрамовичу понравилась мысль о сестре.

— ...а это — заявление об увольнении. Я уйду.

* * *

Жаль, очень жаль, что Славик ушел, размышлял Иван Абрамович. И с деньгами можно было что-нибудь придумать, и с Катькой наверняка получилось бы... Ну и ладно. Что-то взгляд у него был больно нехороший. Неужели догадался? Хотя такие возвышенные мальчишки до прозы жизни редко опускаются.

Да и вообще неделя была прибыльная, грех жаловаться.

Даже на Вышинского с его чернилами удалось надавить. Наварил, и нескольких дней не прошло.

Когда только успел?

Абрамович замер. Медленно-медленно вытащил платок из кармана, вытер внезапно вспотевшую лысину. Сердце кольнуло беспокойство, пока еще смутное.

Когда чернильщик успел сделать тонну чернил? Он собирался поставить такое количество в течение месяца, и тут вдруг за два дня?

Начальник подотдела вскочил.

Он проверял бутылки. Проверял. Но не все. Почему они не открывались?

Иван Абрамович вылетел на улицу:

— Извозчик! Извозчик!

* * *

— Что не так-то? — Нанятый сторож, татарин с покалеченной рукой, не понимал причин для беспокойства. Иван Абрамович пока и сам их не понимал. Но что-то его беспокоило.

Вот эту бутылку он проверял...

— Подержи.

Абрамович сунул сторожу лампу и с натугой выдернул пробку. Наклонился, понюхал. Чернила. Окунул кончик мизинца. Посмотрел, понюхал. Чернила. Взял длинную веточку, опустил в бутылку почти до самого дна. Достал, посмотрел, понюхал. Чернила.

И все же что-то не так...

Начальник подотдела раскрыл одно из лезвий перочинного ножа — хорошего, швейцарского, с темной деревянной рукоятью, двумя лезвиями, отверткой и штопором — и поддел пробку соседней бутылки. Пробка не поддавалась, как прибитая гвоздями. Беспокойство росло все больше и больше. Иван Абрамович плюнул на аккуратность и начал вырезать пробку.

Куски отлетали в стороны, Абрамович поднял один из них,

тот, что прилегал к горлышку, всмотрелся — следы клея! — и, зарывав, бросился кромсать пробку дальше.

Выпрямился, тяжело дыша, над освобожденным отверстием. Опустил в бутылку палец, поднял... Не веря своим глазам осмотрел абсолютно чистый палец, опустил его еще раз, поболтал, вынул. Цвет пальца не изменился.

Обманули!

Абрамович взвыл и пнул бутылку. Та со звоном ударилась о соседку и лопнула. Поток прозрачной жидкости залил пол, усыпанный темными, почти черными осколками.

В бутылках, выкрашенных изнутри краской, была вода. Почти тонна.

* * *

Начальник подотдела Иван Абрамович Иванов не спал всю ночь.

Мерзавец, нет, ну какой же мерзавец, думал он. Ну погоди, будет тебе и следующий договор, и милиция, и суд. Я свои деньги из тебя с кровью вырву. Нет, ну надо же так обмануть. А еще: «Доверяй, но проверяй».

Люди, подобные Абрамовичу, всегда считают, что обманывать могут только они. Поэтому, когда обманывают их, они почитают это за смертельное оскорбление и чуть ли не за нарушение своих священных прав.

Он с трудом дождался утра, как только рассвело, бросился к чернильной мастерской.

Там уже кипела работа, несколько человек, сгрудившись у двери, что-то делали над ней.

— Где он? Где ваш хозяин?!

— Не кричали бы вы, любезный, — повернулся к нему крепкий парень, стоявший на лавке, — у нас в стране хозяев нет.

— Где Вышинский?! — Абрамович взвизгнул. — Вы здесь все мошенники, я вашу лавочку по судам затаскаю!

И умолк. Он увидел, чем были заняты работники мастерской.

У двери, прислоненная к стене, стояла снятая вывеска с надписью «Чернильные мастерские Вышинского», над дверью как раз прибивали гвоздями новую: «Чернильные мастерские губсовнархоза имени тов. Луначарского».

— А... Э... — Начальник подотдела уже понял, что все пропало, но еще не сумел поверить в это. — Это же...

— Совершенно верно, Иван Абрамович. — К изумлению начальника подотдела, в толпе находился и его бывший подчиненный Славик. — Вчера товарищ Вышинский передал свою мастерскую во владение государства. Так что это не «лавочка», а государственное предприятие, а это не «мошенники», а честные рабочие, поэтому я бы поостерегся бросаться обвинениями, если вы не готовы отвечать за клевету.

— Вчера? — пролепетал Абрамович.

Вчера? Значит, вечером, когда Вышинский привез ему эти «чернила», мастерская уже принадлежала городу. И сорвать с него компенсацию будет невозможно. К тому же...

Краска сбежала с лица Абрамовича. Постановление губсовнархоза прошлого года обязывало чиновников закупать требуемое (те же чернила) у частных лиц, только если в городе отсутствовали государственные предприятия, производящие аналогичный товар. Отныне у города была чернильная мастерская. И покупать чернила придется только здесь. И никто теперь не заплатит десять копеек с пузырька...

Он сам, своими собственными руками, отдал деньги мошеннику Вышинскому. И теперь вместо двадцати тысяч прибыли на этой неделе он имеет пять тысяч убытков. Плюс неприятности с людьми, которым он уже пообещал чернила. Нет, разрешить ситуацию удастся, но опять чревато убытками. Плюс теперь он потерял небольшой, но постоянный профит от Вышинского за подписание договора на поставки чернил.

Убытки... Разорение...

— А где Вышинский? — прошептал похолодевшими губами Иван Абрамович, надеясь хоть на какие-то хорошие известия.

— Нигде, — незнакомой холодной улыбкой усмехнулся Слава. — Он уехал из города этой ночью.

Раздавленный Абрамович поплелся к воротам. Он не обратил внимания на двух парней в низко надвинутых кепочках, курящих и посматривающих на новую вывеску.

— Ну что? — спросил один из них, выплюнув окуроч.

— Что, что... Нужно сказать Потаповичу, что с мастерской ничего не получится. Она теперь не частная, а государственная, а для суда это большая-пребольшая разница. Пойдем. Если хочет, пусть сам ее жжет.

Парни синхронно повернулись и пошли от мастерской, не заметив старика-еврея с заправленными в носки штанами.

Жаль, жаль, очень жаль, думал Менахем, проходя мимо. Значит, мальчик Сережа уехал, а мастерскую отдал городу. Очень, очень жаль...

Старый портной понимал, что чернильная мастерская — в первую очередь химическое производство. А уж сколько всего интересного можно сделать, имея под рукой химлабораторию... Сережа после того, как Менахем предупредил его о нападении, оказался в некотором роде в долгу. Такие мальчишки своих долгов не забывают, а значит, можно было бы попросить его о маленьком одолжении. А потом еще об одном... И еще...

Да что сейчас думать. Не получилось.

Старик Менахем не расстроился. Он никогда не складывал яйца в одну корзинку.

* * *

А еще обзывала меня буржуем, требовала...

Сергей замер. Катя требовала от него, чтобы он передал свою мастерскую государству. В голове зашелкали колесики мыслей, выстраивая путь к спасению Славы.

Где можно быстро достать деньги? Да вон, далеко ходить не надо — передать тонну чернил Абрамычу и готово, пятнадцать тысяч в кармане. Десять Славе, пять Сергею.

Вот только где найти чернила? Как можно продать то, чего у тебя нет?

Можно, подсказал опыт человека, знающего о том, что происходило в девяностые. Можно. Главное — чтобы не поймали.

Чернил нет. Зато есть пустые бутылки и вода из-под крана. Как можно сделать воду похожей на чернила? Да очень просто — либо добавив краску в воду, либо...

Сергей вспомнил о банках с краской, стоящих в кладовке мастерской. Либо покрасив стенки бутылей изнутри в нужный цвет. Только доставлять товар нужно вечером, чтобы разница в оттенках не бросалась в глаза.

Правда, Абрамыч может захотеть проверить, что ему привезли... Взять одну бутылку с чернилами и дать на пробу ее? А если он не поверит и захочет сам выбрать?

Пусть... пусть выбирает сам. Но проверит он только

нужную, а ненужные он проверить не сможет. Для этого достаточно, чтобы он не сумел открыть пробку. Скажем, приклеить ее надежным клеем.

План готов.

Вот только одно маленькое уточнение. Абрамыч очень быстро обнаружит, что его кинули. Со Славой он ничего сделать не сможет, а вот с ним, с Сергеем... Как-то не хочется опять садиться в обжитую камеру.

Значит, что?

Значит, товарищ Вышинский, вам нужно уезжать из города. Бежать.

Слишком много в последнее время накопилось проблем. Будущие разбирательства с Абрамычем, огэпэушники на хвосте. Сергей ни капли не поверил, что его оставят в покое, наверняка за ним до сих пор следят, вдруг он все же агент белогвардейцев, а теперь, когда Виктор сказал, что с него сняты подозрения, он и проявит свою сущность. Неизвестно, как отреагирует на смерть брата и разрушение своей чернильной империи Михаил Потапович, но навряд ли прекратит попытки достать конкурента, да еще старый наркоторговец Менахем, который тоже может напомнить про «должок». Такой клубок можно долго расплести и в итоге расплести. Но зачем? Он, Сергей, имеет другую цель — славный город Ленинград, где его ждет артефакт, позволяющий вернуться обратно. Не распутывать, а разрубить.

Вот только оставлять мастерскую на произвол судьбы не годится. И Абрамыч наедет на тех, на кого Сергей ее оставит, и Потапыч... Нужно не бросить ее, а оставить в надежных руках. А чьи руки в нынешних условиях — спасибо за подсказку, Катя, — будут надежнее государственных?

Загнать Абрамычу фальшивые чернила, отдать деньги Славе, передать мастерскую государству и исчезнуть из города.

— Слава, я знаю, где взять деньги. Только одолжи мне одну ручку. Для испытания.

* * *

Все прошло как по нотам. Виктор Алексеевич и Кирилл сначала опешили, узнав, что их начальник хочет подарить мастерскую государству, но потом, услышав о причинах, согласились помочь. И даже помогли выкрасить бутылки краской,

подобрав колер. Что там красить — наливаешь порцию внутрь и крутишь бутыл, пока все внутренние стенки не покроются слоем краски.

Пока бутылки сохли, Сергей съездил к товарищу Шраму. Тот тоже был удивлен, но не стал ломаться, подписал все бумаги. Когда Сергей приехал с бутылками к Ивану Абрамовичу, он уже был не владелец мастерской, а простой безработный.

Вернее, потенциальный директор госпредприятия.

На собрании работников мастерской плюс Слава и Катя без всяких споров большинством голосов при одном «против» — сам Сергей — его выбрали директором мастерской. Когда Вышинский попытался возразить, что все-таки у будущего начальства в лице губсовнархоза могут быть другие планы, ему заявили, что мнение пролетариата все же что-то стоит, так пусть Сергей не сомневается, а покупает себе портфель и готовится к должности. Она от статуса хозяина отличается только меньшей зарплатой и большим количеством бумаг, которые ему придется оформлять.

Сергей своих товарищей в собственные планы посвятил не полностью, поэтому о его намерении скрывать никто не знал. Сергей чувствовал себя предателем, но объяснить заранее ничего не мог. Мало ли кому могут ребята рассказать об этом, и мало ли кто может услышать. Ладно, если уголовники — только обрадуются, а если ОГПУ? Попытка побега из-под подписки о невыезде — поступок отнюдь не благонадежный.

Так что пришлось скрепя сердце согласиться принять на себя обязанности директора.

Больше споров вызвало новое название мастерской. Опять всплывали приснопамятные «Красные чернила» и попытки назвать мастерскую именем товарища Ленина. В итоге победил Слава, который выбрал в качестве виртуального покровителя мастерской товарища Луначарского, обосновав свой выбор тем, что Анатолий Васильевич — нарком просвещения, а чернила можно отнести либо к просвещению, либо к бюрократии.

* * *

Слава получил деньги и убежал. Не от неблагодарности, а чтобы успеть положить их на счет губоно в банке. Передавать деньги Абрамовичу он не собирался, считая, что это все равно что просто потерять их еще раз. Слава и вовсе не хотел больше

работать с Абрамовичем и уже написал заявление об уходе. Сергей под эту марку уговорил Славу стать своим заместителем. Всем Сергей объяснил это желанием, чтобы мастерская осталась в случае, если он заболит, в надежных руках, а втайне он понимал, что после его ухода Слава станет лучшим начальником.

— Сергей. — Катя посмотрела вслед скрывшемуся брату и взяла Сергея за руки. — Спасибо тебе.

— Катя, разве мы не люди? И не должны помогать друг другу?

Девушка порывисто обхватила шею Сергея руками и заплакала:

— Я думала... я говорила... ты... а ты... Ты настоящий... Человек...

— Катя, успокойся, Катенька, перестань...

Сергей гладил ее волосы и сам с трудом сдерживался.

— Спасибо тебе. — Девушка подняла мокрое лицо с покрасневшим носиком.

— За брата.

— За тебя. Спасибо, что ты есть.

Она поцеловала Сергея. Неумело, но страстно.

Это был всего лишь поцелуй, но Сергей был так счастлив, как будто Катя позволила ему намного больше. Вот только к счастью примешивалась большая ложка горечи.

Это их последняя встреча.

* * *

Ночью Сергей не спал, хотя и по другой причине, чем Иван Абрамович.

Он писал. Рассказать всем, кому хотел, попрощаться со всеми, с кем хотел... Этого Сергей не успевал. Пришлось писать письма.

Шариковая ручка была испытана на совесть.

Письма, письма, письма... Дяде Анисиму, тете Тане... Виктору Алексеевичу, Кириллу... Кате и Славе... Огэпэушнику Вите и профессору Крещенскому, Камову...

Сергей объяснял, что не может иначе, что ему очень хорошо здесь, что они все стали ему настоящими друзьями, настоящей семьей, но он должен вернуться туда, откуда пришел...

Сердце щемило, глаза щипало, особенно на письме Кате, но

Сергей твердо решил уехать.

Он будет скучать по этому бурлящему, молодому, трудному и веселому, легкому и страшному, сложному и, черт возьми, такому интересному времени.

Времени, когда большевики строят светлое будущее для всего человечества, хотя в стране разрушена почти вся промышленность. Времени, когда девушки интересуются радио и химией, а провинциальные чиновники конструируют космические корабли. Когда красивые девушки носят короткие платья, а по ночам страшно выйти из-за хулиганов, когда мальчишки продают на улицах кокаин, но ты можешь застрелить грабителя, и тебя оправдают. Времени, когда в стране всего двадцать танков, зато все грезят самолетами.

Да, в нашем мире Сергею будет трудно. Трудно, потому что там у него нет друзей, потому что там девушки не такие открытые, как здесь, там государство не поможет открыть свой бизнес, а бандиты, хулиганы и наркотики никуда не делись.

Там будет трудно.

Но разве настоящий мужчина будет прятаться от трудностей?

* * *

Сергей взглянул на часы — три часа ночи, добавил последнее дописанное письмо в стопку, положил сверху ручку и поднялся.

В шесть утра уходит от вокзала поезд в Ленинград. Сейчас нужно оторваться от возможной слежки ОГПУ. Вышинский взял сумку (вот и пригодилась) и тихо вышел через заднюю дверь.

Петли, надежно смазанные, не скрипнули. Сергей подошел к забору у туалета, подцепил две доски, из которых еще вечером выдернул нижние гвозди. Доски разошлись, Сергей скользнул в черную щель и двинулся прочь от мастерской.

Последние часы перед поездом он решил провести на квартире человека, у которого его не станут искать.

* * *

— Сережа? Что случилось?

— Добрый вечер... или утро... тетя Софа.

Остаться в мастерской Сергей не стал — если кто-нибудь

сообразит, что он придумал, и решит задержать. Он хотел быть дальше от мастерской. А торчать на вокзале тоже не выход, любой милиционер заинтересуется. Тетя Софа была идеальным вариантом.

Она поохала над историей Сергея, — а он не стал скрывать от нее ничего, кроме, конечно, того, что он из будущего, — накормила его, насовала с собой в дорогу пирожков, прошептала то ли молитву, то ли благословение. Но уговаривать остаться не стала.

Время.

Сергей откинул цепочку, отодвинул засов, снял крючок:

— Прощайте, тетя Софа.

— Прощай, Сережа... — Добрая тетушка утерла слезинку.

Сергей спустился по лестнице, вышел из подъезда, двинулся было по улице...

— Добрый вечер, Сергей Аркадьевич, — раздалось за спиной.

Вышинский замер.

«Топрый фечер»?!

Сергей крутанулся, выхватывая из-за пояса наган...

Вацетис!

Латыш, стоявший за спиной, даже не отшатнулся. Рука метнулась в неумовимом движении, и револьвер как будто испарился из пальцев Вышинского.

А-а!

Сергей уронил сумку, на лету выхватывая из свертка меч. Можно успеть до выстрела, можно успеть...

Острые клинка замерло у шеи латыша. Вацетис и не думал стрелять. Он медленно поднял руки ладонями вперед. На большом пальце правой покачивался наган Сергея.

— Товарищ Вышинский, нам нужно поговорить.

— Мне некогда, — отрезал Сергей, — я уезжаю.

Вацетис не шевелился.

— Если не секрет, куда именно?

— Почему вас это должно заботить?

— Хочу понять, насколько можно иметь с вами дело. Если вы едете в Ленинград — вы человек умный. Если в любом другом направлении — не умный.

— Почему именно в Ленинград должен ехать умный человек? Я знаю одного, который как раз приехал из Ленинграда...

— Все просто. Вы же ищете артефакт? А он в Ленинграде.

Артефакт?

— Откуда вы знаете о нем?

— Сергей Аркадьевич, я наблюдал за вами и могу сказать — вы умный человек. Но иногда вы кажетесь наивнее ребенка. Вы серьезно думаете, что человек вроде вас, отчаянно ищущий волшебный предмет, позволяющий отправиться в прошлое, сможет пройти мимо моего внимания в этом маленьком городке?

— Мне кажется, что-то подобное я уже слышал. Значит, вы знаете, что я ищу?

— Более того. Вы не позволите мне опустить руки?

— Нет.

— Более того, Сергей Аркадьевич, я знаю, кто вы и откуда.

Сергей уже понял, что никуда не поедет, пока не выбьет из Вацетиса всю информацию.

— Ну и откуда я? Дайте мне ответ или задайте правильный вопрос, и тогда уже я решу, умный ли вы человек и стоит ли иметь с вами дело.

— Откуда вы, товарищ Вышинский, вопрос неправильный. Правильный вопрос: из какого вы века?

Сергей убрал меч:

— Мы поговорим.

Вацетис опустил руки и протянул Сергею наган рукояткой вперед:

— Кажется, это ваше.

* * *

Тетя Софа открыла дверь на звонок, потирая заспанные глаза, и охнула:

— Сережа? Что... — и увидела латыша. — Товарищ Вацетис?

— Все в порядке, тетя Софа. — Сергей постарался пригасить вспыхнувшую в глазах тетушки панику. — Мы просто поговорим с товарищем. И я уйду. Мы уйдем.

Они с Вацетисом устроились на кухне, бессознательно усевшись по разные стороны стола, как непримиримые противники, решившие заключить союз.

— Значит, товарищ Вацетис, вас интересует, из какого я века?

— Совершенно верно.

— Как вы поняли, что я из другого времени?

— Во-первых, достаточно взглянуть на вас повнимательнее: меч, домотканая одежда, в которой вы были одеты изначально, интерес к колдовству, с безоговорочной верой в то, что оно существует, абсолютное незнание нынешних реалий, вы учились буквально на ходу. Во-вторых, кто еще будет искать предмет, позволяющий перемещаться в прошлое, как не человек, из этого самого прошлого перенесшийся?

Из прошлого? То есть Вацетис принимает его за пришельца из прошлого?

— Почему не из будущего?

— Простите, товарищ Вышинский, но на человека будущего вы не похожи. Я очень сильно сомневаюсь, что в будущем люди будут одеваться в холстину, биться на мечах и верить в магию. Будь вы из будущего, вы должны были знать историю. Да и людей будущего я представлял себе несколько... умнее.

Обидно.

— К сожалению, товарищ Вацетис, я именно что из будущего.

Легкое недоумение на лице латыша порадовало Сергея. Секунды две.

— Из будущего? И вы, верно, сможете это доказать?

— Что бы вы посчитали доказательством?

— Ну, например, если бы вы рассказали мне о том, что произойдет в ближайшее время...

— Не пойдет. Предлагаю сделку: вы рассказываете мне о том, кто вы такой, я рассказываю вам о том, что произойдет в будущем. Вы знаете обо мне достаточно много, я не знаю о вас практически ничего. Карты на стол.

— Хорошо.

* * *

— Меня зовут... — Латыш сцепил пальцы в замок, крупные, узловатые. — Вацетис Арвид Янович. Я начальник департамента Института истоков фольклора.

Вацетис мог просто ударить Сергея кувалдой по голове, ошарашил бы его он точно так же.

Вацетис — историк? Фольклорист? Местный Шурик? И это его Сергей боялся, как черного мага-колдуна-чародея?

— Фольклора?! — Нервный смешок вырвался сам собой. —

А при чем тогда заговоры, колдовство, заклинания? Ваша охота на Алену, в конце концов?

— Вас смущает слово «фольклор»? Что это такое, в вашем понимании?

— Фольклор? Ну... сказки, легенды, тосты...

— Тосты?

На мгновение показалось, что Вацетис произнесет: «Кстати, у меня есть замечательный тост».

— Тосты... Может быть. Но наш институт интересуют не все грани народного творчества, а только конкретные. Те самые заговоры, колдовство, заклинания. Мы должны раскопать их истоки, чтобы установить, сколько правды в сказках о волшебниках. И насколько действенны заговоры...

— И нельзя ли их применить в народном хозяйстве?

— Совершенно верно.

— И удалось?

— Продемонстрировать?

— Что именно?

— Вы знаете, что такое «волчья морда»?

— Не надо! Мне Камова хватило.

Сергей с некоторым опозданием вспомнил, что старый шаман говорил про Вацетиса. Видимо, боялись его все-таки не зря...

— Камова? Он тоже?.. Ах ты, вещас бурвис. И я тоже хорош, хоть бы на фамилию обратил внимание... Ладно, с хитрым старым полицейским-гипнотизером мы разберемся позже. Вы знаете, кто я такой и что ищу. Ваш ход.

— Вы хотите услышать о будущем? — Сергей усмехнулся, кляня себя за то, что невольно выдал Камова. — Я расскажу, но боюсь, моя история вам не пригодится.

— Почему?

— Дело в том, что я — из будущего, но будущего не вашего мира.

— Не нашего? — Вацетис был искренне изумлен.

— Нет. — Сергей получал истинное удовольствие. Что, товарищ Вацетис, ваш острый ум не все может предугадать? Не зная о возможности существования параллельных миров, их не предусмотреть. — Не вашего. Существует множество так называемых параллельных вселенных, в каждой из которых есть своя Земля, со своим настоящим, прошлым и будущим. Иногда эти

параллельные Земли отличаются весьма незначительно, к примеру, на одной планете вы существуете точно такой же, как и здесь, но у вас на один волос меньше, на другой — маленькая девочка из далекого города посадила на щеку каплю варенья, которой нет в нашем настоящем, в третьей — всего-навсего на одну лягушку больше, чем у нас. Есть же миры, которые отличаются от нашего очень сильно. Как правило, такие отличия вызваны некоторыми изменениями в прошлом...

— Значит, — Вацетис быстро вошел в ситуацию, все-таки ум и знания — разные вещи, — в прошлом вашего мира произошли некоторые изменения, в результате прошлое вашего будущего отличается от нашего настоящего? Так? А почему вы решили, что существуют изменения? Возможно, вы просто плохо знаете историю? Как далеко ваше настоящее отстоит от нас? Век? Два?

— Восемьдесят пять лет. Я — из две тысячи десятого года. Живу в Российской Федерации, страной управляет президент, у каждого есть карманные телефоны... радиотелефоны, мы летаем в космос... Мой меч и средневековая одежда — всего лишь хобби, историческая реконструкция. СССР распался двадцать лет назад, коммунисты больше не у власти...

* * *

Сергей рассказал Вацетису о том, что произошло в нашем прошлом с двадцать пятого по десятый годы. Кратко, потому что подробностей не помнил, и немного сумбурно, потому что все же волновался. Вацетис слушал, стиснув зубы. На истории о Великой Отечественной он пошел белыми пятнами.

Сергей рассказывал не только о стране, но и о себе. Он чувствовал очищение, как будто с каждой фразой рассказа он сдирает с себя приставшую, присохшую кожу «сяктанта» Сярежи. Хоть одному человеку в этом времени можно рассказывать все, не боясь проколоться.

— СССР существовал у вас до девяносто первого года... — задумчиво произнес Вацетис, когда Сергей рассказал все, что хотел. — Неплохо. Многие сейчас говорят, что без мировой революции во враждебном окружении нам не продержаться и десяти лет. Так какие же различия, вы говорите, в истории наших миров?

— Две личности. Сталин и Гитлер. В нашей истории они

остались как два кровавых тирана, развязавших самую смертоносную войну в истории. У вас Ста... товарищ Сталин гораздо более вменяем, Гитлер же сидит в тюрьме. Так что вам повезло, у вас Второй мировой не будет.

Вацетис несколько раз выдохнул, достал и убрал портсигар.

— Значит, вы — из будущего...

— Нашего будущего, не вашего.

— Нашего, нашего... А я-то был уверен, что из прошлого...

Мне казалось, что путешествия во времени будут происходить в таком направлении. Буржуазная фантастика меня подвела...

— Какая фантастика? — Сергею показалось, что Вацетис тихо рехнулся, настолько тот погрузился в размышления.

— Товарищ Вышинский. — Вацетис уже пришел к какому-то решению. — Я собирался предложить вам сделку. Прибыть со мной в Москву и позволить... некоторые исследования... в обмен на помощь в поисках артефакта. Вы же знаете, что он в Ленинграде, но точное место вам неизвестно?

— Да, — кивнул Сергей. Известно мне чуть больше, но вам об этом знать необязательно. Как говорят американцы: «Умеешь считать до десяти — остановись на восьми».

— Кстати, что за исследования?

— Ну, — повел рукой Вацетис, — не столько исследования, сколько демонстрация успехов нашего института. К сожалению, за последние пять лет результаты наших поисков выглядят несколько... невпечатляюще. Вернее, их нельзя показать. А книгу Алены вы так нам и не отдали. Так что...

— Нет, никуда я с вами не поеду. Не хватало еще служить экспонатом в засекреченном музее.

— Сейчас ситуация кардинально поменялась. Вы — из будущего, а значит, обладаете некоторыми знаниями о том, что нас ждет...

— Не вас.

— Хорошо, не нас. О том, что нас может ждать, такая формулировка вас устроит?

— Устроит. Меня не устраивает ваше предложение. Я никуда не поеду.

— Почему?

— А смысл? Того, что произошло у нас, у вас не случится, поэтому мои рассказы будут носить чисто познавательный характер...

— Не только. — Вацетис тяжело вздохнул. — Ваш рассказ о войне с немецкими фашистами меня... впечатлил...

— У вас этой войны не будет, как вы не понимаете!

— Это вы не понимаете. Вернее, ошибаетесь. Вы считаете, что войны не будет, потому что товарищ Сталин слишком разумен, чтобы ее развязать, а Гитлер, который достаточно ненормален, сидит в тюрьме? Так?

— Но...

— Вождь, как вы говорите, фюрер немецких фашистов Адольф Гитлер вышел из тюрьмы в декабре прошлого года. Война будет.

Сергей похолодел. Ой, дурак... Дурак беспамятный...

Вспомнился давний знакомый, теоретический нацист. Ведь он же говорил, говорил о том, что Гитлер сидел в тюрьме. Именно там герр Гитлер и написал свою книгу «Майн кампф». Почему, вот почему знания, полученные в жизни, постоянно лежат мертвым грузом и не всплывают даже тогда, когда они нужны просто позарез?

Гитлер — на свободе. Звучит как название дешевого ужастика, но Сергею действительно стало страшно. Гитлер — это война, и фашисты двадцать пятого года уже не кажутся такими гламурными, как в две тысячи десятом.

Может, метнулась шальная мысль, я ошибся? Ошибся с самого начала? И это не альтернативка, а наша реальная история? И впереди — на самом деле война?

Война... Четыре года крови, смертей, миллионы жертв, разрушенные города, сожженные деревни... И победа дорогой, очень дорогой ценой.

Победа?!

Сергея обожгло, как будто окатило кипятком. Победа?! А проиграть в первые же дни не хотите, Сергей Аркадьевич?

В нашем времени были танки, Т-34 и другие, были самолеты, патроны, снаряды, была миллионная армия. И мы чуть было не проиграли. А как СССР будет побеждать в этом мире?

Армия — полмиллиона. Танков — пятнадцать штук. О самолетах и речи нет, Зоя летала на немецком. Вот с этим побеждать?

И самое главное...

Двадцать пятый год слишком уж напомнил Сергею девяностые: тот же разгул преступности, наркоторговля,

взяточничество. Даже террористы и те были здесь.

Все то же самое.

Промышленность развалена. Какие танки, о чем вы? Если даже косы закупаются за границей, если жалкую чернильную мастерскую нужно отбивать от бандитствующих конкурентов, как банковский сейф. Начало производства плугов воспринимается как значительное достижение. И вот с такими успехами, с такой промышленностью — строить танки и самолеты?

Конечно, до войны еще шестнадцать лет и можно было бы надеяться, что промышленность поднимется. Но Сергей все же был реалистом и в невозможное не верил. В Российской Федерации за шестнадцать лет такого скачка, как требуется здесь, не произошло, это при том, что у нас не было разрушительной многолетней войны. Нет, шансов, что здесь удастся построить все необходимые заводы и фабрики, практически нет.

И встретят в сорок первом немцев на границе двадцать танков с башенками и тридцать самолетов, у тех же немцев купленных. И винтовок будет не одна на трех человек, а дай бог если одна на десяток.

Конец. Здешний СССР погиб.

Ему, Сергею, остается только одно...

Сергей с ужасом понял, что сбежать — единственный разумный выход — он не сможет. Под шкурой «Сярежи» не было прежнего Сергея Вышинского ака Вышата, неудачливого менеджера и невезучего ролевика. Эта новая личность была категорически против бегства. Ей хотелось драться.

— Вы так покраснели, — усмехнулся наблюдавший за Сергеем Вацетис, — как будто я сообщил вам о пришествии Сатаны.

— Вы, как никогда, близки к истине, товарищ Вацетис, — медленно прошептал Сергей.

Что делать? Драться? С кем? Со Сталиным? А насколько жесток zdeшний Сталин? Сможет ли он исправить ситуацию? К кому бежать? К Дзержинскому? К Рыкову? К кому?

Кто в этом мире, кроме не совсем нормального Вацетиса, поверит в сказку о пришельце из будущего? Кто?

Что делать?

— Товарищ Вышинский... Вернитесь обратно...

Что-то делать самому? Без чужой помощи? А что? Что ты можешь сделать? Забросать немцев пузырьками с чернилами?

Или...

Да нет, бред.

Убить Гитлера он, Сергей, не сможет. Нет, не в силу моральных качеств. Рука бы не дрогнула, капитан Ждан и бандит Мишка тому свидетели. Не так это будет просто чисто технически.

Это ведь надо попасть в Германию, причем не зная языка, то есть сначала изучить язык...

Найти и перетащить через границу винтовку, перед этим научиться стрелять из нее. Сделать глушитель, оптический прицел...

Кстати, через границу может помочь перебраться дядя Анисим...

Выследить Гитлера, убить и не попасться...

Черт, как все сложно!

— Товарищ Вышинский, что с вами?

Сергей вернулся из планов смертоубийства.

— Я боюсь... Я боюсь, что не справлюсь...

Вацетис встал. Положил на плечо Сергея руку:

— Да... Дерьмовое нас ждет будущее... Если даже такой человек, как ты, Сергей, не верит в помощь других людей. Ты нам все расскажи. — Голос латыша стал мягким, успокаивающим. — А уж мы сообразим, что сделать. Справимся мы с твоим Гитлером, даже не сомневайся...

— Справитесь? — Голос Сергея прямо-таки скрежетал. — Справитесь?! Да вы хоть понимаете, что вас ждет?

— Как что? Война. Думаешь, мы здесь живем и не знаем, что капиталисты на нас рано или поздно нападут. Готовимся мы к войне, гото...

— Готовитесь?! — Сергей вывернулся и вперил взгляд в глаза латыша.

— А что тут за шум по ночам? — В кухню просунулось заспанное лицо незнакомого мужичка.

— Пошел вон! — рявкнули хором Сергей и Вацетис.

Дверь захлопнулась.

— Готовитесь? С полумиллионной армией и десятью танками?

— У нас их не десять...

— Двадцать? Сорок? У немцев их будут тысячи! Знаете, сколько погибнет людей? Двадцать миллионов! Двадцать! В Ленинграде от голода погибнет полмиллиона человек! От голода! В

Германию будет угнано в рабство и там погибнет миллион! Счет смертям пойдет на миллионы... Да что я тебе говорю, ты же не русский, ты латыш...

— Я — не латыш! — рявкнул Вацетис. — Я — большевик!

Он залпом выпил воду из кружки.

— И все погибшие, — продолжил он более спокойным голосом, — граждане и моей страны тоже. Независимо от того, русские они, латыши или якуты. Что еще будет?

Сергей заговорил, тихо и монотонно. Он говорил, а перед его глазами стояли не комедии вроде «Мы из будущего» или «Гитлер капут». Он вспоминал некрасивые, черно-белые, мутные кадры кинохроник.

Он рассказывал о концлагерях, о лагерях смерти. О сожженных заживо, повешенных, расстрелянных. О черноформенных бестиях, спокойно уничтожавших детей и женщин, о добрых солдатах в рогатых касках, не видящих в русских людях — людей. О партизанах, о предателях с белыми повязками. О Матросове, о Зое Космодемьянской, чьи судьбы уже не казались смешными.

— Не верю, — спокойно заявил Вацетис. — Не верю. Не может такого быть.

Сергей задохнулся...

— Но девиз нашего института, — продолжил Вацетис, — «Знать, а не верить».

Он наклонился к Сергею и посмотрел ему в глаза:

— Едем. Расскажешь все, что знаешь...

— Кому? Твоему начальнику? Начальнику института фольклора? Как быстро он доберется до нужных людей?

— Зачем начальнику? Сразу товарищу Дзержинскому. А уж он поможет.

Часть третья Москва

Альтернативка. Теперь можно на сто процентов быть уверенным — это не наша история.

Сергей стоял на Красной площади.

Нет, понятно, что выглядела она не так, как в двадцать первом веке, это никак не доказывало альтернативность истории.

Деревянный мавзолей непривычных очертаний тоже имел вполне логичное объяснение в рамках реальной истории. Ленин умер только в прошлом году, ту гранитную пирамиду, из которой его в нашем времени регулярно пытаются вытащить, за это время точно не успели бы построить. А хоронить где-то нужно.

Можно было бы объяснить даже памятник Минину и Пожарскому не на своем месте: большевики — народ своеобразный и могли по каким-то таинственным причинам таскать памятник туда-сюда по площади.

Но вот этого в мире Сергея большевики не допустили бы точно.

Что там какой-то забытый триколор на крыше дома в Пескове. В столице СССР, в центре Москвы, в двадцать пятом году, на восьмом году советской власти на шпилях башен Кремля — гнезда кровавых большевиков, между прочим, — блестели позолотой двуглавые орлы.

Будь эта история той, о которой Сергею рассказывали на уроках в школе, в газетах, по телевизору, на сайтах, короче, будь эта история нашей, орлы давно уже были бы сбиты из пушек, а тот, кто допустил такую контрреволюцию, был бы расстрелян у Кремлевской стены.

Это не наша история.

Сергей подумал, что у него уже сложилось два образа большевиков. Один, из нашего времени — безликая страшная масса, пьяные, небритые, в кожанках и с маузерами и над ними — Сталин с капающей с пальцев кровью. И второй, здешний.

Здесьние большевики были конкретными людьми. Паша Поводень, Данила, Слава, товарищ Шрам, Катя, Вацетис, Витя... Может быть, они не были добрыми и гуманными людьми — Паша, Витя и Вацетис уж точно, может быть, ради мировой революции они и пошли бы по трупам... Может быть.

Но неужели идти по трупам ради денег правильнее?

— Читайте, читайте! — пробежал мимо мальчишка-газетчик. — Убит красный командир Котовский!

Сергей не обратил внимания. Он еще раз взглянул на нахально торчащих в голубом небе орлов, хмыкнул-кхехекнул и, пробежав немного, запрыгнул в проезжавший мимо трамвай.

От Кремля до Большой Садовой, где Вацетис снял для него комнату, путь неблизкий.

* * *

Солнце уже садилось, узкие переулки погружались если не в темноту, то в некоторые сумерки.

По одному из таких переулков, в синем джинсовом костюме, стуча каблуками высоких шнурованных ботинок, шел Сергей Аркадьевич Вышинский.

В одной из темных подворотен, мимо которой он проходил, качнулись и скрылись обратно во мраке две черные тени.

— Слышь, Пузырь, — прошептала одна из них, — а чего мы этого фраера пропустили?

— А ты чего пропустил?

— Да сначала хотел, а потом чего-то передумалось...

— Потому, Щупарь, что чуйка у тебя есть, только малохольный ты. Зенки его видел? Из них мокрота смотрит. Либо мосол, либо... Я таких у тех, кто с войны пришел, насмотрелся. Либо шпалер за поясом, а под землю меня не тянет, либо все равно бабки добром не отдаст. Меж двух наголо останешься, а то и на мокрый гранд перейдем. Короче, взгляд запомнил? Таких не трогаем.

* * *

Сергей с Вацетисом приехали в Москву вчера под вечер. Латыш отвел Сергея в снятую комнату на Большой Садовой, хотя тот и порывался прогуляться, и запретил выходить, пока не будет дано добро. Остатки демократического свободолюбия требовали непременно нарушить запрет и отправиться на прогулку, однако разум резонно заявил, что, во-первых, мобильников еще не изобрели и Вацетис, не обнаружив Сергея, подумает черт-те что, во-вторых, Сергей и в современной-то Москве этих улиц не знал и легко заблудился бы, а уж в столице двадцатых... Ну и в-третьих, у каждого запрета есть своя причина, и никто не будет запрещать, просто чтобы поиздеваться.

Товарищ Вацетис появился только во второй половине дня, когда Сергей успел познакомиться с обитателями семи комнатешек. Проживали здесь в основном ханурики, в коридоре стоял ощутимый запахок дешевого самогона. Единственным нормальным человеком был появившийся ненадолго синеглазый, лет тридцати с небольшим, человек — доктор Миша, по словам

местных жителей, чем-то похожий на актера Краско в молодости. И то доктор Миша, как выяснилось, съехал с квартиры еще в начале года и просто приходил за справкой к домоуправу.

Вацетису Сергей обрадовался, как родному.

— Ну что, — сел латыш на стул, положив рядом фуражку, — все решено. Завтра с утра я встречаюсь с товарищем Дзержинским, а потом он поговорит с тобой.

— Быстро, — поднял брови Сергей.

— Так мой начальник такие вопросы решает быстро. Наш ИИФ создан по личной инициативе Феликса Эдмундовича и подчиняется непосредственно ему, как главе ВСНХ, поэтому выход на него имеем всегда...

— Товарищ Вацетис, а что у вас за институт? Может, расскажешь? Или это тайна?

— Тайна, тайна... Ну как тайна? Расскажу. Попозже. Вечером. Не обижайся, просто мне нужно еще кое-куда заскочить. Ты, если хочешь, можешь по Москве пройтись. Вечером поговорим.

* * *

На столе, в круге света от керосиновой лампы, стояла сковорода, в которой шкварчала жареная картошка с салом — по словам Вацетиса, любимое блюдо Дзержинского. Между безработным директором чернильной мастерской и начальником департамента таинственного института шел душевный разговор. Под водочку и закусочку.

— Я, Сергей, из семьи рыбаков. Простой, как говорится, как валенок. Ты на то, что я грамотно говорю, не смотри, у меня всего образования — церковно-приходская школа и автомобильный завод. Я на заводе в партию вступил. Потом война, революция, опять война. Воевал в Красной армии... не в латышских стрелках, — зачем-то уточнил Вацетис. — Под Питером от немцев отбивались. Потом Днепр, Крым, Царицын, Кавказ... В двадцатом году ранили, перешел на службу в ЧК. Там меня и заметили, когда ИИФ создавали...

Рассказ лился неспешно.

— ИИФ сам товарищ Дзержинский решил организовать. Как он объяснял товарищам: «Вот вы говорите, колдовство: мол, суеверие, пустые страхи глупых людей... Люди верят в то, что

черти есть, а вы верите в то, что их нет. И у них, и у вас — вера. А нужно — знание. Потому что если они вдруг есть, то в случае чего от них пролетарской сущностью не отмахнешься. Нужно знать точно: либо колдовства нет, и тогда все в порядке, либо оно есть, и тут уж нужно думать — бороться с ним или в упряжку мировой революции впрягать». Я думаю, Сергей, товарищ Дзержинский что-то знал о колдовстве... Ведь пока чего-то не видел, то можешь в это верить или не верить... А вот когда нечисть перед твоими глазами скачет, тут вера ни к чему...

...Сначала институт хотели так и назвать: мол, Институт колдовства. Что изучаем, так и называем. А потом подумали: не хватало еще, чтобы за границей про нас начали слухи распускать: мол, большевики магией занимаются, весь народ околдовали, иначе бы за ними никто не пошел... Дураков много, кто-то да поверит. И так про нас рассказывают, что мы кровь девственниц и младенцев пьем, а на голове у нас рога растут. Вот и назвали Институт истоков фольклора. Что такое колдовство, волшебство, чародейство? Сказки, басни, легенды... Фольклор. А мы изучаем истоки фольклора: что стоит за этими сказками? Ничего? Или же что-то есть?..

...Когда меня в ИИФ отправили, я сопротивлялся: мол, буду я еще глупостями да детскими сказками заниматься. Так нашему начальнику и сказал в лицо. А он, даром что только что на должность встал, — тогда несколько желающих было, но наш начальник успел первым, — собрал всех, а было нас только двенадцать человек, в каждом департаменте по человеку, и рассказал историю...

Ты там в своем будущем о малярии слышал? Что слышал? Что комары малярийными бывают? Правильно, они потому и малярийные, что болезнь эту разносят. Так вот, о комарах, малярии и сказках нам начальник притчу и рассказал.

В девятнадцатом веке никто не знал, как распространяется малярия. Ученые ломали голову, а негры в Африке издавна считали, что эту болезнь комары и разносят. И ученые об этой примете знали, но считали ее пустым суеверием. Мол, то, что время размножения комаров и время распространения болезни совпадает, ничего не значит. Суеверие... Фольклор. И никому и в голову не приходило изучить, что стоит за этим суеверием. Не верили. А если бы проверили, могли бы спасти жизни множеству людей. Так вот, сказал тогда начальник, верить или не верить — не наш путь. Мы

должны знать.

Одна из девушек — есть у нас три — тогда и спрашивает: мол, нужно считать, что вся эта ерунда, медиумы, гороскопы там, домовые и лешие — это все правда? Тогда начальник смотрит на нее и говорит: «Еще раз повторяю, а кто и теперь не поймет, тому в институте делать нечего. Мы не должны верить или не верить. Мы должны знать. А веру оставьте священникам, потому что от нашей веры ничего не зависит. Если кто-то не верит, что комары переносят болезни, от этого они ее переносить не перестанут. Поэтому в золотую рыбку не верьте, пока не проверите».

Ну мы тогда и поинтересовались, что: мол, за рыбка такая. Он тогда еще одну притчу рассказал.

У трона китайского императора как-то заспорили два мудреца о причинах удивительного явления: почему если в ведро с водой опустить золотую рыбку, то вес ведра не увеличится? Спорили, спорили... тут император говорит: «Эй, слуги, а принесите-ка мне ведро с водой, весы и золотую рыбку». Принесли, взвесили ведро без рыбки и с рыбкой. Понятно, что с рыбкой потянуло больше.

«Поняли? — спрашивает нас начальник. — Нам вера ни к чему. Поэтому если вы начнете чему-то верить без проверки — вспомните про золотую рыбку. А если без проверки чему-то не поверите — вспомните про комаров».

Вот я уже пять лет и вспоминаю то про комаров, то про рыбку. Мы тогда сразу поделились по направлениям, чтоб друг другу не мешать. Мне колдуны, колдуньи, ведьмы и знахарки достались. Сколько я их повидал уже... И мошенников, и сумасшедших видел... Да вот только прав начальник про комаров-то...

Работают заговоры. Не все, не всегда, но работают. Я и сам, на что уж всяким бабкиным побасенкам не верил, и то пришлось...

Для меня это началось с самого простого: заговора на изгнание червей из коровы. Никакие рациональные объяснения не подходят, но он действует! Вот тогда я и понял, что не сказки это все...

Многое я изучил, не то что вечера, недели не хватит. Сам научился некоторым вещам, той же «волчьей морде», например. Девчонка-колдунья одна научила...

Нет, не Алена. Алена мне не верила с самого начала. Сам видел, как я с ней бился, чтобы она мне эту книгу отдала. Просто

очень мало книг с заговорами, которые работают. Я вот на след только одной и вышел. А просто отобрать не мог, Алена сразу сказала, что книга заговорена и ее только по доброй воле получить можно. Я рисковать не стал, все быть может, а книга мне была позарез нужна...

...ИИФ уже пять лет работает, а результатов видимых пока нет. То, что я теперь умею людей пугать, — не результат. Вот в Алениной книжке много заговоров нужных было. Тот же от пуль, к примеру. Если он работает, представляешь, скольким красноармейцам жизни спасет?..

Нет, теперь книга мне не очень нужна. Во-первых, Алена много чего рассказала сама. Во-вторых, результат уже есть. Ты — наш результат. Знание о будущем народу спасет не меньше, чем заговоры и заклинания.

В этот момент в коридоре квартиры произошло удивительное событие.

Запел петух.

Нет, сам по себе петух в квартире удивительным не был: Сергей уже видел его, бегающего по коридору, тощего и куцехвостого. Зачем его местные пьянчуги завели — неизвестно. Вот только месяца деревенской жизни Сергею хватило, чтобы узнать — петухи по вечерам не поют.

— Это нам знак от боженьки, — хмыкнул Вацетис, — заканчивайте, ребята, разговоры. Товарищу Дзержинскому невыспавшиеся собеседники с красными глазами без всякой надобности.

Петух запел опять, а потом просто заорал.

Вацетис и Сергей выскочили в коридор. Посередине узкого прохода покачивался пьяный в дрезину сосед. Под мышкой он держал орущего петуха, горстями выдирая перья из и без того жидкого хвоста. Из высказываемых заплетающимся языком претензий Сергей понял, что товарищу с синих глаз показалось, что его петуха опять хотят похитить. Кто его уже пытался украсть, узнать было решительно невозможно, но можно предположить, что предыдущие похитители, как, скорее всего, и нынешние, проходили по разряду зеленых алкогольных чертиков.

Из хвоста петуха вылетела еще одна горсть перьев, но тут уж Сергей среагировал. Выбитый ловким ударом петух взлетел к потолку, хлопая крыльями и засыпая коридор пухом. Птица сделала неуклюжий пируэт и точно вписалась в дверной проем комнаты

Сергея.

Попытавшийся было возмутиться бывший петуховладелец взглянул Сергею в глаза, икнул и, покачиваясь, отправился в свою комнату, на полпути гордо заявив в пространство, что о таком беспрецендентном поступке непременно узнает ОГПУ.

— Спать, Сергей Аркадьевич, спать. А то скоро у нас не только петухи запоют — верблюды и слоны забегают.

* * *

За спиной Сергея закрылась дверь кабинета, в котором он пробыл больше двух часов. Вышинский выдохнул и устало прислонился к стене коридора.

Раньше ему как-то не приходилось встречаться даже с более-менее известными людьми. Что уж говорить об исторических личностях.

Перед внутренним взглядом до сих пор стоял хозяин кабинета. Узкое лицо, небольшая бородка, высокий лоб с залысинами... Черные, глубокие глаза, казавшиеся огромными, как бездонные провалы...

Разговор со Сталиным, разговор с Берией... С товарищем Дзержинским пообщаться слабо?

* * *

Прошло всего ничего после встречи с Дзержинским, и вот он, Сергей, уже сидит на жестком стуле в приемной того, с кем его попросил поговорить глава ОГПУ.

Через несколько минут Сергея ждала встреча с человеком, к которому по собственной доброй воле он не пришел бы никогда. С человеком, который пугал его, как и большинство современных людей.

Сергей находился в приемной Сталина.

Крупная женщина записала его в журнал, заверила: «Товарищ Сталин скоро вас примет», и теперь Вышинский ожидает встречи с «самым кровавым правителем двадцатого века». Который сейчас не был никаким правителем и даже не занимал официальных должностей.

Как ни странно, страха Сергей не испытывал. Его занимали другие, более важные мысли, чем опасение за собственную жизнь.

* * *

Вчера он разговаривал с Дзержинским. Вначале Сергей кратко рассказал историю грядущего, а потом разговор пошел по методу свободных ассоциаций. Что только не упоминалось, Сергею даже не удавалось понять, хочет ли глава ОГПУ что-то узнать или просто пытается составить мнение о нем, Сергее. Дзержинский почему-то заинтересовался пенициллином. Не придумали его еще, что ли? Что за лекарство, да из чего его изготавливают, да что за плесень такая... Сергей и про сам факт существования этой плесени узнал случайно, где уж вспомнить название. А Вацетис, скажем, среагировал на рассказ о Булгакове с кратким пересказом «Мастера и Маргариты». «Кот и Фагот?» — хмыкнул он.

А вот рассказ о грядущей войне не понравился обоим.

И еще одно несколько успокаивало Сергея: Дзержинскому очень не по душе пришелся рассказ о зверствах его преемников. Можно будет надеяться, что хотя бы в этом времени чекистами не будут пугать детей...

* * *

Мысли Сергея крутились вокруг будущего разговора. Особенно его последствий...

Легко потребовать у власти, чтобы она сделала что-то, по вашему мнению, очень-очень нужное. Гораздо труднее задуматься, какими средствами вообще возможно выполнить ваше требование. И уж вовсе невозможно представить, к каким последствиям приведет его выполнение. Большинство и не задумывается. Мол, нам достаточно указать, что делать, а исполнять и минимизировать возможные риски — не наше дело.

Предупредил о будущей войне, вынул товарищ Сталин трубку изо рта, свистнул в два пальца, и вот она — миллионная армия, полностью вооруженная, всем снабженная и обеспеченная, которая погонит немцев на пинках от самой границы.

А вот если включить мозг...

Собрать пять миллионов человек — вообще задача не из легких. К тому же огромная толпа людей еще не есть армия, потому что подавляющее большинство из них вовсе не горят желанием защищать свою собственную страну. Фраза, услышанная Сергеем

от отца: «Государство защищает себя руками своих граждан» — для многих пустой звук. Они считают, что им должны все, они же не должны никому.

Так что, собери пятимиллионную армию, и тебе понадобится еще одна такая же — чтобы первая не разбежалась.

Сергей подумал, что представляет себе все же граждан двадцать первого века. Здесь как-никак — двадцать пятый год. Хотя... Песковские гопники, Иван Абрамович, безбожники из Загорок... Все-таки между нашими временами много сходства...

Да даже пять миллионов горячих патриотов не армия. Голыми руками много не навоюешь.

Нужно оружие, боеприпасы... Танки, самолеты, пушки, снаряды, корабли, подводные лодки, банальные грузовики, чтобы не возить снаряды на лошадях...

Всего этого в двадцать пятом году нет.

И не просто нет. Нет даже промышленности, которая сможет поставить все это в нужных количествах. Что это значит?

Все силы страны будут брошены на создание тяжелой промышленности. Производство из частных рук будет вырвано, чтобы не зависеть от капризов частника и колебаний рынка, чтобы государство могло составлять планы на более-менее продолжительный период, чтобы рабочие руки, которых и без того немного, не уходили на производство фарфоровых слоников и золоченых клеток для канареек. К чему это приведет? Сворачивание нэпа, индустриализация, пятилетки... Прощай, пиво «Баварское», модная одежда, красивая мебель. Все силы — на тяжелую промышленность. Для обеспечения красивой жизни — жалкие остатки.

Прибрав к своим рукам промышленность и организовав ее для выполнения требуемых задач укрепления обороны страны, государство просто не сможет пройти мимо сельского хозяйства. Иначе есть риск в разгар войны узнать, что цены на хлеб и прочие продукты взлетели до небес (кто ж упустит шанс навариться?), а часть зерна и вовсе идет за рубеж, потому что там предлагают больше. Государство начнет организовывать на селе такие же госпредприятия по производству сельхозпродукции, как и в городе. Здравствуй, коллективизация...

Естественно, везде, от крестьянства до высших уровней власти, найдутся недовольные такими преобразованиями. Значит, будет сопротивление. Сначала пассивное. Начнется и бегство за

границу, и перетекание рабочей силы от предприятия к предприятию, и укрывание зерна, и тихий саботаж... А потом будет и активное. Крестьянские восстания, волнения в городах, заговоры, попытки переворота. Государство, если оно, конечно, государство, начнет показывать свою силу. Начнутся аресты, процессы, посадки... Расстрелы. Репрессии. И уж наверняка найдутся среди тех, кто будет подавлять народное недовольство, и те, кто захочет выслужиться перед начальством, изловив на десяток-другой больше заговорщиков, чем другие, и те, кто захочет под шумок повернуть свои делишки... А потом власть может войти во вкус...

Короче говоря, теперь, после того как Сергей рассказал о будущей войне, должно начаться что-то очень-очень похожее на то, что творилось в нашей истории. Коллективизация, индустриализация, милитаризация, репрессии...

Это что же получается, подумал Сергей, если бы не я, ничего бы этого не было? Не было бы расстрелянных, посаженных, насильно переселенных? Значит, во всем этом виноват я?»

Вот тут и задумаешься о цене своих требований...

Может быть, я в нашей истории? Не в альтернативной?

А с другой стороны... Что теперь делать?

Не готовиться к войне? Убедить не проводить коллективизацию, индустриализацию, простить всех недовольных, всех тех, кто шепотками на ночных кухнях подтачивает государство, как крысы днище самого прочного корабля? И при этом не забывать о цене своих слов...

Страна, которая не готова к обороне, до Великой Отечественной может просто не дожить.

Стоит соседям почувствовать слабинку, и начнется вторжение. Для нападения не нужно будет даже придумывать повод вроде «химического оружия» или «не полного соответствия политики страны идеалам демократии». Достаточно будет сказать своим гражданам, что подлые большевики хотят завоевать их земли и заставить всех работать на каторгах, носить одинаковую одежду, а женщин сделать общей собственностью. Объявите это, и ваши граждане сами потребуют начать войну против Советской России.

Свою долю захотят урвать все. Список народов, которые могут прийти на наши земли, узнав о слабости, огромен. Поляки, немцы, финны, французы, румыны, греки, англичане, австрийцы, американцы, испанцы, японцы, турки, итальянцы, китайцы... Или вы думаете, никто из них не напал бы?

Страна будет разделена, как огромный пирог. Та часть, что не присоединится к другому государству, превратится в колонию.

А если сумеешь проскользнуть без войны до сорок первого...

Придет Гитлер.

Концлагеря, расстрелы, виселицы... Для выживших — гетто, в лучшем случае — место неграмотного свинопаса или грузчика. Под властью фашистов жить совсем не так весело, как думают современные нацики, которых в рейхе мигом отнесли бы к «неполноценной расе».

Так что думай, Сергей, думай... Решай, что говорить. И помни о цене своих слов.

* * *

— Товарищ Сталин готов вас принять. — Молодой секретарь, ровесник Сергея, с круглым несимпатичным лицом. — Пройдемте.

Они прошли в соседнюю комнату, где находились два человека — типичный еврей, с черными волосами и крупным характерным носом, и второй, которого Сергей рассмотреть не успел.

Секретарь открыл перед Сергеем вторую дверь:

— Проходите.

Вышинский шагнул внутрь кабинета. Дверь мягко захлопнулась.

Небольшое помещение. После кабинета Дзержинского Сергей и не ожидал увидеть комнату, величиной с футбольное поле, но ввевшийся стереотип кричал, что у более-менее крупного начальника кабинет должен быть как можно больше.

За письменным столом сидел и быстро что-то писал... Он.

Сталин.

Грузин, лет сорока, слегка рыжеватые волосы, крупный нос, лицо, покрытое оспинами, щеточка знаменитых усов... А вот трубки нигде не видно.

— Здравствуйте, товарищ Вышинский. — Акцент чувствовался, но совсем не такой сильный, как в пародиях на Сталина. — Присаживайтесь. Вы, как я понимаю, тот самый «несумасшедший», про которого мне рассказывал товарищ Дзержинский?

А глаза вовсе не желтые. Обычные, светло-карие...

Сергей продолжал торчать у двери.

Сталин. Настоящий. Живой. Кто это такой? Тиран, диктатор, властитель? Преступник? Вождь, полководец, гений? Спаситель?

Кто вы, товарищ Сталин?

— Что же вы молчите? Что у вас за дело? — В голосе Сталина почувствовалось недовольство. Не гнев птицы высокого полета, вынужденной снизойти до быдла. Обычное вежливое недовольство занятого человека, которого оторвали от важного дела по непонятной причине.

Нет. Не злодей и не гений. Не ангел и не дьявол.

Человек, простой и сложный, как все люди.

— Товарищ Сталин, — Сергей принял решение, — мне нужно рассказать вам нечто очень важное...

Эпилог

В кабинете, из которого только что вышел пришелец из будущего, сидели два человека. Чем-то схожие друг с другом, оба высокие, худощавые, с бородками клинышком.

— Что скажете, товарищ Дзержинский? — первым нарушил молчание Вацетис.

Хозяин кабинета помедлил:

— Знаешь, Арвид, мне понравился этот парень... Умные люди, как известно, делятся на две группы — просто умные и слишком умные. Помнишь, кто такие «слишком умные»? Это те, кто считает себя умнее других. Так вот, твой трофей — просто умный.

Дзержинский отпил из стакана в тяжелом серебряном подстаканнике.

— Когда ты сказал, что нашел человека, прибывшего к нам из будущего... Да еще из такого, где нас смогли победить капиталисты... Я ожидал увидеть другого человека. Либо дрожащего от страха перед кровавыми большевиками, которые сейчас его непременно схватят и повесят, предварительно расстреляв...

Глава ОГПУ улыбнулся:

— Представляю, как все эти буржуйские выкормышы должны нас бояться... Либо... Либо пришелец из будущего времени должен смотреть на нас, как на отсталых дикарей, с таким

превосходством в глазах. Мол, я знаю, что будет дальше, а вы нет. Поэтому я буду вам говорить, что вам делать, а вы извольте слушать. Я видел таких людей до революции, образованщину, которые думали, что если они знают сонеты Шекспира и как правильно носить фрак, то они умнее нас.

Дзержинский и Вацетис синхронно усмехнулись.

— Знания, Арвид, даже такие, как знания о будущем, отнюдь не делают человека умнее. Твой парень достаточно умен, чтобы это понимать. Поэтому он, даже зная о грядущей, страшной для него войне, не пытается рассказать нам, что нам нужно делать. Он понимает, что для нас он всего лишь носитель знания. Применять которое будем мы. Так, как мы придумаем.

— Его знания, — вставил Вацетис, — не так уж велики...

— А нам много и не надо. Знаний, которые позволили бы нам построить коммунизм без труда, крови и пота, просто нет. А если сведения твоего парня помогут нам сделать это чуть легче, позволят потратить меньше денег или спасти чуть больше человек, за это ему уже спасибо. Взять хотя бы эту зеленую плесень или двадцать четвертое октября тысяча девятьсот двадцать девятого года... И это то, что я услышал от него в коротком разговоре. Так что если он подумает как следует, то вспомнит еще очень и очень много ценного для нас. А даже если и не вспомнит чего-то конкретного... Он сможет рассказать о том, что для нас намного важнее войны с Германией.

О том, почему в будущем люди предпочтут капитализм. Какие ошибки мы совершили. А мы уж подумаем, как их избежать.

Нам нужно относиться к нему не как к мессии, который покажет, расскажет, научит, вытрет нос и отведет нас к светлому будущему. Как к разведчику, который сумел доставить нам ценные сведения. Разведчик важен, но битву выигрывает не он. И не солдат, замерший в окопе в ожидании атаки, и не артиллерист у пушки, не конник на лихом коне. Даже командир с комиссаром в штабе над картой не выигрывают битву. Один человек, даже самый важный, — ничто. Народ — все.

— Товарищ Дзержинский, сейчас я буду собирать информацию. А что потом делать?

— С парнем? Или вообще?

— Для начала — вообще.

— Для начала нужно будет объединиться со Сталиным. Что-то не нравится мне то, что парень помнит меня только как главу

ЧК. Похоже, жить мне осталось недолго...

Вацетис с неудовольствием покосился на чайный стакан, но промолчал.

— А Сталин в будущем сумел прожить до пятидесятих годов, сумеет и сейчас. Да и то, что он забрал власть из рук всех этих болтунов, и даже товарища Троцкого, многое означает. Серое пятно, говорите, товарищ Троцкий, посредственность...

— Товарищ Дзержинский, вы думаете, Сталин в самом деле превратится в маньяка?

— Не думаю. Если Сталин и начнет массовые расстрелы, значит, так будет нужно для дела революции. Для собственного удовольствия он этого делать не будет. А потом посмотрим. И что делать с Гитлером и со всем остальным... Может, в будущем мы действительно увлеклись быстрыми решениями и перестали составлять долгосрочные планы, может, в этом наша ошибка. Не будем торопиться, такие планы в застольном разговоре не составляются, они требуют многомесячной работы множества людей...

— А с Вышинским?

— С парнем-то? Чем он мне еще понравился: он у нас уже два месяца и при этом не кинулся ко всем и каждому, сообщая, что он из будущего и пытаюсь поймать на этом какую-то выгоду. Напротив, он постарался принести пользу. Чернильная мастерская, новая ручка... Я думаю, человек с такой уверенностью в себе нигде не пропадет...

— Видели бы вы его два месяца назад. Испуганный, растерянный, шарахающийся от всего. Единственное желание — забиться куда-нибудь в угол или немедленно вернуться обратно.

— Время у нас такое бурное. Из кого хочешь человека сделает. В общем, я думаю, рассказывать о том, кто он такой, парень не будет, поэтому пусть сам выбирает путь. Захочет, возьми его в ИИФ, захочет — пусть занимается чернилами... Пусть сам выбирает. И я сильно ошибусь, если он изберет безделье.

— Товарищ Дзержинский... — Вацетис помедлил. — Сказать ему, что он не в каком-то другом мире, а в собственном прошлом?

— Пока не стоит. Дело даже не в том, что он относится к нам с предубеждением. Пока мы все равно не знаем точно, из будущего ли он... — Дзержинский жестом остановил попытавшегося возразить Вацетиса. — Не знаем. То, что предмет,

который он ищет, перебрасывает не из мира в мир, а только из будущего в прошлое и обратно, еще ничего не доказывает. Как там говорит твой начальник, который любит всегда успевать раньше? «Верить или не верить — не наш путь»? Так вот, до двадцать девятого года мы знать не будем. Вот когда убедимся, что он на самом деле из будущего, тогда и скажем...

Дзержинский побарабанил пальцами, пробормотал: «Девяносто первый год, говорите...», потом неожиданно улыбнулся:

— А ведь ты не прав, Арвид. Сергей Вышинский — не из нашего будущего.

— Но...

— Он из того будущего, которое было бы, не окажись он здесь. Вот только теперь мы будем решать, каким быть нашему будущему. Praemonitus praemunitus¹.

* * *

Разумеется, мы могли бы продолжить свой рассказ. Поведать о том, как изменилась история благодаря вмешательству Сергея. Может быть, все изменится, и история мира сектанта Сергея пойдет совсем не так, как у нас. Или же изменений не будет, и случится то, что и случилось у нас. А ведь есть еще и третий вариант: все изменится, но это будет именно наша история...

Кто знает?

Мы могли бы продолжить жизнеописание Сергея. Ведь столько вариантов его дальнейших приключений. Вернется ли он в Песков и продолжит заниматься чернилами? Согласится пойти на службу в ИИФ? Возможно, останется в Москве, чтобы работать вместе с Дзержинским и Сталиным. А может, он уедет в Ленинград, найдет артефакт и вернется назад, в наше время? Или несколько дней промедления окажутся фатальными и ленинградский артефакт навсегда исчезнет из рук Сергея? Или же он догадается, почему он после переноса оказался в лесу и что лежит под землей, у приметного камня, на сорокасантиметровой глубине? Догадается и останется здесь?

¹ Кто предупрежден, тот вооружен (лат.).

Кто знает?

Одно мы можем сказать точно: наш рассказ о Сергее Вышинском, человеке, всю жизнь плывшем по течению, дошел до своего конца.

Водоворот закончился. Теперь Сергей сам будет решать, куда плыть.

Конец